

П. Миллюковъ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

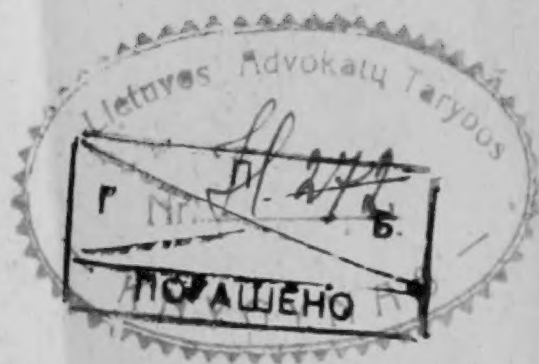
Націонализмъ и европейзмъ

Юбилейное изданіе

ПАРИЖЪ
Изд-во „Современныя Записки“
1930

ln-2178-

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

Исторія второй русской революціи, т. I, вып. I. Противорѣчія революціи; вып. II. Корниловъ или Ленинъ; вып. III. Агонія власти. Софія, 1921-24.

Россія на переломѣ. Большевистскій періодъ русской революціи. Т. I. Происхожденіе и укрѣпленіе большевистской диктатуры. Т. II. Антибольшевистское движеніе. Парижъ, 1927.

Національный вопросъ. Происхожденіе національности и національные вопросы въ Россіи. Библіотека издательства «Свободная Россія», Берлинъ, 1925.

Три попытки. Къ исторіи русскаго лжеконституціонализма. Изд. Франко-русской печати, Парижъ, 1921.

Эмиграція на перепутьѣ. Изд. респ. дем. объединенія, Парижъ, 1926.

Республика или монархія. Изд. респ. дем. объединенія, Парижъ, 1927.

Три платформы респ. дем. объединеній 1922-1924 гг. Политическій комментарий. Изд. р. д. объединенія, Парижъ, 1925.

П. Милюковъ

92-7

867-32

ОЧЕРКИ

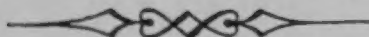
ПО ИСТОРИИ

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Национализмъ и европеизмъ

Юбилейное изданіе

135ч
19

ПАРИЖЪ

Изд-во „Современныя Записки“
106, rue de la Tour, Paris (16e)
1930

11.8. 1930

Tous droits réservés pour tous pays
Всѣ права сохранены за авторомъ.

92-Bm-5368

7

517 869

ОТЪ АВТОРА

Третій томъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» выходитъ въ свѣтъ первымъ въ настоящемъ «юбилейномъ» изданіи. Причина этого та, что онъ требовалъ наименьшихъ измѣненій и дополненій. Больше серьезныя измѣненія въ двухъ первыхъ томахъ вызываються тѣмъ, что изложеніе тамъ будетъ доведено до настоящаго времени. Этого не понадобилось дѣлать въ третьемъ томѣ, представляющемъ историческій очеркъ, кончающійся царствованіемъ Екатерины II.

Наибольше значительныя измѣненія и дополненія, сдѣланныя для настоящаго изданія третьяго тома, вызваны новыми историческими работами. Упомяну лишь о новыхъ біографическихъ данныхъ, освѣщающихъ выдающуюся личность Крижанича, о болѣе тщательномъ изученіи обстоятельствъ дѣятельности Новикова, какъ журналиста и какъ масона; наконецъ, о болѣе отчетливомъ изображеніи генезиса знаменитаго «Путешествія» Радищева.

Я измѣнилъ также подзаголовокъ этого тома. Въ прежнихъ изданіяхъ онъ оглавлялся: «Націонализмъ и общественное мнѣніе». Конечно, націонализмъ есть тоже видъ общественнаго мнѣнія, и противопоставить то и другое было логически неправильно. Это противоположеніе, очевидно, объяснялось политическими настроеніями тѣхъ годовъ, когда писались «Очерки» и когда «націонализмъ» считался не видомъ «общественнаго мнѣнія», а «официальной доктриной, противоположной всякой «общественности»^{*)}). Больше соотвѣтствовало бы принятой въ третьемъ томѣ терминологіи противополжитъ «націонализму» — какъ хранителю традиціонныхъ воззрѣній, «критику», какъ основу воззрѣній, разрушающихъ традицію. Въ этомъ смыслѣ «Очерки» противопоставляютъ «органическій» періодъ созданія традиціи «критическому» періоду ея разложенія. Не отказываясь и теперь отъ этой терминологіи, я, однако, хотѣлъ бы предупредить недоразумѣніе, которое она можетъ вызвать. «Критическій періодъ» есть, конечно, не только періодъ разрушенія стараго, но и созиданія новаго. Мой новый заголовокъ долженъ выразить этотъ оттънокъ. Но что

---

^{*)} Понятіе, сложившееся въ специфически русскихъ политическихъ условіяхъ и на иностранный языкъ непереводимое.

положительное противопоставлялось «национализму» на протяжении всех споров, которые эта доктрина вызывала? Очевидно, «европеизмъ». Въ этомъ смыслѣ я и измѣнилъ свой подзаголовокъ.

Тутъ, однако, тоже можетъ возникнуть недоразумѣніе, которое необходимо заранее разъяснить. Подъ «европеизмомъ» разумѣлось, по большей части, — и особенно въ періодъ, здѣсь излагаемый, — заимствование чуждаго русской жизни иностраннаго начала. Съ этой точки зрѣнія защитники національнаго своеобразія побѣдоносно возражали противъ «европеизма». Въ последнее время даже появился терминъ, желающій увѣковѣчить національное своеобразие, якобы ни къ чему несводимое: евразійство. «Очерки» не стояли и не стоятъ на этой точкѣ зрѣнія, хотя основоположники евразійства иногда и ссылаются на автора «Очерковъ», какъ на теоретика русскаго «своеобразія», пустившаго даже въ оборотъ это слово. Изъ предисловія къ первому тому, такъ же, какъ и изъ всего построенія «Очерковъ» читатель убѣдится, что, наряду съ элементами своеобразія, авторъ выдѣляетъ элементъ общности Россіи съ болѣе счастливыми въ культурномъ отношеніи странами. Европеизмъ, съ этой точки зрѣнія, не есть начало чуждое русской жизни, — начало, которое можно только заимствовать извнѣ, — но собственная стихія, одно изъ основныхъ началъ, на которыхъ эта жизнь развивается, — насколько въ ея «мѣсто-развитіи» даны общіе Европѣ элементы развитія. Къ этому предстваленію ведетъ и самый терминъ «Евразія», если употреблять его научно, а не тенденціозно. Евр-Азія не есть Азія; а есть Европа, осложненная Азіей. Впрочемъ, къ этому вопросу, неслучайно вновь выдвинувшемуся, я вернусь въ новомъ изданіи перваго тома.

Читателю, незнакому съ «Очерками», я напомню, что каждый томъ «Очерковъ» составляетъ законченное цѣлое, и читать третій томъ онъ можетъ, не дожидаясь появленія предыдущихъ, — которое, впрочемъ, не замедлитъ.

Парижъ, декабрь 1929.

ВВЕДЕНИЕ.

Развитіе соціального самосознанія — предметъ третьей части «Очерковъ». Односторонность пониманія «народнаго самосознанія» у нѣкоторыхъ предъидущихъ писателей. — Различеніе въ «народномъ самосознаніи» — «національнаго» и «общественнаго». — Ошибочность стараго пониманія «національности». — Современное ученіе объ отношеніи національности къ «расѣ». — Вопросъ о зависимости ея отъ географическихъ условій. — Національность — понятіе соціальное. — Психическое взаимодействіе — основа соціальныхъ явленій вообще и національности въ частности. — Языкъ — какъ органъ психическаго взаимодействія. — Измѣнчивость языка. — Религія, какъ символъ національности. — Національное сознаніе отчасти само создаетъ свое содержаніе. — Раннія стадіи въ развитіи національнаго самосознанія. — Періодъ военной борьбы за формиро- ваніе націи. — Соотвѣтствующая ему стадія національнаго самовозвеличе- нія; ея религіозная санкція и соціальное значеніе послѣдней. — Условія, опредѣляющія направленіе и степень дальнѣйшаго развитія обществен- наго самосознанія. — Происхожденіе, распространеніе и результаты кри- тическаго воззрѣнія. — Отношеніе сказаннаго къ темѣ третьей части «Очерковъ». — Начала русскаго самосознанія по понятіямъ за- щитниковъ вѣчевого быта и московскаго самодержавія. — Вопросъ объ отношеніи вѣчевого быта къ московскимъ порядкамъ. — Разница формъ національнаго самосознанія той и другой эпохи. — Вопросъ объ участіи общественнаго сознанія въ выработкѣ московскихъ порядковъ. — Сте- пень активности «передаточной роли» психическихъ элементовъ процес- са. — Въ какомъ смыслѣ можно говорить о «цѣлесообразности» возник- новенія московскаго государства? — Допускаемъ-ли мы техническую, ор- ганическую или психологическую цѣлесообразность? — Предполагаетъ- ли послѣдняя «общественный договоръ»? — Какъ понимаемъ мы роль и н д и в и д у а л ь н ы х ъ условій, способствовавшихъ возникновенію московскаго государства? — Принадлежитъ ли къ ихъ числу внѣшняя

опасность — или только тотъ моментъ, когда она начала ощущаться? — Роль «чисто субъективныхъ интересовъ и стремленій» въ процессѣ образованія московскаго государства. — Выводъ: непрерывную исторію русскаго національнаго самосознанія слѣдуетъ начинать съ конца XV вѣка.

Въ двухъ первыхъ томахъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» мы начали рассказъ съ изложенія стихійныхъ или полусознательныхъ историческихъ процессовъ, развитіе и общій ходъ которыхъ опредѣлялись не сознательнымъ выборомъ или рѣшеніемъ общества или его представителей, а внутренней тенденціей этихъ процессовъ и внѣшней средой. Мы прослѣдили каждый изъ этихъ процессовъ до конца и могли убѣдиться, что, по мѣрѣ приближенія къ современности, всѣ они становятся болѣе сознательными.

Та или другая степень сознательности есть, конечно, во всякомъ социальномъ процессѣ, такъ какъ всѣ социальные явленія происходятъ въ психической средѣ. Но «общественное» самосознаніе предполагаетъ наличность извѣстнаго механизма, посредствомъ котораго индивидуальное сознаніе становится общественнымъ. Чѣмъ совершеннѣе этотъ механизмъ, тѣмъ быстрѣе происходитъ передача, — и тѣмъ скорѣе и цѣлесообразнѣе общественная мысль реагируетъ на получаемые ею импульсы. Напротивъ, чѣмъ механизмъ передачи примитивнѣе, тѣмъ болѣе моментъ передачи отстаетъ отъ момента усвоенія; тѣмъ болѣе запаздываетъ усвоеніе вывода общественнымъ самосознаніемъ, тѣмъ труднѣе замѣнить въ общественномъ сознаніи этотъ выводъ другимъ, новымъ и тѣмъ труднѣе, стало быть, приложить его практически къ окружающей дѣйствительности. Степень соотвѣтствія между дѣйствительностью и ея отраженіемъ въ общественномъ сознаніи, можетъ быть, поэтому, чрезвычайно разнообразна. При неразвитости механизма для передачи и для усвоенія общественной мысли, эта степень соотвѣтствія бываетъ обыкновенно крайне низка. Вотъ почему, хотя наличность и непрерывность общественного самосознанія есть социальный фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, но было бы верхомъ заблужденія ограничивать изученіе социальныхъ процессовъ областью того, что общественно-сознано. Тѣмъ болѣе ошибкой было бы искать у общественного самосознанія отвѣтовъ на наши собственные научные вопросы о причинахъ тѣхъ или другихъ социальныхъ явленій.

Общественное самосознаніе само есть одно изъ такихъ социальныхъ явленій. Оно находится въ неразрывной связи со стихійными

процессами, изучавшимися въ первыхъ двухъ частяхъ, и, подобно имъ, оно подлежитъ закономѣрному объясненію. Передъ историческимъ трибуналомъ общественное самосознаніе не можетъ фигурировать не только въ роли судьи или адвоката, но даже и въ роли простого свидѣтеля, призваннаго констатировать факты. Оно скорѣе является предметомъ разбирательства. Его дѣянія должны быть установлены, взвѣшены и оцѣнены при помощи данныхъ и приемовъ, независимыхъ отъ его собственныхъ показаній.

Этотъ взглядъ диаметрально противоположенъ тому, который очень часто примѣнялся при изученіи исторіи «народнаго самосознанія». Самый этотъ терминъ слишкомъ долго оставался монополіей создавшаго его міровоззрѣнія. По духу этого міровоззрѣнія, все вопросы національной жизни должны были рѣшаться простой справкой съ тѣмъ, что говоритъ или какъ думаетъ объ этомъ «народное самосознаніе». Содержимое народнаго самосознанія рѣшало въ послѣдней инстанціи важнѣйшіе вопросы народной жизни — и считалось при этомъ неподлежащимъ анализу. Оно вѣдь было дано исконы, было отъ вѣка вложено въ сознавшій себя народъ.

Предметомъ подобнаго «самосознанія» являлся, по необходимости, общественный типъ, сложившійся въ прошломъ. И ссылка на «народное самосознаніе» получала смыслъ защиты этого традиціоннаго типа отъ всякихъ покушеній на его измѣненіе. На самомъ дѣлѣ только такимъ, — т. е. запоздалымъ и традиціоннымъ — и могло быть содержимое «народнаго сознанія» въ тотъ періодъ, когда отсутствовали всякія цѣлесообразныя приспособленія для выработки общественной мысли. Въ народномъ сознаніи, по закону контраста, запечатлѣвалось въ то время преимущественно то, что составляло особенность, отличие данной національности отъ сосѣднихъ. Этотъ *национализмъ* переносился затѣмъ изъ области вѣншей политики въ область внутренней. Однако же дальнѣйшія усовершенствованія въ приемахъ выработки общественной мысли должны были рано или поздно, привести къ измѣненію этого стараго содержанія «народнаго самосознанія». Изъ «*національнаго*» оно становилось «*общественнымъ*». Мы разумѣемъ подъ этимъ большее вниманіе къ внутренней политикѣ, лучшее пониманіе требованій жизни въ этой области и болѣе активное, волевое отношеніе къ этимъ требованіямъ.

Только что отмѣченные два отгѣнка въ содержаніи «народнаго самосознанія» знаменуютъ собою два послѣдовательныхъ момента въ развитіи этого содержанія. «*Національное*» самосознаніе психологически и хронологически является первымъ моментомъ развитія, а

«общественное» самосознаніе — вторымъ. И носителями того и другого являются не одніѣ и тѣ же общественныя группы. Простая справка съ политической терминологіей передовыхъ странъ Европы покажетъ, что хранителями «національнаго» самосознанія являлись и еще являются группы, программа которыхъ имѣетъ цѣлью сохраненіе остатковъ прошлаго, тогда какъ выразителями «общественнаго» самосознанія становились другія группы, занятыя устройствомъ лучшаго будущаго. «Національное самосознаніе», такимъ образомъ, представляется съ характеромъ болѣе или менѣе охранительнымъ, тогда какъ «общественное самосознаніе» носитъ характеръ по преимуществу реформаторскій.

Представленіе о національности, какъ о хранительницѣ традицій прошлаго, коренилось въ увѣренности, будто «національность» есть иѣчто неизмѣнное, неразрывно связанное съ плотью и кровью народа, съ его физической организаціей. Однако, такое мнѣніе могло держаться лишь до тѣхъ поръ, пока наши свѣдѣнія объ исторіи народовъ ограничивались предѣлами самаго короткаго, исторически-извѣстнаго, періода исторіи жизни человѣчества. Чѣмъ больше наука углубляется въ доисторическую тьму, тѣмъ яснѣе становятся, что, въ сущности, современные «національности» самый поздній изъ продуктовъ исторической жизни. И то, что говоритъ объ этомъ современная антропологія и доисторическая археологія, сполна подтверждается выводами современныхъ соціологовъ.

Прежде всего, надо считать безвозвратно прошедшимъ то время, когда можно было искать неизмѣнной основы національности въ естественно - историческомъ понятіи «расы». Не говоримъ уже о томъ, что *чистую* «расу» можно въ настоящее время встрѣтить лишь тамъ, гдѣ есть искусственный подборъ (напр., лошадей, собакъ). На свободѣ, въ природѣ, мы встрѣчаемъ всегда лишь смѣшанныя расы. При этомъ начало смѣшенія мы должны возводить къ самымъ первымъ временамъ существованія человѣчества. Но даже если мы возьмемъ вторичные продукты этихъ древнѣйшихъ смѣшеній, все еще доисторическія «расы», отличающіяся большимъ или меньшимъ преобладаніемъ извѣстныхъ анатомическихъ и фізіологическихъ признаковъ (длиннаго или широкаго черепа, высокаго или низкаго роста, круглой или овальной формы, а также темнаго или свѣтлаго цвѣта волосъ и глазъ), то мы увидимъ, что, во-первыхъ, самые эти признаки не оставались неизмѣнными на протяженіи исторіи (особенно ростъ и цвѣтъ волосъ и глазъ), а во-вторыхъ даже и самыя позднія изъ такихъ фізіологическихъ измѣненій все-таки соверши-

лись до образованія извѣстныхъ намъ «національностей». Современные національности объединяють въ себѣ людей самаго разнообразнаго физическаго строенія, т. е. самыхъ чуждыхъ другъ другу расъ. Съ другой стороны, одна и таже первоначальная «раса» — служитъ въ настоящее время физическимъ матеріаломъ для самыхъ разнообразныхъ національностей, не имѣющихъ между собой ничего общаго. Антропологи все рѣшительнѣе приходятъ къ выводу, что длинноголовая раса составляла древнѣйшее населеніе Европы, родственное африканскому и отодвинутое впоследствии на сѣверъ и на югъ Европы пришедшей изъ Азіи короткоголовой расой, которая врѣзалась клиномъ въ среду этого старѣйшаго населенія. Между тѣмъ, теперь обѣ расы одинаково входятъ въ составъ и англійской и французской, и нѣмецкой и итальянской національностей. Потомки первобытныхъ длинноголовыхъ оказываются эскимосами въ полярныхъ странахъ, скандинавами въ сѣверной, испанцами и итальянцами въ южной Европѣ. И такъ, говорить о «расовомъ» различіи національностей въ наше время было бы непозволительнымъ анахронизмомъ, свидѣтельствующимъ только о недостаточномъ знакомствѣ съ современнымъ состояніемъ науки.

Гораздо больше, чѣмъ «кровь», въ созданіи современныхъ національностей должна была участвовать «природа», окружающая обстановка, т. е., главнымъ образомъ, климатъ, затѣмъ почва и другія географическія условія. Этимъ условіямъ среды приписывалась главная роль въ процессѣ физическаго преобразованія типа: въ превращеніи, наприм., низкаго роста въ высокій или темнаго цвѣта въ свѣтлый. Теперь и въ этомъ отношеніи происходитъ нѣкоторая реакція. Какъ бы то ни было, сколько нибудь видные результаты воздѣйствія географической среды тоже лежатъ дальше тѣхъ хронологическихъ предѣловъ, къ которымъ мы можемъ отнести происхожденіе современныхъ «національностей». То же самое придется, вѣроятно, сказать и о психо-физиологическихъ различіяхъ народовъ, сложившихся подъ климатическими и др. географическими вліяніями. Въ популярной рѣчи мы постоянно говоримъ о «южномъ» или «сѣверномъ темпераментѣ» той или другой національности или различныхъ частей одной и той же національности. Очевидно, мы не ставимъ ни въ какую связь подобныя отличія темпераментовъ съ національностями. И дѣйствительно, напр., «южный темпераментъ» есть свойство, которое сближаетъ въ одну группу представителей самыхъ разнообразныхъ національностей Европы: испанцевъ, итальянцевъ, грековъ, жителей южной Германіи, Франціи, Россіи и т. д.

Чему же обязаны «національности» своимъ происхожденіемъ, если «кровь» совѣтъ не участвовала, а «природа» только отчасти участвовала въ ихъ созданіи? Въ противоположность прежнимъ толкованіямъ, необходимо настойчиво подчеркивать, что «національность» есть понятіе не естественно-историческое и не антропогеографическое — а чисто *соціологическое*.

Современные соціологи спорятъ о томъ, какой основной признакъ отдѣляетъ соціальное явленіе отъ не-соціального. Но среди этихъ споровъ можно, какъ кажется, уловить общій центръ, къ которому тяготеютъ различныя предложенныя соціологами объясненія того, что слѣдуетъ понимать подъ соціальнымъ явленіемъ. Можно считать прежде всего окончательно выясненнымъ тотъ пунктъ спора, на которомъ самая возможность выдѣленія специфически-соціальныхъ явленій отъ явленій сосѣднихъ наукъ подвергались сомнѣнію. Ни къ чистой *механикѣ*, ни къ чистой *біологіи* свести объявленія соціальныхъ явленій не удалось. И если неясна еще граница между *психологіей* и соціологіей, то только потому, что чисто-индивидуальная психологія оказывается все болѣе и болѣе нераздѣльной отъ соціальной, такъ что, въ концѣ концовъ, рискуетъ окончательно раствориться въ последней. Это не значитъ еще, конечно, чтобы мы готовы были принять существованіе нѣсколько мистической «коллективной души», вмѣстѣ съ ея защитниками. Напротивъ, индивидуальное сознаніе, несомнѣнно, является единственнымъ носителемъ коллективнаго сознанія. Мы даже не знаемъ, что осталось бы въ немъ, если бы исключить изъ него все, принадлежащее коллективному сознанію.

Соціологъ Гиддингсъ, со свойственной ему схематичностью, пробовалъ отдѣлить индивидуальную психологію, какъ «науку объ ассоціаціи идей» отъ соціологій, какъ «науки объ ассоціаціи умовъ». Но здѣсь, какъ часто бываетъ у этого писателя, различіе могло быть проведено только теоретически. Гиддингсъ слишкомъ глубокій писатель, чтобы не признать, что на дѣлѣ безъ «ассоціаціи умовъ» самая «ассоціація идей» не могла бы развиваться до созданія языка, при помощи котораго становится возможнымъ отдѣленіе общихъ понятій отъ представленій и сочетаніе ихъ въ предложенія. Нельзя не принять свѣтлой мысли Гиддингса, что эта ступень развитія, на которой человѣкъ сдѣлался человѣкомъ, достигнута уже въ результатѣ могущественнаго дѣйствія соціальной группировки, т. е. что общественная жизнь явилась необходимымъ предварительнымъ условіемъ, безъ котораго не могъ появиться языкъ и не могла создаться чело-

вѣческая индивидуальная психика. Но, принявъ эту мысль, мы тѣмъ самымъ находимъ коренной признакъ, отдѣляющій соціальныя явленія отъ не-соціальныхъ. Соціальная группировка создаетъ средства психологическаго взаимодействія. Такимъ образомъ, *психическое взаимодействие умовъ* со всѣми приемами и результатами этого взаимодействія и является основной чертой, отличающей соціальную группу явленій отъ всѣхъ другихъ.

Правда, эта черта, опредѣляющая особенность соціальныхъ явленій, казалось многимъ соціологамъ еще чересчуръ общей. Они искали другого, болѣе частнаго опредѣленія. Такъ, напр., одинъ изъ *приемовъ* психическаго взаимодействія, именно подражаніе, послужилъ выдающемуся французскому соціологу Тарду основаніемъ для цѣлой соціологической системы. Несомнѣнно, однако, что это именно лишь *одинъ* изъ приемовъ. Односторонній характеръ «подражанія» предполагаетъ слишкомъ рѣзкое различіе между тѣмъ, кто подражаетъ, и тѣмъ, кому подражаютъ. Психическое взаимодействие взято здѣсь въ слишкомъ узкомъ смыслѣ. И понятно, что на такой односторонней основѣ могла быть построена лишь односторонняя же теорія. Съ такой же односторонностью, одинъ изъ *результатовъ* психическаго взаимодействія, «сознаніе принадлежности къ одному и тому роду», былъ выдвинутъ, какъ коренной признакъ общественной ассоціаціи, Гиддингсомъ. Односторонность такой формулировки, какъ исключительно субъективной, оставляющей въ сторонѣ объективную сторону, — такъ сказать, движущую пружину явленія, была уже указана Гиддингсу Тардомъ. Третій подобный случай: нѣмецкій ученый Штамmlеръ хотѣлъ обратить преимущественное вниманіе на *цѣль* всякаго соціальнаго взаимодействія, и призналъ *единственной* цѣлью взаимодействія установленіе правовыхъ нормъ взаимныхъ отношеній. И эта попытка опредѣленія кореннаго признака соціальныхъ явленій сводится къ выдѣленію *одной* изъ разновидностей психическаго взаимодействія, не исчерпывающей его вполне. Это уже замѣтилъ Штамmlеру одинъ изъ его нѣмецкихъ рецензентовъ. Какъ бы то ни было, всѣ названные соціологи сходятся въ одномъ: идея психическаго взаимодействія лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ опредѣленій. И даже Гумпловичъ, проводящій рѣзкую границу между психическими и соціальными явленіями, и считающій возможнымъ въ основу соціологическаго объясненія положить только соціологическій же фактъ (не индивидуума, а соціальную группу), — даже Гумпловичъ вынужденъ былъ — отдѣлить явленія психическаго взаимодействия (а таковыми являются языкъ, религія, право, обычаи и

т. д.), въ особую группу — явленій «соціально-психическихъ». При большей широтѣ взгляда онъ долженъ былъ бы отнести сюда и тѣ явленія (соціальная группа, государство), которыя онъ отводитъ въ особую рубрику — явленій чисто «соціальныхъ». Въ недавнее время была сдѣлана еще попытка — отдѣлить понятіе «взаимодѣйствіе» отъ понятія «психическое», т. е., *объективный* признакъ, какъ единственно научный, отъ *субъективнаго* — отъ состоянія нашего сознанія, сопровождающаго дѣйствіе. Соціологія сводилась, такимъ образомъ, единственно къ явленіямъ человѣческаго *поведенія* (по англійски *behaviour*, отсюда и названіе этой теоріи *behaviourism*). Основанное въ своемъ источникѣ на изученіи безсознательныхъ рефлексовъ, обшихъ человѣку съ животными, это ученіе, несомнѣнно, заслуживаетъ большаго вниманія. Но столь же несомнѣнно, что и оно искусственно сужаетъ область соціальныхъ явленій, стремясь перейти прямо отъ біологіи къ соціологіи и устранить параллелизмъ психическаго и фізіологическаго началъ, объединяемыхъ соціологіей въ общемъ синтезѣ. Методъ «бехэвиористовъ», конечно, имѣетъ большое значеніе, какъ вспомогательный; но онъ не можетъ быть методомъ исчерпывающимъ и не устраняетъ изученія коллективной психологіи методами внутренняго наблюденія и экспериментирования.

Легко замѣтить, что ни одна изъ перечисленныхъ формулировокъ не исключаетъ другой — и не исключаетъ также возможности новыхъ формулировокъ подобнаго же рода, т. е. основанныхъ на одномъ и томъ же коренномъ признакѣ — психическаго взаимодѣйствія. Уже изъ одного этого можно было бы заключить, что всѣ эти формулировки грѣшатъ не столько ошибочностью, сколько неполнотой и односторонностью.

Для нашей цѣли, т. е. для выясненія понятія національности, какъ чисто соціальнаго, достаточно остановиться на общемъ, включающемъ всѣ другія опредѣленія соціальныхъ явленій, — какъ явленій психическаго взаимодѣйствія. Национальность есть соціальная группа, располагающая такимъ единственнымъ и необходимымъ средствомъ для непрерывнаго психическаго взаимодѣйствія, какъ языкъ, и выработавшая себѣ постоянный запасъ однообразныхъ психическихъ навыковъ, регулирующихъ правильность и повторяемость явленій этого взаимодѣйствія. Изъ этого опредѣленія сама собой вытекаетъ важность языка для національности. Можно даже сказать, что языкъ и національность — это понятія если не тождествен-

ныя, то вполне покрывающія одно другое. Предѣлы одного — тождественны съ предѣлами другого. Даже продолжительное раздѣленіе одноязычной группы между различными государствами не можетъ уничтожить въ ея членахъ «сознанія рода», пока уцѣлѣлъ языкъ. Точно также, и разноразичныя соціальныя группы не могутъ даже при продолжительномъ сожителствѣ внутри одной политической группы слиться въ одну національность, пока не слились ихъ языки. «Тотъ, кто говоритъ на двухъ языкахъ, есть измѣнникъ», — это политическое правило первобытныхъ племенъ какъ нельзя лучше подчеркиваетъ важность, которую инстинктивно придавала единству языка государственная мудрость того времени. А борьба за государственный языкъ, какъ за самое могущественное средство слиянія съ господствующей національностью, и отчаянное противоудѣйствіе, которое оказываютъ этому національныя меньшинства въ разныхъ странахъ Европы, напоминаютъ намъ, что и до нашего времени тѣснѣйшая связь языка и національности признается основной аксіомой не въ однихъ только соціологическихъ трактатахъ. И самая напряженность, которой недавно еще достигала борьба за языкъ (напр. въ Турціи или Австріи), доказываетъ, что обѣ борющіяся стороны не считали результатъ борьбы рѣшеннымъ, а считали его вполне зависящимъ отъ ихъ сознательныхъ усилій. На самомъ дѣлѣ, языкъ, этотъ коренной признакъ національности, оказывается далеко не прочнымъ ея достояніемъ. Два или три поколѣнія, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ быть достаточны, чтобы превратить одну «национальность» въ другую. На нашихъ глазахъ цѣлыя области, напр. Македонія, подвергались и продолжаютъ подвергаться этому «соціологическому» эксперименту. Пишущій эти строки могъ лично наблюдать, какъ въ турецкихъ областяхъ армяне, греки и славяне превращались въ турокъ (въ Малой Азіи), болгары въ «грековъ» и обратно въ болгаръ, тоже и албанцы. Тотъ же законъ приводилъ къ постепенной денаціонализации всѣхъ эмиграцій: на немъ основанъ громадный фактъ созданія новой американской національности. Итакъ, языкъ, — этотъ основной и наиболѣе существенный признакъ національности, носитель всѣхъ связанныхъ съ ея понятіемъ ассоціацій, — оказывается явленіемъ въ высшей степени хрупкимъ и преходящимъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и населеніе Европы, съ древнѣйшихъ временъ пережившее множество переселеній, завоеваній и смѣшеній, могло много разъ переменить свой языкъ, оставаясь въ то же время антропологически тѣмъ, чѣмъ было и прежде. Это наблюденіе окончательно разъясняетъ, почему

нельзя искать никакого соответствия между языкомъ (а слѣдовательно и національностью) и «расой».

То, что сказано о языкѣ, тѣмъ болѣе вѣрно по отношенію къ другимъ явленіямъ, представляющимъ изъ себя не орудіе и не средство психическаго взаимодействія, а его результаты. Въ національномъ самосознаніи, напр., религія является часто столь же существенной, и представляется столь же коренной и исконной чертой національности какъ и языкъ. Въ данномъ случаѣ, однако, опять голосъ самосознанія можетъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе. Лица, жившія прежде и теперь на Балканскомъ полуостровѣ, могутъ засвидѣтельствовать, напр., какое огромное значеніе имѣла религія въ христіанскихъ областяхъ, пока онѣ оставались подъ турецкой властью, — и какъ равнодушно стало относиться къ той же религіи население областей, добившихся національной независимости. Явленіе это, повторявшееся не разъ и въ прошломъ, можетъ свидѣтельствовать объ одномъ: религія въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, цѣнилась не по внутреннему своему значенію, а какъ символъ соціальной обособленности неповѣдующаго ее населенія. Соціальная роль религіи въ этихъ случаяхъ можетъ быть огромна, и въ то же время вѣропознательное ея значеніе сводится къ нулю.

Итакъ, все существенное содержаніе «національнаго самосознанія» при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается вовсе не заимствованнымъ изъ какихъ-либо реальныхъ свойствъ людей. Эти реальные свойства анатомическія, фізіологическія и т. д., остаются нетронутыми и, въ предѣлахъ одной и той же національности, очень различными. Національное самосознаніе выводитъ свою постройку *надъ* этимъ фундаментомъ, не обращая никакого вниманія на его распланировку. Весь свой матеріалъ оно беретъ изъ самого себя. То же самое психическое взаимодействие, которое составляетъ необходимое условіе національнаго сознанія, въ концѣ концовъ служитъ для распространенія выработаннаго этимъ сознаніемъ понятія о самомъ себѣ, т. е. объ отличіяхъ національнаго типа, — обыкновенно, въ рѣзкихъ, ланидарныхъ чертахъ. Нечего и говорить, что національными отличіями оказываются тѣ, которыя запечатлѣваются, какъ такія, въ національномъ сознаніи. А такъ какъ процессъ работы національнаго сознанія вездѣ одинъ и тотъ же, то и вырабатываемый имъ продуктъ, понятіе о собственномъ національномъ типѣ, въ главныхъ чертахъ повсюду болѣе или менѣе однороденъ. Помимо частныхъ чертъ, подсказываемыхъ мѣстными условіями, по-

пятье національнаго типа вездѣ отражаетъ на себѣ характеръ создающей его эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, очень важно отмѣтить, что и эпоха, когда социальное самосознаніе дѣлаетъ предметомъ наблюденія собственныя національныя черты, приблизительно однородна у самыхъ различныхъ социальныхъ группъ. Сознаніе объ особенностяхъ своего типа не бываетъ отчетливымъ въ періодъ племенной жизни: отчасти, можетъ быть, потому, что социальныя группы въ этотъ періодъ слишкомъ drobны и слишкомъ однородны, такъ какъ вращаются среди себѣ подобныхъ группъ того же языка. «Сознаніе рода», конечно, уже существуетъ и въ эту эпоху: оно имѣется на лицо даже и въ животныхъ обществахъ. Но объективное выраженіе этого сознанія не идетъ въ эпоху племенной жизни дальше легендъ объ единомъ родоначальникѣ племени или о братьяхъ родоначальникахъ племени, сознающихъ свою національную близость. Въ болѣе сложныхъ формахъ національное самосознаніе развивается тогда, когда начинается территориальное объединеніе племенъ, и особенно въ тотъ моментъ, когда процессъ этого объединенія самъ собой приводитъ данную национальную группу въ столкновеніе съ сосѣдними, несходными съ нею. Языкъ, иногда и физическій типъ являются въ такомъ случаѣ основными причинами сознанія несходства. Но нужна значительная привычка къ отвлеченному мышленію, чтобы привести въ связь сознаніе национальной особенности съ этими истинными, вызывающими его причинами. Наиболѣе легкій и элементарный приѣмъ социального мышленія состоитъ въ томъ, что сознаніе несходства прикрѣпляется къ какому-нибудь болѣе наглядному, но и болѣе вѣдшему признаку. Племенная религія расширяющаяся въ національную по по мѣрѣ территориальнаго роста, обыкновенно становится первымъ такимъ признакомъ, на который опирается зарождающееся сознаніе племенного несходства. Къ этому религіозному признаку, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія социального самосознанія, приурочиваются и другіе. Общественный и политическій строй данной группы, ея нравственный обликъ, наконецъ, даже ея территорія, все это становится подъ защиту религіи въ ея мѣстной, национальной формѣ: все это объявляется «святымъ». И самая эта религіозная окраска национальныхъ отличій, ихъ интеграція въ національномъ сознаніи подъ покровомъ религіи, даетъ устанавливаемому такимъ образомъ национальному типу огромную силу распространенія. Здѣсь вступаетъ въ свою роль безсознательное подражаніе, ассимилирующее выработанному типу вновь присоединяемыя областныя группы. Национальное

517869

самосознаніе само является, такимъ образомъ, факторомъ, реализующимъ свою идею.

Дальвйшая эволюція народнаго сознанія, подобно эконоической, политической, религіозной и т. д. эволюціямъ, находится въ зависимости отъ историческихъ условій, среди которыхъ протекаетъ жизнь той или другой націи. Въ самомъ началѣ «Очерковъ» мы признали возможность остановки всѣхъ этихъ эволюцій на одной изъ раннихъ ступеней, — въ случаѣ, напримѣръ, остановки роста населенія. Подобную-же остановку вполне возможно предположить и въ процессѣ развитія общественнаго самосознанія. Все что задерживаетъ процессъ образованія національности и протягиваетъ періодъ войнъ, неразлучныхъ съ такимъ процессомъ; все, что препятствуетъ процессу внутренняго расчлененія данной національности на группы, классы, сословія; наконецъ, все что мѣшаетъ быстрому психическому обмѣну и, слѣдовательно, взаимодействию и борьбѣ разныхъ общественныхъ взглядовъ и типовъ мысли, вызванныхъ этимъ внутреннимъ расчлененіемъ, — все это можетъ приостановить развитіе соціального сознанія на той низшей ступени, до которой оно доходитъ въ періодъ національнаго объединенія и на которой закрѣпляется неподвижной религіозной санкціей.

Но мы повсюду въ «Очеркахъ» имѣли въ виду не этотъ, возможный, конечно, случай остановки эволюціоннаго процесса. Мы имѣли въ виду тотъ нормальный случай, когда историческія обстоятельства благопріятствуютъ полному осуществленію эволюционирующей общественной тенденціи. Для болѣе полной эволюціи общественнаго самосознанія необходимы слѣдующія условія: во-первыхъ, ослабленіе военной дѣятельности націи; во-вторыхъ, извѣстная степень разнообразія интересовъ внутри націи, при достаточной густотѣ населенія, дѣлающей возможнымъ болѣе или менѣе быстрый психологическій обмѣнъ между личностями и группами. Сюда присоединяется, въ-третьихъ, условіе, не необходимое логически, но обыкновенно сопровождающее два первыхъ: именно, извѣстная степень мирнаго психологическаго взаимодействия между данной группой и чуждыми ей сосѣдними національностями. Ближайшее знакомство съ чужимъ національнымъ типомъ бываетъ на практикѣ первымъ толчкомъ, вызывающимъ перемѣны въ сложившейся формѣ національнаго сознанія. Эпоха самовозвеличенія смѣняется эпохой самокритики. Вниманіе части общества, наиболѣе заинтересованной въ перемѣнахъ, обращается отъ виѣшней національной борьбы къ внутреннему общественному строю. Такъ какъ виѣшняя борьба за территорію, обыкно-

венно, далеко еще не успѣваетъ закончиться къ тому времени, когда начинается только-что описанная смѣна состояній общественнаго сознанія, и такъ какъ другія національныя условія тоже бывають вначалѣ мало благоприятны для распространенія новаго *критическаго* воззрѣнія, то его появленіе вызываетъ неминуемо внутренний отпоръ. Оно ведетъ къ борьбѣ, болѣе или менѣе продолжительной, болѣе или менѣе усильной для разныхъ сторонъ, смотря по тому, насколько быстро совершается, параллельно этой борьбѣ, эволюція общественныхъ условий, вліяющихъ на ея исходъ. Въ благоприятномъ случаѣ, неизбежнымъ исходомъ борьбы бываетъ болѣе или менѣе полная перестройка традиціонной системы общественныхъ отношеній и замѣна ея системой, основанной на сознательномъ выборѣ большинства. «Національный» тонъ сознанія, конечно, никогда не исчезаетъ при этомъ вполне. Но онъ смягчается и уравнивается новыми «общественными» элементами, входящими въ общее сознаніе.

Однако, чтобы осуществить такой благоприятный исходъ, необходима уже очень значительная степень быстроты и правильности психическаго взаимодействія между членами даннаго общества. Языкъ, самъ по себѣ, какъ средство непосредственной устной передачи, оказывается при этомъ совершенно недостаточнымъ орудіемъ и требуетъ дополнительныхъ приспособленій и усовершенствованій. Первымъ изъ нихъ являются періодическія собранія для обсужденія политическихъ вопросовъ, возникающія при сколько-нибудь значительномъ скопленіи людей, т. е. по преимуществу въ городахъ, на центральномъ городскомъ рынкѣ. Намъ нѣтъ надобности напоминать, какъ эта архаическая форма древняго политическаго быта преобразовалась въ народное представительство въ современныхъ государствахъ. Однако же, при всемъ ея развитіи, при всей растяжимости въ количественномъ отношеніи, при всей гибкости относительно содержания обсуждаемыхъ резолюцій и принимаемыхъ рѣшеній, эта форма устнаго общаго мнѣнія имѣетъ свои границы, за предѣлами которыхъ она не можетъ служить цѣлямъ социально - психическаго взаимодействія. Она не можетъ обезпечить ни достаточно спокойнаго, ни достаточно непрерывнаго обсужденія общедоступныхъ вопросовъ. Болѣе удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ орудіемъ психологическаго взаимодействія является письменная передача мысли, путемъ печати. — средство очень древнее въ своемъ происхожденіи и, тѣмъ не менѣе, очень юное въ томъ употребленіи, которое сдѣлала изъ него растущая социальная потребность быстрой и точной передачи мы-

сли большому количеству людей. Дѣйствительно, пресса есть одно изъ самыхъ недавнихъ соціальныхъ изобрѣтеній. Если городская площадь послужила средствомъ для развитія критическихъ воззрѣній въ маленькихъ государствахъ древности и среднихъ вѣковъ, то развитіе прессы является средствомъ, по преимуществу характеризующимъ государства нашего времени. Для созданія «общественнаго мнѣнія» новаго времени пресса есть столь же необходимое средство, какъ языкъ для національнаго самосознанія всѣхъ временъ. Разумѣется, внутри этого періода возможно дальнѣйшее совершенствованіе въ очень широкихъ размѣрахъ. Цѣлая пропасть отдѣляетъ печатные политическіе памфлеты временъ реформаціи и возрожденія, съ ихъ несовершенными способами распространенія, отъ телеграфа и телефона, отъ громкоговорителей, отъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ, сенсаціонные заголовки которыхъ въ оживленные моменты общественной жизни каждые четверть часа дѣлаютъ общественнымъ достояніемъ очередную новость.

Общія черты только-что описаннаго соціальнаго процесса настолько глубоко коренятся въ самомъ существѣ соціальныхъ явленій, какъ таковыхъ, — что мы должны встрѣтить ихъ во *всякомъ* развивающемся обществѣ, а слѣдовательно и въ русскомъ. Для читателей, знакомыхъ съ первыми двумя томами «Очерковъ», не будетъ неожиданнымъ тотъ двоякій выводъ, къ которому мы придемъ въ результатѣ предстоящаго намъ обзора развитія русскаго общественнаго самосознанія. Мы найдемъ, во-первыхъ, что *качественно*, по существу, ходъ этого развитія ничѣмъ не отличается отъ подобнаго же процесса въ любой странѣ, гдѣ онъ вообще имѣлъ возможность развиться. Во-вторыхъ, мы увидимъ, что въ той формѣ, въ какой процессъ этотъ развивался въ Россіи, онъ представляетъ *количественныя* различія и особенности, вполне совпадающія съ тѣми, которыя намъ пришлось отмѣтить въ предыдущихъ частяхъ «Очерковъ» относительно другихъ процессовъ. Въ зависимости отъ этихъ двухъ выводовъ долженъ стоять и возможный для изслѣдователя соціологическій прогнозъ.

Планъ изложенія настоящей третьей части «Очерковъ» непосредственно вытекаетъ изъ замѣчаній, только что сдѣланныхъ нами. Мы различили два момента развитія общественнаго самосознанія. Въ эпоху первоначальной созидательной государственной работы, не сопровождавшейся высоко развитымъ общественнымъ самосознаніемъ

емъ, или, какъ мы условимся называть ее, — въ *органической періодъ* нашей исторіи — общественное самосознаніе развивалось въ формѣ контраста русской національности съ окружающими ее народностями. Это была, другими словами, эпоха созданія и усвоенія народнымъ самосознаніемъ *націоналистическаго* *) *идеала*. Критическій элементъ проникъ, правда, уже тогда въ русскую общественную среду, какъ результатъ того же столкновенія съ чуждыми національностями. Но почва для развитія общественной самокритики была чрезчуръ неблагопріятна, и критика не пошла дальше самых скромныхъ начатковъ. Это положеніе дѣла совершенно измѣнилось въ новѣйшій періодъ нашей исторіи. Общественное самосознаніе въ этотъ періодъ все болѣе обращалось отъ завоевательныхъ плановъ внешней политики къ проектамъ внутренняго общественнаго переустройства. Старые національные идеалы уступили мѣсто въ общественномъ мнѣніи новымъ, которые подверглись упреку въ «космополитизмъ» со стороны «патріотовъ» добраго стараго времени. Число послѣднихъ, однако, стало быстро уменьшаться. Таковъ характеръ общественнаго самосознанія въ періодъ, который мы условимся называть *критическимъ*. Между тѣмъ и другимъ періодомъ лежитъ промежуточный, характеризуемый смѣсью признаковъ того и другого. Завоевательная программа предыдущей эпохи въ немъ находитъ свое завершеніе, и параллельно ея завершенію намѣчается содержаніе новой программы внутренней политики. Въ Россіи этотъ промежуточный періодъ довольно точно укладывается въ хронологическія рамки XVIII столѣтія. Этотъ вѣкъ такъ характерно начинается реформами Петра и столь же характерно кончается завоеваніями Екатерины.

Такимъ образомъ, исторія русскаго общественнаго самосознанія можетъ быть раздѣлена, для удобства изложенія, на три отдѣла: 1) развитіе націоналистическихъ идеаловъ органической (завоевательной) эпохи и начало ихъ критики. 2) Переходный періодъ: официальная побѣда критическихъ элементовъ надъ націоналистическими. 3) Развитіе общественнаго мнѣнія критической эпохи. Черезъ всѣ три періода проходитъ, какъ видимъ, красной нитью — постепенное нарастаніе критическаго воззрѣнія и соотвѣтственное ослаб-

---

*) Слово «націоналистическій» мы употребляемъ для означенія тенденцій, направленныхъ къ одностороннему національному самовозвеличенію, сопровождающему обыкновенно періодъ военной экспансіи и лишенному элемента самокритики.

леніе возрѣнія націоналистическаго. Два первые періода, охватывающіе промежутокъ времени отъ конца XV вѣка до конца XVIII вѣка, т. е. три столѣтія русской исторіи, излагаются въ настоящемъ третьемъ томѣ «Очерковъ». Третій и послѣдній періодъ — XIX-XX столѣтія — составляетъ содержаніе четвертаго тома. Слѣдуя обычному порядку изложенія «Очерковъ», мы должны бы были съ самаго начала дать отдѣльные систематическіе очерки — сперва процесса, идущаго на убыль, т. е. кризиса націоналистической идеологіи «органическаго періода, затѣмъ — процесса, развивавшагося на смѣну старой идеологіи и постепенно побѣждающаго ее, — процесса нарастанія критическаго общественнаго самосознанія (оговорюсь, что принятая мною терминологія вовсе не означаетъ, что «критическій» періодъ есть только періодъ отрицанія и разрушенія. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ стараго идетъ творчество новаго). Но при такомъ изложеніи утерянъ бы былъ характеръ контраста борющихся теченій и ослаблена картина борьбы. Поэтому, для двухъ первыхъ періодовъ, въ которыхъ оба теченія переплетаются и непосредственно соприкасаются, причемъ критическое теченіе, въ процессѣ своего зарожденія, недостаточно выдѣляется и сосредоточивается въ очень немногочисленныхъ кружкахъ, мы приняли систему совмѣстнаго изложенія хода обоихъ процессовъ въ общихъ хронологическихъ рамкахъ. Въ IV томѣ, посвященномъ новѣйшему періоду, мы возвращаемся къ обычному, т. е. систематическому порядку изложенія. — такъ какъ тутъ различными политическія теченія достигаютъ уже значительной степени раздѣльности, распространенности и — внутри каждаго изъ нихъ, — достаточной степени связности и непрерывности. Внутренняя филиалія идей тамъ преобладаетъ надъ взаимными конфликтами, а общій ходъ борьбы достаточно извѣстенъ изъ общихъ сочиненій*).

Переходя къ изложенію перваго періода борьбы націоналистическихъ и критическихъ элементовъ, мы прежде всего должны объяснить, почему мы начинаемъ это изложеніе только съ конца XV вѣка. По этому поводу намъ дѣлались возраженія уже послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ изданій «Очерковъ». Нашъ отвѣтъ на эту критику и является вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ. Чита-

---

*) Опытъ такого изложенія уже сдѣланъ авторомъ для иностранныхъ читателей, въ его работѣ *Russia and its crisis*. (Chicago 1905) и франц. пер. *La crise Russe*, trad. Marie Petite, Librairie Nouvelle, 1907, Paris.

тель увидить, что возраженія намъ были сдѣланы съ точекъ зрѣнія которыя мы считаемъ устарѣлыми по существу и не выдерживающими фактической провѣрки.

Дѣло въ томъ, что не такъ давно еще господствовало воззрѣніе, по которому исторія *творилась* общественнымъ сознаніемъ или «народнымъ духомъ». Въ приложеніи къ русской исторіи этотъ взглядъ былъ развитъ въ иѣлую систему. Русское общественное сознаніе, какъ первый двигатель историческаго процесса, было надѣлено опредѣленнымъ содержаніемъ, соотвѣтственно общественнымъ идеаламъ самихъ систематиковъ. Первымъ продуктомъ общественнаго сознанія, идеализированнаго такимъ образомъ, представляется вѣчевой порядокъ домонгольской Руси. Дальнѣйшій ходъ русской исторіи являлся, съ этой точки зрѣнія, отклоненіемъ отъ прежняго нормальнаго хода. Вина за это отклоненіе падала на создателей новаго порядка, московскихъ князей-собирателей. Ихъ варварскіе политическіе приемы объяснялись вліяніемъ духа Византии и Золотой Орды, чуждаго русской національности. Но въ концѣ концовъ русскій народный духъ долженъ былъ восторжествовать надъ иноземными вліяніями. «Живучесть» вѣчевыхъ началъ, свойственныхъ народному самознанію древней Руси, доказывались новгородскими порядками и московскими земскими соборами.

Прежніе противники этого историческаго построенія стояли на одинаковой теоретической почвѣ съ его защитниками. Они тоже вѣрили, что народное самосознаніе творитъ исторію и тоже влагали въ это самосознаніе свой собственный идеаль. Но такъ какъ этотъ идеаль былъ самодержавный, — прямо противоположный «вѣчевому», то тамъ, гдѣ сторонники вѣчевого уклада видѣли норму, ихъ оппоненты видѣли отклоненіе, и наоборотъ. Московскіе порядки были ихъ идеаломъ и, слѣдовательно, должны были быть идеаломъ народнаго самосознанія. Въ наиболѣе чистомъ видѣ народный духъ долженъ былъ проявляться, слѣдовательно, не въ утѣльно - вѣчевой Руси, а въ Московскомъ государствѣ.

Естественно, что на такой почвѣ полемика между сторонниками того и другого взгляда сводилась къ защитѣ соотвѣтственнаго общественнаго идеала. Установить преемство вѣчевого идеала съ порядками кievской Руси или самодержавнаго начала съ порядками московской Руси значило уже — дать своему идеалу историческое освященіе.

Такъ и должно было быть, пока общественный идеаль выводился изъ абсолютнаго и неизмѣннаго народнаго самосознанія, прояв-

ленія котораго искали въ исторіи. Но современный изслѣдователь не можетъ больше вѣрить въ эту абсолютность и неизмѣнность. Общественное самосознаніе для него нѣчто измѣняющееся соответственно измѣненіямъ общественнаго порядка. Поскольку закономѣрны эти послѣднія измѣненія, постольку мы можемъ искать закономѣрности и въ развитіи общественнаго самосознанія. Но напередъ мы можемъ утверждать одно — именно, самый фактъ измѣчивости или развитія, и отрицать одно — именно то, что какая бы то ни было изъ стадій этого развитія можетъ считаться «нормой» для всѣхъ другихъ стадій.

Мы не вѣримъ болѣе ни въ какія историческія санкціи и ищемъ оправданія того или другого современнаго общественнаго идеала исключительно въ его соответствіи потребностямъ настоящаго и будущаго. Его тождество съ идеалами прошлаго можетъ только доказывать отсутствіе такого соответствія и свидѣтельствовать о его отвлеченности, нежизненности.

Намъ могутъ замѣтить, что все это — слишкомъ азбучныя истины и что съ устарѣлымъ историческимъ міровоззрѣніемъ, о которомъ только что шла рѣчь, уже нѣтъ надобности сражаться въ наше время. Дѣйствительно, едва ли найдутся теперь защитники этого міровоззрѣнія въ его старой, цѣльной формѣ. Но привычки мысли сильны; онѣ часто переживаютъ создавшее ихъ міровоззрѣніе. И въ данномъ случаѣ, намъ пришлось выслушать отдаленные отголоски критикуемаго міровоззрѣнія по поводу самыхъ «Очерковъ». Намъ упрекали, въ очень осторожной и сдержанной формѣ, въ сущности, въ томъ, что мы слишкомъ игнорируемъ «традиціи» удѣльно-вѣчевого періода и преувеличиваемъ фатальную неизбѣжность порядковъ московскаго государства. Теперь, будетъ своевременно отвѣтить на оба эти чрезвычайно характерныя возраженія.

Намъ говорятъ, во-первыхъ, слѣдующее: «Москва, въ смыслѣ совокупности извѣстныхъ государственныхъ учрежденій, сложилась не на пустомъ мѣстѣ. Государственный порядокъ, предшествовавшій ея появленію, вовсе не ограничивался, въ сущности, предѣлами южно-русскихъ земель, но распространялся и на сѣверо-востокъ, и борьба съ этимъ порядкомъ Москвы, возникши на его развалинахъ, оставила слишкомъ глубокіе слѣды въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи, чтобы можно было совсѣмъ обойти ее. Удѣльный періодъ... съ его съѣздыми собраніями и вольными слугами князей, передалъ московской эполѣ и нѣкоторыя традиціи, и нѣкоторыя учрежденія, причемъ кое-какія изъ нихъ оказались довольно живучими».

Этотъ рядъ положеній, дѣйствительно, мало гармонируетъ съ нашими собственными представленіями о ходѣ исторіи на русскомъ сѣверо-востокѣ. Начинать съ пустаго мѣста — наше общее міровоззрѣніе, конечно, еще менѣе позволяетъ, чѣмъ какое бы то ни было другое. Но начинать съ отождествленія порядковъ, господствовавшихъ на сѣверо-востокѣ въ до-московскій періодъ, съ порядками южной Руси, мы бы не рѣшились: такое начало, какъ сейчасъ увидимъ, скорѣе всего и привело бы къ построенію московской исторіи на «пустомъ мѣстѣ». Различіе всего соціального строя сѣверо-востока и юга Россіи, намъ казалось, достаточно ярко указано нашими предшественниками; вотъ почему мы и сочли возможнымъ ограничиться простой ссылкой на то, что на сѣверо-востокѣ «были совсѣмъ другія условія историческаго развитія», чѣмъ на югѣ. Исходя изъ этихъ специально свойственныхъ сѣверо-востоку условій общественной жизни, мы не видимъ въ нихъ и такого противорѣчія съ позднѣйшими московскими порядками, какъ это склоненъ представлять себѣ нашъ оппонентъ. Для него эти порядки возникаютъ, какъ прямое отрицаніе старыхъ, какъ продуктъ «борьбы», на ихъ «развалинахъ». Для насъ это скорѣе — продуктъ простаго развитія старыхъ порядковъ сѣверо-восточной Руси, при измѣнившихся условіяхъ времени. «Глубокіе слѣды» *этихъ* старыхъ порядковъ въ первомъ періодѣ существованія московскаго княжества мы вполнѣ согласны были бы признать, но вѣдь оппонентъ требуетъ отъ насъ другого. Своихъ «глубокихъ слѣдовъ въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи» онъ, очевидно, ищетъ среди «развалинъ», онъ видитъ ихъ въ тѣхъ «нѣкоторыхъ традиціяхъ и нѣкоторыхъ учрежденіяхъ», которыя удѣльный періодъ «передалъ московской эпохѣ» въ *противорѣчіе* ее основнымъ чертамъ. Сюда, какъ видно изъ его дальнѣйшей фразы, онъ готовъ причислить вѣче, боярскую думу и земскіе соборы. О послѣднихъ двухъ у насъ будетъ рѣчь: предваряя наше изложеніе, мы скажемъ только здѣсь, что смотримъ на эти учрежденія, какъ на совершенно новыя, созданныя текущими потребностями, а не завѣщанныя «традиціями» удѣльнаго періода. Что касается вѣча — по существу эта форма отжила свой вѣкъ съ появленіемъ на Руси единаго національнаго государства. Гутъ, вѣроятно, мы всего болѣе разойдемся съ міровоззрѣніемъ нашего оппонента. По его мнѣнію, повидимому, извѣстное состояніе общественнаго самосознанія можетъ быть завѣщано, какъ «традиція» — и притомъ «живучая» отъ одного общественнаго строя другому, совершенно несходному съ первымъ. Наше же мнѣніе заключается въ томъ, что каждый общественный строй создаетъ *свое* обществен-

ное самосознаніе, совершенно отъ него неотдѣлимое и вмѣстѣ съ нимъ измѣняющееся.

Нѣтъ нужды отрицать, что въ южно-русскомъ городѣ древняго періода, съ его значительнымъ скопленіемъ населенія, съ его живостью торговыхъ сношеній, создалось то, что обыкновенно создается при этихъ условіяхъ въ городскихъ общинахъ: извѣстная степень быстроты и правильности психическаго взаимодействія и, какъ результатъ, сравнительно высокая степень общественнаго самосознанія. Нельзя отрицать, что и сѣверно-русскій городъ не вовсе лишенъ былъ этихъ преимуществъ. Но, какъ элементъ политической власти, это специфически-городское самосознаніе оказалось недостаточно сильнымъ даже тогда, когда городская община имѣла еще возможность явиться центромъ соотвѣтственной государственной единицы. Естественно, что когда начался періодъ выработки болѣе сложнаго государственнаго единства, городская община уже вовсе не могла фигурировать, какъ руководящій политическій факторъ. И тѣ общественно-критическіе элементы, которые свойственны были городской общинѣ, не могли непосредственно перейти къ вновь слагавшейся высшей общественной группѣ. Въ этой послѣдней было, какъ увидимъ, свое общественное самосознаніе, ей свойственны были и свои элементы общественной критики. Но они имѣли очень мало общаго и по формамъ, и даже по матеріалу — съ общественнымъ самосознаніемъ городской общины, отодвинутой на задній планъ общимъ ходомъ соціальной эволюціи.

Теперь намъ предстоитъ обсудить возраженія, высказанныя по поводу изображенія въ «Очеркахъ» самого этого общаго хода. Главное обвиненіе, какъ мы говорили, заключается тутъ въ томъ, что процессъ соціальной эволюціи изображенъ у насъ черезчуръ фаталистично. Не будучи специалистомъ по русской исторіи, второй нашъ оппонентъ опирается въ этомъ отношеніи на Костомарова; но свои возраженія онъ формулируетъ во имя новѣйшихъ требованій соціологін, такъ что съ нимъ мы можемъ говорить его языкомъ.

Нашъ второй оппонентъ ставитъ своей задачей доказать, что авторъ «Очерковъ» безсознательно, такъ сказать, *malgré lui*, является послѣдователемъ теоріи экономическаго матеріализма. Онъ обвиняетъ эту теорію въ излишнемъ «объективизмѣ», доказываетъ неудобства такого объективизма и противопоставляетъ ему ученіе «субъективной школы», *какъ онъ его понимаетъ*. «Намъ кажется ошибочнымъ сведеніе ученія субъективной школы къ желанію поставить психическія явленія внѣ и выше матеріальныхъ условій», — гово-

рить онъ. — «Центръ тяжести вопроса заключается вовсе не въ этомъ, а въ признаніи или непризнаніи, въ числѣ необходимыхъ элементовъ историческаго процесса, области субъективныхъ стремленій и цѣлой системы традицій, вѣрованій, чувствъ и идей, безъ сомнѣнія обусловленныхъ въ своемъ происхожденіи вѣшними причинами, но развивающихся сообразно своимъ внутреннимъ законамъ и *дѣйствующихъ на исторической сценѣ, въ качествѣ общественныхъ силъ* (курсивъ автора). Объективная школа не отрицаетъ, конечно, самаго присутствія человѣка съ его субъективными ощущеніями на исторической сценѣ, но она приписываетъ ему чисто передаточную роль. Все содержаніе какого-либо переворота или измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ уже заключено, по ученію этой школы, въ тѣхъ или другихъ вѣшнихъ, объективныхъ причинахъ: условіяхъ производства, географической среды или сосѣдства хищныхъ народовъ, — и необходимость этого измѣненія уже предустановлено объективной причиной: человѣкъ же или, вѣрнѣе сказать, общество является лишь исполнителемъ этихъ предначертаній. По ученію же субъективной школы, какъ мы понимаемъ его, чтобы объяснить какое бы то ни было сложное общественное явленіе, *необходимо предположить наличность дифференцированной психической области, въ которой подъ влияніемъ вѣшнихъ причинъ и матеріальныхъ условій, а также и подъ влияніемъ психическихъ воздѣйствій развиваются общественныя силы, устанавливающія и поддерживающія извѣстныя общественныя отношенія. Историческая необходимость этихъ отношеній лежитъ не въ самыхъ вѣшнихъ причинахъ, а въ вызванныхъ ими и даннымъ состояніемъ общественной психики — общественныхъ силъ. Отсюда — гораздо болѣе относительный характеръ этой необходимости, меньшая обусловленность общественныхъ отношеній причинами, не подлежащими воздѣйствію человека; отсюда — возможность государственныхъ реформъ и общественной дѣятельности* (курсивъ нашъ).

Мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать эту длинную выписку, такъ какъ новый «центръ тяжести» ученій «субъективной школы» въ формулировкѣ нашего оппонента значительно приближается къ центру тяжести нашихъ собственныхъ мыслей. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ окажется возможность слить оба центра воедино. Оставимъ, для упрощенія спора, въ сторонѣ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли подводить воззрѣнія автора «Очерковъ» и его оппонента подъ ярлыки той или другой школы и будемъ бесѣдовать по существу. По существу, слѣдовательно, авторъ не ставитъ психическія явленія

«внѣ и выше матеріальныхъ условій»: «система традицій, вѣрованій, чувствъ и идей», по его словамъ, «безъ сомнѣнія обусловлена *въ своемъ происхожденіи* внѣшними причинами». Но въ сколько-нибудь «сложномъ общественномъ явленіи» — «психическая область» является уже «дифференцированной» и въ свою очередь можетъ «дѣйствовать на исторической сценѣ въ качествѣ общественныхъ силъ». Это вліяніе «общественной психики», «развивающейя сообразно своимъ внутреннимъ законамъ», идетъ, однако, объ руку съ вліяніемъ «внѣшнихъ причинъ и матеріальныхъ воздѣйствій». Вся разница съ противоположнымъ воззрѣніемъ та, что, тогда какъ оно объясняетъ «необходимость» «какого — либо переворота» «тѣми или другими внѣшними, объективными причинами», а за «человѣкомъ или, вѣрнѣе сказать, обществомъ» оставляетъ лишь «чисто передаточную роль» «исполнителя предначертаній», «предустановленныхъ объективными причинами», — воззрѣніе, защищаемое нашимъ оппонентомъ, напротивъ, видитъ «историческую необходимость» не въ этихъ «внѣшнихъ причинахъ», а въ «вызванныхъ ими *общественныхъ силахъ*». Дѣйствие этихъ общественныхъ силъ сокращаетъ районъ «обусловленности общественныхъ отношеній причинами, *не подлежащими воздѣйствію* человѣка»; оно придаетъ, такимъ образомъ, «гораздо болѣе относительный характеръ этой необходимости», открывая «возможность государственныхъ реформъ и общественной дѣятельности».

Мы спросимъ нашего оппонента: какъ же понимаетъ критикуемое имъ воззрѣніе «передаточную роль» человѣческой психики, если не въ формѣ «государственныхъ реформъ и общественной дѣятельности?». Это «исполненіе предначертаній», предустановленныхъ *внѣшними* причинами, — представляетъ ли такую скромную и тѣсную роль, какъ это кажется теоретику «общественныхъ силъ»? И, съ другой стороны, въ самомъ развитіи «общественныхъ силъ» нѣтъ-ли своихъ «внутреннихъ законовъ», хотя и не выходящихъ за предѣлы «психики», но, тѣмъ не менѣе, тоже «не подлежащихъ воздѣйствію человѣка»? Другими словами, мы утверждаемъ, что «передаточная роль» общественной психики вовсе не такъ пассивна и безсознательна, а дѣятельность общественныхъ *«силъ»* вовсе не такъ автономна, какъ это допускаетъ нашъ критикъ. Расширивъ сознательный элементъ психики и ослабивъ активный характеръ «силъ», мы пришли бы къ довольно сходному пониманію роли «общественной психики» въ историческомъ процесѣ. Мы вовсе не отрицаемъ этой роли, какъ это видно изъ нашихъ неоднократныхъ заявленій.

Вся относительность и условность принципиальных возражений критика видна будетъ еще яснѣе на томъ историческомъ примѣрѣ, который вызвалъ эти возраженія, — именно на объясненіи происхожденія Московскаго государства. Мы утверждаемъ въ «Очеркахъ», что Московское государство явилось продуктомъ чрезчуръ высшихъ государственныхъ требованій, предъявленныхъ къ чрезчуръ неразвитому экономически населенію. Подозрѣвающій насъ въ тайной склонности къ экономическому матеріализму критикъ, во-первыхъ, сводитъ это объясненіе къ «чисто виѣшнимъ и матеріальнымъ причинамъ», а во-вторыхъ, показываетъ намъ теоретическую несостоятельность такъ понятаго объясненія. Высокія государственныйя требованія, — разсуждаетъ онъ, — вызваны, по мнѣнію автора «Очерковъ», необходимостью бороться съ сосѣдями, т. е. чисто виѣшной причиной. «Медленный ходъ экономическаго развитія древней Руси объясняется ея суровымъ климатомъ, т.-е. самою объективною изъ объективныхъ причинъ». Но когда «историческое явленіе связывается отношеніемъ необходимости съ виѣшними объективными причинами, то *этимъ самымъ область психическихъ явленій устраняется* изъ числа составныхъ элементовъ историческаго процесса: такъ какъ всѣ главные поворотные пункты послѣдняго предустановлены объективными факторами, то для психическихъ общественныхъ силъ не остается мѣста въ исторіи. Ихъ существованіе, конечно, не отрицается и не можетъ быть отрицаемо историками объективной школы, но онѣ не играютъ никакой роли въ ихъ историческихъ построеніяхъ». Мы видѣли, что «роль психическихъ силъ остается еще очень большая и при полномъ признаніи роли «объективныхъ факторовъ». Но послѣдуемъ далѣе за развитіемъ мысли критика. Итакъ, «область психическихъ явленій» устраняется..., и этимъ создается положеніе, невозможность котораго очень остроумно доказывается критикомъ. Психологія устраняется, но *цѣлесообразность* возникновенія Московскаго государства продолжаетъ признаваться, помимо *закономерности*. Итакъ, это выходитъ — цѣлесообразность природы, объективная цѣлесообразность, т.-е. вопреки основному принципу «объективной школы» — чистѣйшая телеологія. «Только всемогущее государство могло успешно бороться съ набѣгами крымскихъ, ногайскихъ и казанскихъ татаръ, окружавшихъ Россію въ XIV вѣкѣ, а также и съ надвигавшеюся съ Запада литвою, *потому* и создалась въ Россіи всемогущая государственная власть: такъ какъ это было необходимо для русскаго общества, то это и *должно* было случиться. Цѣль была поставлена ясно: потребность въ ея достиженіи была неотложна и

исторія удовлетворила этой потребности. Отсюда тотъ историко-философскій выводъ, что все необходимое для независимаго существованія народа осуществляется въ его исторіи въ наиболѣе цѣлесообразной формѣ». Критикъ, конечно, протестуетъ противъ такого вывода, и мы протестуемъ вмѣстѣ съ нимъ. «Не все то совершается въ исторіи, что необходимо для сохраненія независимости даннаго народа». Безъ сомнѣнія, не все. И лучшее доказательство этого — то, что исторія знаетъ множество народовъ, не сохранившихъ своей независимости. Но мы опять предложимъ критику вопросы: не признаетъ ли онъ, во-первыхъ, что сохранить свою независимость, все-таки, стремятся *все* народы, и, во-вторыхъ, что сохраненіе независимости *даннаго* народа доказываетъ само по себѣ, что все «необходимое для сохраненія» его было «совершено»?

Отвѣчая на первый вопросъ, критикъ, вѣроятно, признаетъ внутреннюю тенденцію самосохраненія свойственной *всѣмъ* общественнымъ группамъ. Отвѣтъ на второй вопросъ труднѣе, потому что тутъ предстоитъ разрѣшить то, что и составляетъ самый узелъ спора. «Совершено» — ли это «необходимое для народнаго самосохраненія» слѣпой игрой силъ природы, или сознательнымъ общественнымъ поведеніемъ? И эти «силы природы» слѣдуетъ ли представлять себѣ, какъ совершенно случайную комбинацію «внѣшнихъ» факторовъ или какъ стихійный процессъ развитія внутренней тенденціи? Создается ли государство по образцу того, какъ сорвавшійся камень убиваетъ случайнаго прохожаго или какъ дерево вырастаетъ изъ сѣмени, или какъ техникъ строитъ машину? Другими словами, надо ли объяснять происхожденіе государства — механически, органически или психологически? Нашъ критикъ заставляетъ насъ строить объясненіе по первому способу — и справедливо удивляется, какъ въ такомъ случаѣ можно говорить о какой-либо цѣлесообразности. Онъ менѣе удивлялся бы, если бы, признавъ существованіе внутренней тенденціи политической эволюціи, заставилъ насъ понимать ея осуществленіе по второму способу. Цѣлесообразность органическаго процесса — вещь не столь нелѣпая и бессмысленная, чтобы отвергать ее безъ всякихъ оговорокъ и поясненій. Но, во всякомъ случаѣ, это — не та цѣлесообразность, какую мы привыкли видѣть въ сознательномъ волево́мъ процессѣ, т.-е. которую необходимо допустить при объясненіи происхожденія государства по третьему способу. Такое объясненіе необходимо сведется къ теоріи свободнаго договора. Нашъ критикъ, естественно, не предполагаетъ возможности объяснить происхожденіе Московскаго государства и этимъ путемъ. «Трудно допустить», —

говорить онъ, — «чтобы общественное сознание играло большую роль въ установленіи такой формы государственной власти, въ основѣ которой лежало подавленіе (мы сказали бы слабость) этого сознания». И, естественно, критикъ, находить невозможнымъ понять наши объясненія «въ томъ смыслѣ, что русское общество XIV - XV в., проникнутое сознаниемъ неотложной потребности во вѣншей защитѣ, облекло для этого свое правительство неограниченными полномочіями и создало соотвѣтственный государственный строй».

Но является вопросъ: дѣйствительно ли для того, чтобы доказать цѣлесообразность возникновенія извѣстнаго общественнаго строя, необходимо предположить его *договорное* происхожденіе? Цѣлесообразность въ данномъ случаѣ предполагаетъ сознательность. Но необходимо ли допустить такую именно степень сознательности, какъ требуетъ критикъ? Почему «сознание неотложной потребности во вѣншей защитѣ» должно было проникнуть *все* «русское общество», чтобы могли быть приняты соотвѣтственныя, болѣе или менѣе, цѣлесообразныя мѣры? И нужно ли было правительству, удовлетворившему такой «неотложной потребности», дожидаться, чтобы общество «облекло его для этого неограниченными полномочіями»?

Мы напомнимъ читателю наше объясненіе, вызвавшее всѣ эти сомнѣнія нашего оппонента. «Надо было защищать собственное существованіе, слѣдовательно, надо было найти для этого средства. Для *этого* надо было вызвать ихъ, создать, если ихъ не оказывалось налицо; для этого приходилось, хотя бы искусственно, развивать общественную самостоятельность. Такимъ образомъ, благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ, и создано всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ; вѣдствие самой этой скудности, оно должно было напрягать всѣ силы своего населенія, а чтобы распорядиться всѣми силами его оно, и должно было сдѣлаться всемогущимъ».

Объясненіе, дѣйствительно, «телеологическое». Но, какъ видно изъ предыдущихъ объясненій, за этой «телеологіей» не скрывается въ данномъ случаѣ никакой метафизики и она не предполагаетъ никакого общественнаго договора. Понятое буквально такъ, какъ было написано, это объясненіе предполагаетъ только, что нашлось достаточно сознательности среди русскихъ представителей власти XV вѣка, чтобы приспособить и даже форсировать наличныя средства страны въ видахъ заразы и собственнаго, и общественнаго самосохраненія.

Таково и было, дѣйствительно, наше предположеніе. Мы нико-

гда не исключали «общественной психики» изъ нашего объясненія и нисколько не отождествляли ее съ «общественнымъ договоромъ». Мы просто искали ее не тамъ, гдѣ ищетъ критикъ, и допускали ея присутствіе въ иной формѣ, чѣмъ готовъ допустить онъ. Онъ считаетъ носителями этой «общественной психики» не совсѣмъ ясно опредѣляемые имъ «общественныя силы», созданныя, повидимому, и въ его мнѣніи стихійнымъ процессомъ, и дѣйствовавшія неизвѣстно съ какой степенью активности и сознательности. И для насъ «общественныя силы» данной эпохи, въ смыслѣ, болѣе или менѣе, ясно сознаваемыхъ интересовъ общественныхъ группъ и единицъ, составляютъ необходимую предпосылку нашего объясненія. Но мы указываемъ, какъ наличное состояніе «общественныхъ силъ», при данныхъ условіяхъ, выразилось въ дѣйствіяхъ власти, какъ наиболѣе сознательнаго тогда выразителя коллективнаго общественнаго сознанія. Можетъ быть, это-то наше положеніе критикъ и будетъ продолжать оспаривать. Но для этого онъ долженъ опредѣлениѣ, чѣмъ до сихъ поръ, указать, въ какихъ другихъ формахъ, какими другими «общественными силами» это коллективное сознаніе выражалось помимо тогдашнихъ представителей власти. Отчасти это послѣднее требованіе выполнимъ и мы сами, когда зайдетъ рѣчь объ элементахъ критики только-что создавшагося тогда національнаго идеала. Но мы увидимъ при этомъ, какъ уже было сказано раньше, что это критическое общественное сознаніе возникло на той же почвѣ, какъ и критикуемый имъ общественный идеалъ, т. е. *на почвѣ только что сложившагося общественнаго строя*. Идеалъ и критика его были одинаково продуктами того, «какъ бы стихійнаго, процесса», которымъ «совершались событія» этой эпохи, по собственному признанію критика.

Мы позволили себѣ вѣдаться въ эту длинную полемику исключительно потому, что она не только не удаляетъ насъ, а, напротивъ, открываетъ намъ путь къ предмету нашихъ бесѣдъ въ третьей части «Очерковъ».

Русское *національное* самосознаніе могло развиваться лишь на почвѣ политическаго *объединенія* русской національности. Ни самосознаніе, ни критика его не могли предшествовать факту, къ которому относились. Но, конечно, характеръ того и другого опредѣлился тѣми условіями, при которыхъ совершалось русское національное объединеніе. *Особенность* этихъ условій, скорѣе чѣмъ *необходимость* самаго процесса, мы и хотѣли подчеркнуть нашимъ объясненіемъ. Необходимость процесса политической эволюціи мы

при этомъ предполагали, какъ саму собою разумѣющуюся. Необходимость процесса — не есть еще, конечно, необходимость результата, такъ какъ результатъ является уже продуктомъ условій, среди которыхъ развивается процессъ. Среди этихъ условій есть такія, которыя продолжаютъ намъ казаться болѣе необходимыми, *менѣе случайными*, чѣмъ это, повидимому, кажется нашему критику. Это, именно, прежде всего, роль внешней опасности при образованіи государства. Дѣло въ томъ, что хотя опасность этого рода и *внѣшняя*, хотя можно представить себѣ отвлеченную возможность созданія государства исключительно внутреннимъ процессомъ, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности этотъ внѣшній факторъ такъ же распространенъ, какъ зародыши всевозможныхъ болѣзней въ окружающей атмосферѣ. Стало быть, дѣйствительный процессъ политической эволюціи всегда и вездѣ совершался при наличности этого фактора, внешней опасности, воздействовавшего на внутреннюю эволюцію власти. *Случайно*, т. е. свойственно именно данной исторіи — не то, что внѣшняя опасность была налично и дѣйствовала, какъ внѣшній факторъ образованія государства, а то, что *дѣйствие этого фактора* соизмѣрило съ данной, а не съ какой-либо другой, степенью развитія внутреннихъ «общественныхъ силъ». Эти «силы» не игнорируются, а, напротивъ, входятъ необходимымъ элементомъ въ наше объясненіе. Разница только въ томъ, повидимому, что критикъ оцениваетъ политическое значеніе этихъ силъ иначе, нежели мы. Онъ говоритъ, какъ мы видѣли, объ ихъ «подавленіи» тамъ, гдѣ мы предпочли бы говорить о ихъ «слабости». Последнюю, однако, онъ тоже мѣстами признаетъ. «Въ томъ фазисѣ общественной эволюціи», — замѣчаетъ онъ вполне справедливо, — «о которомъ идетъ рѣчь въ разсмотрѣнныхъ нами историческихъ объясненіяхъ автора «Очерковъ», роль общественнаго самосознанія была *презвычайно слаба* и событія совершались какъ бы стихійнымъ процессомъ: но роль *много субъективныхъ интересовъ и стремленій главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей* той эпохи была тѣмъ не менѣе очень значительна. Говоря о субъективныхъ факторахъ исторіи, — договаривается критикъ, — мы вовсе не имѣемъ въ виду исключительно идеологическую общественную дѣятельность или вліяніе высокихъ идей; мы говоримъ лишь о томъ *сравнительномъ просторѣ, который предоставляется исторіей субъективному фактору* въ силу самой природы общественныхъ явленій».

И мы признаемъ этотъ «сравнительный просторъ», какъ видно изъ предисловія къ первой части «Очерковъ». Оттуда же видно, что

степень этого простора мы определяемъ различно, судя по тому, идутъ ли «чисто субъективные интересы и стремленія главнѣйшихъ историческихъ дѣателей» вразрѣзъ или, наоборотъ, въ одномъ направленіи съ внутренней тенденціей даннаго процесса. И прилагая эту мѣрку къ оцѣнкѣ «сравнительнаго простора» дѣйствій историческихъ дѣателей эпохи возникновенія московскаго государства, мы, можетъ быть, близко сойдемся съ сужденіями о томъ же предметѣ нашего оппонента. Раньше мы показали уже, почему наше сужденіе о цѣлесообразности русской политической эволюціи нельзя толковать ни въ смыслѣ «предустановленной цѣлесообразности самого историческаго процесса», ни въ смыслѣ «сознательнаго установленія русскимъ обществомъ XIV вѣка самодержавнаго государственнаго строя». Сдѣлаемъ оговорку: всѣ наши сужденія о «цѣлесообразности» относятся не къ XIV, а къ концу XV вѣка. Мы вполне согласны съ мнѣніемъ оппонента, что «московское самодержавіе было подготовлено длиннымъ процессомъ, въ отношеніи котораго лежала не общія идея о необходимости сильнаго государства, а частныя, своеобразныя стремленія враждовавшихъ между собою князей» и что «сами московскіе великіе князья могли ставить общегосударственныя задачи своей политикѣ только послѣ того, какъ въ ихъ рукахъ скончались достаточныя для того силы». Мы безусловно признаемъ, что начало процесса было вполне стихійнымъ или если угодно, лежало въ области «чисто субъективныхъ интересовъ и стремленій» соперничавшихъ между собой представителей власти. Общественный результатъ этого соперничества, — возникновеніе болѣе сложной политической организаціи, находился, несомнѣнно, внѣ сферы ихъ личнаго сознанія. Это не мѣшаетъ намъ, однако, ни въ процессѣ борьбы, ни въ его результатѣ — не видѣть ничего случайнаго. Мы считаемъ то и другое проявленіемъ внутренней тенденціи, необходимо присущей процессу политической эволюціи вездѣ, гдѣ этотъ процессъ имѣетъ возможность совершиться. Мы не отрицаемъ ни субъективныхъ стремленій», ни «страстей», развившихся «въ этой смутной, тяжелой и часто трагической исторіи» образованія русскаго государства. Но такъ какъ мы ищемъ въ данномъ случаѣ социологической истины, а не нравственнаго назиданія, то совершенно естественно, что мы обратили все свое вниманіе не на элементы «трагизма», несомнѣнно существовавшіе, а на элементы «строгой общественной необходимости».

Постепенное развитіе сознательности по мѣрѣ развитія процесса — также входитъ въ число необходимыхъ элементовъ социаль-

наго развитія. Носителемъ этого сознанія, опредѣляющимъ и его первоначальный характеръ, является, конечно, не вся народная масса, — «общественное самосознаніе» которой, по вѣрному замѣчанію критика, было тогда еще «чрезвычайно слабо». Этими носителями являются «главнѣйшіе историческіе дѣятели той эпохи», т. е. представители власти и ихъ совѣтники. Мы совершенно согласны съ нашимъ оппонентомъ, что роль этихъ дѣятелей «была очень значительной», тогда какъ «роль общественнаго самосознанія была», напротивъ, «чрезвычайно слаба». Но «значительность» роли современныхъ дѣятелей мы объясняемъ не столько тѣмъ «сравнительнымъ просторомъ, который предоставляется исторіей субъективному фактору», какъ таковому, сколько той *идеосообразностью* ихъ дѣйствій, т. е. соответствіемъ ихъ условіямъ данной эпохи, которое только и могло обезпечить этимъ дѣйствіямъ «сравнительный простор» *).

Теперь должно сдѣлаться уже вполне ясно, почему непрерывную исторію русскаго національнаго самосознанія слѣдуетъ начинать не съ элементовъ самосознанія и критики, присущихъ «судѣбно-вѣчевому» періоду русской исторіи, а съ конца XV вѣка, т. е. съ момента, къ которому, по признанію нашего второго оппонента, эти

*) Извиняемся передъ нашимъ вторымъ оппонентомъ, что оставляемъ безъ подробнаго разбора тѣ его возраженія, обсужденіе которыхъ отвлекло бы насъ отъ главной нашей настоящей бесѣды. Замѣтимъ только, что напрасно критикъ хочетъ и въ этихъ другихъ возраженіяхъ выставить насъ безусловнымъ сторонникомъ теоріи экономическаго матеріализма, вопреки нашему собственному заявленію. Политическаго элемента въ соціальномъ развитіи мы нисколько не отрицаемъ, но, дѣйствительно, въ примѣрахъ, приводимыхъ авторомъ, самую степень активности этого политическаго элемента мы ставимъ въ зависимость отъ степени экономическаго развитія. Земледѣльческій трудъ получаетъ «принудительную организацію» по преимуществу тамъ, гдѣ плоды его могутъ быть подѣлены съ «организаторами», т. е. въ случаѣ извѣстной степени доходности его. Вотъ почему, вопреки мнѣнію оппонента, мы продолжаемъ думать, что не потому экономическое развитіе древней Руси было низко, что не нашлось организаторовъ труда изъ среды завоевателей-иноплемениковъ, представителей «благороднаго» сословія, а потому этого сословія благородныхъ завоевателей не оказалось на Руси, что экономическое развитіе было низко. Рѣзкаго раздѣленія между обоими факторами, конечно, проводить нельзя, потому что необходимо допустить извѣстную степень взаимодѣйствія между ними.

старые элементы совершенно переродились. Въ этомъ признаніи второй нашъ критикъ отличается отъ перваго, который склоненъ признавать «нѣкоторые» старые элементы, напротивъ, живучими и оставившими глубокий слѣдъ въ послѣдующей исторіи. Но и со вторымъ критикомъ, съ которымъ мы соглашаемся въ томъ, что элементовъ удѣльно-вѣчевого періода въ ихъ прежнемъ видѣ болѣе уже не было налицо, мы расходимся въ объясненіи того, почему ихъ не было. Слѣдую Костомарову, онъ всю вину возлагаетъ здѣсь на татарское иго и на произведенный имъ переворотъ въ состояніи «общественныхъ силъ». Мы же, вмѣстѣ съ старой московской исторической школой, готовы искать причину глубже и дальше — въ особенностяхъ социального строя русскаго сѣверо-востока, какъ этотъ строй сложился уже въ дотатарскую эпоху.

Изложенный здѣсь взглядъ на происхожденіе національности и на отношеніи національности къ расѣ долженъ считаться окончательно установленнымъ въ наукѣ. Болѣе подробное развитіе его, со ссылками на источники, см. въ моей книгѣ: Национальный вопросъ (происхожденіе національности и національные вопросы въ Россіи) 1925. Библ. изд-ва «Свободная Россія». Основной работой во время составленія этой части введенія была для меня сводная работа *William Z. Ripley* «The races in Europe, » a sociological study (Lowell Institute Lectures) N. Y. Appleton, 1899, и классическая книга Фридриха Ратцеля *Anthropogeographie*, два тома. Stuttgart 1882-1891. Съ тѣхъ поръ литература эта чрезвычайно разрослась; ссылки на нее см. въ названной моей работѣ. Новыя сводныя работы въ серіи *L'évolution de l'humanité : La terre et l'évolution humaine, introduction géographique à l'histoire* par *Lucien Lefèvre* и *Les races et l'histoire, introduction ethnologique à l'histoire* par *Eugène Pittard*, представляютъ нѣкоторую реакцію по отношенію къ трансформистскимъ взглядамъ; но и они принуждены признать важнѣйшіе выходы, о которыхъ идетъ рѣчь въ текстѣ. Интересна резюмирующая работа нѣсколькихъ нѣмецкихъ ученыхъ, напечатанная въ *Jarbuch für Soziologie* hg. Von Prof. Gottfr. Salomon, какъ *Erster Ergänzungsband* подъ заглавіемъ *Nation und Nationalität, Beiträge Von F. Herz, Wien, S. R. Steinmetz, Amsterdam, G. Roffenstein, Berlin, E. V. Karman, Budapest, 1927; Verl. Braun in Karlsruhe*. Сопоставленные нами мнѣнія социологовъ о характерѣ социальныхъ явленій см. въ сочиненіяхъ **Гаѣр. Тарда**, *Законы подражанія* СПб. 1892, **Гиддингса**, *Основанія Соціологіи*, СПб, 1893, **Штаммлера**, *Хозяйство и право*, СПб. 1907. **Гумпловича**, *Основы соціологіи* СПб, 1899. Замѣчанія Тарда на Гиддингса перепечатаны

въ его *Etudes de psychologie sociale*. Paris, 1898 (Bibl. Sociol. Intern. XIV). Мнѣніе, что реальнымъ носителемъ общественнаго сознанія является индивидуумъ, высказано Тарломъ. Противоположное мнѣніе объ объективномъ существованіи общественной традиціи старался доказать Дюркгеймъ (Правила социологическаго метода). См. возраженіе Гиддингса въ цитированномъ сочиненіи. Социологическое ученіе объ эволюціи общественнаго сознанія, съ различіемъ въ этой эволюціи «эпохи образованія національности» и «эпохи критики», особенно обстоятельно развито, по слѣдамъ Конга и Спенсера, въ сочиненіи В. Беджгота «Естествознаніе и политика». Междунар. Библіотека изд. журнала «Знаніе» № 1, Спб. 1874. Отсюда это дѣленіе перешло и къ Гиддингсу, сочиненіе котораго я особенно рекомендую читателю въ виду умѣнья этого автора связать въ стройное цѣлое крупныя истины, разсѣянныя въ различныхъ социологическихъ доктринахъ. Изъ произведеній «бехевиористовъ» переведено по-русски сочиненіе Макъ Доугалля: Основные проблемы социологической психологіи М. 1916. Изъ русскихъ изслѣдователей на этой точкѣ зрѣнія стоятъ Бехтеревъ въ многословной и некритической работѣ «Общія основы рефлексологіи» (восходитъ къ толчку, данному научными работами проф. Павлова см. его сборникъ «Двадцатилѣтній опытъ объективнаго изученія высшей нервной дѣятельности животныхъ» Москва - Петроградъ, Госиздат. 1923) и Питиримъ Сорокинъ, Система социологіи. Соціальная аналитика т. I и II. Петроградъ, изд. «Колосъ» 1920. Часть 1-я этой работы появилась также въ сильно сокращенномъ видѣ въ Прагѣ 1924. Изъ американскихъ произведеній этого специфически американскаго направленія отмѣтимъ другое сочиненіе Мк. Доугалля: An introduction to social psychology, fifth edition, Boston, 1916. Albert Paul Weiss. A theoretical basis of human behaviour. Columbus. Ohio. 1925. Тамъ же подробная библіографія бехевиоризма. Критическіе отзывы на «Очерки», разобранные въ концѣ Введенія, принадлежатъ В. А. Мякотину, «Русское Богатство» 1896, № 10 и г. П. Б. «Нѣсколько замѣчаній объ Очеркахъ по исторіи русской культуры г. Милюкова» «Русское Богатство» 1898; № 8.

I. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ОРГАНИЧЕСКОЙ ЭПОХИ И ПЕРВЫЯ ПОПЫТКИ ИХЪ КРИТИКИ (XV—XVII ВѢКА)

I.

Образованіе націоналистической идеологiи

Общій характеръ историческаго перелома въ концѣ XV вѣка — Жигейскіе элементы новой московской программы. — Традиція скопидомства. — Традиція «единства», превратившаяся въ традицію «объединенія». — Традиція религіознаго единства и ея отношеніе къ идеѣ національнаго объединенія. — Религія, какъ средство въ рукахъ московской политики. — Идеологическіе элементы московской программы и ихъ общій источникъ. — Идея крестового похода противъ турокъ, какъ главная причина интереса Европы конца XV в. къ Россіи. — Левантинцы: итальянцы и греки, какъ посредники при первыхъ сношеніяхъ. — Женитьба на Софѣ Палеологѣ, какъ первый результатъ сношеній. — Политическія послѣдствія брака и первыхъ сношеній съ европейскими государями. — Неудачныя попытки ввести Ивана III въ международную іерархію государей. — Быстрый ростъ и практическій успѣхъ идеи «пан-руссизма». — Теорія и дѣйствительность «борьбы съ исламомъ». — Дальнѣйшее развитіе московской политической идеологiи при помощи южныхъ славянъ. — Національное самосознаніе, какъ продуктъ исторіи южныхъ славянъ. — Его формулировка въ сооѣтственной политической идеологiи. — Перенесеніе этой идеологiи на Москву. — Славянскіе литераторы (Киприанъ, Пахомій) овладѣваютъ русскими національными темами. — Московскій князь рисуется въ чертахъ славянскаго «царя и самодержца». — Москва становится «новымъ Царыградомъ». — Пропаганда новыхъ идей русскими писателями (Филоѳей). — Связь славянскихъ идей съ русской идеей «панруссизма» при помощи легенды объ историческомъ преемствѣ власти отъ Византіи.

Послѣднія двадцать лѣтъ XV-го вѣка въ русской исторіи отличаются цѣлымъ рядомъ нововведеній, рѣзко отдѣляющихъ ихъ отъ всего предыдущаго времени. Русская политическая жизнь круто по-

ворачиваетъ на новую дорогу. Въмѣсто нѣсколькихъ великихъ княжествъ, дробящихся на множество мелкихъ удѣловъ, мы встрѣчаемъ компактную массу московскихъ владѣній, почти уже поглотившихъ все земли своихъ крупныхъ и мелкихъ сосѣдей. Въмѣсто прежняго великаго князя, договаривающагося ч воюющаго съ этими ближайшими сосѣдями, мы видимъ «государя всея Руси». Онъ заботится не о мелкихъ прикупкахъ и «примыслахъ», а объ окончательномъ объединеніи подъ своей властью всей русской народности. И для достиженія этой цѣли онъ не хлопочетъ больше о томъ, чтобы подкупить ханскихъ совѣтниковъ и какъ-нибудь выклянчить у хана ярлыкъ. Онъ теперь самъ «царь», не хуже ордынскаго, и «самодержецъ», не пуждающійся ни въ какой чужеземной санкціи своей власти. Его дипломаты, во что бы то ни стало, хотятъ быть на равной ногѣ не только съ правительствомъ венеціанской республики, но и съ самимъ цесаремъ римскимъ. Словомъ, на почвѣ стихійныхъ успѣховъ, достигнутыхъ «прародителями», московскій государь вырабатываетъ широкую программу политики, которой сознательно и твердо придерживается съ этихъ поръ его правительство и его потомки. И, — что насъ особенно интересуетъ здѣсь, — въ этой программѣ текущія государственныя задачи впервые получаютъ болѣе или менѣе отвѣченную идеологическую формулировку. Политическая идеологія московскій государственной программы скоро становится достояніемъ «народнаго сознанія», и надолго переживаетъ создавшую ее историческую обстановку. Вотъ почему намъ предстоитъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ этой программѣ и тщательно выдѣлить въ ней элементы житейскіе и элементы идеологическіе.

Заранѣе можно сказать, что именно послѣдніе, т. е. идеологические элементы и составляютъ то новое, что даетъ особую, бросающуюся въ глаза окраску всему періоду, въ течение котораго осуществляется новая программа. Напротивъ, элементы, непосредственно вытекающіе изъ потребностей текущей жизни, связываютъ московскую дѣятельность съ прошлымъ, составляя лишь прямой и логическій результатъ медленной, стихійной работы предыдущихъ поколѣній. Попытаемся же анализировать и тѣ, и другіе составные элементы московской политической программы.

Въ только что упомянутой «стихійной работѣ» прародителей московскаго самодержца, безъ сомнѣнія, была своя сознательность и своя традиція. Еще сынъ Калиты, Симеонъ Гордый, вполнѣ отчетливо подчеркиваетъ эту традицію, кончая свое духовное завѣщаніе (1353) такими выраженіями: «а пишу вамъ это слово того ради,

чтобъ не перестала память родителей нашихъ и наша, и *свѣча бы не гасла*. Симеонъ могъ быть спокоенъ. Свѣча, зажженная Калитой, не гасла, а разгоралась яркимъ пламенемъ при его сыновьяхъ, внукахъ, правнукахъ и праправнукахъ. Первый русский самодержецъ стоялъ на плечахъ пяти поколѣній, и потому видѣлъ такъ далеко и широко. Но вѣрно, однакожъ, и то, что его предкамъ никогда и не снились такіа широкія перспективы. Прикуная и «примышляя» деревню къ деревнѣ, волость къ волости, коня въ своей казнѣ золотого и серебра, ожерелья и мониста, козухи червленые жемчужные и пояса «съ каменьямъ», обещитывая татаръ на дани и насильничая надъ «своей братьей», князьями, — эти «прародители» не шли въ своихъ политическихъ мечтахъ дальше смутной надежды, что придетъ когда-нибудь время и «Богъ освободитъ ихъ отъ Орды». Если бы спросить ихъ, что они будутъ дѣлать съ своей свободой, они, вѣроятно, не смогли бы развить никакой иной программы, кромѣ все той же старой, привычной, ставшей инстинктомъ: еще больше примышлять и копить, обманывать и насильничать, — съ единственной цѣлью добиться какъ можно больше власти и какъ можно больше денегъ. Такимъ образомъ, традиція «скопи́домства» была самой коренной, самой натуральной и наименѣе идеологической изъ всѣхъ традицій московской великокняжеской семьи.

Самая необходимость борьбы съ татарами намѣчала, правда, иные, болѣе отвлеченныя цѣли; но онѣ едва ли отчетливо сознавались, тѣмъ болѣе, что отчасти противорѣчили очереднымъ задачамъ практической политики. Въ томъ самомъ завѣщаніи Симеона, непосредственно передъ цитированными словами, находятся совѣты, хотя и традиціонные, но сохранявшие тогда очень реальный смыслъ. «Какъ отецъ мой приказалъ вамъ жить заодно, такъ и я вамъ приказываю; лихихъ людей не слушайте, а если кто васъ будетъ есорить, слушайте отца нашего, владыки Алексѣя». Дѣйствительно, необходимость быть «за одинъ» была особенно осязательна, въ виду перспективы борьбы съ татарами. Но такое единство могло быть достигнуто на практикѣ лишь цѣлой уничтоженія однимъ изъ соперниковъ всѣхъ прочихъ. Такимъ образомъ, въ устахъ счастливаго побѣдителя эта мораль «прародителей» должна была по необходимости принять другую форму. Быть «за одинъ» — ему болѣе не нужно было; но онъ твердо запомнилъ, что не надо дѣлиться съ другими. Старорусская, шедшая еще съ кievскаго юга традиція «единства» превратилась, въ силу обстоятельствъ, въ традицію «объединенія». Не единеніе князей-родичей, а единство власти въ рукахъ одного

«господаря» — таковъ былъ практическій урокъ, вынесенный московскимъ княземъ какъ разъ изъ безплодности прагматовской морали. Какъ отчетливо и сознательно усвоилъ себѣ Иванъ III этотъ урокъ, мы знаемъ, по счастливой случайности, изъ его собственныхъ выражений. Вѣсть о томъ, что зять Александръ литовскій князь, женатый на дочери Ивана, Еленѣ, хотѣлъ дать брату Сигизмунду *подѣлъ* въ литовской землѣ, подняла въ умѣ Ивана цѣлую тучу воспоминаній, и онъ продиктовалъ своимъ посламъ, ѣхавшимъ къ Еленѣ, въ Вильну, слѣдующее внимательное предостереженіе. «Передали миѣ, что князь великій и паны хотятъ Сигизмунду дать въ литовскомъ великомъ княжествѣ Кіевъ и другіе города. Вотъ что, дочь моя: слыхалъ я, каково было нестроенье въ литовской землѣ, когда было государей много. Да и въ нашей землѣ, ты слышала, каково было нестроенье при моемъ отцѣ; а послѣ отца моего, каковы были дѣла и миѣ съ братьею, надѣюсь, слышала, а иное и сама помнишь. И если Сигизмундъ будетъ въ литовской землѣ, какая вамъ отъ того польза? Я это велю тебѣ передать потому, что ты — дитя наше и что дѣло наше начнетъ дѣлаться не какъ слѣдуетъ, а миѣ того жалъ».

Самъ Иванъ велъ свое «дѣло» «какъ слѣдуетъ», но онъ былъ не совѣтъмъ справедливъ къ своимъ предкамъ. Дѣло въ томъ, что извѣстные намъ совѣты — быть заодно съ «братьею» — эти предки чѣмъ дальше, тѣмъ больше сопровождали такими распоряженіями, при которыхъ нравственная обязанность младшей братии превращалась въ политическую необходимость. «Прародители Ивана» все болѣе и болѣе увеличивали долю старшаго въ наслѣдствѣ и обдѣляли младшихъ. Старшій сынъ Дмитрія Донского, какъ извѣстно, вносилъ съ своей доли 34% татарской дани, т. е. владѣлъ третью русскихъ доходовъ, а самъ Иванъ III, его правнукъ, получилъ отъ отца уже половину всѣхъ русскихъ городовъ, и притомъ лучшую. Онъ передалъ своему сыну такую долю, съ которой шло уже цѣлыхъ 72% татарской дани, т. е. недалеко до грѣхъ четвертей всѣхъ русскихъ доходовъ.

Какъ видимъ, Иванъ III всецѣло стоялъ на плечахъ своихъ предковъ, когда критиковалъ ихъ политику съ высоты достигнутыхъ имъ результатовъ. Онъ только видѣлъ, какъ мы сказали, лучше и дальше, а потому могъ отнестись гораздо сознательнѣе къ ихъ идеѣ. А главное, препятствія къ осуществленію этой идеи были настолько ослаблены къ его времени, что онъ имѣлъ полную возможность провести идею несравненно послѣдовательнѣе.

Въ завѣщаніи Симеона мы отмѣнимъ еще одинъ совѣтъ, кромѣ совѣта о нравственномъ единеніи, участь котораго мы только-что

прослѣдили. «Слушайте владыки Алексѣя», писалъ Симеонъ. Этотъ совѣтъ напоминаетъ намъ о другомъ элементѣ, роль котораго въ новой политической идеологіи намъ предстоитъ оцѣнить: элементъ религиозномъ. Казалось, по самому своему существу, этотъ элементъ толкалъ на путь идеологіи гораздо сильнѣе, чѣмъ элементъ политической борьбы. Однако, какъ увидимъ, московская политика и изъ него прежде всего создала себѣ орудіе для достиженія своихъ ближайшихъ житейскихъ цѣлей.

Борьба только начинавшихся политическихъ центровъ за то, которому изъ нихъ быть резиденціей митрополита, началась, какъ извѣстно, съ очень давняго времени. Митрополитъ былъ религиознымъ представителемъ *«всѣя Руси»* гораздо раньше, чѣмъ московскій князь сдѣлался ея политическимъ представителемъ. Онъ былъ по самому своему положенію оффиціальнымъ представителемъ *всѣй* русской народности, пока вся Русь оставалась единственной восточно-славянской епархіей въ вѣдомствѣ константинопольскаго патриарха. Мало того, что самъ митрополитъ являлся невольнымъ представителемъ *«всѣя Руси»*; онъ переносилъ это положеніе и на того князя, возлѣ котораго избиралъ свою постоянную резиденцію. Когда тверскому князю Михаилу Ярославичу удалось заручиться содѣйствіемъ митрополита Петра, онъ тотчасъ же, въ подражаніе титулу митрополита, сталъ называть и себя «великимъ княземъ *всѣя Руси»*. Такимъ образомъ, московскій соперникъ тверскихъ князей, Иванъ Калита, не вводилъ ничего новаго, а просто копировалъ своихъ враговъ, когда, перетянувъ митрополита Петра на свою сторону, и онъ тоже перенималъ этотъ самый титулъ «великаго князя *всѣя Руси»*. Не забудемъ, что то и другое произошло за полтора вѣка до того времени, когда Иванъ III положилъ этотъ же титулъ въ основу своей національной политики.

Ничего подобнаго его политикѣ мы не найдемъ, однако же, у этихъ его предшественниковъ по титулу. Одно это сопоставленіе показываетъ, что въ XIV в. религиозный элементъ еще не могъ играть такой политической роли, какую онъ сталъ играть съ конца XV в. Идея всероссійскаго религиознаго единства, очевидно, не вызывала въ умахъ идеи всероссійскаго политическаго единства, и даже титулъ великаго князя *«всѣя Руси»* звучалъ совершенно безопасно и невинно. Имъ, самое большое, отмѣчались претензіи на гегемонію въ своеобразной политической федераціи, какую представляла система княжествъ удѣльнаго періода, а вовсе не стремленія къ политическому объединенію *всѣй* русской народности.

Эта старая роль церкви, как представительницы морального единства, была уже сыграна, когда началась объединительная политика Ивана III-го. Церковь уже потому не могла долѣе служить носительницей національной идеи, что сама она раскололась къ этому времени на двѣ половины, соответственно двумъ частямъ Руси: литовской и московской. Литовская Русь получила въ срединѣ вѣка своего собственнаго духовнаго главу, который шелъ по слѣдамъ митр. Исидора, т. е. стремился провести въ жизнь формальное признание юго-западной русской церковью флорентійской уніи. Напротивъ, іерархія сѣверо-восточной Руси съ этихъ же самыхъ поръ вновь подчинилась цѣлямъ княжеской политики и цѣной своей свободы и независимости отъ свѣтской власти приобрѣла независимость, сперва фактическую, а позже и формальную, отъ византійскаго патріарха. Такимъ образомъ, церковь не ведетъ здѣсь за собой національную идею, а сама слѣдуетъ за ея развитіемъ, какъ послушное орудіе въ рукахъ государства.

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XV вѣка изъ этого орудія было сдѣлано первое широкое примѣненіе. Государь «всея Руси» объявилъ войну государю литовской Руси во имя защиты православія противъ «римскаго закона». Защитой православія онъ оправдывалъ все свои захваты у Литвы не только передъ своей непосредственной жертвой, но и передъ государями Европы, и даже передъ самой папой. Это была идеологія, соприкасавшаяся очень близко съ дѣйствительностью, но тѣмъ не менѣе, не совпадавшая съ нею всецѣло. Въ литовской Руси была своя православная партія, боровшаяся противъ окатоличенія Литвы; но борьбу свою она вела совсѣмъ другими средствами, и помощь Ивана явилась для нея тѣмъ болѣе непрощенной, что онъ, въ сущности, и не думалъ вступать съ этой партіей въ болѣе близкія отношенія. Для его ближайшихъ цѣлей достаточно было имѣть постоянный предлогъ къ вмѣшательству въ литовскія дѣла: этотъ предлогъ давали ему — въ значительной степени мнимыя — притѣсенія его дочери католиками. Нужно только прочитать въ дипломатическихъ бумагахъ того времени эти постоянные упреки зятю и внушенія дочери, все въ тѣхъ же словахъ, превратившихся въ концѣ концовъ, въ условныя формулы, отлично служившія въ рукахъ московскихъ дипломатовъ, но совершенно игнорировавшія дѣйствительность. Иванъ объяснялъ, далѣе, и переѣздъ къ нему на службу мелкихъ пограничныхъ князей и передачу Москвѣ ихъ владѣній — все той же «нужею, что ихъ нудятъ приступить къ римскому закону».

Мы видимъ теперь, что и объединительная политика, и употреб-

ление, въ ея видахъ, религіозно-національной идеи хотя и имѣютъ свои корни въ болѣе или менѣе далекое прошлое, въ политикѣ предковъ московскаго самодержца, но, тѣмъ не менѣе, въ его собственномъ употребленіи эти старыя идеи обогащаются новыми чертами и совершенно теряютъ, въ концѣ концовъ, свой старый характеръ. Такъ идея моральнаго единства всей «братыи» уступила мѣсто безусловному политическому подчиненію всѣхъ остальныхъ передъ «старѣйшимъ», ихъ «господиномъ». Такъ и идея религіознаго единства всей русской народности послужила средствомъ для оправданія завоевательной политики московскаго князя. Та ч другая перемѣна могла бы совершиться, и частью совершилась, — просто въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, безъ всякаго воздѣйствія постороннихъ идеологій. Но теперь мы должны обратить вниманіе на другую сторону дѣла, — на чисто идеологическій элементъ московской программы. Только разборъ этого элемента можетъ объяснить, почему новая программа была такъ быстро и такъ сознательно формулирована, и откуда взялись тѣ идейныя наросты на этой программѣ, съ которыми намъ еще предстоитъ познакомиться.

Секретъ этого быстрого идейнаго перелома, переодѣвшаго великаго князя удѣльнаго періода въ царскій костюмъ, находится тамъ же, гдѣ и двѣсти лѣтъ спустя, въ моментъ переодѣванія московскаго царя въ европейское платье. Тогда, при Петрѣ, Россія заинтересовалась Европой и принялась черпать полными руками изъ ея культурной сокровищницы новыя нравы и новыя мысли. Теперь, при Иванѣ, московская Русь была еще слишкомъ некультурна, чтобы заинтересоваться Европой. Но теперь Европа заинтересовалась Россіей и обронила на русской почвѣ скудныя сѣмена, давшія скоро на этой нетронутой почвѣ совсѣмъ своеобразныя всходы.

Въ эпоху Ивана III всю интеллигентную Европу проникала одна мысль — общаго крестоваго похода противъ турокъ. За исключеніемъ Бѣлграда, остававшагося (до 1521 г.) за венграми, Балканскій полуостровъ былъ въ послѣднія десятилѣтія XV в. уже въ турецкихъ рукахъ. Съ Дуная турки грозили румынамъ и венграмъ, австрійскимъ славянамъ и нѣмцамъ. Они начинали также присматриваться и къ Италіи, куда не разъ призывали ихъ внутреннія ссоры мелкихъ династовъ. Всѣ эти земли уже непытали на себѣ въ то время тяжесть турецкихъ набѣговъ. Естественнымъ вождемъ оппозиціи противъ торжества ислама являлся глава западнаго христіанскаго міра, папа. Кромѣ него, больше всего въ Италіи заинтересованы были въ борьбѣ двѣ торговыя республики, соперничавшія на

южно-европейскомъ востокѣ и имѣвшія тамъ повсюду свои колоніи: Генуя и Венеція. Въ Италіи заинтересованными лицами были наслѣдники послѣдняго византійскаго императора, продававшие свои права тому, кто дороже дастъ, и римскій императоръ германской націи, старавшійся наловить въ замутившейся волѣ европейской политики какъ можно больше добычи на своей восточной границѣ. У всѣхъ этихъ лицъ и государствъ было слишкомъ много противорѣчащихъ другъ другу интересовъ и эгоистическихъ побужденій, чтобы можно было надѣяться на осуществленіе идейнаго союза между ними. Тѣмъ охотѣе они претоставляли честь и мѣсто всякому, кто согласился бы принять безкорыстно участіе въ такомъ союзѣ.

Такоеъ былъ историческій моментъ, когда Европа открыла Россію. Честь этого открытія принадлежитъ, главнымъ образомъ, левантинцамъ. Этотъ типъ людей безъ отечества, съ тонкимъ умомъ и расттужимой моралью, охотно балансирующіхъ на той неувимой границѣ, которая отдѣляетъ дипломатію отъ шарлатанства, несомнѣнно, сложился вполнѣ уже въ то время. Наблюдательные и прощипательные, они умѣли угадать, что кому нужно, и торговали тѣмъ товаромъ, на который былъ спросъ. Въ Италіи они открывали каютеры поэзіи и толковали Гомера и Демосоена; въ Москвѣ они соеватали великому князю племяннику византійскаго императора, Зою (Софію) Палеологъ. Дѣло было щекотливое, такъ какъ папа считалъ Зою, которую онъ пріютилъ у себя, ревностною католичкой, а для московскаго князя нужна была «православная христіанка». Два левантинца, одинъ итальянецъ, другой грекъ, уладили это затрудненіе, какъ нельзя лучше. Итальянецъ (Джанъ-Баттиста делла Вольпе, монетчикъ Ивана) взялъ на себя обмануть папу, обѣщавъ ему, что Россія подчинится св. престолу: грекъ (Юрій Траханиотъ, *magister domus* или дворецкій отпа невесты, Оомы Палеолога, перешедшій потомъ на московскую службу) обманулъ Ивана III, засвидѣтельствовавъ, якобы отъ имени византійскаго кардинала Виссаріона, «православное христіанство» Зои и рассказавъ при этомъ кучу небылицъ о ея женихахъ, которымъ она будто бы отказала изъ отвращенія къ латинству (на дѣлѣ, женихи ей отказывали). По дорогѣ, посланный Вольпе успѣлъ еще провести венецианцевъ, помянувъ ихъ перспективой союза съ Золотой Ордой и предложивъ себя въ коммисіонеры. Второе дѣло сорвалось, зато первое наладилось. Московскій «вар. аръ» сталъ мужемъ «византійской царевны», какъ не переставала себя величать католическая Зоя, превратившаяся на русской почвѣ въ православную Софію (1472).

Отдавалъ ли себѣ Иванъ III ясный отчетъ во всѣхъ тѣхъ преимуществахъ, которыя онъ получалъ въ глазахъ Европы отъ этого брака? Европа, съ своей стороны, не упускала случая ему напомнить объ этихъ преимуществахъ. Иванъ получилъ теперь право войти въ семью цивилизованныхъ государей Европы въ почетной роли защитника христіанства противъ турокъ, — въ роли, въ которой заинтересована была, какъ мы видѣли, прежде, всего, сама Европа. Вотъ почему венеціанскій сенатъ уже въ 1473 г. напоминаетъ Ивану, что «въ случаѣ прекращенія мужскаго потомства византійскихъ императоровъ, послѣдственные права переходятъ къ нему, Ивану, по женѣ». Является въ Москву (1480 и вторично 1490) и самъ послѣдникъ, готовый продать свои права за деньги. Должно быть, расчетливому московскому князю права эти показались не стоящими цѣны, которую за нихъ требовали, и скоро Андрей Палеологъ нашелъ себѣ болѣе выгоднаго покупателя въ лицѣ французскаго короля Карла VIII. Но въ европейской владѣтельной семьѣ долженъ же былъ московскій государь имѣть какое-нибудь опредѣленное положеніе. И вотъ, начались попытки купить у Ивана его услуги цѣной королевскаго титула. Уже въ 1484 году папа Сикстъ IV съѣздитъ успокоить волненія по этому поводу польскаго короля Казимира. Онъ общается ему, что если Иванъ попроситъ у папы званія императора или короля «всей русской нации» (*in tota ruthenica natione*), то онъ не дастъ ему этого званія, не спросившись предварительно у поляковъ. Про польскіе страхи узналъ тогда же и одинъ случайный германскій путешественникъ, захватившій въ Россію въ 1486 г. (Николай Понпель). По его свѣдѣніямъ, которыя онъ черезъ два года сообщилъ въ Москвѣ самому великому князю, «королю польскому очень не хочется, чтобы римскій папа сдѣлалъ великаго князя королемъ; онъ посылалъ къ папѣ великіе дары, чтобы папа этого не дѣлалъ... Ляхи очень боятся того, что если твоя милость будетъ королемъ, то тогда *вся Русская земля, которая подъ королемъ польскимъ, отступитъ отъ него и твоей милости будетъ послушна*».

На этотъ разъ, какъ и въ наше время, «черезчуръ большая забота о больномъ сдѣлалась причиной болѣзни». Московскій князь выслушалъ очень равнодушно увѣренія Понпеля, что не въ папѣ дѣло, что титулъ короля можетъ дать только императоръ, и что Иванъ можетъ если захочетъ, получить этотъ титулъ на извѣстныхъ условіяхъ отъ его господина. Громкое имя «римскаго императора» было пустымъ звукомъ для невѣжественныхъ ушей Ивана III. Титулъ «короля» не только оставлялъ его вполне равнодушнымъ, но даже раз-

дражалъ, какъ знакъ какого-то подчиненія. Входя въ европейскую семью, онъ хотѣлъ, если не быть первымъ, то остаться самымъ по себѣ, совершенно несоизмѣримымъ съ установленными ступенями европейской іерархіи государей. Первые московскіе послы не хотѣли уступать въ чести ни Франціи, ни Испаніи, тогдашнимъ сильнѣйшимъ державамъ Европы. Въ соборѣ св. Марка и въ Ватиканскомъ дворцѣ они претендовали на первое мѣсто: въ Вѣнѣ они требовали, чтобы императоръ назначилъ въ женихи дочери московскаго князя — своего наследника: герцоги и маркграфы были для нея слишкомъ ничтожными особами. Самая тонкая государственная мудрость не могла продиктовать Ивану болѣе ловкаго отвѣта, чѣмъ тотъ, который онъ далъ Понпелю въ своемъ наивномъ невѣдѣніи европейскихъ отношеній. «Что ты намъ говоришь о королевствѣ», отвѣчали дипломаты московскаго князя германскому послу. — «то мы, Божіею милостию, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога — какъ наши прародители такъ и мы, просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ и быть, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а поставленія, какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ». Однако, скоро въ самой Москвѣ такая мотивировка, подсказанная старой житейской традиціей, показалась недостаточной. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ московскіе послы придумали для императора новый, болѣе пышный отвѣтъ, въ которомъ, какъ скоро увидимъ, уже играла роль принесенная изъ-за границы политическая идеологія.

Какъ бы то ни было, къ соблазнамъ западнаго государственнаго права Иванъ III остался холоденъ. Совершенно иначе отнесся онъ къ подсказанной Понпелемъ идеѣ «панрусизма». Мы не знаемъ, насколько основательны были страхи короля польскаго: но если бы даже у Ивана III не было раньше никакой мысли о томъ, чтобы добыть оружіемъ литовскую Русь, то теперь напоминанія и намеки изъ-за границы должны были зацѣпить въ душу Ивана. Нельзя-ли было добыть «всю русскую землю, которая подъ королемъ польскимъ (и подъ великимъ княземъ литовскимъ)» и безъ королевскаго титула, безъ панской или императорской санкціи? Отвѣтъ на это заключался въ только что приведенныхъ словахъ, сказанныхъ Понпелю московскими дипломатами. Если москвичи забыли, что южная Русь когда-то тоже принадлежала великому князю кievскому и что послѣдняго можно тоже разсматривать, какъ «прародителя», а его владѣнія, какъ московскую «отчину», то теперь императоръ и пана дол-

жны были имъ объ этомъ напомнить. Вотъ почему Иванъ, отвергнувъ королевскій титулъ, такъ энергично ухватился за сдѣланные ему намеки на возможность претензій съ его стороны — владѣть всею Русью. И онъ отвѣчаетъ императорскому послу, Георгу фонъ-Турну (1490), что хочетъ съ «королемъ» Максимилианомъ и любви, и дружбы, и «единачества», что готовъ «быть съ нимъ за одинъ на своихъ недруговъ», т. е. на польскаго короля, съ тѣмъ, чтобы каждый «доставалъ своихъ отчинъ» у этого своего соперника: Максимилианъ — Угорскаго королевства, а Иванъ — «Кіевскаго великаго княжества». И онъ торошитъ императора, упрекаетъ его въ охлажденіи, убѣждаетъ «поотставитъ инья свои дѣла и пристать къ тому своему дѣлу накрѣпко». Не дождавшись помощи Максимилиана, онъ, наконецъ, рѣшается приняться за дѣло самъ, и ведетъ его съ упорной настойчивостью, поражающей постороннихъ наблюдателей и приведшей къ желанному концу. Въ 1493 году онъ формально принимаетъ титулъ, подсказанный историческими прецедентами и такъ кстати освѣженный въ памяти дипломатами папы и императора: титулъ «государя всея Руси». На протестъ литовскаго зятя, державшаго пошъ собой половину этой «всея Руси», московскіе дипломаты отвѣчаютъ уже съ увѣренностью и англобонъ, которые надолго остаются ихъ привилегіей. «Государь нашъ ничего высокаго не писалъ и никакой новости не вставилъ. Онъ отъ начала — правый *уроженецъ-государь* всея Руси, чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ». И по мѣрѣ своихъ мирныхъ захватовъ и военныхъ пріобрѣтеній, Иванъ III послѣдовательно развиваетъ разъ принятую точку зрѣнія. Все, отнятое у Литвы, — «наша вотчина». «Да и не то одно — наша вотчина, что нынѣ за нами: и вся русская земля, Божіей волей, изъ старины отъ нашихъ прародителей — наша вотчина», не забываютъ прибавлять всякій разъ москвичи. За годъ до смерти Ивана (1504) этотъ тезисъ развивается еще опредѣлениѣе. «Вся русская земля — Кіевъ и Смоленскъ и иные города — отъ нашихъ прародителей — наша вотчина, и онъ бы (король) намъ русской земли *всей* — Кіева, Смоленска и *иныхъ городовъ...* поступился». Эта глухая ссылка на «иные» города даетъ возможность постоянно расширять требованія: такъ, въ 1517 г., уже при Василии III, встрѣчаемъ формулу: «Кіевъ, *Подоукъ, Витебскъ* и, опять-таки, «иные города». На самого хладнокровнаго читателя сухихъ посольскихъ донесеній этотъ тяжелый, размѣренный шагъ московскаго «каменнаго гостя» способенъ произвести впечатлѣніе какого-то давящаго кошмара.

Но что же случилось съ миссіей великаго князя, какъ защитника христіанства отъ «невѣрныхъ»? Въ этомъ отношеніи новый союзникъ такъ же разочаровалъ западное христіанство, какъ разочарованы были и сами его представители другъ въ другѣ. Вся разница была только въ томъ, что Иванъ III не чувствовалъ даже потребности и не давалъ себѣ труда прикрывать громкими фразами эгонистическую подкладку своей политики. Онъ не прочь былъ побороться противъ «поганства»; но онъ предусмотрительно спрашивалъ всегда: противъ *«котораго поганства»*? Какъ у европейскихъ государей, какъ у польско-литовскаго короля и князя, у Ивана III было свое «поганство», съ которымъ онъ дружилъ не только противъ другого «поганства» же, но и противъ своихъ христіанскихъ сосѣдей. Такимъ былъ его старый другъ, крымскій ханъ Менглы-герай, оказавшій Ивану незамѣнимыя услуги въ борьбѣ съ Золотой Ордой и съ польско-литовскимъ государствомъ. Какъ разъ въ то время крымскій ханъ сдѣлался вассаломъ турецкаго султана, только-что вытѣснившаго генуэзцевъ съ южнаго берега Крыма. Дружба Ивана съ Менглы-гераемъ открывала ему путь къ прямымъ сношеніямъ съ самимъ падишахомъ. Послѣ предварительной переписки черезъ крымскаго пріятеля, московскій посланникъ (1494) появился на берегахъ Босфора. Въ столицѣ вождя правовѣрныхъ, какъ въ столицѣ римскаго императора, представитель московскаго князя игнорировалъ установившіеся обычай этикета и требовалъ для себя исключительнаго положенія. Потомокъ пророка былъ жестоко шокированъ. Но это не помѣшало Высокой Портѣ отплатить въ Москву отвѣтъ, наполненный самыми утонченными любезностями въ восточномъ вкусѣ, и дать, спустя нѣсколько лѣтъ, русскимъ купцамъ значительныя преимущества въ торговлѣ (1499). И еще черезъ нѣсколько лѣтъ (1503) на новое предложеніе помириться съ польско-литовскимъ государствомъ для общей войны противъ турокъ, Иванъ III упрямо отвѣчаетъ папѣ затверженными словами, что, конечно, онъ «какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стоялъ, такъ и нынѣ и впредь, если дастъ Богъ, хотеть за христіанство противъ поганства стоять»; но вотъ въ войнѣ съ Литвой виновать не онъ, а его противникъ, а «русская земля отъ нашихъ предковъ, изстаринны, наша вотчина»...

Такова была единственная идеологія, *непосредственно* извлеченная самимъ Иваномъ III изъ сношеній съ западно-европейскими дипломатами. Но самый фактъ этихъ сношеній долженъ былъ послужить источникомъ для другихъ идеологій, и, прежде всего, для даль-

нѣйшаго развитія той, которую мы только-что отмѣтили. Чтобы прослѣдить это дальнѣйшее развитіе русской національной идеологіи, мы должны вернуться изъ Европы въ Москву, — на этотъ разъ обогащенную плодами своихъ первыхъ сношеній съ Европой.

Здѣсь мы прежде всего встрѣтимся съ вліяніемъ новаго элемента. Итальянцы и греки были самыми подходящими людьми, чтобы завести виѣшнія сношенія Россіи съ Европой. Но чтобы воздѣйствовать на русскую національную психологію, многого не хватало не только первымъ, но и вторымъ. У грековъ былъ свой національный патріотизмъ, узкій и исключительный, проводившій рѣзкую границу между своими и чужими. Если еще и въ настоящее время они не перестали считать русскихъ, по старой привычкѣ, «варварами», то можно себѣ представить, что было въ эпоху Ивана III. Принужденные лѣстить и кланяться, выпрашивая подачекъ у московскаго государя, они загнаивали въ душѣ презрѣніе и недоброжелательство къ своимъ покровителямъ-дикарямъ. Московскіе люди платили имъ за эти чувства подозрительностью и недоувѣріемъ. Несравненно ближе чувствовали себя къ русскимъ *южные славяне*: они-то и явились самыми естественными воспитателями русскаго національнаго чувства въ его первыхъ проявленіяхъ въ разсматриваемую нами эпоху.

Въ нихъ самихъ вся ихъ исторія воспитала это національное чувство и періодически приводила къ самому рѣзкому обостренію его. И всякій разъ причиной такого обостренія національнаго чувства являлась вражда южныхъ славянъ къ грекамъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда среди балканскихъ славянъ обнаруживалось сколько-нибудь самостоятельное культурное движеніе, въ основѣ его всегда лежала ненависть къ цивилизаціи «ромеевъ», или, точнѣе говоря, къ проявленіямъ ихъ національнаго высокоумія. Цѣлью подобныхъ національных движеній всегда становилась политическая борьба за независимость отъ византійскаго императора и религіозная борьба за независимость отъ константинопольскаго патріарха. Свой собственный, славянскій императоръ и свой патріархъ — таковы были вѣковѣчные идеалы южно-славянскихъ національных стремленій.

Въ послѣдній разъ передъ турецкимъ завоеваніемъ это національное чувство вспыхнуло въ XIV в. при болгарскомъ Александрѣ и сербскомъ Душанѣ. Оба поспились съ мыслью — завоевать самимъ Константинополь и водворить на мѣстѣ Византіи славянскія державы: сербско-греческую и болгаро-греческую. Для начала, оба стали титуловать себя «царями» и «самодержцами», а Стефанъ Душанъ и формально короновался (1346). Что касается церковной незави-

симости, въ Болгаріи самостоятельное патріаршество (сперва въ Охридѣ, потомъ въ Тырновѣ) существовало уже издавна. Душанъ завелъ у себя вновь такого же самостоятельнаго патріарха для сербовъ. Византійскій этикетъ повновластно воцарился при дворахъ славянскихъ государей, давно уже привыкшихъ величаться византійскими придворными титулами и окружать себя виѣшними знаками почета, принятыми при императорскомъ дворѣ.

Какъ видимъ, программа для Москвы, новой наслѣдницы Царьграда, была во всѣхъ главныхъ чертахъ намѣчена югославянскими прецедентами. Намѣчена была тогда же и тамъ же и самая идеологія, пригодная для Москвы въ ея новомъ положеніи.

Въ одной болгарской рукописи середины XIV вѣка, писанной по повелѣнію «царя и самодержца» Іоанна Александра, мы уже находимъ не только тѣ же самыя мысли, которыя полтора вѣка спустя найдемъ въ Москвѣ, но даже и тѣ самыя выраженія. Писецъ вставляетъ въ текстъ старой византійской хроники (Манассіи) вотъ какую новую замѣтку. «Все это приключилось съ *старымъ* Римомъ; нашъ же *новый* Царьградъ стоитъ и растетъ, крѣпится и омлаждается. Пусть онъ и до конца растетъ, — о Царь, всѣми царствующій, — принявши (въ себя) такого свѣтлаго и свѣтоноснаго царя, великаго владыку и изряднаго побѣдоносца, происходящаго изъ корени Асѣня, прензящаго царя болгаръ, — я разумѣю Александра прекроткаго, и милостиваго и мнхолобиваго, нищихъ кормильца, великаго царя болгаръ, чью державу да исчислятъ неисчислимыя солища». По смыслу этой фразы, подъ «новымъ Царьградомъ» надо разумѣть болгарскую столицу Іоанна Александра, многократно воспѣтый преславный градъ Тырновъ.

Трубные звуки національнаго величанія «царя» и столицы прерываются, однако, по временамъ раскатами турецкаго грома, сперва отдаленными, потомъ все болѣе близкими. На первыхъ порахъ это не мѣняетъ темы національнаго гимна, а только вноситъ новый аккомпанементъ, — то радостный и торжественный, то мистическій и мрачный. Славянскій царь уже раньше представлялся въ національныхъ легендахъ возстановителемъ всеобщаго мира и благоденствія. Теперь его начинаютъ сближать съ Александромъ Македонскимъ, его тезкой по имени, и къ нему относятъ древнія пророчества. При немъ выйдутъ изъ горъ запертые Александромъ народы, Гогъ и Магогъ (въ послѣднихъ видятъ турокъ); никто не устоитъ противъ нихъ, но Господь пошлетъ архистратига, который

перебьютъ ихъ всѣхъ, а тамъ наступитъ скоро и антихристово пришествіе и кончина міра.

Событія мало-по-малу разрушили до основанія эти югославянскія надежды и эту эсхатологию. Прежде всего не сбылись ожиданія болгарскаго переписчика Манассіи. «Новый Царьградъ» не устоялъ «до конца». Турки пришли и взяли все. И «новый», и «старый» Царьградъ раздѣлили участь «старога Рима». Оскорбленное національное чувство не могло, конечно, примириться съ такимъ плачевнымъ исходомъ. Отчаявшись въ возможности побѣдить своими силами, югославянская интеллигенція перенесла свои упованія на сосѣднихъ государей, до которыхъ доходила очередь борьбы съ турками послѣ Балканскаго полуострова. Поочередно, балканскіе поэты и политики, дипломаты и духовныя лица возлагали надежды то на венгровъ, то на поляковъ. Но время шло, и эти надежды точно такъ же рушились, какъ и мечты о національной державѣ. Ближайшіе сосѣди оказывались безсильными помочь балканскимъ славянамъ. Тогда-то ревностные патріоты принялись искать помощи дальше, на сѣверѣ Европы. Таинственная, мало извѣстная тогда Москва должна была явиться въ этой роли, предназначенной когда-то для стольнаго града Тырнова. Единоплеменный и единовѣрный московскій князь занялъ мѣсто національнаго «царя и самодержца», «изряднаго побѣдоносца», которое оказалось не по силамъ государямъ ближайшихъ странъ. Взамѣнъ тѣхъ услугъ, которыхъ отъ него ожидали, на него перенесли теперь древнія пророчества, его окружили ореоломъ «единственнаго православнаго царя во всей вселенной», Москву сдѣлали «новымъ Царьградомъ» и «третьимъ Римомъ», а въ москвичахъ впервые пробудили всѣмъ этимъ болѣе сознательное національное чувство.

Въ посредникахъ между Москвой и Тырновомъ недостатка не было. Уже въ самую эпоху расцвѣта національнаго самосознанія на Балканскомъ полуостровѣ, въ XIV вѣкѣ, отдаленные отголоски этого славянскаго движенія проникли до Москвы и оказали здѣсь кое-какое вліяніе. Навязанный московскому князю изъ Константинополя болгаринъ митр. Кипріанъ, дважды прогнанный изъ Москвы сторонниками московской независимости, кончилъ тѣмъ, что примирился съ Василиемъ I и посвятилъ остатокъ дней тому же дѣлу, надъ которымъ трудились свои, московскіе созидатели, Петръ и Алексѣй. Онъ первый примѣнилъ литературную манеру, выработанную въ болгарскомъ Тырновѣ знаменитымъ Евфиміемъ, къ возведенію памяти митрополита-сотрудника Калиты. Скромный, сдержанный стиль

прежнихъ русскихъ «списателей» житій не позволялъ разгуляться фантазіи. Напротивъ, при новой литературной манерѣ церковнаго витійства, заимствованной юго-славянами изъ Византіи — національной легендѣ открывался широкій доступъ въ духовную литературу, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, создавалось новое, могущественное средство въ рукахъ московскихъ князей для пропаганды новой религіозно-политической идеологии. На примѣрѣ «житія» митрополита Петра Кипріяна показавъ москвичамъ, какъ надо дѣлать это дѣло. Прежній русскій біографъ, Прохоръ, выражался, на примѣръ, о Москвѣ, какъ о «градѣ честномъ кротостію». Подъ перомъ Кипріяна это выражение превращается въ «градъ славный, зовомый Москвой». Онъ вноситъ въ житіе Петра и ту знаменитую легенду, по которой будущая роль «славнаго града» была провидѣна случайнымъ гостемъ Калиты. «Если меня послушаешься», говорили, будто-бы, Калитѣ мигр. Петръ, «я построю храмъ пречистой Богородицы, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить и подчинить онъ себѣ всѣ остальные грады».

Послѣ паденія Константинополя, особенно же послѣ потери надеждъ на ближайшихъ сосѣдей, т. е. во второй половинѣ XV вѣка, юго-славяне появляются въ Россіи въ еще большемъ количествѣ и смѣло идутъ по стопамъ знаменитаго іерарха, своего земляка и предшественника, создавая отдѣльные элементы національной легенды и проводя ихъ въ литературу при помощи тенденціозныхъ вставокъ или цѣльныхъ сказаній. До самаго послѣдняго времени эта литературная работа южныхъ славянъ оставалась анонимной; только въ наше время анонимы начинаютъ вскрываться. По тому, что удалось обнаружить, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о происхожденіи цѣлой группы идей, вторгнувшихся замѣтной струей въ нашу политическую литературу конца XV в. и начала XVI в., или, лучше сказать, впервые создавшихъ на Руси политическую литературу.

Начинается съ того, конечно, что къ московскому князю примѣняются понятія и идеи, установившіяся относительно юго-славянскихъ государей. Предваряя событія, сперва юго-славянское, а потомъ и русское духовенство начинаетъ безъ стѣсненія титуловать князя «царемъ», обильно уснащая свои обращенія къ нему всевозможными эпитетами славянско-византійскаго происхожденія. Онъ «боговѣчанный», онъ «благородный», «благовѣрный», «великодержавный», онъ «богошественный поспѣшникъ истины», «высочайшій

исходатай благовѣрія» и т. д. Одинъ духовный писатель, оказавшійся, по новымъ изслѣдованіямъ, не кѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ «списателемъ житій» XV вѣка по манерѣ Евфимія Тырновскаго, сербомъ Пахоміемъ, даже влагаетъ въ уста самого греческаго царя, Іоанна Палеолога, признаніе за московскимъ государемъ царскаго титула — вмѣстѣ съ объясненіемъ, почему онъ его еще не носитъ официально. Въ Москвѣ, по этому мнимому заявленію византійскаго императора передъ Флорентійскимъ соборомъ, сохраняется «большее православіе» и «высшее христіанство»; и только «смиренія ради и по величеству разума» московскій князь «не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ».

Затѣмъ на московскаго князя, какъ нѣкогда на болгарскаго Іоанна Александра, переносятся всѣ предсказанія и пророчества. «Русскій родъ», которому, по греческимъ преданіямъ, суждено побѣдить Измаила и овладѣть, въ концѣ концовъ, семью холмами Царяграда, — превращается теперь въ «русскій родъ». «Если всѣ преждереченныя Меодіемъ Патарскимъ и Львомъ Премудрымъ *) знаменія о градѣ семъ сбылись», читалъ русскій читатель, — «то и послѣднія не минуютъ, но тоже сбудутся; ибо написано: русскій родъ всего Измаила побѣдитъ и Седмихолмный возьметъ, и въ немъ воцарится». Такова ореографическая ошибка, положившая начало русской «исторической миссии» относительно св. Софіи Цареградской. Въ умахъ широкой публики, подобная легенда, очевидно, могла произвести болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ признаніе венеціанскаго сената или торговля своимъ титуломъ дяди Софіи Палеологъ, — извѣстныя только двору и дипломатамъ.

Однако, дожидаться осуществленія легендарныхъ или юридическихъ правъ на Константинополь — вовсе не входило въ расчеты московской политики, тѣмъ болѣе, что легенда, по обыкновенію, связывала это событіе съ послѣдними временами (наступленіе ихъ ожидалось тогда уже въ концѣ XV в.). Съ своей обычной практичностью, московскій князь счѣшилъ дисконтировать долгосрочный вексель и пустить выручку немедленно въ оборотъ. Отблескъ св. Софіи долженъ былъ упасть на Москву и сообщить ей новый ореолъ дома и за-границей. И на этомъ пути вдохновленное юго-славянскими идеями духовенство первое пошло впередъ.

Мы видѣли, какъ болгарскій литераторъ пытался въ срединѣ

---

*) Подъ этими двумя именами ходили наиболѣе распространенныя пророчества о судьбѣ Царяграда и о послѣднихъ временахъ.

XIV вѣка перенести славу «старого Рима» и «старого Царьграда» на «новый Царьградъ» — Тырновъ. Теперь эта красивая метафора, заключавшая въ себѣ цѣлую историческую схему, цѣлую философію всемірной исторіи, безъ труда переносится на Москву. Міръ совѣмъ не кончается на седьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія; напротивъ, со вступленіемъ въ восьмую тысячу (1492 годъ) начинается новый періодъ міровой исторіи, и этотъ періодъ характеризуется именемъ Москвы. Эти идеи впервые развиваются въ русской литературѣ въ сочиненіи, написанномъ въ этотъ самый критическій годъ; его цѣль — опровергнуть распространенные въ публикѣ страхи передъ кончиной міра. Это насхалія на восьмую тысячу лѣтъ, составленная митрополитомъ Зосимой. «Царь Константинъ создалъ новый Римъ — Царьградъ, — замѣчаетъ Зосима, — а государь и самодержецъ всея Руси Иванъ Васильевичъ, «новый царь Константинъ», положилъ начала «новому Константинограду — Москвѣ». Какъ бы для того, чтобы подчеркнуть юго-славянское происхожденіе этихъ идей, другой русскій авторъ, извѣстный псковскій инокъ Филофей, прямо воспользовался для выраженія ихъ знакомой намъ формулой болгарскаго «списателя» XIV вѣка. Въ 1511 г. царскій дьякъ Мунехинъ привезъ ему во Псковъ изъ Москвы новинку — «Хронографъ» или очеркъ юго-славянской исторіи въ связи съ византийской и русской, составленный для русской публики въ 1442 году упомянутымъ выше списателемъ житій, ученикомъ Евфимія Тырновскаго, сербомъ Пахоміемъ. Филофей рѣшилъ передѣлать этотъ хронографъ для своихъ псковичей, и кончивъ (1512) передѣлку, прибавилъ въ концѣ свое собственное заключеніе. По его идеѣ, это резюме должно было подчеркивать тотъ главный философско-историческій выводъ, который читатель долженъ былъ сдѣлать изъ чтенія подобранныхъ сербомъ историческихъ данныхъ, доведенныхъ до паденія Царьграда. Вотъ этотъ выводъ, соединяющій въ одно цѣлое древнія пророчества и новыя мечты. «Православные питають надежду, что, послѣ достаточнаго наказанія, снова всесильный Господь возжеть во тмѣ злочестивыхъ властей погребенную, словно въ пенѣ, искру благочестія, и поалитъ, какъ терпін, царства измалытѣя злочестивыхъ, и просвѣтитъ свѣтъ благочестія и вновь поставитъ благочестіе и царя православнаго. Ибо всѣ эти благочестивыя царства (о которыхъ разсказывалъ хронографъ), греческое и сербское, босенское и албанское и нныя за множество грѣховъ нашихъ Божиимъ поущеніемъ безбожныя дурки поалѣили и въ запустѣніе привели и подъ свою власть покорили. Наша же росій-

ская земля, Божіей милостью и молитвами Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, растеть и молодѣть и возвышается. Дай ей, Христе милостивый, расти и молодѣть и шириться до скончанія вѣка».

Недовольный этимъ исповѣданіемъ своей политической вѣры въ «Хронографѣ», Филооѣй принимается за настоящую пропаганду новыхъ ученій и развиваетъ ихъ въ цѣломъ рядѣ посланій. Онъ пишетъ (1517) посланіе упомянутому уже дяку Мисюрю Мунехину, одному изъ выдающихся интеллигентныхъ людей того времени, который около 1493 года самъ путешествовалъ на православномъ востокѣ и уже этимъ путешествіемъ втянутъ былъ въ кругъ новыхъ идей. Онъ пишетъ также и самому великому князю (между 1514—1521). Въ своихъ посланіяхъ онъ особенно подчеркиваетъ ту мысль, что политическое паденіе православныхъ царствъ связано съ ихъ религіозной измѣной и что политическое господство Москвы есть слѣдствіе ея религіозной непоколебимости. «Девяносто лѣтъ прошло, — пишетъ онъ Мунехину, — какъ греческое царство разорено, и оно не воскреснетъ, такъ какъ греки предали православную вѣру въ латинство». Подобнымъ же образомъ и «все христіанскія царства пришли въ конецъ и сошлись въ единое царство нашего государя: въ *россійское* царство, какъ предсказали пророческія книги». И этому «нынѣшнему православному царствію пресвѣтлѣйшаго и высокостольнѣйшаго государя нашего, — единого во всей поднебесной христіанамъ царя», — нѣтъ конца, какъ нѣтъ конца православію на землѣ. Онъ является, по необходимости, единственнымъ уцѣлѣвшимъ въ мірѣ «образодержателемъ святыхъ Божіихъ престоловъ святой вселенской церкви». Представительницей ея служить, «вмѣсто римской и константинопольской, церковь святаго и славнаго Успенія Богородицы въ богоепасенномъ градѣ Москвѣ, которая одна во всей вселенной паче солнца свѣтитъ». Однимъ словомъ, по резюмирующей формулѣ Филооѣя, «два Рима пали, третій стоитъ, а четвертому не бывать». И онъ усердно старается натвердить эти религіозно-политическія аксіомы великому князю Василию.

Во II т. «Очерковъ» мы говорили о томъ, какія національно-религіозныя послѣдствія вытекали изъ только что изложенныхъ теорій. Эти теоріи повели, въ концѣ концовъ, къ полной націонализациі русской церкви. Теперь намъ важнѣе другая сторона ихъ, именно та національно-политическая санкція, которая изъ нихъ вытекала. И въ этомъ смыслѣ намъ остается прослѣдить еще одинъ важный шагъ,

который сдѣлали эти завезенныя съ юга теоріи уже на русской почвѣ, чтобы приноровиться къ мѣстной дѣйствительности.

Московскій «царь и самодержецъ», по новой теоріи, являлся прямымъ продолжателемъ дѣла царя Константина. Однако же, скачекъ былъ слишкомъ великъ — отъ «старого» Константина къ «новому». Затѣмъ, это преемство представлялось *логическимъ* результатомъ событий въ православномъ мірѣ; но, для полной убѣдительности и наглядности, надо было предоставить его *историческимъ* фактомъ, совершившимся въ пространствѣ и времени, въ опредѣленный моментъ, въ извѣстномъ мѣстѣ. То же самое нужно было и для того, чтобы согласовать юго-славянскую формулу политическихъ притязаній Москвы — съ мѣстной, московской. Въ своей реальной политикѣ московскій князь выступалъ въ качествѣ наследника своихъ «прародителей»; онъ добивался этого наследства, «великаго княжества Кіевского», какъ своей «отчины и дѣдины». Онъ готовъ былъ, конечно, фигурировать и въ роли наследника царя Константина, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы это идейное наследство не затемняло другого, несравненно болѣе реальнаго и доступнаго. Итакъ, надо было теперь балканскую идеологію примирить съ московской политикой.

Задача была разрѣшена блистательно, при помощи все тѣхъ же прищельцевъ съ христіанскаго востока. Чтобы византійское наследство не затемняло кіевского, лучше всего было — самого кіевского «прародителя» надѣлать этимъ византійскимъ наследствомъ, связать его непосредственно съ великими именами древности. Изъ двухъ кіевскихъ прародителей, — двухъ Владиміровъ, крѣче всѣхъ другихъ князей засѣвшихъ въ народной памяти, — къ кому роль наследника византійской власти могла идти лучше, какъ не къ тому, кто носилъ греческое прозвище Мономаха, напоминавшее о его родственныхъ связяхъ съ Византіей?

Выдумывать фантастическія генеалогіи для оправданія національных политическихъ притязаній — не было новостью для славянскихъ литераторовъ. Они еще въ XI—XII вѣкѣ вывели болгарскихъ Асѣней отъ «знатнаго римскаго рода», а въ XIV вѣкѣ породнили сербскихъ Нѣманей съ Константиномъ Великимъ и даже съ кесаремъ Августомъ. Безъ сомнѣнія, и Иванъ III чувствовалъ уже потребность въ такихъ же, болѣе пышныхъ историческихъ связяхъ, которыя бы могли лучше поставить его на одну высоту съ императоромъ, чѣмъ это могла сдѣлать простая ссылка на кіевскихъ прародителей. Онъ уже дѣлаетъ и официальную попытку связать себя

съ Царьградомъ и Римомъ, и притомъ не прямо, какъ легко было бы сдѣлать мужу Софьи Палеологъ, и именно черезъ своихъ «прародителей». Онъ не рѣшается еще говорить о родствѣ и о формальной передачѣ власти, но вотъ что уже говорятъ его послы германскому императору въ 1189 году, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посольства Поппеля. «Во всѣхъ земляхъ извѣстно, — надѣемся и вамъ вѣдомо, что государь нашъ — великій государь, урожденный изначала отъ своихъ прародителей и что прародители его отъ давнихъ лѣтъ были въ пріятельствѣ и въ дружбѣ съ прежними римскими царями, которые Римъ отдали намъ, а сами царствовали въ Византіи».

Въ началѣ XVI в. (1513—1523) наконецъ, легенда принимаетъ конкретныя формы. Появляется въ Москвѣ цѣлое сказаніе «о князьяхъ владимірскихъ», удовлетворяющее всѣмъ только что указаннымъ требованіямъ московскаго правительства. «Августъ кесарь», по этому сказанію, ставитъ «Пруса, сродника своего» на берегахъ Вислы»; потомка этого Пруса въ четвертомъ колѣнѣ, Рюрика, приглашаютъ «мужи Новгородскіе» изъ «Прусской земли» на Русь. Четвертый потомокъ Рюрика — Владимиръ Святый, а четвертый потомокъ Владимира Святаго — Владимиръ Мономахъ, и это прозвище даетъ поводъ составителю рассказать цѣлую исторію, для которой, собственно, и придумано все сказаніе. Владимиръ, по совѣту съ «князьями своими и съ боярами и съ вельможами», предпринимаетъ побѣдоносный походъ «на Оракію». Тогдашній благочестивый царь Константинъ Мономахъ, занятый борьбой «съ персами и съ латинами», шлетъ къ нему пословъ съ дарами: съ «коробочкой сердоликовой, изъ которой Августъ кесарь римскій веселился», съ ожерельемъ, «сирѣчь, святыми бармами» съ своихъ плечъ, съ золотой цѣпью и «иными многими дарами царскими». Послы просятъ «боголюбиваго и благовѣрнаго князя» принять «сѣи честные дары, — царскій жребій на славу и честь и на вѣчаніе» его «вольнаго и самодержавнаго царства» — жребій, уготованный ему «огъ начатка вѣчныхъ лѣтъ» его «родства и поколѣнія», — «чтобы церкви Божіи были безмятежны и все православіе пребывало въ покоѣ подъ властью» византійскаго «царства» и московскаго «вольнаго самодержавства великія Россіи», чтобы московскій князь, «вѣчанный симъ царскимъ вѣнцомъ», назывался боговѣчаннымъ царемъ». «Съ тѣхъ поръ, — прибавляетъ сочинитель сказанія нужное ему заключеніе, — и доныи великіе князья владимірскіе, когда ставятся на великое княженіе російское, вѣчаютъ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ, что прислалъ греческій царь Константинъ Мономахъ».

Кто бы ни оказался авторомъ «Сказанія о князьяхъ владимірскихъ», — сербъ ли Пахомій, какъ предположилъ было одинъ новѣйшій изслѣдователь, или какой-нибудь другой литераторъ изъ той же среды, — во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что «Сказаніе» явилось логическимъ выводомъ изъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя распространялись на Руси югославянскимъ духовенствомъ со второй половины XV вѣка. Однако, несмотря на всю важность этихъ идей для правительства, несмотря на оффиціозный характеръ этого литературнаго творчества, московская государственная власть не сразу рѣшилась воспользоваться имъ открыто и придать новымъ политическимъ взглядамъ оффиціальную санкцію.

Надо прибавить, что въ эпоху Ивана III эти взгляды находились еще въ процессѣ выработки. Изъ того же юго-славянскаго міра, вмѣстѣ съ этой струей, вынесена была другая, прямо противоположная, рѣзко оппозиціонная. Броженіе оффиціозныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ продолжалось съ конца XV вѣка до середины XVI, и только къ этому послѣднему моменту инвентарь идей, имѣющихъ войти въ національное сознаніе, окончательно опредѣлился и закрѣпленъ былъ оффиціальными правительственными актами. Раньше, чѣмъ мы остановимся на этомъ окончательномъ итогѣ, мы должны поэтому познакомиться съ перешедшими на Русь оппозиціонными идеями и прослѣдить ихъ судьбу въ новой для нихъ обстановкѣ.

Литература по исторіи политическихъ идеологій XV вѣка, какъ и вообще литература по исторіи русскаго національнаго самосознанія, грѣшитъ тѣмъ основнымъ недостаткомъ, что большинство изслѣдователей оказываются заинтересованными въ томъ или другомъ содержаніи этого самосознанія, считая послѣднее — своего рода высшей инстанціей въ вопросахъ національной жизни, не допускающей дальнѣйшихъ обжалованій. Такъ, напр., новѣйшее сочиненіе по исторіи національной политики Ивана III (**Е. Церетели**, Елена Ивановна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. СПб. 1898) смотритъ на эту политику глазами самого Ивана III. Гораздо научнѣе и безпристрастнѣе, несмотря на католическія тенденціи автора, составлена сводная работа о. **И. Пирлинга** (S. J.) «*La Russie et le saint Siège*», *Etudes diplomatiques*, Paris, 1896. Въ первый томъ этого почтеннаго труда вошла и изданная раньше въ русскомъ переводѣ монографія Пирлинга: *Россія и Востокъ*, Спб. 1892. Завѣщаніе Симеона см. въ Собр. грамотъ и Договоровъ, т. I О принятіи Михаиломъ Ярославичемъ титула в. к. всея Руси см. Библиографъ 1889, № 1, замѣтку: «кто

былъ первый великій князь всея Руси». Личность Юрія Траханиота и его положеніе до прїѣзда въ Россію только-что выяснилось теперь, см. замѣтку г. *Peregrinus* въ Новомъ Времени, 19 января 1900 г. о протоколѣ Ѳомы Палеолога по поводу передачи папѣ Пію II мощей св. Іоанна Крестителя. Протоколъ, хранящійся, повидимому, при мощахъ, въ Сьенѣ, подписанъ *Georgius Trachagnoti, magister domuss praetati (?) illustrissimi*. Эта подробность помогаетъ уяснить ходъ сватовства Ивана III, ср. *Pierling*, I, 132-133. Подлинные документы дипломатіи Ивана III см. въ «Сборникѣ историческаго общества», т. 35 и въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній», ч. I, см. также статью **В. Бауера**, въ журналѣ Министерства Нар. Просв., ч. CXLVIII, отд. 2. «Сношенія Россіи съ германскими императорами въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій». О южно-славянскихъ политическихъ стремленіяхъ см. **К. Радченко**, «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ», Кіевъ, 1898. О славянскихъ надеждахъ на сосѣдей (венгровъ и поляковъ) см. **Іосифа Первольфа**, «Славяне и ихъ взаимныя отношенія и связи», Варшава, 1888. Взгляды русскаго и южно-русскаго духовенства на государственную власть см. въ изслѣдованіи **М. Дьяконова**, «Власть московскихъ государей», Спб. 1889 и въ его же статьѣ: «Къ исторіи древнерусскихъ церковныхъ отношеній», «Историческое обозрѣніе» т. III. О литературной манерѣ Кипріана и Пахомія см. **В. Ключевского**, «Древне-русскія житія святыхъ», М. 1871 (о ихъ учителѣ Евфиміи Тырновскомъ см. упомянутую книгу Радченка). Предположеніе о составленіи хронографа 1512 года въ первоначальной формѣ (1442) Пахоміемъ и о передѣлкѣ его Филофеемъ выставлено и очень солидно аргументировано акад. **А. А. Шахматовымъ**; см. его статью «Къ вопросу о происхожденіи хронографа», Спб. 1899 и его же «Путешествіе М. Г. Мисюря Мунехина на востокъ и хронографъ редакціи 1512 г.», Спб. 1899, въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.» т. IV, кн. 1. Текстъ приписки Филофея къ хронографу — въ «Изборникѣ» **Андрея Попова**, М. 1869. Текстъ его посланій — въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1861, II и 1863, I. Изслѣдованіе о происхожденіи «Сказанія о князехъ Владимірскихъ», указаніе на связь его съ южно-славянскими идеями и самый текстъ памятника см. въ книгѣ **Ив. Жданова**, «Русскій былевой эпосъ», I — V, Спб. 1895.

II

Появление оппозиционной идеологии и ее судьба

Оппозиция XVI вѣка: религиозная, политическая и социальная. — Источники религиозной оппозиции: еретическое и мистическое движение на Балканскомъ полуостровѣ и на Аѳонѣ. — Нилъ Сорскій переноситъ на Русь теорію «исихастовъ». — Эксплуатация этой теоріи государственной властью. — Неудача секуляризаціи и разрывъ Ивана III съ еретиками и нестяжателями. — Новый характеръ борьбы партій при Василии III: компромиссы и политическая окраска споровъ. — Дѣло Серапіона и выясненіе политической роли «осифлянъ». — Союзъ съ ними государственной власти. — Союзъ «нестяжателей» съ политической оппозиціей. — Составные элементы послѣдней. — Положеніе боярства и его политическія стремленія. — Polemica Ивана IV съ Курбскимъ, какъ выраженіе идеаловъ спорившихъ сторонъ. — Соединеніе политическаго идеала оппозиціи съ религиознымъ. — Дальнѣйшая разработка его въ «Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ». — Попытка осуществленія оппозиціонной программы на соборахъ середины XVI вѣка. — Ее неполнота. — Социальная оппозиція, какъ мотивъ религиозной полемики, какъ аргументъ въ рукахъ самодержавной власти (Сказаніе Пересвѣта). Ее непосредственное и самостоятельное выраженіе въ событіяхъ смутнаго времени.

Мы видѣли, какъ сама жизнь подготовила почву для *националистическихъ* идеологій въ московскомъ государствѣ XV в. и какъ на подготовленной такимъ образомъ почвѣ начали быстро прививаться занесенныя въ Москву изъ югославянскихъ земель политическія идеи. Судьба *оппозиционныхъ* идеологій на Руси XV и XVI вѣка была совершенно противоположная. Занесенныя отчасти изъ чужеземнаго источника, онѣ не нашли для себя готовой почвы и послѣ недолгой борьбы должны были очистить поле сраженія передъ побѣдоноснымъ противникомъ. Исторію этой борьбы и этой побѣды намъ предстоитъ теперь прослѣдить.

Характеренъ уже самый порядокъ, въ которомъ развиваются оппозиціонныя идеологіи на Руси XV и XVI столѣтія. Въ началѣ оны носятъ преимущественно религіозный отбѣнокъ. Потомъ къ религіозному элементу присоединяется политическій. Наконецъ, — притомъ независимо отъ обоихъ предыдущихъ — встрѣчаемъ и элементъ социальный.

Слѣдую этому порядку, и мы начнемъ нашъ рассказъ съ наиболѣе отвлеченной формы оппозиціи, чтобы закончить наиболѣе сгнхійной.

Какъ извѣстно, религіозное вольнодумство на Руси впервые проявляется уже въ XIV и XV столѣтіи въ наиболѣе культурныхъ областяхъ: Псковѣ, Новгородѣ и Кіевѣ. Исслѣдователи усердно искали источниковъ этого вольнодумства на западѣ и на югѣ, въ сектахъ средневѣковой Германіи и въ богомилствѣ. Второе объясненіе априори кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ къ воздѣйствію запада даже самыя культурныя области тогдашней Руси не были готовы, особенно въ области религіозной мысли. Первая русская ересь должна была явиться съ православнаго востока.

Это соображеніе приводитъ насъ къ тому же источнику, откуда мы только что выводили политическія идеологіи московской Руси — къ Балканскому полуострову. Среди религіознаго броженія умовъ, происходившаго въ XIV вѣкѣ на Балканскомъ полуостровѣ, намъ важно отмѣтить два направленія, которыя стоятъ въ очень близкой связи съ русскими движеніями того же времени. Я разумѣю направленіе *еретическое* и направленіе *православно-мистическое*. Прямую ересью было возродившееся въ это время богомилство и стоявшее, повидимому, въ какой-то связи съ нимъ рационалистическое ученіе, распространившееся среди евреевъ Балканскаго полуострова, тогда уже довольно многочисленныхъ. По отрывочнымъ даннымъ нашихъ источниковъ, — болгарскихъ и солунскихъ еретиковъ-евреевъ XIV вѣка обвиняли какъ разъ въ томъ самомъ, въ чемъ обвинялись и русскіе «жидовствующіе», а именно, въ непризнаніи божественнаго происхожденія Спасителя отъ Маріи Дѣвы, въ отрицаніи иконъ, въ непочитаніи святыхъ и мощей, въ непризнаніи воскресенія мертвыхъ. Было бы странно, конечно, требовать, чтобы евреи признавали все это; но очевидно, рѣчь шла объ активной пропагандѣ этихъ взглядовъ среди православныхъ. При обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ евреевъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта пропаганда перекинулась изъ крупнаго еврейскаго торговаго центра, какимъ была Солунь, — въ Крымъ, въ Кафу, къ тамошнимъ караймамъ; от-

сюда, а также и через сухопутную границу, тѣ же ученія проникали въ Кіевъ и къ литовскимъ евреямъ: а изъ Кіева уже по прямымъ показаніямъ источниковъ «жидовская ересь» была завезена въ Новгородъ. По отношенію къ богомилству въ собственномъ смыслѣ мы, къ сожалѣнію, не можемъ съ такой же вѣроятностью возстановить путь, какимъ оно могло придти на Русь. Всего естественнѣе предположить, что оно явилось въ сопровожденіи другого религіознаго движенія, проникшаго къ намъ съ Балканскаго полуострова, — именно, мистическаго движенія такъ называемыхъ «исихастовъ», съ которымъ это еретическое движеніе находилось въ несомнѣнной связи — сохраненной и послѣ перехода богомилскихъ и «исихастическихъ» ученій на Русь. Посредникомъ при этомъ переходѣ всего скорѣе, могъ быть православный Афонъ.

Афонъ, дѣйствительно, въ теченіе всего XIV и XV столѣтія былъ центромъ, въ которомъ находили лучшее выраженіе всѣ вопросы, волновавшіе тогдашнюю православную мысль. Вопросы эти вовсе не были такъ элементарны, какъ можно бы было думать по тогдашнему состоянію русской религіозности. Православный востокъ шелъ далеко впереди православной Руси. Въ сущности, онъ волновался тѣмъ самымъ, чѣмъ волновалась и европейская религіозная мысль того времени. Онъ колебался между номинализмомъ и реализмомъ, точнѣе говоря, между схоластикой и мистицизмомъ. Когда основатели теоретическаго славянофильства непременно хотѣли представить схоластику особенностью западной мысли, а изъ мистицизма сдѣлать привилегію восточной, то они безспорно ошибались. Оба типа религіозной мысли существовали какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, хотя западъ тому и другому далъ наиболѣе яркое выраженіе. Но ошибка славянофиловъ легко объясняется тѣмъ, что, дѣйствительно, мистицизмъ (особенно въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ) получилъ на православномъ востокѣ особенно широкое распространеніе. Его проповѣдникомъ и теоретикомъ въ XIV столѣтія былъ Григорій Синаитъ, ученіе котораго развивалъ его землякъ — малоазіатскій грекъ Григорій Палама; послѣдователями обоихъ были болгаре: Θεодосій и Евфимій Тырновскіе. Ученіе всѣхъ этихъ религіозныхъ мыслителей близко подходитъ къ той чертѣ, за которой мистицизмъ перестаетъ согласоваться съ положительнымъ ученіемъ христіанства и превращается въ пантеизмъ. Всѣ они исходятъ, подобно нашимъ славянофиламъ, изъ отрицанія «силлогизма» и науки — «вышней мудрости», — какъ способа познанія истины; единственнымъ путемъ къ достиженію истины они считаютъ погру-

женіе въ собственный духъ. Теоретическому «знанію» они противопоставляютъ нравственно-религіозную «дѣятельность». Но, на высшей ступени доступнаго человѣку «любомудрія» — они и самой «дѣятельности» (*praxis*) предпочитаютъ внутреннее, мистическое «созерцаніе» (*theoria*). А для достиженія полной глубины такого «созерцанія» — они рекомендуютъ рядъ обычныхъ у мистиковъ практическихъ приѣмовъ. Посредствомъ употребленія этихъ приѣмовъ достигается состояніе экстаза, выражающееся физически въ извѣстнаго рода тѣлодвиженіяхъ, а психически — въ особомъ ощущеніи покоя (*hesychia*, отсюда и названіе «исихастовъ»), восторга и наконецъ на высшей ступени, «ѡаворскаго свѣта». Это послѣднее состояніе — ощущеніе свѣта — есть состояніе полного общенія съ Божествомъ. Для примиренія этой идеи непосредственнаго общенія съ положительнымъ христіанствомъ Григорій Палама долженъ былъ придумать особое различіе между «сущностью» Бога и Его «проявленіемъ» («энергіей»). Первая непостижима, но съ послѣднимъ человѣкъ можетъ сливаться.

На Аѡонѣ, гдѣ долго жилъ основатель ученія, Григорій Синантъ, теорія «исихастовъ» была въ большемъ ходу. Былъ и такой моментъ въ XIV вѣкѣ, когда на Аѡонѣ пользовались вліяніемъ богомилы. Между обоими ученіями существовало не мало точекъ соприкосновенія, какъ въ положительныхъ чертахъ ученія, такъ еще болѣе въ отрицательномъ отношеніи ихъ ко всему тому, что въ традиціонной религіи мѣшало ихъ «внутреннему» пониманію вѣры. Ихъ пренебреженіе къ обрядности и внѣшности, предпочтеніе живого духа мертвой буквѣ, враждебное отношеніе къ чиновническому пониманію пастырскаго служенія — все это настолько сближало ихъ другъ съ другомъ въ глазахъ противниковъ, что обвиненія балканскихъ и аѡонскихъ «исихастовъ» въ мессалианской ереси» (т. е. богомилствѣ) сдѣлались общимъ мѣстомъ. А между тѣмъ, именно эта критическая сторона ученія «исихастовъ», какъ болѣе доступная, должна была выдвинуться на первый планъ при перенесеніи ихъ взглядовъ на Русь.

Былъ, впрочемъ, въ тогдашней Россіи человѣкъ, который могъ и болѣе глубокимъ образомъ отнестись къ теоріи Григорія Синанта. Это былъ Нилъ Сорскій, имѣвшій возможность познакомиться съ ученіями «исихастовъ» на самомъ Аѡонѣ, откуда онъ и вывезъ эти ученія въ Россію. Григорій требовалъ отъ своихъ послѣдователей, прежде всего, строгаго уединенія. Обыкновенный, «общежительный» монастырь не удовлетворилъ этому требованію; вотъ почему Нилъ ввелъ

новый порядок жизни для своих учениковъ: въ скитахъ. Въ глухомъ заволжьѣ, кругомъ Кириллова монастыря, создалось не мало такихъ «скитовъ», населенныхъ «пустынниками», послѣдователями Нила или, какъ ихъ стали называть, «заволжскими старцами». При такомъ складѣ жизни имъ легко было осуществлять свой «нестяжательскій» идеалъ монашескаго существованія и критиковать монашеское и монастырское владѣніе собственностью: землями, селами и крестьянами. Цѣль ихъ была при этомъ, несомнѣнно, — уйти отъ міра. Но, совершенно неожиданно для нихъ самихъ, ихъ теорія оказалась имѣющей политическое значеніе, и, вопреки своему причину, имъ пришлось сыграть видную роль въ мірекой политической борьбѣ.

Вообще религіозные споры на русской почвѣ очень быстро пріобрѣтали церковно-государственный характеръ. Когда на православномъ востокѣ возникало религіозное сомнѣніе, оно обыкновенно рѣшалось духовнымъ соборомъ. Ученіе «исихастовъ», напр., обсуждалось и принято было тремя такими соборами XIV в. На Руси дѣло стояло иначе. «Неслыханное у насъ явленіе, ересь», застало совершенно врасплохъ мѣстныя духовныя власти и вызвало не теоретическое обсужденіе, — а административное преслѣдованіе. «Люди у насъ просты, — писалъ новгородскій владыка Геннадій, — не умѣютъ по книгамъ говорить; такъ лучше ужъ о вѣрѣ никакихъ рѣчей не плодить, только для того и соборъ учинить, чтобы еретиковъ казнить, жечь и вѣшать». Однако, государь не сразу рѣшился на такую суммарную юстицію, какую рекомендовали епископы.

Причиной этого было, прежде всего, то, что на сторонѣ новгородскихъ еретиковъ стоялъ вліятельный кружокъ въ самой Москвѣ, раздѣлявшій, повидимому, ихъ мнѣнія по убѣжденію. Это были все люди книжные. Одинъ изъ нихъ склонилъ на сторону новыхъ учений даже невѣстку великаго князя, Елену, партія которой (Патрикѣвы) была въ то время сильна при дворѣ. Московскій митрополитъ Геронтій, поэтому, молчалъ «или по непониманію, или по небрежности, или изъ страха передъ державнымъ». Преемникъ же его, Зосима, очевидно, самъ былъ выдвинутъ партіей и раздѣлялъ ея мнѣнія. Была и другая причина, по которой Иванъ III не спѣшилъ расправиться съ еретиками. Онъ только что (1478) отобралъ у новгородскаго духовенства и монастырей цѣлую половину ихъ земель, — а еретики какъ разъ проповѣдовали «нестяжательность». Еще удобнѣе для Ивана III въ этомъ отношеніи были теоріи русскихъ «исихастовъ», т. е. Нила Сорскаго съ его учениками — пустынножи-

телями. Они не были такими отъявленными еретиками, как новгородскіе «жидовствующіе», и не могли, слѣдовательно, такъ скандализировать своими мнѣніями православную паству, какъ «злѣбѣшый волкъ», митр. Зосима. Вотъ почему, смѣстивъ явнаго еретика Зосиму, великій князь продолжалъ «держатъ въ великой чести» Нила. Эта «великая честь» очень хорошо совмѣщалась съ политикой Ивана III, т. е. съ подчиненіемъ духовенства государственной власти. При посвященіи преемника Зосимы Иванъ III обратился къ новому митрополиту Симону съ рѣчью, содержащею нѣчто вродѣ инаугураціи: этимъ признавалось за московской государственной властью право, принадлежавшее прежде только византійскому императору, — право утверждать назначеніе митрополита. Черезъ четыре года (1500) Иванъ вторично отобралъ, съ благословенія того же Симона, нѣкоторыя земли новгородскаго духовенства и обложилъ остальные тяжелымъ посошнымъ тягломъ. Наконецъ, еще черезъ три года (1503), подъ невиннымъ предлогомъ — рѣшить вопросъ о судьбѣ вдовыхъ поповъ — собранъ былъ духовный соборъ. На немъ, послѣ того, какъ разѣхались самые видные защитники интересовъ духовенства, неожиданно для всѣхъ Нилъ, а съ нимъ «пустынники бѣлозерскіе», его ученики, «начали говорить, чтобы у монастырей сель не было, а жили бы чернецы по пустынямъ, а кормились бы рукодѣлемъ». Это была бы, другими словами, полная секуляризація монастырскихъ имуществъ въ Россіи. Очевидно, русскіе «исихасты», болѣе умѣренные въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, не считали еще въ то время нужнымъ прибѣгать къ компромиссамъ въ практической программѣ: съ ними былъ самъ великій князь.

Партія старины переполошилась. Послали наскоро за волоколамскимъ игуменомъ Іосифомъ, вождемъ старо-православной партіи, уѣхавшимъ съ собора раньше его окончанія. Не дожидаясь его приѣзда, митрополитъ послалъ къ великому князю своего дьяка съ письмомъ; потомъ явился самъ съ московскими духовными сановниками и прочелъ Ивану докладъ, въ которомъ многочисленными цитатами, правда, не всегда добросовѣстно приведенными, доказывалась, если не нравственная справедливость и законность, то историческая древность и юридическая правильность вотчиннаго монастырскаго владѣнія. Передъ примѣрами древности, а еще больше передъ практическими неудобствами радикальнаго рѣшенія великому князю пришлось отступить, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и союзъ съ «нестяжателями» потерялъ для него всякое практическое значеніе. Тутъ кстати проснулась и совѣсть. Иванъ III призвалъ къ себѣ Іосифа Волоколамска-

го, признался ему, что до грѣхъ поръ, дѣйствительно, поддерживалъ еретиковъ, обѣщалъ разслѣдовать дѣло и окончательно искоренить ересь. Партія «нестяжателей», однако, не сразу сдалась: это видно изъ новыхъ колебаній и проволочекъ Ивана. Смущенный, очевидно, новыми аргументами «нестяжателей», онъ снова зоветъ Іосифа, чтобы спросить у него, «какъ писано: иѣтъ ли грѣха еретиковъ казнить»? Сподвижникъ Геннадія не затруднился, конечно, подобрать примѣры и цитаты, чтобы разсѣять опасенія великаго князя. Но дѣло все-таки тянулось. Послѣ тщетныхъ напоминаній Ивану III, Іосифу пришлось вступить въ литературную полемику съ нестяжателями, чтобы опровергнуть сомнѣнія, смущавшія великаго князя. Волоколамскій игумень рѣшительно утверждалъ, что «грѣшника или еретика — все равно, руками ли убить, или молитвой». Нестяжатели иронически предлагали Іосифу самому попробовать надъ еретиками одно изъ описанныхъ имъ чудесъ и напоминали, что Евангеліе запрещаетъ осуждать ближняго. Этотъ первый на Руси публичнестетическій споръ кончился не въ пользу новаторовъ. Въ 1505 г. собранъ былъ соборъ, который удовлетворилъ всѣмъ желаніямъ защитниковъ старины. Новгородская ересь была искоренена жестокими казнями. Такъ кончилась исторія религіознаго вольнодумства эпохи Ивана III.

Въ княженіе Василя III борьба новыхъ идеологій со старыми привычками принимаетъ новыя формы. Наученные опытомъ, нестяжатели не защищаютъ болѣе прежнихъ позицій. Преемникъ Нилъ, Вассіанъ, рисуется намъ человѣкомъ менѣе глубокимъ и менѣе знающимъ, чѣмъ Нилъ, но зато болѣе практичнымъ, болѣе близкимъ къ жизни. Онъ не хочетъ жертвовать дѣйствительностью теоріи и защищать радикальныя мѣры только потому, что онъ логическій. Практика жизни требовала компромисса, и Вассіанъ предложилъ компромиссъ. Онъ не отрицалъ больше за монастырями права владѣть землями, но старался только доказать, что не слѣдуетъ владѣть людьми. Съ своей стороны и партія Іосифа сдѣлала уступку: она признала за свѣтской властью право контроля надъ употребленіемъ монастырскихъ имуществъ. На этотъ разъ, однако же, споръ вышелъ далеко за прежніе предѣлы. Къ чисто религіознымъ теоріямъ оппозиціи присоединился элементъ политическій: — онъ то и рѣшилъ окончательно судьбу русскаго религіознаго вольнодумства.

Пока нестяжателей обвиняли, болѣе или менѣе основательно, въ тайныхъ симпатіяхъ и сношеніяхъ съ новгородскими еретиками, государственная власть могла сморгнуть на это сквозь пальцы и продолжать пользоваться услугами партій для своихъ цѣлей. Но если

заподозрѣвалась политическая благонадежность религіозной оппозиціи, это уже было дѣло другое. Естественнo, что противники нестяжателей воспользовались первымъ случаемъ, чтобы придать своему спору съ ними политическую окраску. Подходящій случай представился въ первые же годы княженія Василія III (1507—1509).

Монастырь Іосифа былъ расположенъ въ Волоколамскомъ удѣлѣ. Мѣстный удѣльный князь, Ѳеодоръ Борисовичъ, соблазнившись примѣромъ Івана III, сталъ претендовать на свою долю въ имуществѣхъ и казѣхъ монастырей своей области. Снасясь отъ его вымогательствъ, Іосифъ передалъ свой монастырь въ непосредственное завѣдованіе великаго князя. Жаловаться на такой поступокъ Іосифа въ тогдашней Руси было некому. Волоцкій князь, нашель, однако, косвенный способъ отомстить Іосифу. Дѣло въ томъ, что непосредственнымъ начальствомъ Іосифа былъ новгородскій владыка, и Іосифъ не могъ передать своего монастыря въ чужую епархію безъ его благословенія. Если онъ такъ поступилъ то, очевидно, лишь потому, что хорошо зналъ тогдашняго новгородскаго владыку Серапіона и не могъ разсчитывать на его поддержку. «Подъ вліяніемъ дружественно расположенныхъ къ нему новгородцевъ, а можетъ быть и по собственному чувству справедливости», замѣчаетъ одинъ изслѣдователь. «Серапіонъ не могъ сочувствовать тому, что удѣльный князь былъ лишень права вѣдать богатый монастырь, который достался «державному», и безъ того готовому не нынѣ-завтра воспользоваться послѣднимъ удѣломъ своего двоюроднаго брата». Съ другой стороны, Іосифъ имѣлъ полное основаніе не опасаться никакихъ возраженій противъ совершившагося факта ни со стороны князя, ни со стороны епископа. «Объ этомъ (благословеніи епископа) не заботьтесь, говорилъ самъ Василій посланцамъ Іосифа, а Іосифу скажите, что *не онъ* отошелъ изъ архіепископѣи новгородской, а *я самъ* взялъ монастырь отъ насилія удѣльнаго; когда же окончится земская невзгода, я самъ пошлю объ этомъ къ архіепископу».

Серапіонъ ждалъ этой «посылки» отъ князя два года и не дождался. Тогда подстрекаемый волоцкимъ княземъ, онъ предпринялъ рѣшительный шагъ: отлучилъ Іосифа отъ священства и отъ причастія. «Ты отступилъ отъ небеснаго и пришелъ къ земному», писалъ онъ въ своей неблагословенной грамотѣ Іосифу.

«Дѣло приняло политическій оборотъ», замѣчаетъ тотъ же изслѣдователь. Грамоту Серапіона перетолковали по своему: онъ-де въ ней небеснымъ назвалъ князя Ѳедора, а земнымъ великаго самодержца. Въ этомъ увидали новгородскій духъ, крамолу». Москов-

скій митрополитъ поспѣшилъ разрѣшить Іосифа отъ отлученія, произнесеннаго надъ нимъ новгородскимъ владыкой. Серапіона вызвали въ Москву, лишили священства и заключили въ Андрониковъ монастырь. Это не заставило его, однако, отказаться отъ защиты праваго дѣла. Изъ своего заключенія онъ пишетъ митрополиту посланіе, въ которомъ не проситъ объ облегченіи своей участи, а развиваетъ тѣ аргументы, которыхъ не хотѣлъ выслушать осудившій его соборъ, и заявляетъ во всеуслышаніе, что ему «не бояться въ правдѣ ни князя, ни народной толпы... такъ какъ писано: правдою предъ цари глаголахъ — и не стыдихся».

Такое поведеніе изложеннаго епископа произвело впечатлѣніе даже въ тогдашней Москвѣ. У Серапіона нашлись поклонники и въ Новгородѣ, и въ столицѣ, особенно среди бояръ. Сторонники Іосифа были смущены и одинъ за другимъ обращались къ нему съ просьбами — помириться съ Серапіономъ. Іосифъ отвѣчалъ на это рядомъ писемъ къ друзьямъ, въ которыхъ не только не признавалъ себя виновнымъ, а, напротивъ, рѣзко нападалъ на своего противника и подыскивалъ теоретическое оправданіе своему поступку. Въ этихъ-то письмахъ Іосифъ откровенно подчеркнул политическій характеръ всего дѣла и этимъ окончательно опредѣлилъ положеніе, которое заняла его собственная партія въ начавшейся политической борьбѣ.

«Священныя правила повелѣваютъ о церковныхъ и монастырскихъ обидахъ приходить къ православнымъ царямъ и князьямъ». «Отъ меньшихъ царей и князей всегда и велѣ духовныя лица обращались къ большимъ». Но ихъ примѣру и онъ, Іосифъ, былъ челою тому, «кто не только князю Федору, но и архіепископу Серапіону и всѣмъ намъ общій всей русской земли государь»; его «Господь Богъ устроилъ вмѣсто себя и посадилъ на царскомъ престолѣ, предавъ ему судъ и милость и вручивъ и церковное, и монастырское, и власть надъ всѣмъ православнымъ государствомъ и всей русской землей. Если бы я иному государю былъ челою, то поступилъ бы дурно». Напротивъ, Серапіонъ «во всемъ противно чинилъ божественнымъ правиламъ». «Поразсуди ты Серапіоновъ умъ, чѣмъ бы ему былъ челою на соборѣ государю православному и самодержцу всей Руси, да преосвященному митрополиту, онъ сталъ спорить съ государемъ и съ святителями. А божественныя правила повелѣваютъ царя почитать, не ссориться съ нимъ. Ни древніе святители не дерзали этого дѣлать, ни четыре патріарха, ни римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ. Когда царь на кого гнѣвался, то они съ кротостью, со смиреніемъ и со слезами молили царя». Поэтому только «нера-

зумные, скоту подобные люди» могут поощрять Серапіона: «ты де, государь, стой, лица сильныхъ не срамись; стой крѣпко». Словомъ, Іосифъ развивалъ известную намъ теорію «благонаученнаго коварства».

Съ теоріей нестяжателей, которую проводилъ на практикѣ Серапіонъ, этотъ взглядъ, дѣйствительно, представлялъ полный контрастъ. Нестяжатели хотѣли, чтобы церковь стояла выше государства, а для этого она, прежде всего, должна была быть независимой отъ него. Источникъ зависимости — собственность; отказъ отъ собственности долженъ обезпечить настырямъ независимость отъ преобладающей власти: только при такомъ условіи они получаютъ возможность обращаться къ власти не съ собственными «обидами», а съ «печалованіемъ» о неправдахъ міра. Простого сопоставленія этой точки зрѣнія со взглядами, которыя защищалъ Іосифъ, — достаточно, чтобы угадать, на чью сторону должна была стать московская власть.

Іосифъ, правда, вовсе не *даромъ* предлагалъ этой власти религіозную санкцію духовенства. Тѣмъ же случаемъ съ волоцкимъ княземъ онъ воспользовался, чтобы показать свидѣтельствами «инсанія», къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ вмѣшательство властей въ неприкосновенность монастырскихъ имуществъ. Онъ выводилъ изъ грозныхъ примѣровъ прошлаго, что «не только власть отнимаетъ Богъ у похитителей церковнаго и монастырскаго имущества, а и душу беретъ у нихъ страшными, лютыми муками». Онъ требовалъ, другими словами, чтобы московское правительство оставило монастырскія имущества въ покоѣ (См. второй т. «Очерковъ», V, 2)

На этомъ пунктѣ власть готова была идти на уступки. Еще Иванъ III принужденъ былъ отказаться отъ полной секуляризаціи духовныхъ имуществъ. Василій III ограничился простымъ контролемъ, противъ котораго ничего не имѣлъ, какъ мы знаемъ, и самъ волоцкій игумень. На этихъ условіяхъ состоялся окончательный союзъ между «іосифлянами» и властью.

Нестяжатели съ своими возвышенными стремленіями были отброшены въ оппозиціонный лагерь. Изъ кого этотъ лагерь состоялъ, видно изъ только что рассказанной исторіи съ Серапіономъ. Къ нему примыкало все то, что еще уцѣлѣло вопреки суровымъ мѣрамъ Ивана III, отъ новгородскаго духа. Надо признать, что это были уже одни только жалкіе обломки. Потомъ здѣсь были остатки — уже нѣсколько лучше сохранившіеся, хотя и немногочисленные — удѣльно-княжеской власти, съ которой предстояло расправиться

окончательно Ивану IV. Было бы, однако, неправильно заключить, что вся оппозиція XV вѣка состояла исключительно изъ этихъ развалинъ древности. Былъ тутъ и элементъ, не просто отрицавшій новый порядокъ устанавливавшійся въ Москвѣ, а и стремившійся по своему приладиться къ этому порядку, требовавшій въ немъ мѣста для себя. *Бояре* — не только тѣ, которые давно уже жили въ Москвѣ, а и тѣ, которые въ нее только что пріѣхали съ своихъ удѣльно-княжескихъ престоловъ. — жили не прошлымъ, а настоящимъ, и въ настоящемъ хотѣли устроиться, какъ можно для себя удобнѣе.

Отъ своихъ прародителей XIV в. московскіе князья XV и XVI в.в. получили завѣтъ «слушаться старыхъ боярь». Теперь составъ этихъ боярь сильно поднялся и качественно, и количественно: вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно расширился и кругъ ихъ дѣятельности. Боярскій совѣтъ сдѣлался необходимымъ учрежденіемъ въ государствѣ, а кучка правительственныхъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ совѣтѣ въ удѣльную эпоху по служебной обязанности, превратилась въ цѣлый общественный классъ, смотрѣвшій на роль совѣтниковъ государя, какъ на свое политическое право.

Со стороны московскаго князя эти претензіи на первыхъ порахъ не только не встрѣтили никакого отпора, но, напротивъ, послужили лишнимъ ресурсомъ для сформированія новаго государственнаго строя. Бояре сдѣлались однимъ изъ самыхъ эффектныхъ его украшеній. Когда Иванъ III получилъ изъ Литвы грамоту отъ «всѣхъ князей и пановъ рады» Литовскаго княжества съ необычнымъ для него обращеніемъ: «братьямъ и пріятелямъ нашимъ, князьямъ и панамъ рады великаго князя Ивана Васильевича», — онъ не захотѣлъ ударить въ грязь лицомъ передъ своими учителями въ государственномъ правѣ. Русские князья и бояре получили приказаніе приложить свои печати къ отвѣту, написанному въ княжеской канцеляріи. А чтобы въ другой разъ литовскіе «паны рада» не имѣли повода отговариваться незнаніемъ именъ московскихъ боярь и «мѣсть, гдѣ кто сидитъ подлѣ кого въ радѣ государя», въ грамотѣ выписывались и имена и небывалые титулы московскихъ совѣтниковъ князя: «отъ князя Василья Даниловича, воеводы московскаго, и отъ князя Данила Васильевича, воеводы великаго Новгорода и отъ Якова Захарьевича, воеводы Коломенскаго» и т. д. Такимъ образомъ, стремленіе подражать сосѣдямъ само по себѣ уже возвышало московскій боярскій совѣтъ на степенъ правильно организованнаго государственнаго учрежденія. Съ той-же точно цѣлью и самъ Иванъ скопировалъ свой собственный титулъ съ польско-литовскихъ

грамотъ. Но помимо этихъ казовыхъ эффектовъ, Иванъ, несомнѣнно, цѣнилъ свою думу и какъ дѣйствительно полезное учрежденіе при усложнившихся государственныхъ задачахъ. Недаромъ онъ оставилъ по себѣ хорошую память даже въ такихъ приверженцахъ правящаго сословія, какъ князь Курбскій. По мнѣнію Курбскаго, Иванъ III потому «такъ далеко границы свои расширилъ, великаго царя ордынскаго изгналъ и юрть его разорилъ», что «много совѣтовался съ мудрыми синклитами, былъ любосовѣтенъ и ничего не починалъ безъ глубочайшаго и многаго совѣта».

Однако, уже при Иванѣ III въ эти отношенія закрадывается диссонансъ, который скоро разрастается въ принципиальное противорѣчіе. Сознаніе этого противорѣчія растетъ по мѣрѣ роста извѣстныхъ уже намъ национально-политическихъ идеологій. Чѣмъ болѣе развивалась теорія самодержавной власти, тѣмъ несовмѣстимѣе съ нею казалось «любосовѣтное» настроеніе прежнихъ князей. Но мы должны здѣсь особенно подчеркнуть, что *и съ противоположной стороны*, со стороны боярства — ходъ событій развивалъ *совершенно новыя идеологіи*, еще болѣе обострявшія только-что указанное противорѣчіе.

Конечно, силы съ двухъ сторонъ были далеко не равны. Наступать приходилось только одной сторонѣ, а другой оставалось — обороняться. Вотъ почему слабѣйшая и побѣжденная сторона, боярство, сама привыкла представлять свою идеологію по преимуществу оборонительной, а идеологію своихъ противниковъ, государей, — по преимуществу агрессивной. Она готова была обвинять московскаго великаго князя въ «переставливаніи обычаевъ», а себя изображать защитницей старины. Мы, однако, сдѣлаемъ большую ошибку, если повѣримъ ей на слово. Въ дѣйствительности, старины не существовало болѣе ни для одной изъ сторонъ, — хотя обѣ онѣ старались доказать, что историческая традиція на ихъ сторонѣ.

Право «совѣта» въ государственныхъ дѣлахъ — таково было исходное желаніе боярскаго класса. По его представленію, бояре имѣли это право давно; все дѣло было въ томъ, чтобы сохранить его и при новомъ порядкѣ. «Земля замутилась», по ихъ понятію, лишь съ тѣхъ поръ, какъ на Москву пришла «цареградская царица» (Софья); только съ этого времени стало все труднѣе и рискованнѣе «говорить навстрѣчу державному». Все это было совершенно вѣрно. Но такъ же вѣрно было и то, что прежде и темъ для такихъ «встрѣчныхъ» рѣчей было гораздо меньше, и такія рѣчи не считались *правомъ*, а тѣмъ болѣе *исключительнымъ* правомъ извѣстнаго общест-

веннаго класса. Только тогда, когда обсужденіе государственныхъ дѣлъ, усложнившихся по составу и увеличившихся въ количествѣ, сдѣлалось постояннымъ занятіемъ извѣстнаго круга лицъ, — только тогда всякое отклоненіе, всякая попытка обойти этотъ кругъ или выйти за его предѣлы стала чувствоваться членами сплотившагося круга, какъ обида. Обидой для боярства было, когда «совѣтникомъ» князя (не только по положенію, но и по титулу) становился какой-нибудь Шигона Поджогинъ и когда съ такими людьми князь думалъ свою думу «самъ-третей у постели». Обидно стало, что князь «зѣло вѣрить писарямъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благороднаго, но паче отъ поповичевъ или отъ простого всенародства, — и то творить, ненавидячи вельможъ своихъ». И эта «обида», съ одной стороны, и эта «ненависть» съ другой — были явленіемъ новымъ, произошедшимъ оттого, что пришлось дѣлать то, что раньше не дѣлалось.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ борьбой стараго отживающаго и новаго нарождающагося порядка, а съ борьбой двухъ родившихся въ новомъ строѣ политическихъ идеаловъ, правда, далеко, неравносильныхъ, за осуществленіе въ будущемъ. Впрочемъ сознательно и отчетливо эти идеалы формулируются только въ третьемъ поколѣніи послѣ начала борьбы, въ знаменитой перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ.

«Отчего же государь и *самодержецъ* называется, какъ не оттого, что самъ строить», спрашиваетъ своего противника Иванъ IV? Иностранцы государи «царствами своими не владѣютъ; какъ имъ вѣлѣть подданные ихъ, такъ и владѣютъ». Потому и погибли эти царства, что «цари были тамъ послушны епархамъ и сниклитамъ; если царю не повинуются подвластные, никогда не прекратятся въ странѣ междоусобныя брани». Но настоящему, «земля правится не судьями и воеводами, не инатами и стратигами, а Божиимъ милосердіемъ, всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, а напоследокъ и нами, государями своими».

На такую точку зрѣнія никакъ не хотѣлъ стать первый русскій эмигрантъ, добровольно покинувшій «неблагодарное, варварское, недостойное ученыхъ мужей», но все-таки «любимое отечество». Онъ вовсе не признавалъ, что «Богъ отдалъ въ работу» его прелковъ — прелкамъ великаго князя». Для него это было просто «изгавна кровопійственный родъ», основавшій свою власть на правѣ сильного. Политическимъ идеаломъ Курбскаго было двоевластіе царя и «из-

бранной рады». Царь долженъ быть главой, а его совѣтники — членами одного тѣла. Впрочемъ, князь-публицистъ не ограничивался желаніемъ, чтобы участвовали въ «совѣтѣ» члены его собственнаго сословія. Онъ шелъ дальше. «Царь долженъ искать добраго полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ членовъ». Негодуя, какъ мы видѣли, противъ «писарей», вознесенныхъ державнымъ на неподобающую высоту, онъ ничего не имѣлъ противъ такого члена «избранной рады», какимъ былъ нечиновный дворянинъ Адашевъ.

Таковъ былъ характеръ той политической оппозиціи, съ которою религіозная оппозиція XVI в. вступила въ идейный союзъ. Мы оставили эту оппозицію въ началѣ третьяго періода ея существованія, когда, переставши быть еретическою (въ смыслѣ жидовствующихъ) и радикальной (въ смыслѣ Нила), она вступила, въ лицѣ Вассіана, въ компромиссъ съ требованіями дѣйствительности. Именно эта близость Вассіана къ практической жизни, однако, поставила его лицомъ къ лицу съ тогдашней политической дѣйствительностью. Постриженный представитель опального княжескаго рода (Патрикѣевыхъ), онъ на себѣ самомъ испыталъ всю тяжесть устанавливавшегося въ Москвѣ политическаго режима. Не улекаясь никакой политической теоріей, не пытаясь создать никакого политическаго идеала, онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ не отзываться на политическую злобу дня, тѣмъ болѣе, что былъ одно время близокъ къ царю Василию и пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ. «Печалованіе» къ «державному» было единственной формой, въ которой князь-инокъ и его единомышленники могли высказать свой протестъ противъ возмущавшихъ ихъ совѣсть событій современности. Естественно, что за это право прогрессивное духовенство такъ же крѣпко держалось, какъ бояре за аналогичное право «совѣта». Такое сходство положенія само по себѣ сближало нестяжателей съ недовольными изъ бояръ, тѣмъ болѣе, что имъ нечего было дѣлать другъ съ другомъ. Конкуррентами въ сферѣ землевладѣнія были для бояръ не нестяжатели, а ихъ противники, защищавшіе вотчинное владѣніе монастырей; а вліяніе на власть — нестяжатели хотѣли имѣть только нравственное.

Какъ проявлялась на практикѣ политическая оппозиція нестяжателей при Василии III и къ какимъ послѣдствіямъ она приводила, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1523 г. сѣверскій князь былъ оклеветанъ въ перенискѣ съ Литвой и заключенъ въ Москвѣ

въ тюрьму, несмотря на письменное ручательство въ безопасности, данное ему великимъ княземъ и митрополитомъ Данииломъ (Сосифляниномъ). Митрополитъ, «взявши его на образъ Пречистыя, да на чудотворцевъ, да на свою душу», самъ первый радовался поимкѣ «запазушнаго врага» государя. Нестяжатели взглянули иначе на поступокъ князя и митрополита. Они не только осуждали этотъ поступокъ въ разговорахъ между собой (впоследствии послужившихъ однимъ изъ поводовъ къ обвиненію Максима Грека), но одинъ изъ нихъ, гронскій игуменъ Порфирій, «яко мужъ обычаевъ простыхъ и въ *пустыни* воспитанъ», рѣшился «молить» государя, «да освободить брата... отъ оковъ»... Онъ былъ за это изгнанъ изъ монастыря и замученъ. Въ тотъ же самый годъ очередь дошла и до Максима, идеалиста, присоединившагося во имя евангельскихъ требованій ко всей религіозной программѣ нестяжателей, — къ ихъ борьбѣ противъ монастырскаго сребролюбія, къ ихъ «печалованіямъ», — и терпѣливо выслушивавшаго ихъ жалобы на печальную политическую дѣйствительность, не только дикую и чуждую, но и малопонятную для ученика Савонаролы. Максимъ былъ осужденъ за мѣнія своей партіи гораздо больше, чѣмъ за свои собственныя. Черезъ шесть лѣтъ за нимъ последовалъ въ заточеніе и самъ Вассіанъ.

Итакъ, и третье поколѣніе оппозиционеровъ сошло со сцены безплодно для того дѣла, которое защищало. Брошенные ими сѣмена, однако, не заглохли сразу. Напротивъ, въ четвертомъ поколѣніи, — даже если мы оставимъ въ сторонѣ такія вершины политической мысли, какъ Курбскій и Иванъ Грозный, — оппозиціонная теорія разрабатывалась дальше, также какъ и теорія самодержавія. Точку зрѣнія Грознаго развили и защищали новыми аргументами — Ивашка Пересвѣтовъ, въ своемъ извѣстномъ памфлетѣ: «Сказаніе о Петрѣ, волошскомъ воеводѣ». Ему отвѣчали, развивая политическія теоріи Курбскаго, — неизвѣстный намъ авторъ такъ называемой «Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ, Сергія и Германа».

Царь долженъ быть «грозенъ и самоупрямливъ и мудръ безъ вопрошанья (т. е. безъ чужихъ совѣтовъ): тогда только «Богъ покоритъ недруговъ подъ ноги его и онъ будетъ обладать многими царствами». Таково основное положеніе, лежащее въ основѣ всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій Ивашки Пересвѣтова. Первое послѣдствіе этого положенія — то, что совѣтъ съ «пріятелями», вельможами, — можетъ только ослабить силу царской инициативы. Вмѣстѣ съ самимъ Иваномъ IV, Пересвѣтовъ всѣ государственныя бѣдствія скло-

ненъ выводитъ изъ одной причины: изъ того, что «вельможи своимъ чародѣйствомъ привратили къ себѣ сердце царево и научили его во всемъ волю свою творити». Отсюда «умалилась правда въ московскомъ государствѣ». Разбогатѣвшіе и облѣбнившіеся вельможи «цвѣтно, конно и людно выѣзжаютъ на потѣхи», а когда выѣзжаютъ на битву, то травятъ людей и теряютъ войско, благодаря своей трусости. Держа за собой города и волости въ кормленьѣ, вельможи богатыютъ отъ слезъ и отъ крови крестьянской. Они подбрасываютъ мертвецовъ въ дома богатыхъ людей и въ села, чтобъ потомъ разорить подсудимыхъ неправымъ судомъ. Они дѣлятся со сборщиками податей, позволяя имъ за то «собираеть деньги безъ пощады, мучить крестьянъ и брать на царя десять рублей, а себѣ сто». Словомъ, теоря волю вельможъ, царь «напускаетъ тѣмъ лишнюю войну на царство». Къ нему самому — доступна иѣтъ, такъ какъ тѣ же вельможи «отбѣиваютъ отъ него мѣръ съ челобитными». Необходимо устранить этихъ подозрительныхъ посредниковъ между царемъ и народомъ. Дѣйствовать мимо нихъ, обратиться прямо къ самому народу съ любнаго мѣста — таковъ пріемъ Ивана IV; такова же и теорія его защитника. При такомъ настроеніи, обличеніе властелинскихъ неправдъ превращается подъ его перомъ въ широкую картину социальныхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ Русь и отъ которыхъ она можетъ быть освобождена только прямымъ вмѣшательствомъ царской власти. Къ этой чертѣ «Сказанія» мы скоро вернемся.

Монархическая теорія автора, назвавшася Пересвѣтовымъ, не осталась безъ отвѣта и вызвала со стороны московскихъ конституціоналистовъ XVI вѣка рѣзкое возраженіе. Это возраженіе, вмѣстѣ съ собственной программой партіи, развито въ любонитномъ памфлетѣ, написанномъ какимъ-нибудь почитателемъ Вассіана, Памфлетъ этотъ интересенъ, прежде всего, тѣмъ, что авторъ его открыто соединяетъ теоріи «нестяжателей» съ теоріями оппозиціоннаго боярства. Устами святыхъ «черницовъ» Сергія и Германа, составитель «Бесѣды», ведущейся отъ нихъ имени, — развиваетъ цѣлую теорію, въ которой самымъ своеобразнымъ образомъ сливаются и перемѣшиваются идеи религіозной оппозиціи съ идеями оппозиціи политической, — Нилъ Сорскій съ Курбскимъ.

«Напрасно думаютъ многіе (это возраженіе направлено прямо по адресу Пересвѣтова, ср. ниже, стр. 81), — что Богъ сотворилъ человека на свѣтъ *самовольнымъ*. Если бы Онъ создалъ его самовластнымъ, тогда не установилъ бы царей и прочихъ властей и не отдѣлилъ бы государство отъ государства». Авторъ согласенъ, что госу-

дарство создано «на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ». Но для этого недостаточно, чтобы государи были «грозны». Всего они не могутъ сдѣлать личными усиліями. Они должны искать совѣта, и именно совѣта *мірскихъ людей*. На дѣлѣ же государи послѣднихъ временъ оказываются «просты»: они воздерживаютъ міръ *не съ своими пріятелями, съ князьями и съ боярами*, а съ «непогребенными мертвецами» — съ монахами. Монахи, — люди, отрешившіеся отъ міра, — владѣютъ волостями съ крестьянами, судятъ мірянъ и отдаютъ ихъ на поруки: монахи кормятся крестьянскими слезами, собирая въ свою пользу всякіе царскіе доходы съ волостей, точно царскіе мірскіе приказчики. Наживая богатія палаты, они губятъ душу; и міръ не церемонится съ духовнымъ саномъ, — съ бродящими по міру священниками, потерявшими свои мѣста. Чтобы поднять духовный авторитетъ, необходимо, во-первыхъ, собирать всѣ доходы съ земель въ казну, а духовенству выдавать ежегодное урочное содержаніе: во-вторыхъ, отдать подъ начало въ монастыри всѣхъ безпріютныхъ духовныхъ. Тогда міръ будетъ строиться и царство утверждаться иноческимъ постомъ и молитвами, непрестанными слезами и молитвостояніемъ. Иноки будутъ заботиться о томъ, чтобы всякій человѣкъ вездѣ и повсюду ежегодно говѣлъ, чтобы царю не быть въ отвѣтъ передъ Богомъ за души подданныхъ. Царь же править самъ съ своими властями: «совѣтъ совѣцуетъ съ совѣтниками о всякомъ дѣлѣ». Совѣтниками должны быть «князья и бояре и прочіе міряне». Въ приложеніи, которое нѣкоторые ученые — неосновательно, какъ намъ кажется, — приписываютъ другому автору, нашъ публицистъ приводитъ объ свои мысли — о спасеніи душъ посредствомъ ежегоднаго покаянія и объ устройствѣ всякихъ государственныхъ дѣлъ посредствомъ совѣта мірянъ — въ весьма оригинальную связь. Царь не своей личной храбростью, а разумомъ своего славнаго воинства крѣпнѣтъ и распространяетъ свою державу. Поэтому, духовенство должно благословить царя «на единомысленный вселенскій совѣтъ». А царь долженъ «съ радостью, безъ высокоумной гордости, съ хриstopодобной смиренной мудростью возвыгнутъ отъ лѣсъхъ градовъ своихъ и отъ увѣзовъ городовъ тѣхъ и безпрестанно держать при себѣ, погодно ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добръ разспроситъ царю самому о всенеднемъ посту и о каянїи всего міра и про всякое дѣло міра сего». Такимъ образомъ, «царю всегда будетъ вѣдомо про всѣ дѣла его самодержавства», и онъ сможетъ скрѣпить отъ грѣха всѣ власти и воеводъ и приказныхъ людей: отъ взятки и посула и отъ всѣхъ безчис-

ленныхъ властелинскихъ грѣховъ, словомъ, отъ всякой неправды*). Тѣ же «всегодные постные люди» обезпечать царю и ежегодное всеобщее покаяніе, такъ что сохранены будутъ и души, и тѣла.

Однимъ развитіемъ оппозиціонной *теоріи* дѣло, однако, не ограничилось. Есть всѣ основанія думать, что только что изложенная «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ» явилась лишь запоздалымъ литературнымъ выраженіемъ мнѣній, которая русская оппозиція XVI вѣка пыталась уже ранѣе того осуществить на практикѣ.

Можно было ожидать, повидимому, что такая попытка будетъ сдѣлана во время боярскаго правленія послѣ смерти Василя III. Но регентство Елены оказалось не особенно благопріятнымъ моментомъ для осуществленія оппозиціонныхъ идеологій. Зато тѣмъ удачнѣе сложились обстоятельства въ концѣ этого смутнаго десятилѣтія, при вступленіи Ивана IV. Это было то время, которое Курбскій рисовалъ въ такихъ розовыхъ краскахъ и про которое Иванъ Грозный говорилъ съ такимъ раздраженіемъ, какъ о времени, когда Сильвестръ съ Адашевымъ «всѣ строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творили», когда ему оставили только имя и честь, а всю власть государя присвоили себѣ.

Идея духовнаго и земскаго «вселенскаго совѣта» или собора была въ это время осуществлена въ дѣйствительности: и программа вопросовъ, представленныхъ царемъ на первый изъ соборовъ, во многихъ случаяхъ близко напоминала идеи автора «Валаамской бесѣды». На первомъ планѣ стоялъ здѣсь вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ, но за нимъ тотчасъ возникалъ другой, не менѣе серьезный для государства вопросъ о формѣ вознагражденія за военную службу, т. е. о служилыхъ земляхъ. Съ монастырской собственностью связанъ былъ, какъ мы знаемъ, вопросъ о правахъ и о внутренней дисциплинѣ духовенства. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ авторъ «Бесѣды» далеко не раздѣлялъ широкихъ взглядовъ Курбскаго. Новыя моды съ Запада и съ Востока, новый костюмъ и прическа, новое убранство комнатъ, новая манера пѣть въ церкви и писать иконы, т. е. новыя направленія въ церковной живописи и музыкѣ («Оч.», II, VI, 2), все это приводило въ большое смущеніе: на все это онъ обращалъ вниманіе власти и ея совѣтниковъ.

И изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что только что очерченный, на основаніи «Валаамской бесѣды», кругъ вопросовъ сильно за-

---

*) И здѣсь заключается косвенный отвѣтъ Пересвѣтову, предлагавшему для искорененія «неправды» другія мѣры; см. ниже, стр. 82.

нималъ «избранную раду» Ивана IV наканунѣ созыва соборовъ. Прежде всего, молодые реформаторы вспомнили своихъ старыхъ вождей. Голосъ изъ тюрьмы Максима и другой голосъ друга нестяжателей, Артемія, вскорѣ сосланнаго въ Соловки, — первые раздаются по призыву Сильвестра и Адашева. Оба, разумѣется, сочувствуютъ реформѣ: Артемій намекалъ даже на возможность радикальнаго разрѣшенія вопроса о монастырскихъ имуществѣхъ въ духѣ Нила Сорскаго.

Но время радикальныхъ рѣшеній прошло или, лучше сказать, не наступило. Митрополитъ Макарій, несмотря на свою мягкость и привычку вѣкъ дѣлать пріятное, въ этомъ случаѣ оказался вѣрнѣе завѣтамъ своей *alma mater*, Волоколамскаго монастыря, и подалъ — по обыкновенію, чужими словами (митр. Симона на соборѣ 1503 года) — рѣшительное мнѣніе противъ радикальной постановки вопроса на предстоящемъ соборѣ. За нимъ высказались и еще нѣсколько лицъ не въ пользу затѣй молодой партіи; такъ что еще до созыва собора ясно было, что дѣло кончится полумѣрами. Не вызывалъ особенныхъ надеждъ и самый составъ собравшагося въ Москвѣ духовнаго собора (т. наз. Стоглава). Изъ девяти его членовъ только одинъ (Вассіанъ) извѣстенъ своими передовыми мнѣніями: за то преданіе и украсило его біографію самыми внушительными подробностями, вродѣ того, что у него рука отпала, голова повернулась назадъ и т. п. Трое (кромѣ Макарія) были «осифляне», т.-е. явные противники реформы.

На дѣятельности собора мы здѣсь не можемъ останавливаться. Скажемъ отлько, что по отношенію къ вотчиннымъ правамъ монастырей дѣло ограничилось нѣкоторыми мѣрами государственнаго контроля надъ монастырскимъ судомъ и финансовой администраціей. Зато новомодныя мурмолки («стафы безбожнаго Магомета») подверглись жестокому гоненію, такъ же, какъ и модныя иконы и бритье бороды. Гораздо важнѣе были государственныя мѣры, принятыя въ интересахъ служилаго сословія. Наградить генераловъ за службу и обезпечить бытъ офицерства — это былъ настоящій лозунгъ времени, который такъ выдвигалъ впередъ Курбскій и на который такъ нападалъ Грозный.

Въ интересахъ того же офицерства созваны были и первые русскіе земскіе соборы. Теперь доказано, что первые соборы не были ни собраніемъ настоящихъ представителей, ни выраженіемъ мнѣній всей земли, — какимъ хотѣлъ бы видѣть подобный соборъ авторъ Валаамской бесѣды. Государство созвало своихъ слугъ, занимав-

нихъ извѣстныя должности, и потребовало отъ нихъ не столько ихъ вотума, сколько простой экспертизы — въ видѣ отвѣта на опредѣленно поставленный вопросъ объ ихъ служебной годности въ данный моментъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ моментъ перваго появленія такого, повидимому, интереснаго учрежденія — историку русскихъ общественныхъ движеній съ нимъ нечего дѣлать. Оно завершаетъ собой, какъ и другой, духовный соборъ, оппозиціонное движеніе цѣлаго полувѣка, сводя къ минимуму его результаты. Именно потому съ этихъ соборовъ не приходится начинать никакого новаго движенія.

Впрочемъ, оговоримся. Принявъ съ такой рѣшительностью подъ свою защиту интересы одного класса (надо прибавить: не того, которой былъ въ силѣ въ данный моментъ и сила котораго вскорѣ оказалась такой непрочной, т. е. боярства, — а того, которому принадлежало будущее, т. е. дворянства), московское правительство этимъ самымъ готовило себѣ новую оппозицію, наименѣе идеологическую и наиболѣе опасную — даже тогда, когда она проявлялась не активно, а пассивно. Это была оппозиція социальная — оппозиція крестьянъ и холоповъ.

Первые признаки такой оппозиціи являются еще раньше соборовъ и раньше сознательнаго и систематическаго классоваго законодательства. Собственно, во всей этой полемикѣ противъ монастырскаго владѣнія землей и людьми, рядомъ съ морально-религіозными и политическими побужденіями, все время громко звучитъ также и социальная нотка. Разумѣется, особенно сильна она у пустынножителей, какъ у такихъ противниковъ монастырскаго владѣнія, которые не принадлежатъ сами къ числу рабовладѣльцевъ и нападаютъ на «иноковъ» не какъ на опасныхъ конкурентовъ служилаго землевладѣнія, а принципиально. Максимъ Грекъ — самый умѣренный въ своихъ политическихъ взглядахъ и самый отвлеченный въ своихъ моралистическихъ сужденіяхъ — въ данномъ случаѣ выступаетъ съ самымъ рѣзкимъ и безповоротнымъ осужденіемъ. «Гдѣ писано, спрашиваетъ онъ, чтобъ (угодивше Богу иноки) давали деньги взаймы, вопреки правиламъ закона или чтобы они вымогали у убогихъ проценты на проценты? А мы позволяемъ себѣ дѣлать это съ бѣдными селянами, трудящимися и страдающими безъ отдыха въ нашихъ селахъ и на всѣхъ нашихъ службахъ, отягчая ихъ высокимъ ростомъ и разоряя, когда они не могутъ отдать долга... Ты истязуешь человека и расхищаешь жалкое его стяжаніе; ты гонишь его, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, прочь изъ своихъ селъ съ пустыми руками или по-

рабощаешь вѣчнымъ порабощеніемъ, какъ древній мучитель фараонъ — сыновъ израилевыхъ. Если, изнемогши отъ тягости налагаемыхъ нами безпрестанно трудовъ, онъ захочетъ переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто, мы его не пускаемъ безъ уплаты установленнаго оброка. — забывъ о безчисленныхъ трудахъ его и страданіяхъ, и о потѣ, пролитомъ для необходимыхъ намъ услугъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ нашемъ селѣ. Что можетъ быть мерзче этого, братъ мой, что можетъ быть безчеловѣчнѣе?».

Всякій, кто стоялъ ближе къ тогдашней русской жизни, чѣмъ Максимъ, — не могъ не чувствовать, что тяжесть этихъ обличеній падетъ не на одно монастырское землевладѣніе и рабовладѣніе. Любой мелкій помѣщикъ и крупный бояринъ дѣлалъ въ своихъ селахъ то же самое. Поэтому, когда авторъ Валаамской бесѣды, повторяя Вассіана и Максима въ своихъ обличеніяхъ «иноковъ, кормящихся мірскими слезами», — въ то же время тщательно выгораживаетъ изъ этихъ обличеній свѣтское землевладѣніе, это уже кажется или крайнимъ ослѣпленіемъ, или просто недобросовѣстностью; во всякомъ случаѣ, это крайне непоследовательно. Конечно, не одни иноки кормились мірскимъ слезами: не одними ихъ притѣсненіями объяснялся тотъ пассивный протестъ населенія, на который намекали Максимъ въ приведенныхъ выше словахъ. Авторъ бесѣды еще ярче характеризовалъ его въ формѣ пророчества: «будетъ пустошь, никѣмъ не гонимы, въ волостяхъ и селахъ тома крестьянскіе, люди начнутъ умирать и земля начнетъ пространіе быть, а людей будетъ меньше. — и тѣмъ оставшимся людямъ на той пространной землѣ жить будетъ негдѣ». И если авторъ Валаамской бесѣды, какъ на единственный радикальный исходъ, могъ указать на взятіе всѣхъ монастырскихъ земель въ казну и на уплату монастырямъ ежегодно жалованья, то вполнѣ последовательно было предложить *распространить ту же мѣру и на служилое землевладѣніе*.

Такъ и ставитъ вопросъ о вознагражденіи служилаго сословія извѣстный намъ памфлетъ Ивашки Пересвѣтова, къ социальной сторонѣ котораго мы теперь возвращаемся. Авторъ рѣзко подчеркиваетъ, прежде всего, именно тѣ бѣдствія низшихъ классовъ, которыя вызваны господствомъ боярскаго партіи. Онъ утверждаетъ, что вельможи, завладѣвъ царствомъ, «не даютъ управы на сильныхъ — бѣднымъ и безпомощнымъ. Слабому человѣку невозможно ни въ городѣ жить, ни отъ города хоть на версту отъѣхать. Поэтому, многіе, чтобы избавиться отъ бѣдъ, отдаются во дворъ къ вельможамъ. А Богъ не велѣлъ другъ друга порабощать; Богъ *сотворилъ человека самовла-*

стнымъ и повелѣлъ ему быть самому себѣ владыкой, а не рабомъ. Мы же беремъ человека въ работу и записываемъ его навѣки». Исходъ, по мнѣнію нашего автора, можетъ быть только одинъ: «такой сильный государь, какъ царь русскій, долженъ со всего царства доходы брать прямо себѣ въ казну, а изъ казны платить военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ ежегодное жалованье, чѣмъ имъ можно прожить съ людьми и съ конями съ году на годъ». За военные заслуги царь долженъ награждать, къ себѣ близко припускать, жалобы ихъ позлащать и тѣмъ сердца ихъ утѣшать. Тогда и 20.000 воиновъ будутъ сильнѣе, чѣмъ 100.000 при дѣйствующемъ порядкѣ; тогда и *вельможи перестанутъ* «неправеднымъ собираніемъ богатѣть, да родами считаться, да мѣстами мѣстничаться и тѣмъ цареву воинство ослаблять». Имѣя въ своихъ рукахъ «воинство», царь уже сможетъ «*вельможъ своихъ всячески искушать и боярами своими тѣшиться, какъ младенцами*»; вельможи начнутъ его бояться и ни съ какими злохитростями не дерзнутъ къ нему приблизиться».

Мы видимъ, дальше чего не идетъ демократизмъ защитника политики Грознаго въ его критикѣ социальныхъ условій тогдашней русской жизни. Онъ на сторонѣ «бѣдныхъ и безпомощныхъ» — лишь въ очень условномъ смыслѣ слова. Онъ не на сторонѣ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ, а на сторонѣ «воинства» противъ «вельможъ». Онъ, правда, не прочь посоветовать правительству — вступить въ прямые отношенія къ крестьянамъ, минуя ихъ господъ, но съ тѣмъ, чтобы интересы этихъ господъ, — поскольку они суть интересы службы, слѣдовательно, совпадаютъ съ государственными интересами, — были обезпечены. А если окажется, что прямыхъ сношеній съ крестьянами на этихъ условіяхъ установить нельзя, то государственная власть ни на минуту не усомнится отдать «самовластнаго человека, владыку самого себя», своему «воинству» «въ работу навѣки».

Впрочемъ, все это выяснилось только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ хода событій. Какова бы ни оказалась положительная сторона монархически-демократической программы, — ея главный, очередной интересъ сосредоточивался на отрицательной сторонѣ: на борьбѣ противъ вельможъ и приписанныхъ имъ социальныхъ бѣдствій, на кого бы онѣ ни падали. Борисъ Годуновъ озаботился даже нагляднымъ образомъ пронагандировать эту программу, заказавши расписать Грановитую палату картинами, въ которыхъ царь изображенъ былъ то «кручинящимся» отъ «крамолы вельможъ», то вручающимъ судѣ праведному — мечъ отмщенія. Тутъ же вдовица просила управы на обидающаго вельможу и т. д. Это было — живописнымъ отвѣ-

томъ на болѣе раннюю (1552) роспись сосѣдной Золотой палаты, гдѣ не была забыта ни «избранная рада», ни даже Сильвестръ, — высшій источникъ царевой мудрости, уподобленный здѣсь Варлааму извѣстной притчи (о В. и Иосафатѣ). Такъ и искусство приняло участіе въ полемикѣ политическихъ партій XVI вѣка.

Въ итогѣ, мы видимъ, что социальный вопросъ разрабатывается въ XVI в. въ двухъ направленіяхъ: сперва (именно у нестяжателей и ихъ сторонниковъ) въ направленіи религіозно-моралистическомъ, потомъ (въ рукахъ такого оффиціознаго памфлетиста, какъ Пересвѣтовъ) въ направленіи политическомъ. То и другое направленіе не могло принести для его рѣшенія никакой пользы, такъ какъ оба пользовались социальнымъ вопросомъ, лишь какъ средствомъ борьбы другъ противъ друга. Социальная же оппозиція въ собственномъ смыслѣ сосредоточивалась въ такихъ общественныхъ «слояхъ», которыя не могли формулировать никакого социального «вопроса». Когда она выступила сама отъ своего имени, — это выступленіе получило не форму теорій, а форму поступковъ.

Одинъ изъ такихъ поступковъ отмѣтилъ уже авторъ «Валаамской бесѣды», предсказавъ отъ лица святыхъ, что «люди начнутъ убывать и земля начнетъ простираться быти». Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ исполнялась мечта московскихъ публицистовъ, расширялись предѣлы государства, — особенно на востокъ и на югъ, — все многочисленнѣе начинали становиться побѣги отъ московскихъ порядковъ на привольныя окраины. Въ послѣднюю четверть вѣка эти побѣги сдѣлались массовыми и стали грозить чуть не полнымъ обезлюднѣніемъ стараго государственнаго центра. Владѣльческому хозяйству центра грозилъ полный разгромъ, — и правительственная власть, смотрѣвшая вначалѣ на бѣглецовъ, какъ на пригодный для своихъ цѣлей колонизаторскій элементъ, въ концѣ концовъ, принуждена была отождествить свои интересы съ интересами хозяевъ — служилыхъ людей. При этихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о проведеніи намѣченной Пересвѣтовымъ идеи демократической монархіи, о защитѣ самодержавной властью «автономіи личности» отъ покушеній правящаго сословія на ея свободу. Правительство ограничилось другой задачей, — тоже не легкой, такъ какъ для ея осуществленія понадобилась опричнина и крѣпостное право: задачей оградить «воинство» отъ тяготѣнія надъ нимъ вельможъ и отъ ихъ конкуренціи въ сферѣ землевладѣнія. Такова и была, въ сущности, главная идея памфлета Ивашки Пересвѣтова.

Социальная оппозиція не была, конечно, уничтожена однимъ

тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство перестало о ней думать. Элементы этой оппозиціи продолжали копиться на окраинѣ; при первомъ случаѣ они должны были напомнить о себѣ правительству. Случай представился въ смутное время.

Любопытно, что знаменемъ для этого перваго активнаго социального протеста послужилъ «истинный царь Дмитрій» — въ противоположность боярскому царю Василию. Законный наследникъ Грознаго представлялся, очевидно, народной массѣ ея настоящимъ покровителемъ и защитникомъ — *противъ* боярскаго кружка, мечтавшаго можетъ быть возобновить преданія «избранной рады» Курбскаго. Идеи демократической монархіи, какъ видимъ, сознательно предпочитались въ народной массѣ тѣмъ конституціонно-боярскимъ идеямъ, во имя которыхъ Василій Шуйскій далъ свою «занись» — не казнить безъ боярскаго суда и не прибѣгать къ произвольнымъ конфискаціямъ имущества подданныхъ. Теоріи Пересвѣтова столкнулись, такимъ образомъ, въ самой жизни съ теоріями «Валаамской бесѣды», — и оказались болѣе популярными.

Въ этихъ теоріяхъ было, однако же, два оттѣнка, не совсѣмъ ладившихъ другъ съ другомъ на бумагѣ и еще менѣе соединимыхъ въ жизни. Они защищали противъ боярства, во-первыхъ, *воинство*, во-вторыхъ, поработенное (не одними боярами, а также и тѣмъ же воинствомъ) низшее сословіе — *крестьянъ и холоповъ*. Оба эти элемента возстали теперь «на бояръ за убіеніе Дмитрія и самовольное избраніе Василія Шуйскаго». Въ рязанской землѣ возстало «воинство», т.-е. служилые люди. Въ сѣверской землѣ возстали бѣглые крестьяне и холопы, прогнанные боярами во время голода, или отпущенные изъ конфискованныхъ у бояръ домовъ, или просто бѣжавшіе самовольно. Скоро оказалось, что оба элемента не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ и быть союзниками, такъ какъ и цѣли борьбы, и самая тактика были у нихъ совершенно различны. Бѣглые холопы не интересовались простой смѣной династій: вожди ихъ рисовали имъ въ перспективѣ цѣлый социальный переворотъ. Въ своихъ прокламаціяхъ они «велѣли боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и сулили имъ женъ и вотчины, и помѣстья этихъ бояръ, а безымяннымъ бродягамъ велѣли купцовъ и всѣхъ торговыхъ людей побивать и имущество ихъ грабить. Призывая къ себѣ этихъ воровъ, они обѣщали имъ и боярство, и воеводство, и околичничество и дьячество». И, дѣйствительно, при первыхъ же успѣхахъ движенія, сѣверные бунтовщики начали именемъ истиннаго царя Дмитрія «разорять дома своихъ бояръ, грабить ихъ имущество и брать себѣ женъ; бояръ и воеводъ

они побивали разными смертями, бросали съ башенъ, вѣшали за ноги, распинали на городскихъ стѣнахъ» — словомъ воспроизводили всѣ тѣ сцены, которыя такъ хорошо извѣстны изъ исторіи социальныхъ движеній XVIII столѣтія. Рязанскіе дворяне немедленно отступились отъ такихъ опасныхъ союзниковъ и вернулись къ союзу съ законной властью, которая затѣмъ уже не жалѣла казней противъ враговъ общественнаго порядка. Цѣлые два года правительство царя Василя вѣшало и топило «воровъ»: вся сѣверская область была объявлена на военномъ положеніи и отдана на разграбленіе инородцамъ — черемисамъ и татарамъ.

Теперь, наконецъ, правительство почувствовало необходимость законодательнаго вмѣшательства въ область социальныхъ отношеній, но сдѣлало это отнюдь не въ интересахъ «самовластія» личности. Въ 1607 г., непосредственно послѣ возстанія, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ мѣръ, общая цѣль которыхъ — подчинить правительственному надзору боярскихъ холоповъ и прекратить побѣги крестьянъ на окраину. Такъ кончилось первое проявленіе социального протеста противъ новыхъ московскихъ порядковъ.

Источники оппозиціи противъ этихъ порядковъ были теперь сплоша исчерпаны. Порядки оказались сильнѣе — и выставлявшихъ противъ нихъ идеологій, и даже противорѣчившихъ имъ социальныхъ интересовъ. И, если, при всемъ томъ, эти идеологіи успѣли достаточно ярко заявить о себѣ, то и этимъ онѣ обязаны были, во-первыхъ, тому, что порядки не успѣли еще установиться: во-вторыхъ, тому, что нѣкоторыя изъ этихъ идеологій принялъ подъ свою защиту царь, а другія единственный (кромѣ царской власти) сильный тогда социальный элементъ — боярство. Въ XVII вѣкѣ оба эти условія перестали дѣйствовать. Порядки установились окончательно, а боярство лишено было царской политикой всякаго политическаго значенія. Немудрено, что въ XVII в. мы уже не найдемъ ничего подобнаго той борьбѣ разнородныхъ политическихъ началъ, какую прослѣдили въ XVI в. Новыя политическія идеологіи развиваются, конечно, своимъ чередомъ, но онѣ развиваются, такъ сказать, изнутри установившагося общественнаго порядка.

О религіозныхъ движеніяхъ XIV и XV в. на Балканскомъ полуостровѣ и на Аѳонѣ см. указанную раньше книгу Радченко и книгу **Θ. И. Успенскаго**: «Очерки по исторіи византійской образованности. «Одесса. 1892. Теорія западнаго вліянія на возникновеніе ереси въ Псковѣ и Новгородѣ

развита **Н. С. Тихонравовымъ**, см. его «Сочиненія» т. I, «Отреченныя книги древней Россіи», очеркъ шестой. М. 189. Общій рассказъ о религіозной и политической борьбѣ XV и XVI в., поскольку она отразилась въ литературныхъ произведеніяхъ, см. въ «Исторіи русской литературы» **А. Н. Пыпина**, т. II, Спб. 1898 г. Здѣсь и библіографическія указанія. Подробности о борьбѣ нестяжателей съ осифлянами см. въ «Изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Санина» **И. Хрущова**, Спб. 1868 г. и въ «Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи» **А. С. Павлова**, въ «Запискахъ Новороссійскаго университета», т. VII, О. 1871 г. «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ» издана **В. Г. Дружининымъ** и **М. А. Дьяконовымъ**. Спб. 1890 г. О подготовкѣ Стоглаваго Собора см. статью **И. Жданова** въ «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія», 1876, июль и августъ. Специалисты замѣтятъ, что мы не совсѣмъ согласны съ освѣщеніемъ фактовъ у автора и считаемъ двѣ безымянныя записки, поданныя устроителямъ собора, — принадлежащими не партіи реформъ, а ея противникамъ. О составѣ перваго земскаго собора см. статью **В. О. Ключевскаго**: «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси», въ «Русской Мысли» 1890 г., январь. Сказанія Ивана Пересвѣтова о царѣ турецкомъ Магметѣ и о Петрѣ волошскомъ воеводѣ нанечатаны въ «Извѣстіяхъ и ученыхъ запискахъ Казанскаго университета», 1865 г., вып. I. Указанная мною въ текстѣ связь между обоими памфлетами должна быть принята во вниманіе при пересмотрѣ вопроса о времени ихъ написанія. Сказаніе Пересвѣтова, несомнѣнно, составлено тогда, когда вполне выяснился характеръ вліянія Сильвестра на Ивана Грознаго (чародѣйство), но нѣтъ никакой необходимости думать, что всѣ совѣты Пересвѣтова даются имъ *post factum*, т.-е. тогда, когда Иванъ успѣлъ осуществить ихъ учрежденіемъ опричнины. Идея «Бесѣды», во всякомъ случаѣ, должны быть въ обращеніи уже ко времени реформъ 50-хъ годовъ. О тенденціозной росписи Золотой Палаты — въ духѣ Сильвестра — и Грановитой — въ духѣ Ивашки Пересвѣтова фактич. данныя см. у **Забѣлина**, «Домашній бытъ русскихъ царей», 3-е изд. М. 1895 г. О социальномъ протестѣ смутнаго времени см. «Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI-XVII вв.» **С. Ѳ. Платонова**, Спб. 1899 г. Тамъ же и всѣ указанія на источники.

III

Торжество націоналистической программы и политический смысл смуты

Торжество националистических идеологий. — Победа националистических идеологий во внешней политике: принятие царского титула и теория византийского преемства власти; применение этой теории во внешних сношениях; ее распространение в широких кругах. — Победа националистической программы внутренней политики. — Роль боярства и казачества в смуте: падение, вместе с ними, политической и социальной оппозиции и торжество служилого класса. — Роль «последних людей» в смуте — Роль служилого класса. — Попытки действовать его именем и его собственное выступление. — Договор с Владиславом, как первое выражение стремлений служилого класса. — Значение прав, данных в договоре боярской думе: взгляд русских на своих бояр и польских магнатов. — Бесилие боярского временного правительства и подчинение его полякам; выступление «всей земли» в виде ратного совета при земском ополчении: договор совета с начальниками ополчения. — Его отношение к договору с Владиславом. — Его обязательность для нового начальника второго ополчения, Пожарского. — Вопрос о его обязательности для нового царя: свидетельство Фокеродта. — Роль земского собора в первые годы Михаила; соборы при Филарете. — Развитие бюрократии и бессильный протест дворянства.

Мы познакомились теперь с элементами, из которых складывалось общественное самосознание Московской Руси. Мы рассмотрели содержание как националистических, так и оппозиционных идеологий XV и XVI вв. Которые из них должны были победить, это предопределялось совершенно объективными условиями политической и социальной жизни Московской Руси. Эти условия мы старались изобразить в первой части «Очерков» и теперь должны предположить их известными. В результате этих условий — во внешней

политикѣ московское правительство стало подъ знамя націоналистическихъ идеологій, государственныхъ и религіозныхъ, а во внутренней политикѣ оно стало проводить политическую программу Грознаго и соціальную программу Иванки Пересвѣтова.

Націоналистическая программа виѣшней политики складывалась съ конца XV вѣка и получила свое окончательное завершеніе и формулировку во второй половинѣ XVI в. Соціально-политическая программа внутренней политики нѣсколько запоздала: во второй половинѣ XVI в. правительство еще вело за нее борьбу, а окончательная побѣда достигнута была лишь въ XVII в., послѣ испытаній смутнаго времени. Теперь мы остановимся нѣсколько подробнѣе на побѣдѣ той и другой программы.

Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ до сихъ поръ хранится живой свидѣтель того момента, когда оффиціально восторжествовала націоналистическая идеологія московской государственной власти. Это — царскій тронъ съ балдахиномъ въ формѣ шатровой крыши московскихъ церквей того времени и съ затворами на три стороны. На каждомъ изъ этихъ затворовъ изображены по четыре сцены тонкой рѣзной работы. Тутъ же вырѣзанъ и текстъ, поясняющій смыслъ этихъ сценъ. Это та самая легенда о присылкѣ Владиміру Мономаху греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ царскихъ регалій, съ которой мы познакомились раньше. Въ 1547 г. Иванъ Грозный торжественно вѣнчался на царство и принялъ оффиціально царскій титулъ; въ 1552 г. посѣлъ и этотъ царскій тронъ, которымъ давалась легендѣ о византійскомъ преемствѣ власти оффиціальная санкція. Въ 1561 г. Иванъ добился и формальнаго признанія легенды со стороны константинопольскаго патріарха. Правда, для этого пришлось немножко подскоблить греческую грамоту, содержащую въ себѣ не совсѣмъ то, что нужно было царю отъ патріарха. Какъ бы то ни было, дѣло было сдѣлано, и московское правительство могло торжественно выступить со своими претензіями передъ иностранными державами.

Эти претензіи, правда, не сразу получили признаніе. Баторій еще въ 1581 г. совѣтуетъ Ивану «не твердить басенъ своихъ бахарей» про Пруса и про Августа кесаря, какъ про своихъ «сродниковъ». Но Иванъ въ долгу не остается и побѣдоносно опровергаетъ сомнѣнія своего соперника простымъ соображеніемъ: «коли ужъ Пруса на свѣтѣ не было, — пусть Стефанъ король намъ объяснить, откуда же взялась прусская земля!» Въ свою очередь и самъ онъ возбуждаетъ сомнѣніе: при такомъ важномъ происхожденіи можетъ ли онъ, не

теряя своего достоинства, сноситься, какъ равный съ равнымъ, съ человекомъ, не «отъ государскаго прироженія, а отъ рыцарскаго чина», каковъ Баторій? О шведскомъ королѣ Иванъ еще болѣе низкаго мнѣнія: тотъ прямо «мужичьяго рода». Получивъ грамоту «ниѣмцкой земли государя», Московскій царь былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе: называть ли его братомъ въ своемъ отвѣтѣ? Въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ «о братствѣ къ нему не писать», такъ какъ неизвѣстно — «государь ли онъ, или простой урядникъ». На языкѣ московской политической теоріи это значило: «неограниченный онъ государь или конституціонный». Конституціонную монархію въ Москвѣ ставили чрезвычайно низко. «Мы думали, — писалъ Грозный англійской королевѣ Елизаветѣ, — что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь, а у тебя люди владѣютъ, — и не токмо люди, а мужики торговые.... а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чинѣ, какъ есть пошлая дѣвица». Такъ же презрительно относился Иванъ IV и къ «убогой» власти польскаго короля. «Ты посаженный государь, а не вотчинный. — писали московскіе бояре Сигизмунду-Августу, — какъ тебя захотѣли паны твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали; ты въ себѣ и самъ не воленъ, какъ же тебѣ быть вольнымъ въ своемъ государствѣ?».

Успѣхи націоналистическаго самовозвеличенія завершились провозглашеніемъ полной независимости русской церкви отъ греческой, подъ управленіемъ собственнаго патріарха (1589). Официальный актъ и въ этомъ случаѣ воспользовался легендой, которая давно уже успѣла сдѣлаться популярной. Теоріи о Москвѣ-третьемъ Римѣ, о превосходствѣ русскаго православія, о религіозномъ преемствѣ отъ Византіи (наряду съ государственнымъ) — все это было цѣликомъ внесено изъ литературныхъ источниковъ начала вѣка въ государственный документъ, санкціонировавшій въ концѣ вѣка учрежденіе патріаршіи. Правда, дѣйствительность и здѣсь не совѣтъ соотвѣтствовала гордымъ національнымъ претензіямъ. Московскій патріархъ оказался послѣднимъ въ ряду вселенскихъ, несмотря на усилія московскихъ дипломатовъ добыть ему, если ужъ не первое, то хоть третье мѣсто. Пришлось довольствоваться и этимъ, такъ какъ и самое согласіе на учрежденіе патріаршіи было вырвано и у грековъ чуть не насильно.

Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что торжество націоналистическихъ теорій не ограничилось одними только правительственными кругами. Уже въ предѣлахъ XVI в. оно стало признаваться и въ средѣ самого населенія. Когда извѣстная идея проникаетъ въ мас-

сы, — она непременно закрѣпится въ народной памяти въ формѣ народной легенды, при помощи стихотворнаго размѣра и рифмы. Книжныя легенды XVI в., наряду съ официальными актами, тоже нашли себѣ путь къ широкой публикѣ, воспринимавшей эти легенды не глазами, а слухомъ. Передавая другъ другу изустно живое преданіе, эта публика перепутала, конечно, имена, событія и даты. Но общій смыслъ событій она запомнила твердо. И вотъ какой видъ приняла въ воспоминаніи народной массы извѣстная намъ націоналистическая легенда о пріобрѣтеніи московскимъ княземъ царскихъ регалій. Какъ въ книжномъ источникѣ, такъ и въ народной передачѣ герой легенды отправляется въ Вавилонъ изъ Цареграда добывать регаліи для *византійскихъ* императоровъ. Но дальше народная фантазия начинаетъ работать самостоятельно. Вернувшись назадъ, въ Византію, посланецъ Ѳеодоръ Барма (имя котораго, очевидно, подсказано царскими *бармами*) находитъ тамъ крушеніе царства и вѣры и прямымъ путемъ доставляетъ регаліи единому православному царю вселенной, Ивану Васильевичу. Онъ застаётъ его какъ разъ въ моментъ торжества православія надъ басурманами и въ моментъ дѣйствительнаго принятія Грознымъ царскаго титула. «Тутъ было въ Царьградѣ великое кроволитіе: рушилась вѣра православная, не стало царя православнаго. И пошелъ Ѳеодоръ Барма въ нашу Руссію подселенную и пришелъ онъ въ Казань градъ и вошелъ онъ въ палаты княженицкія, въ княженицкія палаты богатырскія... И улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову грознаго царя православнаго, Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство Проходима, поганнаго князя казанскаго».

Всего любопытнѣе то, что въ народной памяти не только удержался моментъ національнаго возвеличенія московской государственной власти, но и сохранилось представленіе о связи между націоналистической политикой виѣшней и внутренней. Въ народной былинѣ новая государственная власть представляется или орудіемъ борьбы съ внутренними врагами, или результатомъ побѣды надъ ними: монархія является на свѣтъ съ демократической программой, — какъ она была изображена на стѣнахъ Грановитой Палаты.

Когда-жъ то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почетный пиръ;
Всѣ на почестномъ напивались,

И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть чѣмъ царю миѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царяграда.
Царскую цорфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы».

Или въ другой формѣ:

«Вывелъ я измѣну изъ Пскова.
Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
Казанское царство мимоходомъ взялъ,
Царя Симіона подъ миръ скленилъ;
Снялъ я съ царя порфиру царскую,
Привезъ порфиру въ каменную Москву,
Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на себя наложилъ,
Послѣ этого сталъ Грозный царь».

Здѣсь какъ будто даже сохранилась свѣжая память о томъ, какъ живой, не легендарный царь Иванъ Васильевичъ, дѣйствительно, «порасхвастался» передъ своимъ народомъ съ добнаго мѣста, сваливая всю вину за государственныя нестроения на бояръ и общая самъ все исправить; или какъ тотъ же Иванъ Грозный объявлялъ публично полтора десятка лѣтъ спустя свою опалу высшимъ общественнымъ слоямъ и свою милость низшимъ, прося у послѣднихъ экстренныхъ полномочій для того, чтобы расправиться съ своими и ихъ врагами, — «повывести измѣну».

Мы видѣли, однако, же, что, въ дѣйствительности, программа внутренней политики Грознаго и его сторонниковъ вовсе не была такъ демократична, какъ это могло показаться съ перваго взгляда. «Взсѣявшее» надъ Россіей «красное солнце» скоро должно было оказаться кровавымъ заревомъ соціального пожара. Согласно теоріи Пересвѣтова, «воинство», — рядовое дворянство все болѣе и болѣе становилось исключительнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ. Въ немъ видѣли какъ необходимый элементъ для существованія и независимости государства, такъ и опору противъ притязаній «вельможъ». Его надѣляли землями; ему облегчали тяжесть податей; съ нимъ даже начали совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ.

Напротивъ, противъ верхняго общественнаго слоя Грозный «сталъ за себя», т. е. въ интересахъ личнаго самосохраненія. Онъ «губилъ» этотъ слой «всенародно» и такъ удачно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, что къ концу вѣка боярскій классъ представлялъ изъ себя только одни жалкіе остатки того, чѣмъ онъ былъ въ началѣ вѣка. Что касается низшаго общественнаго слоя, онъ просто выходилъ изъ кругозора московскаго правительства. Оно занялось имъ лишь тогда, когда это понадобилось для того же «воинства»: и, конечно, оно взглянуло на него глазами «воинства».

Такимъ образомъ, недовольны положеніемъ должны были быть верхъ и низъ русскаго общества: верхъ, въ которомъ едва теплилась искра старой, почти совершенно сломленной политической оппозиціи, и низъ, въ которомъ быстро конился торючій матеріалъ, грозившій вспыхнуть социальнымъ протестомъ. Оба элемента въ послѣднемъ счетѣ должны были оказаться несравненно слабѣ общественной середины, представлявшей служилымъ классомъ московскаго государства. Однако, политическія обстоятельства сложились такъ, что на короткій промежутокъ дали перевѣсъ именно этимъ крайнимъ элементамъ надъ среднимъ.

Внѣшней причиной, совершенно случайнаго свойства, послужило при этомъ прекращеніе династіи. Внутренней причиной, въ которой не было ничего случайнаго, была та степень легкости, съ которой различныя общественныя группы могли мобилизовать свои силы чтобы воспользоваться представившимися обстоятельствами. Наиболее близко къ власти, выпавшей изъ привычныхъ рукъ, стоялъ классъ, только что перестававшій быть правящимъ, — боярство. Оно и попробовало первое — эксплуатировать наступившую смуту въ своихъ выгодахъ. Но оно было слишкомъ мало дисциплинировано, какъ классъ, и слишкомъ заинтересованно, въ лицѣ отдѣльных своихъ представителей, въ разрѣшеніи династическаго вопроса въ пользу того или другаго кандидата, чтобы имѣть возможность выиграть въ начавшейся борьбѣ, какъ классъ. Оно, притомъ, уже было слишкомъ разбито политикой Грознаго и, въ оставшихся своихъ обломкахъ, слишкомъ разъединено родословными счетами, чтобы представлять какую-нибудь дѣйствительную силу. Его единственнымъ орудіемъ была придворная интрига, — орудіе очень дѣйствительное въ болѣе спокойное время, но совершенно непригодное въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ очутилось государство благодаря вмѣшательству въ смуту иностранныхъ враговъ и другихъ сословій. Разсчеты боярства не разъ пугала уже московская улич-

ная толпа, совѣмъ не организованная — и сильная лишь пока стояла на площади. Немудрено, что толпа, организованная въ постоянное военное сообщество, какою были казаки съ присоединившимся къ нимъ бѣглецами крестьянами и холопами, имѣла полную возможность овладѣть положеніемъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Несчастіе этой группы состояло лишь въ томъ, что на другой день послѣ побѣды она не знала бы, что ей съ этой побѣдой дѣлать. Она годилась на роль кондоттиеровъ; но воспользоваться ею такимъ образомъ, было некому, а для самостоятельной политической роли она не годилась. Союзъ ея съ бѣглецами окончательно оттолкнулъ отъ нея все имущіе классы и былъ главнымъ стимуломъ, заставившимъ ихъ принять мѣры самообороны. Вѣрно или невѣрно, — но тогдашняя буржуазія была убѣждена, что казаки до самаго конца смуты остались при своемъ «первомъ зломъ совѣтѣ», обнаружившемся еще въ возстаніи Болотникова: что они хотятъ «бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и земскихъ, и уѣздныхъ *лучшихъ* людей побить и имущества ихъ разграбить и завладѣть ими по своему воровскому казацкому обычаю». Этотъ призракъ социальнаго переворота долженъ былъ пробудить въ самыхъ нерѣшительныхъ охоту дѣйствовать. Среднему классу было всехъ труднѣе сорганизоваться для какого-бы то ни было дѣйствія. Только крайняя нужда могла заставить его подняться, и только очень медленно онъ могъ сговориться и выступить на арену. Но разъ явившись въ роли активнаго элемента, онъ долженъ былъ поставить своей задачей возстановить тотъ прежній порядокъ, при которомъ ему жилось лучше, чѣмъ другимъ общественнымъ группамъ. По существу дѣла, это былъ, стало быть, элементъ консервативный. Его побѣда надъ послѣдней вѣнчиковой политической оппозиціей (боярства) и надъ первымъ врывомъ социальнаго протеста (казачества) — должна была очистить путь къ торжеству національной программы во внутренней политикѣ.

Очень часто говорятъ, слѣдуя реторическому выраженію лѣтописца, что московское государство спасли «послѣдніе люди». Конечно, если разумѣть подъ «послѣдними людьми» зажиточное купечество, — какъ это дѣлали привычные къ родословнымъ счетамъ служилые москвичи, то въ эту категорію попадетъ и Кузьма Мининъ. Но тогда не надо забывать, что такимъ же «торговымъ мужикомъ», какъ Мининъ, былъ и его антиподъ, Ѳедька Андроновъ, сторонникъ Владислава и Сигизмунда. Характерно, конечно, для того момента что люди этого слоя вообще могли получить голосъ въ обществен-

вѣхъ дѣлахъ. Несомнѣнно также, что и они нужны были всякому правительству, какъ плательщики и какъ сборщики податей, — и сильное правительство нужно было имъ для ихъ промышленныхъ предпріятій и торговыхъ оборотовъ. *Послѣ* служилыхъ людей они, дѣйствительно, были самымъ нужнымъ элементомъ. Немудрено, что претенденты на власть старались имѣть на своей сторонѣ и тѣхъ и другихъ. Тѣ и другіе — и раскололись между разными претендентами, прежде чѣмъ время рѣшило, кто изъ нихъ окажется «прямымъ», а кто «кривымъ». «Вы бы безъ всякаго сомнѣнья собрались со всеми людьми и шли къ намъ къ Москвѣ», — уговариваетъ царь Василій отпавшія отъ него области, — «и службу бы свою и радѣнье совершили, а мы васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ: васъ, помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ, пожалуемъ большой денежной и помѣстной придачей, велимъ васъ испомѣстить и наше жалованье дать. А васъ, посадскихъ, и уѣздныхъ людей, пожалуемъ льготой на многіе годы: велимъ вамъ торговать безошлинно и во всемъ васъ огарханимъ, да и сверхъ того пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и въ разумѣ нѣтъ». Эта грамота чрезвычайно ярко показываетъ, на какіе элементы могло опереться правительство и чѣмъ оно могло вознаградить эти элементы за ихъ «службу». Былъ моментъ, когда и «посадскіе и уѣздные люди», *одни, безъ* помощи служилыхъ, «помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ», дѣйствительно, сослужили службу тому же Василию Шуйскому. Это было въ тотъ моментъ, когда рядовое дворянство уѣхало отъ «боярскаго» царя — по домамъ или въ Тушину, — а за него сталъ организованный Скопиннымъ изъ Новгорода дальній московскій сѣверъ. Тамъ, на этомъ сѣверѣ, никакихъ служилыхъ людей вовсе не было, а только и были посадскіе въ городахъ и черные крестьяне въ уѣздахъ. Когда эти «мужики» — явились изъ своихъ сѣверныхъ палестинъ въ центральную Россію, — населеніе тутъ сильно «смутилось». Это были вѣдь настоящіе «последніе люди» государства, — а въ центрѣ привыкли представлять себѣ такихъ послѣднихъ людей не иначе, какъ въ видѣ казаковъ и ихъ бѣглыхъ товарищей. Но ополченцы успѣли разсѣять эти страхи. «Вы смущаетесь потому, — писали они жителямъ города Романова, — что будто бы черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ побиваютъ и дома ихъ разоряютъ; а *здесь, господа, черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ чтятъ* и позора имъ никакого нѣтъ». Дѣйствительно, у этихъ поморовъ ничего не было общаго съ южно-русскимъ казачествомъ. Это были просто рекруты, поставленные своими волостями по приказу уѣздныхъ властей и со-

державшіеся на счетъ мѣстныхъ государственныхъ сборовъ, отчасти спеціально для этого назначенныхъ. Посылая на помощь правительству этихъ рекрутъ, посадскіе люди исполняли обычную государственную повинность — не такъ охотно какъ всегда, такъ какъ они рисковали теперь попасть на службу не къ тому правительству, которое окажется законнымъ. Въ то самое время, какъ набирались мужикія ополченія на сѣверѣ, устюжане писали напр., сольвычегодцамъ: «пожалуйста, помыслите съ миромъ крѣпко и не снѣшите креста цѣловать: не угадать, на чемъ совершится...: а если услышимъ, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на русскую землю, такъ еще до насъ далеко; уснѣмъ съ повинной послать». И расчетъ оказался совершенно правильнымъ. Естественнo, что къ концу смуты черносонныя волости русскаго сѣвера, въ лицѣ своихъ посадскихъ руководителей, еще меньше обнаруживали охоты «снѣшиться». Такимъ образомъ, *настоящіе* «последніе люди» русской земли приняли самое незначительное участіе въ развязкѣ смутнаго времени.

Главная роль принадлежала здѣсь, безъ сомнѣнія, служилому сословію. Если бы оно успѣло своевременно организоватьъ и вовремя нашло себѣ кандидата, достаточно обезпечивающаго его интересы то смута могла бы окончиться гораздо раньше, чѣмъ это случилось въ дѣйствительности. Задолго до того времени, когда служилое сословіе выработало себѣ, среди смуты, свой собственный представительный органъ, его общественная сила была понята. На него старались опереться, какъ на самый надежный элементъ, его именемъ начали дѣйствовать. Рядомъ съ нимъ ставилось, правда, имя посадскихъ людей, когда рѣчь заходила о голосѣ *всей* земли. Но всѣ понимали при этомъ, что фактическимъ представителемъ «всей земли» явится, именно, служилое сословіе, — ратные люди. Когда города сносились съ городами, — это значило, что переносываются между собой ихъ официальные представители, т. е., за исключеніемъ черносоннаго сѣвера, «большие дворяне». Когда шла рѣчь о «единомысленномъ земскомъ совѣтѣ», всякій зналъ, что и количественный, и качественный перевѣсъ будетъ имѣть на этомъ совѣтѣ голосъ служилаго сословія. Правда, въ идеѣ это былъ совѣтъ «всѣхъ чиновъ московскаго государства». Но въ ряду этихъ *всѣхъ* чиновъ всевозможныя, даже самыя мелкія служилыя группы перечислялись самымъ точнымъ образомъ, тогда какъ тяглое населеніе уѣздовъ лишь глухо упоминалось для стилистической полноты въ концѣ обычной формулы и фактически обыкновенно вовсе отсутствовало.

Это не значитъ, конечно, чтобы въ событіяхъ смуты не было

мѣста болѣе горячимъ элементамъ и болѣе идеальнымъ побужденіямъ. То и другое, несомнѣнно, было и даже имѣло значительное вліяніе на то, какъ сложилась индивидуальная фізіономія событій. Но общій смыслъ ихъ былъ именно таковъ, какъ мы говорили, — и это очень хорошо чувствовали сами дѣйствующія лица громкихъ событій. Василія Шуйскаго свела съ престола народная сходка за Арбатскими воротами: а формулировала она свое дѣло въ слѣдующихъ корректныхъ выраженіяхъ: «дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ и гости, и торговые, и всякіе люди, и стрѣльцы, и казаки, и посадскіе и всѣхъ чиновъ люди всего московскаго государства, поговоря межъ себя... били челомъ ему государю всякіе люди, чтобы государь государство оставилъ». И дѣйствительно, если бы «дворяне» и т. д. не стояли за спиной нестрой московской толпы, то сверженіе Василія было бы невысказано. Точно также и Козьма Мининъ могъ быть правъ, вложивъ въ уста прен. Сергія слова: «старѣйшіе на такое дѣло не пойдутъ, если не начнутъ рѣшѣйшіе». И все-таки было-оно странно объяснять успѣхъ ополченія Пожарскаго подъ Москвой тѣми чувствами, которыя Мининъ вдохнулъ въ нижегородскую молодежь.

Чѣмъ болѣе идея земскаго совѣта «всей земли» становилась реальностью, тѣмъ отчетливѣе вырисовывалась та партійная программа, которую должно было принять будущее правительство изъ рукъ своихъ избирателей. Совершенно ясно сдѣлалось для выступившей на сцену общественной группы, — еще въ періодъ, пока шла переписка между городами, — что безусловно должны быть отброшены въ сторону интересы двухъ другихъ группъ: боярства и казачества. Раньше чѣмъ сойтись въ Ярославль, городскія ополченія уже дали другъ другу письменныя обязательства — стоять заодно и противъ бояръ, и противъ казаковъ. Отстранивъ формально оба эти активные элемента смуты, служивыя городскія дружины просто игнорировали стѣнные «чины». Слово «вся рать» было для нихъ совершенно тождественно съ выраженіемъ: «вся земля».

Какъ такое положеніе отразилось на общественной программѣ служилаго сословія, видно изъ обязательствъ, продиктованныхъ имъ своимъ избраникамъ: Владиславу въ договорѣ 17 августа 1610 г.; триумвирату Трубецкаго, Ляпунова и Заруцкаго — въ «приговорѣ» 30 июня 1611 г.; — вѣроятно, также и Пожарскому и, наконецъ, самому Михаилу Ѳеодоровичу. Первые два обязательства извѣстны; о послѣднихъ двухъ мы можемъ догадываться.

При каждой новой перемѣнѣ власти программа ратныхъ лю-

дей развивалась все полиѣ и послѣдовательнѣе. Основной принципъ ея, — именно тотъ, что голосъ служилыхъ людей изъ городовъ есть голосъ «всей земли» и что онъ долженъ быть выслушанъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ. — Этотъ принципъ былъ признакъ давно самими представителями власти. Не говоримъ уже о Борисѣ Годуновѣ, первомъ государственнымъ челоѣкъ, который повелъ сознательную политику покровительства служилому сословію. Но даже и боярскій избранникъ, Василій Шуйскій, пробовалъ опереться на всю служилую землю — и противъ боярской интриги, и противъ народной «крамолы». Въмѣсто присяги боярамъ, онъ попробовалъ всенародно присягнуть «всей землѣ», — и вызвалъ этимъ сильнѣйшее раздраженіе своихъ избирателей. Зато, когда въ царскій дворецъ явилась возбуждавшаяся толпа народа, тотъ же царь Василій сказалъ ей въ лицо, по словамъ лѣтписи: «если хотите убить меня, я готовъ на смерть; но если желаете свергнуть меня съ престола — это невозможно васъ сдѣлать безъ большихъ бояръ и дворянъ, *безъ совѣта всей российской земли*». И мы видѣли, что явившіеся, годъ спустя, низложить Василя ратные люди сдѣлали это отъ имени всѣхъ чиновъ московскаго государства. Низложивъ царя, побѣдители присягнули сами и вставили присягнуть русскую землю и назначенное ими временное правительство кн. Мстиславскаго въ томъ, чтобы «выбрать государя на московское государство имъ боярамъ и всякимъ людямъ *всею землею... съславшись съ городами*». Что подъ «всякими людьми» и подъ «всею землею» ратные люди разумѣли, главнымъ образомъ, самихъ себя, это они тотчасъ же и показали. Не дождавшись, пока соберется полный соборъ, они вступили, безъ дальнихъ сношеній съ «землей», въ предварительные переговоры съ намѣченнымъ ими кандидатомъ, королевичемъ Владиславомъ. На свое временное правительство деоріе наложили единственное обязательство: «насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити». Вступая въ постоянное соглашеніе съ чужеземнымъ избранникомъ, они, напротивъ, сочли нужнымъ развить это обязательство въ цѣлую программу, послужившую предметомъ формальнаго договора. Вчерасъ этотъ договоръ былъ написанъ подъ Смоленскомъ депутатами отъ дворянства, явившимися туда изъ Тушинскаго лагеря. Окончательно онъ былъ закрѣпленъ подъ Москвой и подписанъ Иолѣвскимъ и *боярскимъ* правительствомъ. Последнее обстоятельство заставило изслѣдователей обратить особенное — и по нашему мнѣнію преувеличенное — вниманіе на тѣ немногія измѣненія, какія были въ немъ сдѣланы при окончательной редакціи. Предполагалось, что

въ этихъ измѣненіяхъ особенно проявились *боярскія* тенденціи договора. Въ дѣйствительности, и въ этой редакціи вліяніе дворянства имѣло рѣшающее значеніе. Не даромъ дворяне такъ ревниво слѣдили за переговорами временнаго правительства съ Жолкѣвскимъ и самолично являлись къ послѣднему цѣлыми толпами — до пятисотъ человекъ.

Если исключить тѣ пункты договора, которые касаются просто-го возстановленія стараго правительственнаго порядка, а также тѣхъ, которые регулируютъ отношенія земли къ кандидату-иностранцу, его землякамъ и его государству, — т. е. пункты, вытекавшіе изъ особенныхъ условій момента и изъ личности кандидата, — все остальное содержаніе договора съ Владиславомъ имѣетъ главною цѣлью охрану интересовъ служилаго сословія и боярства, *какъ его составной части*. Представители «всей земли» прежде всего заботятся о томъ, чтобы сохранить *status quo*: «жалованье денежное, оброки и помѣстья и вотчины, кто что имѣлъ до сѣхъ мѣстъ» — за служилымъ сословіемъ. Затѣмъ они хлопочутъ объ облегченіи своего податного бремени и диктуютъ Владиславу мѣру, впоследствии принятую въ интересахъ служилаго сословія Михаиломъ. Въ заспущеніе отъ войны уѣзды они требуютъ «послать описати и дозировать, много-ль чего убыло и доходы велѣть имати съ *живущаго* по описи и дозору, а на запустошенныя вотчины и помѣстья дать льготы, поговоря съ бояры» (см. «Очерки», часть первая). Наконецъ, они пользуются случаемъ закрѣпить за собой рабочій трудъ и проектируютъ мѣру, опять-таки осуществленную новою династіей. «Промежь себя крестьянамъ выходу не быть; боярамъ и дворянамъ и всѣмъ чинамъ держать крѣпостныхъ людей по прежнему обычаю, по крѣпостямъ» (ср. объ этомъ «Очерки», часть первая). Всѣ существенные интересы служилыхъ людей были, такимъ образомъ, ограждены. Имъ оставалось позаботиться лишь о томъ, чтобы и впредь, при нормальномъ теченіи государственной жизни, ихъ голосъ былъ выслушанъ при всякой касающейся ихъ государственной реформѣ. Этого они не столько не сумѣли, сколько просто не сочли нужнымъ сдѣлать въ договорѣ съ Владиславомъ. Только относительно «праведнаго суда» они на этотъ разъ приняли болѣе опредѣленное и обязательное для правительства рѣшеніе. «Суду быть и совершаться по прежнему обычаю и по судебнику; а если захотятъ въ чемъ пополнить для укрѣпленія судовъ, государю на то согласиться съ думою бояръ и *всей земли*, чтобъ было все праведно». Это единственный случай, когда предусматрѣна въ договорѣ необходимость

созыва земскаго собора. Надо прибавить, что это также — единственный случай, въ которомъ и новая династія все еще считала необходимымъ прибѣгать къ собору, когда вообще обращеніе во «всей землѣ» давно уже вышло изъ моды. Очевидно, праведный судъ былъ слишкомъ насущной потребностью; неудовлетвореніе ея черезчуръ тяжело чувствовалось «всеми чинами» московскаго государства. Всѣ остальные текуція дѣла служилое сословіе спокойно предоставило правительству, выговоривъ только для болѣе важныхъ дѣлъ необходимость совѣщаться съ «думными людьми». Сюда введено было и правило, установленное при выборѣ Шуйскаго: «не сыскавъ вины и не осудивши судомъ — *всеми бояры* — никого не казнити и чести ни у кого не отнимати и въ заточенье не засылати, помѣстій и вотчинъ и дворовъ не отнимати», а также не распространять вины на родственниковъ преступника. Это было форменное отнятіе права, формально признаннаго всей землей за Иваномъ Грознымъ, когда тотъ принялся «выводить измѣну изъ каменной Москвы». Сюда же отнесено и еще одно важное правило, тоже фигурировавшее, по сообщенію одного иностранца, въ договорѣ Шуйскаго съ боярами: «доходы государскіе собирать по прежнему, а сверхъ прежнихъ обычаевъ, *не поговоря съ бояры*, ни въ чемъ не прибавливати». Въ томъ и другомъ случаѣ, отдавая извѣстную категорію дѣлъ въ вѣдѣніе боярской думы, служилое сословіе просто руководилось своей любимой мыслью, что такимъ образомъ, оно возвращается къ «прежнему обычаю» и нисколько не думало, чтобы этимъ могло быть усилено боярство, какъ классъ. Единственная мѣра, принятая въ договорѣ прямо въ пользу боярства, была вызвана тѣмъ, что царемъ дѣлался иноземецъ. Онъ обязывался, именно, «московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ прѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать». Но это обязательство вытекало само собою изъ того принятаго въ договорѣ принципа, по которому вообще рѣшено было «польскимъ и литовскимъ людямъ на Москвѣ ни у какихъ земскихъ расправныхъ дѣлъ и по городамъ въ воеводахъ не быть и городовъ въ намѣстничество польскимъ и литовскимъ людямъ не давать». Только путемъ такой раздачи высшихъ государственныхъ должностей и могли родовитые чужеземцы затѣснить московскіе боярскіе роды. Итакъ, единственная льгота, выговоренная договоромъ въ пользу боярства, вполне совпадала съ интересами самого служилаго сословія, больше всего боявшагося за свои помѣстья и вотчины, «если въ городахъ будутъ распоряжаться чужеземцы». Дворянство, очевидно, имѣло нѣкоторое представленіе о томъ, что

происходило по этой части въ самой Польшѣ. Въ Москвѣ по этому поводу приходили интересныя политическія разговоры между поляками и русскими. «Соединитесь съ нами, — говорили поляки, — и у васъ тоже будетъ свобода». «Вамъ дорога ваша свобода, — отвѣчали имъ на это русскіе, — а намъ наша неволя. У васъ не вольность, а своеволие: сильный грабитъ слабаго, можетъ у него отнять имѣніе и самую жизнь, а найти на него судъ, по вашимъ законамъ, трудно: дѣло можетъ вѣтянуться на цѣлыя годы. Съ него и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолудина; по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу. А если самъ царь поступитъ несправедливо --- его воля: отъ царя легче снести обиду, чѣмъ отъ своего брата; на то онъ нашъ общій владыка».

Можно спросить себя, слыша такія рѣчи: ужъ не осуществился ли въ самомъ дѣлѣ демократическо-монархическій идеалъ Ивашки Пересвѣтова? Или, можетъ быть, москвичи изъ патріотизма противопоставляли этотъ русскій идеалъ польской дѣйствительности, забывая упомянуть о русской? Какъ бы то ни было, очевидно, идеалъ проникъ таки въ сознание общества. Это мы видѣли и раньше: это подтверждается и теперь хотя бы тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ дворянство предоставляло боярамъ — *при царѣ* — заботу о новыхъ налогахъ, о высшемъ уголовномъ судѣ и даже о провѣркѣ правъ самихъ служилыхъ людей на землю: «что кому прибавлено не по достоинству или убавлено безъ вины».

Безъ царя или, точнѣе, въ ожиданіи царя, расчетъ дворянъ оказался, однако же, совершенно невѣрнымъ. Не то, чтобы временное боярское правительство злоупотребило своею властью. Напротивъ, все зло было въ томъ, что этой власти у него, въ отсутствіи «всей земли», оказалось слишкомъ мало, чтобы съ авторитетомъ противустать дальнѣйшимъ польскимъ притязаніямъ на Россію. Для Сигизмунда боярское правительство оказалось такимъ же неопаснымъ, какимъ считали его для самихъ себя московскіе служилые люди. Онъ скоро фальсифицировалъ его составъ, введя въ него своихъ доброхотовъ. Въ этомъ видѣ боярское правительство сдѣлалось группой въ рукахъ Гонимскаго. «Къ боярамъ ты ходилъ, — говорили послѣднему потомъ о его тогдашней дѣятельности въ думѣ, — челобитныя приносить: пришедши, сядешь, и возлѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, а намъ и не слышать, что ты съ своими совѣтниками говоришь и переговариваешь: и что по которой челобитной велишь сдѣлать, такъ и сдѣлають, а подписываютъ челобитныя твои

же советники дьяки». Пронигрывала отъ этихъ порялковъ, дѣйствительно, служилая масса, такъ какъ «челобитными», на которыхъ диктовалъ свои резолюціи Гонимскій — были, главнымъ образомъ, прошенія о пожалованіи земель — въ незаконномъ количествѣ или людямъ, вовсе не имѣвшимъ на то права. Кромѣ того, въ рукахъ поляковъ московское временное правительство собиралось нарушить наложенное на него обязательство «выбрать государя всей землей». Вмѣстѣ съ тѣмъ подвергались вопросу и условія, на которыхъ служилое сословіе приглашало кандидата, — и даже самая личность кандидата.

Такимъ образомъ, служилому сословію — въ интересахъ своихъ и «всей земли» (что, въ данномъ случаѣ, было одно и то же) — пришлось создавать новое правительство. И, если ратные люди на этотъ разъ постарались созданное ими правительство отдать *подъ постоянный уже контроль всей земли*, то не потому, чтобы они боялись силы сословія, только что обнаружившаго свое полное безеніе, а потому, что обстоятельства требовали правительства дѣйствительно сильнаго. Такъ мы объясняемъ разницу въ содержаніи новаго договора ратныхъ людей съ Лянуновымъ, Трубецкимъ и Заруцкимъ — въ сравненіи съ только-что разобраннмъ договоромъ съ Владиславомъ. Эти два договора не есть выраженіе политическихъ стремленій двухъ различныхъ общественныхъ слоевъ, а просто двѣ формулировки одной и той же политической программы, разница которыхъ вызвана необходимостью осуществлять старую программу при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ.

Болѣе активное участіе служилыхъ людей въ новомъ правительствѣ Трубецкого съ товарищами выразилось, прежде всего, тѣмъ, что формальный договоръ съ этимъ правительствомъ (30 іюня 1611 г.) заключенъ былъ по прямому требованію дворянства и по настоянію представителя служилыхъ людей, Прокопія Лянунова. Въ концѣ этого договора ратные люди, наученные опытомъ, выговорили себѣ право перемѣнить своихъ избранниковъ, въ случаѣ, если ихъ дѣятельность перестанетъ удовлетворять требованіямъ «всей земли». Что рѣшеніе дворянства равносильно рѣшенію всей земли, въ этомъ ни у кого не возникало никакихъ сомнѣній. Никакихъ принципиальныхъ вопросовъ государственнаго права, порѣшенныхъ договоромъ съ Владиславомъ, новый договоръ вновь не возбуждаетъ. «Вся земля» продолжаетъ, очевидно, держаться разъ выработанныхъ ею условій: она пока не отказывается еще формально и отъ разъ намѣченнаго ею кандидата. Но одинъ изъ канцальныхъ пунктовъ договора съ Владиславомъ

получаетъ въ приговорѣ 30 іюня новую редакцію: избранные землею воеводы обязуются «не объявля *всей земли* (не однимъ боярамъ), смертной казни никому не дѣлать и по городамъ не ссылатъ». Затѣмъ, все остальное содержаніе договора относится къ прекращенію того хищническаго разграбленія служилыхъ земель, которое санкціонировалось московскимъ временнымъ правительствомъ и при помощи котораго Сигизмундъ старался наwerbовать себѣ свою партію среди московскихъ служилыхъ людей. Любопытно, что, касируя всѣ такія распоряженія московскаго правительства, ратные люди крайне снисходительно относятся къ своимъ собратьямъ, попользовавшимся отъ польскихъ щедротъ. Такъ какъ для нихъ государство — это они, то имъ не приходится различать между собой «прямыхъ и кривыхъ». И тѣ, что были въ Тушинѣ, и тѣ, что были въ Калугѣ (со вторымъ самозванцемъ), и служившіе царю Василю, и присягнувшіе Владиславу, и даже подслуживающіеся Сигизмунду, — въ случаѣ, если во время отстануть отъ своего покровителя, всѣ они члены одного словія, всѣ имѣютъ право на свою долю въ служилой землѣ. Все дѣло лишь въ томъ, чтобъ однихъ не обдѣлать, другимъ не дать лишняго: въ этомъ главная забота и главный интересъ класса, диктовавшаго приговоръ 30 іюня. Не касаясь, какъ мы уже сказали, принципиальныхъ вопросовъ будущаго государственнаго устройства, не повторяя даже и разъ даннаго обязательства — добиваться избранія государя всей землей, приговоръ всецѣло погруженъ въ детальнѣйшія мѣропріятія по регулированію служилого землевладѣнія. Наблюденіе за службой и за вознагражденіемъ ея будетъ сосредоточено въ центральныхъ вѣдомствахъ, въ главномъ изъ нихъ будетъ посаженъ выбранный всей землею «дворянинъ изъ большихъ дворянъ». Всѣ захваченные служилыми людьми лишки будутъ возвращены въ казну, всѣ нуждающіеся и разоренные дворяне будутъ надѣлены. Бѣглецы въ городъ и къ другимъ помѣщикамъ крестьяне будутъ возвращены старымъ владѣльцамъ (объ этомъ больномъ мѣстѣ своего тогдашняго хозяйства дворяне не могутъ забыть и въ критическій моментъ). Таковы всѣ существенныя постановленія приговора. То, чего въ немъ не оказалось, должно было, очевидно, считаться регулируемымъ предъидущими постановленіями.

Только ставъ на эту точку зрѣнія, — что приговоръ 30 іюня не *отменяетъ*, а *дополняетъ* прежнія обязательства, взятыя на себя «всей землей», мы составимъ себѣ правильное понятіе о его значеніи. Ново въ немъ то, что «вся земля» съ этихъ поръ считаетъ необходимымъ оставаться *en permanence* при ратномъ ополченіи, въ каче-

ствѣ постоянного «земскаго совѣта». Цѣли остаются старыя; но старое средство, боярское представительство земли, оказалось недостаточнымъ. Оно и замѣняется съ этихъ поръ новымъ непосредственнымъ представительствомъ самого служилаго сословія. Силою обстоятельствъ на мѣсто боярской думы выдвигается земскій соборъ.

Мы имѣемъ основанія думать, что договоръ перваго земскаго ополченія съ Трубецкимъ сохранилъ свою обязательность и для преемниковъ обѣихъ сторонъ: для втораго земскаго ополченія съ Пожарскимъ. Если даже онъ и не былъ возобновленъ формально*), то вѣдь и надобности въ такомъ возобновленіи не было. «Вся земля», разошедшаяся изъ подъ Москвы послѣ убійства Ляпунова — это была та же самая земля, которая вновь пришла подъ Москву съ Пожарскимъ. А «перемѣнить» своихъ бояръ и воеводъ «вся земля» предоставила себѣ право еще въ договорѣ 30 іюня. Новый представитель земли началъ съ того, что возобновилъ въ памяти всей земли старую, данную ею присягу: «совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, чтобъ по совѣту всего государства выбрать общимъ совѣтомъ государя». Онъ распорядился также и о созывѣ «всякихъ чиновъ людей для земскаго совѣта вскорѣ». Собранный такимъ образомъ — впервые въ такомъ полномъ составѣ — земскій соборъ вступилъ во всѣ функціи, предусмотрѣнныя договоромъ ратныхъ людей съ Трубецкимъ. Онъ, напримѣръ, принялся отбирать дворцовыя земли, расхваченныя служилыми людьми при помощи временнаго московскаго правительства: это прямо было предусмотрено договоромъ съ Трубецкимъ. Когда произошло покушеніе на жизнь Пожарскаго, преступниковъ пытала «*вся рать и посадскіе люди*», и «разослали ихъ по городамъ и темницамъ *землею*», т.-е. было исполнено указанное выше условіе договора: «не объявляя всей землѣ, смертной казни никому не дѣлать и по городамъ не ссылатъ».

Какъ долго дѣйствовать новый «земскій совѣтъ» съ правами, предоставленными ему договоромъ съ Трубецкимъ или перешедшими къ нему отъ временнаго боярскаго правительства, роль котораго онъ поневолѣ долженъ былъ на себя взять? Былъ ли такой моментъ,

---

*) На формальный актъ «выбора», необходимо сопровождавшійся и письменнымъ документомъ, «приговоромъ», указываетъ торжественный титулъ Пожарскаго: «по избранью всѣхъ чиновъ людей російскаго государства — у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій съ товарищи». Это — буквальное повтореніе вступительныхъ выраженій договора съ Трубецкимъ.

когда эти функции сняты были съ него формально и онъ вошелъ въ скромныя рамки дѣятельности обыкновеннаго земскаго собора? Эти вопросы прямо приводятъ насъ къ разъясненію одного пункта, до сихъ поръ остающагося спорнымъ. Рѣчь идетъ о томъ, какія взаимныя отношенія установилась между этимъ земскимъ соборомъ — и первымъ царемъ новой династіи.

Отвѣтъ, который мы даемъ на этотъ вопросъ, прямо вытекаетъ изъ всего нашего взгляда на значеніе предыдущихъ соглашеній «всей земли» съ мѣняющимися представителями власти и кандидатами на престолъ. Исслѣдователи напрасно, какъ намъ кажется, разсматривали каждое изъ этихъ соглашеній совершенно отдѣльно отъ другихъ и также напрасно, когда приводили ихъ въ связь, старались отыскать въ каждомъ договорѣ выраженіе интересовъ какого-нибудь особаго общественнаго слоя. Если разсматривать все эти заявленія въ связи, какъ рядъ постоянно приенособлявшихся къ обстоятельствамъ заявленій, отъ имени «всей земли», одного и того же сословія, — все болѣе сильнаго, но мѣръ того, какъ оно все болѣе оказывалось организованнымъ, — тогда отвѣтъ на поставленный вопросъ станетъ ясенъ самъ собой.

Уже по тому количеству свѣдѣній о соглашеніи Михаила Феодоровича со всей землей, какое дошло до насъ, и по разнообразію источниковъ изъ которыхъ идутъ однородныя показанія, — мы можемъ заключить, что фактъ этотъ не выдуманъ. Еще болѣе убѣдимся въ этомъ, если разберемъ содержаніе этихъ показаній.

Самое обстоятельное изъ нихъ принадлежитъ современнику Петра Великаго, Фокеродту — наблюдателю, которому нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ освѣдомленности. По его словамъ, «вельможи составили изъ себя родъ сената, который они называли соборомъ и въ которомъ засѣдали и имѣли голосъ не только бояре, но также и все другія лица, занимавшія высокія государственныя должности (*welche in hohen Reichsbedienungen stunden*). Они приняли единодушное рѣшеніе — не выбирать въ цари никого, кто не обѣщаетъ имъ клятвенно: предоставить полный ходъ правосудію по старымъ законамъ страны, никого не судить и не осуждать высочайшей властью; безъ согласія собора не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягчать подданныхъ новыми налогами и не принимать самовольныхъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ (*in Kriegs — und Friedensgeschäften*). Чтобы крѣпче связать новаго царя этими условіями, они рѣшили не избирать своимъ властелиномъ никого, кто принадлежалъ бы къ вліятельной фамиліи и имѣлъ бы много при-

верженцевъ, съ помощью которыхъ могъ бы нарушить предписанные ему законы и вернуть себѣ снова верховную власть... Царь Михаилъ подписалъ эти условія безъ колебаній, и въ теченіе нѣкотораго времени правленіе велось предписаннымъ образомъ».

За исключеніемъ извѣстія о выборѣ «фамилін», къ которой долженъ былъ принадлежать избираемый государь, — въ сообщеніи Фокеродта нѣтъ ничего для насъ новаго. Изложенныя имъ условія — тѣ же самыя, какія предлагались Владиславу, только съ замѣной боярской думы соборомъ, съ участіемъ «не однихъ бояръ», но также и другихъ лицъ. Такая перемѣна, дѣйствительно, была сдѣлана въ условіяхъ, какъ намъ извѣстно изъ договора дворянства съ Трубецкимъ. Мы не знаемъ, возобновленъ ли былъ этотъ договоръ формально съ Пожарскимъ. Но если даже не было новаго соглашенія, то намъ остается только принять, что оставалось въ силѣ старое. Мы видѣли выше, что Пожарскій считалъ себя связаннымъ нѣкоторыми и притомъ важнѣйшими постановленіями стараго договора. Фокеродтъ нѣсколько смутно изобразилъ то учрежденіе, въ пользу котораго вводились ограниченія власти; но даже и въ этомъ случаѣ онъ оставался вѣренъ истинѣ. Мы знаемъ, что «ратный совѣтъ» при ополченіяхъ, договаривавшійся съ вождями этихъ ополченій, дѣйствительно, пересталъ походить на думу, но не приобрѣлъ еще и характера полного земскаго собора. Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, были «не одни бояре»: но и «всеѣ чины» присутствовали пока лишь на бумагѣ. Не менѣе вѣрно — и очень важно въ разсказѣ Фокеродта — то, что онъ представляетъ условія выработанными заранее, до опредѣленія личности кандидата. Такъ и должно было быть, если условія, предложенныя Михаилу, были тѣ же самыя, какія предложены раньше Владиславу и измѣнены потомъ тѣмъ фактомъ, что вмѣсто московскаго боярскаго правительства событія выдвинули органъ «всей земли», замѣнившій бояръ въ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Такимъ образомъ, свидѣтельство Фокеродта во всѣхъ своихъ отгѣнкахъ соответствуетъ исторической обстановкѣ того момента, къ которому относится. Напротивъ, въ памяти русскихъ людей — уже въ XVII столѣтіи — событіе приняло одностороннюю и невѣрную окраску, вызвавшую совершенно справедливыя сомнѣнія изслѣдователей. Напрасно только, вмѣсто того, чтобы усомниться въ *оцѣнкѣ* факта русскими источниками, эти изслѣдователи усумнились въ *самомъ фактѣ*. Такъ, какъ передаютъ фактъ исковская лѣтопись и Котошихинъ. — это выходитъ повтореніе исторіи съ царемъ-Шуйскимъ. Бояре обязали царя безъ суда и вины никого не казнить и безъ боярскаго *согласія* ниче-

го не дѣлать. Въ дѣйствительности, какъ стояли дѣла въ моментъ избранія новаго царя, — бояре были безсильны и не могли наложить никакихъ обязательствъ. Они сами, наравнѣ съ казаками, сдѣлались, какъ мы видѣли, предметомъ вражды «всей земли». А она была всемогуща тогда — въ лицѣ своей рати и своихъ представителей на земскомъ соборѣ.

Роль земскаго собора въ послѣдніе мѣсяцы смуты и въ первые девять лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича окончательно убѣждаетъ насъ въ правильности нашего пониманія дѣла. Какъ извѣстно, роль эта была совершенно исключительная. Соборъ превратился на это время изъ учрежденія, созывавшагося въ *исключительныхъ* случаяхъ для подачи *совѣщательнаго* голоса *по тѣмъ только* вопросамъ, съ которыми обращалась къ нему власть, — въ постоянное учрежденіе, засѣдавшее непрерывно, съ постояннымъ составомъ депутатовъ, перемѣнявшихся по трехлѣтіямъ, съ широкимъ кругомъ дѣлъ не только законодательнаго и учредительнаго, но и чисто распорядительнаго характера. Это учрежденіе непосредственно отъ своего имени сносилось съ областной администраціей. Словомъ, въ тогдашнихъ экстренныхъ обстоятельствахъ, оно, дѣйствительно, вѣдало «самомалѣйшія (*die allergeringsten*) дѣла войны и мира». Обычная московская формула закона и указа: «государь указалъ, а бояре приговорили», смѣнилась на время другою: «мы, великій государь, говорили и освѣтовали на соборѣ, а всѣхъ великихъ российскихъ государствъ (или «городовъ») ратные и выборные и всякіе люди приговорили». Въ особенно важныхъ случаяхъ, «чтобы вамъ (землѣ) наше (депутатское) обѣщаніе было вѣдомо», всякихъ чиновъ люди даже прикладывали свои руки къ такимъ «государевымъ указамъ и всей земли приговорамъ».

И въ другомъ своемъ сообщеніи Фокеродтъ оказывается совершенно правъ. Дѣйствительно, только что описанный порядокъ дѣйствовалъ очень недолго, — только «до тѣхъ поръ, пока не вернулся изъ польскаго плѣна отецъ государевъ Филаретъ». Въ 1619 г. Филаретъ пріѣхалъ въ Москву, въ 1622 г. кончалась очередная (третья) сессія постоянного земскаго собора. Это была та самая сессія, при участіи которой Филаретъ выполнилъ одно изъ важнѣйшихъ обязательствъ, возлагавшихся на Владислава, — обязательство привести въ извѣстность потери служилыхъ людей въ разоренныхъ смутой мѣстностяхъ и дать имъ податныя льготы. Послѣ того Филаретъ пересталъ созывать новыхъ депутатовъ. Даже польскую войну онъ началъ, десять лѣтъ спустя, не спросившись «всей земли». Но война эта за

тянулась и потребовала дополнительных военных расходов, не предусмотрѣнныхъ раньше. Необходимо было обязать всю землю обложить себя новымъ налогомъ. II земскій соборъ вновь появился на сцену (въ 1633 и 1634). Та же исторія повторилась черезъ три-четыре года. Опять правительство попробовало обойтись безъ помощи собора, опять это не удалось, и пришлось созвать соборъ для назначенія всей землей новаго налога и новаго набора. Но даже изъ формально обѣщанныхъ депутатами денегъ удалось собрать немногимъ больше половины оклада. Можно себѣ представить, къ чему приводило взиманіе денегъ и рекрутъ собственными силами правительства. Вотъ для чего, слѣдовательно, необходимъ еще былъ правительству соборъ. Наученная горькимъ опытомъ, власть уже серьезнѣе отнеслась къ вопросу, воевать или не воевать, когда этотъ вопросъ въ третій разъ представился по поводу взятія казаками Азова (1642). «Чины» всей земли были на этотъ разъ собраны въ особенной полнотѣ, и ихъ мнѣнія отбирались особенно тщательно и детально, «на письмѣ». Правительство спрашивало: разрывать ли съ турецкимъ и крымскимъ царемъ, и если разрывать, откуда взять средства для войны, которая можетъ оказаться очень продолжительной? Депутаты — преимущественно тѣхъ слоевъ общества, отъ которыхъ и зависѣла исправность платежей, отвѣчали, что они платить не могутъ. II Азовъ былъ очищенъ. Тутъ въ послѣдній «вся земля» рѣшила вопросъ о войнѣ и мирѣ, — и въ первый разъ въ голосѣ всей земли слышалась новая нота. «Пуше турецкихъ и крымскихъ басурманъ мы разорены отъ московской волокиты и отъ неправедныхъ судовъ», говорили представители городского дворянства. «Наша братья», городовые дворяне идутъ въ Москву въ чиновники («къ государевымъ дѣламъ»); служба въ приказахъ и по областному управленію, они наживаются, а военная служба страдаетъ. Дворовые люди государя тоже занимаютъ выгодныя должности по управленію дворцовыми имуществами, а полковой службѣ не служатъ. Дьяки и подьячіе, находясь постоянно «у государевыхъ дѣлъ», берутъ взятки и наживаются себѣ такія «неудобъсказаемыя палаты», какихъ при прежнихъ государяхъ не было и у «великородныхъ» людей. Торговые люди прибавляли къ этому, что они страдаютъ отъ воеводъ: «при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губныя старосты, а посадскіе люди судились сами промежь себя, а воеводъ въ городахъ не было; посылались они только въ окраинные города съ ратными людьми для береженья отъ тѣхъ же турецкихъ и крымскихъ и нагайскихъ людей». Наконецъ, и мелкіе тяглецы московскихъ черныхъ слободъ жалова-

лись, что государство запрягло ихъ на службы, — въ цѣловальники по приказамъ, въ «ярыжыные», въ пожарный обозъ при московской полиціи. Смысль всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ неудовольствій былъ одинъ и тотъ же. Въ тотъ моментъ, когда «вся земля» непосредственнымъ личнымъ усиліемъ отдѣлалась отъ бояръ и отъ казаковъ, когда она думала подъ наблюденіемъ своихъ депутатовъ возстановить «прежнія обычаи» московскаго государства, передъ ней обрисовалось не новое по существу, но новое по размѣрамъ зло, которое, притомъ, слишкомъ тѣсно было связано съ тѣмъ самымъ благомъ, къ которому земля стремилась, — съ упрядоченіемъ государства. Противъ этого неожиданнаго врага «земля», въ свою очередь, оказывалась безсильной. Врагомъ оказывалась — московская бюрократія.

Дѣло въ томъ, что смута сопровождалась полнымъ разрушеніемъ управленія и отсутствіемъ правильной администраціи. Этимъ и вызывалась необходимость въ постоянномъ земскомъ соборѣ. Естественно, что реорганизація управленія была первой мѣрой, которую долженъ былъ принять государевъ отецъ, начавши «вновь строить государство». Онъ припнулся за выполненіе этой задачи со свойственной ему энергіей и умѣніемъ. Результатомъ его усилій былъ тотъ строго-бюрократическій строй, который, безъ сомнѣнія, приводилъ въ порядокъ государственныя дѣла, но въ то же время избавлялъ власть отъ необходимости справляться при всякомъ важномъ случаѣ съ настроеніемъ «всѣхъ чиновъ». Вновь налаженный порядокъ управленія отдавалъ государство въ руки всемогущей бюрократіи. — фактического правящаго слоя, надъ злоупотребленіями котораго никакой дѣйствительный контроль былъ невозможенъ.

Такимъ образомъ и произошло, что то же самое сословіе, которое за нѣсколько лѣтъ раньше законодательствовало и распоряжалось отъ своего собственнаго имени, въ ближайшій слѣдующій моментъ поставлено было въ необходимость изливать передъ властью свои безсильныя жалобы. Но какъ же могло оно само допустить такую невыгодную для себя перемѣну?

Отвѣтъ мы найдемъ въ извѣстныхъ намъ уже отчасти взглядахъ самого служилаго сословія на ту роль, которая выпала ему на долю въ событіяхъ смутнаго времени. Оно представляло себѣ эту роль временной и чрезвычайной. Оно и не хотѣло вовсе своимъ договоромъ съ избравшимися имъ представителями власти устанавливать новаго государственнаго порядка. Оно видѣло въ этомъ только кратчайшій путь къ возстановленію «прежняго обычая». Его главной цѣлью было, «чтобы руссійское государство послѣ московскаго разо-

ренія впродь безгосударно не было». Оно боялось, такимъ образомъ, не излишества власти, а недостаточности власти и противъ этого принимало мѣры. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы организовать правильный контроль надъ властью и позаботиться о дѣйствительности такого контроля, оно не побоялось само стать правительствомъ, чтобы помочь минутной слабости власти. А когда эта минута прошла, оно сразу — и безъ всякаго протеста — покинуло участіе въ правительствѣ, и потеряло возможность контроля. Съ своей точки зрѣнія, оно даже еще слишкомъ долго засидѣлось въ правительствѣ. На свои депутатскія полномочія служилые люди всегда смотрѣли, какъ на непріятную повинность, къ отбыванію которой надо приступать какъ можно позже и отбывать ее какъ можно скорѣй. Ни вкуса, ни потребности во власти не развили въ служиломъ сословіи эти нѣсколько лѣтъ постоянныхъ мытарствъ по ополченіямъ и соборамъ. Волѣе ловкіе члены сословія воспользовались близостью ко двору и правительству, чтобы устроиться «у государевыхъ дѣлъ». Масса же стремилась использовать плоды своего короткаго участія во власти у себя дома, въ деревнѣ: тамъ на мѣстѣ, они укрѣпляли свою экономическую базу. Обезпечить за сословіемъ, какъ цѣлымъ, политическую власть въ будущемъ не приходило въ голову ни тѣмъ, ни другимъ. Для этого, въ сословіи было еще слишкомъ мало организованности и политическаго смысла. Его политическіе взгляды, въ огромномъ большинствѣ, совпадали съ тѣми, которые намъ извѣстны изъ разговора поляка съ русскимъ въ Москвѣ (см. выше, стр. 100). Пройдетъ сто лѣтъ, прежде чѣмъ это положеніе измѣнится.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что въ сознаніи сословія, которое еще не перешло отъ идеи службы къ идеѣ господства, нечего искать элементовъ оппозиціи и критики. Содержаніе «служилого» сознанія исчерпывается извѣстными намъ националистическими идеологіями. Чтобы найти элементы критики въ XVII ст., надо обращаться не къ классовой борьбѣ, какъ это мы дѣлали по поводу явленій XV и XVI ст. Мы найдемъ эти элементы въ самой бюрократіи, въ вызванномъ ея дѣятельностью приливѣ иноземныхъ идей.

Данныя о побѣдѣ націоналистическихъ идеологій см. въ цитированныхъ раньше книгахъ М. А. Дьяконова и И. Жданова, а также въ «Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли» автора «Очерковъ». Новѣйшее изложеніе событій смутнаго времени съ точки зрѣнія классовой борьбы принадлежитъ С. Θ. Плагонову: см. его «Очерки по исторіи смуты».

Спб. 1899. Въ предыдущей литературѣ идея постепеннаго выступленія различныхъ общественныхъ слоевъ, какъ причины продолжительности смуты, съ особенной яркостью развита В. О. Ключевскимъ въ его «Боярской думѣ», гл. XVIII. Ср. также его «Краткое пособіе по русской исторіи». М. 1899. Въ текстѣ мы старались мотивировать наши собственныя отклоненія отъ взглядовъ обонхъ изслѣдователей. Текстъ договора съ Владиславомъ напечатанъ въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. II, № 200. Текстъ приговора 30-го іюня см. въ «Исторіи» Карамзина, т. XII, примѣчаніе 793. Сочиненіе Фокеродта издано **Ф. Германномъ** въ книжкѣ: «Russland unter Peter dem Grossen». Lpz. 1872 русскій переводъ см. въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей», 1874 г., кн. II. Политическій разговоръ поляка съ русскимъ въ Москвѣ разсказанъ въ дневникѣ **Маскѣвича**, см. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», изд. 3-е, ч. II. Спб. 1859. Фактическія данныя о земскихъ соборахъ подобраны въ сочиненіи **В. Н. Латкина**: «Земскіе соборы древней Руси». Спб. 1885. Показанія разныхъ чиновъ людей на соборѣ 1642 г. см. въ «Собраніи грамотъ и договоровъ», т. III, № 113.

IV

Націоналістическая традиція въ конфликтъ съ иноземнымъ вліяніемъ.

Происхожденіе націоналістической традиціи, какъ первый продуктъ дѣйствія иноземныхъ факторовъ. — Вторженіе иноземныхъ элементовъ въ обстановку домашней жизни, во времяпрепровожденіе. — Болѣе глубокое вліяніе — при помощи непосредственнаго сближенія съ иноземцами. — Русскіе заграничей: стипендіаты и послы. — Иностранная колонія въ Москвѣ. — Внѣшняя исторія Нѣмецкой слободы. — Ея составъ по профессіямъ, и вѣроисповѣданіямъ. — Перекресты. — Вліяніе иноземной литературы: учителя языковъ, бібліотеки, переводы. — Національная реакція противъ иностранцевъ и иностраннаго вліянія. — Стихійная реакція народной массы. Планомѣрная реакція правительства: принятія имъ мѣры противъ иностранцевъ. — Первая систематическая теорія русскаго націоналізма, представленная Юріемъ Крижаничемъ. — Его резюме культурнаго положенія Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка. — Средства борьбы противъ иностраннаго вліянія въ торговлѣ, въ войскахъ. — Контрастъ въ области быта и золотая середина. — Преимущества монархическаго строя, необходимость смягченія «крутого владѣнія». — Взглядъ на обязанности государя. — Поднятіе производительныхъ силъ, какъ главная черта положительной программы. — Проектъ сословныхъ вольностей. — Отношеніе положительной программы націоналізма къ программѣ реформы.

Русскіе націоналісты всегда считали XVII в. эпохой самаго полнаго расцвѣта національныхъ идеаловъ. Русскіе западники видѣли въ томъ же самомъ столѣтій періодъ подготовки петровской реформы, т. е. европеизаціи Россіи. То и другое — одинаково вѣрно. Мы видимъ въ этихъ двухъ утвержденіяхъ не два противорѣчивыхъ положенія, исключаютія другъ друга, а двѣ стороны одной и той же истины, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя другъ съ другомъ. Въ XVII в., дѣйствительно, первые косые лучи европейскаго просвѣщенія нача-

ли вознѣсти верхушки русскаго общества. Голые, сѣрые стволы, на которыхъ пышно распускались эти верхушки, дали длинныя тѣни. Эти тѣни — неразлучныя со свѣтомъ — и есть отраженіе къ общественномъ сознаніи національной своеобразности.

Сравненіе, взятое изъ практики любителя-фотографа, можетъ быть, еще лучше пояснить нашу мысль. Фотографическая пластинка, уже воспринявшая изображеніе, полная фигуръ и образовъ, тѣней и свѣта, на видъ остается такой же чистой и гладкой, какою была раньше. Но стоитъ погрузить ее въ извѣстный химическій растворъ, чтобы ея внутреннее содержаніе тотчасъ начало проявляться. Прежде всего, покрывается густой черной тѣнью небо и даль. На этомъ фонѣ рѣзко выступаютъ бѣлые силуэты перваго плана, пока ничѣмъ не наполненные. Но вотъ тамъ и сямъ на бѣлыхъ мѣстахъ начинаютъ выступать рѣзкіе черные штрихи; за ними появляются полутоны и, наконецъ все сливается въ одну цѣльную картину. Картина была, собственно, готова до своего «проявленія» въ растворѣ. Но всякій фотографъ знаетъ, что не только необходимъ «проявитель» для обнаруженія картины, но что, до извѣстной степени, можно повліять на распредѣленіе свѣта и тѣней въ картинѣ, видоизмѣняя составъ раствора.

Иностранное вліяніе обыкновенно играетъ роль такого «проявителя» созданной исторіей картины — даннаго національнаго типа. Раньше, чѣмъ начало дѣйствовать этотъ реактивъ, нація такъ же мало сознавала свою національность, какъ герой Мольера признавалъ, что онъ говоритъ прозой. Въ общественной, какъ и въ индивидуальной психикѣ, сознаніе является результатомъ контраста. Тамъ, гдѣ контрастъ можетъ скорѣе и легче обнаружиться (напр., въ небольшихъ племенныхъ группахъ, среди смѣшаннаго населенія, въ пограничныхъ мѣстностяхъ и т. п.), тамъ и сознаніе національныхъ отличій является скорѣй и принимаетъ болѣе острыя формы. Напротивъ, въ такой странѣ, какъ континентальная Россія, національное самосознаніе должно было развиваться поздно и медленно. И, даже развившись, оно часто имѣло характеръ не истиннаго, а отвлеченной идеи — у руководителей массы, характеръ пароксизма, а не постоянно дѣйствующаго фактора, — у самой этой массы.

Въ самой послѣдовательности развитія національнаго сознанія можно найти нѣкоторую параллель съ приведеннымъ нами фотографическимъ примѣромъ. Тутъ тоже есть своя рѣзкая разница между чернымъ фономъ чужой національности и бѣлымъ контуромъ собственной, — разница, которая отмѣчается въ сознаніи прежде всего.

Такой разграничительной чертой для національнаго сознанія является обыкновенно вѣроисповѣдная форма. Вѣра въ социологіи — совѣтъ не то, что въ богословіи: не совокупность откровенныхъ истинъ, обыкновенно мало извѣстныхъ и даже мало доступныхъ массамъ, а совѣтъ извѣстное, доступное и понятное знамя, вокругъ котораго сосредоточивается борьба за національныя особенности. Естественно, что при такомъ пониманіи — вѣра и національность становились понятіями тождественными, нераздѣльными другъ отъ друга. Тотъ, кто стоялъ «за вѣру», тѣмъ самымъ стоялъ за національность, замѣняя только первымъ, болѣе нагляднымъ понятіемъ, второе, болѣе отвлеченное. Безъ сомнѣнія, такой именно смыслъ имѣли всѣ подобныя заявленія людей смутнаго времени — этого перваго пароксизма національнаго самосознанія, первой широкой популяризаціи контраста между своимъ и чужимъ. Переимѣнить вѣру — это было такъ же физически невозможно, какъ переимѣнить «натуру». Русскій человѣкъ становился втуникъ передъ такимъ, напр., явленіемъ, какъ превращеніе русскаго молодца, посланнаго Годуновымъ за границу учиться языкамъ, въ англиканскаго пастора. Онъ просто не хотѣлъ повѣрить въ самую возможность подобнаго превращенія. Онъ допускалъ, что англичане силой принудили русскаго стипендіата переимѣнить вѣру, готовъ былъ даже допустить, что тотъ «съ молодости поирельстился». Но чтобы онъ добровольно отказался вернуться на родину? Нѣтъ: «нестаточное то дѣло — православныя вѣры отбыть и природнаго государства и государя своего и отцовъ и матерей своихъ и роду и племени забыть». «А своей природы, какъ забыть», спрашивали русскіе послы англійское правительство — и лѣтъ двадцать настаивали на возвращеніи въ Россію ея блуднаго сына.

Какое же національное содержаніе скрывалось подъ вѣроисповѣднымъ символомъ? Какія отдѣльныя черты соединены были этой общей скобкой — бѣлаго вѣроисповѣднаго контура? И когда начали «проявляться» въ сознаніи отдѣльныя черты, заполнявшія контуръ.

Чтобы привести въ сознаніе содержимое символа, нужно было дальнѣйшее дѣйствіе нашего «проявителя». Нравы, бытъ, тѣ или другія черты жизни, обстановки, характера — только тогда могли быть поняты какъ специфически-національныя, когда рядомъ съ ними въ непосредственной близости стали параллельныя и то же время контрастирующія черты чуждыхъ нравовъ, чуждаго быта. А это случилось — въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ — только въ XVII столѣтіи. Вотъ почему наполненіе голыхъ вѣроисповѣд-

ныхъ контуровъ національнаго самосознанія живыми чертами быта и могло быть дѣломъ только XVII столѣтія. Естественнo, что русскій бытъ и запечатлѣлся на національномъ сознаніи именно въ той самой формѣ, въ которую онъ сложился въ моментъ своего «проявленія», въ XVII вѣкѣ. Не все, конечно, въ этомъ бытѣ, только что достигшемъ тогда высшей точки своего развитія и только что начинавшемъ отживать свое время, далеко не все въ немъ было безусловно самобытно и національно. Напротивъ, за все предыдущее время, когда еще не сложилось, по контрасту, понятіе о національномъ типѣ быта — масса отдѣльныхъ чертъ чужого быта успѣла контрабандой проскользнуть въ составъ національнаго типа и получила въ немъ теперь національную санкцію. За «свое» пошло не мало чужого, заимствованнаго раньше, въ періодъ безсознательнаго развитія національности. Отдѣляя это чужое, принятое за свое, отъ чужого, сохранившаго на себѣ въ общемъ сознаніи свое привозное клеймо, мы въ каждой отдѣльной области жизни могли бы точно опредѣлить, гдѣ прошла граница между безсознательной и сознательной порою національнаго развитія.

Могутъ возразить, что здѣсь дѣло просто во времени. Пройдетъ время, — и недавно усвоенное вновь станетъ тоже давно усвоеннымъ, и сознаніе о его чужомъ происхожденіи тоже будетъ потеряно, какъ потерялось сознаніе о происхожденіи бытового инвентаря XVII вѣка. Это совершенно вѣрно. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ утверждать, что въ разныя эпохи національной исторіи, какъ въ разные возрасты отдѣльнаго человѣка, способность помнить о прошедшемъ бываетъ разная. Соціальная память, подобно индивидуальной, формируется и крѣпнеть въ извѣстную пору исторической жизни народа. Все, что предшествуетъ этой порѣ, не оставляетъ по себѣ никакой памяти или оставляетъ весьма смутную. Все, что совершается по сю сторону этой черты, образуетъ болѣе или менѣе непрерывную нить болѣе или менѣе связанныхъ воспоминаній; техническіе приемы ихъ сохраненія все болѣе и болѣе совершенствуются. Но по ту сторону — хранится наслѣдство, передаваемое отъ первой, безсознательной поры исторической жизни — второй, сознательной. Это наслѣдство и составляетъ обыкновенно *націоналистическую традицію*. Такимъ происхожденіемъ націоналистической традиціи объясняется то, что содержимое этой традиціи представляется исконнымъ, неразложимымъ. Оно дѣйствительно исконно и неразложимо — въ предѣлахъ исторической памяти народа. Но эта память гораздо болѣе коротка, чѣмъ историческое существованіе народа. Исторія, которая исправляетъ и дополняетъ эту память, находитъ способъ — разложить націоналистическую

традицію на ея составныя части и отыскать ея источники. Вотъ почему можно бы было сказать, что нѣтъ болѣе сильнаго врага для націоналистической традиціи, чѣмъ именно исторія.

Въ предыдущихъ главахъ мы занялись такимъ историческимъ анализомъ происхожденія русской націоналистической традиціи. Анализъ этотъ привелъ насъ къ выводу, что уже при первой формулировкѣ националистическихъ идеаловъ чужеземное вліяніе играло главную, даже рѣшающую роль. Вотъ почему элементы національной традиціи при самомъ своемъ возникновеніи находились въ ближайшемъ и непосредственномъ соосѣдствѣ съ элементами критики. Тотъ самый Иванъ Грозный, который далъ національнымъ идеаламъ такую эффектную санкцію, въ разговорѣ съ однимъ иностранцемъ не находилъ словъ достаточно рѣзкихъ, чтобы охарактеризовать низкій нравственный уровень своихъ подданныхъ. А когда его собесѣдникъ съ недоумѣніемъ напомнилъ царю, что вѣдь и самъ онъ русскій, то Иванъ рѣшительно отвѣчалъ, что онъ вовсе не русскій, а нѣмецъ, такъ какъ происходитъ отъ Пруса. Немудрено, что послѣдовательные националисты уже въ XVII в., порицали Ивана IV за его западничество, вмѣсто того, чтобы преклоняться передъ нимъ, какъ передъ національнымъ героемъ народной легенды. (См. ниже).

Элементамъ критики и дальше суждено было развиваться, прежде всего, въ той же самой средѣ, т. е. среди представителей двора и правительства. Къ этому одинаково приводили какъ положительныя, такъ и отрицательныя причины. Отрицательной причиной было то, что никакой другой соціальный элементъ тогдашней Россіи не былъ способенъ явиться носителемъ оппозиціонно-критической идеологіи. Въ этомъ должны были убѣдить насъ событія смутнаго времени. Положительной же причиной надо считать ту, что непосредственный источникъ всякой критики, иностранное вліяніе, былъ всего ближе и доступнѣе именно для этихъ общественныхъ слоевъ, для двора и высшей бюрократіи. Въ тѣхъ же слояхъ, слѣдовательно, должна была получить теперь, по контрасту, свою окончательную формулировку и націоналистическая идеологія.

Нашей ближайшей задачей въ этомъ отдѣлѣ является, такимъ образомъ, опредѣлить силу иноземнаго реактива и охарактеризовать произведенную имъ реакцію. Другими словами, мы должны, съ одной стороны, прослѣдить распространеніе иностранныхъ идей и быта въ XVII в.; съ другой, опредѣлить значеніе, которое имѣли эти элементы критики — не для разрушенія націоналистическихъ идеаловъ, такъ какъ для этого время еще не пришло тогда, а, на первый разъ, для

болѣе полного и точнаго опредѣленія самого націоналистическаго идеала.

Вліяніе иноземной культуры должно было, на первыхъ порахъ, носить болѣе матеріальный, чѣмъ идейный характеръ. Прежде чѣмъ началось вліяніе западныхъ *идей*, въ русской жизни сказалось вліяніе *быта*, вліяніе обстановки высшей культуры, а затѣмъ (или, вѣрнѣе, рядомъ съ этимъ) и вліяніе европейскихъ прикладныхъ, техническихъ знаний. Первое казалось безвреднымъ: второе было вызвано прямой необходимостью. Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ европейское вліяніе проходило въ жизнь само собою, постепенно и мало-замѣтно, возбуждая на первыхъ порахъ лишь сравнительно слабый и безсильный протестъ. Между тѣмъ, то и другое — бытъ и техника — безсознательно для русскаго человѣка втягивали его и въ кругъ европейскихъ идей и понятій. А когда оныя очутились передъ неожиданно большимъ итогомъ чуждыхъ привычекъ, усвоенныхъ по мелочамъ, — идти назадъ было уже поздно. Старый бытъ былъ уже фактически разрушенъ. Только и оставалось — сдѣлать эту старину предметомъ націоналистическаго культа и отвлеченной идеализаціи.

Въ XVII в. стихійный процессъ воздѣйствія иноземнаго быта только еще начался. Даже въ сферѣ собственно-бытовой усадьбы иноземныхъ вліяній были очень ограничены, достигались медленно и распространялись на очень узкій соціальный кругъ. Въ царскомъ дворцѣ, въ нѣсколькихъ наиболѣе аристократическихъ московскихъ домахъ явилось нѣсколько предметовъ европейской обстановки, правда, нѣсколько не упразднявшихъ старую, а только ее дополнявшихъ. Рядомъ съ простыми гладкими, липоваго или дубоваго дерева столами появился «на польскій образецъ» или «нѣмецкой работы» столы «эбеноваго» или «индійскаго» дерева, съ кривыми или точеными фигурными ножками. Рядомъ съ традиціонными скамьями по стѣнамъ — явились кресла съ замысловатой обивкой и стулья «золотные нѣмецкіе», которые въ концѣ вѣка можно было покупать въ Москвѣ, въ Овощномъ ряду, цѣлыми дюжинами, по рублю (тогдашнему) за штуку. Появились, — на первыхъ порахъ, впрочемъ, лишь въ внутреннихъ, жилыхъ покояхъ, — и зеркала на стѣнахъ. Ихъ, однако, завѣшивали тафтой или закрывали, на манеръ кіота, затворами, чтобы подчеркнуть ихъ утилитарную, а не эстетическую роль. Часы, столовые и карманные, имѣли то же значеніе и уже съ начала XVII вѣка составляли довольно обычный предметъ обихода, какъ можно судить по сравнительно значительному количеству вольно-практиковавшихся часовыхъ мастеровъ-иностранцевъ, находившихъ себѣ, оче-

видно, достаточное пропитаніе въ тогдашней Москвѣ. Несомѣнно-эстетическое значеніе имѣли картины, постепенно вытѣснявшія къ концу вѣка стѣнную роспись. Къ картинамъ перешло и традиціонное содержаніе стѣнной росписи, но преимуществу церковно-историческое, рѣже, просто историческое или аллегорическое. Новостью было изображеніе «персонъ съ живетва», т. е. портретной живописи. Конечно, всѣ эти роды картинъ были роскошью, доступной не многимъ. Для болѣе широкаго круга картины замѣнялись дешевыми гравюрами — «фряжскими листами» заграничной работы или даже ихъ русскими воспроизведеніями. Печатаніе гравюръ усилю къ концу вѣка сдѣлаться предметомъ мѣстной индустріи, процвѣтавшей въ Москвѣ и въ Кіевѣ и снабжавшей своими издѣліями торговцевъ московскаго Овощного ряда и Спасскихъ воротъ. Дешевизна (отъ полу копейки до 2 тогдашнихъ коп.) и разнообразіе содержанія, подчасъ очень серьезнаго, чаще моральнаго и религіознаго, нерѣдко и смѣхотворнаго, распространяли вкусъ къ фряжскимъ листамъ — этимъ предшественникамъ лубочныхъ картинокъ — все въ болѣе и болѣе широкихъ кругахъ. Въ богатыхъ домахъ эти листы насчитывались сотнями, а во дворцѣ ими замѣняли иногда обои.

Такъ традиціонная русская изба превращалась мало-по-малу въ европейскія «палаты». Но палатами и ограничилось на первый разъ это превращеніе.

Значительно быстрѣе, чѣмъ въ обстановкѣ, прививалось польское и нѣмецкое вліяніе въ костюмѣ. Въ области костюма особенно много можно было бы указать чертъ, несомѣнно заимствованныхъ, но превратившихся въ «свое» національное достояніе къ тому времени, когда начались массовыя заимствованія XVII вѣка. Въ пограничномъ Псковѣ мѣстный пастырь уже въ концѣ XV вѣка увѣщаетъ свою паству «не носить нѣмецкаго платья». Въ срединѣ XVI вѣка извѣстный намъ памфлетъ, бесѣда Сергія и Германа, снова обличаетъ грѣховодниковъ, «позавидовавшихъ ризамъ невѣрныхъ, съ головы и до ногъ» и даже грозитъ «горемъ» всему «роду христіанскому, прельстившемуся на порты и шлыки невѣрныхъ, имущему ихъ на себѣ». Черезъ весь XVII вѣкъ идетъ опять рядъ обличеній и запрещеній, очевидно, столь же безсильныхъ, какъ и предыдущія. Царскія дѣти уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ носятъ нѣмецкое платье, пошитое имъ ихъ воспитателемъ Морозовымъ; а въ 1675 г. специальный указъ запрещаетъ употребленіе этого платья служилымъ чинамъ, толпившимся во дворцѣ. Одного изъ придворной молодежи царь разжаловалъ въ низшій чинъ за ношеніе модной прически, — и затѣмъ было

сдѣлано только что упомянутое распоряженіе, чтобы придворные чины (стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы) «иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, а также платья, кафтановъ и шапокъ у себя не носили и людямъ своимъ тоже носить не велѣли». Однако же, въ московскихъ рядахъ въ то же время и позднѣе свободно занимались своимъ ремесломъ портные поляки и нѣмцы, очевидно, находившіе своихъ кліентовъ. Царскій указъ, самое большое, долженъ былъ заставить только московскихъ щеголей — нѣкоторое время — не мозолить глаза при дворѣ своими новыми модами.

Гораздо труднѣе, чѣмъ въ обстановку и костюмъ, было проникнуть новымъ вліяніямъ въ традиціонное препровожденіе времени. Строгій чинъ русской жизни, детально регламентированный, превращалъ жизнь въ обрядъ, соблюденіе котораго было не менѣе обязательно, по крайней мѣрѣ въ высшемъ кругу, чѣмъ соблюденіе обрядовъ религіи. И здѣсь, однако, нашлась лазейка, отыскалось такое слабо защищенное мѣсто, черезъ которое новыя вѣянія пробили себѣ путь къ уму и сердцу русскаго человѣка. Единственный моментъ дня, когда онъ былъ предоставленъ самому себѣ, когда ни вѣра, ни общество, ни даже домашній порядокъ ничего отъ него не требовали, это были часы, — достаточно долгіе, правда, — посвященные отдохновенію. Русскій человѣкъ уже и воспользовался этимъ промежуткомъ отдыха, чтобы распуститься въ волю и систематически нарушить тутъ все то, что его такъ строго заставляли соблюдать въ остальное время дня. Тамъ онъ былъ уменъ: здѣсь онъ позволялъ себѣ дурачиться. Тамъ его унижали: здѣсь онъ самъ унижалъ другихъ, куражился надъ ними. Тамъ онъ былъ вѣрный слуга церкви: здѣсь онъ возвращался къ языческой старинѣ, упорно игнорируя всѣ предписанія церкви. Здѣсь нашла себѣ убожище гонимая церковью народная литература, или, по крайней мѣрѣ, ея уцѣлѣвшія отъ крушенія обломки. Здѣсь сбрасывалась личина смиренія и постничества, и раздавался безпренятственно тотъ самый смѣхъ, на который строгіе церковные моралисты смотрѣли какъ на начало душевной гибели. Если среди всего этого разгула самъ хозяинъ не пускался въ нѣніе и плясъ, то только потому, что все еще долженъ былъ соблюдать свое достоинство передъ дворней. Зато онъ вдоволь заставлялъ другихъ и нѣтъ, и плясать, и выкидывать всякія штуки, — чѣмъ замысловатѣе, чѣмъ забористѣе, чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше. Это было, словомъ, то царство дураковъ и дурь, «бахарей» (сказочниковъ) и «домрачеевъ» (сказителей былинь подъ звуки домры), которое водворя-

лось во всякомъ богатомъ русскомъ домѣ въ часы послѣобѣденнаго отдохновенія или передъ отходомъ ко сну. Къ этому то наименѣе защищенному пункту и могли легче и незамѣтнѣе всего привиться записныя «польскія» или «нѣмецкія» забавы.

Первыми піонерами этого иностраннаго нашествія явились заѣзжіе акробаты, фокусники, клоуны. Одинъ изъ нихъ, «нѣмчинъ» Иванъ Семеновъ, цѣлыя десять лѣтъ подрядъ увеселялъ въ «Потѣшной палатѣ» семью царя Михаила Ѳеодоровича и оставилъ послѣ себя цѣлую школу учениковъ: «выучилъ по канатамъ ходить и танцевать и всякимъ потѣхамъ, чему самъ умѣетъ, пять человѣкъ, да по барабанамъ выучилъ бить 24 человѣка». Музыканты-нѣмцы тоже не переводились при московскомъ дворѣ съ самаго начала XVII столѣтія. Органы и цимбалы (родъ фортепьянъ) еще съ XVI в. фигурировали въ дворцовомъ инвентарѣ. Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича развитіе всѣхъ этихъ придворныхъ забавъ круто обрывается. Въмѣсто былинь и сказокъ «бахарей» и «домрачеевъ», у государя «наверху» распѣваютъ духовные стихи его «нишніе богомольцы». Мѣсто органиной игры занимаетъ стройный церковный хоръ. Музыкальные инструменты и маски преданы были торжественному ауто-да-фе за Москвой, на Болотѣ. Царь бросилъ «Потѣшную палату» для медвѣжьей потѣхи или для любимаго своего спорта — соколиной и псовой охоты. Воздержаніе отъ заграничныхъ и языческихъ забавъ продолжалось, однако, лишь до тѣхъ поръ, пока жива была первая жена царя Алексѣя. Съ женитьбой на второй женѣ, эмансипированной Матвѣевымъ Натальѣ Кирилловнѣ, — дворъ какъ будто спѣшитъ наверстать потерянное время и сразу переходитъ къ самой сложной формѣ иноземной забавы: къ театральному спектаклю (1672-1675). Форма была нова, но всѣ ея составные элементы стары, такъ что переходъ къ этой формѣ не вызвалъ особаго протеста. Театральный спектакль проходилъ подъ флагомъ «дѣйства изъ Библии», т. е. воспроизведенія въ лицахъ общензвѣстнаго библейскаго сюжета: Эсфирь, Товій, Юдиѳъ, Іосифъ. Только одно «Темиръ-Аксаково дѣйство» было робкой попыткой выйти изъ круга библейскихъ темъ въ область историческихъ. Но и тутъ авторъ ухитрился изобразить героя (Тамерлана) въ видѣ христіанскаго подвижника за вѣру. Конечно флагъ прикрывалъ контрабанду: романическій и смѣхотворный элементъ, строго запрещенный церковью. Но и это запрещеніе было слишкомъ часто нарушаемо раньше: передъ зрителемъ являлись на подмосткахъ въ сущности тѣ же дураки и дуры, съ ихъ плоскими шутками и откровеннымъ цинизмомъ. Безцеремонный реализмъ любов-

ныхъ объясненій Олоферна съ Юдией или жены Пентефрія съ Іосифомъ тоже не шокировалъ тогдашняго вкуса. Въ этомъ отношеніи очень подходило для успѣха первыхъ театральныхъ попытокъ то обстоятельство, что устроители заимствовали для русской сцены не новый репертуаръ только что обновленнаго тогда нѣмецкаго театра, а старую ветшь, затрепанную бродячими артистами Германіи по ярмаркамъ и приспособленную ими же для самаго низменнаго уровня. Остроуміе голландскаго Пикельгеринга и чувственность «англійской комедіи» были какъ разъ по плечу московской придворной публикѣ. Военныхъ сценъ, треска и грома, дракъ и убійствъ на сценѣ было совершенно достаточно въ этихъ комедіяхъ, чтобы удовлетворить самаго взыскательнаго любителя балагана. Словомъ, повинка должна была придти по вкусу. Пригодились и придворные художники-иностранцы: живописецъ нарисовалъ до трехъ дюжинъ декораций «перспективнымъ письмомъ»; органистъ составилъ оркестръ при помощи дворовыхъ музыкантовъ Матвѣева. Нѣмецкій пасторъ изъ «слободы» режиссерствовалъ и обучалъ актеровъ; онъ же выбиралъ и пьесы, а переводить ихъ пришлось, повидимому, подъячимъ посольскаго приказа. Такимъ образомъ, для осуществленія новой затѣи пущены были въ ходъ все наличные ресурсы тогдашней московской цивилизаціи. Результатъ превзошелъ ожиданія. Три года подрядъ представленія не прекращались ни зимой, ни лѣтомъ: актеры, оркестръ, декорации переѣзжали вслѣдъ за царемъ и его дворомъ изъ кремлевскаго дворца въ Преображенское и обратно.

Мы знаемъ, однако, что чужеземныя вліянія въ XVII в. не ограничились перемѣнами во внѣшнемъ бытѣ, обстановкѣ и времяпрепровожденіи знатныхъ людей. Мы видѣли («Очерки», ч. II, V, 3), что уже въ серединѣ вѣка, подъ вліяніемъ отчасти польскимъ, отчасти греческимъ, московское правительство стало критически относиться къ религіознымъ идеологіямъ націоналистовъ XVI столѣтія. Послѣдствіемъ такой критики была ссора представителей официальной церкви съ защитниками національной идеологіи, передавшими скоро свое оппозиціонное настроеніе народной массѣ. Но, возвысившись надъ націонализмомъ религіознымъ, московскія власти остановились на полунути. Скоро имъ самимъ пришлось защищать только что освобожденную ими отъ стараго националистическаго содержания религію противъ новыхъ вліяній — польско-европейскихъ. (См. «Очерки», II, VI, 1; VII, 1). Мы знаемъ, что борьба съ этими новыми вліяніями оказалась, однако, такой же непосильной, какъ и борьба съ религіознымъ націонализмомъ. Точка зрѣнія чистаго фор-

мализма не могла удовлетворить ни тѣхъ, которые хотѣли жить старыми упованіями на всемірноисторическую миссію русскаго народа, ни тѣхъ, кто искалъ, увлекаясь европейскими вѣяніями или запросами собственнаго сердца, новыхъ формъ религиозной мысли и чувства. Въ результатѣ и мысль, и чувство ускользнули изъ-подъ вліянія официальныхъ руководителей. Старая вѣра, съ одной стороны, раціонализмъ и мистицизмъ, съ другой, — нашли къ концу вѣка готовую почву для распространенія. Еще меньше препятствій встрѣтила европейская свѣтская наука — сперва въ видѣ обрывковъ средне-вѣковыхъ устарѣлыхъ знаній, переданныхъ черезъ посредство Польши, а потомъ и въ подлинномъ своемъ видѣ. (См. о смѣнѣ тѣхъ и другихъ родовъ знаній въ «Очеркахъ», II, VII, 2). Ко всемъ этимъ послѣдствіямъ чужеземныхъ вліяній мы теперь уже не будемъ возвращаться. Насъ интересуетъ въ данный моментъ не столько положительное содержаніе переданнаго Россіи запаса новыхъ мыслей и чувствъ, сколько самый процессъ ихъ передачи и вызванное имъ сознаніе контраста между націонализмомъ и европеизмомъ. Къ этому, т. е. къ путямъ и способамъ европейскаго идейнаго вліянія и къ его послѣдствіямъ для національнаго самосознанія — мы теперь и возвращаемся.

Главнѣйшимъ способомъ, какимъ проникало вліяніе европейскихъ идей въ Россію, было, конечно, непосредственное соприкосновеніе русскихъ съ иностранцами: за границей или у себя дома. Поѣздки русскихъ людей за границу были, впрочемъ, до конца XVII вѣка рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ. Первый опытъ командировки русскихъ за границу для обученія, сдѣланный Годуновымъ, кончился, какъ мы видѣли, полной неудачей. Молодежь оказалась болѣе воспріимчивой къ благамъ европейской культуры, чѣмъ это было нужно московскому правительству. Съ тѣхъ поръ въ Москвѣ относились крайне осторожно къ заграничнымъ поѣздкамъ, отпускали только акклиматизировавшихся уже въ Россіи иностранцевъ и ихъ сыновей, а на русскихъ наложенъ былъ безусловный запретъ. Одинъ изъ немногихъ, нарушившихъ этотъ запретъ, первыхъ русскихъ эмигрантовъ, бѣжавшій въ Швецію отъ московскихъ порядковъ Котошихинъ, совершенно правильно передаетъ соображенія, руководившія при этомъ правительствомъ. «Для науки и обученія къ инымъ государствамъ дѣтей своихъ не посылають», говоритъ онъ, «страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи и вольность благую, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ другимъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ ника-

кого бы попеченія не имѣли и не мыслили». Такимъ образомъ, за границу не могли понасть какъ разъ тѣ, кому такое путешествіе могло бы принести больше всего пользы. Изрѣдка появлялось въ Европѣ русское посольство, — но московскіе чиновники, волей правительства становившіеся импровизированными дипломатами, меньше всего были подготовлены къ роли наблюдателей европейской жизни. Незнакомые съ языками, кое-какъ вычитывавшіе по тетрадкѣ, слово за словомъ, свои официальные рѣчи, они озабочены были однимъ: какъ бы не сдѣлать лишняго шага, или не сказать лишняго слова, которое бы умалило честь государя и подвело ихъ подъ служебное взысканіе. Они не прочь были иной разъ попользоваться непривычной свободой жизни, но то, какъ они понимали эту свободу, вызывало отвращеніе въ невольныхъ свидѣтеляхъ ихъ разгула. Это было, въ глазахъ европейскихъ наблюдателей, даже не «варварство», а просто «скотство» и «свинство». Отъ удовольствій европейскаго стиля, такъ же какъ отъ наслажденія путешествіемъ — картинами природы, памятниками искусства, пріобрѣтеніями культуры — отдѣляла ихъ китайская стѣна, созданная ихъ собственной умственной и нравственной грубостью. Куда бы они ни являлись, они несли съ собою всюду, въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ, свою собственную атмосферу. Помѣщенія, въ которыхъ они останавливались, приходилось провѣтривать и чистить чуть не цѣлую недѣлю. Ихъ появленіе на улицѣ, въ парчахъ и въ шелку краснаго, желтаго или зеленаго цвѣта, въ длиннополыхъ халатахъ съ высочайшими воротниками и длиннѣйшими рукавами, въ мѣхсовыхъ шанкахъ азіатскаго покроя, собирало около нихъ толпу зѣвакъ: не то это была маскарадъ, не то религіозная процессія, не то просто этнографическій курьезъ, вывезенный какимъ-нибудь предприимчивымъ антрепренеромъ изъ заморскихъ странъ, вмѣстѣ съ нильскими крокодилами и африканскими львами. Когда въ Москвѣ поняли, наконецъ, къ концу XVII в., какое впечатлѣніе производятъ за границей эти доморожденные дипломаты, то ихъ стали замѣнять облившимися въ Россіи иностранцами. Житейская опытность и свѣтская развязность послѣднихъ теперь, въ свою очередь, вызывали изумленіе въ европейской дипломатіи, привыкшей считаться съ *grobianità Moscovitica*.

Итакъ, поѣздки за границу ничего, или почти ничего не могли дать для усиленія иноземнаго вліянія въ Россіи. Совсѣмъ иное значеніе имѣли въ этомъ дѣлѣ непосредственныя столкновенія русскихъ съ иностранцами у себя дома.

Исторія этихъ столкновеній начинается очень давно. Но намъ

нѣтъ надобности слѣдить за ней съ самаго начала. Пока иностранный элементъ лишь отдѣльными струями просачивался въ русскую жизнь, его уносило теченіемъ, или онъ опускался на дно, ассимилируясь съ окружающей средою и исчезая безслѣдно съ поверхности жизни. Только когда иммиграція иностранцевъ приняла количественно большіе размѣры, отдѣльныя единицы стали задерживаться все долѣе на поверхности, цѣпляясь и поддерживая другъ друга, такъ что къ концу XVII в. въ Москвѣ сложилась уже большая, благоустроенная колонія. — маленькій оазисъ Европы среди культурной пустыни.

О первой завязи этой колоніи намъ сообщаютъ источники еще изъ первой половины XVI столѣтія. Герберштейнъ рассказываетъ, что Василій III отвелъ своимъ тѣлохранителямъ (набраннымъ изъ литовцевъ и поляковъ) для поселенія особую слободу Нали(вкн), имя которой до сихъ поръ сохранилось въ названіи одной церкви между Полянкой и Якиманкой. Исслѣдователи объясняли исчезновеніе этой первой иноземной слободы набѣгомъ Девлетъ-Гирея (1571 г.). Вѣроятно же предположить, что корпусъ тѣлохранителей просто постепенно обрусѣлъ, оставшись на томъ же мѣстѣ, но получивъ новую организацію и новое имя стрѣльцовъ, данное имъ Иваномъ Грознымъ въ 60-хъ годахъ. Но въ то же десятилѣтіе мы встрѣчаемся съ новымъ массовымъ наплывомъ иностранцевъ. Это — плѣнные, цѣлыми тысячами приведенные изъ ливонскихъ походовъ. Часть ихъ была разсѣяна по разнымъ провинціальнымъ городамъ, гдѣ большинство, вѣроятно, опять-таки зажилось и обрусѣло. Другая часть — поселена въ столицѣ. Для послѣднихъ отведено было новое мѣсто — близъ устья Яузы, на ея правомъ берегу. Подобно старой, новая слобода («Нѣмецкая») освобождена была отъ питейнаго акциза: ея жители скоро разбогатѣли продажей вина. Въ 1578 г. эта Нѣмецкая слобода сдѣлалась жертвой одной изъ вспышекъ гнѣва Ивана Грознаго. По его приказу, она подверглась форменному штурму и была разграблена. Но скоро яузская колонія оправилась отъ погрома и къ концу вѣка, вѣроятно, достигла высшей точки своего процвѣтанія, благодаря внимательному отношенію Годунова къ иностранцамъ. Въ смутное время, однако, яузская колонія была сожжена и опустѣла на цѣлые полвѣка. Ея населеніе разбѣжалось по уѣздамъ и значительная часть тамъ навсегда осталась. Роста иноземцевъ въ Москвѣ это, однако, не остановило. Напротивъ, лишившись осѣдлости въ яузскомъ предмѣстьѣ, иностранцы перенесли свои поселенія въ самый городъ и оставались тамъ до середины вѣка, постоянно

прибывая въ численности. Въмѣсто прежней одной церкви (лютеранской), у нихъ явилось двѣ и одна реформатская. Главнымъ ихъ центромъ была Покровка и Чистые Пруды: но ихъ дома, перекупленные у омеркнучей, явились также и на Тверской, на Арбатѣ, въ Сивцовомъ Вражкѣ. Разбросанные среди русскихъ, иностранцы невольно начали втягиваться мало-по-малу въ русскую жизнь. Они вели русскія знакомства, держали русскую прислугу, усваивали языкъ, стали, наконецъ, даже носить русское платье, чтобы меньше обращать на себя вниманія въ городѣ. Все это возбудило опасенія и въ средѣ торговцевъ, которымъ иностранцы сбивали цѣны на товары, и среди домовладѣльцевъ, которымъ они набивали цѣны на земли, и среди духовенства, которое начало бояться вліянія иностранцевъ на нравы. Посылался рядъ жалобъ, которыя правительство сочло нужнымъ удовлетворить. Въ числѣ мѣръ, о которыхъ упомянемъ ниже, противъ иностранцевъ принята была одна радикальная составившая эру въ исторіи ихъ общины. Имъ велѣно было продать свои дома русскимъ владѣльцамъ, и церкви ихъ, стоявшія внутри города, была снесены. Для новыхъ поселеній иностранной колоніи мѣсто было отведено, «гдѣ были нанередъ сего нѣмецкіе дворы», т. е. на Яузѣ, только нѣсколько выше по ея теченію. Такимъ образомъ, опредѣлилось (въ 1652 г.) окончательное мѣсто «Ново-нѣмецкой» слободы, въ районѣ теперешней Нѣмецкой улицы. Непосредственной своей цѣли выселеніе иностранцевъ изъ городской черты достигло: сліяніе съ русскимъ населеніемъ пріостановилось. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сила иностраннаго вліянія возрасла, такъ какъ теперь подъ самыми стѣнами столицы сформировался иностранный городокъ, съ совершенно особымъ строемъ жизни и быта. До сихъ поръ иностранцамъ грозила ассимиляція съ русскимъ элементомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ русскимъ усвоеніе иностранной культуры. Теперь эта культура стояла рядомъ, во всей своей неприкосновенности, какъ вѣчно готовый образецъ для подражанія. Представители русской власти не хотѣли допустить амальгамы русскаго быта съ иностраннымъ. Теперь имъ предстояло пережить періодъ культурнаго завоеванія Москвы Нѣмецкой слободою.

Не нужно, впрочемъ, быть особенно высокаго мнѣнія о культурности элементовъ, собравшихся въ Нѣмецкой слободѣ. Девизъ этого населенія былъ тотъ самый, который одинъ изъ его пасторовъ (Беръ) формулировалъ латинскимъ стихомъ *omne solum forti patria est, ut piscibus aequor*, то-есть:

«Всякій край для смѣлаго — родина, какъ рыбѣ — морѣ».

Въ авантюристахъ, любителей легкой наживы, среди этого населенія не было недостатка. Немало было тутъ и шарлатановъ, искусно эксплуатировавшихъ русское невѣжество, чтобы дорогой цѣной продать дешевыя услуги. Этотъ всегдашній элементъ добровольцевъ-цивилизаторовъ, обязательно являющійся во всѣхъ малокультурныхъ странахъ, по обыкновенію больше всѣхъ шумѣлъ и скандалилъ, навлекая на всю колонію ненависть мѣстнаго населенія, у котораго онъ перебивалъ хлѣбъ, и создавая колоніи за границей самую дурную репутацію. Но, конечно, такими людьми не исчерпывался составъ населенія Нѣменкой слободы. Немало было здѣсь, особенно на второстепенныхъ и третъестепенныхъ должностяхъ, такихъ людей, какъ, напр., пушечныхъ дѣлъ мастеръ Фалькъ, давшій въ одномъ изъ скандальныхъ процессовъ слободы угрюмое показаніе, что «онъ съ кляузниками не водится, такъ какъ онъ — человѣкъ недосужный». Не гонимъ за многими, эти люди несли въ чужую имъ страну свой трудъ и знаніе и честно дѣлали свое маленькое дѣло. Для русской культуры, впрочемъ, на первыхъ порахъ всякіе элементы — шарлатаны и честные труженики, были полезны.

Профессиональный составъ иноземнаго населенія вполнѣ опредѣлялся государевыми и государственными потребностями. Въ началѣ первыя преобладали. Лейбъ-медикъ — иностранецъ давно уже появился при московскомъ дворѣ. За нимъ слѣдовали мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, «органиные игрецы», живописцы и т. д. Государственнымъ нуждамъ удовлетворяли переводчики посольскаго приказа, явившіеся также и первыми переводчиками серьезной иностранной литературы; полковые лекаря, очень, впрочемъ, немногочисленные; квалифицированные мастера военного дѣла и пр. Если прибавимъ сюда довольно значительный элементъ торговыхъ людей, для собственныхъ интересовъ поселившихся въ Москвѣ, то этимъ и исчерпаемъ составъ древнѣйшей иноземной общины, такъ какъ рядовыхъ солдатъ въ этотъ составъ иноземной интеллигенціи вводить нельзя. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше военный элементъ усиливается, занимая, наконецъ, первое мѣсто въ рядахъ иноземческой аристократіи. Уже въ тридцатыхъ годахъ является съ своими офицерами полковникъ Лесли, реорганизовавшій русское войско для (неудачной, впрочемъ) борьбы съ Польшею. Подъ его начальствомъ собралось въ Москвѣ, въ началѣ этого десятилѣтія, до 3.000 иноземныхъ солдатъ: потомъ эта масса частію схлынула, разбрелась по Россіи, — но офицерство осталось въ Москвѣ и положило тамъ начало «новой» иноземской общинѣ, такъ называемой «офицерской», вступив-

шей вскорѣ въ безконечную распрю со старой, «кунеческой». Когда въ 1653 г. было запрещено иностранцамъ владѣть помѣстьями, то и жившее въ деревняхъ офицерство должно было частью съѣхаться въ Москву. Наконецъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, вызванъ были для военной реорганизаціи цѣлый рядъ новыхъ иностранныхъ офицеровъ, ставшихъ во главѣ преобразованныхъ полковъ. Съ этого момента перевѣсъ военныхъ въ составѣ Нѣмецкой слободы становится безспорнымъ. Перепись 1665 г. показала слѣдующій составъ населенія Ново-нѣмецкой слободы (по дворамъ):

Дворовъ.	
Военныхъ иноземцевъ (отъ полковника до прапорщика) .	142
Военныхъ дѣлъ мастеровъ (пушечнаго, ружейнаго)	4
Придворныхъ мастеровъ (золотаго и серебряннаго дѣла, часовщиковъ, сѣдельника, портныхъ, живописца) . . .	20
Лѣкарей и аптекарей	4
Переводчиковъ	3
Торговыхъ иноземцевъ	23
Сгряпчача торговыхъ людей	1
Еврей	1
Пасторовъ	3
Неизвѣстнаго званія	3
<hr/>	
Итого	204

Здѣсь, конечно, сочтены только домовладѣльцы: квартиранты въ этотъ счетъ не входятъ. Общую цифру населенія слободы надо считать въ это время не меньше 1.500 (въ двадцатыхъ годахъ можно предположить около 500, въ среднѣ вѣка около 1.000 чел.).

Господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ слободѣ давно уже было лютеранское. Католицизмъ преобладалъ среди московскаго иноземческаго населенія только до второй половины XVI вѣка: населеніе первой Яузской слободы уже было по преимуществу лютеранское. Дѣло въ томъ, что католицизмъ былъ въ Москвѣ извѣстенъ и подозрителенъ, какъ вѣра сосѣдняго Польско-литовскаго государства. Церковь съ давнихъ поръ воспитывала русское населеніе въ ненависти къ «латинству». Опытъ смутнаго времени могъ только усилить это враждебное отношеніе. И, дѣйствительно, правительство, призывая со всѣхъ сторонъ иностранцевъ, внимательно слѣдило за тѣмъ, чтобы какъ-нибудь не проникъ въ Московское государство латинникъ. Когда въ числѣ солдатъ, на вербованныхъ Лесли въ Евро-

пѣ, оказываются католики, правительство немедленно выпроваживаетъ ихъ за границу на казенный счетъ. Въ теченіе всего столѣтія католикамъ такъ и не удастся, несмотря на всѣ старанія, добиться разрѣшенія имѣть въ Москвѣ свою церковь, по примѣру давно разрѣшенныхъ лютеранской и реформатской. Къ протестантскимъ неповѣданіямъ правительство относится, напротивъ, очень терпимо, — во-первыхъ, потому, что относительно нихъ оно не связано никакой традиціей, никакими историческими прецедентами, во-вторыхъ, потому, что какъ болѣе далекое отъ православія, какъ еретическое, а не только схизматическое, протестанство кажется ему менѣе опаснымъ для русскаго населенія. Только къ концу вѣка группируется въ Нѣмецкой слободѣ, около Гордона, небольшой католическій кружокъ. Но онъ уже не можетъ измѣнить общаго тона религіозной жизни въ слободѣ. Ученикъ Нѣмецкой слободы, Петръ Великій, выноситъ изъ нея протестанскіе взгляды.

Несмотря на переселеніе въ новую слободу, для иностранцевъ всегда оставался открытымъ одинъ законный путь перехода въ русскую среду. Это, именно, принятіе православія, часто сопровождавшееся, или даже вызывавшееся, женитьбой иностранцевъ на русскихъ. Въ старое время, въ XVI вѣкѣ, обрусѣніе иностранцевъ происходило такъ постепенно и регулярно, что переходъ совершался зачастую какъ бы самъ собою. Просто начиналъ человѣкъ ходить въ русскую церковь и исправлять русскіе обряды; крестилъ его дѣтей поеволѣ православный попъ, и второе поколѣніе выросло настолько уже обрусѣвшее, что едва помнило иностранное происхожденіе и національность отца. Только, когда правительство, послѣ смуты, усилило контроль надъ иностранцами, а московскій помѣстный соборъ 1620 г. постановилъ, что ихъ (собственно католиковъ, такъ какъ о протестантахъ и вопроса не возникало) надо вновь крестить, какъ еретиковъ, — только тогда власти принялись за этихъ полу-иностранцевъ, отцы которыхъ выѣхали въ Россію при Грозномъ или даже при Василии III, — и заставили ихъ перекрещиваться на старости лѣтъ. Рѣшеніе собора 1620 г. было, правда, отмѣнено соборомъ 1667 г. Возможно, что въ провинціи обрусѣніе совершалось и теперь непрежнему, т.-е. путемъ постепеннаго слиянія, но въ столицѣ это было уже трудно. Тутъ оно, впрочемъ, было бы и невыгодно, такъ какъ, рѣшившись принять православіе, иностранцы, обыкновенно, старались извлечь побольше выгодъ изъ этого перехода. Они выбирали себѣ крестнаго отца познатѣе и побогаче и осаждали правительство челобитьями о своихъ нуждахъ: просили и получали и деньги, и помѣстья, и должно-

сти съ окладами, и даже награды натурой: платьемъ, съѣстными припасами и питьемъ, разнымъ домашнимъ скарбомъ. Процесса обрусѣнія этотъ формальный переходъ въ православіе ничуть не ускорилъ. Напротивъ, прежде, затериваясь въ русской массѣ, единицы скорѣе ассимилировались фактически, чѣмъ это могло быть теперь, когда «перекрестовъ» окружали свои же земляки, поддерживавшіе въ нихъ сознаніе національной и культурной особы. Теперь «перекрестами» заселялись въ Москвѣ цѣлыя слободы, одна изъ которыхъ и географически составляла переходъ отъ Нѣмецкой слободы къ Москвѣ (Басманиная; другая, Панская, была расположена по другую сторону города). Такимъ образомъ, и «перекресты» являлись теперь проводниками западнаго вліянія въ русскую среду.

Менѣе общедоступно, но зато болѣе серьезно, чѣмъ личное вліяніе иностранцевъ, было вліяніе иноземной литературы на зарождавшуюся русскую интеллигенцію. Проводниками этого вліянія были тѣ же поселенцы Нѣмецкой слободы. — конечно, болѣе культурные изъ нихъ. Уже въ смутную эпоху бояринъ Ѳеодоръ Головинъ рассказывалъ по секрету поляку Маскѣвичу, что у него былъ братъ, который «имѣлъ большую охоту къ языкамъ, но не могъ открыто учиться имъ; для этого онъ держалъ у себя тайно одного изъ нѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ; нашелъ также поляка, разумѣвшаго языкъ латинскій. Оба они приходили къ нему тайно, переодѣвшись въ русское платье, запирались съ нимъ въ комнатѣ и читали вмѣстѣ латинскія и нѣмецкія книги, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти и уже понималъ недурно». «Множество» этихъ книгъ, доставшихся Головину отъ брата, Маскѣвичъ самъ видѣлъ, также какъ и опыты переводовъ вельможнаго ученика съ латинскаго на польскій. Мало-по-малу, иностранныя книги стали появляться и въ провинціи. Въ 1672 г. изданъ былъ интересный указъ, которымъ такое распространеніе было строго запрещено: «въ городахъ, на посадахъ и слободахъ, и въ уѣздахъ, въ селахъ и деревняхъ, во всѣхъ мѣстахъ, всякихъ чиновъ людямъ учинить приказъ крѣпкій съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ тѣ люди польской и латинской печати книгъ никто у себя въ домахъ тайно и явно не держали, а приносили бы и отдавали бы воеводѣ». Едва ли такое распоряженіе оказалось дѣйствительнымъ. Въ столицѣ, во всякомъ случаѣ, подобная мѣра уже въ то время была анахронизмомъ. Здѣсь, чѣмъ дальше, тѣмъ становились обыкновеннѣе домашніе учителя и библіотеки иностранныхъ книгъ, и самое обученіе велось открытѣе. Этимъ путемъ обучались и обучали своихъ дѣтей знаменитые западники XVII столѣтія, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, Борисъ Голи-

цынѣ. Въ письмѣ къ царю, въ 1671 г., извѣстный малороссійскій проповѣдникъ и политическій дѣятель Барановичъ замѣчалъ, что «снѣ-
клитъ царскаго пресвѣтлаго величества польскаго языка не гнуша-
ется, но чтутъ книги лаяцкія въ сладость». Что это былъ не простой
комплиментъ по адресу московскихъ бояръ, доказываетъ попытка,
сдѣланная въ слѣдующемъ 1672 году типографіей кievской лавры, —
открыть въ Москвѣ специальную книжную лавку, въ которой польскія
книги занимали видное мѣсто. До тѣхъ поръ книги продавались въ
Москвѣ изъ казенной лавки при Печатномъ дворѣ; вольная же прода-
жа книгъ производилась на ряду съ другими товарами, въ лавкахъ
овощнаго ряда. Только что упомянутая попытка кievлянъ открыть
спеціальный книжный магазинъ кончилась, однако, неудачей. Съ
одной стороны, она грозила конкуренціей московской казенной и
вольной продажѣ, а съ другой — вызывала опасенія, какъ бы не
распространились подозрительныя москвичамъ богословскія и бого-
служебныя изданія западно-и южно-русской печати. Назначенъ былъ
цензоръ, — онъ же и управитель московскаго Печатнаго двора —
митрополитъ Павелъ, который выполнилъ свою обязанность весьма
просто. Тѣ изъ кievскихъ книгъ, которыя существовали и въ москов-
скихъ изданіяхъ, онъ сличилъ съ послѣдними и отмѣтилъ разнорѣчія.
Остальныя же книги онъ раздѣлилъ на двѣ категоріи: однѣ, которыя
и прежде продавались въ Москвѣ и «спору о нихъ не бывало»; дру-
гія, новыя, въ Москвѣ неизвѣстныя. Продажа «несходныхъ» и неиз-
вѣстныхъ книгъ была затѣмъ запрещена, а продавать книги, имѣвшія-
ся и въ Москвѣ, значило дозволить конкуренцію. Естественно, что
правительство, въ концѣ концовъ, рѣшило (1675): «книгъ никакихъ
въ Москву на продажу не присылать, потому что въ Москвѣ устроены
на то Печатный дворъ, и *книгами изобильно*». «Изобильно» было, въ
Москвѣ, очевидно, одними богослужебными книгами, которыя почти
исключительно и издавала казенная типографія. Но такъ какъ, та-
кими книгами только и могъ держаться тогда книжный магазинъ, то
отъ своихъ попытокъ устроить въ Москвѣ специальную книжную тор-
говлю малороссійскимъ предпринимателямъ пришлось отказаться.

Потребность въ иного рода книгахъ этимъ, правда, не уничтожа-
лась. Любопытно, что и самъ вышеупомянутый цензоръ одобрилъ къ
продажѣ латинскія и польскія книги, привезенныя въ 1672 г. комис-
сіонерами кievской лавры. Тогдашняя партія старины судила, ко-
нечно, о нихъ иначе. Представители этой греческой партіи (Евфи-
мій) прямо обвиняли русскую знать въ томъ, что при посредствѣ
домашнихъ учителей она ввела въ моду латинскія (т. е. неправослав-

ныя) мѣня. При устройствѣ академіи та же партія хотѣла, какъ мы знаемъ, положить предѣлъ этому вторженію западной литературы путемъ введенія строгаго наблюденія за учителями иностранныхъ языковъ и путемъ безусловнаго запрещенія держать у себя иностранныя книги лицамъ, не прошедшимъ курса высшихъ наукъ (см. «Очерки», II. VII, 1). Уже самая условность этихъ мѣропріятій (независимо отъ ихъ полнаго безсилія на практикѣ) показываетъ, что преградить иностранному вліянію этотъ путь — литературный — было уже поздно и невозможно.

Вліяніе, однако, шло еще дальше простого привоза и чтенія иностранныхъ сочиненій. Иностранныя бібліотеки и учителя доступны были, дѣйствительно, только знати. Теперь же, чѣмъ дальше, тѣмъ больше — иностранная литература и наука популяризировались посредствомъ русскихъ переводовъ. Правда, огромная часть этихъ переводовъ оставалась въ единственномъ экземплярѣ, представлявшемъ автографъ переводчика; притомъ, многія изъ такихъ рукописей составляли достояніе правительственныхъ учреждений или вельможныхъ бібліотекъ. Но, какъ бы то ни было, — начало было положено. Можно даже составить, очень неполную, правда, но все же поучительную, статистику этихъ древнѣйшихъ русскихъ переводовъ, характеризующую отчасти вкусы и потребности тогдашняго читателя. Вотъ табличка, показывающая, сколько было сдѣлано (извѣстныхъ намъ) переводовъ за три пятидесятилѣтія (съ XVI до конца XVII столѣтія), съ распредѣленіемъ этихъ переводовъ по отраслямъ знанія.

	Число переводовъ		
О Т Д Ъ Л Ъ.	1550-1599.	1600-1649.	1650-1699.
Религіозно-нравственный	3	6	28
Литературный	1	2	12
Историческій	3	1	14
Космографія и географія	4	1	7
Медицинскій	1	2	5
Энциклопедіи, словари и справочныя книги	1	4	3
Астрономія	—	—	9
Военныя науки	—	3	2

О Т Д Ъ Л Ъ.	Число переводовъ		
	1550-1599.	1600-1649.	1650-1699.
Естественныя	3	1	—
Математическія	—	—	3
Юридическія и политическія	—	1	5
Разныя	—	—	6
Итого	16	24	94

Какъ ни разнообразны были пути и формы иноземнаго вліянія, какъ ни возросла сила этого вліянія къ концу XVII вѣка, — тѣмъ не менѣе, его побѣда была дѣломъ будущаго, дѣломъ слѣдующаго періода развитія нашего національнаго самосознанія. Въ настоящемъ же періодѣ, какъ сказано выше, элементы критики приводили не къ разрушенію націоналистическихъ идеологій, а, наоборотъ, къ ихъ болѣе точной и полной формулировкѣ. На этомъ отрицательномъ вліяніи западныхъ вѣяній намъ и нужно остановиться, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ положительному. Итакъ, посмотримъ, прежде всего, какъ реагировалъ туземный націонализмъ на западное вліяніе.

Реакція была въ началѣ безсознательная, очень энергичная по своимъ проявленіямъ, но очень слабая по своимъ конечнымъ результатамъ, такъ какъ она исходила изъ мало-вліятельныхъ общественныхъ слоевъ. Напротивъ, къ концу вѣка націоналистическая реакція становилась все болѣе планомѣрной и сознательной, захватывали все болѣе вліятельные слои, по мѣрѣ того, какъ выяснялась степень и размѣръ опасности, которою грозили націоналистической традиціи элементы критики. Если, несмотря на свою планомѣрность, сознательность и вліятельную поддержку, націоналистическая реакція оказалась, въ концѣ концовъ, безсильной, то это отчасти потому, что она слишкомъ поздно признала грозившую націонализму опасность, отчасти же потому, что ей нечего было и потомъ противопоставить этой опасности, нечѣмъ съ нею бороться. Въ западной Европѣ, гдѣ этихъ причинъ не было, націоналистическая реакція обыкновенно оказывалась болѣе способной — не побѣдить, конечно, критическія тенденціи, но, по крайней мѣрѣ, противопоставить имъ болѣе сильное и продолжительное сопротивленіе и этимъ отсрочить моментъ ихъ побѣды. Въ Россіи сопротивленіе націонализма оказалось ничтожнымъ,

и потому побѣда критическихъ тенденцій вышла необычайно быстрой и полной (см. объ этомъ также «Очерки», II, V, 7; VI, 1, 2; VII, 2, 3).

Стихійная, стадная ненависть къ чужеземцамъ есть одно изъ тѣхъ элементарныхъ социальныхъ чувствъ, которыя сопровождаютъ народное развитіе съ низшихъ ступеней до высшихъ. Оно слабо проявляется только тамъ, гдѣ вообще слабо развито сознаніе національной личности. Деруледъ, тщетно проповѣдующій національную вражду русскому мужику въ имѣніи Льва Толстого — вотъ самая наглядная иллюстрація этихъ двухъ ступеней, можно бы сказать, двухъ полюсовъ развитія — національнаго самосознанія. Смягчается это выраженіе національной вражды лишь на высокихъ ступеняхъ культуры, подъ вліяніемъ болѣе частыхъ международныхъ сношеній и идей общечеловѣческаго единства и равенства. Но какъ тонокъ и непроченъ этотъ культурный слой космополитическихъ чувствъ и идей, свидѣтельствуютъ нерѣдкіе взрывы шовинизма и ненависти къ иностранцамъ даже и въ культурныхъ странахъ европейскаго Запада.

Национальное самосознаніе массы въ старой Москвѣ до конца XVI вѣка стояло, повидимому, на уровнѣ толстовскаго мужика, т.-е. на уровнѣ примитивнаго безразличія. Конечно, было бы ошибочно принимать это безразличіе за философскую терпимость, такъ какъ единственнымъ основаніемъ его было полное отсутствіе впечатлѣній, возбуждающихъ національное раздраженіе. Положеніе дѣла должно было измѣниться, по мѣрѣ того, какъ такія впечатлѣнія стали накопляться и перестали быть случайными и одиночными. Смутное время было своего рода эрой въ этомъ отношеніи. Ежеминутныя насилія надъ привычками и формами народнаго быта воспитали и обострили національную вражду въ жителяхъ столицы, а грабежи польскихъ шаекъ по всей Руси популяризировали то же чувство въ провинціи. Отъ недоумѣнія, вызваннаго дѣйствіями перваго самозванца, Москва скоро перешла къ самой горячей ненависти. Какъ быстро совершилась эта перемена настроенія, видно, напр., изъ того, что тотъ самый греческій архіерей, Арсеній Ялассонскій, большой хитрецъ, который въ началѣ смуты присоединялся къ мнѣнію московскихъ оппортистовъ, — что смута могла бы быть прекращена женитьбой Василія Шуйскаго на Маринѣ, вдовѣ самозванца, — въ концѣ, выдержавши тяжелую осаду съ запертыми въ Москвѣ поляками, счелъ удобнымъ и своевременнымъ разгласить повсюду, что освобожденіе Москвы отъ поляковъ было ему предсказано во снѣ національнымъ патрономъ, препод. Сергіемъ.

Съ тѣхъ поръ освобожденная и очищенная формально Москва свято хранила свою ненависть къ «поганству». Недаромъ московская протестанская община пѣла, по окончаніи богослуженія, вмѣсто церковнаго гимна, элегическій «плачъ», сочиненный пасторомъ Беромъ въ 1610 году:

Простри, о Боже, свой покровъ
Надъ нами въ дни печали,
Чтобъ отъ злокозненныхъ враговъ
Въ конецъ мы не пропали.
Они всѣмъ сердцемъ, всей душой
Мечтають изъ страны родной
Насъ истребить безслѣдно.
Не сговориться намъ никакъ:
То скажутъ такъ, то эдакъ,
И насъ же, бѣдныхъ, въ дуракахъ
Оставятъ напоследокъ
Какъ ни старайся, ни трудись,
Хоть ты для нихъ изъ кожи лѣзь:
Ничѣмъ не угодишь имъ.
Вездѣ, куда ни кинешь взоръ,
Твой взглядъ врага лишь видитъ.
Самъ царь, и съ нимъ весь царскій дворъ
Насъ просто ненавидитъ.
Простой народъ не терпитъ насъ:
Кто не по немъ, такъ съ тѣмъ тотчасъ —
Короткая расправа.

.....

Отъ ихъ окровавленныхъ рукъ,
О Боже, ты спаси насъ!
Не медли же, явился вдругъ,
Отсюда изведи насъ.
Будь намъ Ты истинный Навинъ:
Среди смѣющихся равнинъ
Поставь земли нѣмецкой.
Здѣсь дольше жить для новыхъ мукъ
Твое не въ силахъ стадо:
Тяжелъ намъ варварскій Молохъ —
Признаться въ томъ ужъ надо.

Веди-жъ насъ прочь, иль, внявъ мольбѣ
Несчастныхъ призови къ себѣ —
Въ небесные чертоги.

Острый моментъ прошелъ и разбѣжавшаяся было община по-немногу опять собралась. Но враждебное къ ней отношеніе населенія не измѣнилось. Оно, напротивъ, усиливалось по мѣрѣ того, какъ община росла въ числѣ и старалась ближе стать къ столичному населенію. При каждомъ удобномъ случаѣ вражда эта проявлялась самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Въ догонку иностранцамъ уличные мальчишки и взрослые посылали самыя отборныя ругательства, какъ это еще недавно можно было услышать и увидѣть на глухихъ улицахъ Стамбула. Заглянувшаго въ церковь иностранца — вытаскивали въ шею и подметали за нимъ полъ. Олеарій разсказалъ намъ нѣсколько болѣе серьезныхъ случаевъ, — вѣроятно, не единственныхъ въ этомъ родѣ. Нѣсколько прохожихъ шли мимо лавки цирюльника и замѣтили, что у него въ квартирѣ виситъ человѣческій скелетъ, который, показалось имъ, шевелится въ то время, какъ хозяинъ играетъ на лютнѣ. Несмотря на вліятельную протекцію, злополучнаго цирюльника пришлось выслать изъ Москвы, а скелетъ былъ преданъ торжественному сожженію. Едва спасся отъ народной расправы и живописецъ, при пожарѣ дома котораго найденъ былъ черепъ. Въ виду такого отношенія толпы, и иностранцамъ и русскимъ во взаимныхъ сношеніяхъ приходилось соблюдать величайшую осторожность. Мы видѣли раньше, что бояринъ, желавшій принимать у себя въ домѣ учителя-иноземца, долженъ былъ дѣлать это потихоньку отъ людей и переодѣвать своего учителя въ русское платье. Въ срединѣ столѣтія положеніе мало перемѣнилось, какъ видно изъ наблюденій Павла Алеппскаго. По его словамъ, москвичи «считаютъ чуждаго по вѣрѣ въ высшей степени нечистымъ: никто изъ народа не смѣетъ войти въ жилище кого-нибудь изъ франкскихъ (европейскихъ) купцовъ, чтобы купить у него что-нибудь, но долженъ идти къ нему въ лавку на рынокъ; а то его сейчасъ же хватаютъ со словами: ты пошелъ, чтобы сдѣлаться франкомъ». Органомъ этого раздраженія противъ иностранцевъ сдѣлалось уже въ концѣ царствованія Михаила (1643) московское духовенство. Оно жаловалось царю формально на то, что иностранцы строятъ свои церкви близко отъ русскихъ, что они «русскихъ людей у себя въ дворѣхъ держатъ и всякое оскверненіе русскимъ людямъ отъ тѣхъ нѣмцевъ бываетъ». Эта челобитная послужила сигналомъ къ извѣстному уже намъ правительственному го-

ненію противъ иностранцевъ. Немедленно были снесены двѣ протестантскія церкви — на Покровкѣ и у Чистыхъ прудовъ: та же судьба постигла затѣмъ и третью. Далѣе послѣдовалъ рядъ указовъ о невошеніи русскаго платья, недержаніи православной прислуги иноземцами, о наказаніи ихъ смертной казнью за богохульство, объ изгнаніи изъ всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ Архангельска, англійскихъ коммерсантовъ, наконецъ, о выселеніи всѣхъ иностранцевъ за городскую черту, во вновь отведенную имъ слобду (1652). Все это не только не утишило національной вражды къ иностранцамъ, но на первое время придало смѣлости буянамъ. Не успѣла обстроиться Ново-Нѣмецкая слобода, какъ мы встрѣчаемся съ попыткой уличной толпы разгромить ее. Взволнованная слухами о томъ, что жена только что пожалованнаго помѣстьемъ генерала Лесли мучить крестьянъ и жжетъ въ огнѣ иконы, толпа бросилась на Ново-Нѣмецкую слободу, разнесла крыши на только что перенесенныхъ туда церквахъ и разрушила въ нихъ кафедры проповѣдниковъ и алтари. Послѣ того и владѣніе помѣстьями запрещено иноземцамъ спеціальнымъ указомъ. Всѣ эти распоряженія создали для иностранцевъ то новое, болѣе спокойное и, въ сущности, болѣе опасное для націонализма изолированное положеніе, о которомъ мы говорили выше. Сами иностранцы справедливо сравнивало его съ положеніемъ рака, котораго за наказаніе рѣшено утопить въ водѣ.

Выгнать иностранцевъ изъ Москвы, не умѣя все-таки обойтись безъ нихъ, значило, въ сущности, придти къ нимъ самимъ, но уже въ ихъ собственную среду, въ ихъ обстановку, за наукой. Необходимость такого обращенія не замедлила обнаружиться. Лишивъ иностранцевъ русской прислуги, правительство не затруднилось прислать русскихъ дѣтей въ нѣмецкую школу, когда это понадобилось для придворнаго спектакля. Мѣщанскія дѣти показали путь царскому сыну.

Изъ русскихъ едва ли кто тогда понималъ невозможность побѣдить европеизмъ путемъ однихъ только чисто отрицательныхъ мѣропріятій. Понять опасность надвигавшейся европеизаціи и въ то же время не ограничиться предложеніемъ однихъ палліативныхъ мѣръ для борьбы съ нею суждено было впервые не русскому, а славянину-хорвату Юрію Крижаничу (1617-1683). Обстановка славянской жизни, съ ея несравненно большей опасностью иноземнаго порабощенія, съ наглядными примѣрами такого порабощенія въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ и періодахъ развитія, начиная съ экономической зависимости, протѣкая культурной и кончая политической, — такая обстановка гораздо болѣе изощряла глазъ.

Исследователи спорили, явился ли Крижаничъ въ Россію въ качествѣ горячаго славянскаго патріота или въ роли агента католической пропаганды, посланнаго хлопотать о соединеніи церквей. Его біографія даетъ ясный отвѣтъ на этотъ споръ. Уже 22-лѣтнимъ юношей, кончая въ Римѣ свою подготовку къ миссіонерской дѣятельности (послѣ обученія въ Загребѣ, Грацѣ и Болоньѣ) Крижаничъ подалъ въ Конгрегацію Пропанды записку (1641), въ которой развивалъ планъ — идти къ схизматическимъ братьямъ въ Россію «не столько съ проповѣдью вѣры, сколько съ призывомъ къ добродѣтели». Русскіе «такіе же христіане, только ошибающіеся». Но они «бѣдные жалкіе простаки и невѣжды». Онъ рассчитывалъ достигнуть цѣли, приблизившись къ «великому князю» и убѣдивъ его, что «во всемъ славянскомъ мірѣ нѣтъ государя могущественнѣе его». Онъ собирался предложить себя въ переводчики и учителя «княжескихъ» дѣтей, написать рядъ книгъ и убѣдить в. князя освободить славянство и Еврѣму отъ турокъ.

Конгрегація составила о Крижаничѣ мнѣніе, какъ о *cervello torbido e stravagante* (путанная и экстравагантная голова). Его запрятали, вмѣсто Москвы, приходскимъ священникомъ въ Вараждинъ (1642-1646). Только благодаря личной энергіи ему удалось перебраться въ Смоленскъ, и совершить въ составѣ польскаго посольства, двухмѣсячную поѣздку въ вождѣльнную Москву (конецъ 1647). Вернувшись, послѣ пребыванія въ Вѣнѣ и поѣздки въ Константинополь, въ Римъ, Крижаничъ прожилъ здѣсь семь лѣтъ въ ожиданіи разрѣшенія ѣхать въ Россію. Онъ получилъ, наконецъ, это разрѣшеніе (1657), но папа отмѣнилъ декретъ Конгрегаціи. Тогда онъ тайно выѣхалъ изъ Рима и своими силами добрался до Москвы (1658). Здѣсь онъ проявляетъ кипучую дѣятельность: пишетъ сочиненія и докладныя записки царю, предлагаетъ составить грамматику и лексиконъ славянскаго языка, исправить и издать славянскую біблію, составить каталогъ царской бібліотеки и перевести книги по исторіи и государственнымъ наукамъ; даетъ совѣты, какъ успокоить малороссійскихъ казаковъ и хочетъ, въ качествѣ царскаго исторіографа, опровергнуть «лжи», распускаемыя про Россію. Всѣ эти хлопоты и заботы встрѣтили, однако, въ Москвѣ, совѣмъ другой пріемъ, чѣмъ ожидалъ славянскій энтузіастъ. Ему недовѣряли какъ чужаку и безпокойному человѣку, въ немъ видѣли католика, — и его нежеланіе перекрещиваться, что требовалось для перехода въ православіе, послужило окончательнымъ доказательствомъ его католическихъ тенденцій. Въ 1661 г. онъ былъ отправленъ изъ Москвы въ

ссылку въ Тобольскъ — и тамъ написалъ ту «Политику», которая составляетъ резюме его взглядовъ и которой мы воспользуемся въ дальнейшемъ. Только послѣ смерти царя Алексѣя онъ могъ вернуться изъ ссылки за-границу. И здѣсь онъ опять не ужился съ католиками. Въ Вильнѣ онъ вступилъ въ доминиканскій орденъ, — повидимому, чтобы облегчить возвращеніе въ Римъ. Не получивъ поддержки, онъ сбросилъ монашеское одѣяніе, самовольно покинулъ Вильну, попалъ за это въ монастырскую тюрьму. Отбывъ трехмѣсячное наказаніе, онъ примкнулъ къ новому славянскому предпріятію. Янъ Собѣсскій шелъ освобождать Вѣну отъ турокъ. Крижаничъ примкнулъ къ его арміи — и умеръ подъ стѣнами Вѣны (1683).

Таковъ жизненный путь знаменитаго славянина, ставшаго первымъ теоретикомъ русскаго національнаго самосознанія. Перейдемъ къ изложенію его взглядовъ.

Россія представляется Крижаничу, уже въ 60-хъ годахъ XVII в., стоящей на распутьѣ двухъ культурныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна манитъ впередъ, въ опасную даль, а другая уводитъ назадъ, въ густыя потемки. Программы обоихъ противоположныхъ между собой культурныхъ направленій онъ формулируетъ въ цѣломъ рядѣ яркихъ сопоставленій. При каждомъ отдѣльномъ случаѣ Крижаничъ указываетъ и исходъ изъ опасной дилеммы — въ видѣ средняго пути между крайностями радикализма и реакціи: такой исходъ диктуетъ ему «разумъ».

«Есть два народа, искушающихъ Россію приманками противоположнаго характера, влекущихъ и разрывающихъ ее въ противоположныя стороны. Это — нѣмцы и греки. При всемъ различіи между собой, оба народа сходятся въ основной цѣли своихъ искушеній.

«1. Нѣмцы намъ рекомендуютъ всяческія нововведенія. Они хотятъ, чтобы мы бросили все наши похвальные древнія учрежденія и нравы и сообразовались съ ихъ собственными извращенными правами и законами. Греки, напротивъ, безусловно осуждаютъ всякую новизну; безъ дальнихъ разсужденій они воютъ и твердятъ, что всякая новизна есть зло. *А разумъ говоритъ*: ничто не можетъ быть дурно или хорошо только потому, что оно ново. Все хорошее и дурное было вначалѣ ново. Когда — нибудь было ново и то, что теперь является стариной. Нельзя принимать новизну безъ разсужденія, легкомысленно, — такъ какъ при этомъ можно ошибиться. Но нельзя и отказываться отъ хорошаго изъ-за одной его новизны, такъ какъ и тутъ возможна ошибка. Будемъ ли мы принимать или отвергать нововведеніе, во всякомъ случаѣ надо при этомъ серьезно разобрать дѣло.

«2. Греки научили насъ когда-то православною вѣрѣ. Нѣмцы намъ проповѣдуютъ нечестивыя и душепагубныя ереси. *Разумъ* совѣтуетъ въ данномъ случаѣ: грекамъ быть весьма благодарными, а нѣмцевъ избѣгать и ненавидѣть ихъ, какъ дьяволовъ и драконовъ.

«3. Нѣмцы стараются завербовать насъ въ свою школу. Подъ видомъ наукъ, они намъ подсовываютъ дьявольскія кудесничества: Астрологію, Алхимию, Магію. Они совѣтуютъ свободныя, т.-е. философскія знанія выбросить на общее употребленіе и сдѣлать доступными каждому мужику. Греки, напротивъ, осуждаютъ всякое званіе, всякую науку и рекомендуютъ намъ невѣжество. *А разумъ говоритъ*: избѣгай дьявольскихъ кудесничествъ, какъ самого дьявола, но вѣрь, что и невѣжество не приводитъ къ добру. Что касается философіи, съ ея изученіемъ не надо такъ шумѣть и вольничать, какъ это дѣлаютъ нѣмцы, но слѣдуетъ дѣлать это съ той скромностью, съ какой изучали и преподавали философію Святые Отцы. Какъ все хорошее, употребляясь въ излишество, становится дурнымъ, такъ и философія, сдѣлавшись извѣстной всему народу, ведетъ за собой много сомнѣній и смуть и многихъ отъ труда отвлекаетъ въ праздность, какъ и видимъ теперь у нѣмцевъ. Тамъ все безъ различія, ученый и неученый, честный и не честный, хорошо или худо — пользуется общимъ добромъ, кто для того, чтобъ найти истину, кто, чтобъ показать свое невѣрное мнѣніе, кто, чтобъ оправдать свои пороки. Нельзя всякое блюдо приправлять медомъ; иначе будетъ тошно. Нельзя и философію дѣлать доступною народу, но только благородному сословію и немногимъ изъ простолюдиновъ, специально для того назначенныхъ, сколько ихъ требуется для государственной службы. Иначе — достойнѣйшая вещь профанируется и пошлѣетъ: бисеръ мечется передъ свиньями.

«4. Нѣмцы выше всего ставятъ проповѣдь или чтеніе Евангелія: этимъ однимъ они надѣются спастись, безъ всякаго покаянія и добрыхъ дѣлъ. При этомъ они вызываютъ насъ на диспуты. Греки же уиразднили и осудили проповѣдь. *А разумъ* совѣтуетъ: во-первыхъ, поревновать о покаяніи и добрыхъ дѣлахъ, а во-вторыхъ, и проповѣди не отвергать. Но нельзя поручать или позволять проповѣдь первому попавшемуся, неопытному или не твердому въ нравственныхъ правилахъ, священнику или монаху. Проповѣдывать можетъ одинъ епископъ или старѣйшіе, наиболѣе испытанные жизнью и распростившіеся съ мірскими соблазнами монахи. Простымъ священникамъ достаточно читать проповѣди по книгѣ, да и это не всѣмъ можно дозволить, а то въ Германіи и въ Польшѣ всякій пьяный попъ можетъ проповѣдывать Слово Божіе.

«5. Нѣмцы совѣтуютъ намъ предаваться всякой тѣлесной распущенности, а монашескую жизнь, посты, ночныя бдѣнія и всяческое умерщвленіе плоти учать презирать. Греки требуютъ, чтобы мы соблюдали не только истинное и похвальное христіанское воздержаніе, но вводятъ особые виды ложнаго благочестія и фарисейскаго суевѣрія. Они хотятъ тѣлесными омовеніями смыть душевныя пятна, а священническими молитвами думаютъ очистить тѣлесную нечистоту и т. п. *А разумъ* внушаетъ: никоимъ образомъ не допускать тѣлесной распущенности и не пренебрегать дѣлами покаянія и умерщвленія плоти. Новые же, подозрительные и неизвѣстные отцамъ виды благочестія предварительно хорошенько изслѣдовать.

«6. Въ политическихъ дѣлахъ греки совѣтуютъ намъ во всемъ поступать по образцу турецкаго двора. Будучи сами неучены и неопытны въ этомъ вопросѣ, они ничего другого и не могутъ намъ сказать объ этомъ, кромѣ того, что видятъ въ Турецкой Портѣ. Нѣмцы же порицаютъ всѣ турецкіе нравы, законы и учрежденія. Все, что почитъ имя турецкаго — тѣмъ самымъ слыветъ у нихъ за варварское, не гуманное, скотское. *А разумъ* говоритъ, что и у турокъ есть кое-какія отличныя и достойныя подражанія учрежденія, — разумѣется, не всѣ.

7. «Нѣмцы утверждаютъ, что въ вопросахъ вѣры нельзя никого осуждать и ссылаются при этомъ на Писаніе, гдѣ сказано: «не судите, да не судимы будете». А греки приводятъ другой текстъ: «Кто будетъ вамъ проповѣдывать что-либо сверхъ того, что вы пріяли, — да будетъ анаѣема». И они выводятъ изъ этого и другихъ подобныхъ мѣстъ, что мы должны ихъ однихъ слушать и имъ безъ разсужденій вѣрить. *А разумъ* совѣтуетъ: нѣмецкія и всякія другія ереси, осужденныя уже отцами и соборами, отвергать безъ всякаго новаго разсмотрѣнія, а если возникнетъ новый спорный вопросъ, отцами и соборами не рассмотрѣнный и не рѣшенный, — сперва выслушать и разобрать, какъ слѣдуетъ, а безъ разбора не осуждать. (Напр., вопросы о числѣ таинствъ, о чистилищѣ).

«8. Греки намъ льстятъ и подслуживаются баснями, стараясь возвеличить старину этого государства, а въ дѣйствительности, только позорятъ его и ставятъ въ невыгодное положеніе. Они называли Москву третьимъ Римомъ и сочинили смѣшную сказку, будто русское царство есть римское и ему приличествуютъ знаки достоинства римской имперіи. Нѣмцы же на насъ клеветаютъ и всячески стараются доказать міру, что русское государство есть простое княжество, а государи — великіе князья. Тѣ и другіе отказываютъ здѣшнему

государству въ имени и чести «королевства» (*regnum*); тѣ и другіе сходятся въ лживой передержкѣ, будто римское государство — не простое королевство, а нѣчто высшее, и будто здѣшнее государство не можетъ сравниться съ нимъ въ достоинствѣ, если не получить этого достоинства отъ римскаго государства. А *разумъ* говоритъ, что государей можетъ ставить одинъ Богъ, а не римскій императоръ; что дать корону и титулъ — не значить сдѣлать кого-либо государемъ, а просто значить — уступить ему свое мѣсто. Русское царство такъ же велико и славно, какъ римское, никогда ему не подчинялось и равно ему по власти.

«9. Изъ вышесказаннаго ясно видно, какимъ разнообразнымъ и гибельнымъ искушеніямъ подвергаютъ насъ нѣмцы и греки, давая намъ притомъ совѣты прямо противоположные. Въ самомъ дѣлѣ. 1) Первые хотятъ заразить насъ своими новизнами, вторые огульно осуждаютъ всякую новостъ и подъ фальшивымъ именемъ древности навязываютъ намъ свои нелѣпости. 2) Одни сѣютъ ереси; другіе хотя и научили насъ истинной вѣрѣ, но примѣшали къ ней схизму. 3) Одни предлагаютъ намъ смѣсь истинныхъ наукъ съ дьявольскими; другіе восхваляютъ невѣжество и всѣ науки считаютъ ересью. 4) Одни питаютъ тщетную надежду спастись одною проповѣдью; другіе пренебрегаютъ проповѣдью и предпочитаютъ полное молчаніе. 5) Одни, допуская всяческую распущенность въ жизни, влекутъ насъ на широкій и просторной путь гибели; другіе, призывая къ фарисейскому суевѣрію и ханжеству, указываютъ тѣмъ путь — болѣе узкій, чѣмъ даже тѣсный и истинный путь спасенія. 6) Одни — всѣ турецкіе государственные порядки считаютъ варварскими, тираническими и негуманными, другіе все находятъ прекраснымъ и похвальнымъ. 7) Одни находятъ, что нельзя никого судить; другіе утверждаютъ, что надо осуждать, не выслушавъ. 8) Одни не отдають должной чести этому государству; другіе приписываютъ ему честь вымышленную, суетную, нелѣпую и невозможную. 9) Расходясь, такимъ образомъ, почти во всемъ, отлично сходятся въ томъ, что одинаково ненавидятъ нашъ народъ, презираютъ его, злословятъ и осыпаютъ злѣйшими клеветами и нареканіями».

Эта длинная цитата не только резюмируетъ взгляды автора на занимающій насъ вопросъ, но она рисуетъ и его самого во весь ростъ. Такъ отнестись къ борьбѣ греческаго и нѣмецкаго культурнаго вліянія могъ только человѣкъ, чуждый тому и другому: человѣкъ, который смотрѣлъ на протестантизмъ и на православіе глазами католика, который ненавидѣлъ грека и нѣмца, какъ балканскій славянинъ,

при томъ славянинъ той пограничной области, гдѣ высокомерное господство грека соприкасалось съ предприимчивой эксплоатаціей нѣмца. Крижаничъ хорошо понималъ, притомъ, что за грекомъ стоятъ лишь традиции прошлаго, которыя не устоятъ передъ славянскимъ возрожденіемъ, тогда какъ нѣмцу принадлежитъ будущее, и бороться съ нимъ можно только его оружіемъ — дальнѣйшимъ развитіемъ собственной культуры. Естественно, что уже и по этой причинѣ, — а не только по одному тому, что нападать на грековъ въ православной Москвѣ было не особенно ловко, — все усилія Крижанича направлены на борьбу не съ греками, а съ главнымъ, по его мнѣнію, врагомъ славянства, съ нѣмцами. Сила его ненависти къ этому врагу равняется только тому невольному уваженію, которымъ онъ былъ проникнутъ по отношенію къ европейской культурѣ.

Мы видимъ, что этотъ теоретикъ націонализма выступаетъ на литературную борьбу съ багажемъ, рѣзко различнымъ отъ того, какой находился въ распоряженіи у доморожденныхъ противниковъ иноземнаго вліянія. Его публицистическая проповѣдь представляетъ, сообразно съ этимъ, двѣ очень несходныя стороны. Когда онъ проклиная русскую любовь къ иностранцамъ, мы воображаемъ, съ какимъ удовольствіемъ поддакивали въ тактъ его рѣчамъ самые закоренѣлые московскіе старовѣры. Но стоило ему перейти къ средствамъ для излѣченія лютаго недуга, и можно себѣ легко представить, какъ вытягивались ихъ лица: самъ Петръ Великій говорилъ съ ними устами патріота — славянина.

«Народы даровитые и мудрые обыкновенно эксплоатируютъ другіе, менѣе культурные народы (*populos rudiores*)». Такова несходная точка зрѣнія Крижанича. «Такимъ образомъ, прежде греки завлекали въ обманъ другіе народы: теперь ихъ совращаютъ германцы». Больше всѣхъ пострадали отъ нѣмцевъ славяне. Главная причина этого — слабость собственного культурнаго развитія. «Нашъ народъ занимаетъ середину между дикими и цивилизованными (людскими) народами». Съ цивилизованными народами славяне не выдерживаютъ никакого сравненія. «Мы по наружности — посредственны, а иностранцы красивы и потому надменны и горды. Мы неразговорчивы, а они бойки на языкъ, говорливы и полны насмѣшливыхъ, ругательныхъ, язвительныхъ рѣчей. Мы медленны умомъ и просты сердцемъ, они исполнены всякихъ хитростей. Мы — гуляки и расточители, приходу и расходу счета не держимъ; богатство свое раздариваемъ и разбрасываемъ; они скупы, жадны, всецѣло преданы корысти. День и ночь они только и смотрятъ, какъ бы наполнить свои мѣшки,

а надъ нашими пирами и угощеніями смѣются. Мы лѣнивы къ работѣ и къ наукамъ, они трудолюбивы и не проспятъ ни одного удобнаго часа. Мы довольствуемся убогой одеждой и умѣреннымъ образомъ жизни; они требовательны, утопаютъ въ роскоши и изысканности, никогда ничѣмъ не насытятся, но постоянно алчутъ и хотятъ все больше и больше. Мы живемъ въ убогой землѣ, они рождены въ богатыхъ роскошныхъ странахъ и привозятъ къ намъ всякіе, къ роскоши и наслажденіямъ служащіе товары: бисеръ, шелкъ, драгоценные камни, вино, сахаръ, фрукты, и этими приманками дурачатъ насъ, какъ ловцы звѣрей. Мы просто говоримъ и думаемъ и просто въ нашихъ дѣйствіяхъ поступаемъ: если поссоримся, то и опять помиримся; у нихъ — сердце скрытное, неискреннее, злопамятное, наружность притворная: обиднаго слова они не забудутъ до смерти, и если разъ съ тобою поссорятся, то уже во вѣки истиннаго мира не учинять, но и послѣ примиренія всегда ищутъ случая къ отместкѣ».

Преимущества иностранцевъ ослѣпляютъ насъ и отдаютъ имъ въ руки. «Обладая языкомъ самымъ несовершеннымъ, чуть не пѣвымъ, некрѣпкіе разумомъ и почти вовсе лишенные красоты, мы дивимся чужому краснорѣчію, мудрости, разуму, искусству въ играхъ и льстивымъ шуткамъ; и подобно птицамъ, которые тѣмъ легче попадаютъ въ силки охотника, чѣмъ больше любопытствуютъ и дивятся на охотничьи затѣи, и мы, зазѣвавшись на иноземческую красоту, бываемъ ими одурачены и сведены съ ума: они накинутъ намъ узду, сядутъ на шею и ѣздятъ, сколько хотятъ». Очаровавъ насъ своею красотой и обманувъ своимъ умомъ и хитростью, иностранцы затѣмъ «берутъ съ насъ дань, обдираютъ и доводятъ до нищеты своею алчностью и ненасытностью, побиваютъ, вредятъ и приводятъ въ отчаяніе своей скрытностью, тайнымъ, вѣчнымъ, неутѣшнымъ ядомъ и коварствомъ, срамятъ, осмѣиваютъ и выставляютъ на позоръ всѣмъ народамъ своей бѣсовской надменностью».

Но неужели славянамъ суждено навсегда остаться несовершеннѣйшими въ семьѣ цивилизованныхъ народовъ? Можетъ ли быть измѣнено только что описанное отношеніе между ними и германцами?

По смыслу мифій Крижанича, оно отчасти не можетъ, отчасти не должно, но отчасти необходимо должно измѣниться.

Отношеніе *не можетъ* измѣниться, если изображенные національныя свойства считать неотъемлемыми, прирожденными чертами національнаго характера. Крижаничъ такъ именно и склоненъ смотрѣть на нѣкоторыя изъ упомянутыхъ національныхъ свойствъ. «Неразговорчивость, лѣность, пирваніе и расточительность — говоритъ

онъ, суть наши урожденные примѣты или четыре первозданныя свойства, съ которыми мы, кажется, родились». Рядомъ съ этими природными недостатками онъ отмѣчаетъ и природныя достоинства, — которыя *не должны* измѣняться. «Первое наше счастье отъ рожденія состоитъ, кажется, въ томъ, что мы не честолюбивы... и довольствуемся простымъ образомъ жизни».

Оставляя въ сторонѣ эти неизмѣнныя національныя особенности, Крижаничъ сводить остальные различія между славянами и иностранцами, повидимому, къ одному — къ *степени знанія и умѣнья*. Незнаніе — есть такой порокъ, который неизбѣжно излѣчивается временемъ. «Всякій человѣкъ рождается простъ и во всемъ неискусенъ. Медленно онъ растетъ тѣломъ, еще медленнѣе совершенствуется разумомъ. Несмѣтное множество людей едва на четырнадцатомъ году возраста, или еще позднѣе осматриваются кругомъ себя и начинаютъ разумѣть, что такое свѣтъ и что въ немъ происходитъ... Но не только отдѣльный человѣкъ, а и цѣлые народы медленно учатся и совершенствуются разумомъ. Проходитъ много времени, пока народы узнаютъ истину, и оставляютъ древніе свои дурныя (вредныя) идеи и законы. Только тогда они, что непригодно, научатся дѣлать пригоднымъ, что было неудобно, превращаютъ въ удобное, что было хорошо, переменяютъ на лучшее; что было мерзко, превращаютъ въ приличное и почетное... Очень удачно Флоръ, римскій историкъ, приравниваетъ исторію своего народа къ четыремъ возрастамъ человѣческимъ (дѣтству, молодости, возмужалости и старости)... Мы можемъ съ полнымъ основаніемъ и всякій другой народъ примѣнить къ этому раздѣленію эпохъ: это покажетъ намъ не только то, что всѣ человѣческія вещи непостоянны и переѣчивы, но также и то, что всякій народъ не сразу и не въ одинъ мигъ, а спустя много времени научается разуму и мудрости, которая нужна для общественной жизни и государственнаго устройства...» «Какъ храбрость, такъ и мудрость переходятъ отъ народа къ народу. Нѣкоторые народы были въ древности отлично знакомы со всякими науками, а теперь несвѣдущи, напр., египтяне, греки, евреи. А другіе въ древности были грубы и дики, а теперь въ ремеслахъ и во всякой мудрости на диво славны, — напр., нѣмцы, французы... Пусть же никто не говоритъ, будто бы намъ, славянамъ, путь къ наукамъ былъ заказанъ какимъ-то рокомъ небеснымъ и будто бы мы не можемъ или не должны учиться наукамъ. Какъ другіе народы не въ одинъ день и не въ одинъ годъ, но постепенно, одни отъ другихъ учились, такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и если постараемся».

Однако, не все славяне находятся въ достаточно благопріятныхъ условіяхъ для воспріятія наукъ. Напрасно было бы и думать, полагаетъ Крижаничъ, о возрожденіи славянства въ Помераніи, Силезіи, Чехіи и Моравіи, — какъ странахъ, вполне уже онѣмеченныхъ. Задунайскіе славяне (болгары, сербы и хорваты) тоже «давно уже потеряли не только свои государства, но и всю свою силу, языкъ и разумъ... Помочь имъ вполне и возстановить ихъ государство въ теперешнія трудныя времена — невозможно. Можно только посредствомъ книгъ открыть этимъ людямъ умственные очи, чтобъ они сами научились понимать свое достоинство и начали бы думать о своемъ возрожденіи». Всего легче разбудить народное самосознаніе у поляковъ, но и для этого нужна посторонняя помощь. Такую помощь всемъ славянамъ можетъ оказать только московскій государь. На него обращены все взоры славянства, онъ одинъ можетъ собрать разсѣянное стадо и вернуть человѣческій видъ народамъ, превращеннымъ въ скотское состояніе вліяніемъ иностранцевъ, словно чудодѣйственнымъ напиткомъ Цирцей. Не даромъ Богъ возвысилъ на Руси славянское королевство, подобнаго которому по силѣ, славіи и величеству не было до сихъ поръ среди славянства. «У другихъ народовъ мы видимъ, что когда какое-либо государство достигаетъ высшей точки своего могущества, тогда у этого народа и начинаютъ процвѣтать науки... Поэтому, мы полагаемъ, что теперь пришло, наконецъ, время и нашему народу учиться наукамъ».

Но для того, чтобы сыграть такую роль въ славянствѣ, Россія сама должна очиститься отъ грѣха «чужебѣсія» — ксеноманіи, которому и она подвержена, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ остальные славяне. «Пора уже разъ навсегда прогнать отъ себя нѣмцевъ: мерзко вѣкъ учиться и не научиться, а такъ и остаться навѣки на ученической скамьѣ».

Путемъ такой философіи исторіи Крижаничъ приходитъ къ своему безпощадному анализу русскаго «чужебѣсія». Разъ коснувшись этой темы, онъ уже не жалѣетъ красокъ, не останавливается передъ преувеличеніями, не смущается никакими радикальными рѣшеніями: лишь бы спасти Россію отъ той печальной судьбы, которая мерещится ему въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на основаніи прецедентовъ остального славянства. Онъ тщательно выискиваетъ въ современной Россіи различные слѣды европейскаго вліянія, старается отыскать ихъ вредную сторону и вызываетъ къ національнымъ силамъ, долженствующимъ замѣнить иностранныя. Не довольствуясь настоящимъ, онъ рисуетъ опасности будущихъ заимствованій, предо-

стерегаетъ отъ нихъ и отстаиваетъ противъ нихъ сохранившіеся еще на Руси старые добрые нравы.

Двѣ главныя основы государственнаго могущества суть матеріальное богатство и военная сила. Въ обоихъ отношеніяхъ могущество Россіи подвергается опасности отъ нашествія чужеземцевъ. Богатство страны они высасываютъ, какъ кушцы. Они умѣютъ за безцѣнокъ купить русскіе товары, но огромнымъ цѣнамъ навязать имъ свои. И притомъ, они привозятъ такіе товары, которые часто лишь служатъ для дальнѣйшаго развращенія русскихъ иноземнымъ вліяніемъ, а вывозятъ такіе, которые необходимо нужны самой Россіи для дальнѣйшаго роста ея населенія (напр., зерновой хлѣбъ). Военная сила Россіи тоже не столько увеличивается, сколько умаляется наймомъ иностранцевъ на военную службу. Уже не говоря о наймѣ цѣлыхъ корпусовъ, Крижаничъ рѣшительно высказывается и противъ приглашенія иностранныхъ офицеровъ, которое въ большихъ размѣрахъ практиковалось въ тридцатыхъ годахъ и приняло особенно большіе размѣры въ шестидесятыхъ, т. е., какъ разъ тогда, когда онъ писалъ свою книгу. «Полковники» научили русскія войска не тому, чему надо. Они ввели тяжелый строй, который пригоденъ лишь для войны на западной границѣ, но совсѣмъ не годится для борьбы съ южными кочевниками, со стороны которыхъ грозитъ Россіи главная опасность. Научиться стрѣлять изъ пищалей и носить длинныя конья мы могли бы и сами. Но, введя эти реформы въ пѣхотѣ, мы напрасно приняли нѣмецкій конный строй, вмѣсто того, чтобы удержать выработанную опытомъ «легкую ѣзду и гусарскій строй». Съ другой стороны, приглашеніе иностранцевъ на высшія мѣста закрыло дорогу своимъ, которые потеряли надежду выслужиться, а, слѣдовательно, и охоту служить. Простые же солдаты, слыша иноземную команду, потеряли увѣренность въ себѣ, въ своемъ превосходствѣ надъ прочими народами, не пріобрѣтая въ то же время довѣрія къ своимъ новымъ начальникамъ.

Какъ же помочь дѣлу? Крижаничъ стоитъ здѣсь за радикальныя мѣры. И кушцовъ, и полковниковъ надо выгнать изъ русской земли: первыхъ оставить лишь до тѣхъ поръ, пока они передадутъ свои знанія русскимъ людямъ. Впрочемъ, имъ и передавать нечего, кромѣ того, что они уже дали.

Но Крижаничъ идетъ дальше: отъ опасностей наличныхъ онъ переходитъ къ опасностямъ, грозящимъ въ будущемъ. На рубежѣ тѣхъ и другихъ стоятъ заимствованія отъ иностранцевъ во всемъ строѣ жизни. Крижаничъ съ удовольствіемъ констатируетъ незначи-

тельность этих заимствований и тот полный контраст, который продолжает существовать между европейским строем жизни и русским. Этот именно контраст вызывает большую часть иностранных обличений и насмѣшекъ. Крижаничъ готовъ признать, что не все въ этихъ обличеніяхъ лживо. Но вездѣ онъ запальчиво отвѣчаетъ иностранцамъ — упреками, что они впадаютъ въ другую крайность. Какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, онъ видитъ исходъ въ золотой серединѣ. Вѣрно, конечно, что русское жилие крайне неудобно, что окна низки, отдушины для прохода дыма малы, и при топкѣ по черному дымъ стоитъ въ избѣ и слѣпнѣтъ глаза. Правда, что подъ лавками въ избѣ вѣчная грязь, посуда немыта, нельзя продохнуть отъ вони. Но дома иностранцевъ располагаютъ къ изнѣженности: мраморные полы ихъ такъ часто моются и содержатся въ такой чистотѣ, точно алтари; нельзя гостю и плюнуть на полъ, чтобы служанка тотчасъ не подтерла. «Не будемъ подражать черезчуръ заботливой и не жалѣющей труда чистоплотности нѣмцевъ», которые хотятъ превратить временную земную гостиницу въ небесные чертоги. Домъ долженъ быть чистъ, утварь должна быть удобна для мытья, а не чеканная и рѣзная, мебель пусть будетъ простая, сдѣланная изъ туземнаго, а не изъ привознаго матеріала. Точно также и относительно платья. Совершенно вѣрно, что русскій костюмъ не удовлетворяетъ ни одному элементарному требованію отъ одежды: онъ неудобенъ, непроченъ, дорогъ и тяжелъ; его покрой безобразитъ народъ, и безъ того некрасивый; къ тому же, при немъ приходится платокъ прятать въ шапку, деньги — въ ротъ, а ножи, бумажки и всякія нужныя вещи въ голенища, что вызываетъ смѣхъ и отвращеніе иностранцевъ. Недостатки фасона приходится возмѣщать богатствомъ и яркостью матеріи, дороговизной отделки — мѣхами или драгоценными камнями. У европейскаго покроя нельзя отрицать разумности и цѣлесообразности. Но зато у нихъ каждый годъ новая мода: нѣтъ такихъ украшеній и формъ, служащихъ комфортабельности или пикантности, которыхъ бы они не выдумали. «Стоитъ во Франціи или въ другомъ мѣстѣ придумать что-нибудь пикантное, игривое, легкомысленное или роскошное, какъ нѣмцы тотчасъ набѣгутъ и усердно переймутъ это». Русскимъ слѣдуетъ создать покрой средній между восточнымъ и западнымъ: нужно, чтобы онъ былъ дешевъ, удобенъ для движенія, проченъ и легокъ.

Русскій образъ жизни Крижаничъ безусловно предпочитаетъ европейскому. Европейцы «высшей задачей человѣка считаютъ наслажденіе» и утверждаютъ, что «человѣкъ созданъ Богомъ для того,

чтобы пользоваться мірскими удовольствіями». Такимъ образомъ, «Евангеліе Христа они превращаютъ въ евангеліе наслажденія». Нашу же простоту жизни они считаютъ варварствомъ. Русскій чело-вѣкъ, кое-какъ выпавшись, на лавкѣ или на печи, подъ собствен-ной свитой вмѣсто одѣяла и на соломенной подстилкѣ вмѣсто тюфя-ка, спѣшитъ спозаранку на работу или на царскую службу. Иностран-ецъ пѣжится до полудня на пуховикахъ и перинахъ и, едва вставъ съ постели, тотчасъ принимается за вкусный завтракъ. Онъ прово-дитъ время въ праздности, разнообразя досугъ играми, пѣснями, му-зыкой, танцами, услаждая свой вкусъ тысячными блюдами со все-возможными приправами. И въ то время, какъ высній классъ — «сарданапалы» или «лежаки» утопаютъ въ роскоши, безземельные рабочіе погружены въ нищету: «цѣлый годъ они не пьютъ ничего, кромѣ чистой воды, и питаются недостаточно однимъ хлѣбомъ». «А на Руси, по Божьей милости, всѣ люди, какъ самые богатые, такъ и самые бѣдные, ѣдятъ ржаной хлѣбъ, рыбу, мясо и пьютъ, если у кого нѣтъ пива, по крайней мѣрѣ, квасъ». Они живутъ въ топле-ныхъ избахъ, тогда какъ на Западѣ бѣдняки терпятъ зимою стужу, такъ какъ «дрова продаются на вѣсъ». «Такимъ образомъ, крестьян-ское и батрацкое житіе гораздо лучше на Руси, чѣмъ во многихъ странахъ». Въ высшей степени важное преимущество русскаго со-ціального строя Крижаничъ видитъ въ томъ, что всѣ общественныя группы несутъ общественную службу, и никому не позволено оста-ваться празднымъ. На Руси нѣтъ непроеводительныхъ обществен-ныхъ группъ, или число ихъ доведено до минимума. «Крестьяне па-шутъ землю и готовятъ хлѣбъ; ратные люди терпятъ холодъ и го-лодъ, проливаютъ кровь и полагаютъ головы; дворяне воюютъ, суды судятъ, думы думаютъ, совѣтами и трудами своими королю и народу служатъ; церковники и иноки Бога за людскіе грѣхи молятъ. При такомъ порядкѣ всѣ добрые и производительные классы нѣчто дѣ-лаютъ, что служить на общую пользу всѣмъ классамъ». Въ этотъ пе-речень Крижаничъ умышленно не вводитъ ни торговцевъ, ни того, что мы назвали бы интеллигенціей. Торговцы, съ его точки зрѣнія, подобно праздной части дворянства, суть непроеводительный, «не-корыстный» классъ — «бездѣльники». Интеллигенція же, сверхъ из-вѣстнаго минимума, тоже представляется ему дармоедами, принося-щими больше вреда, чѣмъ пользы. Разводить ихъ слишкомъ широкимъ преподаваніемъ либеральныхъ наукъ — нѣтъ никакой на-добности.

Переходимъ къ политическимъ взглядамъ Крижанича. Отноше-

ніе его къ русскому самодержавію — очень для него характерно. Онъ постоянно и настойчиво повторяетъ, что неограниченная монархія есть одна изъ важнѣйшихъ основъ національнаго благополучія. Кромѣ ходячаго аргумента, намъ уже не разъ встрѣчавшагося, что самодержавіе лучше обезпечиваетъ свободу каждаго отъ посягательствъ вліятельныхъ лицъ и классовъ, — защищаетъ слабого отъ сильнаго, — Крижаничъ имѣетъ при этомъ въ виду другое основаніе, для него самого особенно важное. То дурное, что ему не нравится на Руси, большею частью вытекаетъ, по его мнѣнію, какъ мы видѣли, изъ незнанія, т. е. является плодомъ простыхъ ошибокъ, которыя могутъ быть исправлены законодательствомъ. «Худое законоставіе» — вотъ коренной источникъ всѣхъ золъ; слѣдовательно, радикальная законодательная реформа — таково, въ его глазахъ, должно быть коренное лѣкарство. Неограниченность власти государя нужна ему, какъ необходимое условіе такого, радикальнаго законодательства. Вотъ почему онъ особенно горячо ее защищаетъ. Если, однако, приемотримся ближе, то увидимъ, что и тутъ разсужденіе Крижанича располагается по его обычной схемѣ: Россія — крайность, славянство — другая; истина — посрединѣ.

«Не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать и среднимъ путемъ ходить, но всегда увлекаются въ крайности. Въ иномъ мѣстѣ у насъ государственное устройство въ конецъ распущено, своевольно, безпорядочно; въ другомъ — въ конецъ твердо, строго и жестоко. На всемъ широкомъ свѣтѣ нѣтъ королевства такого безряднаго и распутнаго, какъ польское, и нигдѣ нѣтъ такого крутого владѣнія, какъ въ этомъ славномъ государствѣ русскомъ». Въ той и другой крайности виновными оказываются иностранцы и ихъ вліяніе. «Нѣмцы заразили свѣтъ распустой и ограниченіемъ самовластія». Отъ нихъ заимствовали и ляхи свою анархію. Начинателемъ русскаго «людодержства» (тиранства) былъ царь Иванъ Грозный; но онъ же «хотѣлъ сдѣлать изъ себя варяга, нѣмца, римлянина, — кого угодно, только не русскаго и не славянина». Не довольствуясь пріобрѣтеннымъ имъ могуществомъ, онъ захотѣлъ суетной славы: его «домашніе бахари» (Крижаничъ не подозреваетъ, что въ томъ числѣ были и славяне и складываетъ вину на грековъ, въ частности на патріарха Іеремію, пріѣзжавшаго въ Россію въ 1588 году) придумали ему вздорныя и вредныя сказки о томъ, что Москва — третій Римъ и что ея государь — потомокъ Августа. Эта суетность была «не послѣдней и немаловажной причиной и московскаго разоренія, и иныхъ народныхъ бѣдствій, которыя претерпѣлъ нашъ народъ со

времени царя Ивана». Возвращаясь къ «людодерству», Крижаничъ подчеркиваетъ его вредъ во внутренней и виѣшней политикѣ. Крутое владѣніе сопровождается поборамн, обогащающими царскую казну, но въ несравненно большихъ размѣрахъ разоряющими народъ. Этими финансовыми тягостями объясняется и опустѣніе страны. Съ другой стороны, та же крутость отталкиваетъ сосѣдей. Такъ, Малороссія, испробовавъ московскаго владычества, посѣшшла вернуться подъ власть ляховъ.

Противъ обѣихъ крайностей, «людодерства» и «распусты» Крижаничъ часто и длинно полемизируетъ. Важнѣе этой полемики для насъ остановиться на томъ положительномъ пониманіи «умѣреннаго владѣнія», — своего рода «просвѣщеннаго абсолютизма», — которое развиваетъ нашъ публицистъ. Это пониманіе и составляетъ ту золотую середину, къ которой тяготѣютъ въ данномъ случаѣ симпатіи Крижанича.

«Спроси всѣхъ королей на свѣтѣ, какъ они понимаютъ свои обязанности, и ты много найдешь такихъ, которые не смогутъ объяснить тебѣ отчетливо, зачѣмъ Богъ создалъ на свѣтѣ королей и зачѣмъ далъ имъ власть надъ народами. Мнятъ короли, что не они созданы ради королевствъ и народовъ, а королевства ради нихъ. Мнятъ короли, что ихъ дѣло только господствовать, повелѣвать и пользоваться удовольствіями, а не промышлять день и ночь о народномъ благѣ». Въ дѣйствительности, каково бы ни было происхожденіе власти, она ограничена: или Божьей волей (въ случаѣ если власть получена отъ пророка или путемъ завоеванія), или волей народа (въ избирательныхъ монархіяхъ — власть cadaго государя отдѣльно, въ наследственныхъ — власть «перваго, который вольно отъ народа избранъ на царство», что практически сводится къ тому же). Такимъ образомъ, хотя «король никакой человѣческой власти не подчиненъ и никто не можетъ его судить или казнить, но онъ подчиненъ заповѣди Божіей и общественному мнѣнію (общему гласу). Эти двѣ цѣпи связываютъ короля и напонидаютъ ему о его долгѣ. Кто не заботится ни о страхѣ Божіемъ, ни о срамѣ людскомъ, ни о славѣ грядущихъ временъ, тотъ есть настоящій, полный тиранъ». Для короля тиранство — такой же позоръ, какъ для воина трусость, для женщины невѣрность, для дворянина ложь и для богача — кража.

«Забота и обязанность и главное дѣло короля есть — *людство учинить блаженнымъ*». Къ этому онъ долженъ направлять всѣ свои помыслы. Конечно, и для царя не все возможно. Никакой царь не можетъ надѣяться достигнуть того, чтобы его царство было абсо-

лютно свободно отъ всякихъ недостатковъ. Онъ не можетъ заставить землю дать плодъ или заставить море произвести рыбу. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы государь имѣлъ право оставить безъ исправленія то, что можетъ быть исправлено. И какъ бы онъ ни былъ полонъ добрыхъ намѣреній, онъ долженъ помнить, что послѣ него можетъ явиться наслѣдникъ иного настроенія. Лучшимъ средствомъ закрѣпить надолго свои улучшенія являются «добрые уставы». Но хорошее законодательство дается не легко. Для него необходимо «много думать и взвѣшивать, и въ книгахъ искать, и голову утруждать. Среди другихъ заботъ, королю и его думнымъ людямъ не легко держать въ памяти столько расчетовъ и разныхъ соображеній и подбирать себѣ наглядные примѣры прошлыхъ временъ по книгамъ». Для всего этого, а также и въ видѣ противоядія противъ лживыхъ совѣтовъ льстецовъ, «разумному государю необходимо держать при себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть одного или двухъ философовъ, со званіемъ наставителя или лѣтописца, которые бы раскрывали ему другую сторону истины или, если бы побоялись сами объявить истину, то хотя бы указали книги, которые не боятся говорить правду».

Эту роль Крижаничъ, очевидно, предназначалъ для самого себя. Желаніе его, повидимому, и исполнилось, но только въ довольно своеобразной формѣ. Онъ былъ отпращенъ въ почетную ссылку, съ значительнымъ жалованьемъ, — порядокъ, который онъ формально одобряетъ и считаетъ похвальнымъ въ своей «Политикѣ». Оттуда, изъ далекаго Тобольска, онъ могъ безопасно для государственнаго спокойствія и для себя самого подавать свои политическіе совѣты. Надъ этимъ онъ и работалъ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Плодомъ такихъ добровольныхъ занятій въ невольномъ уединеніи и явилась та единственная въ своемъ родѣ философія націонализма, которая бросаетъ такой яркій свѣтъ на стремленія времени.

Совѣты, которые давалъ Крижаничъ, далеко не ограничивались критикой существующаго; не ограничивались они и одними отрицательными совѣтами — запретъ для иностранцевъ Россію. На досугъ онъ обдумалъ и предложилъ правительству цѣлый рядъ положительныхъ реформъ во всѣхъ отдѣлахъ государственной и общественной жизни. По его плану, самъ царь долженъ быть оповѣститъ народъ объ этихъ реформахъ въ длинной рѣчи, которую сочинилъ для него Крижаничъ и которая заключала въ себѣ резюме всѣхъ его предложеній. Въ разборъ всѣхъ этихъ предположеній намъ нѣтъ нужды вдаваться. Но необходимо остановиться нѣсколько на ихъ общей связи, чтобы въ pendant къ націоналистическимъ возжелѣ-

ніямъ характеризовать также и размахъ реформаторской мысли Крижанича.

Не будетъ, кажется, ошибкой признать центральной мыслью положительной программы Крижанича — необходимость развитія производительныхъ силъ Россіи. «Наипервая причина силы государства — множество народа». «Люди плодятся и множатся тамъ, гдѣ есть пища, одежда и прочее необходимое для человѣческаго существованія: миръ, хорошо устроенное правительство. Люди повсюду размножаются настолько, насколько ихъ можетъ поместить и прокормить земля, т. е. насколько земля и вода родитъ хлѣба, скота, рыбы, звѣрей для корма и одежды; деревьевъ, камней и рудъ на постройку жилищъ, на утварь и орудія. А гдѣ земля неплодна, тамъ по необходимости и населеніе будетъ рѣдкое. Правда, въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Голландіи, жителей гораздо больше, чѣмъ земля можетъ прокормить, но такіе люди живутъ великимъ развитіемъ промышленности и торговли, а пищу и одежду привозятъ извнѣ. Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ земля плодородна, а людей мало. Причинами могутъ быть моръ, голодъ, война. Этого рода причины не производятъ длительного дѣйствія: послѣ нихъ земля скоро заселяется вновь. Если же она остается малолюдной полвѣка и больше, то причины должны быть другія». Это — или слабое развитіе земледѣлія, ремесла и торговли, въ связи съ экономической эксплуатаціей страны иностранцами, или дурные законы и крутое тиранство (связанное съ тяжелыми поборами). Такимъ образомъ, мѣры къ увеличенію густоты населенія могутъ быть троякія: во-первыхъ, непосредственныя законодательныя распоряженія, во-вторыхъ, всѣ мѣры направленные къ подъему туземной промышленности и торговли и къ ограниченію иностранной конкуренціи, въ-третьихъ, наконецъ, перемѣны въ государственномъ строѣ въ связи со здоровой финансовой политикой.

Непосредственными законодательными мѣрами для заселенія страны и размноженія населенія могутъ быть всевозможныя облегченія и поощренія браковъ. Напротивъ, ничего нѣтъ хуже для этой цѣли какъ переселеніе и приписка къ подданству иностранцевъ. Римская имперія потому разрушилась, что, по мѣрѣ завоеваній, становилась все болѣе и болѣе смѣшанной изъ разныхъ народностей. Напротивъ, русское государство сильно своимъ племеннымъ единствомъ. Крижаничъ рѣзко возстаетъ противъ перекрещиванія иностранцевъ и противъ приглашенія на службу цѣлыхъ иноземныхъ корпусовъ.

Для развитія производительныхъ силъ Россіи Крижаничъ даетъ цѣлую массу практическихъ указаній. Въ основу онъ кладетъ тутъ, какъ мы знаемъ, полное изгнаніе иностранцевъ. Враждебно настроенный къ классу посредниковъ - торговцевъ, онъ не хочетъ передавать барышей иностранной торговли и въ руки частныхъ русскихъ предпринимателей. Онъ всецѣло предоставляет эти барыши казнѣ, которая должна взять всю оптовую торговлю съ иностранцами въ свои собственные руки. Нѣтъ возможности перечислить здѣсь все отдѣльные совѣты о розыскѣ новыхъ природныхъ богатствъ, объ устройствѣ новыхъ промышленныхъ предпріятій, введеніи новыхъ орудій производства и обработки русскаго сырья, объ открытіи новыхъ торговыхъ пунктовъ, о заимствованіи европейскихъ формъ кредита и т. д.

Что касается здоровой финансовой политики, Крижаничъ исходитъ изъ критики тираническихъ поборовъ, выбивающихъ изъ населенія въ десять разъ больше, чѣмъ доходитъ до самой казны. Основнымъ принципомъ, который онъ «не устаетъ повторять», для него служить правило: богатъ народъ, богатъ и король; бѣденъ народъ, бѣденъ и король. Онъ предлагаетъ все государственные поборы замѣнить однимъ прямымъ налогомъ, взиманіе котораго поручить мѣстному самоуправленію.

Остается деликатный вопросъ о введеніи монархической власти въ извѣстныя законныя рамки. Крижаничъ думаетъ рѣшить этотъ вопросъ путемъ предоставленія разнымъ классамъ умѣренныхъ привилегій — «слободинъ». Нисколько не ограничивая самодержавія, такія «слободины», напротивъ, могутъ лишь быть ему полезны. «У французовъ и испанцевъ вельможи имѣютъ извѣстныя, связанные съ происхожденіемъ, вольности; зато тамъ не чинится никакого нечестія королямъ ни отъ простого народа, ни отъ войска. А у турокъ, гдѣ нѣтъ никакихъ присвоенныхъ родовитости вольностей, государи зависятъ отъ глупости и дерзости простыхъ пѣшихъ стрѣльцовъ. Что захотятъ янычары, то и долженъ дѣлать король. Дерзость чернаго люда, которая при насъ (эти рѣчи Крижаничъ влагаетъ въ уста Алексѣя Михайловича) дважды обнаружилась, вамъ вѣдома. Вся эта дерзость отъ того происходитъ, что у бояръ нѣтъ силы и крѣпости, которая бы могла черныи народъ держать на уздѣ и удерживать отъ бѣшеныхъ поступковъ. Вотъ для чего мы и хотимъ вамъ, слугамъ нашимъ, дать надлежащія вольности». Такимъ образомъ, по мысли Крижанича, предлагаемыя имъ «слободины» должны создать своего рода *pouvoirs intermédiaires* Монтескье, которыя и превратятъ

«людодержавство» въ «умѣренное владѣніе» («самодержавіе» въ «монархію», по терминологіи Екатерины II и Александра I).

Однако же, сословныя вольности не должны ограничивать самодержавія. Они даются условно и во всякое время могутъ быть отобраны. Съ другой стороны, они не должны нарушать основныхъ принциповъ московской государственной практики, которые Крижанничъ безусловно одобряетъ: «запертія рубежей», т. е. запрещенія ѣздить за границу, и, затѣмъ, того правила, что всякій приписанъ къ своему дѣлу и не можетъ оставаться празднымъ. Только для «именитыхъ бояръ» сдѣлано исключеніе: послѣ трехлѣтней непрерывной службы при дворѣ, или въ войскѣ, бояринъ освобождается до самой смерти отъ придворной службы и не обязанъ ни прѣзжать ко двору, ни даже жить въ Москвѣ, если не будетъ вызванъ спеціально. По русскимъ понятіямъ, такое положеніе, правда, равнялось опалѣ. Для высшаго класса — «князей» — создается новое право — владѣть укрепленными городами. Дворянство освобождается отъ тѣлесныхъ наказаній и, за исключеніемъ государственныхъ преступленій, отъ конфискаціи имущества. Сослать дворянина государь, однако, сохраняетъ право безъ суда. Право владѣть помѣстьями принадлежитъ однимъ дворянамъ. Имъ же дается преимущественное право обучаться высшимъ наукамъ. Торговля и промышленность освобождается отъ всякихъ монополій и привилегій. Ремесленники получаютъ пеховое устройство. Городамъ дается самоуправленіе. Остальныя вольности, проектируемыя Крижанничемъ, сводятся къ уничтоженію унижительныхъ формъ обращенія къ власти (битіе челомъ, именованіе просителя холопамъ и употребленіе уменьшительнаго имени) и къ установленію титуловъ и вѣнскихъ знаковъ почета.

Напуганный прецедентами западно- и южно-славянской исторіи, Крижанничъ особенно боится, чтобы «чужебѣсіе» не превратилось въ «чужевладство», т. е. въ господство чужой династіи, которое, въ концѣ концовъ, приведетъ къ политическому порабоженію. Чтобы предупредить эту возможность, долженъ быть, по его мнѣнію, выработанъ точный законъ о наследованіи престола. Государь долженъ обязать народъ присягой ни въ какомъ случаѣ не допускать до престола чужеземца. Въ случаѣ прекращенія династіи, престолъ переходитъ къ одному изъ двѣнадцати «князей», составляющихъ высшее сословіе государства и пожалованныхъ въ это званіе государемъ.

Нельзя отрицать, перебирая всѣ эти реформаціонные проекты перваго теоретика русскаго націонализма, что мы здѣсь попадаемъ въ сферу идей петровско-екатерининской реформы. Национализмъ

соприкасается съ реформой въ томъ основномъ утвержденіи Крижанича, что для борьбы съ высшей культурой необходимо и дѣйствительно одно лишь средство — развитіе собственной самостоятельности. Собственно, это скорѣе даже екатерининскія, чѣмъ петровскія мысли. Для Петра самостоятельность была еще не цѣлью, а лишь естественно вытекавшимъ изъ условій времени результатомъ. Даже тамъ, гдѣ Петръ дѣйствовалъ цѣлесообразно и сознательно — въ сферѣ вопроса о развитіи производительныхъ силъ Россіи, это развитіе было для него средствомъ для ближайшей цѣли — усиленія государственныхъ ресурсовъ. Для Крижанича, какъ для политически подготовленнаго мыслителя, эта непосредственная, ближайшая цѣль рѣшительно перестала имѣть то самостоятельное значеніе, которое она долго сохраняла въ стихійномъ процессѣ русскаго государственнаго развитія. Крижаничъ систематически подчинялъ государство задачѣ служенія національной жизни. Но, далѣе, и самая самостоятельность національной жизни служила для Крижанича лишь средствомъ для дальнѣйшей цѣли — для сохраненія національной личности. А безъ сохраненія личности немислимо было достиженіе на этотъ разъ уже послѣдней, самой завѣтной цѣли всей публицистической дѣятельности патріота-славянина и убѣжденнаго католика: цѣли освобожденія славянства и соединенія церквей. Отчасти эта отдаленность главной задачи, отчасти серьезная политическая подготовка и давали Крижаничу ту прозорливость, которой отличается его постановка вопроса. Чтобы найти въ собственно-русской публицистикѣ такую сознательную постановку національнаго вопроса, намъ надо бы было перескочить черезъ цѣлое столѣтіе, прямо къ Болтину, г. е. ко временамъ Екатерины II.

Въ промежуткѣ осуществилось очень многое изъ предложеннаго Крижаничемъ царю Алексѣю. Но осуществилось много и такого, передъ одной возможностью чего Крижаничъ приходилъ въ трепетъ и ужасъ. Вся виѣшность европейской культуры была усвоена безъ всякихъ измѣненій, совершенно механически, г. е. именно такъ, какъ опасался Крижаничъ. И сладкая ѣда, и мягкія постели, и изящная праздность высшаго класса, и роскошь обстановки, костюма, жилья — все это стало обыденными явленіями. Пережила Русь и то самое «чужевладство», котораго Крижаничъ боялся больше всего. На престолѣ сидѣла иностранка и женщина. Произошло это влѣдствіе того самаго отсутствія закона о престолонаслѣдіи, на которое Крижаничъ настойчиво обращалъ вниманіе правительства. Словомъ, во всемъ ходѣ культурной жизни не было и признаковъ той сознатель-

ности, которой отъ нея требовалъ Крижаничъ. И тѣмъ не менѣе, всѣ страхи Крижанича оказались совершенно напрасными. Россія не денационализировалась, а понемногу ассимилировала себѣ воспринятые механически элементы иноземныхъ культуръ. Не значило ли это, что самая возможность опасности, указанной Крижаничемъ, для Россіи не существовала?

Денационализація можетъ совершиться только тогда и тамъ, гдѣ не создано еще достаточно сильныхъ элементовъ національной организаціи, или же тамъ, гдѣ національная замкнутость уже вступила мѣсто сознательному космополитизму. Россія не представляла ни того, ни другого условія. Она вышла изъ того состоянія безформенной этнографической массы, въ которомъ возможно было полное оцѣмеченіе славянства восточно-нѣмецкихъ земель. И она не дошла до того уровня культурности, на которомъ возможно распространеніе космополитизма. Въ своемъ промежуточномъ состояніи она была неуязвима даже для болѣе сильнаго иноземнаго вліянія, чѣмъ какое было возможно при данныхъ условіяхъ: при низкомъ уровнѣ развитія Россіи и при ея гигантскихъ размѣрахъ. Вотъ почему самая идея о возможности денационализаціи не могла придти въ голову никому другому, кромѣ искушеннаго чужимъ опытомъ иностраннаго наблюдателя. Идея и чувства, диктовавшія Крижаничу его опасенія, несомнѣнно, были налицо. Но Крижаничъ разсматривалъ ихъ въ увеличительное стекло своей исторической и политической науки. Вотъ почему доза иноземнаго яда, которую жизнь ввела или готова была ввести въ русскій организмъ, казалась ему достаточно сильной, чтобы повлечь роковой исходъ, — тогда какъ самочувствіе туземнаго организма находило эту дозу едва достаточной, чтобы произвести дѣйствіе цѣлительной прививки.

Цѣнная сводная работа по вопросу объ иноземныхъ вліяніяхъ (преимущественно XVII в.) принадлежитъ А. Брикнеру: см. его *Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Band I, Ueberblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha 1896* (въ *Geschichte d. europ. Staaten, Heeren u. Uckert*). См. также болѣе раннія работы того же автора: *Die Europäisirung Russlands. Land und Volk, Gotha, 1888* и *Beiträge zur Kulturgeschichte im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1887*. Данные объ измѣненіи домашней обстановки и образа жизни см. у Забѣлина, *Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII в. Ч. 1 3-е изд. 1895* и его же *Домашній бытъ русскихъ царицъ, 2-е изд. 1870. О придворныхъ спек-*

такляхъ Алексѣя Михайловича см. (кромѣ Забѣлина) статью **Н. С. Тихонова**, Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра (Сочиненія, т. II, М. 1898) и его же: Русскія драматическія произведенія 1672-1725 гг., т. I-й съ только что названной статьей въ видѣ предисловія. Спб. 1874. См. также **П. О. Морозова**, Исторія русскаго театра, I, Спб. 1889. Исторія стипендіатовъ, посланныхъ Годуновымъ за границу, рассказана, отчасти по новымъ источникамъ — въ статьѣ кн. **Н. В. Голицына**, Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1898, П. Для исторіи нѣмецкой слободы см. *Fechner, Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau*. I. М. 1876. **Д. В. Цвѣтаева**, Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій въ Чтеніяхъ О. И. и Др. 1889. IV и 1890, I. Эпизодъ съ кievской книжной лавкой въ Москвѣ рассказанъ по архивнымъ даннымъ въ брошюрѣ **В. Эйнгорна**: «Книги кievской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в.». М. 1894. Таблица переводныхъ сочиненій XVI-XVII в. составлена почти исключительно по своду данныхъ этого рода, сдѣланному **И. А. Шляпкин** въ его книгѣ: Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651-1709). Спб. 1891. Для біографіи Крижанича новыя данныя архива Пропаганды и С. Оффицію использованы о. **P. Pierling** о въ его *La Russie et le St. Siège*, IV, 1907 и **Е. Ф. Шмурло**, Римская курія на русскомъ православномъ Востокѣ, Прага, 1928 г. (здѣсь и библиографія). См. также **V. Iagič**, *Život i rad Iurja Križaniča* (Djela Jugoslov. akad. Znanosti, kn. XXVIII, Zagreb, 1917. **В. Вальденбергъ**, Государственныя идеи Крижанича, СПб., 1912. О духовной средѣ, въ которой воспитывался К., см. **M. Murko**, *Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven*. Prag und Heidelberg, 1927. См. также **Матвѣя Соколова**, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, II, СПб. 1891 (Изъ Журн. Мин. Нар. Просв.). Очень слаба брошюра **Ювана П. Рогановича**, Крижаничъ и его философія націонализма. Казань, 1899 (тутъ же библиографія). Устарѣла монографія **Арс. Маркевича**, Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность въ Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, 1876, № 1 и 2. Новая работа (радикальный взглядъ на Крижанича) принадлежитъ **В. Пичета**. Экономическіе и политическіе взгляды Юрія Крижанича, Спб., 1913. Главное сочиненіе Крижанича издано не въ полномъ видѣ **П. Безсоновымъ** подъ заглавіемъ: Русское государство въ половинѣ XVII в. М. 1859, 6 выпусковъ или два тома. Новое изданіе всѣхъ сочиненій Крижанича, принятое обществомъ Исторіи и Древностей Росс., остановилось пока на второмъ выпускѣ. Въ «Чтеніяхъ О. И. и Д.» напечатана и цѣнная работа **С. Бѣлокурова**, 1902 «Ю. Крижаничъ въ Россіи» съ матеріалами; вып. 2, 1907; вып. 3, 1909.

II. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОБѢДА КРИТИЧЕСКИХЪ ЭЛЕМЕНТОВЪ НАДЪ НАЦІОНАЛИСТИЧЕСКИМИ.

I

Стихійная реформа Петра и стихійная оппозиція ей.

Официальный характеръ побѣды — «Средній» путь Крижанича и отношеніе къ реформѣ царя Алексѣя Михайловича. — Умѣреннo-національная реформа В. В. Голицына: ея казовой характеръ; ея претензіи и ея неудачи во вѣншей и внутренней политикѣ — Контрастъ между государственной дѣятельностью Голицына и времяпрепровожденіемъ молодого Петра. — Консервативная реакція послѣ сверженія Софьи. — Насильственный и крайній характеръ реформы Петра. — Объясненіе этого характера условиями обстановки — культурной и соціальной. — Причина особаго ослабленія націоналистической культурной традиціи — въ предшествовавшей религіозно-церковной реформѣ и ея послѣдствіи: моральномъ кризисѣ въ средѣ правящаго класса. — Причина особаго ослабленія соціальныхъ препятствій — въ отсутствіи господствующаго класса. — Отказъ дворянства отъ политической роли и безсиліе правящей бюрократіи воспользоваться положеніемъ. — Легкость волненій, какъ послѣдствіе этого; ихъ исключительно отрицательный характеръ. — Безсиліе олигархической тенденціи правящей бюрократіи. — Гдѣ искалъ Петръ опору своей власти? — Его отношеніе къ бюрократіи и боярству. — Недовѣрчивость Петра и ея результаты — въ выборѣ сотрудниковъ. — Послѣдствія этого выбора: необходимость дѣлать все лично и недовѣріе къ избраннымъ. — Отсутствіе подходящихъ сотрудниковъ, какъ новая причина индивидуальности реформы. — Дворянская гвардія, какъ самая надежная опора власти. — Майоры гвардіи, какъ самые довѣренные люди. — Взгляды современниковъ на личную роль Петра въ его реформѣ. Цѣли и средства реформы, признававшіяся самимъ Петромъ. Его отношеніе къ европейской культурѣ.

— Отношеніе къ собственной реформѣ: недостатокъ систематичности и обдуманности въ связи съ личными свойствами ума и воли. — Грубая общая схема и идея долга не замѣняютъ общаго плана. — Петръ самъ учится на реформѣ. — Отраженіе этихъ чертъ на главныхъ частяхъ реформы: войско, флотъ, Петербургъ. — Выводъ. — Отношеніе націонализма къ реформѣ. — Расколъ, какъ готовое знамя для національной оппозиціи. — Его религіозный характеръ; отсутствіе принципиальной розни съ никоніанствомъ; относительный и временный характеръ разногласій въ допетровскую эпоху. — Благодаря реформѣ Петра, религіозный протестъ окончательно превращается въ національный и принимаетъ принципиальную окраску. — Широкое распространеніе недовольства. — Отношеніе религіознаго протеста къ соціальному до Петра. — Попытка союза обоихъ теченій на Дону 1688 г. и причина ея неудачи. — Новый факторъ политическаго протеста, стрѣльцы: въ ихъ рукахъ національный протестъ получаетъ свою формулу (1698). — Неудачная попытка націоналистической оппозиціи опереться на южныя окраины (1705-1708). — Аристократическая оппозиція, ея возраженія противъ войска, флота, Петербурга. — Основанія ея недовольства въ классовыхъ интересахъ.

Мы познакомились съ тѣмъ, какъ проникали въ русскую народную жизнь, начиная съ конца XV до конца XVII в., все въ большемъ и большемъ размѣрѣ, элементы критики, заимствованные изъ жизни европейскихъ народовъ. Мы видѣли также и то, что первымъ, ближайшимъ послѣдствіемъ этого вліянія критическихъ элементовъ — была совсѣмъ не реформа національной жизни, а лишь, по контрасту, болѣе или менѣе сознательная формулировка ея мѣстныхъ особенностей, сложившихся мало-по-малу въ національный идеалъ, не подлежавшій никакой реформѣ.

Дальнѣйшей ступенью того же вліянія, — къ которой мы теперь должны перейти, — была побѣда критическихъ элементовъ надъ только что сложившимся національнымъ идеаломъ, — побѣда, выразившаяся въ полной реформѣ жизни. Но на первый разъ побѣда эта оказалась виѣшней и формальной, такъ какъ совершена была насильственными мѣрами власти, а не внутреннимъ процессомъ эволюціи народной жизни. Вотъ почему мы назвали эту побѣду, характеризующую второй періодъ въ исторіи борьбы между русскимъ национализмомъ и критикой, терминомъ *«официальной»*. Официальный свой характеръ она сохраняетъ почти до конца этого періода. Первой нашей задачей въ этомъ отдѣлѣ и будетъ — показать, почему таковъ

именно оказался характеръ первой побѣды критики надъ націонализмомъ въ русской жизни.

Возможность иного способа побѣды горячо старался, какъ мы видѣли, доказать Крижаничъ, мечтавшій разрѣшить вопросъ о реформѣ въ полной гармоніи съ національнымъ вопросомъ. Но предлагавшійся Крижаничемъ «средній» путь уже потому долженъ былъ оказаться невозможнымъ, что основанъ былъ на наличности такого условія, котораго не было въ русской жизни тогда и которое не скоро явилось потомъ. Какъ при заимствованіи чужого, такъ и при сохраненіи своего, онъ предполагалъ полную сознательность выбора, основаннаго на указаніяхъ «разума». Именно этой-то сознательности и не было. А за отсутствіемъ ея весь ходъ развитія критическихъ воззрѣній и національнаго самосознанія пошелъ совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлось нашему публицисту. Критическіе элементы заимствовались стихійно, полусознательно, механически. И въ такія же стихійныя, полусознательныя формы вылился національный протестъ. Такимъ образомъ, споръ и рѣшился не путемъ добровольнаго компромисса, а путемъ открытой борьбы. Первымъ результатомъ ея и оказалась побѣда сильнѣйшаго: «официальная побѣда» крайняго отрицанія стараго націонализма.

Неизбѣжность такого исхода, правда, выяснилась далеко не сразу. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII в., когда писалъ Крижаничъ, онъ еще имѣлъ полную возможность предаваться иллюзіямъ «средняго» исхода. Элементы критики, при первомъ своемъ распространеніи, на самомъ дѣлѣ еще очень близко соприкасались съ элементами національнаго идеала, при первой его формулировкѣ. Уже не говоря о созданіи, при помощи чужеземныхъ элементовъ, новаго самодержавнаго идеала XVI вѣка, и новый бытовой идеалъ XVII вѣка, находился съ элементами критики въ близкомъ соудѣствѣ. И критика, и національное самосознаніе, въ своихъ первыхъ источникахъ, были двумя сторонами одного и того же социально-психическаго процесса, совершавшагося въ одной и той же общественной средѣ, часто даже въ однихъ и тѣхъ же людяхъ. Этой средой былъ единственно доступный западному влиянію тѣсный придворный кругъ: этими лицами, совмѣщавшими западничество съ націонализмомъ, были, въ сущности, всѣ знаменитые западники XVII ст. Недаромъ тогда вновь заимствованные элементы быта — и даже идеологій — мирно укладывались рядомъ съ элементами національной традиціи и образовали единое цѣлое. Даже такое специфически-национальное движеніе, какъ расколъ, имѣло однимъ изъ своихъ ис-

точниковъ, какъ намъ уже извѣстно*), умѣренныя просвѣтительно-реформаторскія стремленія кружка, собравшагося при молодомъ тогда царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Да и самъ царь, въ началѣ царствованія, казалось, какъ нельзя лучше подходилъ къ этому моменту первоначальнаго культурнаго равновѣсія, — вѣрнѣе сказать, безразличія — элементовъ критики и націонализма въ русскомъ сознаниіи. На счастье «тишайшаго» царя Алексѣя, ему не пришлось напрягать силъ для какой-либо крупной исторической борьбы, не пришлось идти къ цѣли черезъ трупы и топить въ винѣ и крови укормящейся совѣсти, какъ приходилось это дѣлать царю Ивану и пришлось сдѣлать Петру. Вынести такую драму для него было бы совершенно непосильно. Ему привелось царствовать въ промежуткѣ между двумя историческими катастрофами, въ моментъ сравнительнаго затишья. Но и въ этомъ затишьѣ все-таки было такъ много движенія, внутренней жизни, что къ концу царствованія Алексѣй Михайловичъ остался позади времени, съ своимъ пассивнымъ и лѣнивымъ оптимизмомъ. Остроумный историкъ московской Руси наглядно изобразилъ намъ историческую роль царя Алексѣя въ позѣ человека, занесшаго ногу впередъ, да такъ и застывшаго въ нерѣшительности. Но нерѣшительность «тишайшаго» царя была еще значительнѣе, чѣмъ можно было заключить изъ этой позы. Онъ вообще не любилъ никакихъ безпокойныхъ позъ. Онъ нигде не шелъ и даже не стоялъ: онъ просто спокойно возлежалъ на грудѣ обломковъ стараго и новаго, не разбирая, откуда что идетъ, и подобравъ подъ себя, что было помягче. Вмѣстѣ съ этой грудой его несло по теченію. Иногда это мирное плаваніе прерывалось неожиданными толчками изъ міра дѣйствительности, врывавшимися непріятнымъ диссонансомъ въ созданную царемъ искусственную атмосферу покоя и комфорта. Тогда царь волновался, — волновался, какъ ребенокъ, которому мѣшаютъ играть въ любимую игрушку. Но за него все устранивали другіе, и царь опять успокаивался до ближайшаго слѣдующаго толчка, который опять приходилъ неожиданно и проходилъ безслѣдно. Чѣмъ дальше, однако же, тѣмъ подводные толчки становились чаще и сильнѣе, тѣмъ яснѣе должно было стать, наконецъ, что кругомъ не все мирно и тихо, что тѣ элементы, которые такъ спокойно улеглись рядомъ въ обиходѣ царя, — суть элементы враждебные другъ другу; что подъ

---

*) См. «Очерки», II, V, 3. Ср. тамъ же, V, 7 замѣчаніе Костомарова о расколѣ, какъ о движеніи по существу своему новомъ и передовомъ для того времени, когда оно возникло.

видимой тишью и гладью скрывается незримая борьба, сталкиваются противоположныя теченія, которыя скоро разнесутъ на клочки самыя основы благополучія «тишайшаго» самодержца. Что-нибудь подобное долженъ былъ чувствовать и самъ царь Алексѣй, сталкиваясь на своемъ жизненномъ пути съ безпокойными людьми, которые не желали знать и цѣнить его душевнаго мира, которые хотѣли борьбы и смѣло шли на нее. Когда, съ одной стороны, упрямый Аввакумъ отъ имени святой старины, грозно звалъ царя на страшный судъ съ собою и заклиналъ его стряхнуть съ себя мірское забытье: когда, съ другой, молодой мечтатель, сынъ его любимца (Ордина-Нащокина) бѣжалъ на вольный просторъ мысли и жизни, за «рубежь», отъ вымотавшаго душу московскаго болота, — тогда и «тишайшему» должно было, хотя минутами, придти въ голову, что мирное сосѣдство элементовъ критики и націонализма не есть ничто само собою разумѣющееся и вѣчное. Но, дорожа больше всего своимъ покоемъ, добрый царь отгонялъ отъ себя черныя мысли, слѣдуя своему правилу: «нельзя, чтобы не поскорѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобы Бога наипаче не прогнѣвать». Съ этимъ благоразумнымъ режимомъ, въ которомъ самое горе обращалось на пользу, какъ своего рода гигиѣна души, царь Алексѣй кое-какъ сводилъ свои счеты съ настоящимъ, — не безъ содѣйствія крѣпкихъ московскихъ тюремъ, — а о будущемъ не думалъ. Онъ занялъ, такимъ образомъ, не столько среднее, сколько нейтральное положеніе между старымъ и новымъ: оно ничего не имѣло общаго съ тѣмъ «среднимъ» путемъ реформы, на который призывалъ его Крижаничъ. Робкаго и смирнаго царя, пасовавшаго передъ самыми пустыми жизненными затрудненіями, уступавшаго всякому сколько-нибудь настойчивому проявленію воли, простодушно удивлявшагося, что въ дворцовомъ вѣдомствѣ слушаютъ его приказаній*), и принужденнаго, — чтобы его на самомъ дѣлѣ слушали, — дѣйствовать либо хитростью, либо слезами, либо, въ крайнемъ случаѣ, недалекимъ отъ слезъ нервнымъ крикомъ и жалкими словами, — такого царя невозможно представить себѣ въ роли смѣлаго реформатора.

Между тѣмъ, когда прошло это мирное царствованіе, то вмѣстѣ съ нимъ прошелъ и первый шансъ помирить или хотя отдалить столкновеніе возникающихъ противорѣчій при помощи заблаговременнаго компромисса. Эти противорѣчія, едва обрисовавшіяся въ началѣ

---

*) «Слово мое теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замедленья», шутливо пишетъ онъ Никону.

царствованія, къ концу уже выяснились совершенно отчетливо. Уживавшіеся ранѣе рядомъ элементы критики и націонализма потонули далеко въ противоположныя стороны.

Были, однако, люди, которые думали, что время средних рѣшеній все еще не прошло безвозвратно. Надежда на реформу въ націоналистическомъ духѣ казалась тѣмъ основательнѣе, что на самомъ дѣлѣ къ концу вѣка въ области національной мысли, національнаго чувства обнаружались совершенно новыя, небывалыя явленія. Въ своемъ мѣстѣ мы объ этихъ явленіяхъ говорили: все они сводятся къ подъему религіознаго сознанія — въ литературѣ (Великое Зерцало, см. «Очерки» II, VI, 1), въ искусствѣ (новыя теченія въ иконографіи, II, VI, 2), въ богословской наукѣ («хлѣбопоклонная» ересь II, V, 7), въ школьномъ дѣлѣ («Академія» II, VII, 1). Все эти явленія связаны также и источникомъ ихъ происхожденія: латинско-польскимъ вліяніемъ. Мы видѣли, что то же вліяніе обновляло и формы быта, не порывая въ то же время окончательно съ національной традиціей. Этому особенно содѣйствовало посредничество Кіева. Словомъ, казалось, элементы реформы въ умѣренно-національномъ духѣ все были на лицо. Скоро явился и реформаторъ, кн. В. В. Голицынъ, любимецъ Софьи. Реформаторъ имѣлъ широкую программу, лично имъ изложенную одному иностранцу (Невиллю). Въ программѣ значилось и устройство регулярной арміи, и постоянныя международныя отношенія Россіи съ заграницей, и полная свобода совѣсти и вѣры, и заграничное воспитаніе дѣтей, и замѣна натурального хозяйства денежнымъ, и даже освобожденіе крестьянъ съ землей. Голицынъ хотѣлъ заселить скраины, оживить торговлю и пути сообщенія въ Сибири, «нищихъ сдѣлать богатыми, дикарей превратить въ людей, хижины — въ каменные дворцы». Словомъ, здѣсь было очень много хорошихъ словъ и добрыхъ намѣреній. Не было только единства плана и не было практической точки опоры для осуществленія программы. За отсутствіемъ того и другого, не было на-лицо и такого импульса, который бы помогъ претворить слово въ дѣло. Этихъ импульсовъ потомъ оказалось больше, чѣмъ нужно въ реформѣ Петра, грѣшившей, какъ сейчасъ увидимъ, обратнымъ недостаткомъ. Петръ прямо начиналъ съ дѣла, а потомъ собирался подумать. В. В. Голицынъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ 7 лѣтъ, теченіе которыхъ могъ-бы такъ же далеко уйти въ своей реформѣ, какъ Петръ, если бы, подобно Петру, онъ былъ человѣкомъ дѣла. Въмѣсто того, настоящее дѣло застало его врасплохъ и было сдѣлано вполнѣ неудачно. Нельзя сказать, чтобы его время было занято и заботой о са-

мосохраненіи, такъ какъ и въ этомъ отношеніи Софьѣ пришлось, наконецъ, замѣнить его болѣе рѣшительнымъ Шакловитымъ.

Каковы же получились итоги семилѣтняго режима *умѣренной* реформы? Послушаемъ современника и панегириста регентства Софьи, кн. Куракина, который находилъ, что «никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было», — противопоставляя его притомъ не только предыдущимъ «правленіямъ», но и послѣдующему. Къ сожалѣнію, главному аргументу Куракина — всего труднѣе повѣрить: будто бы, въ противоположность предыдущему и послѣдующему времени, семилѣтнее регентство отличалось господствомъ «правосудія» и «умноженіемъ народнаго богатства». «И торжествовала тогда довольность народная», развиваетъ онъ свою мысль. «такъ что всякій легко могъ видѣть: когда праздничный день въ лѣтѣ, то всѣ мѣста кругомъ Москвы за городомъ, сходныя къ забавамъ, какъ Марьины роуци, Дѣвичье поле и проч. наполнены были народомъ, которые въ великихъ забавахъ и играхъ бывали, *изъ чего можно было видѣть* довольность житія ихъ». Эта сентиментальная наивность совсѣмъ не подѣлать обычнымъ реалистическимъ сужденіемъ Куракина. Но тѣмъ интереснѣе для насъ это отступленіе отъ обычной манеры: онъ повторилъ, очевидно, то, что слышалъ кругомъ себя ребенкомъ*). Мы узнаемъ здѣсь только то, какихъ похвалъ добивалась и какими довольствовалась голицынская реформа. Это была очевидная фальсификація общественнаго мнѣнія: Голицынъ имѣлъ всѣ основанія его бояться.

Такую же рекламу видимъ и во внѣшней политикѣ, непосредственно находившейся въ рукахъ Голицына. Единственный успѣхъ этой политики, вѣчный миръ съ Польшей (1686) и окончательная уступка Кіева, были подготовлены неоднократно совѣтами гетмана Самойловича. Но тотъ-же Самойловичъ еще настойчивѣе совѣтовалъ даже и за эту цѣну не обязываться къ походу на Крымъ. Невозможность взятія его онъ ясно видѣлъ и предсказывалъ. Такъ же скептически онъ относился и къ идейной цѣли борьбы съ турками. Въ качествѣ таковой уже тогда слишкомъ преждевременно, по мнѣнію Самойловича, — выдвинулось освобожденіе балканскихъ народностей. Самойловичъ указывалъ, что въ лучшемъ случаѣ успѣхъ выпадетъ на долю поляковъ, которые собственно и рисовали русскимъ дипломатамъ, уже въ 70-хъ годахъ, перспективу славянскаго объединенія. Пока русскіе будутъ безплодно возиться съ Крымомъ, го-

---

*) Въ годъ паденія Софьи Куракину было 13 лѣтъ.

ворилъ Самойловичъ, поляки и ихъ союзники австрійцы — будутъ работать на Дунаѣ и за Дунаемъ, и, конечно, не въ пользу православной идеи. Если ужъ хотятъ сдѣлать эту идею задачей національной политики, такъ пусть преслѣдуютъ ее не тамъ, гдѣ она пока еще недосягаема, а у себя подъ бокомъ, въ польскихъ владѣніяхъ. Когда, наконецъ, московскіе дипломаты откровенно выставляли послѣдній мотивъ въ пользу войны, необходимость отвлечь внутреннее недовольство внѣшними предпріятіями, то Самойловичъ и тутъ подавалъ дѣловой совѣтъ, которому вскорѣ и послѣдовалъ Петръ. «Не надо держать въ Москвѣ много ратныхъ людей: лучше разослать ихъ по пограничнымъ мѣстностямъ для постройки крѣпостей, а въ Москвѣ держать одинъ-два полка надежныхъ людей, которыхъ привлечь къ себѣ милостями». За эти совѣты, которыми нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ знаніи дѣла, Самойловичъ получилъ выговоръ, а потомъ и отставку. Голицынъ предпочиталъ осторожной, дѣловой политикѣ — громкую, рассчитанную на казовый эффектъ. Послѣ перваго неудачнаго похода на Крымъ, онъ выставилъ такія условія мира, какихъ Екатерина II, вѣкъ спустя, не рѣшилась продиктовать послѣ своихъ побѣдъ, а послѣ второго — разгласилъ по всей Европѣ о своихъ небывалыхъ успѣхахъ. Какъ бы для наглядной иллюстраціи непрактичности московскаго правительства, его дипломаты появились во Франціи, чтобы убѣждать Людовика XIV помогать «недругу (Австріи) противъ друга (Турціи)», а оттуда проѣхали въ Испанію, чтобы сдѣлать въ истощенной странѣ крупный денежный заемъ. Въ активѣ регентства, подведенномъ Куракинымъ, это значило, что правительство Софьи заботится объ «алліансахъ» и поддерживаетъ «корреспонденцію со всѣми дворами въ Европѣ».

Первымъ условіемъ для блестящей внѣшней политики была коренная военная реформа, которую и проектировалъ Голицынъ, какъ мы видѣли. Но на дѣлѣ и здѣсь реформа не пошла дальше эффектнаго предисловія — знаменитаго уничтоженія (еще при Ѳеодорѣ) мѣстничества, и безъ того ничему уже не мѣшавшаго въ военномъ дѣлѣ. Голицынъ воспользовался для своихъ походовъ той реорганизаціей арміи (по территориальнымъ округамъ, см. «Очерки», г. I-й), которая давно уже проведена была по совѣту Ордина-Нащокина. Но не введя никакихъ новыхъ существенныхъ улучшеній, онъ долженъ былъ убѣдиться, какъ трудно съ подобной арміей осуществлять затѣянныя имъ грандіозныя предпріятія.

Остается, стало быть, та культурная внѣшность реформы, которая свидѣтельствовала о главномъ источникѣ тогдашняго московскаго

просвѣщенія. На этотъ источникъ указываетъ Куракинъ: «политесъ возстановлена въ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ *maniere polska*: и въ экипажахъ, и въ домовомъ строеніи, и въ уборахъ, и въ столахъ». Правда, этотъ мемуаристъ прибавляетъ еще: «и науки почали быть — латинскаго и греческаго языка». Но мы видѣли, что, какъ разъ въ этомъ пунктѣ латинско-польская партія въ Москвѣ оказалась безсильна провести свою образовательную программу, какъ ни была эта программа умѣренна. Мы знаемъ, что открывшаяся, наконецъ, въ Москвѣ академія не только не отвѣчала по своему направленію стремленіямъ московскихъ реформаторовъ, но прямо пошла вразрѣзъ имъ. Она наложила строжайшій запретъ на ту свободу совѣсти въ дѣлахъ вѣры и на ту свободу частнаго преподаванія, которыя такъ красиво фигурировали въ программѣ Голицына. Въ общемъ, приходится сказать, что умѣренность голицынской реформы состояла не столько въ ея направленіи, — которое гораздо ближе къ Петру, чѣмъ къ Крижаничу, — сколько въ ея неполнотѣ и нерѣшительности. Эти свойства зависѣли, быть можетъ, столько же отъ того, что временное правительство не чувствовало у себя твердой почвы подъ ногами, сколько и отъ того, что къ себѣ подъ ноги оно смотрѣло гораздо меньше, чѣмъ въ туманную, заманчивую даль.

Контрастъ между этой государственной дѣятельностью Голицына и начавшимъ въ то же время опредѣляться времяпрепровожденіемъ молодого Петра былъ очень великъ. Казалось, онъ говорилъ не въ пользу Петра.

Пока Голицынъ окружалъ себя книгами, картами, статуями, Петръ съ азартомъ предавался спорту. Книгу онъ допускалъ въ минимальныхъ размѣрахъ, лишь какъ необходимое зло для подготовки къ спорту же*). Голицынъ ѣздилъ въ Нѣмецкую Слободу для серьезныхъ политическихъ бесѣдъ съ солиднымъ Гордономъ, причемъ держалъ сторону конституціонной Англіи Вильгельма III противъ сторонника династическихъ притязаній Стюартовъ, какимъ былъ Гордонъ. Петръ слышать не хотѣлъ ни о какой политикѣ, — тѣмъ болѣе русской. Она неразрывно связывалась въ его тогдашнемъ представленіи съ торжественными официальными аудіенціями, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, какъ отъ чумы. Въ слободу привезъ его кузенъ Голицына, «пьяница» Борисъ, но не для поучительныхъ бесѣдъ, а для ба-

---

*) До конца жизни Петръ сохранилъ такой взглядъ на книгу, какъ на руководство къ практическому дѣлу и терпѣть не могъ «лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и у чтущихъ охоту отъемлютъ».

ловъ и попойку. Эти увеселенія съ тѣхъ поръ и потянутся непрерывной чередой, подъ руководствомъ Лефорта, «дебошана французскаго».

Голицынъ мечталъ о «довольствѣ народномъ». Петръ исподволь принималъ мѣры для обезпеченія личной безопасности. Укрѣпивъ свое положеніе преданной ему военной силой, Петръ обнаружилъ полное пренебреженіе къ общественному мнѣнію. Онъ издѣвался надъ нимъ въ той же мѣрѣ, въ какой Голицынъ за нимъ ухаживалъ и его боялся. Голицынъ въ походахъ только и думалъ, какъ бы скорѣе вернуться въ столицу, чтобы разрушить козни враговъ. Петръ рвался изъ столицы въ походы, какъ бы чувствуя, что тамъ, при войскахъ его сила. Заботу о столицѣ и объ общественномъ мнѣніи онъ всецѣло свалилъ на плечи своего Аракчеева, князя-кесаря Ромодановскаго. И тогда какъ Голицынъ высшей цѣлью своей политики считалъ заключеніе «алліансовъ», Петръ принялся во что бы то ни стало искать хорошаго театра войны, гдѣ бы можно было разгуляться на волѣ его кораблямъ и пушкамъ.

О реформѣ еще не было сказано ни слова, но Петръ уже былъ въ самомъ руслѣ своей реформы. Онъ весь тутъ — и до конца жизни останется такимъ, какимъ сложили его десять подготовительныхъ учебныхъ лѣтъ (1686 - 1695). Ки. Куракинъ, своякъ Петра и свидѣтель, хотя и не близкій, его юношескихъ упражненій, сообщаетъ намъ полный списокъ тогдашнихъ талантовъ Петра вмѣстѣ съ именами его учителей. «Мастеромъ голландскаго языка былъ дьякъ погосольскаго приказа, Андрей Виніусъ; для экзерцицій на пинагахъ и лошадяхъ — сынъ датскаго резидента Бутенанта; а для математики и фортификаціи и другихъ артей, какъ токарнаго мастерства и для огней артифіціальныхъ — одинъ гамбурченинъ Францъ Тиммерманъ; а для экзерцицій солдатскаго строю еще въ малыхъ своихъ лѣтахъ обучился отъ одного стрѣльца Присова Обросима. Бѣлаго полку. А по барабанамъ — отъ старосты барабанщиковъ Оедора, Стремяннаго полку. А танцовать по польски — съ одной практики въ домѣ Лефорта». Такова была академія, пройденная Петромъ, и дополненная потомъ въ Голландіи уроками кораблестроенія и зубодерганія. Во всемъ своемъ живописномъ безразличіи всѣ эти курсы наукъ, или лучше — искусствъ, твердо держались въ памяти Петра. До конца жизни онъ такъ же искусно выбивалъ барабанную дробь, дѣйствовалъ топоромъ на кораблѣ, дергалъ зубы, приготовлялъ фейерверки, говорилъ по-голландски съ моряками (для другихъ разговоровъ его знаніе было недостаточно), дѣлая притомъ все это — и все

другое, за что онъ принимался, — съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто очередное дѣло и было его главнымъ и единственнымъ занятіемъ. Этотъ талантъ — входить въ суть каждаго дѣла и отдаваться ему вполне — былъ, несомнѣнно, одной изъ основныхъ чертъ Петра, объясняющихъ секретъ его успѣха и характеръ достигнутыхъ результатовъ.

Но до результатовъ было еще далеко. Пока — видно было въ молодомъ Петрѣ только полное отсутствіе интереса къ государственнымъ дѣламъ и склонность къ разгулу, не знавшая ни удержа, ни мѣры, доводившая пьяную компанію до невѣроятныхъ предѣловъ цинизма, грубости и жестокости. Немудрено, что когда власть перешла изъ просвѣщенныхъ рукъ регентства въ невѣжественныя руки царицы Натальи и своекорыстныхъ руки ея ближайшихъ помощниковъ, то благомыслящіе люди, русскіе и иностранцы, пожалѣли о свергнутыхъ узурпаторахъ и пророчили Россіи возвратъ къ полной тьмѣ и невѣжеству. И у противниковъ новизны съ этимъ переходомъ власти на минуту воскресла надежда, что послѣ неудачи голицынской реформы можно будетъ ликвидировать и всякую реформу вообще. Господиномъ положенія былъ патріархъ Іоакимъ, и онъ посмѣшилъ воспользоваться своей силой, чтобы уничтожить латинскую партію въ лицѣ Медвѣдева («Очерки» II, VII, 1), свободомыслящихъ въ лицѣ Кульмана (ib. V, 6) и чтобы начать форменное преслѣдованіе противъ свободы богослуженія въ Нѣмецкой Слободѣ. Смерть прервала его дальнѣйшую дѣятельность (іюль 1690). Но что у него была цѣлая программа самой послѣдовательной реакціи, объ этомъ свидѣтельствуется оставленное имъ завѣщаніе. Здѣсь онъ требовалъ отъ царя, чтобы иновѣрческія церкви были разрушены, иностранцы — лишены военныхъ и всякихъ другихъ должностей, всѣ сужденія о религіозныхъ предметахъ строго запрещены имъ, а всякая попытка распространять свою вѣру и права наказывалась бы смертною казнью*). Отъ русскихъ патріарховъ требовалъ, чтобы они никакихъ «иновѣрныхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платье перемѣнъ по иноземски не вводили». Дѣло Іоакима долженъ былъ продолжать Адріанъ. Кандидатъ, предложенный въ патріархи Петромъ, образованный и знакомый съ иностранными языками Маркель, былъ именно поэтому забракованъ: на всякій случай его даже обвинили въ ере-

---

*) Ср. проведенный Іоакимомъ при Голицинѣ уставъ Славяно-греко-латинской академіи, «Оч.» II, VII, 1.

ен. Петръ могъ пока отомстить только тѣмъ, что завелъ своего собственнаго «всещутѣйшаго» патріарха и «всеняиѣйшій» соборъ.

Такимъ образомъ, *формально* вопросъ о судьбѣ реформы оставался открытымъ вплоть до самаго начала самостоятельной дѣятельности Петра. *Фактически*, конечно, уже вполне выяснилось, что реформа неизбежна. Притомъ это должна была быть уже не реформа умѣренная, а крайняя; не реформа идеологическая, подготовленная книгой и литературой, а реформа произвольная, стихійная, вытекающая непосредственно изъ потребности жизни. Въ итогѣ предстояла не реформа, основанная на народномъ сознаниіи, а реформа, идущая наперекоръ этому сознанию, сверху, — реформа насильственная, необходимость которой предсказывалъ и ждалъ отъ царской неограниченной власти еще Юрій Крижанщъ.

Что реформа Петра была насильственная, въ этомъ такъ же мало сомнѣвались тѣ, кто ее проводилъ, какъ и тѣ, кто ей противился. Она была насильственна не только въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя были въ ней случайны и произвольны, но также и въ тѣхъ, которыя были существенны и необходимы. Мало того: насильственность реформы даже существенному и необходимому въ ней придавала характеръ случайнаго и произвольнаго, т. е. облекала это существенное въ случайныя формы. Поэтому, признавать насильственный, личный характеръ реформы — вовсе не значить еще отрицать ея историческую необходимость. И, наоборотъ, доказывать необходимость реформы — вовсе не значить отрицать ея насильственный характеръ. Задача историка въ данномъ случаѣ именно и заключается въ томъ, чтобы показать, почему необходимая по существу своему реформа*) *должна была*, не могла не облечься въ форму личнаго произвола одного лица надъ массой и почему примѣненіе такого произвола было вообще *возможно*.

Возможность эта и необходимость создавались той культурной и соціальной обстановкой, среди которой Петръ предпринялъ свою реформу. Конечно, при сколько-нибудь прочной культурной традиціи и при плотно организованныхъ классовыхъ интересахъ, подобный способъ побѣды критическихъ элементовъ былъ бы немыслимъ. Но мало сдѣлать общую ссылку на отсутствіе у насъ культурныхъ традицій и слабость классовой организаціи. Нужно еще дать себѣ отчетъ въ

---

*) Самая необходимость реформы по существу предполагается здѣсь доказанной въ тѣхъ частяхъ «Очерковъ», гдѣ рѣчь идетъ о стихійныхъ процессахъ развитія разныхъ сторонъ національной жизни.

томъ, что какъ разъ ко времени, когда стихійный ходъ жизни сдѣлалъ побѣду критическихъ элементовъ необходимою, сопротивленіе задерживающихъ силъ было у насъ особенно ослаблено. Для хозяйской руки реформатора создавался такимъ, образомъ, особенно широкій просторъ.

Уже Фокеродтъ замѣтилъ (1737), что «по мнѣнію многихъ разумныхъ людей, Петръ едва ли могъ бы такъ далеко пойти въ своей реформѣ, если бы ему пришлось бороться съ болѣе способнымъ духовенствомъ, которое сумѣло бы приобрести у народа любовь и уваженіе и воспользоваться ими къ своей выгодѣ». Замѣчаніе это имѣетъ болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Если современное Петру духовенство не имѣло у народа ни любви, ни уваженія, то это объясняется не недостаткомъ «способностей» въ немъ, а особымъ положеніемъ русской церкви ко времени Петра. Мы знаемъ, что она, дѣйствительно, потеряла тогда и ту долю вліянія на массу, какую позволяли ей имѣть низкій уровень ея развитія и ея угнетенное социальное положеніе. Мы видѣли («Оч.», II), что весь тотъ запасъ религіознаго чувства и нравственнаго одушевленія, который былъ на лицо среди русскихъ пастырей и паствы, — пошелъ на оппозиціонное національно-религіозное движеніе XVI-XVII в. Мы знаемъ также, что сверху это движеніе было одинаково осуждено и представителями кievской богословской науки, какъ недостаточно просвѣщенное, и представителями греческой церковной старины, какъ отступающее отъ древней традиціи. Правительство приняло точку зрѣнія кievлянъ и грековъ. Велѣдъ за духовной властью, объявившей русское національно-религіозное движеніе расколомъ и проклявшее его, — власть съ своей стороны объявила участіе въ этомъ движеніи государственнымъ преступленіемъ, подлежащимъ карѣ свѣтскаго закона. Такимъ образомъ, критическіе элементы за полвѣка до Петра уже одержали побѣду надъ націоналистическими въ сферѣ религіозной. Но это была побѣда бюрократической канцелярщины надъ народной психологіей. Все, въ комъ живо было нравственное и религіозное самосознаніе — разумѣется, въ той малокультурной формѣ, какая была единственно доступна тому времени, — все эти люди были теперь отброшены въ оппозицію. Этотъ переходъ въ оппозиціонный лагерь оставилъ очень замѣтную моральную пустоту въ лагерѣ правящемъ. Именно онъ подготовилъ и сдѣлалъ возможнымъ появленіе въ составѣ высшаго духовенства южно-русскихъ духовныхъ сановниковъ, принесшихъ съ собой, вмѣстѣ съ научно-литературными традиціями, также и ту угодливость и го-

товность служить интересамъ свѣтской власти, изъ которыхъ Петръ сдѣлалъ такое широкое употребленіе («Очерки» II, V, 7).

Но измѣненіемъ состава и паденіемъ самостоятельности высшаго русскаго духовенства не ограничились послѣдствія торжества официальной вѣры надъ народной. Это торжество внесло раздвоеніе въ душу огромнаго большинства современниковъ, — всѣхъ тѣхъ, кто не былъ достаточно силенъ, чтобы разорвать окончательно или съ новымъ, или со старымъ, перейти или въ тотъ, или въ другой лагерь. Совѣсть была сломлена или усыплена этимъ внутреннимъ раздвоеніемъ: а всего лучше подходили для наступившей ломки тѣ, у которыхъ она совсѣмъ молчала*). Вотъ почему никакія надругательства Петра надъ тѣмъ, что только-что считалось святымъ и неприкосновеннымъ, не могли вызвать сколько-нибудь сильнаго внутреннего сопротивленія въ окружающей его средѣ. Онъ какъ будто нарочно переходилъ отъ одной циничной выдумки къ другой, еще болѣе циничной, еще болѣе оскорбительной для чужого достоинства и совѣсти, умышленно и систематически насиловать всѣ вѣрованія, всѣ вкусы, всѣ убѣжденія, — чтобы узнать, какъ много онъ можетъ себѣ позволить и узнавать, — не испытывая даже удивленія, какъ извѣстный римскій императоръ, — что онъ все можетъ. Всякая форма, всякій мундиръ къ чему нибудь обязываетъ. Надѣтый Петромъ мундиръ европейской культуры на первый разъ только *развязалъ*, не обязывая ни къ чему. Онъ устранялъ тотъ обязательный чинъ жизни, строй мысли и чувства, который было налаживался въ Москвѣ XVII в., и возвращалъ русскую жизнь къ той безформенности, съ которой мы уже привыкли встрѣчаться повсюду въ русской исторіи. При московскомъ чинѣ жизни, какъ ни былъ онъ плохъ и низменъ самъ по себѣ, все-таки, были вещи, которыя дѣлать было обязательно, и были другія, которыхъ дѣлать было *нельзя*. Теперь такихъ вещей не оставалось. Все было можно, и ничто не было обязательно, кромѣ очередного прика-

---

*) Датскій посланникъ Юль въ 1709 г. замѣчалъ относительно раскольниковъ (очевидно, передавая общее мнѣніе): «Въ общемъ, раскольники честнѣе, богобоязненнѣе и трезвѣе противъ русскихъ, а по части христіанскихъ догматовъ начитаннѣе и просвѣщеннѣе ихъ». Въ то же время, изъ своихъ сношеній съ правящей бюрократіей, Юль сдѣлалъ такой общій выводъ: «Вообще, на русскихъ надо вліять лестью, водкой и взятками; всѣ же другія средства, вродѣ справедливости, права, на нихъ не дѣйствуютъ». Юль забылъ прибавить къ перечню этихъ средствъ еще одно, — ему, конечно, менѣе доступное, — именно «страхъ».

занія реформатора. А его натура была, какъ сейчасъ увидимъ, тако-
ва, что только и приходилось ждать *очередного* приказанія. Система,
новый чинъ жизни, новые порядки установились какъ-то сами собою,
постепенно, изъ ряда такихъ очередныхъ приказаній, сплошь да ря-
домъ другъ друга отмѣнявшихъ. Окружавшимъ оставалось лавиро-
вать, какъ умѣли, въ этомъ новомъ фарватерѣ, въ которомъ только
цѣль и общее направленіе оставались одни и тѣ же, а пути къ цѣли
постоянно мѣнялись, дѣлая притомъ порою самые причудливые изги-
бы, самые неожиданные повороты.

Бюрократія, высшее духовное и свѣтское чиновничество были,
такимъ образомъ, въ полномъ распоряженіи Петра. А кромѣ бюро-
кратіи ему ни съ кѣмъ не приходилось считаться. Соціальная жизнь
Россіи такъ сложилась ко времени реформы, что съ этой стороны ре-
форматору встрѣчалось еще меньше препятствій, открывалось еще
больше простора, чѣмъ со стороны культурной традиціи.

Въ промежуткѣ между распаденіемъ боярства и усиленіемъ дво-
рянства, между XVI и XVIII вѣкомъ, бюрократія являлась единст-
веннымъ господствующимъ классомъ. Мы видѣли, какъ дворянство,
въ самый моментъ своей побѣды надъ боярствомъ и казачествомъ,
добровольно уступило бюрократіи правительственную роль и отказа-
лось отъ постоянного контроля надъ нею, какой могъ дать дворян-
ству земскій соборъ (см. выше, стр. 93, 97, 99, 108-109). Послед-
ствія этой безконтрольности оно очень скоро и непріятно почувство-
вало. Однако, оно не только ничего не сдѣлало, чтобы вернуть себѣ
господствующее положеніе, но неохотно отвѣчало даже на прямые
призывы къ нему въ этомъ смыслѣ со стороны правительства. Вѣ-
роятно, это такъ вышло по той же причинѣ, по которой на пожарахъ
того времени люди предпочитали сидѣть сложа руки и ждать, пока
все сгоритъ у всѣхъ, высматривая только случай что-нибудь утащить
изъ чужого имущества, а въ остальномъ полагаясь на волю Божию и
на святыхъ иконы *). Въ концѣ концовъ, правительство со второй по-
ловины XVII вѣка замѣнило земскіе соборы созывомъ свѣдующихъ
людей. Политическая роль «ратныхъ людей», такъ же какъ и дру-
гихъ «чиновъ» московскаго государства, сдѣлалась историческимъ
преданіемъ. Однако же, и бюрократія не много выиграла, въ поли-

---

*.) См. многократныя наблюденія Юля, при которыхъ выгодно вы-
ступаетъ и роль Петра — въ организаціи борьбы съ общей опасностью,
въ насильственномъ приучиваніи толпы къ общественному дѣлу и ин-
тересу.

тическомъ смыслѣ отъ добровольнаго отказа общественнаго слоя, которому еще предстояло стать правящимъ. Та-же самая неорганизованность общественной жизни, которая мѣшала возникновенію политическаго самосознанія классовъ, лишала и бюрократію необходимыхъ орудій, при посредствѣ которыхъ она могла бы воспользоваться своимъ временнымъ господствующимъ положеніемъ, чтобы сдѣлаться всемогущей. Только что наживши «неудобъсказаемыя палаты», представители этой бюрократіи могли подвергнуться личному народному возмездію. — и никто не могъ защитить ихъ. Даже самому царю приходилось умилять эту толпу слезами или кончать рукоблѣемъ съ московскими бунтовщиками, въ ожиданіи, пока можно будетъ захватить ихъ такъ же врасплохъ, какъ они сами заставляли московское правительство. Крижаничъ очень хорошо объяснилъ характеръ этихъ московскихъ бунтовъ (1648 и 1662 г.г.) и предсказалъ стрѣлецкіе бунты. «Нечестіе королямъ» со стороны «простого народа и войска», говорилъ онъ, чинится обыкновенно тамъ, гдѣ нѣтъ господствующаго сословія или политически организованныхъ (снабженныхъ «слободинами») классовъ (см. стр. 152-153). Это замѣчаніе объясняетъ, почему именно при Алексѣѣ народное недовольство приняло форму возстаній. Производить волненія въ Московскомъ государствѣ въ то время было чрезвычайно легко, ибо умирять ихъ было некому. Правительству оставалось прибѣгать, за неимѣніемъ организованной силы, къ хитрости. Чтобы не имѣть дѣла съ массой, оно сперва разъединяло ее, потомъ обѣщало всѣмъ полное прощеніе и уже, когда все успокаивалось, захватывало и казнило намѣченныхъ раньше зачинщиковъ **).

Всѣ эти волненія, во всякомъ случаѣ, не только обнаружили отсутствіе правящаго слоя и безсиліе бюрократіи. Они показали что у самихъ недовольныхъ также мало шансовъ — завладѣть положеніемъ. Русское общество постоянно распалось при всякихъ волненіяхъ на тѣ двѣ части, которыя намѣтились уже въ Смутное время. На сторонѣ власти оставались всѣ общественные слои, извлекавшіе выгоду изъ современнаго положенія вещей. Сюда относились, кромѣ, слоевъ прикосновенныхъ къ правительству, высшаго чиновничества, духовенства и купечества, также все дворянство и весь приказный чинъ. Къ противникамъ власти примыкали всѣ обдѣленные со-

---

**) Всего отчетливѣе можно прслѣдить эту тактику борьбы во Псковѣ, во время бунта 1650 г., и въ Астрахани (1671-2), во время возстанія Стеньки Разина.

временнымъ порядкомъ: крестьяне и большая часть дворовыхъ людей («боярскихъ людей», «холоповъ»), рядовое городское население («посадскіе») и часто низшее духовенство. Отрицательной программой всякаго бунта было: въ столицѣ изводить бояръ и высшихъ чиновниковъ, въ городахъ рѣзать воеводъ и приказныхъ, въ уѣздахъ избивать дворянъ и помѣщиковъ. Положительной программой, въ которой напрасно старались видѣть отголоски древняго вѣчевого строя, — былъ казачій кругъ и казачье равенство. Наиболее яркое осуществленіе та и другая программа получили на примыкавшей къ Поволжью границѣ между осѣдлымъ населеніемъ и степью*) во время бунта Стеньки Разина. Этого было достаточно, чтобы до конца XVII вѣка держать въ страхѣ власти. Въ 1682 г. анонимный доносъ на Хованскаго приписываетъ ему эту самую разинскую программу. Но она и могла служить только орудіемъ агитаціи, матеріаломъ для доноса и «жунеломъ» для тогдашнихъ пугливыхъ людей. Серьезной опасности съ этой стороны грозить не могло. Разинская программа была черезчуръ уже проста въ своей отрицательной части и черезчуръ фантастична въ положительной. Нормальнымъ выходомъ для недовольныхъ былъ въ XVII вѣкѣ побѣгъ въ степь, къ казакамъ, а не водвореніе казачаго строя среди осѣдлаго населенія.

Итакъ, исключительно вслѣдствіе отсутствія другихъ общественныхъ силъ, а вовсе не благодаря собственному могуществу, бюрократія оставалась господиномъ положенія до конца XVII столѣтія. Къ концу вѣка, пожалуй, можно замѣтить слабые признаки того, что высшая бюрократія, какъ будто, хотѣла замкнуться въ тѣсный кругъ и принять олигархическій отбѣнокъ. Русская чиновная знать узнала кое-что про положеніе иностранной знати и перестала довольствоваться «государевымъ жалованьемъ», какъ санкціей своего положенія. Ей хотѣлось подняться на степень владѣтельныхъ князей западной Европы. Крижаничъ уже предлагалъ создать для этого особое сословіе «князей», обезпеченное чѣмъ-то вродѣ феодальныхъ владѣній. Къ этому отчасти клонился и представленный Думѣ въ 1681 г. проектъ, дѣлившій Россію на намѣстничества и устанавливавшій іерархію новой чиновной аристократіи («Оч.» т. I-й и ниже объ элементѣ «чина» въ этомъ проектѣ). Не разъ повторялись подобныя предложенія и въ проектахъ, поданныхъ Петру его совѣтниками. Но

---

*) На «Симбирской чертѣ», см. «Очерки», т. I (теперешнія Нижегородская, Пензенская и Тамбовская губерніи).

у Петра мало было охоты оживлять «дряблѣе, упадшее дерево» стараго боярства. Изъ всѣхъ аристократическихъ затѣй онъ принялъ только одну — законъ о майоратѣ, но и тотъ, въ его понятіи, долженъ былъ послужить на пользу не высшей аристократіи, а среднему дворянству («Оч.» т. I-й).

Если существовавшій социальный строй ничѣмъ не могъ помѣшать петровской реформѣ, то за то въ немъ не на что было и опереться. Эту опору власти надо было еще создать. Какъ поступилъ въ этомъ случаѣ реформаторъ?

Первыми сотрудниками Петра были, естественно, люди, сдѣлавшіе переворотъ въ его пользу: ему оставалось просто принять это наследство прошлаго. Главные изъ нихъ, Борисъ Голицынъ, Левъ Кир. Нарышкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, какъ нельзя лучше представляли три типичныхъ отѣска тогдашней бюрократіи. Богатый, образованный по новому и лѣтвинный титулованный аристократъ Гедминовичъ, одинъ изъ тѣхъ, которые были не прочь дать феодальную опору старому титулу, Борисъ Голицынъ и въ самомъ дѣлѣ осуществилъ это стремленіе, сдѣлавшись «неограниченнымъ государемъ» Казанскаго дворца. Нарышкинъ — представитель новой придворной знати, снѣшившей воспользоваться случайной близостью къ двору для скорой наживы, человекъ безъ прошлаго, неприготовленный къ власти и избалованный ею. Стрѣшневъ — тонкій и хитрый дѣлецъ, посѣдѣвшій въ приказахъ и умѣвшій держать въ своихъ рукахъ «секретъ всѣхъ дѣлъ». Никто изъ троихъ не понадобится Петру впоследствии: ни титулованный бояринъ, манкирующий дѣлами, ни разжирѣвшій *parvenu*, котораго Петръ замѣнитъ своими, лично ему всѣмъ обязанными; ни приказный владѣлецъ государственныхъ секретовъ, которые Петръ будетъ хранить про себя.

Что касается боярства, среди него были люди, «которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ». Упомянутый выше доносъ на Хованскаго перечислялъ до дюжины такихъ бояръ: «Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Шереметевыхъ двоихъ, И. М. Милославскаго и иныхъ многихъ». Но то была «новая вѣра» Никона и В. В. Голицына, а не «вѣра» Петра. Какъ относились бояре къ новой петровской вѣрѣ и какъ относились, въ свою очередь, къ нимъ самимъ Петръ, это ярко иллюстрируетъ маленькая сцена на похоронахъ Лефорта (1699 г.), записанная Корбомъ. Замѣтивъ, что бояре въ похоронной процессіи перемѣнили порядокъ, насильно занявъ переднее мѣсто, предназначенное для иностранцевъ, Петръ раздраженно крикнулъ: «Это собаки, а не мои

бояре»; а когда послѣ похоронъ бояре спѣшили покинуть домъ Лефорта, какъ только ушелъ царь, — онъ совѣмъ вышелъ изъ себя, тотчасъ вернулся и проговорилъ: «Вы можетъ быть, рады его смерти? Большую пользу вамъ принесла его кончина? Зачѣмъ расходитесь? Или, быть можетъ, отъ большой радости вы не въ состояніи долѣе притворно морщить лица и дѣлать печальный видъ?» Очевидно, это самое желаніе сорвать ненавистную ему маску, обнаружить и наказать предполагаемое притворство — руководило Петромъ, когда онъ заставилъ этихъ самыхъ бояръ собственными руками рубить головы стрѣльцамъ, въ сочувствіи которымъ подозрѣвалъ ихъ.

Только одному Ѳ. Ю. Ромодановскому позволялось открыто порицать иностранцевъ и иностранные обычаи. Петръ цѣнилъ въ немъ то же качество, которое оплакивалъ въ Лефортѣ и которое Куракинъ формулировалъ словами: «его величеству вѣрной такъ былъ, что никто другой». Это было то, чего Петръ искалъ въ своихъ сотрудникахъ прежде всего — и въ чемъ всего труднѣе было его убѣдить, а разъ убѣдивъ, заставить разувѣриться. Среди тревожной обстановки его дѣтства въ немъ выработалось замѣчательное умѣнье притворяться, которому не разъ удивлялись иностранцы, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и непобѣдимое недовѣріе къ искренности его окружающихъ. Эта благопріобрѣтенная черта не позволяла ему до конца жизни ни на кого ни въ чемъ положиться и приводила къ тому же, къ чему и врожденная живость характера: къ желанію, превратившемуся въ потребность, самому все дѣлать, входя съ самыя мелочныя детали каждаго дѣла. «Нерѣдко, — рассказываетъ намъ Юль (1710), — когда въ откровенной бесѣдѣ заходила у насъ рѣчь объ удачѣ и подвигахъ великихъ государей, царь отдавалъ справедливость многимъ правителямъ и государямъ, въ особенности королю французскому (Людовику XIV), ...но большая часть ихъ, прибавлялъ онъ, обязана своими успѣхами многимъ разумнымъ имышленнымъ людямъ, которыми могли пользоваться во всѣхъ, даже наиважнѣйшихъ вопросахъ; между тѣмъ какъ онъ, царь съ самаго вступленія на престолъ, въ важныхъ дѣлахъ почти не имѣетъ помощниковъ и поневолѣ завѣдуетъ всею самъ».

Въ совѣтахъ и совѣтникахъ, у Петра, конечно не было недостатка. Чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ являлось больше. Но это не мѣшало ему чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовать себя одинокимъ, а это усиливало печать индивидуальности, наложенную имъ на свою реформу, — часто къ ея несомнѣнному удержу. Съ своимъ недовѣріемъ

къ людямъ, царь попадалъ въ какой-то заколдованный кругъ. Цѣня въ людяхъ прежде всего испытанную вѣрность себѣ, онъ имѣлъ очень ограниченный выборъ. Ни на одинъ сколько-нибудь отвѣтственный постъ онъ не могъ посадить лицо, дѣйствительно подходящее, а назначалъ фигурантовъ, ничтожества, не имѣвшія никакого понятія о дѣлѣ, которое должны были дѣлать, — только бы можно было положиться на ихъ преданность. Такимъ образомъ, Шереметевъ и Меншиковъ оказались фельдмаршалами, Головинъ и Апраксинъ — адмиралами, Головкинъ — министромъ иностранныхъ дѣлъ и т. д. Правда, онъ не упускалъ случая приставить къ нимъ опытныхъ иностранцевъ-спеціалистовъ, которые собственно и дѣлали дѣло. Такъ были приставлены къ Шереметеву Огильви для арміи, къ Апраксину — Крюкъ для флота, къ Головкину — Шафировъ, а потомъ Остерманъ для дипломатіи. Это, однако, только усилило для Петра необходимость за всеѣмъ слѣдить самому, отчего реформа и получила, вопреки содѣйствію спеціалистовъ, случайный, отрывочный и дилеттантскій характеръ, отражавшій темпераментъ и состояніе знаній самого царя-реформатора. Другимъ послѣдствіемъ той же причины было полное равнодушіе ближайшихъ сотрудниковъ къ самому существу того дѣла, которое они вели. И чѣмъ ихъ положеніе становилось прочнѣе и обезпеченнѣе, тѣмъ сильнѣе обнаруживалось, что они преслѣдуютъ только личные, своекорыстные интересы. Въ другой формѣ, это были тѣ же самые враги реформы, отъ которыхъ царь надѣялся спастись назначеніемъ довѣренныхъ лицъ на отвѣтственные посты. Въ этомъ и заключался тотъ заколдованный кругъ, о которомъ мы говорили.

Энергичный и настойчивый Петръ не хотѣлъ, однако, съ этимъ мириться. Едва онъ замѣчалъ, что лица перестаютъ соответствовать дѣлу, онъ тотчасъ принимался за ломку, какъ бы эти лица ни сдѣлались близки его сердцу. Вотъ почему столько блестящихъ карьеръ, начатыхъ при Петрѣ людьми случая, при немъ же и закончились эшафотомъ и ссылкой. Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ труднѣе становилось вынимать колеса изъ заведенной машины и выдвигать на назначенныя мѣста новыхъ людей. Къ концу царствованія этотъ диссонансъ между вновь сложившейся рутинной и непримиримымъ чуждымъ паря, сохранившимся среди новой обстановки все старыя привычки, вынесенныя изъ Нѣмецкой Слободы, становился все чувствительнѣе и тяжелѣе для обѣихъ сторонъ. Съ своими требованіями полного простора и пустоты кругомъ онъ становился все болѣе анахронизмомъ среди сотканной имъ же паутины новаго житейскаго це-

ремоняла. Окружающие утомлялись отъ этой необходимости быть вѣчно на сторожѣ и сѣнили принасти себѣ кое-что на черный день. Въ концѣ концовъ противъ царя составилъ какой-то молчаливый, пассивный заговоръ, не ускользнувшій, разумѣется, отъ его наблюдательности и только обострившій у него желаніе разорвать паутину. Въ 1719 г., отправляясь въ одну поѣздку, онъ прорвался и сказалъ — не кому другому, какъ Меншикову и Апраксину, — что ему отлично извѣстно, какъ въ сущности они несочувственно относятся ко всѣмъ его мѣропріятіямъ; что умри онъ, — и они непрочъ будутъ бросить завоеванныя провинціи и Петербургъ и оставить на произволъ судьбы флотъ, который стоилъ ему столько труда, крови и денегъ. Исторія съ Монсомъ въ 1724 г. открыла Петру окончательно глаза на то, какъ страшно онъ одинокъ и изолированъ. Онъ колебался между желаніемъ уничтожить все, разсыпать кругомъ страшные удары — и сознаніемъ невозможности начинать такъ поздно все опять сызнова, съ пустого мѣста. Единственнымъ возможнымъ исходомъ изъ этого трагическаго положенія была смерть.

Мы видимъ, что тотъ самый социальный и культурный просторъ который сдѣлалъ возможной поѣдку крайняго направленія реформы, роковымъ образомъ наложилъ на реформу рѣзкую печать индивидуальности Петра, помѣшавъ ему установить взаимное довѣріе между собою и своими сотрудниками и подобрать для реформы подходящихъ людей. При полномъ отсутствіи той междуклѣточной ткани социальныхъ отношеній, которая вырабатывается культурнымъ процессомъ и одна можетъ обезпечить непрерывность социального дѣйствія — при отсутствіи этого необходимаго условія сознательной реформы, Петру поневолѣ приходилось вѣрить въ одного только себя и полагаться лишь на собственные силы.

Но это еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, на кого и на что опирался Петръ, чтобы дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ онъ дѣйствовалъ, бравируя вкусы, привычки, стремленія и интересы какъ ближайшей окружающей среды, такъ и широкой народной массы. Точка опоры у него была, очевидно, вѣдь того и другого — слишкомъ узкаго и слишкомъ широкаго круга. Найти эту точку опоры не трудно: стоитъ лишь вернуться къ первымъ годамъ царствованія Петра.

Напомнимъ здѣсь практическій совѣтъ Самойловича, переданный имъ черезъ думнаго дьяка Украинацева В. В. Голицыну: нужно для укрѣпленія за собой власти держать въ Москвѣ одинъ-два полка надежныхъ людей. Не принесъ пользы В. В. Голицыну, совѣтъ до-

шелъ, однако, — только по другому адресу. Украинцевъ легко могъ передать его Стрѣшневу. Какъ бы то ни было, но съ этого самаго времени (1687) военныя забавы Петра сразу принимаютъ серьезный характеръ. Сознательность этой перемѣны засвидѣтельствована сверстникомъ Петра, однимъ изъ юныхъ спальниковъ, набранныхъ въ «потѣшныя полки», кн. Куракинъ. По его словамъ, Петръ «привелъ себя тѣми малыми полками въ охраненіе отъ сестры», и «началъ приходитъ въ силу». И Шакловитый показалъ, съ другой стороны, что «въ то время (1687) у государя Петра Алексѣевича начали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и оттого возродилось опасеніе», заставившее Софью начать усиленную агитацію среди стрѣльцовъ. Суть новой перемѣны именно заключалась въ томъ, что къ сверстникамъ изъ знатныхъ фамилій, записанныхъ къ Петру въ сотоварищи военныхъ игръ въ придворномъ чинѣ «спальниковъ», присоединены были теперь совсѣмъ простаго происхожденія ребята, «конюхи потѣшной конюшни», а также добровольцы изъ мелкаго дворянства, составившіе вмѣстѣ Преображенскій и Семеновскій полки. Кн. Куракинъ съ сокрушеніемъ замѣчаетъ, что окружающіе Петра лица, всѣ эти Нарышкины, Стрѣшневые, происходя изъ «домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства», «всегда внушали ему съ молодыхъ лѣтъ противъ великихъ фамилій» и что къ этому «и самъ его величество склоннымъ являлся, дабы уничтоженіемъ оныхъ отнять у нихъ пувуаръ весь и учинить бы себя наибольшимъ сувренѣмъ». Самъ Куракинъ пострадалъ отъ этого «уничтоженія великихъ фамилій»; и онъ, вмѣстѣ съ другими «знатыми персонами», былъ «отдаленъ», несмотря на свое званіе спальника. «Во всѣ комнатныя службы вошли отъ того времени (люди) престога народу».

Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ шаговъ Петра мы встрѣчаемъ обдуманную и сознательную систему устраненія аристократіи и привлеченія мелкаго дворянства, организованнаго въ гвардейскіе полки, для поддержки и усиленія власти государя. Если отъ начала царствованія перейдемъ къ концу, то встрѣтимъ тамъ ту же самую черту: она прошла неизмѣнной сквозь всѣ перипетіи реформы. Петербургскія попойки того времени приходили въ нѣсколько болѣе приличной обстановкѣ и носили болѣе утонченный характеръ, чѣмъ московскія. Но одинъ моментъ, очевидно сохранившійся въ неприкосновенности отъ московскаго времени, вселялъ особенный страхъ и ужасъ въ иностранцевъ, обязанныхъ посѣщать эти увеселенія по торжественнымъ случаямъ. Это — тотъ моментъ, когда «человѣкъ шесть гвардейскихъ гренадеръ вносили на носилкахъ большія вед-

ра съ самой простой сивухой, запахъ которой слышенъ былъ за сто шаговъ». За гренадерами шли майоры гвардіи, которые приглашали желающихъ и нежелающихъ пить изъ большого ковша, подносимаго рядовымъ, за здоровье ихъ полковника, т. е. царя. Отказаться было невозможно: иностранцамъ объясняли, «что царь приказываетъ подавать именно это вино — изъ любви къ гвардіи, которую онъ всячески старается тѣшить, часто говоря, что между гвардейцами нѣтъ ни одного, которому бы онъ смѣло не рѣшился поручить свою жизнь». Тотъ же Берхгольцъ, которому принадлежать эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что въ обоихъ гвардейскихъ полкахъ «большая часть рядовыхъ, по крайней мѣрѣ, очень многіе изъ нихъ, — князья, дворяне или унтеръ-офицеры изъ армейскихъ полковъ».

Мы имѣемъ наглядное доказательство того высшего довѣрія, которое Петръ, вообще такой недовѣрчивый, выказывалъ своей дворянской гвардіи. Въ ту пору, когда, какъ мы видѣли, онъ сталъ сомнѣваться въ своихъ ближайшихъ сотрудникахъ и товарищахъ, — для того, чтобы разслѣдовать ихъ темныя дѣла, наказывать ихъ и вообще дать имъ понять, что онъ можетъ обойтись и безъ нихъ, — Петръ не нашелъ ничего лучшаго, какъ обратиться къ своимъ майорамъ гвардіи. Это былъ его послѣдній ресурсъ. Майоры, полковники и капитаны гвардіи явились председателями слѣдственныхъ комиссій и членами судовъ, обнаружившихъ цѣлый рядъ хищеній и безпорядковъ въ дѣятельности ближайшихъ помощниковъ Петра. Извѣстенъ рассказъ Фокеродта, что въ послѣдній годъ жизни Петръ, «потерявъ всякое терпѣніе», самъ вошелъ во все подробности слѣдственныхъ дѣлъ, посадилъ возлѣ себя, въ особой комнатѣ своего дворца, одного изъ такихъ довѣренныхъ людей, генераль-фискала Мякинина, и на его вопросъ, отсѣкать-ли вѣтви, или рубить самый корень, отвѣтилъ: «искореняй все». Не менѣе любопытно и то, что Петръ насильно заставилъ дворянство принимать участіе въ выборахъ, и не только въ выборахъ мѣстныхъ чиновниковъ (земскихъ комиссаровъ), но и въ выборахъ, посредствомъ баллотировки, высшихъ должностныхъ лицъ въ государствѣ. Такъ въ 1722 г. выборы президента юстицъ-коллегіи произведены были съ участіемъ генераль-майоровъ, майоровъ и другихъ офицеровъ гвардіи, а также 100 человекъ выборныхъ отъ дворянства. Мы увидимъ скоро, что путь указанный Петромъ дворянству къ достиженію положенія правящаго сословія, не былъ забытъ послѣ его смерти.

Мы познакомились теперь съ тѣми причинами индивидуальнаго характера реформы, которая лежала въ условіяхъ обстановки. Намъ

остается посмотреть, какъ именно и какія индивидуальныя черты личности Петра отразились на его реформѣ.

Относительно размѣровъ и характера личнаго вліянія Петра на реформу — уже его современники сильно расходились во мнѣніяхъ. Видя, какъ Петръ вездѣ — самъ, вездѣ — одинъ, окружающіе, естественно, получали впечатлѣніе, что Петръ полный хозяинъ своей реформы. Онъ все знаетъ, все видитъ, все можетъ, все дѣлаетъ; онъ, какъ выразился Юль, «лично одаренъ столь совершеннымъ и высокимъ умомъ и познаніями, что одинъ можетъ управлять всѣмъ». Даже тѣ грубыя забавы, въ которыхъ могла находить удовольствіе чуждая всякой тонкости натура Петра, получали съ этой точки зрѣнія скрытый символическій, или, — какъ выразится Фокеродтъ, — «гіероглифическій» смыслъ. Его почти ежедневныя попойки, приводившія въ такой ужасъ иностранныхъ дипломатовъ и не прекращавшіяся со времени перваго выѣзда въ Слободу до послѣдняго мѣсяца жизни, представлялись важнымъ орудіемъ государственной машины, — какъ способъ узнавать тайныя мысли опьянѣвшихъ собесѣдниковъ. Привычка Петра стравливать, при помощи шутовъ, своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, изобильно награждавшихъ при этомъ другъ друга плевками, пощечинами и выводившихъ на свѣжую воду взаимныя грѣхи, казалась могущественнымъ средствомъ правительственнаго контроля. Наконецъ, даже и неожиданныя выходки и венушки самого Петра принимали видъ заранее обдуманыхъ наполеоновскихъ приѣмовъ, такъ какъ хотя и «нѣтъ никакой возможности догадаться, дѣйствуетъ ли онъ преднамѣренно или нѣтъ, но, конечно, вѣрнѣе предположить, что государь такого ума говоритъ подобныя вещи не сироста и не иначе, какъ нарочно» (Юль). Словомъ, не довольствуясь тѣмъ несомнѣннымъ выводомъ, что Петръ извлекаетъ выгоды изъ примитивности окружающихъ его отношеній, его поклонники готовы были заключить, что самая примитивность отношеній — есть продуктъ высшей государственной мудрости Петра. По выраженію Фокеродта, они «вообразили себѣ, что во всѣхъ поступкахъ этого монарха должна скрываться почти сверхчеловѣческая мудрость». Русскіе поклонники Петра скоро такъ и будутъ называть его — «земнымъ богомъ».

Однако, присмотрѣвшись ближе, наиболее проницательные изъ современныхъ наблюдателей начинали наталкиваться на цѣлый рядъ мелочей и важныхъ вещей, которыя нельзя было объяснить съ только что указанной точки зрѣнія. Тотъ же Юль видитъ, какъ царь по цѣлымъ днямъ запирается у себя въ Преображенской избѣ или не-

петербургскомъ домикѣ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и точить на своемъ станкѣ такъ усердно, «какъ будто бы работалъ за деньги и снискивалъ себѣ этимъ трудомъ пропитаніе»: или ловить его на попойкахъ, чтобы поговорить о важныхъ дѣлахъ, для которыхъ не назначено никакихъ опредѣленныхъ дней: или застаеть его самолично сортирующимъ рекрутовъ. И онъ удивляется все больше и больше. «Непосвященный подумалъ бы, что никакого другого дѣла у него нѣтъ, тогда какъ во всей Россіи дѣла — гражданскія, военныя и церковныя — вѣдаются имъ однимъ, безъ особой помощи другихъ!» Болѣе посвященный, Фокеродтъ, не удивлялся, такъ какъ хорошо зналъ, какъ вѣдались всѣ эти дѣла въ петровской Россіи. Онъ зналъ, что «объ улучшеніяхъ во внутреннемъ государственномъ строѣ... Петръ почти не заботился или даже вовсе не заботился въ первые 30 (вѣрнѣе, 20) лѣтъ своего царствованія, лишь бы у флота и арміи было довольно денегъ, лѣса, рекрутъ, матросовъ, провіанта и аммуниціи»; что война и, насколько было для нея необходимо, иностранныя дѣла поглощали все его вниманіе. И какъ разъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, самомъ близкомъ сердцу Петра, Юль, самъ морякъ-специалистъ и военный, наткнулся на такія вещи, которыя окончательно рѣшили его взглядъ на личную роль Петра въ его реформѣ. Въ маѣ 1710 г. Петръ со всей эскадрой отправился изъ Петербурга къ Выборгу, причемъ 1) «весь фарватеръ былъ еще покрытъ пловучимъ льдомъ», 2) «во всемъ флотѣ не было человѣка, знакомаго съ фарватеромъ», 3) суда, построенныя изъ ели, были «большею частью непригодны для морского плаванія», 4) управление карбасами было поручено «крестьянамъ и солдатамъ, едва умѣвшимъ грести однимъ весломъ. Въ результатѣ весь флотъ едва справился съ погодой и только потому не сдѣлался жертвой шведской эскадры, что та случайно явилась двумя днями позже. Экспедиція, которая по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ должна была кончиться катастрофой, рѣшила взятіе Выборга,—и честный датчанинъ могъ только, разведя руками цитировать Квинта Курція и Цицерона: «*temeritas in gloriam cessit; ut multum virtuti, plurimum tamen felicitati debes*» *). «Если ужъ какому государю суждено стать великимъ, Господь Богъ благопріятствуетъ ему во всемъ, какъ бы ни было предпринято самое дѣло».

Изъ двухъ противоположныхъ мнѣній, которое же ближе къ ис-

---

*) Опрометчивость обратилась въ славу. Хотя ты (Цезарь) многимъ обязанъ своимъ талантамъ, но болѣе всего обязанъ удачѣ.

тинъ? Былъ ли Петръ самъ своимъ промысломъ или промысль сдѣлалъ свое дѣло помимо него и даже вопреки его поступкамъ? Мы не можемъ рѣшить этого вопроса, не познакомившись внимательнѣе съ тѣмъ, въ какой степени сознательно самъ Петръ относился къ своей реформѣ.

Ни русская современность, ни личный психическій складъ, ни условія воспитанія не могли создать у Петра привычки къ отвлеченному мышленію. Мы, слѣдовательно, не должны ожидать, чтобы Петръ на вопросъ объ общемъ значеніи своей реформы, о ея роли въ исторической связи явленій — отвѣтилъ намъ соціологическимъ трактатомъ. Когда ему приходится объ этомъ говорить — а это бываетъ нечасто — онъ просто повторяетъ то, что говорятъ кругомъ него иностранцы по этому поводу. Въ самомъ началѣ реформы мы слышимъ отъ Корба, что молодой царь предпочитаетъ забавамъ прежнихъ государей *«тяжелыя забавы любителей славы: военное искусство, потѣшныя огни, пушечную пальбу, кораблестроеніе»*. Этотъ мотивъ крѣпко засѣлъ въ памяти Петра: черезъ полтора десятка лѣтъ (1715) онъ въ этихъ самыхъ выраженіяхъ старается втолковать царевичу Алексѣю важность своихъ раннихъ увлеченій, противопоставляя свои «тяжкія забавы» — «легкимъ забавамъ» отца и брата. Тотъ же Корбъ указываетъ и источникъ этого юношескаго настроенія: «Лефорть указалъ царю истинный путь къ славѣ и, возбуждая его къ военнымъ подвигамъ, питалъ въ немъ стремленіе къ послѣдней». Итакъ, слава, какъ смутная цѣль, а какъ ея средства и атрибуты — армія и флотъ, салюты и фейерверки, — вотъ что рисовалось въ фантазіи будущаго реформатора въ моментъ первыхъ, подсказанныхъ, дѣйствительно, Лефортомъ, предпріятій: азовскихъ походовъ и заграничной поѣздки. И до конца своего царствованія Петръ не потерялъ чувствительности къ славѣ: онъ не прочь потягаться при случаѣ съ Константиномъ Великимъ и Александромъ Македонскимъ: «Александръ построилъ Дербентъ, а Петръ его взялъ»; «Людовику помогали, а Петръ все сдѣлалъ одинъ». Корабль, на которомъ онъ командовалъ — безъ всякихъ, впрочемъ, результатовъ — флотами четырехъ державъ (изъ которыхъ двѣ были представлены номинально), — этотъ корабль онъ пожелалъ сохранить для потомства. Но Петръ слишкомъ прозаическая натура, чтобы вдаваться въ сентиментальности, слишкомъ большой утилитаристъ, чтобы связывать съ понятіемъ «славы» то представленіе, какое съ ней связываютъ иностранцы. Тѣ думаютъ при этомъ словѣ, прежде всего, о добромъ имени въ европейской семьѣ народовъ, о приобщеніи варварскаго наро-

да къ цивилизаціи и гуманности. Петръ, напротивъ, постоянно подчеркиваетъ, что «слава» состоитъ въ могуществѣ Россіи и въ грозномъ положеніи, приобрѣтенномъ ею въ короткое время среди европейскихъ державъ. Желая доказать необходимость сѣверной войны (въ памфлетѣ, написанномъ Шафировымъ), онъ упоминаетъ, конечно, что, благодаря войнѣ, мы «получили такія славы». Но тотчасъ же спѣшитъ прибавить «*наше же* — безопасство» отъ сосѣдей: «могу сказать, что никого такъ не боятся, какъ насъ, за что Господу силъ да будетъ выну слава». Такимъ образомъ, къ политикѣ Петра вполне относится выводъ Фокеродта: «можно считать несомнѣннымъ, что простой русскій человѣкъ во всѣхъ своихъ поступкахъ съ иностранцами ничего другого не имѣетъ въ виду, кромѣ собственной выгоды, и меньше всего приходитъ ему въ голову думать о томъ, чтобы дать иностранцамъ выгодное понятіе о собственной особѣ». Горькимъ опытомъ иностранцы на каждомъ шагѣ убѣждались, что такія нерусскія слова, какъ «*gloire, opinion (publique), point d'honneur*» — для русскихъ пустые звуки. Они смѣются надъ тѣмъ, кто готовъ добиваться «идейнаго блага» цѣной «реального ущерба»; поэтому они не признаютъ никакихъ обязательствъ, разъ послѣднія приходятъ въ коллизію съ ихъ ближайшими интересами, и поступаютъ, какъ имъ выгодно, предоставляя думать о себѣ, что угодно. Никакими убѣжденіями нельзя заставить ихъ повѣрить, что чужое мнѣніе можетъ опредѣлять ихъ поступки, что хорошая репутація нужна — даже съ точки зрѣнія личной выгоды. Они дѣйствуютъ, какъ купецъ, который фальсифицируетъ товаръ, не думая, что за то у него никто больше не купитъ. Всѣ эти наблюденія почти дословно повторяются иностранцами и въ началѣ (Корбъ), и въ серединѣ (Юль) и въ концѣ царствованія (Фокеродтъ). Такимъ образомъ, надо всегда помнить, что въ реформѣ Петра «слава» есть не идеальная цѣль, а вполне реальное средство. Пользованіе этимъ средствомъ ничего не имѣетъ общаго съ желаніемъ — заслужить репутацію цивилизованнаго народа.

Но, однако же, стремленіе къ «славы» къ чему-нибудь обязывало не только во внѣшней, а и во внутренней политикѣ? Петръ не разъ говорилъ иностранцамъ, что его миссія въ этомъ отношеніи — превратить «скотовъ въ людей». Въ своихъ обращеніяхъ къ подданнымъ онъ выражается нѣсколько мягче: онъ хочетъ превратить «дѣтей» во «взрослыхъ». Суть его мысли, однако же, — еще мягче, чѣмъ эти сердитыя выраженія. Не воспитанный самъ, онъ уже просто потому не можетъ быть воспитателемъ и педагогомъ своего народа, что не имѣетъ представленія ни о задачахъ, ни о приемахъ педагогич. Мы

это видѣли на отношеніи первыхъ петровскихъ школъ къ учащимся («Очерки» II, VII, 3). Своихъ «дѣтей» Петръ, въ сущности, трактуетъ какъ взрослыхъ, и дѣло сводится совсѣмъ не къ воспитанію, а къ самообученію, къ усвоенію извѣстныхъ техническихъ приѣмовъ и навыковъ. Петръ разсуждаетъ при этомъ приблизительно такъ, какъ заставляетъ его разсуждать Корбъ по тому же поводу. «Русскіе не хуже другихъ народовъ одарены отъ природы. У насъ такіе же руки, глаза и тѣлесныя способности, какъ у людей другихъ націй; если тѣ развили свой умъ, то почему же намъ не развить его: развѣ мы какіе-нибудь выродки человѣческаго рода? Умъ у насъ такой-же, и усилвать мы будемъ такъ же, *если только заготовимъ*». Такимъ образомъ, задача реформы весьма упрощалась. Стоило только захотѣть, — какъ захотѣлъ самъ царь — и можно было немедленно стать въ уровень съ европейской культурой. Нужно было только пріобрѣсти необходимыя знанія. Пріобрѣтя ихъ, можно было затѣмъ обійтись безъ дальнѣйшихъ услугъ иностранцевъ, т. е. просто прогнать ихъ. Именно такъ и выражался Петръ, по словамъ неизданныхъ записокъ Остермана: «намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней можемъ повернуться задомъ». Какъ видимъ, это совсѣмъ не такъ далеко отъ программы Крижанича.

Что касается того, чтобы «захотѣть», — въ этомъ у Петра недостатка не было. Воли у него было въ избыткѣ. Слѣдовательно, оставалось только «приневолить» своихъ подданныхъ — научиться тому, чему онъ самъ научился въ Нѣмецкой Слободѣ. Думалъ-ли Петръ о томъ, что это было далеко не все, чему можно было вообще научиться у Запада? Понималъ-ли, что самому цѣлному, что было въ содержаніи европейской культуры, вообще нельзя «научиться» такъ просто, а надо это нажить самимъ, воспитать въ себѣ — совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ онъ воспитывалъ своихъ современниковъ? Если даже и думалъ и понималъ, то, какъ человѣкъ практическій, онъ, конечно, не остановился бы на томъ, что было не въ его власти сдѣлать. Но чего онъ, навѣрное и не подозревалъ вовсе — это то, что настоящая культура, съ ея условными и обязательными формами житейскаго общенія, съ ея уваженіемъ къ чужой личности, сдѣлала бы его собственные приемы насажденія культуры совершенно неприемлемыми и невозможными.

Такимъ образомъ, въ реформаціонныхъ задачахъ и приѣмахъ своей внутренней политики, въ самыхъ даже крайностяхъ и увлеченіяхъ европеизмомъ — и именно въ этихъ крайностяхъ — Петръ остался, какъ и во внѣшней политикѣ, глубоко національнымъ, чело-

вѣкомъ своего времени и общества. Онъ могъ научить окружающихъ только тому, чему самъ научился: а самъ научился немному: и только это немного и можно было внушить подданнымъ тѣми способами, какими внушалъ онъ. Слѣдовательно, его культурная реформа стояла совершенно на уровнѣ его времени.

Ввести такимъ образомъ можно было только виѣшность культуры. Иностранцы очень хорошо замѣчали, что новые «болѣе мягкіе нравы» русскихъ суть только «подражаніе смягченнымъ обычаямъ» (Корбѣ), и что «хотя по виѣшности они и отесаны немного и одѣты во французское платье, тѣмъ не менѣе внутри ихъ сидитъ прежній мужикъ (Юль)». Доказательства многочисленны и общезвѣстны. Но чтобы дать почувствовать наглядно, чего не хватало этой новонасажденной культурѣ сравнительно съ ея источникомъ, приведемъ маленькій эпизодъ столкновенія двухъ культуръ, — изъ воспоминаній того же Юля. Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ городкѣ Торнѣ, давшемъ пріютъ Екатеринѣ въ 1711 г. «Я былъ пополуночи въ церкви, — рассказываетъ Юль, — и пѣлъ вмѣстѣ съ остальной паствой. Вдругъ я замѣтилъ, что церковныя двери отворились, и въ нихъ появилась будущая (вѣнчаніе было въ 1712 г.) супруга царя съ лицами своей свиты. Онѣ колебались, стоя на порогѣ, войти или вѣтъ; но, увидавъ меня, вошли и помѣстились на моей скамьѣ — въ мужскомъ отдѣленіи — по двѣ женщины съ каждой стороны, чѣмъ привели меня въ крайнее смущеніе. Когда вслѣдъ за ними устремились ко мнѣ еще нѣсколько женщинъ, я, какъ бы уступая имъ мѣсто, перешелъ съ моей скамьи и занялъ другую. Виѣ отдѣлений для молящихся стояло много русскихъ гвардейскихъ офицеровъ: они говорили, кричали и шумѣли, точно въ трактирѣ. Когда священникъ, войдя на каостру, началъ говорить проповѣдь, женщины, успѣвшія соскучиться, вышли изъ отдѣлений и стали обходить церковь, осматривая ея убранство и громко болтая... Такъ какъ проповѣдь все продолжалась, то царица послала сказать пастору, чтобы онъ кончилъ... По окончаніи проповѣди, царица, услышавшая отъ кого-то, будто въ этой церкви похоронена Пресвятая Дѣва Марія, послала просить, чтобы останки (Божіей Матери) были выкопаны и переданы ей для перенесенія въ Россію»...

Не слѣдуетъ, однако же, чрезчуръ низко цѣнить значенія той чисто виѣшной прививки новыхъ культурныхъ элементовъ, которою, по необходимости, ограничилась реформа Петра. Эти формы, пока еще не наполненныя содержаніемъ, были, однако же, ассоціированы съ *известнымъ*, волиѣ опредѣленнымъ содержаніемъ, отрицавшимъ

соответственное содержаніе русской старины. Виѣшность, т.-е. одежда, пища, жилище, все это — части нѣмого языка культуры, который говоритъ тѣмъ краснорѣчивѣе, чѣмъ рѣзче противорѣчитъ окружающей виѣшности. Завоевать право на такое открытое противорѣчіе — значитъ очистить путь новой идеѣ, новому соціальному факту, преодолѣть важное препятствіе для его вступленія въ жизнь. Такой фанатическій противникъ петровской культурной виѣшности, какъ Константинъ Аксаковъ, лучше всѣхъ западниковъ понималъ важности этого перваго шага Петра и на себѣ испыталъ всю трудность, попытавшись при имп. Николаѣ I взволновать дворянскіе умы обратной реформой — пронагандой бороды и русской рубашки. Если эта параллель покажется неубѣдительною, напомнимъ другую, одинаковаго характера съ петровскою: напомнимъ, какихъ усилій стоили и какими протестами сопровождались въ *образованномъ* русскомъ обществѣ стриженные волосы эмансипированной женщины. Для стриженной бороды эмансипированнаго мужчины среди народной массы петровскаго времени — это сравненіе, впрочемъ, будетъ слишкомъ слабо. Тотъ, кто бывалъ въ турецкой старой провинціи и знаетъ, какому серьезому риску подвергалъ себя мѣстный обыватель, который вздумалъ бы замѣнить феску европейской шляпой, тотъ еще можетъ наглядно представить себѣ все соціологическое значеніе стриженной бороды и венгерскаго костюма въ петровской Россіи.

Какъ-бы то ни было, воплѣ сознательнаго отношенія къ заимствуемой культурѣ, полнаго пониманія того, въ чемъ состоитъ ея содержаніе, невозможно искать ни въ реформаторѣ, ни въ реформѣ. Но суживая и упрощая задачи реформы, можетъ быть, за то реформаторъ остался ея полнымъ хозяиномъ въ этой болѣе ограниченной сферѣ? Можетъ быть, не овладѣвъ воплѣ оригиналомъ, онъ за то въ упрощенную копію внесъ все, что желалъ и какъ желалъ?

Нельзя сказать и этого. Чтобы охватить реформу въ ея цѣломъ, предварительно ее обдумать, распланировать и затѣмъ осуществлять въ извѣстной послѣдовательности и системѣ, для этого у Петра было слишкомъ мало знаній и времени, а главное — неподходящая натура. Та же непосредственность натуры, которая исключала пониманіе болѣе глубокихъ и тонкихъ сторонъ европейской культуры, едѣлала невозможной и систематически-обдуманную дѣятельность. Задерживающіе центры работаютъ еще слишкомъ слабо въ этомъ мозговомъ аппаратѣ. «Продолжительное занятіе однимъ и тѣмъ же дѣломъ повергаетъ Петра въ состояніе внутренняго безпокойства», замѣчаетъ Юль. За то, если Петра займетъ какая-нибудь мысль, она должна

быть осуществлена немедленно. Онъ прѣзжаетъ въ Дрезденъ: онъ былъ цѣлый день въ дорогѣ, люди измучены: уже вечеръ, время ужина. Ничего не значить: Петръ хочетъ видѣть кунсткамеру, — нужно отпереть ее, зажечь свѣчи и показывать ее Петру цѣлую ночь. Известная нервная болѣзнь Петра еще усиливаетъ эту импульсивность, эту быстроту переходовъ отъ настроенія къ поступку и отъ настроенія къ настроенію. Въ январѣ 1710 г., веселый и радостный, онъ празднуетъ въ Москвѣ триумфальнымъ шествіемъ Полтавскую побѣду. Вдругъ онъ оставилъ свое мѣсто въ процессіи и во весь опоръ проскакалъ мимо кареты канцлера, въ которой сидѣлъ Юль. «Лицо его было чрезвычайно блѣдно, искажено и уродливо. Онъ дѣлалъ страшныя гримасы и движенія головой, ртомъ, руками, плечами, кистями рукъ и ступнями. Мы вышли изъ кареты и увидали, — какъ царь, подѣхавъ къ одному простому солдату, несшему шведское знамя, сталъ безжалостно рубить его обнаженнымъ мечомъ и осыпая ударами, — быть можетъ, за то, что тотъ шелъ не такъ, какъ хотѣлъ царь. Затѣмъ царь остановилъ свою лошадь, но все продолжалъ дѣлать гримасы, вертѣлъ головой, кривилъ ротъ, заводилъ глаза, подергивалъ руками и плечами и дрыгалъ взадъ и впередъ ногами... Никто не смѣлъ къ нему подойти, такъ какъ видѣли, что царь сердитъ и чѣмъ-то раздосадованъ». Съ такимъ темпераментомъ Петръ всегда страстно предавался дѣлу, которое интересовало его въ данную минуту, и забывалъ обо всемъ остальномъ. Его работа распадалась на детали, въ которыя Петръ погружался всецѣло: въ нихъ онъ чувствовалъ свою силу, ими наполнялъ безъ остатка свое время, на нихъ удовлетворялъ своей потребности труда. Но общій планъ этимъ самымъ отодвигался на второе мѣсто; на немъ сосредоточивать мысль было уже некогда, да и непривычно. Вотъ почему Петръ поставленъ былъ въ необходимость искать ресурсовъ, импульсовъ для своей детальной работы — извнѣ. Вотъ почему онъ такъ жадно ловилъ всякія указанія и совѣты со стороны и такъ быстро пускалъ ихъ въ оборотъ, не согласовавъ и не продумавъ, только бы они подходили сколько-нибудь къ общему направленію его интереса въ данный моментъ.

Такого рода общее направленіе было, конечно, и у Петра. Но оно опредѣляло характеръ его работы только въ самыхъ общихъ, черезчуръ общихъ чертахъ. Не охватывая однимъ взглядомъ всей своей реформы, не представляя себѣ отчетливо тѣхъ процессовъ, которые вызваны были его-же дѣйствіями, но не прямо, а косвенно, — и фактически совершались, ускользая отъ его глазъ или отъ его вниманія, — Петръ схематизировалъ реформу въ своемъ сознаніи

очень поверхностно и грубо. Онъ твердо зналъ во всю первую половину царствованія только одно, самое главное: что надо во что бы то ни стало побѣдить непріятеля. Для его любимыхъ наклонностей, для его привычныхъ занятій — война слишкомъ много давала пищи, чтобы онъ еще захотѣлъ думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ того, что такъ или иначе, прямо или косвенно, относилось къ усиленію его военныхъ ресурсовъ. Только впоследствии, помимо «рощенія российской славы», его стало занимать также и «введеніе добрыхъ порядковъ». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ сосредоточивается на этой второй мысли. Въ 1719 г. французскій дипломатъ Ла-Ви записываетъ рѣчь, которую Петръ держалъ передъ отъѣздомъ въ Олонецъ. После того, какъ достигнута вѣшняя безопасность, говоритъ царь, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы прекратить эксплуатацію народа продажными чиновниками и судьями; обязанность монарха — охранить народъ отъ всякой несправедливости и искоренить самыми сильными средствами нечестность и испорченность бюрократіи. И, въ отвѣтъ на пышныя похвалы сената, предлагающаго Петру, по случаю Ништадскаго мира, титулы «отца отечества» и «императора всероссийскаго» — за то, что онъ вывелъ Россію «изъ тьмы невѣдѣнія (т. е., неизвѣстности) на оеатръ славы всего свѣта», царь говоритъ знаменательныя слова: «надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, — дабы съ нами не такъ случилось, какъ съ монархіею греческой; (но также) надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ... отъ чего обдѣгченъ будетъ народъ».

Въ общемъ — задача опредѣлена такъ-же вѣрно и мѣтко, какъ и задача первой части царствованія. Но опять между этимъ общимъ опредѣленіемъ и деталями, между цѣлью и средствами лежитъ огромный пробѣлъ, заключающійся въ отсутствіи общаго плана и въ невозможности для Петра его заблаговременно обдумать и систематически осуществить. По старой привычкѣ, Петръ обращается къ средству уже испытанному. Если въ устройствѣ арміи помогла иностранная техника, то отчего не поможетъ она и въ «введеніи добрыхъ порядковъ»? Эти «добрые порядки» ему представляются какимъ-то секретомъ — вродѣ новаго тактическаго пріема или ружья усовершенствованнаго образца, — который иностранцы таятъ про себя и который стоитъ только узнать, чтобы все пошло какъ по маслу. Уже въ 1709 г. онъ такъ и говоритъ Юлю: этотъ секретъ скрываютъ отъ него пруссаки. «Когда онъ собирался, во время заграничнаго путешествія, идти моремъ изъ Пиллау въ Кольбергъ, то бранденбургцы старались увѣрить его, будто по Балтійскому морю во множествѣ хо-

дять турки и корсары, чтобы напугать этимъ и отклонить отъ поѣздки, которая-бы могла открыть ему глаза, ознакомивъ его съ состояніемъ другихъ краевъ, и тѣмъ способствовала-бы устройству собственного его государства по образцу Европы». Но Петръ перехитритъ иностранцевъ. Тайно, не говоря никому ни слова, онъ пошлетъ въ Швецію голицинскаго камеръ-рата Фика, чтобы списать по секрету все шведскіе уставы и регламенты. Затѣмъ, останется только перевести ихъ на русскій языкъ и ввести у себя дома (Ср. «Оч.» т. I-й).

Итакъ, вотъ какъ Петръ схематизировалъ свою реформу: сперва внѣшняя безопасность, потомъ внутренній порядокъ и правосудіе. Не надо, однако, забывать, что и эта схема вырабатывается только ко второй половинѣ царствованія*), такъ сказать *post factum*, — послѣ того, какъ юношескія мечты о славѣ и военныхъ забавахъ все равно втянули Петра въ войну, а постепенно развившееся недовѣріе къ ближайшимъ сотрудникамъ все равно заставило принять усиленные мѣры контроля**). И даже въ своемъ наиболѣе разработанномъ видѣ эта схема не можетъ замѣнить сознательно разработаннаго плана реформы, такъ какъ она для этого слишкомъ обща.

За отсутствіемъ идей, остается одно только чувство, постоянно возвышающее Петра надъ всеми мелочами и деталями, въ которыхъ онъ ежеминутно захлебывается. Это чувство — очень сильно развитое въ Петрѣ и единственное, которое его дисциплинируетъ, замѣняетъ для него все сдержки, которыхъ не дало воспитаніе. Это чувство своей отвѣтственности, чувство долга, обязанности извнѣ наложенной. Любопытно, что и это сознаніе долга передъ родиной обле-

---

*) Первое упоминаніе о ней находимъ въ знаменитомъ письмѣ къ сыну (1715 г.): «два необходимыхъ дѣла къ правленію — еже распорядокъ и оборона». Тутъ и упоминаніе о греческой монархii, погибшей отъ пренебреженія къ воинскому дѣлу, и о «тяжкихъ забавахъ», необходимыхъ для государя: видно, что философія собственного царствованія далась Петру не легко, запечатлѣлась въ его умѣ лапидарными штрихами и пускалась въ ходъ лишь по особо торжественнымъ случаямъ, всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

**) Надо замѣтить, что кн. Куракинъ, въ одно слово съ жертвами Преображенской канцеляріи, утверждаютъ, что съ первыхъ годовъ петровскаго царствованія «началось неправное правленіе отъ судей и мздоимство великое и кража государственная»; онъ прибавляетъ, что все это «донынѣ продолжается (1727) съ умноженіемъ и вывести сію язву трудно».

гается у Петра въ форму, наиболѣе понятную для него и для окружающихъ, — въ форму, заимствованную изъ военной службы, военной дисциплины. Онъ *служитъ* отечеству — не только какъ царь, какъ «первый слуга», какъ Фридрихъ Великій; нѣтъ — онъ прежде всего служитъ, какъ барабанщикъ, бомбардиръ, шаутбенахтъ, вице-адмиралъ. Въ Полтавской битвѣ онъ командуетъ своей отдѣльной частью, подвергаясь въ этотъ рѣшительный для его реформы моментъ одинаковой опасности со всѣми, хотя исходъ битвы можно считать предрѣшеннымъ. Въ 1713 г. вице-адмиралъ Крюкъ предостерегаетъ Петра отъ рискованной морской авантюры. Петръ отвѣчаетъ: брать жалованье и не служить — стыдно. Во всемъ этомъ есть доля позы и доля бѣдствія. Но во всей дѣятельности Петра мы не найдемъ другой болѣе глубокой, болѣе укоренившейся, почти сдѣлавшейся инстинктомъ, руководящей идеи, кромѣ этой идеи службы. И когда, въ послѣдній годъ жизни, онъ захочетъ втолковать своимъ подданнымъ ихъ обязанности къ народу, необходимость быть честными, не лгать, не грабить казну и не брать взятки, онъ не найдетъ иного способа, какъ распространить на эту сферу гражданскихъ отношеній тѣ же понятія военной службы и дисциплины. «Преступившихъ добровольно и сознательно въ дѣлахъ своей должности надлежитъ наказывать такъ же, какъ измѣнника, нарушившаго свою обязанность во время боя, — ибо это преступленіе хуже измѣны: измѣну, увидавъ, можно остережеться, — а здѣсь не всякій остережется, такъ какъ скрытое преступленіе можетъ долго теченіе свое имѣть». Погрѣшившій начальникъ не будетъ въ состояніи сдерживать подчиненныхъ, «и такъ мало-по-малу всѣ въ безстрашіе придутъ и людей въ государствѣ разорять, и, такимъ образомъ, хуже измѣны отдѣльнаго лица можетъ быть государству не только бѣдствіе, но и окончательное паденіе (тутъ, вѣроятно, опять рисуется Петру «монархія греческая»).

Чувство долга, безъ сомнѣнія, помогаетъ Петру — среди всѣхъ колебаній и превратности судьбы, среди собственныхъ увлеченій и капризовъ сохранить постоянное направленіе воли, переустроить своихъ враговъ, своихъ союзниковъ, своихъ сотрудниковъ и свой народъ въ стремленіи къ достиженію разъ поставленной цѣли. Но замѣнить опредѣленнаго плана, дать дѣйствіямъ Петра систему — и это чувство не можетъ.

Отсутствіе такого плана и системы, безъ сомнѣнія, должны были лишить реформатора возможности господствовать надъ реформой, руководить ея ходомъ вполне сознательно и цѣлесообразно. Другими словами, личное его вліяніе на реформу сильно сокращалось въ раз-

мѣрахъ при этомъ условіи. Но то же самое условіе дѣлало особенно рельефной, особенно замѣтной со стороны ту долю личнаго участія, которая все-таки оставалась. Личное участіе царя въ реформѣ, конечно, гораздо болѣе скрадывалось бы, если бы въ ней все совершалось въ свое время на своемъ мѣстѣ, при помощи разъ избранныхъ и приставленныхъ къ дѣлу посредниковъ и исполнителей. Но когда все распадалось на рядъ отдѣльных, отрывочныхъ экспериментовъ, единичныхъ толчковъ, всякій разъ исправлявшихъ и замѣнявшихъ другъ друга и всякій разъ продиктованныхъ личнымъ усмотрѣніемъ Петра, тогда, разумѣется, вмѣшательство личности царя должно было чувствоваться и требоваться на каждомъ шагѣ. Если это была «промысль», то отнюдь не деистской, а скорѣе фетишистской религіи: за отсутствіемъ общаго закона столько актовъ воли, сколько поступковъ. И здѣсь, конечно, сейчасъ же надо сдѣлать оговорку. Всѣ эти поступки, безъ сомнѣнія, не являлись безусловно изолированными, вполнѣ чуждыми одинъ другому. Если въ этой примитивной натурѣ не было твердаго скелета мысли, то за то не было и никакого упорства систематика. Не было доктрины, но не было и доктринерства. Петръ съ удивительной легкостью и быстротой признавался въ своихъ ошибкахъ и никогда не уставалъ начинать сызнова. Такимъ образомъ, если его реформа и не вела прямымъ путемъ къ цѣли, то она и не кружила около и тѣмъ болѣе не топталась на одномъ мѣстѣ. Обыкновенно (хотя и не всегда, какъ увидимъ) ошибка служила урокомъ: новый экспериментъ вносилъ поправку: это была, какъ любилъ говорить самъ Петръ, его школа. Разумѣется, при такомъ несовершенномъ методѣ, ученіе могло продолжаться бесконечно. Петръ ошибался, когда по поводу Ништадскаго мира опредѣлялъ курсъ своей выучки — тройнымъ цеховымъ (семилѣтнимъ) срокомъ. Онъ умеръ, не кончивъ курса и не выдержавъ экзамена по многимъ весьма существеннымъ предметамъ реформаціонной программы.

Стоитъ перебрать въ памяти всѣ главные предметы реформы Петра, чтобы убѣдиться въ правильности сдѣланныхъ замѣчаній. Учрежденіе постоянного войска и обезпеченіе его содержаніемъ — есть, конечно, одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ реформы, на достиженіе котораго направлена была наибольшая часть заботъ и усилій Петра. Но надо знать, какія жертвы должна была принести страна людьми и деньгами для достиженія этого результата. Только тогда убѣдимся, что результатъ не стоитъ ни въ какомъ соотношеніи съ усиліями, что огромная часть ихъ была затрачена нецѣлесообразно и непроизводительно. Если же обратимся отъ войска къ военному

дѣлу, то увидимъ, что тутъ до конца жизни Петръ остался ученикомъ самымъ непонятливымъ. Не говоримъ уже о Нарвскомъ пораженіи. Петръ самъ созналъ, что тутъ было одно «младенческое играніе» и что войну мы начали, какъ слѣдые, не вѣдая силы противниковъ и своего состоянія». Но когда та же ошибка, опять по личной винѣ Петра, повторилась на Прутѣ: когда въ предпоследній годъ жизни его походъ на Дербентъ напомнилъ крымскіе походы Голицына, — то тутъ для сужденія о характерѣ личнаго вліянія Петра на ходъ военныхъ операцій не остается сомнѣній. Пораженіе арміи Карла XII, какъ и пораженіе великой арміи Наполеона, есть, главнымъ образомъ, дѣло ихъ самихъ и русской природы. Нельзя относить на счетъ Петра отсутствіе общаго плана войны, такъ какъ здѣсь онъ зависѣлъ и отъ противниковъ и отъ союзниковъ. Свое личное дѣло, завоеваніе моря, онъ сдѣлалъ и сумѣлъ отстоять: хотя, конечно, и тутъ — полное разореніе завоеваннаго побережья не свидѣтельствуешь объ обдуманной программѣ завоеваній.

Гораздо ярче личный характеръ реформы отражается на созданіи флота. Ради флота Петръ велъ всѣ свои войны; но и эта задача до самой смерти оставалась не вполне осуществленной и распадалась на рядъ разрозненныхъ и недоведенныхъ до конца попытокъ, брошенныхъ частью самимъ Петромъ, частью его ближайшими преемниками. Скудость результатовъ сравнительно съ грандіозностью затраченныхъ средствъ тутъ выступаетъ особенно ярко. Уже не говоримъ объ игрушечной флотиліи, парадировавшей при взятіи Азова. Тотчасъ за этимъ вступленіемъ Петръ спѣшилъ однимъ почеркомъ пера создать настоящій большой торговый флотъ: землевладѣльцы построятъ ему 98 кораблей, и самъ онъ построитъ 90. Вернувшись изъ Голландіи, онъ забраковываетъ всю эту работу и начинаетъ все сначала (1700). Это не мѣшаетъ ему, годъ спустя, хвалиться передъ Августомъ польскимъ, что у него 80 кораблей, по 60 и 80 пушекъ на каждомъ. Увы, когда наступаетъ время пустить корабли въ дѣло для завоеванія Финляндіи (1713), у Петра оказывается всего четыре линейныхъ корабля и пара фрегатовъ. Въ промежуткѣ однако Петръ не тратитъ времени даромъ. Каждый годъ онъ ѣздитъ на свою воронежскую верфь; кромѣ личныхъ усилій и заботъ, онъ положилъ тамъ огромныя суммы денегъ; сотни тысячъ людей умерли отъ болѣзней и голода «у гаваннаго строенія» (т. е. у постройки новой Троицкой гавани возлѣ Таганрога, такъ какъ по мелководному Дону спускать большіе корабли оказалось невозможнымъ). Прутскій походъ сразу прикрываетъ все многолѣтнее дѣло: гавань срыта, суда

отданы туркамъ или гниютъ на мѣстѣ. Ничего почти не приходится утилизовать для сѣвернаго судостроенія, куда теперь Петрѣ переносить всѣ свои заботы, стараясь какъ можно скорѣе нагнать упущенное время. Въ 1719 г. у него уже 28 линейныхъ кораблей. Но сколько новыхъ усилій для этого результата! Олонская верфь удовлетворяетъ только на первые годы послѣ закладки Петербурга: перенесеніе ея въ Петербургъ тоже оказывается недостаточнымъ: по Невѣ нельзя выводить оснащенные корабли въ море безъ углубленія фарватера. Петербургскую верфь приходится дополнить кроштадской гаванью. Но послѣ ряда новыхъ усилій, послѣ нѣсколькихъ огромныхъ жертвъ людьми и деньгами, и Кроштадтъ перестаетъ удовлетворять. Отъ прѣсной воды суда гниютъ вдвое скорѣе; по условіямъ мѣста изъ бухты можно выйти только при восточномъ вѣтрѣ; по условіямъ климата — гавань только полгода свободна отъ льда. За нѣсколько лѣтъ до смерти Петрѣ находитъ новое мѣсто. Ротервикъ, недалеко отъ Ревеля. Правда, шведы остановились передъ страшными расходами и физическими препятствіями для укрѣпленія этой бухты. Но Петра такіе пустяки не могутъ остановить. И снова люди десятками тысячъ идутъ на новую работу; «всѣ лѣса въ Лифляндіи и Эстляндіи сведены» для ящиковъ, въ которыхъ погружаютъ на дно морской камень, наломанный въ сосѣднихъ скалахъ. А неумолимыя бури изъ года въ годъ, при Петрѣ и при Екатеринѣ, разносятъ всю людскую работу, такъ что наконецъ и этотъ проектъ «стоившій невѣроятныхъ суммъ», приходится бросить. Въ результатѣ, русскій флотъ *демонстрируетъ* въ Балтійскомъ морѣ, какъ онъ демонстрировалъ передъ Константинополемъ и передъ Азовымъ. Но дѣйствительно важную услугу въ войнѣ оказываютъ только маленькія галеры, свободно пробирающіяся между шхеръ, въ виду шведскаго флота и арміи, и высаживающія то тамъ, то сямъ небольшіе десанты, которые разоряютъ берега и заставляютъ, наконецъ, Швецію вернуть себѣ безопасность въ собственной странѣ путемъ отказа отъ завоеванныхъ Петромъ заморскихъ провинцій. Но, можетъ быть, Петрѣ работалъ для будущаго? Въ 1734 г., всего девять лѣтъ послѣ его смерти, нужно запереть съ моря Данцигъ: Петербургское адмиралтейство можетъ снарядить самое большее — 15 кораблей, да и для тѣхъ не хватаетъ экипажа и нѣтъ офицеровъ.

Небывалое напряженіе государственныхъ силъ для достиженія военныхъ задачъ Петра вызываетъ, какъ мы знаемъ («Очерки», I), непредвидѣнные измѣненія въ другихъ частяхъ государственнаго строя. А необходимость считаться съ этими измѣненіями и здѣсь нала-

гають на стихійные историческіе процессы печать торопливости, отрывочности и безсвязности отдѣльных экспериментовъ, ликвидирующихъ и исправляющихъ другъ друга. Не будемъ повторять здѣсь того, что объ этомъ говорилось въ отдѣлахъ о русскихъ учрежденіяхъ и финансахъ въ I-мъ томѣ. Напомнимъ, что даже и исторія школы не изъята изъ того же общаго правила — экспериментированія на ощупь (II, VII, 3). Не возвращаясь ко всему этому, остановимся еще только на одной области реформы, кажется, наиболѣе личной, наиболѣе зависѣвшей отъ воли реформатора и, слѣдовательно, наиболѣе доступной для плановѣрнаго выполненія. Петербургъ — это воплощеніе всѣхъ пристрастій и антипатій Петра, его любви къ морю и флоту, его потребности въ полномъ просторѣ, его привычки къ виѣшней обстановкѣ культуры, его ненависти къ старинѣ и его страха передъ глухой враждой старой столицы, — этотъ «парадизъ» Петра, созданный, по живописной финской легендѣ, цѣликомъ на воздухѣ и потомъ разомъ опущенный на болото, чтобы не потонуть въ немъ по кусочкамъ, — этотъ самый Петербургъ тоже отразилъ на себѣ не только все содержаніе реформы въ миниатюрѣ, но также и всѣ ея приемы. На этихъ маленькихъ клочкахъ земли, раздѣленныхъ неврскими устьями, Петръ мечется десять лѣтъ безъ устали, и въ результатъ опять — масса непроизводительно затраченнаго труда, масса началъ безъ концовъ, великолѣпныхъ и дорогихъ проектовъ, оставшихся безъ исполненія, — и ничего цѣльнаго. То Петербургъ будетъ на теперешней Петербургской Сторонѣ, — и тамъ строятся церкви, биржа, лавки, зданіе для коллегій, частные дома, которые обязанъ построить каждый служащій дворянинъ, смотря по имуществу. То — лучше перенести торговлю и главное поселеніе въ Кронштадтъ; и тамъ опять по наряду, каждая губернія воздвигаетъ огромный каменный корпусъ, въ которомъ никто не будетъ жить и которые постепенно развалятся отъ времени. Между тѣмъ, городъ возникаетъ на новомъ мѣстѣ, между Адмиралтействомъ и Лѣтнимъ Садамъ, гдѣ берегъ выше и наводненія не такъ опасны. И опять Петръ недоволенъ: на досугѣ послѣднихъ лѣтъ ему приходитъ въ голову новая затѣя: Петербургъ обратить въ Амстердамъ, улицы замѣнить каналами, — и для этого перенести весь городъ на самое низменное мѣсто, на Васильевскій Островъ, раньше подаренный цѣликомъ Меншикову; а отъ наводненій и непріятельскихъ нападеній построить плотины. И опять все дворянство, уже обзаведшееся домами въ другихъ мѣстахъ Петербурга, приглашается обязательно строить новые дома на Васильевскомъ Островѣ. Умираетъ Петръ — и начатыя постройки забрасываются, при-

ходятъ въ вѣхость и служатъ только матеріаломъ для остротъ: въ другихъ странахъ время создаетъ руины, а въ Россіи ихъ строятъ нарочно. «Ничего не было бы легче, какъ сдѣлать новый городъ (при помощи обязательныхъ построекъ) однимъ изъ красивѣйшихъ и правильнѣйшихъ въ Европѣ, — заключаетъ Фокеродтъ, — если бы только послѣдовали обычнымъ правиламъ архитекторовъ, и прежде, чѣмъ строить, выработали опредѣленный планъ. Но дѣло пошло такъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ въ Россіи: начали съ исполненія».

Довольно, кажется, вѣхъ этихъ сопоставленій для общаго вывода. Личность Петра видна всюду въ его реформѣ: на всякой частности лежитъ ее печать. И какъ разъ эта-то черта и сообщаетъ реформѣ въ значительной степени стихійный характеръ. Это безконечное повтореніе и накопленіе опытовъ, этотъ непрерывный круговоротъ разрушенія и созиданія, и среди всего какая-то неизсякаемая жизненная сила, которую не могутъ ни сломить, ни даже остановить никакія жертвы, никакія потери, никакія неудачи. — все это такія черты, которыя напоминаютъ расточительность природы въ ея слѣдномъ стихійномъ творествѣ, а не политическое искусство государственнаго человѣка. Дѣлая этотъ выводъ, мы не должны забыть еще другой черты, постоянно мелькавшей въ предыдущемъ изложеніи. Именно въ *этомъ* своемъ видѣ реформа перестаетъ представляться чудомъ и спускается до уровня окружающей дѣйствительности. Она должна была быть такой, чтобы соответствовать этой дѣйствительности. Ея случайность, произвольность, индивидуальность, насильственность — необходимыя въ ней черты. И, несмотря на ея рѣзко антинаціональную виѣшность, она цѣлкомъ коренится въ условіяхъ національной жизни. Страна получила такую реформу, на какую только и была способна.

Посмотримъ теперь, какъ отразилась первая побѣда критическихъ элементовъ на положеніи русскаго націонализма. Въ странѣ, сильно отставшей культурно, по необходимости принужденной заимствовать болѣе совершенную технику сосѣдей и поневолѣ перенявшей, вмѣстѣ съ техникой, нѣкоторыя виѣшнія формы ихъ быта, — въ такой странѣ, можно сказать *a priori*, націоналистическій протестъ долженъ былъ быть силенъ и долженъ былъ вылиться въ форму религіозную. Мы знаемъ, что въ религіозной сферѣ этотъ протестъ уже былъ на лицо, — и тамъ онъ тоже былъ вызванъ предшествовавшей побѣдой критическихъ элементовъ. Расколъ именно и былъ такимъ протестомъ со стороны національной религіи, осужденной ино-

земной критикой. Въ своемъ происхожденіи, такъ же какъ во внутренней логикѣ своего развитія, расколъ былъ, какъ мы знаемъ, явленіемъ чисто религіознымъ, въ томъ смыслѣ, что онъ не имѣлъ характера «земскаго» или «соціальнаго» протеста, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи (V, 3). Но не надо забывать, что сама русская религіозная мысль носила въ то время существенно-націоналистическій характеръ. Конечно, забота о душевномъ спасеніи вызвала расколъ. Но забота эта вытекала не изъ какого-нибудь внутренняго процесса религіозной мысли или чувства, а изъ опасенія — лишиться испытанныхъ виѣшнихъ формулъ спасенія. Это былъ не порывъ — спасти свою душу путемъ личнаго усилія, а страхъ какъ бы не погубить ее по чужой винѣ. Словомъ, это была борьба за формы національной религіи, потревоженные греческой и кievской грамматикой. Все враждебное вѣрѣ оказывалось при этомъ заразъ враждебнымъ и національности: эта антинациональность и служила главнымъ доказательствомъ антирелигіозности нововведеній. Такимъ образомъ, религіозный принципъ раскола какъ нельзя болѣе пригоденъ былъ для того, чтобы сдѣлаться принципомъ націоналистической реакціи.

Но для того, чтобы принять подъ сѣнь и охрану націоналистической религіи всю вообще національную старину, — нужно было, чтобы *вся* она подверглась преслѣдованію. Нужно было, чтобы и въ *другихъ* областяхъ жизни, какъ это случилось въ религіи, побѣду одержали критическіе элементы. Пока этого не произошло, расколъ не могъ сдѣлаться знаменемъ націоналистическаго протеста. Въ лагерѣ никоніанскомъ тоже еще слишкомъ много оставалось націоналистическихъ элементовъ, чтобы разрывъ, пока исключительно религіозный, могъ считаться окончательнымъ и безповоротнымъ. Онъ просто былъ для этого недостаточно принципиаленъ. Лозунгъ протеста, въ упрощенной формулѣ протопопа Аввакума, гласилъ: «тверди: такъ въ старопечатныхъ книгахъ, да молитву Іесусову грызи, — и все тутъ». Но, увы, эта опора была вовсе не такъ прочна и незыблема, какъ казалось Аввакуму. Самое понятіе «старопечатныхъ книгъ» при ближайшемъ знакомствѣ оказывалось совершенно условнымъ и относительнымъ. Книги печатались до Никона при пяти патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ, — и всякій разъ съ исправленіями и перемѣнами. Всѣ онѣ въ свое время были «новопечатными», а нѣкоторыя наталкивались даже на противорѣчіе, совершенно одинаковое съ старообрядческимъ (какъ, напр., знаменитое исключеніе «и огнемъ» изъ филаретовскаго Требника). Спрашивалось, какимъ же именно «старопечатнымъ книгамъ» вѣрить и съ какого мо-

мента считать исправленіе книгъ ихъ порчей? У самого Аввакума, напр., въ Псалтири іоасафовскаго изданія стояло въ 104 псалмѣ «возврати», а у его товарища по изгнанію, діакона Ѳедора, въ іосифовской Псалтири было правильное чтеніе «возрасти». «И за сію описъ (разсказываетъ Ѳедоръ) больше года бранился со мною Аввакумъ: ты-де старыя книги хулишь, а я-де за нихъ мучусь отъ никоніанъ давно прежде тебя... И послѣ отъ иныхъ Псалтирей позналъ, яко право глаголахъ ему: азъ ему и ту описъ справилъ. И немудрая та рѣчь, и небогословская, да и о той у него велика толка была». Естественно, что Аввакуму и той огромной массѣ, яркимъ представителемъ которой онъ былъ, трудно было принять выводъ Ѳедора, что «за описъ кую въ книгѣ какой ни есть и за погрѣшительное слово — не подобаетъ намъ ни спиратися, ни стояти». Но при всемъ упорствѣ съ обѣихъ сторонъ (такъ какъ и никоніане крѣпко вѣрили въ силу буквы), все-таки оставалось сознаніе, не уничтоженное даже неосторожнымъ проклятіемъ 1667 года, что и та и другая сторона стоятъ на одной почвѣ, что, если не примиреніе, то побѣда и полное перерѣшеніе спора возможно для побѣжденныхъ. Не только обѣ стороны боролись одинаковымъ оружіемъ, но каждой случалось еще порой заимствовать оружіе у противника. Никонъ могъ, напр., съ досады, стоя на судѣ передъ патріархами, пустить въ ходъ раскольникій аргументъ, что «греческія правила не прямыя», что «печатали ихъ еретики» («Оч.» II, V, 3). И Аввакумъ могъ упорно защищать латинское мнѣніе о времени пресуществленія «святого сакрамента» (ср. «Оч.» II, V, 7). Такимъ образомъ, принципиальной основы для полнаго раздѣленія, въ сущности, не было. Въ итогѣ, расколъ уже потому не могъ въ XVII в. едѣлаться исключительнымъ знаменемъ націонализма, что и господствующая партія вовсе не стояла подъ знаменемъ иноземной критики, да и самъ онъ не терялъ надежды стать на ея мѣсто.

Въ самомъ расколѣ, правда, уже не было единогласія въ этомъ послѣднемъ вопросѣ. Въ немъ уже складывалась непримиримая фракція, считавшая разрывъ принципиальнымъ и окончательнымъ, вѣрившая въ наступленіе антихристова царства, въ полное исчезновеніе христовой церкви и таинствъ. («Оч.» II, V 4 и 5). Но господствующее настроеніе массы вѣрило отражалось въ посланіяхъ Аввакума. Онъ, правда, и самъ не прочь поугать враговъ и друзей антихристомъ и благословить на бѣгство изъ міра и на вольную смерть. Но въ то же время онъ не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ другихъ своей вѣры въ скорое возстановленіе истины — и всѣми силами старается

приблизить минуту этого торжества. Пока можно, онъ «докучаетъ» своими просьбами и угрозами царю Алексѣю, даетъ обѣтъ «не сводить рукъ съ высоты небесной», пока не обратитъ царя къ старымъ книгамъ. Потомъ онъ переноситъ надежды на Федора, пишетъ ему и, наконецъ, передъ смертью своею (14 апр. 1682) и царя, благословляетъ своего любимата ученика Сергія «стужати царю о исправленіи вѣры». Мы теперь знаемъ, что это былъ — тотъ самый Сергій, который такъ неудачно пытался съ помощью стрѣльцовъ выполнить завѣтъ своего учителя въ Грановитой палатѣ, передъ царевной Софьей и патриархомъ, 5 іюля того же года. Понятно, что въ ожиданіи скорой переменъ Аввакумъ дорожилъ скрытыми союзниками изъ никонианъ и соглашался на всякія поправки, чтобы только облегчить, а не затруднить связь между обоими лагерями. Онъ былъ противъ перекрещиванія и развѣчиванія переходящихъ въ расколъ, готовъ былъ принимать православныхъ поповъ въ ихъ чинѣ, довольствуясь раскаяніемъ; смотрѣлъ сквозь пальцы на участіе своихъ сторонниковъ въ православныхъ обрядахъ и таинствахъ, позволялъ имъ принимать у себя поповъ и отдариваться предъ властями, молиться за царя и оставаться на царской службѣ, не отрицалъ даже таинствъ, совершенныхъ новыми попами по старымъ книгамъ, а при употребленіи новыхъ книгъ — требовалъ только дополнительныхъ обрядовъ. Все это было принципиально немыслимо. Но Аввакумъ слишкомъ хорошо понималъ, что пока наставники спорятъ о догматическихъ тонкостяхъ, масса ждетъ и колеблется въ нерѣшительности. Вотъ почему онъ такъ широко практиковалъ свою систему временныхъ отступленій — «по нуждѣ», ссылаясь на то, что «время изъ правилъ вышло».

Положеніе, дѣйствительно, было таково. Народная масса стояла внѣ обоихъ лагерей, не разрывая формально съ официальной церковью, въ душѣ инстинктивно склоняясь къ старинѣ, но не зная хорошо, въ чемъ она состоитъ, въ чемъ разница между «старой вѣрой» и «новой». Такимъ рисуютъ намъ это настроеніе разныя сцены во время стрѣлецкаго мятежа 1682 г. Стрѣльцы готовы воспользоваться своимъ господствомъ, чтобы потребовать публичнаго пересмотра религіознаго спора; но они еще не рѣшаются высказаться опредѣленно: половина поднимаетъ челобитную, половина возражаетъ. «зачѣмъ намъ руки прикладывать? Мы отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ... все это дѣло не наше, а патриаршее: а мы и безъ рукоприкладства рады тутъ быть, стоять за православную вѣру и *смотреть правду*, а по старому не дадимъ жечь и мучить». И они

спрочиваютъ, въ лицѣ своихъ депутатовъ: «за что старыя книги отринуты, какія въ нихъ ереси, *чтобъ намъ про то вѣдомо было*». Они склоняются про себя, разумѣется, къ тому, что ересей въ старыхъ книгахъ нѣтъ, что отринуты онѣ напрасно, но все же предоставляютъ рѣшеніе дѣла властямъ и при первой опасности громко заявляютъ объ этомъ. «Намъ до старой вѣры дѣла нѣтъ; это дѣло патріарха и всего освященнаго собора».

Дать наглядный матеріалъ, недостававшій народу, для рѣшительнаго выбора между старой вѣрой и никоніанствомъ; популяризовать въ массѣ ненависть начетчиковъ къ «новой вѣрѣ», поразивъ народную мысль иноземными повѣствованіями и тѣмъ отбросивъ эту массу въ принципиально враждебный лагерь: убѣдить ее до очевидности въ пришествіи и торжествѣ антихриста и въ необходимости спастись изъ міра: эту миссію исполнила петровская реформа. Она поставила разрывъ раскола съ церковью на ту принципиальную почву, которой до сихъ поръ не хватало, и тѣмъ превратила расколъ въ знамя національнаго протеста, въ оплотъ націоналистическихъ идеологій. Перемѣна позицій произошла необыкновенно быстро. Подъ извѣстнымъ намъ завѣщаніемъ патр. Іоакима самый нетерпимый старовѣръ могъ бы еще подписаться. Бессильное поустительство патр. Адріана петровскимъ новымъ модамъ — уже приводило въ негодованіе. Когда же послѣ Адріана церковь осталась вовсе безъ патріарха, раскольники потеряли всякій критерій для сужденія о ней и ея роли въ обществѣ. А время шло все такъ же быстро впередъ. Въ политическихъ видахъ Петръ преобразовалъ самое устройство церкви на протестантскій ладъ. Ему случалось, уставши держать руки, въ качествѣ шафера, надъ женихомъ, приказывать прекратитъ вѣнчальный обрядъ (на свадьбѣ племянницы Анны Ивановны). Онъ не стѣснялся даже разводить своихъ приближенныхъ (Ягужинскаго) съ женами и женить на другихъ. Самъ онъ, какъ мы знаемъ, въ подобномъ случаѣ долго обходился и вовсе безъ вѣнчанія. Однимъ словомъ, церковь, послѣ такой огромной роли, какую она играла въ недавнемъ прошломъ, какъ-то вдругъ сразу сократилась и заняла болѣе чѣмъ скромное положеніе въ государственной и частной жизни. Естественно, что при головокружительной быстротѣ, съ которой совершилась эта перемѣна, почва ушла изъ-подъ ногъ у ревнителей стараго благочестія. Недавніе споры съ церковью сами собой отодвинулись далеко назадъ. Такъ странно было бы теперь тянуть ее къ отвѣту и строить на побѣдѣ надъ ней какіе-либо расчеты, — когда и сама она была уже не та, что прежде, и

славный врагъ оказался советъ не тамъ, гдѣ его привыкли видѣть... Надеждъ на побѣду старины, разумѣется, теперь уже быть не могло. За то реформа Петра впервые подала расколу весьма основательную надежду на долгое, прочное существованіе, на обильную наству, на богатый матеріалъ для пропаганды — не одной уже «старой вѣры», но и вообще стараго націонализма. Враги Никона не могли не сблизиться съ новыми врагами Петра изъ никоніанъ. Настоящіе старовѣры расплылись въ массѣ «бородачей». Петръ вовсе не преувеличивалъ, когда выразился однажды, что вмѣсто одного бородача (онъ разумѣлъ самого Никона), ему приходится имѣть дѣло съ тысячею.

Реформа Петра, со свойственными ей приемами, дѣйствительно, не могла не послужить самымъ могущественнымъ орудіемъ для распространенія націоналистическихъ идеаловъ въ сѣрой массѣ. Бросая вызовъ вѣмъ старымъ привычкамъ, оскорбляя всѣ чувства, затрагивая всѣ интересы, эта реформа была не изъ такихъ, которыя скрываются въ глубинѣ канцелярій и теряютъ силу въ процессѣ нисхожденія и восхожденія по инстанціямъ. Она не могла остаться неизвѣстной самому послѣднему крестьянину въ самомъ глухомъ захолустьѣ. Къ нему туда приходили, его нѣсколько разъ переносили, безчисленное количество разъ облагали новыми, неслыханными податями и повинностями, отрывали отъ семьи и сохи и «выволакивали» на всевозможныя службы во всѣ концы государства. Въ своихъ собственныхъ платежныхъ квитанціяхъ онъ могъ прочесть длинную лѣтписъ разрозненныхъ успій Петра, то внося деньги на «дѣло кирпича» и «известное жженье» для петербургскихъ построекъ, то посылая людей «къ гаванному строенью» въ Азовъ или «на Котлинъ», то уплачивая дополнительные сборы на «драгунскія сѣдла», то собирая провіантъ и фуражъ и т. д. Но мало всего этого, — Петръ и самъ не оставался вдали отъ народной массы. Ежегодно онъ появлялся изъ конца въ конецъ Россіи: вездѣ его видѣли, всюду онъ являлся съ своими привычками, такими странными и такъ мало отвѣчавшими старой идеѣ о царской власти, со своими новыми людьми, еще болѣе безцеремонными, чѣмъ онъ самъ. Словомъ, Россія была полна Петромъ и его реформой. Прожить жизнь и не столкнуться съ нимъ, не понасть такъ или иначе въ тѣнь его гигантской фигуры — становилось просто невозможно. Что могло быть, повидимому, общаго между великимъ реформаторомъ и простымъ тамбовскимъ дьячкомъ? А между тѣмъ и тамбовскому дьячку оказалось тѣсно жить въ одной Россіи съ Петромъ. Какъ бы оправдывая народную жалобу,

что «никуда отъ него не уйдешь», дьячекъ могъ уйти отъ Петра — только на плаху. Мирно жилъ этотъ дьячекъ Степанъ въ Тамбовѣ, пока не началъ ему наговаривать Савва монахъ: «Было благочестіе, а нынѣ отпало, какъ и Римъ отпалъ; царь Петръ — антихристъ, потому что владѣетъ одинъ, безъ патріарха; а что бороды брить и у драгуновъ раскаты — это антихристова печать». Степанъ смутился; пересталъ, на всякій случай, въ церковь ходить и пошелъ къ духовнику за совѣтомъ. Услыхавъ про Петра-антихриста, духовникъ, къ слову вспомнилъ: «Были мы на Воронежѣ въ пѣвчихъ и пѣвали передъ государемъ и при его компаніи; зашелъ разговоръ о Талицкомъ (авторъ памфлета о Петрѣ-антихристѣ, казненный въ 1701 г.); царь и говоритъ: «Такой онъ воръ — Талицкій; ужъ и я антихристъ! О Госноди, ужъ и я антихристъ предъ Тобою!» А мы еще, то слыша, подумали: Богъ знаетъ, къ чему это онъ говоритъ»... Разумѣется, такое совпаденіе подкрѣпило подозрѣнія Степана. А тутъ еще прочелъ онъ въ старопечатной Кирилловской книгѣ: «Во имя Симона Петра имать сѣсти гордый князь міра антихристъ». Нѣтъ сомнѣнія: Петръ — антихристъ. Вотъ и проходящая женщина рассказываетъ: были ея родственники въ Суздаль, гдѣ заточена царица (Евдокія Лопухина), и царица говорила людямъ: «Держите вѣру христіанскую, это не мой царь, иной — выше». Со страха, богобоязненный дьячекъ постригся отъ живой жены въ Трегуляевскомъ монастырѣ, подъ именемъ Самуила. Смотри, говорили ему, на монастыри первое гоненіе будетъ. «Нѣтъ нужды, — отвѣчалъ онъ, — тогда я въ горы уйду». Дѣйствительно, и въ монастырѣ Петръ не оставляетъ въ покоѣ разыгравшееся воображеніе Самуила. То какой нибудь монахъ расскажетъ ему, что «теперь надъ нами царствуетъ не нашъ государь, а сынъ Лефор-та», подмѣненный вмѣсто родившейся у Алексѣя Михайловича дѣвочки; то Самуиловъ дядя, тоже монахъ, успокоитъ племянника, что Петръ — только «предтеча» антихриста. Попалъ по какому-то дѣлу Самуилъ въ Воронежъ и рѣшилъ подѣлиться своими свѣдѣніями съ православными. Написалъ письмо, что Петръ — антихристъ и подбросилъ въ неизвѣстный дворъ. Идетъ обратно; на пути въ селѣ Избердеѣ боярскій сынъ сообщаетъ ему новость: «А вѣдь говорятъ, нашъ царь пошелъ въ Стекольную (Стокгольмъ), и тамъ его посадили въ заточенье, а это не нашъ государь». И Самуилъ про себя думаетъ: ну, такъ и есть, антихристъ. Пришелъ въ монастырь Духовный Регламентъ — царь отводитъ отъ монашества: явно антихристъ. Ничего не подѣлаешь, надо бѣжать въ пустыню. Самуилъ бѣжитъ, его ловятъ, возвращаютъ въ монастырь. Сидя на цѣпи, монахъ думаетъ:

«Игумену ни за что не поклонюсь: онъ слуга антихриста». Отсиѣль — и таки ѡбжалъ опять, въ степь, оттуда пробрался къ казакамъ. Идея объ антихристѣ и тутъ не оставляетъ Самуила: встрѣтитъ онъ простаго бурлака, ему внушаетъ про царство антихриста: а то наткнулся на пона, который по своему мстилъ Петру: на ектеніяхъ онъ поминалъ вмѣсто «императоръ» — «имперетеръ» на томъ основаніи, что Петръ всѣхъ людей «перетеръ». Но тутъ случилась неожиданность. Самуилу попали въ руки правительственныя изданія противъ раскола. Онъ прочелъ, пересталъ проповѣдывать про антихриста, обратился въ православіе и вернулся въ монастырь къ мирной жизни. Тщетная надежда. Петръ не даетъ никому пожить мирно. Самуиль изъ своего Трегудяевскаго монастыря переведенъ въ московскій Богоявленскій, и велѣно ему посѣщать школу. Онъ бы и не прочь почитать хорошую книжку, но учиться грамматикѣ въ его возрастѣ уже трудно. Попробовалъ было не ходить въ классы: префектъ грозитъ плетью. И раздраженіе противъ царя, — теперь уже не антихриста, — снова растетъ въ душѣ Самуила. Въ такомъ настроеніи его заста-етъ извѣстіе: жена его вышла замужъ за другого. Самуиль пораженъ въ самое сердце: и жены жаль, и на себя досадно, что ввелъ ее въ грѣхъ. Но кто главный виновникъ? И тутъ все онъ же, опять Петръ, опять его Регламентъ. Вѣдь хотѣла жена постричься; нѣтъ, не позволили! Товарищъ Самуила, другой монахъ, тоже бранитъ Регламентъ, тоже поджигаетъ Самуила. И вогъ, доведенный до крайней степени раздраженія, совсѣмъ потерявшій душевное равновѣсіе, не зная, на комъ и какъ сорвать злобу, Самуиль хватаетъ клочки бумажки и принимается — исключительно «для покою въ совѣсти», отнюдь не для пропаганды — отводить свою душу письменной бранью противъ вѣчнаго своего врага, императора. На горе монаха, одна такая бумажка попала къ кому-то на глаза, препровождена была куда слѣдуетъ, — въ Тайную Канцелярію — и пропалъ Самуиль. Не помогли ни оправданія, ни объясненія. Его казнили.

Эта исторія маленькаго человѣка поможетъ намъ наглядно представить себѣ, до какой степени насыщена была общественная атмосфера раздраженіемъ противъ преобразователя. Епископъ Досноей, колесованный за сношенія съ постриженной царицей Евдокіей, далъ самую краснорѣчивую характеристику этого настроенія, когда передъ соборомъ архіереевъ, вмѣсто всякихъ показаній, заявилъ: «Посмотрите, что у всѣхъ въ сердцахъ! Извольте пустить уши въ народъ, что въ народѣ говорятъ, — а самъ я объ этомъ говорить не стану». Что говорилъ народъ, дѣйствительно слишкомъ хорошо было извѣ-

стно въ московскомъ застѣнкѣ. Пусть читатель прочтетъ извлеченную оттуда, трепещущую жизнью, страницу исторіи Соловьева, съ ея постояннымъ припѣвомъ: «Какой онъ царь!»

Если когда либо можно было ожидать, что «старая вѣра» сдѣлается знаменемъ широкаго политическаго и соціальнаго протеста, то это именно должно было случиться въ описываемое время. Не даромъ же иностранные резиденты при русскомъ дворѣ такъ напряженно ждали, что не сегодня-завтра въ Россіи разразится что-нибудь такое, что положить конецъ всей этой адской страсти. Не даромъ и въ самой Россіи, въ кругахъ струнировавшихъ около царевича Алексѣя, изъ году въ годъ возрастало нетерпѣливое, нервное предчувствіе развязки. Казалось, что вотъ-вотъ потернѣтъ царевичъ еще 2-3 года въ монастырѣ или заграничѣй, а тамъ и можно будетъ кликнуть кличъ «отъ архіереевъ — священникамъ, отъ священниковъ — прихожанамъ». Но и иностранцы, и русскіе недовольные сводили сче-ты безъ хозяина. Царевичъ за свою неясную мечту не то о смерти отца, не то о бунтѣ — заплатился жизнью. Религіозный протестъ, дѣйствительно, превратился въ общенациональный; но изъ національнаго соціальнымъ и политическимъ не сдѣлался. Это не значитъ, что соціального протеста вовсе не существовало. Но, какъ и до Петра, онъ шелъ своею отдѣльной струей. Всѣ попытки сліянія его съ религіозно-национальнымъ протестомъ не привели ни къ чему.

На взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ отдѣльныхъ теченій, религіозно — національнаго и соціального, намъ необходимо остановиться, однако же, нѣсколько внимательнѣе, чтобы подтвердить только-что сдѣланное утвержденіе.

Изъ основныхъ принциповъ раскола, самихъ по себѣ, нельзя было сдѣлать никакихъ соціальныхъ выводовъ. Только въ нѣкоторыхъ крайнихъ толкахъ безноовщины (какъ, напр., странники, см. «Очерки» II, V, 5), мы встрѣчаемся съ опредѣленнымъ соціальнымъ ученіемъ, — и то выработаннымъ довольно поздно. Вообще же расколъ относился къ соціальнымъ вопросамъ совершенно нейтрально. «Кой во что призванъ, въ томъ да пребываетъ», такъ формулировалъ Аввакумъ это основное правило. Конечно, старообрядцамъ пришлось все-таки стать въ оппозицію государственной власти, но лишь постольку, поскольку эта власть являлась представительницей интересовъ государственной церкви. И притомъ, даже эта оппозиція была не активная, а пассивная. Расколъ дѣйствовалъ по отношенію къ государству оборонительно, а не наступательно. Самымъ активнымъ проявленіемъ самаго нетерпимаго отношенія раскола къ свѣт-

ской власти — было самоубійство, самосожженіе: мученичество за вѣру, а не борьба за ея торжество.

На активную борьбу расколъ самъ по себѣ былъ не способенъ. Это, однако же, не исключало возможности попытокъ воспользоваться оппозиціоннымъ настроеніемъ раскола, чтобы привлечь его къ союзу съ элементами дѣйствительно активнаго протеста. Степанъ Разинъ еще не знаетъ хорошенько, гдѣ искать на Руси представителей религіознаго протеста, но онъ уже ихъ ищетъ и предлагаетъ имъ свой союзъ. Его эмисары появляются и у низложеннаго патріарха Никона, и у взбунтовавшихся противъ его нововведеній иноковъ Соловецкаго монастыря. Конечно, эта первая попытка остается безъ всякихъ результатовъ. Годъ спустя послѣ казни Разина положеніе дѣла становится яснѣе. Раскольничья община, преслѣдуемая правительствомъ, разбѣгается мало-по-малу изъ Москвы по окраинамъ. Въ это время и на Довъ появляются (1672) до 130 чернецовъ и бѣльцовъ и строятъ себѣ на берегу рѣки Чира пустынь, скоро сдѣлавшуюся знаменитой. Неудачная попытка возстановить старую вѣру во время стрѣлецкаго мятежа (1682 г.) влечетъ за собой новый пароксизмъ правительственныхъ преслѣдованій. На сѣверѣ они вызываютъ эпидемію самосожженій (II, V, 5), на западной окраинѣ бѣгство за границу, въ Польшу и Швецію, а на Дону на первыхъ порахъ — новый сильный приливъ бѣглецовъ. «Свѣтлая Россія потемнѣла, а мрачный Донъ возсіялъ и преподобными отцами наполнился». Здѣсь, среди казачества, на классической почвѣ русскаго социальнаго протеста, союзъ религіозной оппозиціи съ социальной долженъ былъ, повидимому, послѣдовать самъ собой. Онъ и послѣдовалъ, — но только для того, чтобъ показать до послѣдней очевидности, до какой степени обѣ оппозиціи разнохарактерны и до какой степени ихъ совмѣстное дѣйствіе невозможно. Старцы, поселившіеся въ Чирской пустынѣ, думали лишь объ одномъ, какъ бы перетерпѣть тяжелое время для раскола и обезпечить непрерывность церковной жизни: освятить церковь (1686 г.), наготовить въ ней какъ можно больше запасныхъ даровъ, чтобы и «въ тысячи лѣтъ не оскудѣло»*). Самые смѣлые мечтали какъ-нибудь, хоть семью-восемью понами посвятить себѣ епископа. Вотъ почему, когда въ ихъ обители въ 1683 г.

---

*) Это такъ называемое «Доснѣево причастіе», о которомъ толковали, что «того таинства будетъ на 5.000 лѣтъ для 100.000 человекъ безъ нужды»; игумень Доснѣей обыкновенно просфору для агнца, «запасать великую яко куличу». Ср. II, V, 5

появились эмиссары изъ Москвы — звать казаковъ на помощь стрѣльцамъ, старцы сировали ихъ поскорѣе дальше по Дону, съ ихъ подложной грамотой отъ царя Ивана Алексѣевича. А когда поднялось дѣйствительно политическое движеніе на Дону, старцы спасались въ лѣса и бѣжали на Кавказъ отъ царскихъ посылокъ за ними. Были, однако, на Дону и представители болѣе крайняго теченія въ расколѣ. На р. Медвѣдицѣ поселился типичный проповѣдникъ близкаго пришествія антихриста, Кузьма Косой... Созванный имъ отовсюду сходъ единомышленниковъ, тысячъ до двухъ, на первый взглядъ могъ показаться настоящимъ военнымъ лагеремъ, гдѣ готовились идти на Москву войной. Кузьма говорилъ о какомъ-то царѣ Михаилѣ, который будетъ съ ними и «очиститъ землю». Изъ всего этого сдѣлали въ Москвѣ политическій заговоръ. Послѣ многихъ пытокъ умирающаго Кузьму заставили признать, что тѣхъ, кто не послушаетъ ихъ ученія на Дону и въ Москвѣ, «намѣрено было всѣхъ побивать». Смыслъ этого признанія, однако же, былъ совсѣмъ иной, чѣмъ могло показаться на первый взглядъ. Достаточно внимательно всмотрѣться въ проповѣдь Кузьмы, чтобы узнать въ немъ близкаго родственника тѣхъ пропагандистовъ, которые волновали Заволжье и призывали къ самосожженію (II, V, 5). Подобно имъ, Кузьма учитъ «умирать безъ причастія» «и жить безъ вѣнчанія», такъ какъ нѣтъ больше на землѣ ни церкви, ни таинствъ, и до кончины міра (1692 г.) осталось только пять лѣтъ. Подобно имъ, ожиданіе антихриста вызываетъ въ Кузьмѣ и въ его наставѣ повышенное, экзальтированное настроеніе, располагающее къ мистицизму и къ апокалипсическимъ видѣніямъ. Это — то же движеніе, которое одновременно съ самосожженіями, вызвало въ Заволжѣ хлыстовщину (Оч. II, V, 6). Кузьма открыто заявляетъ въ Москвѣ (1688 — 1689 гг.), что у него есть «подлинникъ, писанный перстомъ Божиимъ прежде сотворенія міра». При такомъ настроеніи, Кузьма и его послѣдователи «все земное дѣло и суету отложили» и собрались на Медвѣдицѣ «для великаго божественнаго дѣла». Они ждали, какъ «вся земля вострепещетъ и море возколеблется и пренеподняя потрясется и нечестивые и непокорные всѣ потребятся отъ земли» — царемъ Михаиломъ, подь которымъ Кузьма разумѣлъ Христа. Естественно, что такого рода приготовленія и ожиданія не имѣли ничего общаго съ традиціями Степки Разина. И самъ Кузьма, и его покровители въ Черкасскѣ успокаивали мирныхъ казаковъ, чтобы они «отъ того сбору не опасались и не мятежились, потому что тотъ сборъ былъ о божественномъ писаніи, а не иного какого худого дѣла, и къ Москвѣ идтить намѣренія не было».

Но эта самая несонизмѣримость взглядовъ и полное различіе цѣлей, при всемъ видимомъ сходствѣ средствъ, должны были оттолкнуть отъ Кузьмы и немирныхъ казаковъ, замышлявшихъ настоящей мятежъ. Дѣло Кузьмы для нихъ было «страшнымъ дѣломъ» и его сборище «нелѣпнымъ совѣтомъ». Въмѣсто того, чтобы готовить втихомолку бунтъ, Кузьма заявлялъ, что онъ никого не боится, «ни царей, ни войска, ни всей вселенной». А когда казаки пробовали урезонивать его простымъ практическимъ соображеніемъ: «какъ-де вамъ идти, васъ-де немного», Кузьма отвѣчалъ имъ на своемъ языкѣ: «Съ нами будутъ небесныя силы». Очевидно, сговориться съ такимъ страннымъ союзникомъ было кельзя. Онъ могъ быть скорѣе опасенъ, чѣмъ полезенъ для настоящаго заговора. Ботъ почему казачій кругъ при первомъ требованіи выдалъ Кузьму московскому правительству. Сборище на Медвѣдицѣ продолжало держаться до послѣдней возможности. Но оно никуда не шло, а только отсиживалось. А когда, послѣ долгихъ усилій, ихъ окопъ былъ взятъ приступомъ, большинство осажденныхъ бросилось въ огонь и въ воду, т. е. приняло мученическій вѣнецъ, какъ того требовало крайнее и послѣдовательное направленіе раскола. Изъ этого видно, что цѣль, съ которой собрались на Медвѣдицѣ послѣдователи Кузьмы, до конца оставалась все та же.

Итакъ, ни умѣренное, ни даже крайнее теченіе въ расколѣ не могло быть прямо и непосредственно использовано для социальнаго протеста*). Это нисколько не помѣшало казацкой вольницѣ присоединить къ старой Разинской программѣ «старую вѣру» въ качествѣ новаго лозунга. «Старая вѣра», дѣйствительно, сдѣлала большіе успѣхи между донскимъ казачествомъ въ 80 годахъ, благодаря бѣжавшимъ изъ Россіи раскольникамъ. Въ чуждой казацкой средѣ расколъ сразу сдѣлался простымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ партіи враждебной Москвѣ. Пока старцы на Чиру запасаются дарами, на всемъ Дону идетъ дѣятельная пропаганда вожаковъ антимосковской партіи. Они добиваются постановленія казачьяго круга, чтобы въ Черкасской церкви служить по старымъ книгамъ, и стараются даже прекратить моленіе за царя. Пока Кузьма собираетъ свой сборъ на

---

*) Зачатки социальнаго ученія, можетъ быть, и были у Кузьмы. «Мы, по созданію Божію, всѣ братія», пишетъ отъ съ Медвѣдицы къ донскимъ казакамъ, опровергая какое-то недоразумѣніе. Но, конечно, ни возможности, ни надобности не было развивать это ученіе въ виду того, что «ничтоже намъ не пособитъ вѣка сего житіе» — при предстоящемъ второмъ пришествіи.

Медвѣдицѣ и пропагандируетъ свои апокалипсическія видѣнія, въ Черкасскѣ составляется формальный заговоръ, участники котораго, не надѣясь «очистить землю» съ помощью «небесныхъ силъ», заводятъ сношенія съ Яикомъ и Терекомъ, съ калмыками и «иными ордами». Они назначаютъ даже срокъ, къ которому донское казачество должно быть готово искать зинуновъ. Исходъ заговора (1688 г.) и здѣсь оказался неудачнымъ, вслѣдствіе доноса. Но тогда, какъ раскольники при неудачномъ исходѣ стремятся умереть за вѣру, бросаюсь въ огонь и въ воду, заводчики казацкаго бунта начинаютъ съ того, что отрекаются отъ «старой вѣры». Отношеніе ихъ къ расколу очень вѣрно характеризуетъ одинъ изъ допрашиваемыхъ казаковъ Заговорщики, по его словамъ, рѣшили «учинить бунтъ, какъ и при Стенькѣ Разинѣ, и идти для воровства на Волгу и на Куму рѣку», а «приговоря къ себѣ и инымъ орды, возмутить всѣмъ государствомъ и идти къ Москвѣ... А старую вѣру они твердили и за нее стояли все — для того жъ, умышляя, чѣмъ бы имъ не токмо что всѣмъ Дономъ, но и всѣмъ московскимъ государствомъ замутить».

Такъ стояло дѣло, когда начались «тяжелыя забавы» Петра, «замутившія» и на самомъ дѣлѣ «все московское государство». «Старая вѣра», въ смыслѣ протеста религіознаго, оказалась непригоднымъ орудіемъ для политической борьбы. Но, можетъ быть, какъ протестъ націоналистическій, она окажется болѣе сильнымъ и активнымъ союзникомъ?

Дѣйствительно, поведение Петра сильно оживило извѣстные намъ толки и подняло ослабѣвшія надежды. Опять появились въ народѣ мнимые извѣты царя Ивана Алексѣевича, на этотъ разъ съ новымъ содержаніемъ: «братъ живетъ не по церкви, знаетъ съ иѣмнами». Опять заговорила и «голутьба» на Дону. Но, что всего важнѣе, новымъ факторомъ явились стрѣльцы. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что имъ все равно пропадать. — и вмѣстѣ съ этимъ росло въ нихъ средѣ мужество отчаянія. «Какъ Стенька былъ Разинъ, вы намъ мѣшали», говорили казаки стрѣльцамъ: «а теперь мѣшать будетъ некому». «Какъ бы вы съ одного конна, а мы съ другого». У движенія являются и вожди, характерный союзъ: братъ знаменитыхъ раскольниковъ, пострадавшихъ при Алексѣѣ, Морозовой и Урусовой, (Соконинъ) и стрѣлецкій полковникъ (Цыклеръ). Обстоятельства, по видимому, складываются какъ нельзя благоприятнѣе. Царь, «уклонившійся въ потѣхи» и покинувшій правленіе на произволъ судьбы, кончаетъ тѣмъ, что совсѣмъ уѣзжаетъ изъ царства за-границу. Цыклера съ стрѣльцами назначаютъ въ Таганрогъ, самый удобный

пунктъ для соединенія съ казачествомъ. Планъ дѣйствій создается самъ собой. «Какъ буду на Дону у городского дѣла Таганрога, то, оставя ту службу, съ донскими казаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія и буду дѣлать тоже, что и Стенька Разинъ». Заговоръ раскрытъ и заговорщики казнены. Но вызвавшее заговоръ настроеніе не умираетъ. Напротивъ, продолжительное отсутствіе Петра даетъ ему новую силу. Царь «невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ»; первая непришедшая во время почта повергаетъ самихъ бояръ въ «страхъ бабій»; стрѣльцовъ держать на границахъ, и знающіе люди говорятъ имъ, что въ столицу, къ семьямъ, имъ уже больше не вернуться. При этихъ условіяхъ мысль о походѣ на Москву пріобрѣтаетъ надъ умами стрѣльцовъ принудительную силу: «непремѣнно идти къ Москвѣ, хотя бы умереть». Последней каплей является призывная грамота изъ Дѣвичьяго монастыря, отъ царевны Софьи. Рѣшеніе принято моментально: «идти къ Москвѣ». Цѣль тоже сама собой ясна. «Нѣмецкую свободу разорить и нѣмцевъ побить за то что отъ нихъ православіе закоснѣло: бояръ побить, государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ нѣмцевъ. Послать вѣдомость къ донскимъ казакамъ». Въ своей челобитной, поданной при встрѣчѣ съ правительственными войсками боярину Шенину, кромѣ жалобъ на «еретика иноземца Францка Лефорта», хотѣвшаго погубить «чинъ ихъ, московскихъ стрѣльцовъ, чюбы благочестію великое препятіе учинить», — бунтовщики передаютъ волновавшіе ихъ слухи, что «идутъ къ Москвѣ нѣмцы, послѣдуя брадобритію и табаку, во всеовершенное благочестія испроверженіе».

«Брадобритіе и табакъ», какъ доказательства «испроверженія благочестія», — такова новая націоналистическая формула, смѣнившаяся — уже ранѣе первыхъ мѣропріятій Петра — старый лозунгъ религіознаго протеста: новопечатныя книги. Стрѣлецкій походъ къ Москвѣ 1698 г., рѣшенный, какъ мы только что видѣли, какъ-то стихійно: таково первое и единственное (въ самой Россіи) вооруженное проявленіе новаго націоналистическаго протеста. Петръ далекъ отъ того, чтобы понять его внутренній смыслъ. Онъ все еще борется съ тѣнью, съ «сѣменемъ Милославскаго», ничего не видя въ движеніи, кромѣ продолженія старой династической интриги. Онъ не знаетъ, или не хочетъ знать, что стрѣльцы уже мало интересуются царевной Софьей и готовятъ престолъ его законному сыну. Передъ его глазами стоятъ и заслоняютъ все другое старыя, знакомыя фигуры его личныхъ враговъ. И все то бѣшенство, на которое онъ только способенъ, поднимается разомъ со дна его души. Начинается ужасная бой-

ня, которая разомъ освобождаетъ Петра отъ единственной организованной опоры націонализма. Онъ можетъ теперь дѣлать, что хочетъ. «Брадобритіе и табакъ», съ прибавленіемъ еще новаго платья, останутся главными предметами націоналистическаго протеста, какъ бы напоминая о томъ моментѣ, когда народное негодованіе сразу возникло и поднялось до своей высшей точки. За этимъ предѣломъ — народное воображеніе точно притупилось. Мы не видимъ бовыхъ лозунговъ, а только частичныя отдѣльныя жалобы. Причина понятна. Стрѣленское войско было единственнымъ социальнымъ факторомъ, способнымъ сыграть роль аккумулятора народныхъ жалобъ. Его настрояніе передъ неминуемой гибелью было единственной социальной силой, достаточно напряженной, чтобы дать этимъ жалобамъ исходъ въ какомъ-нибудь коллективномъ дѣйствіи. Наконецъ, и моментъ — пока еще Петръ не взялъ правленія въ свои сильныя руки — былъ единственнымъ моментомъ, когда для такого дѣйствія открывался хоть какой нибудь просторъ. Націоналистическая формула была отчеканена въ *этотъ* моментъ въ коллективномъ сознаніи и навсегда сохранила дату своего чекана.

У націоналистической оппозиціи, впрочемъ, и послѣ гибели московскихъ стрѣльцовъ, оставался еще одинъ ресурсъ: южныя окраины. На этотъ разъ она сама первая пошла на встрѣчу и искала союза. Идея идти на Москву была на югѣ очень популярна. Въ списокъ враговъ, подлежащихъ истребленію, кромѣ бояръ, воеводъ и приказныхъ, занесены были и нѣмцы, а скоро прибавлена еще новая категорія: «прибыльщики» (доморощенные финансисты изъ дворовыхъ и приказныхъ, измышлявшіе новые налоги въ началѣ сѣверной войны). Положительная сторона программы тоже включила въ себя всѣ исторически сложившіеся слои — разинскій, раскольниковъ, націоналистическій и новѣйшій фискальный. Но на Дону и на Волгѣ сочетанія этихъ элементовъ оказались различныя. «Стали мы въ Астрахани (1705) за вѣру христіанскую, и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ... и за то, что стала намъ быть тягость великая», говорилось въ тамошней прокламаціи. Въ такой программѣ оказывалось слишкомъ мало — разинскаго элемента. Не обнаружили астраханскіе бунтовщики и достаточной ловкости, и достаточнаго знанія мѣстныхъ условій, которое могло бы зарекомендовать ихъ въ глазахъ казачества. Они, правда, не даромъ говорили, что такое «великое дѣло не просто начали». Дѣйствительно, за ними стоялъ цѣлый сѣздъ представителей недовольныхъ изъ разныхъ мѣстностей: «со многихъ городовъ люди». Но эти «многіе города» внутренней Россіи ничѣмъ

не могли помочь возстанію, кромѣ идейнаго сочувствія. О привлеченіи мѣстныхъ, всегда готовыхъ волноваться элементовъ — организаторы подумали слишкомъ поздно — и сдѣлали это дѣло неумѣло. Выборный вождь движенія, ярославскій раскольникъ Носовъ, по-видимому, принадлежалъ къ типу людей, лучше умѣвшихъ «умирать» за вѣру, по его собственному выраженію, чѣмъ за нее бороться. Это были, словомъ, на Волгѣ не свои люди. Вотъ почему имъ и не удалось сплотить около себя низовой вольницы.

Главные союзники, которыхъ особенно боялся Петръ и на которыхъ особенно рассчитывали какъ московскіе, такъ и астраханскіе стрѣльцы, — это были донскіе казаки. Посланное имъ, слишкомъ официально, прямо въ Черкасскъ, приглашеніе — было официально и отклонено. Донцы остались равнодушны къ главной націоналистической сторонѣ астраханской программы, на томъ основаніи, что «къ нимъ до сихъ поръ о бородахъ и о платѣ указу не прислано». Это не помѣшало донской «голубьѣ» два года спустя возстать самостоятельно (подъ предводительствомъ Булавина), выставивъ поводъ, между прочимъ, и «еллинскую вѣру», въ которую «вводятъ» добрыхъ людей. Самая эта формулировка*) показала, однако же, что Донъ болѣе чѣмъ когда-либо остается чуждъ религіозно-національному элементу протеста. Булавинская прокламація приглашала «атамановъ-молодцовъ, дорожныхъ охотниковъ, воровъ и разбойниковъ» — «съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить». Очевидно, Носовъ и Булавинъ говорили на разныхъ языкахъ.

Итакъ, всѣ наличныя силы, на которыя могъ бы опереться соединенный соціально-націоналистическій протестъ, были пущены въ дѣло и разбиты по одиночкѣ. Безполезно обсуждать, каковы были бы шансы на успѣхъ въ случаѣ комбинированнаго дѣйствія. Для насъ важно было отмѣтить, что соглашеніе не могло состояться, помимо случайности и стихійности дѣйствій, также и потому, что и чувства, и взгляды, и задачи разныхъ входившихъ въ соглашеніе элементовъ были чрезвычайно различны между собою.

Наши наблюденія надъ оппозиціонными элементами Петровской эпохи были бы, однако, неполны, если бы мы, помимо народной оп-

---

*) Можетъ быть, она вызвана жалобами астраханцевъ, что ихъ заставляютъ кланяться «болваннымъ кумирскимъ богамъ», подъ которыми они разумѣли подставки для париковъ, найденные въ домахъ служилыхъ людей: характерный провинціализмъ, уцѣлѣвшій отъ временъ Олеарія.

позиции, не упомянули еще и объ оппозиции интеллигентной, сосредоточивавшейся въ высшемъ общественномъ слоѣ. Мы разумѣемъ остатки титулованной аристократіи, «родословныхъ людей». Нѣкоторые изъ нихъ, какъ кн. Дм. Мих. Голицынъ и кн. Б. Куракинъ, были передовыми людьми своего времени, гораздо болѣе образованными, чѣмъ самъ Петръ, поневолѣ пользовавшійся ихъ услугами. Но Петръ не пускалъ ихъ на первыя мѣста и распространялъ на нихъ то недо-вѣріе, съ которымъ вообще относился, какъ мы знаемъ къ боярству. Въ свою очередь, и они съ презрѣніемъ смотрѣли на плебейскіе вкусы и привычки царя, были шокированы его семейными отношеніями и не признавали его второго брака, негодовали на выборъ сотрудниковъ, какъ Меншиковъ, невѣжественныхъ и надменныхъ, которымъ тѣмъ не менѣе они принуждены были кланяться. Петровской безцеремонности и неуваженія къ чужому достоинству они старались противопоставить крайнюю сдержанность и осторожность, по возможности устраниаясь отъ его оргій и предпочитая постоянному лицезрѣнію царя — службу въ провинціи, въ арміи, за-границей или просто жить у себя дома. «Что вы дома дѣлаете?» — спрашивалъ ихъ Петръ. — «Я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть?» — «Какъ не найти дѣла дома», возражали они, думая про себя: «у тебя все готово, ты нашихъ нуждъ не знаешь». Для Петра — это было только оправданіемъ его отношенія къ этимъ «большимъ бородамъ, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажъ обрѣтаются».

Царевичъ Алексѣй былъ тѣмъ идейнымъ центромъ, въ которомъ соединялась народная оппозиція съ аристократической. «Мнѣ только здорова была бы чернь», говорилъ онъ, и въ то же время считывалъ въ числѣ своихъ друзей всѣхъ этихъ Долгорукихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ и т. д. «Отецъ твой хотя и уменъ», говорили они ему, «но только людей не знаетъ, а ты умныхъ людей знать будешь лучше». При случаѣ они не прочь были бы выступить впередъ, и, можетъ быть, даже дать народному протесту ту организацію, которой ему больше всего недоставало. Но случая не представлялось, а царевичъ менѣе всего былъ способенъ самъ создать такой случай. И титулованная аристократія таила въ душѣ свою оппозицію, въ ожиданіи лучшихъ дней. «Кабы царица не смягчала государева жестокаго права, намъ бы было жить нельзя: я бы первый измѣнилъ», шепталъ царевичу кн. Вас. Влад. Долгорукій — и принималъ на себя потомъ очень двусмысленную роль, какъ посредникъ между отцомъ и сыномъ. «Пожалуйста, меня не оставь», говорилъ царевичъ въ Сенатѣ другому своему «другу», кн. Якову Ѳед. Долгорукому, передъ ѡбѣдомъ

заграницу. «Всегда радъ, — отвѣчаетъ князь Яковъ, — только больше не говори со мной: другіе на насъ смотрятъ». При возвращеніи Алексѣя, князь, въ числѣ другихъ сенаторовъ, подписываетъ свое имя подъ смертнымъ приговоромъ царевичу и присутствуетъ при его предсмертной пыткѣ въ крѣпости, довольный хоть тѣмъ, что удалось спасти отъ пытки и казни сородича — князя Василья.

Аристократическая оппозиція принуждена была ограничиться разговорами по секрету. Но въ этихъ разговорахъ реформа Петра подверглась безпощадной критикѣ, и намѣчался планъ дѣйствій въ будущемъ. Царевичъ Алексѣй только резюмировалъ всѣ эти разговоры, когда излагалъ свою программу своей возлюбленной, Афросинѣ. «Я старыхъ всѣхъ (сотрудниковъ) переведу и избѣру себѣ новыхъ по своей волѣ: буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ; кораблей держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу: буду довольствоваться старымъ владѣніемъ». Итакъ, новая программа, принимая въ общемъ реформу, отрицательно относится къ тремъ пунктамъ ея, — для Петра, конечно, самымъ важнымъ: къ арміи, флоту и Петербургу. По счастью, извѣстны не только эти выводы, но и тѣ разсужденія, на которыхъ они основывались. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Петра Фокеродтъ изложилъ эти разсужденія, частью отъ лица оппозиціи, частью отъ своего собственнаго лица, когда былъ съ ними согласенъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что именно въ этомъ кругу, о которомъ мы теперь говоримъ, Фокеродтъ слышалъ эти «интимныя, конфиденціальныя» бесѣды изъ устъ лицъ, слагавшихъ Петру при «публичныхъ разговорахъ» — «пышные панегирики».

Недовольство непрерывными войнами, безерочной военной службой и введеніемъ постоянной регулярной арміи заставило аристократическую оппозицію формулировать свой собственный взглядъ на задачи иностранной политики. — Прежніе государи, — говорила недовольная знать, — тоже дѣлали завоеванія, но присоединяли лишь такія земли, которыя были необходимы государству или откуда насъ безпокоили разбойничьи набѣги. Напротивъ, пріобрѣтенія Петра ничего не прибавляютъ къ нашей безопасности, а могутъ только вовлечь насъ, безъ всякой пользы для Россіи, въ чуждые намъ взаимные счеты и споры иностранныхъ державъ. Прежнія завоеванія были уже настоящими завоеваніями, изъ которыхъ и государство, и служилые люди извлекали всевозможные выгоды; а петровскія завоеванія требуютъ только заботъ и расходовъ. Не только дворянство не получило отъ нихъ никакихъ выгодъ и имѣній, а напротивъ,

«лифляндцы у насъ чуть не на головахъ нашихъ пляшутъ, имѣютъ больше привилегій, чѣмъ мы сами: намъ только остается честь — защищать своею кровью и охранять на свой счетъ чужую націю». Наше государство такъ велико, что расширять его нѣтъ надобности; нужно только заселить его погуще. На насъ никто не нападаетъ, да и географическое положеніе Россіи таково, что чужеземное вторженіе ей не страшно. Въ случаѣ вторженія — страна, конечно, напряжеть всѣ усилія для защиты, какъ это было въ смутное время. Но никакой, даже самый жестокій непріятель, хотя бы онъ опустошилъ все государство, не могъ бы причинить намъ и половины вреда, какой приносить постоянная армія. Такимъ образомъ, настоящая національная политика должна состоять въ томъ, чтобы сидѣть смирно, въ чужія дѣла не вмѣшиваться и ни на кого не нападать. Для обороны же достаточно и старой военной организаціи; а милліоны людей, которыхъ стоила шведская война и построеніе Петербурга, умѣе было бы оставить дома, за сохой, гдѣ недостатокъ ихъ слишкомъ тяжело чувствуется.

Еще нелишье въ такой странѣ, какъ Россія, — стремиться играть роль морской державы. Для обороны границъ флотъ не нуженъ, такъ какъ единственная страна, которая могла бы высадить свои войска съ моря, Швеція, всегда предпочтетъ сдѣлать это съ суши; а высаженный моремъ десантъ необходимо окажется отрѣзаннымъ, какъ только берега покроются льдомъ. Для нападенія же — флотъ бесполезенъ, такъ какъ шведскіе берега защищены скалами, а прусскіе — дюнами; нападать же на Данію нѣтъ ни разсчета, ни возможности, потому что за нее вступятся другія морскія державы. Не нуженъ флотъ и для торговыхъ цѣлей, такъ какъ вся русская торговля совершается на чужихъ корабляхъ. Такимъ образомъ, и потраченные на флотъ невѣроятныя суммы денегъ лучше было бы оставить въ карманѣ подданныхъ.

Наконецъ, и перенесеніе резиденціи въ сѣверную столицу болѣе вредно, чѣмъ полезно. Не говоря уже о томъ, что и судъ, и финансы и вообще внутреннее управленіе, переполненное ворами и взяточниками, гораздо легче было бы контролировать изъ такого центрального пункта, какъ Москва, — и для внѣшней политики переселеніемъ въ Петербургъ выигрывается немного. Правда, Швеція ближе изъ Петербурга, но ужъ черезчуръ, такъ какъ при малѣйшей оплошности новая столица рискуетъ сдѣлаться жертвой шведскаго нападенія. Напротивъ, къ Польшѣ и Турціи, за которыми, конечно, важнѣе наблюдать, чѣмъ за Швеціей — Москва ближе Петербурга. А ко всѣмъ

остальнымъ державамъ разстояніе одинаково, такъ какъ и Москва, и Петербургъ одинаково удалены отъ Риги, «составляющей дверь, черезъ которую теперь проходитъ въ Россію все, что идетъ изъ Европы». Наконецъ, и торговля не можетъ извлечь никакой выгоды изъ пребыванія двора въ Петербургѣ, такъ какъ потребленіе двора составляетъ самую ничтожную часть торговаго оборота. Главный предметъ его — громоздкое вывозное сырье, особенно нуждающееся въ дешевизнѣ расходовъ на перевозку: а при высокихъ петербургскихъ цѣнахъ, вызываемыхъ именно присутствіемъ двора, эти расходы ложатся на товары очень тяжело; слѣдовательно, дворъ лишаетъ торговлю и тѣхъ выгодъ, которыя могло бы дать ей мѣстоположеніе Петербурга.

Вотъ систематизированное, можетъ быть, нѣсколько заднимъ числомъ, изложеніе аргументовъ, какіе могли имѣть противъ реформы Петра государственные люди типа кн. Д. М. Голицына. Въ этомъ націоналистическомъ взглядѣ особенно бросается въ глаза одна черта, которая, на первый взглядъ, какъ будто, противорѣчитъ націоналистическому характеру программы: это, именно, требованіе разоруженія и мирной политики. Принято, наоборотъ, завоевательную политику считать необходимой составной частью національной программы. Сюда, несомнѣнно, подходить и завоевательная политика Петра: недаромъ и противъ Турціи, и противъ Швеціи онъ выдвигалъ русскіе «завѣты исторіи». Въ этомъ соединеніи національно-завоевательной политики съ официальной побѣдой критическихъ элементовъ мы усматриваемъ даже характерную черту переходнаго XVIII вѣка (выше, стр. 21). Несомнѣнно, въ реформѣ Петра критическіе элементы составляли лишь средство, а цѣль была вполне націоналистическая. Если такъ, то какой же смыслъ имѣло противопоставлять эту, по существу своему націоналистическую, политику, — какой-то другой, совершенно обратной политикѣ въ націоналистической программѣ? Ужъ не помѣнялись ли на этотъ разъ мѣстами націонализмъ и критика?

Въ дѣйствительности, здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Достаточно обратить вниманіе на то, какъ — совершенно по-ассирійски или, что то же, по старо московски — смотритъ націоналистическая оппозиція на задачи всякаго завоеванія вообще; какъ непонятенъ ей, съ этой точки зрѣнія, характеръ подчиненія Лифляндіи и сохраненіе ея привилегій, — чтобы убѣдиться, что взглядъ оппозиціи на внѣшнюю политику безусловно націоналистическій. Онъ не исключаетъ ни дальнѣйшихъ «необходимыхъ пріобрѣтеній» отъ Поль-

ши, ни новыхъ завоеваній, «обезпечивающихъ отъ набѣговъ» — со стороны Турціи. Онъ просто только считаетъ эти старыя цѣли московской политики достижимыми и при помощи старыхъ средствъ. Расширить же сферу дипломатическихъ отношеній Россіи онъ, очевидно, боится, чтобы не сдѣлать Россію орудіемъ въ чужихъ рукахъ безъ всякой для нея пользы. Конечно, и увлеченіе Петра «безплодной Пигермайландіей» и его любезности передъ остзейцами — этотъ взглядъ считаетъ отклоненіемъ отъ нормальнаго хода русской политики. Тутъ есть, конечно, много здравыхъ мыслей.

Однако же, и помимо этихъ спокойныхъ, логическихъ государственныхъ соображеній, есть еще причины, побуждавшія старую аристократію держаться подальше отъ Швеціи, поближе къ Польшѣ и Турціи, и мечтать о возвращеніи къ военному устройству XVII вѣка. Это — классовые интересы ея и вообще русскаго дворянства, существенно затронутые новыми порядками. «Когда (этой знати) приводить въ примѣръ дворянство европейскихъ странъ, считающее величайшей честью военные заслуги, — говоритъ Фокеродтъ, — она обыкновенно отвѣчаетъ: это только доказываетъ, что на свѣтѣ больше дураковъ, чѣмъ умныхъ людей. Умный человѣкъ не станетъ подвергать опасности здоровье и жизнь, — развѣ только изъ нужды, за жалованье. Но русскій дворянинъ съ голоду не умретъ, если только позволятъ ему жить дома и заниматься хозяйствомъ. Даже тому, кто самъ за сохой ходитъ, все-таки лучше, чѣмъ солдату. А человѣкъ мало-мальски со средствами можетъ себѣ всякое удовольствіе позволить: ѣды и питья, платья, прислуги у него въ изобиліи: можетъ онъ сколько душа захочетъ, и развлекаться охотой и другими забавами предковъ. Нѣтъ у него, конечно, костюмовъ съ серебромъ и золотомъ, нѣтъ великолѣпныхъ каретъ, дорогой мебели, не пьетъ онъ тонкаго вина, не лакомится чужеземными приправами. Но за то вѣдь онъ ни о чемъ этомъ и не знаетъ — и уже потому не можетъ чувствовать себя лишеннымъ этого: онъ довольствуется своимъ домашнимъ питьемъ и ѣдой и чувствуетъ себя лучше, чѣмъ любой иностранецъ съего пресловутой *bonne chère*. Что же можетъ заставить уйти отъ этого покоя и удобства, подвергаться тысячѣ опасностей и трудностей, чтобы добиться какого-то чина?» Таково настроеніе русскаго «шляхетства», неволей «выволеченнаго» изъ насиженныхъ дѣдовскихъ гнѣздъ на тяжелую солдатскую службу. Естественно, что его досадѣ нѣтъ границъ. «Изъ-за какого-то честолюбія государя, а то такъ и министра, сосутъ кровь у крестьянъ, заставляютъ лично служить, да не такъ, какъ прежде — пока длится война, — а много

лѣтъ подрядъ, вдалекѣ отъ дома и семьи. Приходится влѣзать въ долги, а имѣніе отдавать въ воровскія руки прикащика, который такъ его обчиститъ, что, если и посчастливится по старости или по болѣзни получить отставку, такъ и то не приведетъ хозяйства въ порядокъ до самой смерти». Таково то настроеніе, при которомъ создаются націоналистическія мечты о возвращеніи къ старымъ порядкамъ. Таковы же и тѣ чувства, которыя лежатъ въ основѣ ненависти русской знати къ Петербургу. «Потребности русскаго дворянина, — замѣчаетъ Фокеродтъ — заключаются не въ дорогихъ костюмахъ и мебели, не въ гастрономическомъ обѣдѣ и иностранныхъ винахъ, а въ обиліи пищи и питья мѣстнаго происхожденія, въ многочисленной дворнѣ и въ лошадяхъ. Все это въ Москвѣ онъ имѣетъ даромъ или за очень дешевую цѣну. Провизію для него и для дворни, сѣно и овесъ для лошадей привозятъ ему, по близости, изъ своихъ же деревень въ изобиліи; продавать ихъ все равно некуда; все и идетъ въ свое же хозяйство. Напротивъ, въ Петербургѣ, окрестности котораго безплодны, ему приходится везти провизію и кормъ издалека: лошади падаютъ въ дорогѣ, обозъ стоитъ, мужики разбѣгаются; или же приходится все покупать на чистыя деньги, по страшно высокимъ цѣнамъ, — что, при русскомъ хозяйствѣ, приносящемъ доходъ больше натурой, чѣмъ деньгами, чрезвычайно отяготительно».

Итакъ, вотъ что особенно непріятно въ реформѣ для русской знати и дворянства: разореніе хозяйства, подрывъ экономическаго благосостоянія. Изъ всѣхъ мотивовъ недовольства — этотъ окажется самымъ сильнымъ и прочнымъ. Русскій дворянинъ охотно примирится съ самымъ пышнымъ расцвѣтомъ націоналистической виѣшней политики, — который еще впереди. Онъ еще скорѣе и охотиѣе войдетъ во вкусъ европейскихъ модъ и житейскаго комфорта. Но къ чему его никогда не удастся приучить и противъ чего онъ всегда останется въ оппозиціи, — это европейское чувство «военной чести», воспитавшее сословный духъ европейскаго дворянства. Очень скоро послѣ Петра онъ почувствуетъ свою корпоративную силу. Но онъ воспользуется ею только для того, чтобы какъ можно скорѣе развязаться съ почетной повинностью военной службы и вернуться назадъ, «домой», къ себѣ въ деревню. Изъ всѣхъ оппозиціонныхъ стремленій петровскаго времени — это будетъ единственное, которое найдетъ твердую точку опоры въ собственной сословной силѣ и которое осуществится, благодаря этому, *вопреки* волѣ правительства.

Кромѣ общихъ сочиненій о царствованіи Петра В. — Устрялова, Соловьева, Брикнера, см. послѣднюю сводную работу *K. Waliszewski*, «*Pierre le Grand*», Paris 1897 г.: авторъ удачно популяризируетъ и обставляетъ фактическими доказательствами тотъ взглядъ на Петра, который начинаетъ въ послѣднее время устанавливаться въ русской литературѣ. Дневникъ Корба переведенъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др., 1866, IV; 1867, I и III. Записки Юста Юля — тамъ же, 1899, II—IV. Мемуары кн. Б. Куракина въ Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина, т. I, Спб. 1890. Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, т. I—IV, М. 1857—63 г. Записка Фокеродта издана *Herrmann*'омъ: «*Russland unter Peter dem Grossen*», Lpz., 1872; русск. перев. въ Чтеніяхъ О. И. и Др. 1874 г., II. Для характеристики религіозной и социальной оппозиции, кромѣ Соловьева и сочиненій, указ. въ «Очеркахъ», г. II, въ отдѣлѣ о расколѣ, см. еще: П. С. Смирнова, «Внутренніе вопросы въ р. расколѣ въ XVII в.» Спб. 1898 г. В. Г. Дружинина, «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.», Спб. 1889 г.

II

Дворянскій характеръ новой культуры и теоретическая защита «свѣтскаго житія».

Наслѣдство Петра Великаго въ рукахъ его фаворитовъ, аристократической оппозиціи и дѣльцовъ-иностранцевъ. — Новая культура становится социальнымъ признакомъ высшаго общественнаго слоя. — Ея успѣхи при дворѣ: ихъ значеніе и послѣдствія. — Служебное положеніе и чинъ, какъ средство опредѣлить социальное положеніе лица. — Чиновная аристократія. — Табель о рангахъ, какъ носитель новой культуры. — Медленность распространенія этой культуры изъ столицы въ провинцію — въ рядовомъ дворянствѣ. — Иллюстраціи Болотова. — «Завѣщаніе» Посошкова, какъ матеріалъ для характеристики отживающаго міровоззрѣнія «подлыхъ людей». — Критика лютеранства, какъ главнаго источника новаго «свѣтскаго житія». — Проектъ искорененія раскола. — Препятствія для осуществленія евангельской морали въ собственномъ складѣ воззрѣній Посошкова и въ окружающей средѣ. — Житейскій компромиссъ, какъ основаніе его морали. — Житейскій кодексъ шляхетства по руководствамъ для свѣтскаго обращенія. — Курсъ шляхетскихъ наукъ. — Слабость критическихъ элементовъ въ новой культурной средѣ и ея послѣдствія для будущаго. — Теорія «естественнаго закона», какъ первое міровоззрѣніе, послужившее теоретическимъ оправданіемъ «свѣтскаго житія». — «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ» Татищева, какъ первый опытъ такого оправданія и первая проба русской интеллигентской мысли. — Счастье — цѣль жизни; удовлетвореніе потребностей — средство къ ея достиженію. — Отношеніе церковнаго закона къ естественному. — Роль науки, какъ средства познанія естественнаго закона. — Возраженія противъ нея. — Естественная теорія общественныхъ союзовъ. — Требованіе сознательнаго отношенія къ вѣрѣ и жизни въ «Духовной». — Неблагопріятныя условія для распространенія такого отношенія въ шляхетской средѣ. — Политическая идеологія «естественнаго права» въ примѣненіи къ борьбѣ русскихъ общественныхъ группъ при воцареніи императрицы Анны.

Въ 1728 г. саксонскій посланникъ Лефортъ сравнилъ оставленное Петромъ наследство съ кораблемъ, который носится по волѣ вѣтровъ, угрожаемый бурей, тогда какъ капитанъ, и экипажъ корабля спятъ или пьянствуютъ. «Непостижимо, какъ такой обширный механизмъ можетъ дѣйствовать безъ всякой помощи и усилій со стороны. Всякій стремится только свалить съ себя тяжесть, никто не хочетъ принять на себя ни малѣйшей ответственности, всѣ жмутся къ сторонѣ»... «Огромная машина пущена на удачу: никто не думаетъ о будущемъ; экипажъ ждетъ, кажется, перваго урагана, чтобы подѣлится между собой добычу послѣ кораблекрушенія».

Въ этой яркой картинѣ иностранный дипломатъ забылъ одну существенную черту: это то могучее подводное теченіе, которое направило корабль Петра въ опредѣленный фарватеръ и которое теперь по тому же фарватеру продолжало нести покинутое капитаномъ судно, несмотря на всю панику, охватившую экипажъ, несмотря даже на явное желаніе части экипажа — повернуть корабль противъ течения. Мы, — которые знаемъ, что руль и компасъ совсѣмъ не оказали Петру такихъ огромныхъ услугъ, какъ думали его поклонники, — легко можемъ понять, какъ преувеличены были опасенія за судьбу корабля, осужденнаго двигаться нѣкоторое время безъ руля и компаса.

Конечно, этихъ опасеній не могла не вызывать разнузданная борьба амбицій и честолюбій, которая происходила на глазахъ дипломатовъ и поражала ихъ нестротой, неожиданностью и непрочно-стью результатовъ. Но, въ сущности, и самая эта борьба совсѣмъ не была такъ безтолкова, какъ могло показаться со стороны. Въ ней былъ свой внутренній смыслъ. Несомнѣнно, смерть Петра застала Россію врасплохъ: и это дорисовываетъ намъ его реформу. Такова, какова она была, она и не могла быть завѣщана никому другому. Петръ слишкомъ отождествлялъ себя съ своимъ дѣломъ, чтобы подумать о замѣстителѣ, и слишкомъ погруженъ былъ всегда въ интересы текущей минуты, чтобы останавливаться еще на мысли о будущемъ. Вотъ почему, умирая, онъ оставилъ на первыхъ мѣстахъ только покорныхъ исполнителей, неспособныхъ, а чаще всего и не желавшихъ принять на себя никакой инициативы въ государственныхъ дѣлахъ. Въ интересахъ самосохраненія, эти лично близкіе къ Петру люди должны были ухватиться за власть, которая была въ ихъ рукахъ въ моментъ смерти ихъ покровителя. Но у нихъ не было ни умственныхъ, ни образовательныхъ, ни моральныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы удержать захваченную власть за собою надолго. Вотъ

почему, — независимо отъ всякихъ случайностей придворной борьбы, — рядомъ съ ними, а потомъ и надъ ними должны были выдвигаться другія наличныя силы, то же знакомы намъ изъ петровскаго времени. Съ одной стороны, это иностранцы-дѣльцы, заслоненные петровскими ничтожностями, съ другой — отодвинутая Петромъ на задній планъ аристократическая оппозиція. Старая знать, къ тому же, представляла и извѣстную социальную силу: ея отношеніе къ реформѣ, какъ мы знаемъ, совпадало въ значительной степени съ настроеніемъ средняго дворянства. Естественно, что аристократическая оппозиція — и сознательно, и самою силой вещей — должна была первая замѣнить во власти петровскихъ фаворитовъ. Таковъ, дѣйствительно, и былъ смыслъ и исходъ первой партійной борьбы по смерти преобразователя. Послѣ короткаго торжества людей, державшихъ власть въ моментъ смерти Петра, аристократической оппозиціи удалось заставить ихъ подѣлиться властью съ собою. Фавориты и оппозиціонеры заняли мѣста рядомъ другъ съ другомъ во вновь учрежденномъ Верховномъ совѣтѣ. Затѣмъ, оппозиція провела своего кандидата на престолъ, сына своего злосчастнаго вождя, царевича Алексѣя, и обезпечила себѣ закономъ верховныя права и полную равноправность членовъ въ верховномъ правительствѣ*). Наконецъ, тотъ же замкнутый кругъ высшей аристократіи безиренятственно провелъ уже совершенно искусственную кандидатуру (Анны Ивановны), съ единственною цѣлью закрѣпить навсегда свое участіе въ верховной власти путемъ органическаго закона. Только сопротивленіе новаго вліятельнаго общественнаго слоя — дворянства — помѣшало осуществленію этой попытки и вмѣстѣ съ тѣмъ положило конецъ политическому преобладанію аристократической оппозиціи.

Какъ же воспользовалась русская титулованная знать этими нѣсколькими годами своей сравнительной силы? У нея была, мы знаемъ, своя программа, правда, больше отрицательная, чѣмъ положительная. Обстоятельства и личности государей (Екатерины I и Петра II) не особенно благопріятствовали энергическому проведенію

---

*) Въ завѣщаніи Екатерины I было сказано, что во время малолѣтства Петра II Верховный Совѣтъ будетъ «имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя», и что онъ долженъ «множествомъ голосовъ вершать всегда, и никто одинъ повелѣвать не имѣть и не можетъ». Послѣдними словами у Меншикова отнималось право, которымъ онъ пользовался со времени Петра, — издавать распоряженія, равносильныя царскимъ указамъ.

этой программы. Но они и не препятствовали ей предъявленію, тѣмъ больше, что значительная часть ея какъ разъ и заключалась въ *прекращеніи* энергической дѣятельности правительства по известнымъ отдѣламъ управленія. Дѣйствительно, заботы о войскахъ и особенно о флотѣ были тотчасъ же ослаблены или вовсе прекращены. Интересъ къ иностранной политикѣ сохранился чуть не у одного Остермана, тщетно старавшагося поддержать хоть видный видъ регулярности въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Мысль объ облегченіи податного бремени легче было высказать, чѣмъ осуществить. Вотъ почему, въ ожиданіи податной реформы, эта часть оппозиціонной программы была осуществлена лишь въ своеобразной формѣ — накопленія недоимокъ. Мѣстные власти просто воспользовались ослабленіемъ контроля надъ ними и стали продавать отсрочки во взысканіи податей съ плательщиковъ за чистыя деньги, которыя клали, разумѣется, въ собственный карманъ. Зато радикально пресѣченъ былъ новый расходъ, который долженъ былъ лечь на населеніе — на содержаніе цѣлой арміи проектированныхъ Петромъ областныхъ чиновниковъ. Эта реформа просто была зачеркнута, и русская провинція вернулась къ до-петровскому упрощенному воеводскому управленію (ср. Очерки т. I). Та же судьба постигла и предпринятую Петромъ расквартировку арміи. Еще усерднѣе проводилась та часть оппозиціонной программы, которая вытекала прямо изъ интересовъ служилого сословія. Уже въ 1726 г. разрѣшено было отпустить по домамъ двѣ трети офицеровъ и рядовыхъ изъ шляхетства, «чтобы могли привести свои деревни въ порядокъ», а оставить при полкахъ треть, «иноземцевъ и безпомѣстныхъ, которые безъ жалованья прожить не могутъ». Дворянство снѣшило воспользоваться этимъ условнымъ разрѣшеніемъ, не дожидаясь, «когда конъюнктуры допустятъ», какъ сказано было въ указѣ. Наконецъ, и ненависть къ Петербургу нашла свое выраженіе въ предположеніяхъ — вернуть виѣшнюю торговлю опять въ Архангельскъ, а дворъ — переселить въ Москву. Последний планъ и былъ осуществленъ съ воцареніемъ Петра II. Въ Москву переселились съ 1728 года навсегда, и на стѣнахъ старой столицы красовались объявленія, грозившія «бить кнутомъ нещадно» всякаго, кто заговоритъ о возвращеніи въ С.-Петербургъ. Переселяясь, тѣмъ не менѣе, въ 1732 г. обратно въ Петербургъ, имп. Анна принуждена была притвориться, что это дѣлается только на время. Даже въ самомъ образѣ жизни двора замѣчалась реакція. Отъ «тяжелыхъ забавъ» Петра дворъ возвращался снова къ «легкимъ забавамъ» царя Алексѣя и Θεодора: къ всевозможнымъ видамъ охоты, къ лошадиному спорту.

Въ покояхъ Анны появились снова дураки и сказочники-бахари. Поваривали и о восстановленіи патріаршества. Можетъ быть, только отсутствие подходящаго кандидата и политическая ловкость Теофана Прокоповича помѣшали перейти отъ словъ къ дѣлу. Какъ бы то ни было, Анна дала знати обязательство — особенно позаботиться о православіи. И послѣ побѣды надъ нею, набожная по старинному царица все же не позабыла объ этомъ своемъ обязательствѣ. Первымъ пріѣздомъ своимъ въ сенатъ она воспользовалась, чтобы объявить свой демонстративный указъ 17-го марта 1730 г., которымъ предписывалось аккуратное посѣщеніе церковныхъ службъ, обновленіе запущенныхъ храмовъ и богадѣленъ, восстановленіе крестныхъ ходовъ, благодарственныхъ молебновъ въ царскіе дни и панихидъ по усопшимъ предкамъ, молебствій и постовъ по случаю разныхъ общественныхъ бѣдствій, словомъ, всего, «какъ прежде при *дядѣ и отцѣ* нашемъ было». Упоминая Алексѣя и Ивана и тщательно умалчивая о Петрѣ, Анна какъ бы подчеркивала реакціонную тенденцію указа. А требуя присутствія архіереевъ во всѣхъ процессіяхъ, она какъ бы формально отрекалась отъ солидарности съ протестанскими тенденціями любимца Петра и своего политическаго единомышленника, Теофана.

Однако же эти и нѣкоторыя другія (см. ниже) уступки оппозиціонной программѣ никого не могли ввести въ заблужденіе. Въ тотъ моментъ, когда онѣ дѣлались, роль аристократической оппозиціи была уже сыграна. Мѣсто фаворитовъ и оппозиціонеровъ Петра занялъ третій элементъ — его дѣльцы. Правительство Анны было дѣловымъ правительствомъ иностранцевъ. Его программа была дѣловой программой, имѣвшей цѣлью не столько новое политическое творчество, сколько реставрацію всего упущеннаго и запущеннаго при двухъ предыдущихъ правительствахъ: и въ войскѣ, и во флотѣ, и въ пода-тяхъ, и въ иностранныхъ сношеніяхъ.

Болѣе энергичная дѣятельность во всѣхъ этихъ сферахъ государственной жизни, также какъ и ликвидація областной реформы Петра, вызывалась просто соображеніями государственной необходимости. Соображенія эти были тѣ же, которыя вызвали и самую реформу Петра. Потолкавшись о берега и посидѣвъ немного на мели, громоздкій государственный «корабль» двинулся потихоньку дальше, внизъ по теченію.

Въ сферѣ собственно культурной *внешности* реформы, которая насъ теперь преимущественно интересуетъ, даже и эти боковые толч-

ки и остановки прошли совершенно незамѣтно. Аристократическая оппозиція ничего противъ этой виѣшности не имѣла. Установившаяся уже при Петрѣ придворная рутинѣ послужила первымъ надежнымъ проводникомъ для этого рода культурныхъ заимствованій. Они измѣнили мало-по-малу всю житейскую обстановку верхняго общественнаго слоя.

Дѣйствительно, уже въ послѣдніе годы Петра петербургскій дворъ, по отзыву иностранныхъ наблюдателей, не уступалъ по виѣшности любому германскому. Прошли тѣ недавнія времена, когда полъ въ пріемныхъ покояхъ приходилось устилать на полъ-аршина сѣномъ, чтобы спасти его отъ вольныхъ и невольныхъ человѣческихъ остатковъ пира. Смолкли десятки дураковъ и шутовъ, оглушавшихъ гостей своимъ крикомъ, свистомъ, визгомъ и пѣніемъ, плевавшихъ и сморкавшихся другъ другу въ лицо. Кабакъ, въ которомъ еще Юль засталъ (1710 г.) примитивныя попойки Петра, превратился въ церемонный придворный званый столъ, съ болѣе или менѣе строгимъ этикетомъ, и въ офиціозный *jour-fixe*, поочередно назначавшійся у болѣе видныхъ членовъ петербургскаго общества, — въ петровскую «ассамблею» двадцатыхъ годовъ. Случалось, правда, и въ это время Петру, по старой привычкѣ, пропьясать по столамъ подъ пьяную руку, или старику Бутурлину, «князю-напѣ», съ высоты своего Бахусоваго трона открыть не тотъ краѣ, который слѣдовало. Но эти милыя неожиданности уже являлись исключеніемъ, извинявшимся старикамъ и не подходившимъ къ установившемуся общему тону*). Молодежь сѣвшила отъ стола къ танцамъ и состязалась во всевозможныхъ галантностяхъ. Съ этого времени, по выраженію кн. Щербатова, «страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать» (Ср. «Оч.», II, VI, 1). Голштинскій камеръ-юнкеръ Берхгольдъ, побывавшій и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ, находилъ, что петербургскія придворныя дамы двадцатыхъ годовъ не уступаютъ ни иѣмкамъ, ни француженкамъ — ни въ свѣтскихъ манерахъ, ни въ умѣнь одѣваться, краситься и причесываться. Вѣроятно, имъ уже не приходилось въ это время по три ночи спать сидя, чтобы не испортить прически, какъ это случалось въ старой столицѣ, гдѣ на весь петровскій бѣмондъ была одна

---

*) Исключеніе составляла и пьяная толпа «славильщиковъ», «неусыпаемая обигель» Петра, набранная изъ людей всякаго происхожденія, ѣздившая съ Петромъ порежнему каждая святки славить Христа по Петербургу и совершавшая всевозможныя безчинства.

только «убирательница волосъ». Старинная кичка царицы Прасковьи при петербургскомъ дворѣ бросалась въ глаза, какъ диссонансъ. А чтобы встрѣтить молодую и знатную даму безъ модной прически, нужно было ѣхать въ Москву. Въ Петербургѣ русскій костюмъ сталъ употребляться только для маскарадовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше новые придворные костюмы прогрессировали въ роскоши и дороговизнѣ, — и тѣмъ чаще приходилось мѣнять фасоны. Простая обшивка галунами скоро стала казаться черезчуръ бѣдной. Явилось золотое и серебряное шитье, все болѣе заполнявшее костюмъ. Сукно было замѣнено шелкомъ, бархатомъ и даже парчей. Для манжетъ стали употребляться дорогія кружева, для отлѣлки платья — жемчугъ, для пуговицъ брилліанты. Являться часто ко двору въ одномъ и томъ же костюмѣ стало считаться неловкимъ. Немудрено, при этихъ условіяхъ, что уже въ серединѣ XVIII вѣка «часто гардеробъ составлялъ почти равный капиталъ съ прочимъ достаткомъ» придворныхъ людей (Щербатовъ).

Но требованія новой «людекости» шли гораздо дальше простой переменѣ манеръ и костюма. Люди, желавшіе играть роль, не могли ограничиться тѣмъ, что являлись сами при дворѣ. Они должны были быть готовы принять дворъ у себя. Петръ, у котораго лично не было никакого двора и который не любилъ расходовъ на представительство, переложилъ эти расходы на окружающихъ. Принимать и угощать его и его компанію — для извѣстнаго круга лицъ было обязательно. Въ Петербургѣ двадцатыхъ годовъ — это обязательство было регулировано и регламентировано (правилами объ «ассамблеяхъ»). Такимъ образомъ, старинный русскій домъ, открытый прежде безъ зову только для близкихъ родственниковъ и никогда не выдавшій даже званныхъ гостей въ часы семейнаго обѣда и ужина*), теперь долженъ былъ открыть свои двери для всѣхъ лицъ извѣстнаго общественнаго круга. Знаменитое хлѣбосоольство русскихъ баръ, при всей его національной своеобразности, было, такимъ образомъ, продуктомъ нововведенной «людекости» эпохи реформы, наравнѣ съ домашними оркестрами, тѣшившими гостей за столомъ, картами, составлявшими

---

*) Традиціонное угощеніе почетнаго гостя чаркой вина съ поцѣлуемъ хозяйки дома только подчеркиваетъ замкнутость старой семьи. Такъ недавно у христіанъ Балканскаго полуострова женщина молча подносила гостю на подносѣ ракію, кофе или варенье во время церемоннаго визита и удалялась, поцѣловавъ ему руку, если онъ старикъ.

послѣобѣденное развлеченіе гостей постарше, и танцами, занимавшими гостей помоложе и сдѣлавшимися главной страстью петербургскихъ дамъ и барышень.

Для того, чтобы «держать открытый столъ», нужно было имѣть соответственный погребъ, кухню и обстановку. «Простой» домашней водкой уже Петра нельзя было удовлетворить. Онъ требовалъ «приказной» (голландской анисовой) или «гданской». Приходилось выписывать изъ-за границы и вина, «эрмитажное», «венгерское». Вскорѣ появилось и «бургонское» и, наконецъ, «шампанское». Иностранное вино подавалось, конечно, на первыхъ порахъ только для гостей. Хозяинъ приказывалъ принести запечатанную четвертную бутылъ, наливалъ гостямъ по рюмкѣ и, тщательно запечатавъ, отсылалъ опять бутылъ на погребъ. Однако, эта старомодная бережливость уцѣлѣла не надолго. Уже на петровскихъ праздникахъ иностранное вино лилось рѣкой. Въ серединѣ вѣка шикъ состоялъ въ томъ, что подъ приборы на званомъ обѣдѣ клались цѣлые каталоги винъ, и каждый спрашивалъ изъ хозяйскаго погреба, какое хотѣлъ. Одновременно съ этимъ прогрессировала и кухня. Хозяева старались перещеголять другъ друга «чужестранными приправами» и десертомъ. Кабинетъ-министръ Елизаветы, Черкасовъ, первый полакомилъ Петербургъ свѣжимъ виноградомъ; но гр. П. П. Шуваловъ поразилъ придворную публику ананасами и бананами. Поварамъ платили въ серединѣ вѣка по 500 р. въ годъ, кромѣ содержанія (3½ тысячи до революціи). Измѣнилось и убранство комнатъ. Оставлять стѣны безъ обоевъ, довольствоваться самодѣльной мебелью изъ простого дерева и освѣщать комнаты салными свѣчами считалось уже неприличнымъ. Для обоевъ стали употребляться штофныя и шелковыя матеріи; на стѣнахъ явились зеркала; двери и потолокъ украшались позолотою. Мебель обязательно должна была быть англійская, краснаго дерева. Свѣчи употреблялись восковыя, и притомъ не желтаго, а бѣлаго воска. Соответствующія измѣненія видимъ и въ одеждѣ прислуги, и въ выездныхъ экипажахъ.

Разъ заведенная, вся эта новая обстановка поддерживалась и прогрессировала вовсе не вслѣдствіе одной только потребности въ comfortъ. Обстановка отражала социальное положеніе лица, если оно уже было составлено. Она закрѣпляла это положеніе, если его еще не было или если требовалось его создать. «Человѣкъ дѣлался почтенъ по мѣрѣ великолѣпности его житія и уборовъ», какъ выразился Щербатовъ. Другими словами, соперничество въ роскоши было своего рода мѣстничествомъ, въ которомъ, однако, побѣждали далеко не са-

мые родовитые. При цѣломъ рядѣ женскихъ правленій, какъ слѣдствіе фаворитизма и родственныхъ связей, появилось множество новыхъ шальныхъ состояній, цѣликомъ употребившихся на поддержаніе той придворной жизни, изъ которой они возникли. Сынъ знаменитаго фельдмаршала Б. П. Шереметева, одного изъ членовъ молчаливой петербургской оппозиціи и перваго богача въ Россіи, могъ еще держаться на высотѣ положенія и даже заслужить «особливое уваженіе» Елизаветы своей роскошью, которую онъ поддерживалъ поневолѣ, и своей готовностью — во всякое время угостить императрицу съ какою угодно свитой. Но и ему приходилось пасовать передъ новымъ аристократомъ, какимъ-нибудь «графомъ» И. Г. Чернышевымъ, насаждавшимъ сою аморе новыя заграничныя моды за счетъ жены, родственницы императрицы и тоже «графини» Ефимовской, и за счетъ казны, продавшей ему за 50 тысячъ мѣдные заводы, имъ же перепроданные казнѣ обратно, въ разоренномъ видѣ, за 700 тысячъ. Другой графъ императрицы Елизаветы, П. И. Шуваловъ — не имѣлъ открытаго стола и поддерживалъ свое положеніе инымъ способомъ. Онъ «находилъ нужныя суммы для удовлетворенія роскоши императрицы» въ казнѣ, какъ первый финансистъ того времени. И онъ, имѣя 400 тысячъ руб. ежегоднаго дохода, ухитрился накопить на себѣ больше милліона казеннаго долга. Очевидно, что старая знать никакой «домашней экономіей» не могла добыть средствъ на подобныя безумныя траты. Принужденная тянуться за случайными людьми, она только «изнуряла свое состояніе» и зачастую кончала полнымъ разореніемъ. Такимъ образомъ, естественнымъ послѣдствіемъ колоссальныхъ затратъ на эту новую обстановку, «превосходящую», по компетентному свидѣтельству герцога де-Липріа (1729), «своей роскошью и великолѣпіемъ даже самыя богатѣйшіе дворы» Европы, — была полная перетасовка въ составѣ высшей придворной аристократіи, а также и необходимость постоянно подновлять ее случайными людьми и подкрѣплять случайными состояніями.

Новаго тутъ, въ сущности, не было ничего. Это было только болѣе широкимъ, чѣмъ прежде, примѣненіемъ стараго, извѣстнаго намъ принципа, по которому всякій человѣкъ на Москвѣ «великъ и малъ живетъ(т. е. бываетъ) государевымъ жалованьемъ». Послѣ самаго дворянскаго изъ русскихъ царствованій, имп. Павла, еще могъ выразить эту же самую мысль въ утрированной формѣ: «у меня тотъ великъ, съ кѣмъ я говорю и пока я съ нимъ говорю». Петру Великому только удалось найти средство точно измѣрить «государево жалованье», сообразуя съ этимъ и мѣру личнаго достоинства каждаго,

и мѣру его участія въ благахъ новой культуры. Этимъ изобрѣтеніемъ была петровская «табель о рангахъ».

Иностранцевъ, привыкшихъ къ твердой соціальной группировкѣ, къ рѣзко проведеннымъ соціальнымъ гранямъ, всегда смущало и удивляло отсутствіе общественныхъ перегородокъ (кромѣ установленныхъ самою властью) въ русскомъ обществѣ. «Русскіе-сановники» замѣчаетъ Юль (1709), «весьма невыдержанны въ соблюденіи своей чести и достоинства. То ихъ офицеры, до бригадировъ включительно, ухаживаютъ за ними, какъ лакеи, прислуживаютъ и наливаютъ имъ вино; то они обращаются съ ними за панибрата, какъ съ товарищами... Отъ обѣда до поздней ночи сановники могутъ съ самыми младшими своими подчиненными курить, пить и играть въ карты на деньги, что у насъ считалось-бы неприличнымъ и для простого капрала». Это безразличіе въ общественныхъ сношеніяхъ между людьми разнаго соціального положенія было и осталось источникомъ простоты и человѣчности отношеній. Но оно имѣло, однако, же, и свою обратную сторону, особенно чувствовавшуюся въ тогдашней Россіи. За отсутствіемъ выработаннаго кодекса соціальныхъ отношеній, каждому члену этого безформеннаго общества приходилось самому создавать свое личное положеніе. Онъ измѣрялъ при этомъ степень высоты или низменности своего мѣста на общественной лѣстницѣ — тою степенью надменности или низкопоклонства, которую онъ могъ или долженъ былъ обнаружить въ своихъ сношеніяхъ съ низшими и высшими. При этомъ, самая необходимость быстрыхъ переходовъ отъ надменности къ низкопоклонству лишала всякой возможности выработать въ себѣ ту «выдержанность», «ровность» обращенія, которая для всякаго иностранца была чѣмъ-то само собою разумѣющимся, необходимымъ ингредиентомъ сановитости и культурности. Чувство личнаго достоинства, которое могло-бы служить общественной гарантіей противъ насилія, есть слишкомъ тонкій продуктъ культуры. Замѣнявшее его чувство сословной чести, какъ скоро увидимъ, вырабаталось у насъ только ко второй половинѣ XVIII в. и только въ привилегированномъ сословіи. За отсутствіемъ того и другого, служебное положеніе лица оставалось единственнымъ основаніемъ для опредѣленія степени его «честь». На этомъ основаніи классифицировалась «честь» и тапировалось «безчестье» старыхъ «чиновъ» московскаго государства. Къ нему же сводилось и «утягиванье» другъ друга мѣстническими «случаями». Но классификація по московскимъ классовымъ группамъ была черезчуръ обща и ничего не могла дать для опредѣленія взаимныхъ отношеній людей *одного и того же* «чи-

на». А это-то и было особенно нужно. Опѣнка же мѣстническихъ «случаевъ» всегда могла оказаться болѣе или менѣе случайной и субъективной. Въ виду этого являлась необходимость найти какое-нибудь объективное основаніе для опредѣленія взаимныхъ отношеній, особенно между членами высшаго общественнаго слоя. Но что могло быть объективнѣе и нагляднѣе самой занимаемой должности? Естественно было придти къ мысли о замѣнѣ іерархіи лицъ — іерархіей должностей. Любопытно, что первая попытка установить такую іерархію должностей сдѣлана была вмѣстѣ съ отмѣной мѣстничества (1680 г.): очевидно, на это смотрѣли, какъ на лучший, болѣе совершенный способъ достигнуть той же самой цѣли. Іерархія устанавливалась только для тѣхъ высшихъ должностей, которыя могли быть доступны людямъ высшихъ, думныхъ чиновъ: боярамъ, окольнымъ и думнымъ дворянамъ. Но вѣдь только здѣсь и сосредоточивались мѣстничавшіеся между собою «родословные» люди. Всѣ возможные должности, которыя эти люди могли занимать, были раздѣлены на 31 «степени», и каждой должности присвоенъ особый титулъ, феодальнаго или византійскаго происхожденія. Двѣнадцать первыхъ мѣстъ въ Боярской Думѣ должны были принадлежать «намѣстникамъ» важнѣйшихъ городовъ: при этомъ, намѣстникъ владимірскій считался въ 3-й степени, новгородскій — въ 5-й, казанскій — въ 7-й и т. д. Промежуточные степени распределены были между важнѣйшими придворными чинами, получавшими византійскіе титулы «доместиковъ», «стратонедарховъ» и т. д., а также между начальниками военныхъ округовъ. Попытка осуществить этотъ проектъ не удалась, такъ какъ патріархъ увидалъ въ немъ опасность для самодержавной власти. Онъ опасался, что намѣстники главныхъ городовъ, «великородные люди», со временемъ «обогащаются и огорждаются», отступятся отъ московскаго самодержавства, разорять единовластіе и раздѣлять Россію «себѣ въ особенность».

Мы знаемъ отношеніе Петра къ «великороднымъ людямъ». Когда, 42 года спустя, появилась его табель о рангахъ, она, на первый взглядъ, преслѣдовала совершенно другія и даже прямо противоположныя цѣли сравнительно съ проектомъ 1680 г. «Стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги», съ горечью замѣчаетъ кн. Щербатовъ о дѣйствіи табели. Какъ извѣстно, по этой табели всѣ, дослужившіеся до первыхъ восьми «ранговъ», «въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всѣхъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были». И однако, не смотря на этотъ бросающійся въ глаза контрастъ между

подвижной, открытой снизу для всѣхъ лѣстницей петровскихъ «ранговъ» и замкнутымъ кругомъ 34 «ступеней», предоставленныхъ однимъ «родословнымъ людямъ», несомнѣнно, что, въ сущности, цѣль тѣхъ и другихъ была одна и та же. Этой цѣлью было опредѣлить взаимное положеніе членовъ ближайшаго къ правительству общественнаго слоя. Составъ этого слоя могъ очень рѣзко переимѣниться. Петръ могъ набрать себѣ въ «наредворцы», кого угодно. Но кругъ «царедворцевъ» продолжалъ, однако же, существовать. И чѣмъ необычайнѣе становился его составъ, тѣмъ онъ болѣе нуждался въ новой правительственной санкціи. Чѣмъ въ большей степени этотъ составъ былъ продуктомъ «государева жалованья», тѣмъ необходимѣе становилось привести результаты отдѣльных пожалованій въ одну цѣльную систему*). Табелю о рангахъ Петръ санкціонировалъ совершившійся фактъ. О томъ, насколько демократизируются его «ранги» — и само «лучшее старшее дворянство» — дальнейшимъ автоматическимъ дѣйствіемъ таблицы, онъ едва ли особенно задумывался.

О чемъ Петръ заботился и что дѣйствительно было нужно въ тотъ моментъ, это созданіе такого общаго знаменателя, къ которому можно было бы легко привести каждаго изъ выдвинутыхъ имъ сотрудниковъ.

---

*) Соціальный составъ петровскаго придворнаго круга мы можемъ прослѣдить, напр., по списку участниковъ маскарада 1723 г., длившагося цѣлую недѣлю. Изъ 138 участвующихъ можно насчитать всего около десятка старыхъ титулованныхъ аристократовъ и столько же членовъ старыхъ дворянскихъ фамилій, частью пожалованныхъ новымъ титуломъ «графовъ». Обѣ группы вмѣстѣ равняются числу иностранцевъ, достигшихъ высшихъ чиновъ на русской службѣ. Вся остальная масса (97) — авантюристы, дѣльцы и служаки, сдѣлавшіе карьеру при Петрѣ и, можетъ быть, на цѣлую треть вышедшіе не изъ дворянства, а изъ приказныхъ (секретари; съ 1724 года велѣно и ихъ набирать изъ дворянъ). Напротивъ, по таблицѣ о рангахъ составъ масокъ оказывается вовсе не такимъ пестрымъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій (доступъ которыхъ ко двору тоже предусмотрѣнъ таблицей) всѣ остальные маски облечены болѣе или менѣе высокимъ «характеромъ», сообразно которому и занимаютъ мѣсто въ маскарадной процессіи и въ отдѣльных группахъ масокъ. Это — президенты, совѣтники, ассесоры и секретари коллегій и другихъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ (около 85); генераль-лейтенанты, генераль-маіоры, бригадиры, полковники, поручики и подпоручики гвардіи) — около 45 ч.

За отсутствіемъ такого общеобязательнаго масштаба, петровскіе карьеристы мѣстничались ничуть не менѣе «великородныхъ людей XVII в. Еще въ годъ изданія табели о рангахъ оберъ-прокуроръ сената Скорняковъ-Писаревъ, попрекалъ сенатора М. Шафирова тѣмъ, что тотъ «жидовской породы, холона боярскаго сынъ», а послѣдній отвѣчалъ ему, что онъ потомокъ «площаднаго писаря и скорняка», а отецъ его пахалъ землю. Теперь «рангъ» все покрылъ. Обиженный братомъ Шафирова, вице-канцлеромъ, совѣтникъ Стенановъ въ томъ самомъ году (1722) уже заявлялъ: «я о своей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи-совѣтника не допускаетъ не токмо побой, но и брани терпѣть». Правда, житейская практика показала, что и петровскій «чинъ» возвышаетъ только надъ младшими, но не мѣшаетъ самоуправству старшихъ. Дворянинъ въ чинахъ могъ сколько угодно, бить простого дворянина и безчинствовать въ собственномъ дворцѣ ими. Аппы, и самъ московскій главнокомандующій и родственникъ царицы П. Салтыковъ, «не смѣлъ ничего сдѣлать» съ нимъ — «для того, что онъ имѣетъ чинъ генераль-поручика». Кабинетъ-министръ могъ невѣзбранно избить простого секретаря и отвѣчалъ лишь за то, что избилъ его въ домѣ герцога курляндскаго, чѣмъ нанесъ «безчестье» послѣднему.

Какъ бы то ни было, за неимѣніемъ лучшаго, масштабъ соціального положенія «служителей» былъ найденъ. Петръ могъ при всѣхъ придворныхъ церемоніалахъ и богослуженіяхъ предписать каждому знать свое мѣсто: а кто займетъ мѣсто выше своего ранга или уступитъ его лицу низшаго ранга, подвергался штрафу въ размѣрѣ двухмѣсячнаго жалованья. Петръ, правда, оговорился въ табели, что эти новыя правила мѣстничества устанавливаются лишь для официальныхъ собраній, «но не въ такихъ оказіяхъ, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся», или въ публичныхъ ассамблеяхъ. Но нововведеніе слишкомъ хорошо отвѣчало на этотъ разъ общественной потребности. «Чинъ» надолго сдѣлался основой, на которой строились всѣ общественныя отношенія.

«Чинъ» не былъ, конечно, самостоятельной силой, способной доставить или преградить доступъ ко двору. Табель о рангахъ была достаточно демократична, чтобы допустить пожалованіе генеральскимъ чиномъ повара имп. Елизаветы, но не настолько демократична, чтобы открыть путь ко двору всякому честному служака. При дѣйствіи табели, какъ при всякомъ другомъ порядкѣ, можно было служить и не дослужиться, и можно было выслужиться, не служивши. Но, послѣ личныхъ связей при дворѣ, чинъ былъ, несомнѣнно, вторымъ

проводникомъ новой культурной обстановки. Онъ соединялъ дворъ съ ближайшимъ ко двору социальнымъ слоемъ. То социальное значеніе, которое новая обстановка имѣла для придворнаго круга, она скоро приобрѣла и здѣсь. Уже Петръ заботился о томъ, чтобы культурная вышность соответствовала социальному положенію, создаваемому рангомъ, — «понеже знатность и достоинство чина какой особы часто тѣмъ умаляется, когда уборъ и прочій поступокъ тѣмъ не сходствуетъ». Аргументъ этотъ былъ такъ хорошо усвоенъ, что отъ поощреній правительство скоро перешло къ системѣ ограниченій. При Елизаветѣ было опредѣлено, въ какую цѣну матеріи имѣютъ право носить лица различныхъ ранговъ (1742): первые пять ранговъ — не дороже 4 руб. за аршинъ, слѣдующіе три — не дороже 3 р., остальные — не дороже 2 р. Манифестъ 1775 г. регламентировалъ еще детальнѣе характеръ выѣздныхъ экипажей. Только первые два класса могли ѣздить шестеркой съ двумя форейторами, слѣдующіе три безъ форейторовъ, дальнѣйшіе три — только четверкой, остальные парой, а простые дворяне — верхомъ или въ одноколѣ и санихъ на одной лошади.

Итакъ, въ придворныхъ и близкихъ къ придворнымъ, чиновныхъ кругахъ общества первое употребленіе, сдѣланное изъ европейской культурной вышности, было узко-практическое. Успѣхъ новой обстановки гарантированъ былъ здѣсь тѣмъ социальнымъ значеніемъ, которое она приобрѣла, какъ показатель извѣстнаго общественнаго положенія. Но за предѣлами этого круга стояло все столичное дворянство. Его участіе въ придворной жизни Петра сводилось, какъ мы знаемъ, къ угощенію высшаго общества гвардейской сивухой, отъ которой бѣгали фешенебельные посѣтители Лѣтняго сада. Какова же была судьба новыхъ культурныхъ элементовъ въ этой рядовой дворянской средѣ?

Въ первые полвѣка реформы русское рядовое дворянство очень медленно входило во вкусъ европейской культуры. Кое-кому изъ этихъ дворянъ поневолѣ пришлось побывать и за границей, по царскому наряду. Они возвращались, слегка обчищенные и обтесанные. Но, понавъ въ старую среду, въ прежнюю семейную обстановку, они быстро отдѣлывались отъ культурныхъ привычекъ и погружались въ «прежнее свинство». «Кто видѣлъ ихъ за границей, черезъ годъ не могъ бы уже узнать ихъ», замѣчаетъ Фокеродтъ. Не оставляла прочихъ слѣдовъ даже и служба въ русскомъ «регулярствѣ», отъ которой такъ страдали дворяне. Изъ одного указа 1726 г. мы узнаемъ, что едва вернувшись по домамъ, дворяне снѣшили заустить бороду

и надѣвали старое русское платье. Указъ предписывалъ всѣмъ такимъ отставнымъ и отпущнымъ дворянамъ «содержать себя всегда въ чистотѣ, какъ въ полкахъ служили»: платье носить нѣмецкое, со шпагой; «буде-же кто нѣмецкаго сукна за скудостью купить не можетъ, чтобы дѣлалъ, хотя изъ русскаго сермяжнаго сукна съ обшлагами другого цвѣта, окрася какою похочетъ краскою». Таково начало дворянскихъ мундировъ. Бороду также приказывалось брить: «а ежели гдѣ въ деревняхъ», предусмотрительно прибавлялъ указъ, «такихъ людей, кто брить умѣетъ, не случится, то подстригать ножницами до плоти въ каждую недѣлю по дважды».

Несмотря на угрозы штрафами и батогами, указъ плохо исполнялся. Впрочемъ, скоро, при Аниѣ, разбрѣдшихся по деревнямъ дворянъ вернули опять въ полки. Усадьбы стояли пустыя; въ уѣздахъ остались лишь дряхлые и больные старики, да женщины. Ни тѣ, ни другія, конечно, не могли насадить въ уѣздахъ новую дворянскую культуру. Условія кореннымъ образомъ измѣнились лишь во второй половинѣ вѣка.

Въ ожиданіи этого времени, только въ столичномъ дворянствѣ начало появляться сознаніе, что европейская виѣшность можетъ имѣть и для него никакъ не меньшее социальное значеніе, чѣмъ она имѣла для правящихъ круговъ. На самомъ дѣлѣ значеніе это должно было быть огромно. Новой культурѣ суждено было положить ту рѣзкую грань между «благородствомъ» и «подлостью», которая послужила основой и санкціей дворянскаго сословнаго самосознанія. Но, оригинальнымъ образомъ, къ этому самосознанію привело русское дворянство не его положеніе въ деревнѣ, а его положеніе въ столицѣ. Дворянство сперва почувствовало себя политически сильнымъ, а потомъ употребило эту силу для закрѣпленія своего экономического преобладанія и сословной солидарности. Его культурное положеніе, такимъ образомъ, явилось лишь послѣдствіемъ той роли, которую оно сыграло, какъ «опора власти».

Извѣстно, какъ эта роль была сыграна. Въ первые же 16 лѣтъ по смерти Петра дворянство четыре раза участвовало въ государственныхъ переворотахъ, каждый разъ являясь все въ болѣе и болѣе активной роли. Изъ роли простыхъ статистовъ (при воцареніи Екатерины I) дворянская гвардія переходитъ въ роль возстановителей самодержавія (при воцареніи Анны), затѣмъ, даетъ свою помощь для сверженія регента (Бирона) и, наконецъ, сама свергаетъ правящаго государя-младенца (Ивана VI), — въ ожиданіи, пока сверг-

нетъ взрослого (Петра III). О плодахъ этой дѣятельности рѣчь будетъ ниже.

Поскольку вліяніе столичнаго дворянства могло проникать въ провинцію, — уже и въ первой половинѣ вѣка мы замѣчаемъ кое-какіе признаки усвоенія европейской культурной виѣшности. Извѣстный мемуаристъ Болотовъ оставилъ намъ изображеніе двухъ провинціальнаго дворянскихъ обществъ 1750-хъ годовъ, которое какъ нельзя лучше можетъ иллюстрировать послѣдовательный ходъ культурныхъ заимствованій въ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ псковской деревнѣ своего зятя Неклюдова, Опанкинѣ, Болотовъ встрѣчаетъ общество, «которому свѣтское обхожденіе не менѣе знакомо, какъ и петербургскимъ жителямъ». Сестра гордится его свѣтскими талантами, его костюмомъ, разговорами, когда онъ пріѣзжаетъ къ ней изъ Петербурга. И она же приходитъ въ ужасъ, когда, одичалый, растерявши всѣ свои «поступки, и поведеніе, и обхожденіе», въ «смѣшномъ, неловкомъ и непристойномъ» платьѣ, онъ является къ ней изъ каширскаго захолустья, Дворянинова. Ей «стыдно показать сосѣдямъ» — «деревенскаго пентюха». Сосѣди эти проводятъ деревенскій досугъ въ томъ, что поочередно ѣздятъ другъ къ другу всей компаніей въ гости. Одинъ изъ сосѣдей возитъ съ собой и музыку, — двѣ-три скрипки, на которыхъ его собственные лакеи изображаютъ польскіе, менуэты и контрадансы. Послѣ обѣда, продолжающагося нѣсколько часовъ, съ обильными возліяніями, — «хотя бы и не въ деревнѣ», — барыни засаживаются играть въ карты, въ модную игру «памфель», барышни и кавалеры весь вечеръ танцуютъ, а отцы семействъ, «держа въ рукахъ то и дѣло подносимыя рюмки, упражняются въ разговорахъ». Но, начавшись по-петербургски, — если не по-европейски, — вечеръ кончается чисто по-русски. Подгулявшіе господа хотятъ плясать сами. И деликатные «менуэты» и «контрадансы» молодежи смѣняются болѣе знакомой зрѣлому поколѣнію русской плясовой, въ которой принимаютъ участіе и дамы, бросивъ свой «памфель». Когда истощается и этотъ ресурсъ, компанія переходитъ къ русскимъ пѣснямъ: зовутъ дѣвокъ и лакеевъ, которые и занимаютъ господъ до самаго ужина, шокируя молодежь. У ней теперь свои модныя любовныя пѣсенки, еще не перешедшіе въ распоряженіе лакеевъ и горничныхъ.

До такого «свѣтскаго» образа жизни далеко мелкопомѣстнымъ сосѣдямъ каширской деревни Болотова, — доживающимъ свой вѣкъ сверстникамъ его отца и матери. Ходятъ они въ старинномъ платьѣ, «долгополыхъ кафтанахъ» съ «ужасной величины обшлагами», другъ

къ другу почти не ѣздятъ. Да и не къ кому ѣздить, потому что все мѣстное дворянство — на службѣ. А когда соберутся, то только пьютъ или ведутъ практическій разговоръ про мѣстныя тяжбы, причемъ самымъ ловкимъ сутягой и знатокомъ приказнаго крюкотворства оказывается мѣстный батюшка. Двѣнадцатилѣтній Болотовъ, съ своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка и ариѳметики, съ начатками французскаго и географіи, кажется въ этой компаніи чудомъ учености. И самое жилище здѣсь остается, какимъ было до реформы. Семья ютится въ двухъ теплыхъ комнатахъ огромнаго дома. Холодный залъ, съ почернѣвшими отъ времени деревянными стѣнами, потолками и корявымъ дубовымъ поломъ, съ цѣлымъ иконостасомъ у одной стѣны, съ деревянными лавками по стѣнамъ и простымъ деревяннымъ столомъ вмѣсто всякой мебели — открывается только для молебновъ по большимъ праздникамъ. А между тѣмъ у псковскаго зятя уже есть и мебель, а стѣны покрыты холстомъ, разрисованнымъ масляными красками.

Такъ намѣчаются предѣлы и степень распространенія новой культурной виѣшности въ первой половинѣ XVIII в. Въ предѣлы эти входятъ: дворъ, высшее чиновничество, столичное и отчасти провинціальное дворянство. Въ предѣловъ остается духовенство и приказные, горожане и крестьяне. Всѣмъ этимъ общественнымъ слоямъ суждено надолго остаться чуждыми новой культурѣ, — и не потому только, что міровоззрѣніе этихъ «подлыхъ» людей принципиально противорѣчитъ міровоззрѣнію «благородныхъ», а также и потому, что одни «подлы», а другіе «благородны». Другими словами, вскорѣ послѣ своего водворенія на Руси новая культура становится социальнымъ признакомъ привилегированнаго сословія.

Въ моментъ рѣшительнаго культурнаго и социальнаго разрыва между «благородствомъ» и «подлостью», не лишнее будетъ остановиться и рассмотреть внимательнѣе, въ чемъ именно состоитъ разница обоихъ міровоззрѣній. Для характеристики того и другого мы выберемъ два литературныхъ произведенія, относящіяся къ одному и тому же времени: «Завѣщаніе отеческое» Посошкова, оконченное, повидимому, въ 1719 г., и «Юности честное зерцало», появившееся первымъ изданіемъ въ 1717 г.

Какой социальный кругъ имѣется въ виду Посошковымъ въ его «Завѣщаніи», видно изъ перечня тѣхъ общественныхъ положеній, въ которыя ставитъ поочередно отецъ своего сына, чтобы преподать

ему соответствующіе совѣты. Сынъ Посошкова (или его читатель) можетъ сдѣлаться купцомъ, крестьяниномъ, работникомъ, нищимъ, можетъ пойти въ причетники, поны, монахи, удостоиться архіерейства и даже патріаршества, попасть въ приказные и сдѣлаться судьей, поступить въ солдаты и выслужиться до офицерскаго чина. Одно-го онъ не можетъ: сдѣлаться помѣщикомъ и дворяниномъ. Итакъ, авторъ, — самъ дворцовый крестьянинъ, пишетъ правила добродѣтельной жизни для «подлаго состоянія». Однако, и этотъ кругъ настолько широкъ, что въ началѣ XVIII в. и въ немъ уже не существуетъ полного единства міровоззрѣнія. Возстановить это единство — является самымъ горячимъ желаніемъ автора, которое, однако, уже тогда оказывается неосуществимой мечтой. Въ предѣлахъ соціальнаго кругозора Посошкова оказываются на лицо всевозможныя виды и оттѣнки религіознаго міровоззрѣнія. Масса погружена въ двосвѣріе, издалека ушедшее отъ язычества. Изъ вѣрующаго меньшинства — многие ушли въ расколъ. Среди приказныхъ и горожанъ начинается распространяться протестантизмъ и сектантство («лжехристовщина» и «лжемонистевщина» (ср. «Очерки», V, 6). Наконецъ, на крайнемъ предѣлѣ доступнаго Посошкову круга наблюденій возникаетъ призракъ «свѣтскаго житія», совсѣмъ уже ничего не имѣющаго общаго съ «евангельскимъ». Люди «проводятъ время до полуночи, а то и до свѣта въ скаканіи и танцованіи безъ сна; пьютъ съ музыками и въ карты играютъ». Таковъ тотъ видъ, въ какомъ представляется «подлымъ» секуляризація быта. Среди такихъ уклоненій православному человѣку предстоить трудная задача проложить себѣ средний путь, не увлекаясь ни «на шую страну» народнаго язычества, ни на «мнимое десно» раскола и сектантства.

Секуляризація, «свѣтское житіе», очевидно, вовсе выходитъ изъ строго-религіознаго кругозора Посошкова, такъ какъ оно не опирается ни на какое религіозное міровоззрѣніе. Хотя Посошковъ и формулируетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ писаній тотъ практическій «атеизмъ» (нѣтъ ни Бога, ни души, ни безсмертья, ни вѣчныхъ мукъ), на который могло бы опереться «свѣтское житіе», — но эта формулировка такъ чужда его складу мысли, что съ ней онъ не находитъ ни средствъ, ни желанія бороться. Для него этотъ «атеизмъ» есть скорѣе логическій выводъ, своего рода *reductio ad absurdum*, которымъ онъ грозитъ протестантству, чѣмъ дѣйствительный противникъ, съ которымъ онъ считалъ бы нужнымъ полемизировать. Настоящаго против-

ника онъ видитъ въ породившемъ подобный выводъ, но все же *религіозномъ міровоззрѣніи*. За «атеизмъ», какъ и за «свѣтское житіе» отвѣчаетъ Посошкову Мартинъ Лютеръ. Это онъ, сугубый еретикъ, ища оправданія своему «скверному житію», «отъ презѣльной ярости въ блудъ» изобрѣлъ широкій, «легкостный» путь жизни и увлекъ на него «сластолюбцевъ». Все, что есть хорошаго у лютеранъ, всѣ ихъ «житейскіе уставы» — изобрѣтены до Лютера. «Издrevле, до Мартинава бытія, нѣкто былъ у нихъ пришлецъ или изъ нихъ выродокъ; онъ установилъ у нихъ гражданскіе уставы, какъ купеческіе, такъ и ремесленные, и воинскіе, и судейскіе». Весь же строй жизни основанъ Лютеромъ — на свѣтскомъ разумѣ, а не на «духовномъ». Подражать ему — значитъ идти прямымъ путемъ къ погибели. «Святые апостольскіе послѣдователи жить по вашему не умѣли», заявляетъ Посошковъ противникамъ, — «вмѣсто ренскаго пили воду мутную: вмѣсто златотканыхъ одеждъ носили рубища: вмѣсто постелей пуховыхъ спали на голой землѣ: вмѣсто свѣтлыхъ свѣтлицъ жили въ темныхъ вертепахъ: вмѣсто французскихъ танцевъ проводили ночи во всенощномъ бдѣніи: вмѣсто множества денегъ имѣли множество вшей: вмѣсто музыки и веселія — плакали день и ночь о грѣхахъ».

Оставаясь на почвѣ религіозной, какія доказательства можно привести въ пользу «свѣтскаго житія?» Посошковъ знаетъ только одно — не вычитанное, а подслушанное у инеземцевъ — и обрушивается на него со всѣмъ жаромъ своего православнаго негодованія. «По Мартинову толкованію: еже есть на свѣтѣ, то все чисто и свято, и они всѣ святы, и грѣха ни въ чемъ нѣтъ»; «всѣ свои грѣхи причитаютъ къ Божіей винѣ, а не къ своей, говоря: таковыхъ-де насъ Богъ сотворилъ». О, безуміе, о безстрашіе, протестуетъ Посошковъ противъ лютеранскаго фатализма: значитъ, «по вашему люторескому високоумію ни за какую вину наказанія чинить не слѣдуетъ?» Неправда, настаиваетъ онъ: «Богъ сотворилъ человека самовластнымъ. Идти скорбнымъ или веселымъ путемъ, — въ томъ воля наша». «Хотимъ здѣсь веселиться, — тамъ возрытаемъ: а хотимъ тамъ веселиться, подобаетъ намъ здѣсь нужду претерпѣти» (ср. споръ Теофана съ Стефаномъ Яворскимъ, «Оч.» II, V, 7). Въ связи съ этимъ взглядомъ на свободу воли, очевидно, находится и вражда Посошкова къ астрономіи, служившей у насъ первымъ проводникомъ детерминизма (Очерки, II). Особенно ненавистно автору ученіе «проклятаго Коперника, Богу суперника», хотящаго быть мудрѣе самого Соломона. Онъ превратилъ солнце въ Бога, «а землѣ съ людьми» повелѣлъ «служить солнцу» ежедневнымъ обхожденіемъ...

Подобно московским начетчикам XVII в. Посошковъ признаетъ одну науку или, что тоже, одно искусство: «какъ жить душеполезно», чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія (Оч. II, VII, 1). Но на этомъ пути встрѣчаетъ его другая опасность, другой видъ «мнимаго деса» или «ложнаго благочестія» — расколъ. Уже изъ сдѣланныхъ выписокъ можно было заключить, что Посошковъ не чуждъ самъ «недугу раскольниковъ болѣзни». И онъ откровенно признается, что «изначала хромалъ» ею (въ концѣ XVII в.; Посошковъ родился въ 1652 г.). Нѣкоторыя раскольниковы мнѣнія онъ удержалъ и впоследствии. Но, отказавшись отъ главныхъ, онъ сталъ отчаяннымъ врагомъ раскола, тѣмъ болѣе непримиримымъ, чѣмъ яснѣе понималъ силу раскола надъ современными умами и чѣмъ ближе самъ стоялъ къ духу раскола. По его мнѣнію, если этихъ «плебелъ» не «истребить безъ замедленія», то можно опасаться, какъ бы они «и остатковъ доброй ишенины не подавили и въ конецъ безъ вѣсти бы не учинили». А такъ какъ раскольниковъ «никогда добромъ не научить» и «наукой съ ними и въ двадцать лѣтъ нельзя столько добра сдѣлать, сколько за одинъ годъ жестокостію», и такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи или гибели душъ христіанскихъ, — то Посошковъ предлагаетъ драконовскій способъ обращенія раскольниковъ въ православіе. Надо переписать подворно все епархіи, описать все дворы и задворки, и завести книги для записей крещенныхъ, причащенныхъ и вѣнчанныхъ прихожанъ. Все возможные лазейки, которыми можно было бы уйти отъ этихъ записей и переписи, артистически предусмотрѣны авторомъ. При малѣйшемъ сомнѣніи — духовенству является на помощь полиція. Слѣдуетъ обыскъ, дознаніе, пытка, и не могущіе оправдаться, объяснить, напр., у какого священника они состоятъ прихожанами и отправляютъ требы и таинства, — немедленно отсылаются на костеръ. Сожженіе грозитъ и укрывшимъ ихъ изъ корысти православнымъ священникамъ, «понеже раскольниковъ ни отъ чего такъ не умножается, какъ отъ потачки поповской».

По мѣрѣ того, какъ развиваются детали этого невѣроятнаго плана, самому автору онъ начинаетъ казаться «диковатымъ и противноватымъ». Но, какъ человѣкъ практическій, Посошковъ правильно рассуждаетъ, что *если* ужъ задаться цѣлью искоренить расколъ, то болѣе мягкія средства тутъ ни къ чему не поведутъ.

Это только доказываетъ, конечно, что искорененіе раскола было такой же безнадежной и неосуществимой мечтой, какъ и искорененіе «свѣтскаго житія». Предложенныя противъ раскола мѣры были похоронены въ синодѣ, вмѣстѣ съ этой частью рукописи «Завѣщанія».

А относительно «свѣтскаго житія» Посошковъ не могъ даже рѣшиться предлагать никакихъ мѣръ. Онъ ограничился безсильнымъ и бесполезнымъ протестомъ, дѣлая при этомъ видъ, что протестуетъ противъ иностранцевъ и что не прошло еще время «заткнуть дыру», черезъ которую они проникли въ Россію. Можно подумать, читая эти выходки Посошкова противъ иностранцевъ, что мы имѣемъ дѣло съ современникомъ Григача. На самомъ дѣлѣ, позиція, на которой продолжалъ стоять шестидесятилѣтній старикъ, логически вытекала изъ стараго міровоззрѣнія. Но занимать ее было уже поздно: она взята была жизнью.

Трагизмъ положенія Посошкова этимъ не ограничивался. Дѣло въ томъ, что и его собственный идеалъ — жизни, согласной съ евангельской моралью, — встрѣчалъ неодолимые препятствія и въ собственномъ міровоззрѣніи Посошкова и въ окружающихъ условіяхъ. Не желая склониться на «мнимое десно», онъ часто, не замѣчая того самъ, отклонялся слишкомъ далеко на «шуюю страну». Желаніе освѣтить и согрѣть жизнь вѣрой постоянно вступаетъ у него въ бессознательный компромиссъ съ житейской практикой Домостроя и съ религіознымъ міровоззрѣніемъ кіевского Патерика. Говоря о брачной жизни, онъ находитъ, что «то добро и свято, еже бы оба изъ воли и изъ любви сошлись», — какъ уже и требовалъ петровскій законъ. Онъ находитъ, что невѣсты — «не лошади», чтобы ихъ сватать по нѣскольку одновременно. Но, однако, знакомиться съ невѣстой онъ не дозволяетъ, а разрѣшаетъ только взглянуть на нее ненарокомъ, гдѣ-нибудь «у церкви или на переходѣ». Онъ знаетъ, что «Богъ нарекъ жену помощницей, а не работницей». Но совѣтоваться съ ней о дѣлахъ онъ рекомендуетъ не столько для пользы, сколько изъ принципа: вѣдь иной разъ «Богъ черезъ маломысленныхъ, паче мудрыхъ, открываетъ сокровенный совѣтъ». Въ воспитаніи дѣтей онъ безусловно становится на сторону ветхозавѣтной педагогіи. Дѣтей надо держать «въ великой грозѣ», чтобы «взгляду вашего боялись». Нельзя не только смѣяться съ ними, но и позволять имъ играть. Даже грудныхъ младенцевъ не надо забавлять, учить матери «кукиши казать и по щекамъ бить». вмѣсто «папа» и «мама» надо имъ показывать «Богъ на небѣ», «Богъ съ неба смотритъ», «Богъ за то тебя убьетъ». Посошковъ видитъ «Бога на небѣ» такъ же ясно, какъ Аввакумъ и Лазарь въ своихъ богословскихъ теоріяхъ*). На землѣ, напротивъ,

---

*) «Тронца рядкомъ сидитъ, — писалъ, напр., Лазарь, — Сынъ одесную, а Духъ Святый — ошуюю Отца на небеси на разныхъ престолахъ

повсюду и всегда сторожить человека дьяволъ. Онъ, впрочемъ, «еще и вельми естествомъ тонокъ и пронизателенъ есть, иже и сквозь желѣзо проходить, а въ человека безъ дыры вникти не можетъ». Но малѣйшая оплошность, малѣйшее отвлеченіе мысли отъ Бога могутъ открыть дьяволу эту «дыру». Поэтому необходимо постоянно твердить въ умѣ молитву и всякое дѣло начинать крестнымъ знаменіемъ, прогоняющимъ дьявола. «Острая молитва всѣ небеса пробиваетъ и престола Божія касается», но невнимательную молитву перехватываютъ у ангела-хранителя летающіе между землей и небомъ «воздушные демоны». Тѣ же демоны стерегутъ на пути къ небу грѣшную душу и не даютъ ей «свободно дойти до царствія небеснаго». Посошковъ убѣждаетъ сына не вѣрять въ примѣты. Но самъ онъ очень боится колдуновъ и волхвовъ, въ которыхъ видитъ агентовъ «дьявольской силы», и совѣтуетъ принимать всяческія мѣры противъ «порчи». На сосудъ съ питьемъ надо дунуть крестообразно. Входя въ незнакомый или давно не посѣщавшійся домъ, необходимо перекреститься: тогда дьяволъ не сдѣлаетъ никакой «пакости». Дьяволъ дѣйствуетъ въ домѣ, главнымъ образомъ, «изъ занечья, или изъ задняго угла, или изъ бани, — гдѣ нѣтъ святыхъ образовъ». Лечиться у колдуна или проглотить письменный заговоръ противъ болѣзни — значитъ прямо «сѣсть прикровенаго въ такомъ письмѣ дьявола» и самому сдѣлаться его пищей. Безъ сомнѣнія, такое лѣчение *можетъ* помочь, — но только вражьей силой. Вотъ почему Посошковъ предпочитаетъ лечиться у доктора травами: въ травахъ «лѣчебную силу *Богъ* положилъ».

Естественно, что въ своихъ протестахъ противъ народнаго фетишизма, Посошковъ не могъ быть последователенъ. Онъ запрещаетъ называть иконы «богами», отдавать Николѣ чудотворцу или другимъ излюбленнымъ святымъ предпочтеніе передъ Спасителемъ и Богородицею, молиться своимъ иконамъ въ церкви. Но онъ твердо вѣритъ, что именно Варварѣ великомученицѣ надо молиться объ избавленіи отъ внезапной смерти и болѣзни, а св. Власію — «о благополучіи»; что Іоаннъ Предтеча научаеъ «цѣломудренному житію», а св. Спиридонъ «утверждаеъ въ православіи». Онъ разрѣшаетъ пожертвовать въ церковь свою икону съ тѣмъ, чтобы передъ ней уси-

---

— яко царь съ дѣтьми сидитъ Богъ Отецъ, а Христосъ на четвертомъ престолѣ особно сидитъ предъ Отцемъ небеснымъ». Посошковъ при словахъ: «Яко Спаса родила еси» совѣтовалъ: Умными своими очами въ той часъ зри его ясно, Господа Іисуса Христа, на небесѣхъ суща».

ленно ставить свѣчи. Чтобѣмъ «образовъ святыхъ не почитать всѣхъ за
едино равенство», онъ придумываетъ цѣлую систему своеобразнаго
мѣстинчества между ними. Степень почитанія измѣряется при этомъ
глубиной поклоновъ (Посошковъ различаетъ цѣлыхъ пять видовъ
ихъ), толщиной свѣчей и мѣстомъ, къ которому нужно прикладываться.
Когда дѣло касается обряда, Посошковъ неистощимъ въ своей
изобрѣтательности и въ мелочности своей регламентаціи. Онъ увѣ-
ренъ, что ветхозавѣтный «законъ» не только не отмѣненъ, но, напро-
тивъ, подкрѣпленъ новой «благодатью», и потому Христовъ законъ
долженъ быть гораздо «тяжеломосиѣ» Моисеева. «Книжниковъ и фар-
исеевъ» необходимо «превзойти» не только евангельской правдиве-
ностью, но и обрядомъ. «Фарисей дважды въ недѣлю постился, а ты,
кромѣ среды и пятницы, постись еще всѣ четыре поста: тогда и въ
постѣ превзойдешь фарисеевъ». Отдѣливъ Богу положенную десяти-
ну отъ своего имѣнія, «приложи рублевъ пять (къ сотиѣ), дабы тебѣ
превысить фарисеево подаяніе».

Такимъ же препятствіемъ для осуществленія евангельскихъ со-
вѣтовъ Посошкова, какъ его собственное міровоззрѣніе, оказывается
и окружающая его среда. Въ современной ему дѣйствительности эти
совѣты или не находятъ себѣ никакого приложенія, или получаютъ
неожиданно-измененный, утилитарный смыслъ. II Посошковъ очень
хорошо понимаетъ самъ, что до-петровская старина несколько не по-
могаетъ, а только мѣшаетъ его благимъ намѣреніямъ. Какъ бы ни
грозило будущее его идеаламъ, ему не приходитъ еще въ голову ис-
кать спасенія въ прошломъ. Онъ не приглашаетъ никуда «вернуться»,
потому что самъ видитъ, что возвращаться некуда и незачѣмъ. Про-
шое еще и не ушло никуда. Оно тутъ, оно окружаетъ со всѣхъ сто-
ронъ человѣка. Оно даже со стороны такого націоналиста, какъ По-
сошковъ, вызываетъ только борьбу и обличеніе, а отнюдь не прикра-
шиваніе и не идеализацію. Развивая свои идеалы «евангельскаго жи-
тія» для всевозможныхъ общественныхъ положеній, Посошковъ вмѣ-
стѣ съ тѣмъ развертываетъ передъ нами яркую картину тѣхъ прав-
ственныхъ недостатковъ и социальныхъ золъ стараго русскаго обще-
ства, которые полагали этому житію неопредѣлимые препятствія.
За искусственно-огражденной твердыней старой русской семьи —
ничѣмъ не сдерживаемая, звѣрская страсть кинигъ и клокочетъ кру-
гомъ. Ребенку шагу нельзя сдѣлать изъ отцовскаго дома: ежеминут-
но грозить ему «содомскій грѣхъ», отъ котораго можно спасти
только «воплемъ, елико сможетъ воскричать». Юношу лишняя минута
разговора съ женщиной, лишняя улыбка или даже родственныи по-

цѣлуй грозятъ сдѣлать «виѣ ума». Мужчина — «звѣрски» удовлетворяетъ свою похоть. Особенно опасны для женъ «иноки», и для мужчинъ — молодые монахини. Посошковъ несколько не скрываетъ отъ себя низкаго культурнаго уровня и жалкаго общественнаго положенія того сословія, которое призвано проводить въ жизнь его идеалы. Попы «валяются пьяные на улицѣ» и «пьянствуютъ въ кабакахъ», паству посѣщаютъ ради угощенія, службу отправляютъ кое-какъ и сокращаютъ въ угоду «сильнымъ людямъ». Посвящаются они, не только не зная «грамматическаго разума», но даже «не разумѣя чтомага», а иногда и вовсе не умѣя читать; «торгуютъ церквами», покупая священническія мѣста исключительно ради доходовъ; берутъ взятки съ раскольниковъ и показываютъ ихъ православными. О собственной паствѣ небрегутъ, не только не поучая ихъ въ вѣрѣ, но даже не приучая и къ требамъ. «Многіе крестьяне, и близъ Москвы живущіе, лѣтъ до шестидесяти не причащаются и не исповѣдуются; многіе и умираютъ безо всего». Никто и не церемонится съ подобными пастырями. Архіерейскіе чиновники «ни во что ихъ ставятъ» и «обираютъ кругомъ». «Дворяне пресвитеровъ сельскихъ ведутъ хуже холопей своихъ; боясь ихъ, тѣ пресвитеры служатъ у нихъ всякую работу рабью, паче послѣдняго челядинца»*).

---

*) Горячо относясь къ «дворянскимъ обидамъ», Посошковъ приводитъ и примѣръ. Къ помѣщику Ханыкову пришелъ на Пасху съ крестомъ попъ, «не въ ихъ вотчинѣ служащій» — побывавъ по дорогѣ на винокуренномъ заводѣ у Посошкова. Ханыковъ, «вышедъ на крыльцо, ударилъ того пресвитера по щекѣ и крестъ святой изъ рукъ у него вышибъ и, съ крыльца его спихнувъ, почалъ его во всемъ облаченіи съ людьми своими бить и по грязи волочить и топтать: ты де меня промѣнялъ на Посошкова». Не смѣя жаловаться архіерею, «дабы послѣ больше того не пострадать огъ него», попъ самъ же просилъ у помѣщика прощенія «и едва умолилъ, что святой крестъ и иконы отдалъ имъ назадъ». Другой примѣръ, изъ близкаго описываемому времени (1733): поручикъ Болотовъ, посадивъ приѣхавшаго къ нему попа за столъ и «наливъ вина, сталъ ему подносить, а за непитье вина (т.-е. какъ разъ за то, чего требовалъ въ такихъ случаяхъ Посошковъ) ударилъ его въ щеку, а потомъ билъ палкой», затѣмъ вторично сталъ угощать. Послѣ новаго отказа помѣщикъ велѣлъ солдатамъ принести батоги, «и раздѣвъ, оные солдаты били (попа) батожемъ съ четверть часа». Помѣщикъ оправдывался тѣмъ, что сельскій попъ долженъ ему во всемъ повиноваться и что онъ имѣетъ право наказывать попа за непослушаніе.

При этихъ условіяхъ, требованіе евангельскаго «смирненія» оказывалось въ неожиданно-полномъ согласіи съ русской дѣйствительностью. Что значило человѣку «подлаго состоянія» подставить другую ланиту — въ томъ обществѣ, гдѣ аристократъ, князь Шаховской, при дворѣ за червонецъ давалъ себя бить по щекѣ всякому желающему? Что могъ значить совѣтъ Посошкова — приговоряться, будто не слышишь брани, когда отвѣтитъ обидчику — зачастую значило рисковать гораздо худшей обидой, когда и сама народная мудрость учила, что «брань на вороту не виснетъ». Въ концѣ концовъ «жить по евангельски» оказывалось иной разъ очень выгодно, — и самъ Посошковъ не упускаетъ случая указать на это преимущество. Конечно, онъ совѣтуетъ «смирненіе творить не того ради, дабы тебя люди хвалили». Но на той же страницѣ онъ поощряетъ услужливаго человѣка соображеніемъ: «такъ творя, отъ всѣхъ похваленъ будешь и добрымъ человѣкомъ прослывеши». Однако, выгода отъ добраго поведенія можетъ быть и болѣе реальная. Если ты молодой подъячій, «выбѣги и встрѣть судью» «у саней»; «судья тебя будетъ любить: кому батоги, а тебѣ будетъ доброе слово и милость. — и дѣлами тебя прибыточными наполнить». Если ты работникъ, и хозяинъ станетъ тебя посылать (дѣло обыкновенное въ то время) на разбой, на воровство или на убійство, отвѣчай кротко, чтобы его не озлобить: благоволи де послать кого посмѣлѣй, а я человѣкъ несмѣлый и несловесный», или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, «только бы тебѣ себя побережь, а его не оскорбить». Даже заповѣдь евангельской нищеты превращается въ рукахъ разбогатѣвшаго коммерческими операціями крестьянина въ ловкій практическій совѣтъ: «если не будешь страстно желать богатства, то оно и само не побѣжитъ отъ тебя, только ты умѣй его держать: не давайся ему подъ власть, но ты имъ господствуй». А, разбогатѣвъ, «если будешь пить хорошіе напитки, вспомни мыслью своей бѣдныхъ людей, которые и чистой воды не имѣютъ, а пьютъ, черная изъ болота, мутную, съ мухами и червями; а когда ѣшь жирную и сладкую пищу, вспомни убогихъ, которые и хлѣба чистаго не имѣютъ, а ѣдятъ гнилой и съ мякиной. И подумай, что вотъ тебя Богъ наполнилъ и удовлетворилъ изобиліемъ, а другіе, такіе же какъ ты люди — страдаютъ. И вспомнивъ про такое ихъ страданіе, воздай Богу благодареніе объ изобиліи твоёмъ». Такимъ образомъ, смирненіе и богатому человѣку можетъ послужить на пользу, помогая пищеваренію и становясь источникомъ своеобразнаго удовлетворенія самолюбія.

Какъ видимъ, въ этой покладистой морали немного осталось «аскетическаго», или «византійскаго». Она является вполнѣ національ-

нымъ продуктомъ національныхъ условій существованія. Это — мораль практическаго человѣка, поставившаго задачей — сохранить душевное равновѣсіе среди всевозможныхъ случайностей мрачной окружающей дѣйствительности. Онъ готовъ добиться своей цѣли цѣной какого-угодно компромисса, а чаще всего и не сознаетъ вовсе, въ какіе компромиссы онъ вступаетъ. Мораль Посошкова, какъ и его міровоззрѣніе, такъ же «простосложны» и «удобопоемны» для огромной массы «подлыхъ людей», какъ и языкъ, которымъ онъ говоритъ съ нею, какъ и его полемическіе приемы.

Совершенно иные интересы, иные житейскія задачи и иной складъ воззрѣній мы найдемъ въ томъ соціальномъ кругѣ, который извѣстенъ Посошкову лишь въ качествѣ «обидчиковъ». Этотъ кругъ, какъ мы видѣли, систематически исключенъ Посошковымъ изъ числа всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ общественныхъ положеній, съ которыми онъ имѣетъ дѣло и къ которымъ обращаетъ свои совѣты. Онъ чувствуетъ, очевидно, что для дворянства его совѣты уже не годятся; что здѣсь окончательно возобладало то самое «свѣтское житіе», для котораго, даже съ точки зрѣнія своего услужливаго міросозерцанія, онъ не можетъ найти въ своей головѣ никакого оправданія*).

Но, можетъ быть, и за «свѣтскимъ житіемъ» стояло какое-нибудь другое, свое міросозерцаніе? Хотя бы тотъ «атеизмъ», на которомъ «иѣщны стояли», по утвержденію Посошкова, говоря, что «сей свѣтъ самъ о себѣ стоитъ, иѣсть у него ни создателя, ни владѣтеля, но мы де сами собою и веѣмъ свѣтомъ владѣемъ» и т. д.? Изъ того, что мы уже знаемъ о новой культурѣ, не трудно вывести заключеніе, что «свѣтское житіе» не было какой-нибудь теоріей или системой. Это былъ, прежде всего, новый соціальный фактъ, явившійся самъ собою, какъ стихійное послѣдствіе стихійной реформы. Люди, подчинившіеся этому факту добровольно или невольно, съ охотой или съ отвраще-

---

*) Впрочемъ, оговоримся: Посошковъ обнаруживаетъ, въ крайнемъ случаѣ, склонность оправдать и новую моду — ея **соціальнымъ значеніемъ**. «Паруки» составляютъ предметъ его особой ненависти. Но онъ допускаетъ, что «ради офицерскаго украшенія и ради отмѣны простаго народа, по чину» ихъ «надлежитъ носить». Однако и тутъ онъ совѣтуетъ — отбросить, вмѣсто парика, собственные волосы. О новомъ платьѣ онъ говоритъ только одинъ разъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ — въ этомъ же смыслѣ — **классоваго отличія**, которое предлагаетъ распространить и на купечество, и даже проектируетъ фасонъ.

немъ, чаще всего вовсе не думали, что измѣняютъ старому міровоззрѣнію и являются выразителями какого-то новаго. Извѣстныя уже намъ обстоятельства — слабость и изменчивость религіознаго сознанія въ древней Руси, ослабленіе его уходомъ усерднѣйшихъ въ расколъ — еще болѣе облегчили этотъ переходъ. Переходнымъ мостомъ отъ стараго къ новому міровоззрѣнію явился религіозный индифферентизмъ, т.-е. отсутствіе потребности въ какомъ бы то ни было цѣльномъ религіозномъ міровоззрѣніи, слѣдовательно и въ атеизмѣ (ср. Оч. II, Заключение и ниже).

При такомъ положеніи дѣла, вовлеченная въ новое культурное движеніе общественная среда вовсе не нуждалась въ усвоеніи какого-либо новаго міровоззрѣнія. Ей нужна была лишь скорѣйшая выработка и усвоеніе новаго кодекса жизни, правилъ «житейскаго обхожденія», — новыхъ привычекъ, которыя помогли бы ей выдѣлиться изъ остальной массы и войти въ роль привилегированнаго общественнаго слоя, какимъ сдѣлалъ ее историческій процессъ. Для этой цѣли появился цѣлый рядъ руководствъ къ пристойному поведенію, по большей части переводныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались очень популярными и распродавались въ большомъ количествѣ, несмотря на довольно ничтожное содержаніе и совершенно нескладное изложеніе. «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію» въ первые же два года (1717-18) разошлось въ 189 экземплярахъ: успѣхъ для того времени совершенно исключительный. Въ 1767 г. вышло уже пятое изданіе «Зерцала». «Совершенное воспитаніе дѣтей, содержащее правила о благопристойномъ поведеніи молодыхъ знатнаго рода и шляхетскаго достоинства людей», аббата Бельгарда, разошлось въ трехъ изданіяхъ (1747, 1759, 1778)*).

Главная цѣль всѣхъ этихъ руководствъ — научить молодого дворянина «не быть подобнымъ деревенскому мужику» и, по возможности, приблизить его къ идеалу «придворнаго человѣка». Чтобы уничтожить сходство съ мужикомъ, руководства даютъ самыя подробныя наставленія, какъ вести себя въ порядочномъ обществѣ. Для русскаго «шляхтича» эти наставленія надо было начинать съ азавъ. На-

---

*) Нѣсколько позже характеризуемаго времени появился въ печати и русскій переводъ знаменитаго Cortegiano графа Кастильоне, итальянскаго гуманиста, подъ заглавіемъ: «Придворный человѣкъ» Граціана Бальтазара (1760). Въ 1762 г. вышелъ переводъ книги Бельгарда: «Истинный христіанинъ и честный человѣкъ». Переводъ сдѣланъ С. Волчковымъ.

до было научить его сидѣть за столомъ, стоять, ходить, кланяться, разговаривать, не причинять беспокойства сосѣдямъ своимъ носомъ, ртомъ, руками и ногами, умѣть обходиться съ ножомъ и вилкой, съ тарелкой, съ носовымъ платкомъ, съ шляпой. Всѣмъ этимъ обстоятельно занимается «Зерцало». Затѣмъ надо было внушить правила свѣтскаго обращенія. «Говоря о печальныхъ вещахъ, надо имѣть видъ печальный и имѣть сожалѣнїе; въ радостныхъ случаяхъ быть радостну и являть себя веселымъ съ веселыми» («Зерцало»). Собесѣднику не противорѣчить рѣзко, по возможности соглашаться, свое мнѣнїе высказывать осторожно, правду говорить не всегда («Зерцало» и «Совершенное воспитанїе»). «Скупому надо говорить, что онъ бережливъ и хорошій хозяинъ; расточителю, — что онъ щедръ, лицемѣру — что онъ богобоязненъ» и т. д. (рукописное «Наставленїе о хорошемъ поведенїи при государевомъ дворѣ»). При дворѣ надо быть «смѣлымъ», самому объявлять о своихъ заслугахъ и искать награды. «Кто при дворѣ стыдливъ бываетъ, съ порожними руками отъ двора отходить». Между тѣмъ *даромъ* служатъ только Богу. Государю же надо «служить ради чести и прибыли» («Зерцало»), показывая, однако, при этомъ видъ, «будто вы дѣлаете все токмо для услугъ отечеству» («Наставленїе»). Не слѣдуетъ никому раскрывать своихъ цѣлей, чтобы ими не воспользовались другіе («Зерцало»). Не надо также содѣйствовать возвышенію человѣка «искуснѣе и способнѣе» себя — на мѣсто, гдѣ онъ можетъ оказаться конкурентомъ («Наставленїе»). Для полного успѣха при дворѣ или въ хорошемъ обществѣ необходимы и нѣкоторыя познанія, или, точнѣе говоря, искусства. «Прямымъ придворнымъ человѣкомъ» можетъ быть лишь тотъ «младый шляхтичъ или дворянинъ», который «въ эксерпиціи своей совершенъ, а наипаче въ языкахъ, въ конной ѣздѣ, танцованїи, въ шпашной битвѣ и можетъ добрый разговоръ учинить, къ тому жъ красноглаголивъ и въ книгахъ наученъ». Особенно важны, какъ признакъ хорошаго тона, иностранные языки. На нихъ надо говорить всегда «между собою», во-первыхъ, «дабы тѣмъ навыкнутъ могли», во-вторыхъ, «чтобы слуги и служанки дознаться не могли и чтобъ можно» было порядочнаго человѣка «отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать» («Зерцало»). Извѣстенъ рассказъ Фонвизина, какъ сынъ одного аристократа, знакомясь съ нимъ, тогда еще четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, на елизаветинскомъ спектаклѣ, сразу перемѣнилъ обращенїе, какъ только узналъ, что Фонвизинъ не говоритъ по-французски. «Чтобы не забыть языковъ», необходимо, помимо разговоровъ, поддерживать это знанїе «чтенїемъ полезныхъ книгъ»

(«Зерцало»). Но, вообще говоря, не слѣдуетъ «прилѣпляться много къ чтанію книгъ» («Наставленіе»). «Обходительство съ двумя, тремя умными людьми — лучше науки всѣхъ школьныхъ мастеровъ и педантовъ» (переведено въ скобкахъ: «вралей»). «Откровенные такихъ мудрыхъ людей разговоры отворяютъ у человѣка умъ, запертой природнымъ невѣдѣніемъ въ темнотѣ познанія, и въ одинъ часъ больше покажутъ, нежели человѣкъ въ три дня изъ книгъ научиться можетъ» («Совершенное воспитаніе»).

Итакъ, наука нужна лишь постольку, поскольку она можетъ пригодиться для «людскости», для пріобрѣтенія необходимыхъ въ свѣтскомъ обиходѣ знаній, привычекъ, вкусовъ; самое большее — для того, чтобы вести занимательный разговоръ. Такимъ образомъ, со-
здалось представленіе объ особомъ кругѣ наукъ и искусствъ, необходимыхъ шляхетству, и дворянство лишь постольку цѣнило казенныя учебныя заведенія, поскольку тамъ преподавались именно эти, нужныя для молодого шляхтича знанія и техническіе навыки (Оч. II, VII, 3 и 4). Не находя этого въ существовавшихъ школахъ, дворяне предпочитали воспитывать дѣтей въ частныхъ пансіонахъ или посредствомъ гувернеровъ, причемъ часто иностранные языки оказывались единственнымъ предметомъ преподаванія. Но очень скоро потребность въ особомъ курсѣ шляхетскихъ наукъ была удовлетворена Аниой въ открытомъ ею, по желанію дворянства, для подготовки офицеровъ — сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ. И здѣсь тотчасъ же обнаружилось, къ какого рода предметамъ дворянство тяготеетъ всего болѣе. Изъ 245 русскихъ кадетъ, воспитывавшихся въ корпусѣ въ 1733 году, обучались:

нѣмецкому языку	.....	237	челов.
танцамъ	.....	110	„
французскому	.....	51	„
фехтованію	.....	47	„
музыкѣ	.....	39	„
геометріи	.....	36	„
рисованію	.....	34	„
исторіи	.....	28	„
верховой ѣздѣ	.....	20	„
русскому	.....	18	„
географіи	.....	17	„
латинскому	.....	15	„
юриспруденціи	.....	11	„

Верховая ѣзда, очевидно, лишь потому стоит такъ низко, что это искусство прибрѣталось и помимо ученія въ корпусѣ. Съ этой поправкой, программа «Зерцала» выполнялась въ корпусѣ гораздо усерднѣе, чѣмъ курсъ петровскихъ наукъ. Нѣмецкій языкъ необходимъ былъ при Линѣ, но послѣ нея онъ долженъ былъ навсегда уступить мѣсто французскому, какъ неотъемлемому признаку шляхетскаго хорошаго тона.

Послѣ всего сказаннаго, приходится констатировать, что въ новой русской культурной средѣ, въ первое время ея существованія, было очень немного того, что мы называли «критическими элементами». А то, что въ ней было на лицо, — совсѣмъ не благопріятствовало развитію этихъ элементовъ и въ ближайшемъ будущемъ. Мы пока еще не встрѣтили въ этой средѣ достаточно сознательнаго отношенія къ самимъ себѣ и къ окружающему. «Свѣтское житіе» начинало складываться въ такую же бессознательную традицію, какою было «духовное житіе» дореформенной Руси. Оно даже лишено было одного важнаго преимущества, которое давала старому «житію» его связь съ старымъ культурнымъ матеріаломъ. Въ той, старой средѣ все же назрѣвали нѣкоторыя самостоятельныя движенія въ вѣрѣ и творчествѣ. Онѣ теперь, когда надъ ней вдругъ поднялся новый культурный пласть, спустились сразу внизъ и продолжали развиваться въ низшихъ слояхъ, — конечно, уже далеко не въ тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ они находились бы, если бы остались наверху. (См. Очерки II, VI, 1; VI, 2; Заключение). Напротивъ, отношеніе новой культурной среды къ вновь введенному въ оборотъ культурному матеріалу — было вначалѣ совершенно пассивное (Оч. II, V, 6; VI, 1; VI, 2; VII, 1).

Это должно было отразиться какъ на содержаніи, такъ и на характерѣ развитія критическихъ элементовъ въ будущемъ. Не предупреждая дальнѣйшаго изложенія, мы, однако, теперь же наметимъ отличительныя черты, вытекавшія для будущаго изъ только-что сдѣланнаго изображенія того, какъ стояло дѣло въ началѣ XVIII в.

Во-первыхъ, — и объ этомъ почти не нужно говорить, — ясно, что въ будущемъ культурномъ движеніи отодвинутые внизъ пласты общественной жизни и мысли никакой дальнѣйшей роли играть не будутъ. У нихъ была съ этихъ поръ *своя* культурная исторія, которую мы и старались прослѣдить во II т. «Очерковъ».

Во-вторыхъ, что касается *новой* культурной среды, ясно, что при ея общей неподготовленности къ доставшейся ей роли, при полномъ отсутствіи какого-либо связующаго ее общаго міросозерцанія, при

разладъ ея мысли и жизни, всякія попытки мыслить сознательно въ ея средѣ — по необходимости будутъ *индивидуальными* попытками отдѣльных ея членовъ, не связанныхъ въ этихъ своихъ попыткахъ ни прошлымъ, котораго у новой культурной среды нѣтъ, ни настоящимъ, которое еще не успѣло кристаллизироваться въ культурныя формы.

Въ-третьихъ, именно благодаря послѣднему условію, критическая мысль отдѣльных, стремящихся къ сознательному мышленію, членовъ новой культурной среды будетъ въ состояніи болѣе или менѣе свободно отнестись къ *своей собственной* средѣ. Въмѣсто идейнаго оправданія и обоснованія культурныхъ и сословныхъ основъ, на которыхъ зиждется социальное положеніе этой среды, она сдѣлаетъ своимъ предметомъ *критику* тѣхъ и другихъ основъ. Она раскритикуетъ культурныя основы потому, что найдетъ ихъ недостаточно сознательными, т.-е. обвинитъ ихъ въ безсознательномъ подражаніи, въ слѣпомъ заимствованіи. Она даже попытается, въ видѣ протеста противъ безсознательной европеизаціи, со свойственной ей утрировкой подражанія, — идеализировать рускую старину. Но это будетъ протестъ не во имя традиціоннаго націонализма, навсегда спустившагося въ низы общества, а во имя большей сознательности національной жизни, то-есть, во имя настоящихъ критическихъ элементовъ, противъ появленія новой, безсознательной традиціи, готовой превратиться въ простой символъ привилегированной общественной группы. Это будетъ первый шагъ къ дѣйствительной, а не оффиціальной только, побѣдѣ критическихъ элементовъ. Вторымъ шагомъ будетъ критика, обращенная на сословныя основы новаго культурнаго быта.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, такъ какъ вся эта работа критической мысли имѣетъ отчасти безсословный, отчасти прямо антисословный характеръ, хотя и совершается отчасти въ дворянской средѣ, то она будетъ идти параллельно и дастъ пищу развитію новой безсословной или, точнѣе, *междусословной* культурной среды, такъ наз. «интеллигенціи». Чтобы уяснить происхожденіе этой среды, напомнимъ пока одинъ только извѣстный уже намъ фактъ: именно, присутствіе въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, за все время ихъ существованія, весьма значительнаго недворянскаго элемента (Оч. II, VII, 1; VII, 3; VII, 4).

Освободившись отъ какой-бы то ни было національной культурной традиціи, русская критическая мысль получила возможность черпать полными руками изъ богатаго запаса европейской критической мысли. О «слѣпомъ» и «безсознательномъ» заимствованіи въ данномъ

случаѣ не можетъ быть рѣчи уже потому, что заимствованіе у нашихъ первыхъ «интеллигентовъ» имѣло цѣлью именно выработку сознательнаго отношенія къ окружающему. Русская мысль воспринимала европейскую, разумѣется, въ той формѣ, въ какой та имѣлась на лицо, въ данное время. Но она брала изъ нея только то, что могла понять и что ей было нужно. И она дѣлала изъ воспринятой мысли болѣе или менѣе оригинальное употребленіе, чтобы разобраться съ ея помощью въ собственномъ матеріалѣ. Такимъ образомъ, не оригинальная въ своемъ источникѣ, русская критическая мысль, уже проявила извѣстную самостоятельность какъ въ процессѣ усвоенія, такъ и въ процессѣ приложенія усвоеннаго къ русской дѣйствительности.

Для начала русская интеллигентская мысль принялась искать *теоретическаго* оправданія «свѣтскаго житія». Соответствующее общее міровозрѣніе выражалось на Западѣ въ той самой формулѣ — «все созданное Богомъ чисто и свято», — которую Посошковъ слышалъ отъ иноземцевъ въ Москвѣ. Но мотивировка этого положенія уже далеко ушла отъ богословской теоріи лютеранства и кальвинизма (о предопредѣленной и фаталистически дѣйствующей «благодати»), — не разрывая въ то же самое время окончательно съ старой религіозной традиціей. Это былъ не только не «атеизмъ», какъ пугалъ Посошковъ, но даже и не философскій деизмъ. Наиболѣе доступной на первыхъ порахъ идеей явилась теорія «естественнаго закона» въры и жизни, самымъ мирнымъ образомъ укладывавшаяся въ головы протестантскихъ богослововъ и пасторовъ.

Главное свое примѣненіе теорія «естественнаго закона» нашла въ юридической наукѣ, вмѣстѣ съ которой и перешла въ Россію. Руководствами для преподаванія юриспруденціи должны были служить сочиненія двухъ главныхъ теоретиковъ «естественнаго права», Гуго Гроція и Пуффендорфа, переведенныя и изданныя по приказанію Петра. Въ шляхетскомъ корпусѣ «юсъ натурале» даже введено было въ число предметовъ, обязательно преподававшихся тѣмъ, кто хотѣлъ идти въ гражданскую службу, — хотя такихъ и было, какъ мы знаемъ, очень немного («Оч.» II, VII, 3). Еще при Петрѣ теорія «естественнаго права» успѣла сыграть политическую роль, послуживъ Теофану Прокоповичу для оффиціального доказательства «Правды воли монаршей» относительно престолонаслѣдія. По своему общественному положенію, Теофанъ и не могъ сдѣлать изъ философской теоріи болѣе широкаго употребленія. О деликатныхъ вопросахъ онъ позволялъ себѣ лишь разговаривать въ тѣсномъ кругу земляковъ. Но такое употребленіе сдѣлалъ публицистъ и полигисторъ В. Н. Татищевъ,

отчасти именно подъ вліяніемъ разговоровъ съ Теофаномъ. Въ сочиненіи подъ скромнымъ заглавіемъ «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ», распространившемся анонимно, въ рукописныхъ спискахъ, Татищевъ, — дѣлая все время видъ, что говоритъ не объ этомъ, а совсѣмъ о другомъ, — представилъ первую въ Россіи принципиальную защиту «свѣтскаго житія.» Онъ совсѣмъ не отвергалъ и «житія духовнаго», но крайней мѣрѣ открыто. Онъ только защищалъ право свѣтскаго житія на совмѣстное съ нимъ существованіе. Въ этихъ предѣлахъ, однако, вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Если духовное житіе ставитъ цѣлью спасеніе души, то свѣтское имѣетъ полное право рядомъ съ нимъ поставить стремленіе къ земному счастью. Если для перваго — удовлетвореніе природныхъ склонностей человѣка есть грѣхъ, то для втораго — это есть только выполнение «естественнаго закона».

Вѣдь «естественный законъ» человѣческой природы — есть такой же «божественный законъ», какъ и тотъ, который записанъ въ священномъ писаніи. Только первый вложенъ Богомъ въ человѣка при самомъ его сотвореніи. Онъ вездѣ, всегда и для всѣхъ людей одинаковъ, какъ ихъ натура; тогда какъ писанный законъ «словесно отъ Бога преданъ» — первоначально однимъ евреямъ. Оба закона никакъ не могутъ противорѣчить одинъ другому, хотя каждый имѣетъ свою независимую область. Но какъ же не противорѣчатъ они, спрашиваетъ собесѣдникъ, выведенный Татищевымъ въ его «Разговорахъ»? Вѣдь человѣку вкоренено «желаніе благополучія», т. е. *эгоизмъ*; между тѣмъ писанный законъ основанъ на *любви* къ Богу и ближнему? Тутъ противорѣчія нѣтъ, отвѣчаетъ Татищевъ; разумный эгоизмъ обязательно включаетъ въ себя любовь къ Богу и ближнему, такъ какъ это — необходимыя условія человѣческаго «благополучія». Человѣкъ «взаимодательно» будетъ любить, потому что нуждается въ чужой любви для своего счастья. — Но вѣдь церковь требуетъ, чтобы человѣкъ отрекся отъ своего счастья, а не стремился къ нему: воздержаніе отъ потребности есть добродѣтель; удовлетвореніе ея есть грѣхъ, — продолжаютъ возраженія. Напротивъ, утверждаетъ Татищевъ: излишнее воздержаніе есть сокращеніе жизни, самоубійство, т. е., дѣйствительно, величайшій грѣхъ. «Любостыя, любостыя и плотоугодіе намъ отъ Творца всѣхъ вмѣстѣ съ душой вкоренены, а такъ какъ Богъ есть творецъ добра, то и все, что онъ сотворилъ, не иначе какъ добрымъ именовать можемъ». Если удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей совершается разумно, т. е. «порядочно и умѣренно», то оно есть добродѣтель; если «безпорядочно

и чрезмѣрно», то обращается въ преступленіе. И притомъ природа человѣческая устроена такъ премудро, что она сама указываетъ мѣру, награждая удовольствіемъ за соблюденіе этой мѣры и страданіемъ за ея нарушеніе. «Богъ во всѣ оныя противоположныя преступленія вложилъ наказанія, дабы каждому преступленію естественныя и наказанія послѣдовали». Грѣхъ есть то, что вредно натурѣ человѣка, добродѣтель — то, что ей полезно. Но вредное и полезное можно и нужно *знать*. Слѣдовательно, знаніе себя, своей натуры — вотъ необходимое условіе всякаго разумнаго поступка, всякой добродѣтели. Извращеніе человѣческой природы послѣ грѣхопаденія Адама состояло именно въ затрудненіи самопознанія. «Воля, страсть надъ умомъ власть возымѣла: черезъ это не всякъ въ состояніи истинное благо различить отъ мнимаго». Но наука, знаніе должны вернуть человечеству это равновѣсіе души, нарушенное адамовымъ грѣхомъ.

Какъ же, однако, быть съ положительными предписаніями «церковнаго закона»? Татищевъ отвѣчаетъ: церковный законъ — не то, что «естественный» или что священное писаніе. Это законъ «не божескій, а самовольный человѣческій», наравнѣ съ «закономъ гражданскимъ». Молитва, напр., есть законъ божескій, — законъ любви (естественный) и долга (письменный). Но «время и мѣра», «когда и какъ молиться», это божескимъ «закономъ оставлено на нашу возможность», а церковнымъ закономъ регламентировано. Или постъ: «по божественному онъ весьма полезенъ» — для сохраненія здравія (по естественному закону) и для укрощенія страстей (по писанію). Но онъ «состоитъ въ волѣ человѣка», и по человѣческому соглашенію опредѣлены скоромныя и постныя дни и пища. Бракъ — необходимъ. Но дѣло «человѣческихъ законовъ» церкви опредѣлить чинъ брака, возрастъ и другія условія для брачующихся. Когда же церковь «запрещаетъ то, что человѣку закономъ божественнымъ опредѣлено» и, какъ въ католицизмѣ (Татищевъ часто имъ пользуется), требуетъ безбрачія молодыхъ священниковъ, то это уже явное злоупотребленіе. Поэтому-то «мнитесь пристойнѣе», чтобы «законы церковные» «состояли подъ властію высшаго мірскаго правленія», какъ это существуетъ въ Англіи, Швеціи, Даніи, Голландіи, Германіи, и какъ отчасти хотѣлъ сдѣлать Петръ. Какъ «самозвольный», «законъ церковный есть разный .— по разности церквей». Между тѣмъ, законъ естественный одинъ для всѣхъ. Даже «если бъ кто думалъ, что не отъ одного Адама люди начались», все-таки онъ долженъ признать, что «*всѣ* люди равное принужденіе къ пріобрѣтенію благополучія въ сердцѣ имѣютъ», хотя бы и не имѣли «никакого письменнаго зако-

на». Таковъ законъ «человѣческой природы», «познаваемый помощью здраваго ума». Его не лишены даже животныя*).

Прямой выводъ отсюда — требованіе полной вѣротерпимости. Татищевъ всецѣло принимаетъ его. Онъ маскируетъ только логическую связь, изъ которой оно вытекаетъ, и обсуждаетъ вопросъ о вѣротерпимости исключительно «свѣтски», т. е. съ точки зрѣнія государственныхъ соображеній. Вопреки мнѣнію «папистовъ», онъ утверждаетъ, что «разность вѣръ великой въ государствѣ бѣды не наносить», и въ Россіи «отъ разности вѣръ вреда не имѣли, но еще пользу видѣли». Писаніе прямо запрещаетъ «силою въ соединеніе приводить», несогласныхъ мучить, казнить или изгонять (Ефес. 6, 12; 9, 56). И Татищевъ рѣзко обрушивается на «Никона и его наслѣдниковъ», которые «надъ безумными раскольниками свирѣлость свою исполняя, многія тысячи пожгли и порубили или изъ государства выгнали. Онъ восхваляетъ Петра, прекратившаго безполезныя жестокости. Только для іезуитовъ, по ихъ «коварству», и для евреевъ — «не для вѣры, но паче для ихъ злой природы» — Татищевъ склоненъ сдѣлать исключеніе изъ общаго правила о терпимости.

Таково міровоззрѣніе, котораго, навѣрное, не подозрѣвалъ Посошковъ, когда опровергалъ мнѣніе, что «все чисто», — необходимою омовеній отъ плотской скверны и проектировалъ инквизицію для старообрядцевъ.

Право на свѣтскую жизнь, какъ ее понимаетъ Татищевъ, само собой предполагаетъ право свободнаго изслѣдованія и необходимость свѣтской науки. Дѣло въ томъ, что это — «разумная», сознательная жизнь, основанная на «знаніи естественнаго закона», т. е. того, «что человѣку полезно и нужно, и что вредно и не нужно». Невѣжественный человѣкъ «настоящаго страха не боится, а гдѣ нѣтъ страха — трене-

---

*) Припомнимъ, кстати, разсужденія о душѣ животныхъ Теофана Прокоповича, записанныя его землякомъ Марковичемъ: «Оное мнѣніе Картезія («всякое чувство отъ животныхъ всѣхъ отнимающаго, а только единому человѣку, имущему умъ, причитающаго» и поэтому называющаго животныхъ «автоматами») есть не крѣпкое, ибо явственно спорить противъ повседневныхъ экспериментовъ». Сущность духа — «не въ самомъ помышленіи, но есть особливѣйшее нѣчто, чего мы не видимъ». Поэтому «можно нѣкоторый видъ дебелаго и весьма скуднаго помышленія животныхъ причесть, однако онаго безсмертнымъ назвать невозможно, а какое оно есть, неизвѣстно, для того, что (мы) не знаемъ существъ не только духа, но и тѣла.

щеть, въ печали и радости неумѣренъ, въ счастіѣ и несчастіи — непостояненъ и во всемъ, вмѣсто пользы, наноситъ себѣ вредъ». Не понимая силы знанія, онъ, какъ ребенокъ, подчиняется шарлатанамъ и обманщикамъ, умышленно «содержавшимъ народъ въ темнотѣ и суевѣріи». Онъ вѣритъ вмѣшательству сверхестественныхъ силъ и «мнитъ черезъ дьявола сдѣлать» себѣ пользу, тогда какъ «многіе ученые физически и богословски доказали, что человѣкъ черезъ дьявола ничего учинить не можетъ». Только наука вывела человѣчество изъ этого младенческаго состоянія. Рѣшающими моментами въ исторіи человѣчества Татищевъ считаетъ, помимо пришествія Христа, — изобрѣтеніе *письма и книгопечатанія*. Письмо составляетъ для младенческаго общества то, что для новорожденного младенца составляетъ языкъ, — средство «собственныхъ приключенія въ памяти всѣ сохранить». Благодаря книгопечатанію сразу умножилось число ученыхъ и училищъ, и открытъ былъ «свѣтъ истиннаго разума въ богословіи, философій, юриспруденціи, медицинѣ, математикѣ, физикѣ, исторіи и пр.»; «обрѣтены многіе способы къ испытанію и дознанію незнанныхъ прежде свойствъ, яко трубы зрительныя, микроскопъ, зеркала зажигательныя, насосы водяные, трубы воздушныя, аптіа пневматика» и т. д. «Папа и его сообщники» «противъ быстроты онаго теченія постоять не могъ». «Плотина прорвалась»; за Виклефомъ и Гусомъ явились Лютеръ и Кальвинъ, которые «довольно престолъ оный назадъ подвинули». А затѣмъ «въ нравоученіи Гуго Гроціи, потомъ Пуфендорфъ, въ физикѣ или всей философій Картезий, въ математикѣ, а паче астрономіи Коперникъ и Галилей, яко же и Араго, несмотря на папешскія пресѣченія и не боясь проклятія его, истину доказали и такъ утвердили, что, наконецъ, и сами паписты со стыдомъ принуждены истину оныхъ признать». Но они отметили имъ клеветой и проклятіями, огласили ихъ аоенстами», какъ всегда говорили невѣжды объ «умныхъ и ученыхъ людяхъ», «которые навѣяще о Богѣ учили». Судьба Эпикура и Сократа была такова же, какъ Коперника, Декарта и Пуфендорфа. Если авторъ «Камня вѣры» (Яворскій, см. Оч. II, V, 7) повторяетъ эти клеветы папистовъ противъ протестантовъ и обвиняетъ ихъ въ «безбожій», то этимъ онъ только обнаруживаетъ подобную же недобросовѣстность.

Воображаемый собесѣдникъ Татищева отъ имени стараго русскаго міровоззрѣнія выставляетъ цѣлый рядъ возраженій противъ такого необычнаго преклоненія передъ свѣтомъ науки. «Въ старину меньше учились, но больше благополучія видѣли»; «въ тѣ древнія времена столько было святыхъ отцовъ и праведниковъ, сколько те-

перь и въ тысячу лѣтъ не увидимъ». Подобныя утвержденія, отвѣчаетъ Татищевъ, только показываютъ незнаніе исторіи и лишній разъ подтверждаютъ то «отъ природы во всѣхъ насъ вкорененное, — что мы мимолетное хвалимъ, наставшему дивимся». «Златого времени» древнихъ поэтовъ не надо искать, назадъ: тамъ встрѣтимъ только одно варварство и мракъ. Какъ «въ темнотѣ малая искра болѣе видима, нежели въ свѣтлое время великій огонь», такъ и «мы въ слабости — малому совершенству удивляемся», какъ въ ребенкѣ, а въ сильномъ и зрѣломъ — гораздо болѣе крупныхъ достоинствъ не замѣчаемъ. Однако же «многіе духовные и богобоязненные люди» говорятъ, — продолжаетъ собесѣдникъ развивать древне-русскія «сумѣнія» — «что науки человѣку вредны и пагубны»; что изъ-за нихъ многіе отъ Бога отстали и въ ересь впали? Татищевъ соглашается. Дѣйствительно, *есть* философія, «отвращающая отъ Бога», какъ, напр., ученія *древнихъ* философовъ, что «тварь самобытна», что «душа человѣческая отъ души міра часть есть и по смерти туда же возвращается, — чѣмъ воскресеніе отрѣшается» и т. п. Вѣрно также и то, что измыслить ересь можетъ только человѣкъ «ученый» и остроумный. «а по малой мѣрѣ — читатель книгъ (т.-е. начекичъ)». Но вѣдь злоупотребить можно и священнымъ писаніемъ, — изъ чего вовсе не слѣдуетъ, какъ утверждаютъ «паписты», что Библію можно читать только духовнымъ. «Истинная» философія, — та, которая «нужна къ познанію Бога и къ пользѣ человѣка», — не только «не грѣшна», но полезна и необходима. Сами святые отцы «другихъ языковъ и многіе — философіи научены были». Истошавши религіозныя возраженія противъ науки, собесѣдникъ Татищева, наконецъ, прибѣгаетъ къ «политическому», яко бы слышанному имъ отъ «людей искусныхъ въ гражданствѣ». «Въ государствѣ, чѣмъ народъ простѣе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, а отъ бунтовъ и смятеній безопаснѣе; и для того науки распространять за полезное не почитаютъ». Татищевъ отвѣчаетъ, что въ Россіи, какъ и въ Турціи, бунтовала именно безграмотная «подлость», а не цивилизуемое теперь дворянство. Въ обученіи послѣдняго — правительство нуждается для собственныхъ цѣлей; и изъ «подлости» теперь человѣкъ можетъ дослужиться хоть до полковничьяго чина, такъ что и здѣсь нужна наука. «Отъ неученія *народа*», въ собственномъ смыслѣ, происходитъ тотъ «вредъ», что народъ не знаетъ ни естественнаго, ни божественнаго закона. Въмѣсто «внутреннихъ добродѣтелей» его учатъ духовные пастыри «человѣческимъ преданіямъ и виѣшнимъ благочестіямъ», что не мѣшаетъ ему впадать въ самыя грубыя преступленія,

подвергающія его карѣ гражданскаго закона. «Противъ онаго макіавелиста вкратцѣ скажу», — кончаетъ Татищевъ: если бы ему всѣхъ служителей, лакеевъ, конюховъ, поваровъ и дровосѣковъ всѣхъ опредѣлить дураковъ, а въ дворецкіе, конюшіе, стряпчіе и въ деревни прикащиковъ безграмотныхъ, то онъ бы узналъ, какой порядокъ и польза въ его домѣ явится: я же радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ». Нельзя не замѣтить, что, при всей силѣ отвѣта, *суть* возраженія обойдена Татищевымъ. Центръ тяжести вопроса, — надо думать, сознательно, — перенесенъ на пользу науки *для государственныхъ «служителей»* и для выясненія «подлomu народу» его общественныхъ *обязанностей*, диктуемыхъ ему естественнымъ закономъ.

Обязанности эти, вполнѣ послѣдовательно выводятся Татищевымъ изъ принципа разумнаго эгоизма, какъ и любовь къ ближнему. «Воля челоѣка положена узда неволи для его же пользы, чтобы чрезъ это онъ могъ прочія благополучія въ уравненіи возможномъ имѣть и въ лучшемъ благополучіи пребывать». Но, однако, эта «неволя» не должна идти дальше, чѣмъ требуетъ личное «благополучіе». «Воля, по естеству, челоѣку только нужна и полезна, что ни едино благополучіе ей сравниться не можетъ и ни что ей достойно есть, ибо кто воли лишаемъ, тотъ купно всѣхъ благополучій лишается». «Весьма нужна» лишь та «узда неволи», которая налагается *«по природѣ»*, по недостатку собственнаго разума, напр., въ младенчествѣ власть «отеческая», изъ которой происходитъ, по Татищеву, и «власть монаршеская». Отъ этой власти «свободы иной нѣтъ, какъ природное разрѣшеніе». «Полезна» также и другая узда — «своевольной неволи», возлагаемой на себя самимъ челоѣкомъ *«по договору»*. Сюда относится и то «общественное согласіе, гдѣ для защищенія своего отъ нападенія сильнаго многіе совокупляются», составляя «общенародія или республики». Эта «неволя» разрушается нарушеніемъ договора. Наконецъ, «третье лишеніе воли есть *насильное*, именуемое рабство». Оно «ничѣмъ кончиться не можетъ, какъ милостивымъ освобожденіемъ или собственнымъ невольника избавленіемъ». «Понеже челоѣкъ по естеству имѣетъ свободу въ защищеніи и охраненіи себя, то онъ такое лишеніе своей воли терпѣть болѣе не долженъ, какъ до возможнаго къ освобожденію случая: зане естество намъ опредѣлило здравіе и вольность или свое собственное благополучіе защищать, а учиненныя обиды — отмщать, дабы не имущій страха отмщенія на большія обиды не дерзалъ». Въ другомъ мѣстѣ «Разговора» Татищевъ не останавливается передъ приложеніемъ этихъ общихъ раз-

суждений къ русскому крѣпостному праву. «Премѣненіемъ древнихъ обычаевъ иногда не малый вредъ наносился», говоритъ онъ; «напримѣръ, до царства Борисова въ Русіи крестьянство было все вольное: но онъ слугъ, холопей и крестьянъ сдѣлалъ крѣпостными; за которое холопи Пронской, Боловня, собравъ свою братью и крестьянства немалое войско, великія пакости подѣлалъ». Съ точки зрѣнія естественнаго права — это возстаніе было только «неразумно» — «ибо, если бы я былъ въ неволѣ у разбойниковъ или въ плѣнѣ у непріятеля, и дерзнулъ несравненно малою моею силою имъ отмицать и себя освободить, тобъ я самъ своей гибели причиною былъ». Впрочемъ, при наличныхъ условіяхъ, Татищевъ обнаруживаетъ, по видимому, склонность отнести положеніе крѣпостныхъ къ «неволѣ по природѣ», т. е. къ первой категоріи. «Шляхтичъ всякій *по природѣ* судья надъ своими холопи и рабами и крестьяны». Такъ полагается начало теоріи, по которой власть помѣщика занимаетъ середину между отеческой и монархической. Рисуя въ своихъ «Экономическихъ запискахъ» идеалъ помѣщика, Татищевъ уже не углубляется въ принципиальный разборъ вопроса. Но онъ остается вѣренъ себѣ, повторяя идеи «Разговора» объ относительности понятія «богатства» и ставя цѣлью помѣщичьяго хозяйства — не удовлетвореніе «ненасытныхъ желаній» обогащенія, а возможность «по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ прожить». «Познать законъ» крестьяне должны, учась читать и писать, отъ 5 до 10 лѣтъ. Но это не устраняетъ необходимости самой строгой опеки надъ ними со стороны помѣщика, чтобы они не привыкли къ праздности и не разорились. Очевидно, ихъ «неволя» вызывается, по первой категоріи, «недостаткомъ собственнаго разума».

Въ своей «Духовной» сынѣ (1734), предназначавшейся, очевидно, для болѣе широкой публики, чѣмъ «Разговоръ», и дѣйствительно распространившейся и въ рукописныхъ спискахъ, и въ печатномъ изданіи 1773 г., Татищевъ обнаруживаетъ еще больше уклончивости въ выраженіи своихъ мнѣній. Претерпѣвъ самъ «немало невиннаго поношенія и бѣдъ» за свое вольномысліе, онъ и сынѣ совѣтуетъ крайнюю осторожность и сдержанность въ разговорахъ, особенно съ «папистами» и «лицемѣрными ханжами», подъ которыми, очевидно, разумѣются враги направленія Теофана Прокоповича. «Не обличай безумнаго, да не возненавидитъ тя»: это правило Соломоновой премудрости онъ самъ практикуетъ при составленіи «Духовной», и потому ея содержаніе выходитъ гораздо ординарнѣе, чѣмъ могло бы быть при иныхъ обстоятельствахъ. Но свой главный принципъ —

свободнаго изслѣдованія и сознательно-критическаго отношенія къ жизни — Татищевъ рѣзко подчеркиваетъ и здѣсь. Этого одного достаточно, чтобы сдѣлать изъ его «Духовной» полную противоположность «Завѣщанію» Посошкова, несмотря на частыя совпаденія обоихъ памятниковъ въ правилахъ прописной морали и совѣтахъ житейской опытности. «Главнѣйшее есть вѣра», — провозглашаетъ Татищевъ. Но «главное» въ этомъ главнѣйшемъ дѣлѣ жизни есть — «охраняться» отъ «лицемѣрныхъ поступковъ и фарисейскихъ ученій», для чего необходимо критическое отношеніе къ избыткамъ, законами человѣческими въ тягость положеннымъ». Татищевъ предвидитъ, что при такой критикѣ его сынъ «и подлинно» найдетъ «нѣкоторыя погрѣшности и несправы или излишки въ своей церкви». Онъ только требуетъ, чтобы тотъ «никогда *явно* отъ церкви не отставалъ и вѣры не перемѣнялъ». Политическое вольномысліе, конечно, было еще опаснѣе религіознаго, — и Татищевъ совѣтуетъ сыну «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не соглашаться... какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали». Мы сейчасъ увидимъ, однако, что къ числу этихъ «нѣкоторыхъ» принадлежалъ одинъ моментъ и самъ Татищевъ, оставаясь, впрочемъ, въ то же время убѣжденнымъ монархистомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ настаиваетъ на сознательномъ отношеніи и къ общественной дѣятельности, требуя при этомъ — вопреки наставленіямъ разобранныхъ выше шляхетскихъ руководствъ, — чтобы сынъ его «прилежалъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной». Не надѣясь провести этотъ принципъ въ придворной службѣ, «понеже тутъ лицемерство, коварство, лесть, зависть и ненависть едва ли не всѣмъ добродѣтелямъ предходятъ», онъ рекомендуетъ сыну гражданскую службу. Вопреки мнѣнію большинства, она въ государствѣ есть главная, ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія ничто въ добромъ порядкѣ содержимо быть не можетъ, и во ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ, потребно». Именно поэтому необходима для такого рода службы — какъ, впрочемъ, и вообще для сознательнаго отношенія къ окружающему — серьезная научная подготовка. Когда Посошковъ говоритъ о «чтеніи книгъ», онъ разумѣетъ только священныя. Необходимая наука для него одна — грамматика, признанная таковою еще въ XVII вѣкѣ, а идеаль учености — курсъ славяно-греко-латинской академіи. Татищеву ясно, что этотъ максимумъ Посошкова есть лишь устарѣлая средневѣковая схоластика. «Шляхетскія науки», рекомендуемая «Зерцаломъ», онъ не отвергаетъ. Но для его сына «не-

обходимый» курсъ наукъ долженъ состоять частью изъ наукъ, введенныхъ Петромъ: «арифметики, геометріи и части инженерства», частью же, — для правильнаго пониманія окружающей дѣйствительности — изъ русской исторіи, русской географіи и русскихъ законовъ, гражданскихъ и военныхъ. Это — только минимумъ, такъ какъ «Разговоръ» требуетъ гораздо большаго.

Какъ видимъ, Татищевъ сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы примирить результаты своей критики съ традиционными формами вѣры и жизни. Если не его теорія, то *какая-нибудь* подобная теорія была нужна для принципиальнаго оправданія секуляризаціи русской жизни. «Подлымъ людямъ» не было нужды въ новомъ міровоззрѣніи. Имъ легко было сохранить гармонію жизни и вѣры, хотя и минимую, какъ мы видѣли у Посошкова, но тѣмъ не менѣе освященную традиціей. Новая жизнь необходимо требовала новой вѣры, такъ какъ со старой посошковской вѣрой ее *дѣйствительно* нельзя было примирить. А отказаться отъ нея, переменить жизнь — было еще невозможно. Русское шляхетство спаслось изъ этого затрудненія очень легко. Оно просто не признавало ясно противорѣчія между старой вѣрой и новой жизнью, а потому и не спѣшило изъ него выходить. Жизнь была для него нагляднымъ конкретнымъ даннымъ. А чѣмъ была для него вѣра? Она и прежде мало занимала мѣста въ жизни этого общественнаго слоя, сводясь къ простой формальности — при томъ весьма неаккуратно выполняемой (Посошковъ убѣждалъ своего образцоваго архіерея принуждать не только крестьянъ, но и дворянъ хоть разъ въ годъ говѣть). Поэтому, изъ отношенія къ вѣрѣ большинство вовсе и не думало дѣлать вопроса совѣсти. Придумывать для «спокойствія души и совѣсти» новую теорію, какъ дѣлалъ Татищевъ, огромному большинству не могло придти въ голову уже потому, что въ этомъ не было никакой внутренней потребности. Церковная же обрядность никому не мѣшала и могла оставаться. Если иной разъ она прикрывала трупъ, — объ этомъ никто не тревожился. При такомъ положеніи, дѣйствительно, страдалъ и подвергался упрекамъ въ «безбожіи» и «ереси» какъ разъ тотъ, кто «наивышше училъ о Богѣ». Тотъ, кто объ этомъ вовсе не думалъ, могъ оставаться въ полной безопасности.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ общественномъ слоѣ традиціонныя формы вѣры, неприспособленныя къ новымъ формамъ жизни, отмирали мало-по-малу, оставляя пустоту, нечувствительную для большинства и поэтому не заполненную своевременно никакими новыми формами. Татищевъ пытался сохранить вѣру, отбросивъ изъ

нея то, что его поколѣніе считало «суетвѣріемъ». Большинство не рѣшалось и не чувствовало особой потребности отдѣлять вѣру отъ «суетвѣрія». Зато, сохранивъ формально и то и другое, оно рисковало утратить заразъ и то и другое. При посредствѣ дядекъ оба элемента, вѣра и суетвѣріе, усваивались нераздѣльно въ деревнѣ. При посредствѣ товарищей-офицеровъ оба выбрасывались изъ головы, въ вихрь свѣтскихъ увеселеній, въ столицѣ. Легкость, съ какой они выбрасывались, конечно, столько же объяснялась силой свѣтскихъ соблазновъ, сколько и слабостью деревенской морали. Чаше всего, деревенское времяпрепровожденіе уже являлось подготовкой къ столичному. По замѣчанію Татищева, «понеже все шляхетство... во отлученіи домовъ своихъ пребываютъ, а дѣти подъ призрѣніемъ матерей и холоповъ воспитываются, (то) обхожденіе дѣтей въ домѣ съ бабами, дѣвками и рабскими дѣтьми есть весьма вредное». А именно, молодежь въ деревнѣ, «научается только иѣгѣ, сѣси, лѣности и свирѣиству». Напротивъ, «нужнѣйшее, именно знаніе исповѣданія вѣры, законовъ гражданскихъ и состоянія собственнаго отечества — назади въ забвеніи остается». Поэтому, «вмѣсто благоправнаго... часто развращенное воспитаніе въ дѣтяхъ знатныхъ людей примѣчено». И кн. Щербатовъ, совсѣмъ съ другой точки зрѣнія (см. о ней далѣе), приходитъ къ подобному же заключенію, оплакивая упадокъ традиціоннаго міровоззрѣнія, не замѣненнаго никакимъ другимъ. «Уменьшились суетвѣрія, но уменьшилась и вѣра», замѣчаетъ онъ объ интересующемъ насъ настроеніи столичнаго шляхетства въ ближайшее къ Петру время; «исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону: и правы, за недостаткомъ другого просвѣщенія исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить».

Какъ видимъ, почва была неблагопріятна для распространенія сознательнаго отношенія къ вопросамъ вѣры и нравственности въ шляхетской средѣ. Шляхетство въ огромномъ большинствѣ не могло усвоить себѣ новаго міровоззрѣнія, которое бы *на религиозныхъ началахъ* устраивало его отношеніе къ новымъ основамъ жизни. Отъ бессознательной вѣры ему гораздо легче было перейти къ бессознательному невѣрію.

Повидимому, иначе и благопріятнѣе складывались условія для выработки сознательнаго отношенія къ *политическимъ* вопросамъ въ средѣ шляхетства. Та же жизнь, которая заглушала въ немъ религиозное чувство, являлась для него школой политической мысли. Обстоятельства сложились, наконецъ, такъ, что столичному шляхет-

ству пришлось формально высказать свое мнѣніе по важнѣйшему вопросу государственнаго строя (1730, при воцареніи императрицы Анны). Какую же степень сознательности оно при этомъ обнаружило?

Въ этомъ любопытномъ эпизодѣ ярко и рельефно обрисовались всѣ общественныя и интеллектуальныя силы тогдашней Россіи. Старая родовая аристократическая оппозиція сдѣлала послѣднее усиліе вернуть себѣ ту политическую роль, которую, по ея мнѣнію, отнялъ у ней Петръ Великій. Поставивъ все на карту, она все сразу проиграла. Главнымъ соперникомъ, помѣшавшимъ успѣху родовой аристократіи и ничего не выигравшимъ для себя, явилась новая чиновная аристократія петровской табели о рангахъ: генералитетъ. Настоящимъ господиномъ положенія, спутавшимъ всѣ расчеты знати и чина, была новая — и единственная дѣйствительная — социальная сила, благородное шляхетство. Спорившіе между собой — и одинаково безсильные соперники — наперерывъ принялись ухаживать за шляхетствомъ, какъ только увидѣли свою слабость. И все-таки, по мнѣнію шляхетства, они предлагали ему за союзъ недостаточно много. Тогда оно предпочло, не дожидаясь подачи отъ соперниковъ, обратиться за привилегіями непосредственно къ монаршей власти. Оно не ошиблось въ расчетѣ. Что касается новой государственной теоріи представительства и естественнаго права, она поочередно служила для оправданія притязаній всѣхъ трехъ конкурентовъ. Въ концѣ концовъ, теорія растворилась и потонула въ традиціонныхъ чувствахъ рядового шляхетства. Прослѣдимъ же судьбу перваго примѣненія на дѣлѣ политической теоріи, которое насъ здѣсь главнымъ образомъ интересуетъ.

Въ рядахъ начавшей дѣло родовой аристократіи единственнымъ представителемъ европейской государственной теоріи явился кн. Дм. Мих. Голицынъ. Въ то время, какъ Долгорукіе при малолѣтнемъ Петрѣ II играли роль Шуйскихъ при царѣ Иванѣ IV — вплоть до разграбленія царскихъ драгоценностей включительно, — Голицына скорѣе можно было уподобить кн. Курбскому, съ его теоріей «избранной рады» и «совѣта всенародныхъ челоуѣкъ». На этотъ разъ теорія двухъ палатъ, верхней и нижней, явилась въ шведскомъ костюмѣ. «Избранная рада» — это былъ теперь «Верховный совѣтъ», дѣлившій, подобно шведскому «государственному совѣту», съ государемъ его прерогативу. А «совѣтъ всенародныхъ челоуѣкъ» это были, — на подобіе шведскаго риксдага, т.е. — представительства государственныхъ сословій, — двѣ сословныя палаты депутатовъ: одна отъ шля-

хетства, другая отъ горожанъ (въ Швеціи были еще двѣ — отъ крестьянства и духовенства).

Дѣлежъ царской прерогативы съ «Верховнымъ совѣтомъ» былъ утвержденъ имп. Анной такъ, какъ этого требовали посланныя ей «кондиціи». Это было форменнымъ захватомъ верховной власти въ руки «знатѣйшихъ фамилій», — такъ какъ своимъ сословнымъ палатамъ Голицынь не представлялъ участія въ верховныхъ правахъ, а только охрану интересовъ соотвѣтствующихъ сословій. Притомъ же и вся эта часть проекта Голицына еще находилась въ процессѣ разработки и обсужденія тѣмъ же Верховнымъ совѣтомъ. Но главное: проектъ вовсе обошелъ чиновную аристократію, которая со времени смерти Петра составляла особую политическую группу «генералитета»: это были высшіе четыре ранга, по табели соотвѣтствовавшіе «думнымъ чинамъ» XVII столѣтія (генералы, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники). Ни въ совѣтъ, ни въ сословныхъ палатахъ голицынскаго проекта для нея не было мѣста, какъ для отдѣльной общественной группы. Между тѣмъ, помимо совѣта, она только одна и имѣла право официально высказаться по вопросу. Она и воспользовалась этимъ, чтобы немедленно протестовать противъ проекта Голицына, рассчитывая при этомъ опереться на собравшееся въ Москву къ свадьбѣ Петра II шляхетство. Последнее уже негодовало на «тираннію» совѣта, ничего еще не зная въ большинствѣ о сословныхъ палатахъ голицынскаго проекта. Но «генералитетъ» протестовалъ не во имя своихъ собственныхъ интересовъ, а во имя принципа, во имя теоріи «естественнаго права». Выразителемъ — и чуть не инициаторомъ — этого протеста явился Татищевъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, невольнымъ орудіемъ чиновной группы. Что гласило «естественное право» по поводу данного случая? Случай былъ предвидѣнъ и приложение къ нему теоріи — уже сдѣлано Теофаномъ Прокоповичемъ въ упомянутой выше защитѣ «Правды воли монаршей». По «законамъ естественнымъ», подъ которыми и Теофанъ разумѣетъ тѣ, которые «сами собою крѣпки» и основаны на томъ, что «не можетъ здравый разумъ человѣческій инако рассуждати», — по этимъ законамъ «единственная цѣль установленія какой бы то ни было формы правленія есть всенародная польза». «Всякій образъ правленія, и сама наследственная монархія происходятъ отъ первоначальнаго соглашенія въ томъ или другомъ народѣ» (ер. стр. 255). Заключивъ между собой договоръ и, такимъ образомъ, «совлекшись общей своей воли», народъ, однако, уже обязанъ безусловно повиноваться избранной имъ государственной власти и «не оставляетъ са-

тому себѣ никакой свободы къ общимъ опредѣленіямъ». Но отъ народа зависить опредѣлить, на какой срокъ онъ отказывается отъ своей «общей воли» и передаетъ ее власти. Если народъ предпочтетъ монархію избирательную, то воля возвращается народу по смерти избраннаго монарха. Если же народъ установитъ монархію наследственную, то тѣмъ самымъ онъ разъ навсегда «совлекается своей воли». Однако и тутъ, если «оскудѣетъ вся ближайшая фамилія» государя и не останется ни наследниковъ, ни завѣщанія, «тогда воля, бывшимъ монархамъ отданная, возвращается къ народу». Вотъ этотъ-то послѣдній случай и представился по смерти Петра II. Дочери Петра I и Екатерины I устранились, какъ незаконныя; другихъ «ближайшихъ» наследниковъ и завѣщанія не было. Слѣдовательно, народная воля возвращалась къ «общенародію», и «народъ» могъ на основаніи естественнаго права, свободно выбрать себѣ ту или другую форму правленія. Но «народъ», а не Верховный совѣтъ! Рѣшеніе, каково бы оно ни было, по утвержденію Татищева, «должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, — нѣкоторыхъ персонально, другихъ черезъ повѣренныхъ». Въмѣсто того, «четыре или пять человѣкъ» навязали «общенародію» новаго государя и новую форму правленія. По извѣстной намъ классификаціи Татищева, это будетъ «насильственная неволя», противъ которой необходимо протестовать «и оное право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть», чтобы обидчики «на большій безпорядокъ не дерзнули» (ср. стр. 215). Въ виду этого, Татищевъ предложилъ «требовать» отъ совѣта немедленнаго созыва представителей отъ шляхетства для перерѣшенія незаконно рѣшенныхъ вопросовъ. Онъ не сомнѣвался, что эти депутаты «общенародія» утвердятъ личность выбранной государыни, а новую форму правленія забракують, такъ какъ для блага Россіи необходимо самодержавіе. Но въ то же время онъ хотѣлъ, чтобы они выработали «на время, доколѣ намъ Всевышній мужскую персону на престолъ даруетъ», особую организацію законодательной власти. Новый органъ законодательства, временно учреждаемый «въ помощь ея величеству», долженъ состоять изъ двухъ палатъ, «вышняго (21)» и «нижняго (100 чл.) правительства», которыя *сами себя пополняютъ* и въ сущности являются органами чиновной аристократіи, съ упраздненіемъ Верховнаго совѣта.

Итакъ, предполагалось эксплуатировать голосъ шляхетскаго «общенародія» въ интересахъ «генералитета», лишивъ шляхетство даже и той доли постояннаго участія въ правительствѣ, которая давалась ему сословными палатами Голицына. Этимъ воспользовался

Верховный совѣтъ и предложилъ шляхетству высказать свои желанія прямо, безъ посредства «генералитета». Естественно, что шляхетство пожелало осуществить права «общенародія» полнѣе и непосредственнѣе — и потребовало *постояннаго* участія выборныхъ отъ шляхетства (100) при обсужденіи новыхъ законовъ и назначеніи на высшія должности. Насколько заинтересовалось собравшееся въ Москвѣ «общенародіе» неожиданнымъ примѣненіемъ теоріи «естественнаго права» къ русской государственной практикѣ, видно будетъ изъ слѣдующихъ цифръ. Изъ 2000 присутствовавшихъ въ Москвѣ офицеровъ около половины участвовали своими подписями въ коллективныхъ заявленіяхъ шляхетства. Татищевскій проектъ, передававшій власть руками шляхетства генералитету, второпяхъ былъ подписанъ 288 лицами*). Но, получивъ предложеніе подать прямо отъ шляхетства собственное оффиціальное заявленіе, шляхетство собрало въ 21½ раза болѣе голосовъ (713) подъ запиской, въ которой требовало себѣ самому права постоянного представительства.

На это Верховный совѣтъ точно такъ же не хотѣлъ согласиться, какъ и на собственное упраздненіе въ проектѣ генералитета. Шляхетству оставалось обратиться съ просьбой о выработкѣ новаго государственнаго устройства «по большинству голосовъ» — къ самой императрицѣ. Извѣстно, что это заявленіе передового кружка, вновь растаявшаго до 87 человекъ (въ ихъ числѣ Татищевъ), хотя и было подписано императрицей, но тотчасъ же ступсывалось передъ раздраженными криками гвардейскихъ офицеровъ. Молчавшая до сихъ поръ половина шляхетства оказалась противъ всякаго примѣненія къ Россіи теоріи «естественнаго права».

И она, однако же, непрочъ была воспользоваться тѣми сословными льготами, которыя требовались всѣми проектами и общественными группами безъ различія: и Голицынымъ, и генералитетомъ, и конституціонной частью шляхетства. И всѣ эти требованія въ продолженіи тѣхъ же тридцатыхъ годовъ были удовлетворены правительствомъ: 1) отмѣна Верховнаго совѣта 2) переустройство сената въ нѣкотораго рода «высшее правительство» изъ 21 члена, куда введены были главные представители движенія — изъ болѣе чиновныхъ, 3) возстановленіе дворянскихъ баллотировокъ въ должности 4) возстановленіе стараго порядка наследованія, съ отмѣной закона о майоратѣ 5) учрежденіе шляхетскаго корпуса, и наконецъ, 6) важныя льготы по военной службѣ, съ сокращеніемъ срока службы до 25 лѣтъ.

---

*) Изъ генералитета (170) присутствовало въ Москвѣ 87 чел.

Такимъ образомъ, на первый разъ, примѣненіе политической теоріи къ русской дѣйствительности только дало лишній толчокъ стихійному процессу развитія сословныхъ привилегій. Оно не имѣло, конечно, ничего общаго съ теоріей, кромѣ случайнаго хронологическаго совпаденія.

Для общей исторіи времени пособія: Исторія Соловьева, т. XVIII-XX (IV компактнаго изданія); *Waliszewski. L'héritage de Pierre le Grand, règne des femmes, gouvernement des favoris (1725 --- 1741), Paris, 1900.* На этой книгѣ невыодно отразилось недостаточное изученіе эпохи въ русской литературѣ. *Brückner, Die Europäisirung Russlands. Gotha, 1888.* О развитіи роскоши при дворѣ см. **кн. Щербатова**, О поврежденіи правъ въ Россіи, въ его сочиненіяхъ, т. II, Спб. 1898 (также въ «Русской Старинѣ» 1870). О провинціальномъ дворянствѣ см. Записки Болотова ч. I, изд. «Русск. Старины» (3 изд. 1875). Матеріалъ этихъ Записокъ обработанъ въ книгѣ **Е. Н. Щепкиной**: Старинные помѣщики на службѣ и дома. «Завѣщаніе отеческое» Посошкова впервые издано въ полномъ видѣ подъ ред. Е. Прилежаева Спб. 1893. Помимо «Завѣщанія» для характеристики употреблено специальное сочиненіе Посошкова противъ раскола и протестантизма: его «Зеркало», изд. въ сочиненіяхъ Посошкова, ч. II, М. 1863, кромѣ 23 главы, трактующей о протестантствѣ и до сихъ поръ неизданной: ея изложеніе см. въ книгѣ **А. Царевского** Посошковъ и его сочиненія. М. 1883. Юности честное зерцало. Спб. 1767 (5 изд.) Совершенное воспитаніе дѣтей **Беллегарда**, пер. С. Волчкова. 1747. Выписки изъ того и другого, а также и изъ двухъ рукописныхъ руководствъ, цитированныхъ въ текстѣ, см. въ Исторіи русской педагогики **М. И. Демкова** ч. II, Спб. 1897. «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ» Татищева изданъ **Н. А. Поповымъ** въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1887, I. Изложеніе его у **Бестужева-Рюмина**: Біографіи и характеристики, Спб. 1882, слабо характеризуетъ этотъ замѣчательный памятникъ. Объ источникахъ теоріи Татищева, см. мои Главныя теченія русской исторической мысли, 2-е изд. М. 1908. «Краткія экономическія до деревни сѣдующія записки» Татищева изданы въ Временникѣ Общ. ист. и древ., книга XII, М. 1852 «Духовная» — издана **А. Островскимъ** въ Извѣстіяхъ археологін, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ унив. т. IV, Каз. 1884 (1855). Правда воли монаршей Θεофана см. въ Собраніи записокъ и т. д. **Туманскаго**, ч. X. Спб. 1788. О попыткѣ верховниковъ см. Воцареніе имп. Анны Іоанновны **Д. А. Корсакова**, Казань, 1880 и моя статья: Попытка государственной реформы при воцареніи имп. Анны Іоанновны въ сборникѣ. «Изъ исторіи русской интеллигенціи», изд. 2-е, Спб. 1903.

III

Культурная роль первого поколѣнія интеллигенціи, прошедшаго правильную школу

Отношеніе елизаветинскаго поколѣнія къ реформѣ и просвѣщенію. — Среда и формы, въ которыхъ совершалось просвѣтительное движеніе той эпохи. — Книгоиздательство петровскаго времени и причина его неудачи. Новое направленіе издательства съ 1748 года. — Переводный романъ, его культурная роль. — Малая распространенность книги. — Культурная дѣятельность учащейся молодежи. — Петровскій театр и причина его неудачи. — Роль шляхетскаго корпуса при началѣ новаго театра. — Театръ, какъ арена борьбы новаго направленія съ ложноклассическимъ. — Побѣда мѣщанской драмы, бытовой комедіи и политической пьесы въ московскомъ театрѣ. — Первый русскій журналъ при академіи; журналы молодежи шляхетскаго корпуса и московскаго университета. — Миллеровскій журналъ устанавливаетъ типъ и источники. — Шляхетская молодежь доставляетъ перевѣсъ правоучительно-психологическому элементу и намѣчаетъ задачи и темы сатиры. Сумароковъ вноситъ элементъ любовной лирики; московскіе студенты подчеркиваютъ принципиальную основу правоучительныхъ статей (естественное право) и сводятъ ее къ идеямъ масонства. — Ограниченный кругъ вліянія первой русской періодической прессы.

Изъ трехъ типовъ общественной мысли, съ которыми мы познакомились въ предыдущемъ отдѣлѣ, одинъ принадлежитъ прошедшему, другой настоящему и третій будущему. Естественно, что главное наше вниманіе будетъ обращено теперь на развитіе третьяго типа. Это — то критическое воззрѣніе, первую пробу котораго мы видѣли въ теоріяхъ Татищева и которое одинаково шло въ разрѣзъ и съ архаическимъ міровоззрѣніемъ «полнаго состоянія», и съ практикой «свѣтскаго житія», усвоенной благороднымъ шляхетствомъ. Опору въ своей борьбѣ противъ новыхъ модъ и старыхъ суевѣрій — это направленіе нашло въ образовательныхъ средствахъ, созданныхъ реформой. Но отношеніе къ образованію было у поколѣнія, выросшаго

въ преобразованной Россіи, уже советѣмъ другое, нежели у поколѣнія преобразователей. Тѣ ловили кое-какъ, на ходу, обрывки западной культуры и поневолѣ пріобрѣли сноровку сразу вылавливать практически нужное и непосредственно-приложимое. Молодое поколѣніе очень скоро эманципировалось отъ такого утилитарно-техническаго характера заимствованій. вмѣстѣ съ тѣмъ оно на время утратило и то живое сознаніе связи между заимствованіями и ближайшими жизненными задачами, которое поневолѣ было присуще петровскимъ піонерамъ новой культуры. Какъ жильцы новаго дома пользуются его удобствами, не зная, какъ онъ построенъ, и не чувствуя еще нужды приступать къ ремонту, къ надстройкамъ и перестройкамъ, такъ точно чувствовало себя поколѣніе, родившееся во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка. Главные вопросы казались навсегда рѣшенными; оставались детали и орнаменты. Принципіальная оппозиція противъ Петра уже настолько отошла въ прошлое, что сыновья тогдашнихъ націоналистовъ — оппозиціонеровъ получили возможность выступить подъ знаменемъ петровской реформы. Они выдвинули этотъ лозунгъ противъ иностранныхъ дѣльцовъ, остававшихся полтора десятка лѣтъ, при Аннѣ, главными исполнителями реформы. Это оригинальное возвращеніе къ Петру подъ знаменемъ націонализма само по себѣ показывало, какъ далеко елизаветинское поколѣніе отошло отъ пониманія жизненныхъ противорѣчій, вызванныхъ реформой, и какъ скоро оно забыло о прошломъ. Реформа стояла передъ этимъ поколѣніемъ, какъ непререкаемый, окончательный фактъ. За нее нечего было и не съ кѣмъ было бороться. Ее предстояло эксплуатировать, т.-е. прежде всего прогнать «эксплуататоровъ»-иностранцевъ и занять ихъ мѣста, а затѣмъ извлечь изъ новаго положенія какъ можно больше жизненныхъ наслажденій. Одинъ изъ прогнанныхъ, Минихъ, принаровляясь къ настроенію минуты, пробовалъ вымолить себѣ поощреніе Елизаветы вотъ какого рода проектомъ «шествованія по стопамъ» преобразователя. Петръ, по его словамъ, рассчитывалъ все пространство между Ораниенбаумомъ и Ладогой, на протяженіи 220 верстъ, застроить увеселительными домами, парками, фонтанами и каскадами, бассейнами и резервуарами, садами и звѣринцами. Каждый годъ онъ предполагалъ съ министрами, генералами и дипломатическимъ корпусомъ совершать увеселительную прогулку по Невѣ и каналу, среди всѣхъ этихъ чудесъ искусства. Минихъ предлагалъ все это осуществить къ удовольствію Елизаветы. Приманка была, конечно, чересчуръ уже груба, но за то очень характерна для всего поколѣнія сверстниковъ императрицы. Дѣйствительно, гораздо доступнѣе, понятнѣе, вразум-

мительнѣе, чѣмъ «польза» новой культуры, было для этого поколѣнія то «увеселеніе», которое можно было почерпнуть изъ этого источника.

Мы видѣли, въ чемъ находили удовольствіе въ срединѣ вѣка любители «свѣтскаго житія». Теперь мы должны прибавить, что и лучшіе люди того же поколѣнія, — враждебные свѣтскимъ излишествамъ и разсѣянiямъ, — все-таки искали удовлетворенія въ удовольствіяхъ же, только болѣе тонкихъ и культурныхъ. Новую ноту вносятъ здѣсь лишь поколѣніе, родившееся въ самомъ началѣ царствования Елизаветы и выступившее въ литературѣ въ самомъ его концѣ. Но и оно стоитъ на только что подготовленной почвѣ. Культъ утонченныхъ удовольствій сердца послужилъ и для него основаніемъ, на которомъ оно создало свое болѣе отвлеченное, болѣе далекое отъ жизни, но зато и болѣе идеальное представленіе о цѣляхъ и о сущности новаго просвѣщенія.

Съ такимъ условнымъ, безпредметнымъ идеализмомъ, культурное движеніе елизаветинской эпохи составляетъ естественный переходъ отъ безыдейнаго реализма петровскаго времени къ первымъ попыткамъ сблизить реальность съ идеей и вновь ввести въ литературу обсужденіе жизненныхъ вопросовъ — въ вѣкъ Екатерины II. Какъ нельзя лучше этому переходному характеру Елизаветинской литературы соответствуетъ и характеръ среды, въ которой она развивалась. Это были не практическіе дѣльцы петровскаго времени и не «философы»-просвѣтители екатерининскаго. Движеніе все еще совершалось въ непосредственной близости ко двору и правительству, но уже вышло изъ тѣснаго круга правительственныхъ лицъ. Главный матеріалъ для этого культурнаго движенія дала подроставшая молодежь новооткрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній: сперва академическаго университета, потомъ — и въ гораздо большей степени — сухопутнаго шляхетскаго корпуса и, наконецъ, въ самомъ концѣ эпохи — московскаго университета. Въ тѣхъ предѣлахъ — чисто ученическихъ «добрыхъ намѣреній» и «невинныхъ упражненій», изъ которыхъ пока еще не выходило движеніе тогдашней учащейся молодежи, оно нисколько не противорѣчило настроенію двора. Нашлись даже точки соприкосновенія съ нимъ въ стремленіи — соединить пріятное съ полезнымъ. Въ такихъ случаяхъ молодежь встрѣчала со стороны двора и императрицы прямую поддержку.

Простодушная, привыкшая окружать себя мужской молодежью, жадная до развлеченій и наслажденій императрица, сама дебютировавшая нѣсколькими стихотвореніями въ модномъ тогда сентимен-

гально-любовномъ жанрѣ (I, VI, 1, III, 287), была довольно подходящей центральной фигурой для характеризуемаго культурнаго момента. Конечно, и при ней искусство и литература продолжали — даже въ усиленной степени — служить аксессуаромъ и орнаментомъ придворной обстановки. Но это выходило какъ-то искрениѣе, естественнѣе, безъ той чопорности и церемоннаго формализма, въ которые такъ неумѣло рядился неуклюжій дворъ имп. Анны, безъ того крикливаго противорѣчія съ окружающими нравами, которое чувствовалось на каждомъ шагѣ въ маскарадахъ, триумфальныхъ шествіяхъ и школьныхъ спектакляхъ петровскаго времени. «Педантиство», въ лицѣ Тредьяковскаго, уступило мѣсто «хорошему вкусу», въ лицѣ новаго придворнаго поэта Сумарокова, «посвятившаго всю жизнь на увеселеніе двора». Мы увидимъ, однако, что къ концу царствованія литературное движеніе рѣшительно вырастаетъ изъ этихъ придворныхъ рамокъ, продолжая все время оставаться въ рукахъ учащейся молодежи.

Помимо школы, главнымъ образовательнымъ средствомъ служила книга. Къ этому присоединился еще теперь любительскій спектакль и, въ концѣ періода, книжка періодическаго журнала. На всемъ этомъ, — на книгѣ, театрѣ и періодической прессѣ отразился самымъ рѣшительнымъ образомъ переходъ просвѣтительной роли изъ рукъ власти въ руки молодого поколѣнія и соответственная перемѣна во взглядахъ на самыя задачи просвѣщенія.

Благодаря Петру Великому, русскій читатель впервые получилъ свѣтскую книгу, напечатанную (съ 1708) «новоизобрѣтенными амстердамскими литерами», т.-е. гражданскимъ шрифтомъ. Но на первый разъ ни содержаніе, ни языкъ этой книги не могли привлечь къ ней симпатій читателя. Въ учрежденныхъ Петромъ казенныхъ типографіяхъ печатались произведенія, составленныя, или чаще всего переведенныя по личному выбору и распоряженію императора. Выборъ этотъ соответствовалъ цѣлямъ Петра, но нисколько не соответствовалъ вкусамъ тогдашняго читателя. Читатель стараго покроя интересовался, кромѣ священнаго писанія и житій святыхъ, духовно-нравственными произведеніями вродѣ «Великаго Зеркала» (II, VI, 1). Читатель новаго типа увлекается произведеніями повѣствовательной литературы, повѣстями «умильными», или «потѣшными», или «чудными» (тамъ же). А Петръ спѣшитъ обогатить рускую литературу тяжеловѣсными переводными учебниками по артиллеріи и фортификаціи, по инженерству и военной архитектурѣ, по «художествамъ — математическому, механическому, хирургическому, архитектурѣ-цивилей,

анатомическому, ботаническому, милитаристъ и прочимъ тому подобнымъ». Царь строго наблюдалъ при этомъ, чтобы переводилось только дѣло, а не разговоры. «чтобы не праздно ради красоты, а для вразумленія и наставленія чтущему было», «понеже иѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, — чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго передѣ всякою вещью разговора, переводить не надлежить». Въ довершеніе всего, выборъ дѣлался наудачу, по заглавіямъ, и иногда оказывались переводными руководства, трудныя даже и для специалистовъ (напр., Кугорна). А такъ какъ переводчики почти всегда, «которые умѣли языки, — художествъ не умѣли, а которые умѣли художества, языку не умѣли», — то естественно, что зачастую изъ печати выходила макулатура, ни для кого не понятная и ни къ чему не пригодная. При этихъ условіяхъ русскій читатель просто на просто игнорировалъ произведенія новой гражданской печати и, продолжалъ пробавляться по старому, рукописной литературой. Уже въ 1703 г. голландскій купецъ, торговавшій русскими книгами, напечатанными по порученію Петра въ Голландіи, жаловался царю на то, что его книги не продаются и что онъ теритъ убытокъ, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего величества зѣло мало». Однако, въ то же время синодальная типографія торговала бойко своими церковно-служебными книгами и букварями, печатавшимися и расходившимися въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Изъ произведений новой печати тысячами распродавались только указы (съ 1714), сотнями мѣсяцесловы и десятками — нѣкоторыя любимыя произведенія средняго читателя, къ которымъ онъ уже привыкъ въ рукописныхъ спискахъ. Положеніе оставалось такимъ до второй половины вѣка, по наблюденію такого знатока русской читающей публики, какимъ былъ Новиковъ. «У насъ, говорилъ онъ, только тѣ книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями издаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ (мѣщанамъ нашимъ) нравятся. Въ подтвержденіе сего мнѣнія служатъ тѣ книги, кои отъ просвѣщенныхъ людей (екатерининскаго времени) никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются одними только мѣщанами. Сии книги суть: «Троянская исторія», «Синопсисъ», «Юности честное зерцало», «Совершенное воспитаніе дѣтей», «Азовская исторія» и нѣкоторыя другія. Напротивъ того, книги на вкусъ такихъ мѣщанъ не показавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ».

Такова именно и были судьба петровских переводовъ. Въ 1743 г. академія наукъ представила сенату оригинальный проектъ обязательной распродажи залежавшихся изданій петровскаго времени. Каждый чиновникъ, какъ по военной, такъ и по гражданской части, во всѣхъ учрежденіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ всей Россіи, долженъ былъ по этому проекту купить въ академіи книгъ на 5-6 р. съ каждой сотни получаемого имъ жалованія. Купцовъ тоже предполагалось привлечь къ уплатѣ этого курьезнаго налога «по пропорціи ихъ торгу». Еще рѣшительнѣе поступила съ петровскими изданіями синодальная типографія. Она прямо пустила ихъ на обложки для вновь выходящихъ книгъ (1752, 1769, 1779).

Въ концѣ концовъ книгоиздательство должно было уступить «мѣщанскому» вкусу, тѣмъ болѣе, что до Екатерины этотъ вкусъ вовсе нельзя было бы назвать исключительно вкусомъ «мѣщанъ». Его раздѣляла и «благородная» публика, безспорно предпочитавшая «умильный» и «потѣшный» элементъ въ литературѣ сухимъ и неудобоваримымъ петровскимъ учебникамъ. Какъ только реформирована была академія введеніемъ новаго устава, — новый президентъ ея гр. Разумовскій передалъ ей (27 янв. 1748) изустный указъ Елизаветы — «стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ сѣтскому житію правоученіемъ». Во исполненіе указа академія приглашала черезъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» желающихъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ и обѣщала переводчикамъ, въ видѣ гонорара — по 100 экземпляровъ переведенной книги. Это былъ одинъ изъ первыхъ случаевъ непосредственнаго привлеченія молодежи высшихъ учебныхъ заведеній къ участию въ просвѣтительной дѣятельности. Очерченный въ указѣ характеръ желательныхъ переводовъ такъ же хорошо совпадалъ съ интересами этой молодежи, какъ и со вкусами читающей публики. Объявившіеся по публикаціи переводчики оказались большею частью учениками академической гимназій, и университета или же служащими при академіи. Въ результатъ новаго направленія издательства и книжное дѣло значительно оживилось. Издательская дѣятельность такъ возросла въ 50-хъ годахъ, что старая академическая типографія оказалась не въ состояніи выполнить всѣхъ заказовъ. Заведена была «новая» типографія, съ прямой цѣлью «умножить въ оной печатаніе книгъ, какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной». Дѣйствительно, новая типографія печатала въ огромномъ количествѣ экземпляровъ книги, удовлетворявшія «мѣ-

щанскому» вкусу, вродѣ перечисленныхъ Новиковымъ: «Троицкой исторіи», «Повѣсти о разореніи Іерусалима», «Синописа» и т. п. При такомъ направленіи дѣла объ поставленныя цѣли, т. е. и «удовольствіе народное» и «казенная прибыль», были вполне достигнуты.

Но, сдѣлавшись выгоднымъ промышленнымъ предпріятіемъ, книжное издательство и торговля немного принесли бы пользы просвѣщенію, если бы ограничились перепечаткой старыхъ продуктовъ популярной литературы, распространявшихся и безъ того въ рукописныхъ спискахъ. Приглашенная къ сотрудничеству интеллигентная молодежь принялась искать свѣжаго матеріала для переводовъ въ популярныхъ произведеніяхъ заграничной литературы. Скоро она нашла литературный жанръ, одинаково привлекательный и для интеллигентнаго читателя, и для сѣрой публики. Этимъ жанромъ, дѣйствительно, соединявшимъ, какъ требовалъ указъ 1748 г. «пользу и забаву съ пристойнымъ къ свѣтскому житію правоученіемъ», — былъ переводной романъ. Роману скоро суждено было сдѣлаться самымъ популярнымъ, если не самымъ моднымъ видомъ литературы XVIII в. Въ смыслѣ развитія первыхъ отвлеченныхъ чувствъ, на которыхъ сходились полуобразованный верхъ и вовсе необразованный низъ русскаго общества, — переводный романъ сыгралъ еще болѣе важную культурную роль, чѣмъ оригинальная любовная лирика (II, VII, 1). Что давалъ переводный романъ русскому читателю, объ этомъ пусть скажетъ намъ, впрочемъ, самъ этотъ читатель. «Обыкновенно обвиняютъ романы», — говоритъ Болотовъ, зачитывавшійся романами въ срединѣ XVIII в., — въ томъ, что чтеніе ихъ не столько пользы, сколько вреда производитъ и что они перѣдко ядомъ и отравою молодымъ людямъ почестся могутъ. Однако, я торжественно о себѣ скажу, что мнѣ не сдѣлали они ничего дурного. Сколько я ихъ ни читалъ, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце..., но чтеніе оныхъ, напротивъ того, произвело для меня безчисленныя выгоды и пользы... Читая описываемыя происшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, а нечувствительно узналъ и получилъ довольно понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого и какъ люди въ томъ и другомъ государствѣ живутъ и что у нихъ тамъ водится... Не меньшее понятіе получилъ я и о родѣ жизни разнаго состоянія людей, начиная отъ владыкъ земныхъ до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе передъ прежнимъ... Что касается до моего сердца, то

отъ многого чтенія преисполнилось оно столь нѣжными и особыми чувствованіями, что я примѣтно ощущалъ въ себѣ великую перемену и самого себя точно какъ переродившимся. Я начиналъ смотрѣть на все происшествія въ свѣтѣ какими-то иными и благодѣйнейшими глазами; а все сіе и вперяло въ меня нѣкое отвращеніе отъ грубаго и гнуснаго общества и сообщества съ порочными людьми... Что же касается до увеселенія, производимаго во мнѣ симъ чтеніемъ романовъ, то я не знаю уже, съ чѣмъ бы оное сравнить и какъ бы изобразить оное. А довольно, когда скажу, что оное было непрерывно и такъ велико, что я и понынѣ (т.-е. около 40 лѣтъ спустя) еще не могу позабыть тогдашняго времени и того, сколь оно было для меня пріятно и увеселительно». Подобныя признанія мы слышимъ отъ многихъ лицъ, юные годы которыхъ прошли во второй половинѣ XVIII в.*). Нельзя не заключить изъ нихъ, что переводный романъ дѣйствительно былъ серьезной культурной силой, облагораживавшей чувства и возбуждавшей умственные интересы. Чтеніе романовъ, на ряду съ затверживаніемъ любовныхъ пѣсней, было первой школой русскаго идеализма.

Однако же, втеченіе всей первой половины вѣка кругъ вліянія романа былъ весьма ограниченъ уже просто потому, что печатная свѣтская книга оставалась большою рѣдкостью. Книжныхъ лавокъ, кромѣ петербургской академической и московской синодальной, не существовало. Въ провинціи добыть новую книгу было совершенно невозможно. Только-что упоминавшійся Болотовъ былъ страстнымъ охотникомъ до чтенія и, какъ сынъ полковника, принадлежалъ, повидимому къ средѣ, въ которой сравнительно легко было доставать книги. Тѣмъ не менѣе и въ его дѣтствѣ и юности каждая новая книга была важнымъ и рѣдкимъ событіемъ которое онъ помнилъ до старости и черезъ нѣсколько десятилѣтій аккуратно занесъ въ свои записки. Одиннадцати лѣтъ, во французскомъ пансіонѣ онъ наткнулся на «Похожденія Телемака», пробудившія у него вкусъ къ чтенію и послужившія для него «фундаментомъ всей будущей учености». На слѣдующій годъ онъ обрелъ изъ книгъ своего отца и нашелъ среди нихъ двѣ по своему вкусу. Это были — жалкій учебникъ исторіи Гильмара Кураса и исторія походовъ принца Евгенія: первую Болотовъ перечиталъ трижды, вторую дважды. Заброшенный затѣмъ въ глухую деревню, онъ принужденъ былъ довольствоваться повтореніемъ своихъ учебниковъ нѣмецкой и

---

*) Въ это время, какъ увидимъ, особенно усилилось чтеніе и издательство романовъ.

французской грамматики и географіи. Только черезъ два года, вернувшись снова въ Петербургъ, напрактиковавшись нѣсколько во французскомъ разговорѣ у москв. Лангесса и переизавъ кое-что случайно изъ геометріи у товарища по занятіямъ, Болотовъ обогатилъ свой репертуаръ свѣтскихъ знаній нѣсколькими модными любовными пѣсенками и чтеніемъ печатной Сумароковской трагедіи «Артистоны» и рукописнаго любовнаго романа: «Эпаминондъ и Целеріана», перечитаннаго имъ дважды. Прошелъ еще годъ. Умирая отъ скуки въ своей деревнѣ, Болотовъ раздобылся у сосѣдей «Камнемъ Вѣры» и Четвыминсеями, а у дяди рукописными курсами геометріи и фортификаціи, записанными когда-то подъ руководствомъ извѣстнаго Ганнибала. Богословскіе аргументы Яворскаго были скоро изучены, къ великому изумленію сельскихъ поповъ: чертежи Ганнибала перечерчены: по чертежамъ кое-какъ усвоенъ и математическій текстъ. Истощивъ всѣ эти ресурсы, Болотовъ принялся списывать Телемака съ печатнаго экземпляра и списалъ его всего; списалъ и любимыя житія святыхъ. Затѣмъ оставалось только вернуться къ двумъ иностраннымъ грамматикамъ и къ географіи. Но этого даже терпѣніе Болотова не выдержало. Повертѣвъ нѣсколько разъ въ рукахъ, онъ ихъ бросилъ. Дошла и до деревенскаго захолустья вѣсть о новомъ необыкновенно интересномъ романѣ, «Аргенидѣ» (Барклая, перев. Тредьяковскаго, въ отвѣтъ на извѣстный намъ вызовъ академіи), гдѣ «все можно найти — и политику и правоученіе и пріятность и все и все». Но этой заманчивой новинки въ деревнѣ получить было нельзя. На счастье Болотова, ему минуло шестнадцать лѣтъ; надо было собираться въ полкъ, на службу. По пріѣздѣ въ Петербургъ, первый выходъ Болотова былъ въ академическую книжную лавку, гдѣ онъ нашелъ не только веждѣнную «Аргениду», но и только что вышедшаго тогда въ русскомъ переводѣ «Жиль-Блаза» Лесажа. Съ третьимъ знаменитымъ тогда романомъ, «Житіемъ Клевеланда, философа англійскаго» аббата Прево, Болотовъ познакомился вскорѣ уже въ пѣмецкомъ переводѣ, не дожидаясь русскаго, вышедшаго въ 1760 г.

Эти шесть лѣтъ (1749-1755) изъ біографіи русскаго читателя новаго типа лучше всего могутъ объяснить намъ, почему современное литературное движеніе могло возникнуть только въ столицахъ и только въ той удобной для самообразованія обстановкѣ, какую создавало товарищеское общеніе между учениками высшихъ учебныхъ заведеній. Такой характеръ среды, въ которой совершалось новое движеніе, предопредѣлилъ и его формы. Формы эти бы тѣ же, какія и теперь можно встрѣтить среди учащейся молодежи среднеучебныхъ заведеній: на-

чалось любительскими спектаклями, продолжалось литературными упражненіями въ кружкахъ самообразованія, кончилось созданіемъ литературныхъ журналовъ. Особенность момента была та, что эти ученическія упражненія оказались передовыми, піонерскими для цѣлой Россіи. При этомъ условіи ученическій спектакль послужилъ основой на которой возникъ первый русскій театръ, а ученическій журналъ положилъ начало русской періодической прессѣ.

Правда, петровское время и здѣсь предупредило елизаветинское. Но петровскія попытки и въ данномъ случаѣ оказались безуспѣшными по той же причинѣ, по которой кончилось неудачей и его книгоиздательство. Черезчуръ еще неподготовленному обществу была предложена слишкомъ канцелярскимъ путемъ совершенно неудобоваримая пища.

Театръ царя Алексѣя былъ случайнымъ эпизодомъ, не оставившимъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Притомъ московскіе спектакли XVII вѣка были доступны лишь царской семьѣ и немногимъ придворнымъ. Петръ Великій задумалъ создать общедоступный театръ и нашелъ для него мѣсто на Красной площади. Вопреки пассивному сопротивленію посольскихъ дѣяковъ, въ 1702 г. отстроена была на площади помѣстительная «комедіальная храмина». Тогда же выписана была изъ Германіи труппа актеровъ, подъ управленіемъ Кунста, котораго замѣнилъ послѣ его смерти (1703) Фюрстъ. Два раза въ недѣлю давались представленія; указомъ 1705 г. приказывалось «смотрящимъ всякихъ чиновъ людямъ російскаго народа и иноземцамъ ходить» на представленія «повольно и свободно безъ всякаго опасенія». Разрѣшено даже не запираеть городскихъ воротъ въ день представленія до 9 часовъ; съ проходящихъ не бралось пошлины, для того, чтобы «смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно». Уже въ 1704 году отданные для выучки Кунсту подъячіе и посадскіе (10 чел.) начали давать представленія по-русски, а въ 1705 г. только русскіе спектакли и давались. Все это, однако, не привлекло въ театръ значительной публики. Судя по цифрамъ сборовъ, въ самые удачныя лѣтніе дни число посѣтителей не превышало 400, обыкновенно же эта цифра была гораздо ниже, а зимой спускалась иногда до 25. Уже въ 1707 г. спектакли прекратились. «Комедійная храмина» на Красной площади была заброшена, а театральная обстановка взята царевной Натальей, для ея домашняго театра въ Преображенскомъ. Такое быстрое охлажденіе любопытства, не успѣвшаго развиться въ прочный интересъ къ театру, въ значительной степени объясняется самымъ характеромъ репертуара. Полтора десятка пьесъ, перешедшихъ на московскую сцену

изъ репертуара нѣмецкихъ страствующихъ актеровъ, могли привлекать публику только шутовскимъ интермедіями да раздирательными сценами убійствъ и отравленій, которыми была такъ богата модная нѣмецкая пьеса того времени. Все, что выходило изъ этихъ рамокъ балагана, — высокія чувства и нѣжныя любовныя объясненія совершенно пропадали въ неуклюжемъ переводѣ посольскихъ подьячихъ. Эти невольные переводчики по служебной обязанности — терялись передъ непривычной и невозможной задачей — передать прозой посольскаго приказа вычурныя фразы нѣмецкой торжественной трагедіи и живой діалогъ Мольера. Какое, напр., впечатлѣніе на зрителя могло произвести страстное любовное объясненіе, введенное въ такихъ выраженіяхъ, какъ слѣдующія: «Удовольствія полное время, когда мы веселость весны безъ препятія и овецъ любви безъ зазрѣнія употреблять могли. Пріинди, любовь моя! Поволь черезъ смотрѣніе нашихъ цвѣтовъ очеса и чрезъ изрядное волненіе чувствованія нашего наполнить» и т. д.? Или вотъ во что обращался въ подьяческихъ рукахъ игривый разговоръ Юпитера съ Алкменой (въ «Амфитріонѣ»): Во мнѣ, милая и любимая Алкмена, ты видишь мужа и любителя: кромѣ любительнаго имени не хочу я себѣ дати, хотя я съ тобою вмѣсто мужа пребывалъ. И той любитель твоей воли съ ревностью желаетъ, дабы твое сердце къ нему одному склонилось, а страданія того не хочетъ, что именемъ мужъ дастъ». Эти пудовыя фразы составляютъ плодъ безуспѣшной борьбы переводчика съ слѣдующими строками Мольера:

En moi, belle et charmante Alcmène,
Vous voyez un mari, vous voyez un amant;
Mais l'amant seul me touche, à parler franchement;
Et je sens, près de vous, que le mari le gêne.
Cet amant, de vos vœux jaloux au dernier point,
Souhaite, qu'à lui seul votre coeur s'abandonne,
Et sa passion ne veut point
De ce que le mari lui donne.

Это сопоставленіе одно можетъ показать, насколько безжизненно былъ русскій театръ петровскаго времени.

Въ полуиностранинѣ Петербургѣ конца петровскаго царствованія кое-какъ влачила существованіе вольная нѣмецкая труппа, спектакли которой преимущественно посѣщались дворомъ. Кромѣ придворныхъ «изъ русскихъ никто не ходилъ смотрѣть ихъ, а изъ иностранцевъ также бывали немногіе (Берхгольцъ)». Послѣ Петра придворный спектакль вошелъ въ обиходъ придворной жизни; но это бы-

ла не трагедія и комедія, а опера и балетъ. Композиторъ — итальянецъ, Франческо Арайя, составилъ изъ придворныхъ пѣвчихъ оперный хоръ, а въ роли танцоровъ явились воспитанники шляхетскаго корпуса, гдѣ, какъ мы знаемъ, хореографическое искусство преподавалось успѣшнѣе всѣхъ наукъ въ рукахъ Zandet. Maître Landet хвалился даже впоследствии, «что нигдѣ въ Европѣ не танцовали менуэта съ большей граціей, чѣмъ при петербургскомъ дворѣ». Въ концѣ царствованія Анны появилась, помимо итальянской оперы, и нѣмецкая драматическая труппа подъ дирекціей Нейбурга. Если вспомнимъ, что послѣ танцевъ всего больше учились въ корпусѣ нѣмецкому языку, то естественно будетъ предположить, что и представленія нѣмецкой труппы не прошли для кадетъ безслѣдно. При Елизаветѣ Арайя и Ланде сохранили свое положеніе. Но на сцену Нейбургу явилась французская драматическая труппа Сериньи, въ составѣ которой было нѣсколько актеровъ изъ *Comédie française*.

Это было послѣднимъ толчкомъ, вызвавшимъ подражаніе со стороны корпусной молодежи. Корпусъ далъ двору танцоровъ, ему предстояло теперь дать актеровъ и драматурговъ. Помимо интереса къ дѣлу, тутъ было замѣшано самолюбіе и выгода: за Чеглоковымъ, сдѣлавшимъ карьеру танцами при Аннѣ, слѣдовалъ Бекетовъ, впервые привлечшій вниманіе Елизаветы исполненіемъ роли «Хорева».

Въ 1749 г., какъ извѣстно, разыграны были въ корпусѣ, одна за другой, четыре оригинальныя пьесы Сумарокова: «Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ» и «Артистона». Въ февралѣ слѣдующаго 1750 г. кадеты повторили «Хорева» на сценѣ Зимняго дворца; затѣмъ, въ теченіе года они дали еще пять придворныхъ спектаклей. Однако же, на постоянное профессиональное участіе въ спектакляхъ — такихъ любителей-кадетъ, какъ князь Мещерскій, графъ Бутурлинъ или баронъ Остервальдъ, рассчитывать было нельзя. Разъ забава становилась постоянною, надо было организовать спеціальную труппу. Въ ходъ были пущены старыя средства. Въ мартѣ 1752 г. семеро придворныхъ пѣвчихъ отданы «для обученія наукамъ», т.-е. для пріобрѣтенія культурной виѣшности, въ шляхетскій корпусъ. За ними черезъ нѣсколько дней поступили въ корпусъ еще двое «ярославцевъ», — посадскихъ изъ провинціальной любительской труппы, доставленной, волею императрицы, въ полномъ составѣ на казенный счетъ въ столицу. Это были Дмитревскій и Поповъ. Братья Ѳ. и Григ. Волковы, повидимому, поѣхали съ дворомъ въ Москву (1753 г.) и только по возвращеніи оттуда тоже опредѣлены въ шляхетскій корпусъ (январь 1754). По содѣйствію съ корпусомъ, на мѣстѣ теперешней Академіи художествъ, въ

домъ Головина будущіе актеры должны были практиковаться въ представленіяхъ. Наконецъ, въ 1756 г. обученіе пѣвчихъ и «комедіантовъ», отданныхъ въ корпусъ, закончилось. Осенью этого года русскій театръ былъ учрежденъ официально, а 5 мая 1757 г. дано «первое представленіе для народа вольной трагедіи русской за деньги». Въ томъ же году учрежденъ русскій театръ въ Москвѣ подъ управленіемъ Хераскова — тоже воспитанника корпуса. Однако, свободное посѣщеніе театра петербургской публикой продолжалось недолго. Въ 1761 г. возстановленъ былъ старый порядокъ раздачи мѣстъ по чинамъ. Только при Екатеринѣ, съ постройкой новаго зданія (на мѣстѣ теперешняго Большого театра) открылось въ Петербургѣ вновь «публичное русское комедійное зрѣлище» (1783 г.). Такой длинный перерывъ (1761-83) далъ, какъ увидимъ, Москвѣ преимущество въ развитіи театралныхъ вкусовъ.

Шляхетскій корпусъ, такъ много сдѣлавшій для устройства русскаго театра, далъ ему и репертуаръ. Въ первое время игрались исключительно произведенія Сумарокова. Съ 1757 года къ нимъ присоединились переводы, сдѣланные воспитанниками. Въ этомъ году поставлены были на сцену, въ переводахъ Кропотова, Нартова и Елагина 6 комедій Мольера, по одной — Гольберга, Лафона, Сень-Фуа; въ 1758 еще двѣ комедіи Мольера (перев. Свистунова и Чаадаева), по одной Лепрана (А. Волковъ) и Детуша (А. Нартовъ), двѣ итальянскихъ (Булатническаго и Карина). Какъ видимъ, начало театра вызвало усиленную литературную работу въ корпусѣ. Продукты этой работы стояли несравненно выше переводовъ петровскихъ подъячихъ. Искусственность и приподнятость сумароковскихъ трагедій не только не мѣшали публикѣ наслаждаться ими, но вполне соответствовали модному вкусу. Офицерская молодежь знала наизусть эффектные монологи и, подражая актерамъ, любила «прокрикивать стихи и съ жестами дѣлать декламации» (Болотовъ). Дмитревскій и Троепольская производили такого рода декламацией огромное впечатлѣніе на публику въ пьесахъ сумароковского репертуара. Трагическая коллизія у Сумарокова была всегда любовнаго — характера. Даже «непросвѣщеннаго» Шекспира онъ переделалъ на свой ладъ, выдвинувъ на первый планъ въ числѣ психологическихъ мотивовъ гамлетовскаго колебанія — его страсть къ Офеліи, а изъ Полонія, отца возлюбленной, сдѣлавъ главнаго соучастника въ убійствѣ отца Гамлета и, слѣдовательно, предметъ его мщенія. Такъ было понятнѣе и чувствительнѣе въ глазахъ современной публики. Но увы, поклонникъ классической

трагедіи, явившій театр Расиновъ россамъ, не сознавалъ, что, выдвигая такъ сильно любовь, онъ уже измѣняетъ основному принципу классической трагедіи — выводить лишь исключительныхъ людей и исключительныя чувства. Положеніе было тѣмъ опаснѣе для Сумароковской теоріи, что ложноклассицизмъ возворялся у насъ на сценѣ въ то самое время, когда въ Европѣ онъ уже изгонялся съ нея, уступая мѣсто изображенію обыкновенныхъ людей и обыкновенныхъ чувствъ въ мѣщанской драмѣ. Произведенія этого рода попадали на русскую сцену одновременно съ сумароковскими подражаніями Корнелію и Расину. Естественно, что русская публика, непосвященная въ тонкости европейской литературной борьбы, смѣшала Сумарокова съ представителями новаго, болѣе живого направленія, а старое, формалистическое, мертвое направленіе ложнаго классицизма олимпетворила въ «одѣ», какъ литературномъ жанрѣ, и въ Ломоносовѣ, какъ его официальном представителѣ. Споръ о томъ, кто выше, Ломоносовъ или Сумароковъ, и что лучше, ода или трагедія, — сдѣлался модной темой литературнаго разговора. Разумѣется, молодое поколѣніе отдавало предпочтеніе трагедіи и Сумарокову. Въ Россіи, навѣрное, было извѣстно мѣсто изъ «*La Critique de l'école des femmes*», въ которомъ Мольеръ, одинъ изъ первыхъ, подвергъ рѣзкой критикѣ искусственность ложноклассической трагедіи. «Гораздо легче жить въ сферѣ высокихъ чувствъ, бросать въ стихахъ вызовъ счастью, осыпать обвиненіями судьбу, поносить боговъ, чѣмъ проникать въ смѣшныя стороны человѣческой природы и заинтересовывать публику несообразностями повседневной жизни. Когда вы изображаете героевъ, вы дѣлаете это, какъ вамъ вздумается. Это совершенно произвольные образы, въ которыхъ нечего искать сходства съ чѣмъ-нибудь дѣйствительнымъ... Но когда вы беретесь изображать дѣйствительныхъ людей, вы должны ихъ брать, какими они являются въ жизни. Необходимо, чтобы ваши созданія походили на дѣйствительность; ваша работа утратитъ всякое значеніе, если въ ней не узнаютъ типовъ современности». То что здѣсь говорится о преимуществахъ комедіи передъ трагедіей, въ Россіи повторялось относительно преимуществъ трагедіи надъ одой. При официальной и, еще недавно, полной безсмысленности придворнаго одопѣнія, — даже классическая трагедія казалась самой жизнью и дѣйствительностью въ сравненіи съ одой. «Одистъ на своей лирѣ», говорилось въ «Адской Почтѣ» (1769), «говоритъ обыкновенно съ одними героями, а трагикъ со всѣми челоуѣками. Одинъ наполняетъ свое сочиненіе вымыслами, а другой истинными разсужденіями; тотъ летаетъ по воздуху, по небесамъ, а другой остается на землѣ;

готь выдумываетъ, чего нѣтъ и чему иногда быть не можно, а сей и то, что есть, тонкостію своею разбираетъ: и ежели теперь больше на свѣтъ людей, чѣмъ героевъ. — то смѣю сказать, что трагедія полезнѣе оды... Трагикъ... можно скорѣе и больше сдѣлать людей, хорошо мыслящихъ, нежели одисту героевъ: а изъ сего и большинство пользы видно». Какъ видимъ, критикъ защищаетъ трагедію такими аргументами, которые собственно относятся къ мѣщанской драмѣ, и выдвигаетъ противъ обвиненія, которыя падаютъ всей своей тяжестью на самую классическую трагедію. Это характерное смѣшеніе трагедии съ драмою наглядно отразилось въ пестротѣ репертуара, особенно замѣтной въ Москвѣ, въ Херасковскомъ театрѣ, доступномъ для публики и болѣе свободномъ отъ личнаго вліянія Сумарокова и его классическихъ теорій. Знаменитая пьеса Бомарше завершила здѣсь торжество мѣщанской драмы, и напрасны были все протесты Сумарокова противъ «скареднаго вкуса москвичей». Напрасны были жалобы на новый жанръ самому Вольтеру: напрасенъ былъ даже авторитетный отвѣтъ старика, скрывшаго собственныя колебанія подъ не совсѣмъ искреннимъ осужденіемъ этихъ *pièces bâtarde*, этого *genre larmoyant*, который *avilit le cothurne*. Общество продолжало у самого Сумарокова и его продолжателей, Князнина, Озерова, Брюковского — цѣнить ту самую живую струю, которая окончательно побѣдила въ новомъ направленіи, живое человеческое чувство. Никогда не переживъ само эпохи господства подлиннаго, строгаго классицизма, общество готово было къ воспріятію новѣйшихъ теченій драматургіи. Такимъ образомъ, на русскую сцену скоро и безприпятственно проникла и бытовая пьеса, какъ «Мельникъ» Аблесимова (1779), и настоящая комедія «типовъ современности» (Фонъ-Визинъ), сравнительно съ которой сама мольеровская комедія отходила въ Европѣ на второй планъ, какъ комедія абстрактныхъ общечеловѣческихъ типовъ. Явилась и обличительная комедія имп. Екатерины и, наконецъ, пьеса съ политической тенденціей, принятая одно время подъ личную защиту самой императрицей. 12 февраля 1785 г. въ Москвѣ дана была пьеса такого характера, принадлежавшая знаменитому нѣкогда писателю Николеву, «Сорена и Замиръ». Трагедія имѣла огромный успѣхъ. Весь театръ плакалъ навзрыдь о судьбѣ супруговъ, разлученныхъ злодѣемъ Мстиславомъ, россійскимъ царемъ, и погибшихъ насильственной смертью. Авторъ не пожалѣлъ красокъ для характеристики коварнаго Мстислава. Слѣдующіе стихи обратили на себя особенное вниманіе московскаго главнокомандующаго:

Изчезни навсегда, сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ;
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца

Главкомандующій приостановилъ дальнѣйшія представленія пьесы и отослалъ Екатеринѣ рукопись съ своими отмѣтками. «Удивляюсь, — отвѣчала Екатерина, — что вы остановили представленія трагедій, какъ видно принятой съ удовольствіемъ всей публикой. Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили, никакого не имѣетъ отношенія къ вашей государынѣ. Авторъ возстаетъ противъ самовласти тирановъ, а Екатерину вы называете матерью».

Естественно, что теперь и отношеніе къ театру со стороны публики было совершенно иное, чѣмъ прежде. Пьесы новаго направленія дѣйствовали на нее въ томъ же духѣ, какъ и новые переводные романы. Но только театръ былъ гораздо доступнѣе книги и впечатлѣніе зрѣлища сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе чтенія. Театръ содѣйствовалъ, такимъ образомъ, развитію той «чувствительности», которая все болѣе и болѣе становилась маркой истиннаго образованія. «Петиметры» и «щеголихи» посѣщали вначалѣ театръ изъ моды: потомъ это вошло въ привычку и, наконецъ, сдѣлалось потребностью культурной жизни. Конечно, особый успѣхъ все еще имѣли въ обширныхъ кругахъ публики пьесы, дѣйствовавшія не на чувствительность, а на смѣшливость, или пьесы изъ народнаго быта, доступныя для самыхъ низменныхъ слоевъ мѣщанства. Аблесимовскій «Мельникъ» выдержалъ по сообщенію Крылова (въ «Зрителѣ»), болѣе 200 полныхъ представленій въ демократическомъ московскомъ театрѣ. Болѣе тонкая петербургская публика все же смотрѣла его 27 разъ подрядъ въ вольномъ театрѣ Книппера (начало 80-хъ гг.).

Мы вышли за предѣлы характеризуемаго періода, чтобы не возвращаться къ исторіи театра въ слѣдующую эпоху, когда наше вниманіе будетъ занято болѣе сложными проявленіями русской общественности. Подготовку къ этимъ болѣе сложнымъ явленіямъ мы найдемъ, въ предѣлахъ елизаветинскаго времени, не столько въ исторіи театра, сколько въ исторіи русской періодической печати. Первые русскіе журналы (конца 50-хъ и начала 60-хъ гг.) покажутъ намъ русскую общественную мысль въ состояніи наибольшей зрѣлости, какой она могла достигнуть, оставаясь на школьной скамьѣ тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній или только-что сойдя съ этой скамьи.

Академическій университет и здѣсь какъ въ дѣлѣ книгоиздательства, положилъ начало. И самый толчокъ къ изданію перваго популярнаго журнала данъ былъ тѣмъ же событіемъ академической жизни, которое вызвало оживленіе дѣятельности переводчиковъ въ новомъ, болѣе популярномъ направленіи: новымъ уставомъ и новымъ президентомъ. Для перваго редактора и первыхъ сотрудниковъ русскаго журнала — писательская дѣятельность была службой, которую они обязаны были отправлять по приказанію гр. Разумовскаго. Обязательные сотрудники назначены были изъ числа академическихъ студентовъ съ жалованьемъ 100-150 р. въ годъ. Обязательнымъ редакторомъ сдѣланъ былъ историкъ Миллеръ, отъ личной энергіи котораго и личныхъ знаній зависѣло и направленіе, и успѣхъ журнала. Когда Миллеръ переведенъ былъ на службу изъ Петербурга въ Москву, то и журналъ прекратился, послѣ десятилѣтняго существованія (1755-1764).

За этотъ промежутокъ времени «Ежемесячныя сочиненія» Миллера успѣли, однако, вызвать къ дѣятельности цѣлый кружокъ добровольныхъ сотрудниковъ. Добровольцами явились опять извѣстные намъ воспитанники шляхетскаго корпуса (Сумароковъ, Елагинъ, Нартовъ, Херасковъ, Порошинъ). Вглянувшись, при посредствѣ спектаклей и театра, также и вообще въ литературные интересы, они составили между собой цѣлое общество любителей русской словесности. Здѣсь читались литературные опыты сочленовъ; отсюда они переходили въ редакцію «Ежемесячныхъ сочиненій». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ начала миллеровскаго журнала молодежь рѣшила завести свой собственный органъ. Журналъ кадетъ («Праздное время, въ пользу употребленное») — первый журналъ въ Россіи, заведенный частными лицами. — издавался въ типографіи корпуса и просуществовалъ два года (1759-1760), выходя еженедѣльно. Одновременно съ нимъ Сумароковъ издавалъ свой особый журналъ, «Трудолюбивую пчелу», прекратившійся на первомъ году (1759). Наконецъ, членъ того же кружка, Херасковъ, вмѣстѣ съ театромъ перенесъ въ Москву и изданіе литературныхъ журналовъ. Новый составъ сотрудниковъ скоро подобрался здѣсь изъ воспитанниковъ, только что открытаго Московскаго университета. При дѣятельномъ участіи университетской молодежи Херасковъ издавалъ одинъ за другимъ два журнала: «Полезное увеселеніе» (дек. 1760 — іюнь 1762) и «Свободные часы» (1763). Наконецъ, въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, отдѣльные сотрудники Хераскова дѣлали попытки выступить съ собственными жур-

налами однородного характера («Невинное упражненіе» Богдановича въ 1763 и «Доброе намѣреніе» Санковского въ 1764).

Уже самыя заглавія сближаютъ перечисленные журналы въ одну общую семью. Характеръ ихъ, дѣйствительно, одинаковъ, — также какъ и стремленія, одушевляющія ихъ участниковъ, несомнѣнно, одни и тѣ же. Но, всматриваясь внимательнѣе въ особенности отдѣльных журналовъ, не трудно замѣтить въ смѣсѣ главныхъ изъ нихъ признаки быстраго внутренняго роста. На этомъ ростѣ еще важнѣе остановиться, чѣмъ на общей характеристикѣ названныхъ журналовъ.

«Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія», носятъ двойственный характеръ. Миллеръ является въ нихъ, съ одной стороны, специалистомъ-историкомъ, съ другой — посредникомъ между русскими читателями и современной ему европейской журналистикой. Какъ историкъ, онъ загромождаетъ свой журналъ массой сырого матеріала, сдѣлавшаго «Ежемесячныя сочиненія» слишкомъ тяжелымъ чтеніемъ для того времени и сохранившаго за ними до сихъ поръ нѣкоторый интересъ для специалистовъ. Какъ проводникъ европейской журналистики, Миллеръ даетъ точный сколокъ съ безчисленныхъ гамбургскихъ, ганноверскихъ, лейпцигскихъ и т. д. «сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ». Прототипомъ всѣхъ ихъ были знаменитые журналы Аддисона и Стиля: «Болтунъ», «Зритель» и «Опекунъ». Число подражаній этимъ англійскимъ журналамъ доходило въ Германіи къ 1760 г. до 180.

Въ этихъ иностранныхъ образцахъ и источникахъ «Ежемесячныхъ сочиненій» типъ перваго русскаго журнала былъ уже predetermined. Это была отвлеченная и потому черезчуръ блѣдная мораль, улавливавшая только общіе психологическіе мотивы человѣческихъ страстей, бичевавшая только ярлыки пороковъ, претендовавшая на рѣшающій голосъ въ вопросахъ житейской мудрости и съ завидною самоувѣренностью хозяйничавшая въ сферѣ тѣхъ прописныхъ правилъ и наблюденій, тѣхъ «среднихъ аксіомъ», въ самой формулировкѣ которыхъ обыкновенно гнѣздится наибольшее количество логическихъ ошибокъ. Пословица и аллегорія были любимой формой этого правоученія, удачно скрывавшей, даже и отъ самихъ авторовъ, грозившіе имъ на всякомъ шагѣ ихъ моралистическихъ разсужденій логическіе провалы. Впрочемъ, правоучительные журналы и не хотѣли быть школой строгаго мышленія. Ихъ цѣль была совсѣмъ другая — самосовершенствованіе, господство разума надъ страстями. Они ставили себѣ также цѣлью — исправленіе и воспитаніе нравовъ. Въ заключеніи одной изъ переводныхъ статей «Празднаго Времени» (I.

168) эти цѣли формулированы очень характерно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Разсужденія о правоученіи и натурѣ человѣческой суть наилучшіе способы для приведенія ума нашего къ совершенству и для снисканія точнаго понятія о себѣ самомъ, слѣдовательно, и для освобожденія нашихъ душъ отъ пороковъ невѣжества и предразсужденій, которымъ они подвержены. Вотъ то намѣреніе, которое предпріялъ я въ моихъ разсужденіяхъ, и надѣюсь, что они могутъ нѣсколько въпомоществовать къ исправленію нашихъ нравовъ. По крайнимъ образомъ должно признаться, что предпріятіе мое похвально, какимъ бы образомъ я оное ни исполнялъ».

Изъ переводныхъ «разсужденій» такого рода на моральныя темы и состоитъ исключительно проза «Ежемесячныхъ сочиненій», если оставить въ сторонѣ ихъ главное содержаніе: статьи и матеріалы спеціальнаго характера по русской и азіатской исторіи и географіи. 17 правоучительныхъ статей переведено прямо изъ англійскихъ журналовъ, болѣе дюжины изъ нѣмецкихъ. Оригинальны въ первомъ русскомъ журналѣ только стихи. Ихъ въ изобиліи составляетъ Сумароковъ (123 стихотворенія), за которымъ слѣдуетъ Херасковъ (21) и нѣсколько менѣе значительныхъ поэтовъ шляхетскаго корпуса (А. Нартовъ, А. Демидовъ, Сем. Нарышкинъ, П. А. Голенищевъ-Кутузовъ).

Изъ источниковъ, указанныхъ Миллеромъ, въ изобиліи черпалъ и первый самостоятельный журналъ молодежи, «Праздное время, на пользу употребленное». Исторія въ немъ безусловно отсутствовала, за исключеніемъ нѣсколькихъ страничекъ «Краткаго извѣстія о коммерции между Россіей и Турціей», представлявшего какъ бы визитную карточку Миллера въ молодую редакцію, и большой статьи о Донъ-Карлосѣ, но съ содержаніемъ совершенно романическимъ. Стиховъ тоже было очень мало. Корпусная молодежь «употребляла на пользу свое праздное время» исключительно въ видѣ переводовъ правоучительныхъ статей. Переводы не всегда свидѣтельствовали о полномъ знаніи языковъ (нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго, англійскаго, датскаго, латинскаго и греческаго): стиль былъ иногда тяжелъ и запутанъ. Но большей частью молодежь удачно разрѣшала нелеткую задачу: создать удобопонятный русскій философскій языкъ. При отсутствіи оригинальныхъ статей, объ интересахъ и взглядахъ переводчиковъ можетъ свидѣтельствовать только выборъ ими темъ для перевода. На пространствѣ четырехъ книжекъ «Празднаго времени» и двухъ лѣтъ изданія журнала можно замѣтить, какъ мало-по-малу вниманіе переводчиковъ, сперва разсѣянное въ обширномъ кругѣ нрав-

ственно-психологическихъ вопросовъ, мало-по-малу фиксируется на темахъ, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ русской дѣйствительности. Въ первый годъ изданія молодежь занимаютъ темы обще и отвлеченно-этическихъ*). Во второй годъ встрѣчаемъ рядъ переводныхъ статей, которыя кажутся оригинальными: до такой степени они вводятъ насъ въ кругъ вопросовъ, извѣстныхъ изъ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени. Во главѣ ихъ стоитъ вопросъ «о позволеніи сатиры», такъ горячо дебатировавшійся въ Екатерининскихъ журналахъ. Въ «Праздномъ времени» онъ рѣшается въ самомъ либеральномъ смыслѣ. Прежде всего, не всякое зубоскальство есть сатира. «Лизетта коситъ глазами», надъ этимъ можетъ упражнять свое остроуміе какой-нибудь шутникъ въ веселой компаніи; но до этого «нѣтъ дѣла сатирѣ». Вотъ, когда «Лизетта бросаетъ косые свои взоры съ безстыдною дерзостію въ компаніяхъ», тогда она становится достойнымъ предметомъ сатиры, обязанность которой «представлять пороки смѣшными и причинять въ людяхъ омерзѣніе къ онымъ». Невѣрно, что сатира бесполезна или опасна. «Хотя сатира не всегда поправляетъ порочнаго; однако, удерживаетъ другихъ быть

---

*) Для наглядности приведемъ списокъ большинства этихъ статей 1759 года. О надеждѣ; о пространствѣ разума и предѣлахъ онаго (авторъ сходитъ на вопросъ объ умѣренности, какъ слѣдствіи самопознанія, и идеализируетъ довольство крестьянина); о чести (точка зрѣнія утилитарная); о ревности, о учении (практическая необходимость стоять на уровнѣ современнаго знанія), о душевномъ спокойствіи и о безумныхъ людскихъ желаніяхъ; о дѣйствіи добраго и худого воспитанія (отношеніе разума къ страстямъ); о предѣлахъ дружества; о двухъ путяхъ, по которымъ человѣкъ въ сей временной жизни послѣдуетъ (пріятное здѣсь противопоставляется полезному); о излишнихъ желаніяхъ; о счастьи и несчастьи (слѣдуй своей природѣ); человѣческая жизнь подобна опасному путешествію; разсужденія о молчаливости; хуже ли стать свѣтъ прежняго (отвѣтъ отрицательный, при чемъ особенно подчеркивается искорененіе суевѣрій); счастье не отъ насъ зависитъ; о честолюбіи; о порицаніи; о славѣ; о худыхъ слѣдствіяхъ злой и о прибыткахъ доброй совѣсти; о вкусѣ; о воспитаніи дочерей (передовая точка зрѣнія), о добромъ употребленіи страстей; о ненависти и враждѣ; о благодареніяхъ; о неблагодарности; о привидѣніяхъ («не смѣю отрѣшиться всеѣхъ такихъ исторій»); о примиреніи; о избраніи сообщества; о человѣческой жизни (доказательства существованія будущей жизни); запрещенное охотиѣ исполняютъ; о жестокосердіи (съ декламаціей противъ тирановъ).

порочными». Опасность же грозить такому неосторожному безумцу, «кто сталъ бы говорить при всякомъ случаѣ правду». Рекомендую осторожность, статья, однако, прямо допускаетъ возможность личностей въ сатирѣ. «Не почитаю я достойнымъ наказанія тѣхъ, кои при сочиненіи сатиры мысли свои на нѣкоторое лицо обращаютъ. Мысли, изъясненія и все сочиненіе бываетъ гораздо живѣе, имѣя предъ собою подлинникъ. Они не хулятъ тогда *лицо*, но порокъ, который онъ имѣетъ». Такъ подготовлялось, уже при Елизаветѣ, настоящее, отразившееся въ сатирѣ новиковскихъ журналовъ.

Близко напоминаютъ рускую дѣйствительность и отдѣльныя темы сатиры въ выбираемыхъ теперь для перевода статьяхъ. Такова, напр., характеристика дворянина въ статьѣ, переведенной съ нѣмецкаго кадетомъ П. Пастуховымъ *). «Скажите мнѣ, г. дворянинъ, — обращается сатирикъ къ своей жертвѣ, — что вамъ милѣе, лошадь ли ваша или жена, лягавая ли собака или сынъ... Я съ низайшимъ моимъ почтеніемъ помню ту ярмарку, на которой вы купили сѣрую въ яблокахъ лошадь. Вы требовали полезныхъ совѣтовъ у всѣхъ вашихъ пріятелей и имѣли три дня сроку, прежде нежели могли вознамѣриться къ сей хорошей покупке, и теперь вы ей такъ радуетесь, что нѣсколько часовъ сряду говорите о свойствахъ своей лошади. О женѣ же вашей вы говорите тѣмъ менѣе и весьма довольны, когда и другіе вамъ про нее не напоминаютъ. Вы женились на ней безъ дальняго размышленія, не зная ея точно, — да и по сіе время еще ея не знаете... (Сынъ вашъ) подрастаетъ... вамъ надобно содержать для него учителя. Ученъ, чтобъ онъ не былъ... ему надобно учиться языкамъ, фехтовать и танцовать; вамъ надобно отдать его въ чужіе люди, чтобъ сложилъ онъ деревенскій свой обычай. О... а, съ моей стороны почитаю все сіе совѣмъ за ненужное: я знаю довольно древнее ваше шляхетство. Ему въ самомъ дѣлѣ не надобно сихъ педантствъ. Но дворъ... — конечно худо, да уже такъ сдѣлано, — дворъ хочетъ, чтобъ дѣти наши еще къ важнѣйшему могли быть употреблены, кромѣ того, чтобъ умѣли ловить голько зайцевъ... (Тратя съ сожалѣніемъ деньги на обученіе сына, дворянинъ не жалѣетъ ихъ на дрессировку собакъ)... Истинно, а... отгадать, что лошадь и собака милѣе вамъ жены и сына. Какъ благородно думаете ваше благородіе! Сколь превосходно разсужденіе ваше предъ подлыми предразсужденіями нешляхетнаго народа!» Затѣмъ сатирикъ сообщаетъ

---

*) Будущимъ членомъ екатерининской комиссіи училищъ, руководившимъ составленіемъ учебниковъ.

біографію прототипа нашего «Недоросля». «У него все натура. Отець его — старикъ добрый и такъ же незнающъ, какъ и его родители, былъ истиннымъ украшеніемъ своей деревни, когда швалъ съ своими сосѣдами. Нашему дворянину не доставало ни пищи, ни питья, коими милосердное попеченіе неба такъ его благословило, что онъ уже на восьмомъ году былъ твердаго и крѣпкаго сложенія. Потомъ засадилъ его отецъ на лошадь. На девятомъ году застрѣлилъ сей надеждою пренсполненный сынъ перваго зайца — къ увеселенію всей высокой фамиліи. Сіе кавалерское упражненіе продолжалъ онъ до двѣнадцатаго года, какъ отецъ вознамѣрился дать ему столько наставленія, чтобы онъ умѣлъ подписать свое имя и прочесть, что написано. Учитель мучился съ нимъ цѣлый годъ: онъ уже въ обѣихъ сихъ наукахъ далеко дошелъ, какъ отецъ умеръ. Теперь все недантство кончилось. Опекуны не хотѣли употреблять на то болѣе иждивенія, и въ самомъ дѣлѣ было уже непристойно ходить въ школу такому знатному дворянину. Что помѣщику знать надобно было, то зналъ уже онъ по ихъ миѣнію. Онъ умѣлъ ѣсть, пить, спать, ѣздить, ходить на охоту, бить крестьянъ, повелѣвать попомъ, роптать на дворъ и спать съ дѣвушкою; и для того, назвавши себя взрослымъ, вступилъ самъ во владѣніе и женился. Думали ли, чтобы господниъ дворянинъ, при семъ воспитаніи, былъ тотъ котораго сосѣди за хорошій столъ любятъ, удивляются, видя у него хорошихъ лошадей и собакъ, какъ разумному мужу, — и чтобы за неосторожность, съ которою онъ за столомъ противъ правительства негодуешь, почитали его за сына отечества? Конечно, бы не имѣлъ онъ всѣхъ сихъ преимуществъ, если бы родился побѣдиѣ и воспитанъ былъ рачительнѣе!»

Переводчики нѣсколько разъ возвращаются къ подобнымъ темамъ, какъ бы указывая этимъ, что выборъ не случаенъ *). Но, вообще говоря, такія темы составляютъ въ «Праздномъ времени» исключеніе изъ извѣстнаго намъ обычнаго типа.

«Трудолюбивая Пчела» Сумарокова (1759) несравненно богаче оригинальными статьями **), особенно стихотвореніями. Выборъ переводовъ разнообразіѣ (много переводовъ изъ классиковъ: Овидія, Горация, Тита Ливія, Лукіана, Эсхина), и стиль переводовъ гораздо лучше. Но въ смыслѣ развитія общественной мысли, она сто-

---

*) О худомъ воспитаніи большихъ сыновей дворянъ, живущихъ въ деревнѣ; письмо слуги къ господину; о излишнемъ щегольствѣ и др.

**) Безразличнаго въ общественномъ смыслѣ содержанія: о пользѣ мнѳологін, о вопросахъ рускаго языка и грамматики.

ить на одномъ уровнѣ съ «Празднымъ временемъ», прибавляя только новыя темы сатиры. Сумароковъ не избѣгаетъ нападенія на дворянскую снѣсь и невѣжество («Сатира»). Но любимымъ предметомъ его сатирическихъ выходовъ служатъ взяточничество и крючкотворство приказныхъ, а затѣмъ щегольство «пестиметровъ». Любопытно, однако, что самая яркая характеристика «пестиметра», давшая матеріалъ и краски русской сатирѣ, является въ журналѣ переводомъ съ датскаго «изъ Гольберговыхъ писемъ». Довольно естественно, что наибольшее сочувствіе дворянскихъ читателей «Пчелы» вызвали нападки на приказныхъ. Въ журналѣ напечатано по этому поводу благодарственное письмо къ издателю отъ имени «нѣкотораго общества, которыхъ благородныя мысли отвѣтствуютъ знатности ихъ и благо рожденію». Члены «благорожденнаго» общества «ненавидятъ порокъ лихоимства», и авторъ «не сомнѣвается», что «Сумароковъ устыдитъ и усовѣститъ тѣ подлыя души», — «если въ нихъ еще какой-либо добродѣтели есть остатки», прибавляетъ онъ, впрочемъ, съ высоты «омерзѣнія честныхъ людей къ сему гнусному пороку».

Что касается поэзіи «Трудолюбивой Пчелы», она вся почти проникнута эротическимъ настроеніемъ, создавшимъ Сумарокову еще на школьной скамьѣ славу моднаго стихотворца любовныхъ романсовъ. Въ безчисленныхъ «элегіяхъ», «идилліяхъ» и «эклогахъ» воспѣваются игривыя похождения пастуховъ и пастушекъ подъ тѣнью «сплетенныхъ деревьевъ», «на бережкахъ журчащихъ и по камышкамъ быстро текущихъ потоковъ». Нѣкоторые изъ романсовъ не лишены, впрочемъ, ни чувства, ни технической ловкости стиха (*).

---

*) Приведу для примѣра стихотвореніе дочери Сумарокова, напечатанное въ «Пчелѣ» отцомъ подъ своимъ именемъ и положенное еще раньше на музыку.

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь:
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, какъ много я ни тщусь
Сердце тяжкимъ стономъ, очи токомъ слезнымъ
Извлекаютъ тайну муки сей:
Ты мое старанье сдѣлалъ бесполезнымъ,
Ты, о хищникъ вольности моей!
Ввергнута тобою я въ сію злу долю;
Ты спокойный духъ мой возмутилъ,
Ты мою свободу превратилъ въ неволю.

Значительную разницу по содержанию и тону представляет первый органъ московской университетской молодежи, сгруппировавшейся около Хераскова. — «Полезное увеселеніе», издававшееся три года (1760 — 1762). Прежде всего, эротическому элементу здѣсь отводится совершенно второстепенное мѣсто. Стиховъ, правда, очень много въ журналѣ Хераскова. Но эти стихи, въ особенномъ изобиліи доставляемые юными поэтами А. Нарышкинымъ и А. Ржевскимъ, — при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются просто рифмованною прозой. Въ стихотворную форму передѣлываются здѣсь, одна за другою, тѣ самыя правоучительныя разсужденія, съ которыми познакомили русскую публику предыдущіе журналы. Уже одно это переложеніе прозы въ стихи показываетъ, что сюжеты переводныхъ разсужденій начали сознательно восприниматься и перерабатываться въ умахъ только что подросшаго поколѣнія молодежи. Сознательность видна и въ томъ особенномъ направленіи, съ которымъ эти старыя темы разрабатываются юношами. Во-первыхъ, у нихъ выдвигается на первый планъ та общая философско-этическая принципиальная подкладка, которая скорѣе предполагалась, чѣмъ прямо излагалась

Ты угѣхи въ горесть обратишь.
И, къ лютѣйшей мукѣ, ты, того не зная,
Можетъ быть, вздыхаешь о иной;
Можетъ быть, бесплоднымъ пламенемъ сгорая,
Страждешь ею такъ, какъ я тобой.
Зрѣть тебя желаю, а, узрѣвъ, мятуся
И боюсь, чтобъ взоръ не измѣнилъ:
При тебѣ смущаюсь, безъ тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мнѣ милъ.
Стыдъ изъ сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыдъ:
Въ сей жестокой брани мой разсудокъ тмится,
Сердце рвется, страждетъ и горитъ.
Такъ изъ муки въ муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо я, чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь:
Знаю, что всемѣстно плѣнна мысль тобою
Воображаетъ мнѣ твой милый зракъ;
Знаю, что, вспаленной страстію презлою
Мнѣ забыть тебя нельзя никакъ.

въ переводныхъ разсужденіяхъ. Московская молодежь рассказываетъ отъ себя въ стихахъ, со всей свѣжестію только что выученнаго урока, ту самую теорію естественнаго права, которую мы слышали отъ Татищева и которую одинъ изъ этихъ самыхъ студентовъ, сотрудникъ Хераскова, изложилъ популярно въ первомъ рускомъ систематическомъ руководствѣ по естественному праву *). Юные поэты оправдываютъ человѣческія страсти и эгоизмъ, какъ вложенные въ человѣка вышею волею: считаютъ игру страстей залогомъ земного счастья и находятъ справедливымъ и законнымъ — пользоваться этимъ счастьемъ на землѣ. Пессимизмъ кажется имъ грѣхомъ противъ Божества. Цѣлью жизни они готовы признать спокойствіе совѣсти на смертномъ одрѣ. А достиженіе этой цѣли зависитъ, по ихъ мнѣнію, отъ господства разума надъ страстями, отъ умѣреннаго пользованія радостями жизни, которое, въ свою очередь, вытекаетъ изъ познанія самого себя. Но вся эта система благоразумной умѣренности и широкаго эгоизма развивается совершенно на новый ладъ. Оказывается, что, по сердечному убѣжденію юныхъ поэтовъ, міръ есть тлѣнъ и суета, что нетлѣнна лишь добродѣтель и что добродѣтель сводится къ любви къ ближнему, къ другу: что любовь есть единственный способъ борьбы съ порокомъ и что цѣль жизни --- есть истребленіе зла въ мірѣ и въ обществѣ посредствомъ подвига любви. Такимъ образомъ, начавъ тезисомъ изъ теоріи естественнаго права, сотрудники Хераскова постоянно кончаютъ свои стихотворныя тирады евангельскими призывами. Для иллюстраціи можно было бы процитировать цѣликомъ стихотворныя посланія, которыми обмѣнялись Нарышкинъ и Ржевскій въ январской книжкѣ 1761 г., если бы эти посланія не были такъ длинны, тягучи и безцвѣтны. Въмѣсто того, мы ограничимся другой характерной цитатой. У супруговъ Херасковыхъ былъ литературный салонъ, въ которомъ собирались журнальные сотрудники. У m-me Херасковой была слабость къ стихотворной игрѣ въ *bouts rimés*. Навѣрное, въ одинъ изъ этихъ вечеровъ она задала своимъ гостямъ четыре рѣзны, на которыя каждый долженъ былъ импровизировать по стихотворенію. Результаты этого поэтическаго состязанія какъ нельзя лучше характеризуютъ идеи, бродившія въ умахъ посѣтителей любезной хозяйки. Гости написали:

---

*) Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы російскаго общества Владиміромъ Золотницкимъ. Спб. 1764.

- 1)   Что есть всему Творецъ, сомнѣнья не... имѣю,
              Миѣ сердце говоритъ.... о немъ:
Но иначе любить я Бога не... умѣю,
              Какъ только въ ближнемъ лишь... моемъ.
- 2)   Не мучуся, что я богатства не... имѣю,
              И не пекусь... о немъ.
Довольно, если я спокойнымъ бытъ.. умѣю
              Въ несчастіи... моемъ.
- 3)   Влюбся я въ тебя, спокойства не... имѣю;
И потерявъ покой, хотя грущу... о немъ,
Но возвратить его, Клариса, не... умѣю,
Пріятность находя въ страданіи... моемъ.

Какъ видимъ, изъ трехъ поэтовъ только послѣдній вспоминалъ о любви; второй воспользовался моралью естественнаго права, а первый выразилъ совершенно масонскую мысль.

Къ серьезной сторонѣ московскаго идейнаго движенія мы еще вернемся. Теперь отмѣтимъ только, что несмотря на очевидную наивность и непосредственность, а, можетъ быть, и благодаря этимъ чертамъ, — это движеніе захватывало молодежь цѣликомъ, — совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ модные романы, захватывали два предыдущихъ поколѣнія.

Такова была та высшая точка, на которую смогла подняться русская общественная мысль въ елизаветинскую эпоху. Но и эта ступень была достигнута лишь небольшимъ кружкомъ лицъ, которыхъ можно было бы всѣхъ пересчитать по спискамъ высшихъ учебныхъ заведеній того времени.. Этотъ кружокъ писалъ и печаталъ почти исключительно для самого себя. Академическій журналъ Миллера требовалъ отъ читателя довольно значительной научной подготовки. Слѣдовавшіе за нимъ литературные журналы требовали привычки къ условностямъ модныхъ литературныхъ вкусовъ и формъ, а также — интереса къ отвлеченнымъ темамъ и навыка въ философскомъ языкѣ, только что тогда создававшемся. Естественно, что всѣ эти журналы не могли имѣть вліянія за тѣсными предѣлами собственнаго литературнаго круга. Ихъ задачей было — поддерживать и укрѣплять интеллектуально - нравственные интересы въ тѣхъ кружкахъ, которыми они были созданы; а затѣмъ, когда общественная жизнь вышла на болѣе широкій просторъ, роль ихъ была сыграна, и они подверглись полному забвенію. Любопытно отмѣтить, что всѣ эти журналы никогда не переиздавались (за исключеніемъ сумароковской «Пче-

ды»), тогда какъ очень многіе журналы послѣдующаго періода перепечатывались по нѣскольку разъ. Ихъ кружковому характеру соответствовало и незначительное количество подписчиковъ, и взгляды издателей на свою роль. У «Ежемесячныхъ сочиненій», имѣвшихъ наибольшее распространеніе, никогда не было больше 700 подписчиковъ, а иногда эта цифра падала до 500. Остальные журналы имѣли и того меньше. Очевидно, поэтому они составляютъ такую библиографическую рѣдкость, а уцѣлѣвшіе экземпляры часто носятъ надписи кого-нибудь изъ членовъ того же литературнаго круга. Издатель «Невиннаго Упражненія», объявляя о прекращеніи журнала послѣ полугоднаго существованія, считаетъ это вполне нормальнымъ и нисколько не думаетъ жаловаться на равнодушіе публики. Онъ просто ставитъ выходъ журнала въ тѣсную зависимость отъ удобствъ своего маленькаго круга сотрудниковъ и читателей. Журналъ прекращается потому, что наступило лѣто и «какъ издатели, такъ и тѣ, кои подписались брать нашъ журналъ, изъ Москвы разъѣхались». Издатели «сожалѣютъ, что далѣе полугода трудами своими жертвовать читателю не могутъ и съ чувствительной прискорбностью лишаются собственнаго своего утѣшенія». Такое отношеніе къ издательству какъ нельзя лучше подчеркиваетъ характеръ періода, когда русское просвѣщеніе ограничивалось кругомъ добрыхъ знакомыхъ, употреблявшимъ на пользу этого просвѣщенія лишь свои школьные годы и свое праздное время.

Пыпинъ, Исторія русской литературы, т. III, Спб. 1899. Проектъ Миниха въ «Русскомъ Архивѣ». 1865. О книгоиздательствѣ Петра и его времени см. Пекарскаго, Наука и литература при Петрѣ В. О новомъ направленіи издательства его же. Исторія Имп. Академіи Наукъ, Спб. 1870 — 1873. Тексты пьесъ петровскаго времени напечатаны Тихонравовымъ. Русскія драматическія произведенія 1672 — 1725 гг. 1874, 2 тома. См. его же статью о до половины XVIII столѣтія, Спб. 1890. О послѣдующемъ періодѣ исторіи русскомъ театрѣ во II т. Сочиненій. П. Морозова, Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія, Спб. 1890. О послѣдующемъ періодѣ исторіи русскаго театра, наиболѣе интегесномъ, къ сожалѣнію, нѣтъ столь же обстоятельныхъ изслѣдованій. Le théâtre en Russie depuis ses origines jusqu'à nos jours, par Pierre de Corvin (Круковскаго). Парижъ, 1890, т. 2-е изданіе не отличается критичностью и не носитъ характера изслѣдованія по первоисточникамъ. Документальная статья Лонгинова, Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (до 1774 г.) даетъ только хронологическій остовъ (Сборникъ П отдѣленія Академіи Наукъ, т

XI, 1875). Литература о Сумароковѣ указана въ Русской поэзіи **С. А. Венгера**, гдѣ собраны и лирическія произведенія Сумарокова, а также образцы поэзіи мелкихъ поэтовъ того времени и біографическія данныя о нихъ. Наличный составъ литераторовъ елизаветинской эпохи перечисленъ и характеризованъ еще Дмитревскимъ, въ его Извѣстіи о русскихъ писателяхъ (перепечатано въ Матеріалахъ для исторіи русской литературы **П. Ефремова**). О борьбѣ мѣщанской драмы съ ложноклассической трагедіей во Франціи см. главу о драмѣ въ соч. **И. И. Иванова**, Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка, М. 1895. Библиографическое описаніе журналовъ XVIII в., съ перечнемъ статей и краткими свѣдѣніями о редакторахъ и сотрудникахъ см. въ Историческомъ разысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703 — 1802 Спб. 1875. **А. Н. Неустроева** и Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и къ предыдущему труду ,его же. Спб. 1898. Содержаніе «Ежемѣсячныхъ сочиненій» обстоятельно изслѣдовано **В. А. Милутинымъ** въ трехъ статьяхъ «Очерки русской журналистики». «Современникъ» 1851 г., т. XXV и XXVI. См. также **Пекарскаго**, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 гг. (Сборникъ П отдѣленія т. II, 1867). Къ сожалѣнію, другіе перечисленные въ текстѣ журналы до сихъ поръ очень мало обращали на себя вниманія изслѣдователей. Краткія замѣчанія о журналахъ Хераскова см. у **Незеленова** въ Литературныхъ направленіяхъ екатерининской эпохи Спб. 1889. Нѣкоторыя свѣдѣнія о театрѣ и журналистикѣ елизаветинскаго времени, можно найти также въ Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX в. **Н. Майкова**, Спб. 1889 г

III.

Первыя попытки примѣнить критическія идеи къ жизни

Новая роль общественной критики и перемѣна отношенія къ ней власти. — Начало сознательной общественной жизни, какъ основная черта екатерининской эпохи. — Новое отношеніе власти къ общественному мнѣнію; дифференціация элементовъ націонализма и общественной критики. — Личное отношеніе Екатерины къ критическимъ элементамъ, какъ результатъ промежуточнаго положенія ея поколѣнія между эпохами Людовика XIV и французской революціи. — Философія и политика салоновъ, ея умѣренность. — Характеръ вліянія Вольтера на Екатерину: пессимистическій взглядъ на людей и искусство управлять ими. — Первоначальный оптимизмъ Екатерины по отношенію къ идеямъ и его предѣлы: политика гармоніи «принциповъ» съ «интересами»; исключения въ главныхъ вопросахъ внутренней и вѣншей политики. — Увѣренность въ личной миссіи — какъ результатъ идей вѣка, положенія и темперамента — Личный характеръ просвѣтительной дѣятельности — Отношеніе къ цѣльнымъ міровоззрѣніямъ русскимъ и заграничнымъ — Беккариа и устраненіе «разрушительныхъ аксіомъ» изъ Наказа. — Прецеденты законодательной комиссіи Екатерины и отличіе послѣдней. — Дѣйствительность, обнаруженная наказами депутатовъ. — Положеніе провинцій; противорѣчіе между сословными требованіями дворянства и стремленіями императрицы въ крестьянскомъ вопросѣ и въ уголовномъ законодательствѣ. — Роль вѣншей политики въ измѣненіи настроенія Екатерины. — Задачи императрицы и положеніе партій въ комиссіи: интеллигентное дворянство, городскіе депутаты и разночинцы. — Оппозиція дворянства противъ намѣреній императрицы и оппозиція другихъ сословій противъ дворянства приводятъ къ закрытію комиссіи.

Екатерина и Петръ — эти два имени уже современниками сопоставлялись, какъ символъ двухъ послѣдовательныхъ эпохъ русской культурной исторіи. Современники поняли также и то, что екатерининская эпоха не только была *продолженіемъ* петровской, но и составляла съ ней въ то же время рѣзкій *контрастъ*. Чтобы харак-

теризовать этот контраст, они даже придумали яркую метафору, которая сдѣлалась общимъ мѣстомъ у писателей екатерининскаго времени: «Петръ создалъ русскимъ тѣла, а Екатерина вложила въ нихъ душу».

Разумѣется, это наблюденіе сдѣлано грубо и отражаетъ въ себѣ наивную персонификацію соціальныхъ явленій, свойственную тогдашнему міровоззрѣнію. Но въ грубой формѣ здѣсь формулированъ чрезвычайно важный соціологическій фактъ, который, дѣйствительно, составляетъ главную характерную черту эпохи и уже поэтому не могъ ускользнуть отъ вниманія современниковъ. Эпоха Екатерины является эрой въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія. «Душа» новой русской общественности, дѣйствительно, начинается поминать и сознавать себя съ этого времени. Именно тогда кончается доисторическій, третичный періодъ русской общественной жизни, и она принимаетъ тотъ видъ и тѣ формы, въ которыхъ извѣстна и нашему времени. Старыя, допотопныя формы или окончательно вымираютъ, или, обреченныя на вымираніе, эмигрируютъ въ низшіе слои общественной атмосферы.

Мы знаемъ, что такова была въ самомъ дѣлѣ судьба стараго общественнаго самосознанія, сложившагося въ XV — XVI вв. и имѣвшаго по преимуществу націоналистическій характеръ. Отброшенное въ сторону побѣдой новой культуры, оно не сразу было замѣнено соответствующимъ новымъ сознаніемъ. Новая культура побѣдила, прежде всего, своими техническими преимуществами, сдѣлавшими изъ нея необходимое орудіе новой государственности и неизбежное условіе болѣе развитой промышленной жизни. Побѣдивъ, эта культура на первыхъ же порахъ пріобрѣла симпатіи господствующаго класса, которому она дала самый удобный изъ своей наглядности признакъ, впервые проведенный рѣзкую внѣшнюю черту между «благородствомъ» и «подлостью». Наконецъ, опять-таки съ самаго начала новая культура расположила въ свою пользу вліятельные классы, какъ источникъ особыхъ, доселѣ невѣдомыхъ наслажденій, матеріальныхъ, эстетическихъ и умственныхъ, начиная съ гастрономическаго обѣда и вольныхъ отношеній къ женщинамъ и кончая картами, музыкой, спектаклемъ и забавной книгой. Все это, однако, не давало еще достаточнаго матеріала для новаго, принципиально-различнаго отъ стараго, направленія общественнаго самосознанія.

Матеріаль этотъ дала книга, какъ только перестали искать въ ней простой забавы. Первоначально, правда, въ ней искали только правилъ для сознательнаго личнаго поведенія. Но отъ этого перваго

шага — отъ правилъ свѣтскаго обхожденія или предписаній индивидуальной морали — переходъ къ слѣдующему шагу, къ признанію важности общественной теоріи и необходимости сознательнаго общественнаго поведенія, былъ уже нечувствителенъ и совершился незамѣтно. Съ піонерами новыхъ воззрѣній мы уже знакомы. Известно намъ также и то, что съ пятидесятихъ годовъ вліяніе княжнѣй морали и общественной теоріи перестаетъ ограничиваться отдѣльными личностями и захватываетъ цѣлый общественный кругъ, — правда, еще очень ограниченный: кругъ дворянской молодежи, прошедшей высшую школу. Такимъ образомъ, императрицѣ Екатеринѣ посчастливилось взойти на престолъ въ такое время, когда почва была уже расчищена для воспріятія послѣдняго слова современной европейской литературы. — для усвоенія той основной мысли, пропагандировавшейся этой литературой, что общественный строй, въ интересахъ «человѣчества», можетъ и долженъ быть перестроенъ на «разумныхъ» началахъ.

Съ этого момента роль критическихъ идей, содержащихся въ новой петровской культурѣ, становится совершенно иною, чѣмъ прежде. Въ общемъ широкомъ и мутномъ разливѣ новой культурной жизни отъ Петра до Екатерины слабо выдѣлялись элементы, враждебные между собою въ сущности — новой критики и новой привилегированной общественной традиціи. Не размежевавшись между собою, всѣ стороны новой культуры безъ разбора принимались подъ общее покровительство государственной власти, проводившей реформу. При Екатеринѣ и въ этомъ отношеніи совершается полный переворотъ. Элементы критики выдѣляются и составляютъ основу новаго общественнаго мнѣнія, которое сознательно и рѣзко противопоставляетъ себя новой культурности, монополизированной привилегированнымъ классомъ. Новая культура, какъ санкція наличнаго соціального строя, оказывается, такимъ образомъ, въ полнѣйшемъ противорѣчій съ новой культурой, какъ основой сознательнаго отношенія къ жизни. Власть нѣкоторое время колеблется между этими двумя враждебными пониманіями новой культуры. Но колебанія продолжаются недолго: волей-неволей власть принимаетъ сторону соціальной силы противъ соціального безсилія.

Тогда и представительство элементовъ критики переходитъ отъ власти къ интеллигентному общественному мнѣнію. Этой дифференціаціей враждебныхъ другъ другу элементовъ новой культуры кончается періодъ «официальнаго торжества критическихъ элементовъ», какъ мы охарактеризовали періодъ отъ Петра до Екатерины. Русская об-

пественная жизнь вступает въ новый, еще и донынѣ не завершившійся фазисъ.

Только что указанный переломъ совершался въ русской жизни въ особенно яркихъ и рельефныхъ формахъ отчасти потому, что онъ произошелъ среди очень еще несложной обстановки, въ сравнительно ограниченномъ кругѣ людей, задѣтыхъ новой культурой; отчасти же и потому, что свое наглядное выраженіе этотъ переломъ нашелъ въ смѣнѣ настроеній самой императрицы. Сама проникнутая вначалѣ критическими идеями, Екатерина на первыхъ же порахъ убѣждается въ ихъ противорѣчіи съ существующимъ общественнымъ строемъ, который она принуждена взять подъ свою защиту. Противорѣчіе это ее не особенно беспокоитъ, потому что критическія идеи заразъ начинаютъ казаться ей и бесполезными для практической жизни, и безсильными противъ русской дѣйствительности. Французская революція открываетъ ей глаза и заставляетъ ее вступить въ борьбу съ мечтами своей юности, какъ дѣйствительно опасными для дальнѣйшаго существованія тѣхъ явленій жизни (прежде всего, крѣпостного права), противъ которыхъ протестовала критика. Въ этомъ признаніи критическихъ идей не просто лишними, но опасными для окружающей дѣйствительности — заключается ихъ гражданское крещеніе. Съ этого момента начинается непрерывная традиція русской общественной критической мысли.

Превратившись изъ союзника въ принципиальнаго противника критическихъ элементовъ, власть, по самому духу времени, уже не могла ограничиться простой матеріальной, физической борьбой противъ этихъ элементовъ. Съ идеями нужно было бороться во имя идей; нужно было найти принципиальную основу для положительной, а не отрицательной только программы дѣйствій. Эта основа была найдена, какъ скоро увидимъ, въ идеализаціи прошлаго. Считать эту идеализацію простымъ возстановленіемъ связи съ національнымъ самосознаніемъ XVI-XVII в. нѣтъ никакой возможности. Продукты того стараго національнаго самосознанія навсегда отсѣчены были отъ дальнѣйшаго историческаго процесса Никономъ и Петромъ. Они кристаллизовались въ расколъ. Такимъ образомъ, идеализація прошлаго въ екатерининское время оказывается совершенно новымъ явленіемъ, не опирающимся ни на какую традицію прошлаго. Напротивъ, пока жива была эта старая традиція, пока прошлое было слишкомъ близко, никакая идеализація его не была возможна (см. выше, стран. 240). Только *забвеніе* прошлаго могло лечь въ основу его *литературной* реставраціи. Мы увидимъ, что такая реставрація шла въ началѣ

рука объ руку съ работой критической мысли и даже служила однимъ изъ ея пріемовъ. Только по мѣрѣ того, какъ критическая мысль отбрасывалась въ оппозицію, литературная идеализація прошлаго начинала служить матеріаломъ для охранительной политической теоріи. Такимъ образомъ, охранительная идеологія, такъ же какъ оппозиціонная, ведетъ свою непрерывную традицію отъ екатерининскаго времени. Для современнаго націонализма, какъ для современной общественной критики — екатерининская эпоха служить эрой, съ которой тотъ и другое считаютъ свое сознательное существованіе. Зѣвсъ — первоначальный, въ грубыхъ очертаніяхъ, водораздѣлъ этихъ двухъ теченій.

Уже изъ сказаннаго видно, что, если Екатерина, можетъ быть, и не вложила самолично «души» въ матеріальное тѣло петровской новой культуры, то все же въ исторіи этой души ей принадлежитъ очень большая роль. Екатерина, увлекающаяся критическими идеями, Екатерина охлажденная, Екатерина враждебная имъ — всѣ эти метаморфозы собственнаго настроенія императрицы тѣсно слетаются съ первыми шагами сознательной общественной жизни въ Россіи. Чтобы разобратъся, какъ слѣдуетъ, въ томъ и другомъ, необходимо слѣдить оба теченія параллельно.

Прежде всего, сдѣлаемъ нѣсколько хронологическихъ справокъ. По своимъ годамъ, Екатерина (р. 1729) заняла въ Россіи среднее положеніе между двумя поколѣніями: елизаветинскимъ, которое родилось во второмъ десятилѣтіи XVIII в. и учебные годы котораго совпали приблизительно съ открытіемъ Шляхетскаго корпуса (1732), — и молодымъ поколѣніемъ, родившимся уже при Елизаветѣ и подростшимъ къ собственному воцаренію Екатерины: учебные годы этого послѣдняго поколѣнія совпадаютъ съ открытіемъ Московскаго университета (1755). Оба поколѣнія намъ уже отчасти извѣстны. Первое — насколько оно вообще жило культурной жизнью — жило идеями и вкусами эпохи Людовика XIV: интересы его были по преимуществу литературно-эстетическіе. Второе поколѣніе начало думать и чувствовать какъ разъ тогда, когда въ Европѣ совершился крутой переломъ настроенія, ознаменовавшій переходъ къ революціонной эпохѣ. Поколѣніе Екатерины — среднее между обоими. Оно вырастаетъ въ тотъ промежутокъ сравнительно неопредѣленнаго общественнаго настроенія, когда переходъ отъ Людовика XIV къ революціи только назрѣвалъ въ лучшихъ умахъ и даже ими самими не былъ еще вполне сознавъ. Литература и поэзія уже уступили мѣсто «философіи» и политикѣ. Но новыя философскія и политическія идеи еще не были доведены до сво-

ихъ крайнихъ логическихъ послѣдствій. Руссо и Дидро, Гельвецій и Гольбахъ, — словомъ всѣ тѣ, кто поднялъ выше ноту общественнаго и философскаго протеста, еще не появлялись или не завоевали себѣ вниманія просвѣщенныхъ круговъ. Вольтеръ еще занять былъ по преимуществу литературой. Въ философіи удовлетворялъ общему настроенію деизмъ, въ политикѣ конституціонализмъ. Но достаточно вспомнить, что представителями того и другого были Вольтеръ и Монтескье, чтобы видѣть, что и эти ученія не представлялись въ формѣ строгой, законченной доктрины. Никакой доктрины и не потерпѣла бы та общественная среда, въ которой распространялись модныя идеи модныхъ философовъ и политиковъ. Мысль проникала въ эту среду — свѣтскихъ аристократическихъ салоновъ — исключительно въ формѣ фривольной шутки, достаточно серьезной, чтобы имѣть видъ теоретической защиты разсѣянной свѣтской жизни отъ «педантизма» всевозможныхъ цѣльныхъ доктринъ и системъ, — и настолько все-таки легкой, чтобы не затруднять ума даже такихъ дамъ, которыя съ печатными книгами были знакомы только по молитвеннику.

Нуженъ былъ громадный литературный талантъ Вольтера и Монтескье, въ соединеніи съ страстностью перваго и глубокомысліемъ второго, чтобы въ такія тѣсныя рамки втиснуть контрабанду новаго міровоззрѣнія. Но и при такихъ условіяхъ, новыя взгляды могли найтись благосклонный пріемъ, лишь сильно урѣзанные и, сознательно или безсознательно, искаженные по шаблону той самой соціальной среды, для которой предназначались. Литература позволяла себѣ потрясать лишь тѣ основы, которыя и безъ того были расшатаны въ этой средѣ. Подкапывая силу однихъ предразсудковъ, уцѣлѣвшихъ отъ прошлаго, модные писатели слишкомъ часто искали себѣ поддержки — въ союзѣ съ другими предразсудками, еще болѣе сильными, и, такимъ образомъ «кадили Люциферу, чтобы избавиться отъ Вельзевула», по остроумному выраженію Даламбера. Теоретикъ политическихъ формъ (Монтескье) платонически восхищался «республикой» грековъ и римлянъ, не предвидя возможности встрѣтиться съ нею въ современной ему Европѣ, и такъ же платонически металъ свои стрѣлы противъ «деспотизма», отводя ему мѣсто исключительно въ Азіи. У себя дома онъ былъ доведенъ сословной монархіей, ограниченной привилегіями дворянства. Для того же дворянства, для «верхнихъ двухъ-трехъ тысячъ», оттачивалъ свои сарказмы проповѣдникъ терпимости (Вольтеръ), откровенно предпочитавшій фривольное вольнодумство знати убѣжденному фанатизму буржуазіи и яansenистскому «педантизму» парламентаріовъ. Человѣчество для него дѣлилось на «чернь» и «порядочныхъ лю-

тей», *canaille* и *honnêtes gens*. — дѣленіе очень похожее на наши русскіе «подлость» и «благородство». Свою миссію онъ сознательно ограничивалъ «хорошей компаніей». «Довольно съ насъ, если вѣтъ порядочные люди будутъ презирать суевѣріе». Народъ всегда останется глупъ и невѣжествененъ: это скотъ, которому нужно лишь ярмо, кнутъ, да сѣно». Союзникомъ въ борьбѣ противъ духовенства и парламентовъ должна быть королевская власть. Необходимо убѣдить правительство, что «философы» — естественные союзники королей и тѣлаютъ съ ними одно и то же дѣло.

Тѣ, кто говоритъ о позднѣйшей «измѣнѣ» Екатерины либеральнымъ взглядамъ ея молодости, не должны забывать, что эти взгляды были впервые усвоены ею въ этой смягченной, ни къ чему не обязывавшей формѣ. «Измѣна» была притомъ же обыкновеннымъ житейскимъ дѣломъ для первыхъ провозвѣстниковъ «философскихъ» идей. Безпрестанно отказывавшійся отъ собственныхъ сочиненій, при каждой ссорѣ съ церковью спѣшившій исповѣаться и причаститься, льстившій королямъ, папѣ и іезуитамъ, систематически сочинявшій мадригалы королевскимъ любовницамъ, вынудившій, наконецъ, на смертномъ одрѣ у собственного секретаря, протестанта и масона, послѣ двадцати-четырехлѣтней совмѣстной жизни, недоумѣнный вопросъ: во что же онъ, наконецъ, вѣритъ, — Вольтеръ не могъ быть особенно строгимъ учителемъ въ вопросахъ совѣсти. Не трудно догадаться даже, что именно это отсутствіе строгости и сдѣлало Екатерину «ученицей» Вольтера въ наукѣ «здраваго смысла» и житейскаго благоразумія. Что наука Вольтера была собственно другая, а здравый смыслъ былъ въ ней только орудіемъ и методомъ, — на это императрица какъ-то не обратила особаго вниманія. Она знала, конечно, что говоря съ Вольтеромъ, надо было почаще упоминать о терпимости и порицать суевѣріе. Но эти лозунги, опасные для ихъ защитниковъ въ странѣ католицизма, — въ петровской Россіи разумѣлись сами собой (ср. стр. 259): здѣсь гораздо труднѣе было бы защищать нетерпимость и традиціонную вѣру. Вотъ почему послѣ пятнадцатилѣтней переписки императрица все еще не совсѣмъ ясно понимала, съ кѣмъ она имѣла дѣло: смерть Вольтера лишила ее только «божества смѣха». Пораженная началомъ французской революціи, Екатерина упорно ставитъ революціонерамъ въ упоръ своего «учителя». Онъ такъ мило, весело и беззаботно умѣлъ шутить съ серьезными вещами въ хорошей компаніи: не безтактно ли было со стороны этихъ «саножниковъ и башмачниковъ» вынести пикантные разговоры своихъ «лучшихъ писателей» изъ салона на улицу? И только убѣжденная,

наконецъ, неумолимой логикой событій въ тождествѣ слова и дѣла, Екатерина велитъ вынести бюстъ своего «учителя» — послѣдній по очереди — изъ галлерей Эрмитажа.

Характеръ письменныхъ сношеній Екатерины съ Вольтеромъ ничѣмъ не предвѣщалъ такого плачевнаго конца. Это были отношенія самыя прочныя и ровныя, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ были основаны на расчетѣ. У семидесятилѣтняго философа и тридцатипятилѣтней дебютантки оказалась слишкомъ достаточно жизненнаго опыта и разочарований въ прошломъ, чтобы не питать взаимныхъ иллюзій и съ полуслова понять, что каждому нужно отъ другого. Въ пятимной перепискѣ съ Даламберомъ Вольтеръ призналъ, что «философін не приходится особенно хвалиться такими ученицами», какъ «прекрасная Като». Но, что дѣлать, покровительство императрицы поднимало его престижъ въ Европѣ, и Вольтеръ безъ зазрѣнія совѣсти возвеличиваетъ Екатерину надъ Солономъ и Ликургомъ, превозноситъ, ея душу и умъ, восторгается ея мудрыми законами и блестящими празднествами, даже воспѣваетъ ея ручки и ножки. Съ своей стороны, и Екатерина приходитъ въ страхъ при мысли, что Вольтеръ можетъ поймать ее на словѣ и пріѣхать къ ней въ гости въ Россію; она спѣшитъ увѣрить его, что «Като хороша только издали». Но изъ этого прекраснаго далека она искусно эксплуатируетъ перо Вольтера для оффиціозныхъ сообщеній по адресу Европы. Балансъ выгодъ скорѣе былъ на сторонѣ императрицы, чѣмъ на сторонѣ писателя.

Труднѣе рѣшить, была ли Екатерина *съ самаго начала* своей карьеры такимъ политикомъ въ своихъ отношеніяхъ къ представителямъ критическихъ идей? Косвенный отвѣтъ на это можно, правда, найти въ томъ обстоятельстве, что она вообще очень рано сдѣлалась политикомъ. Припомнимъ ея признаніе въ «Мемуарахъ», что еще великой княгиней она поставила себѣ за правило за всеѣмъ ухаживать, чтобы въ каждомъ имѣть союзника на случай нужды. Но именно къ Вольтеру ея отношеніе нѣсколько иное, такъ какъ ему она обязана отчасти и самымъ этимъ правиломъ. Прежде чѣмъ ей пришлось искать въ Вольтерѣ союзника, она нашла въ немъ учителя въ искусствѣ правиться. На этомъ развился и ея интересъ къ серьезному чтенію. Въ Вольтерѣ и Тацитѣ ее увлекли, прежде всего, уроки эмпирической психологій, совпадавшей съ ея собственными пессимистическими наблюденіями надъ мотивами человѣческихъ поступковъ. «Я начала видѣть вещи въ болѣе мрачномъ свѣтѣ и научилась искать для всего, что проходило передъ моими глазами, болѣе глубокихъ объясненій въ различіи интересовъ». Такъ резюмируетъ сама императрица прак-

тическій итогъ своего серьезнаго чтенія. Изъ ироніи Вольтера и Тани-та она, очевидно, вывела мораль Ларошфуко.

Несомнѣнно, Екатерина разумѣла именно это и была совершенно искренна, когда признавала, что Вольтеръ научилъ ее читать и думать и имѣлъ на нее огромное вліяніе въ періодъ, когда формировался ея умъ и характеръ. Вотъ почему въ свои отношенія къ Вольтеру — и только къ нему одному — она внесла на первыхъ порахъ робость и нерѣшительность ученицы и серьезно искала его одобренія. Только получивъ это одобреніе слишкомъ легко и незаслуженно, она поняла ему цѣну. Это былъ для нея первый урокъ презрѣнія къ «философіи» и философамъ. «Учитель» послѣ того пересталъ импонировать: но король европейскаго общественнаго мнѣнія и «забавникъ» — сохранилъ симпатіи императрицы.

Вопросъ о вліяніи на Екатерину самыхъ *идей* «просвѣтительной» философіи ея времени гораздо сложнее вопроса о ея личныхъ отношеніяхъ къ «философамъ». Несомнѣнно, прежде всего, что ранній пессимизмъ по отношенію къ людямъ у нея долгое время совмѣщается съ оптимизмомъ по отношенію къ идеямъ. Почему, извѣрившись въ людяхъ, Екатерина продолжаетъ вѣрить въ идеи, — это намъ предстоитъ объяснить. Но фактъ тотъ, что она въ нихъ, дѣйствительно, вѣритъ и готова сообразовать съ ними свое поведеніе. Возражать на это ссылкой на самый ранній примѣръ противорѣчія между «принципами» и поведеніемъ Екатерины, — на ея двусмысленное положеніе между Вольтеромъ и православной религіей, было бы совершенно неосновательно. Въ этомъ случаѣ противорѣчіе «интереса» съ принципами всего легче разрѣшалось самой усвоенной ею философіей. Развѣ не была самая перемѣна вѣры доказательствомъ свободы отъ «суевѣрія», въ которомъ погрязъ старый протестантъ, отецъ Екатерины? И развѣ не утверждалъ съ другой стороны самъ Вольтеръ, что всякій владѣлецъ пяти или шестисотъ крестьянъ долженъ признать необходимость религій вѣчныхъ мукъ и воздаянія за гробомъ? Очевидно, учитель и ученица вполне сходились въ оцѣнкѣ какъ соціальнаго значенія религій, такъ и того, что на языкѣ Екатерины называлось «*momeries*».

Въ дѣлахъ государственнаго управленія было, конечно, не такъ легко привести въ гармонію «принципы» съ «интересами». Историки Екатерины обратили вниманіе на сентенцію въ словарѣ Бейля, которая, по ихъ соображеніямъ, должна была зацѣпить въ душу будущей императрицы: «правила государственнаго искусства противоположны строгой честности». Изъ собственныхъ набросковъ Екатерины, когда она была еще великой княгиней, мы знаемъ, однако, что съ этой сен-

теиціей Екатерина не хотѣла мириться и поставила себѣ прямою цѣлью — примирить честность съ политикой. Средство для этого она нашла въ той идеѣ, что быть честнымъ — всего лучше для собственной выгоды государя. Идея о выгодности хорошихъ принциповъ проходит красной нитью въ этихъ интересныхъ замѣткахъ, рисующихъ намъ великую княгиню со всѣми ея сильными и слабыми сторонами, совершенно тѣми же, какія характеризуютъ впоследствии императрицу. Тутъ находимъ въ совершенно отчетливой, сознательной формѣ и всѣ правила будущаго царствованія. Государь долженъ, по мнѣнію Екатерины въ этихъ замѣткахъ, дѣлать благодѣянія и любить истину, такъ какъ это «сдѣлаетъ его пріятнымъ для Бога и людей». Онъ долженъ заботиться о славѣ страны, потому что это его собственная слава. Онъ долженъ сдѣлать вельможъ и приближенныхъ довольными и богатыми, потому что отъ этого зависитъ его собственное величіе. Онъ долженъ открыто заявлять свои цѣли, «если правда и разумъ на его сторонѣ», такъ какъ эти резоны, навѣрное, «возьмутъ верхъ въ глазахъ толпы». Онъ долженъ заранее разгласить о законѣ, который собирается издать, и послѣ прислушаться къ общественнымъ толкамъ по этому поводу, чтобы законъ вышелъ удаченъ и не пришлось его отмѣнять. Придворныхъ надо заставить *изъ лести* говорить правду, сдѣлавъ ее выгодной, такъ какъ иначе государь рискуетъ быть обманутымъ: самое унижительное положеніе, какое только можетъ себѣ представить Екатерина.

Нельзя, однако, съ выбранной точки зрѣнія отрицать одного: *возможности*, что «принципы» съ «интересами» разойдутся и понадобится правило Бейля. Тѣ же наброски карандашомъ предвидятъ два такихъ случая, — какъ разъ тѣ самые, въ которыхъ Екатерину всего строже осудило потомство. Въ одномъ изъ нихъ, въ главномъ вопросѣ своей внутренней политики, Екатерина уже тогда ясно понимала всю трудность своего положенія, но еще надѣялась на возможность компромисса. «Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать людей (которые всѣ родятся свободными) рабами. Соборъ освободилъ въ Германіи, Франціи, Испаніи и т. д. всѣхъ крестьянъ (прежде бывшихъ крѣпостными). Устроить подобный же крутой переворотъ было бы плохимъ способомъ заслужить любовь землевладѣльцевъ, которые полны упорства и предразсудковъ («къ тому же, — признается Екатерина, — хотя я и освободилась отъ предразсудковъ и обладаю складомъ ума отъ природы философскимъ, но чувствую, однако, сильную склонность уважать древнія фамиліи»). Но вотъ легкое (Екатерина еще мало знакома съ юриспруденціей) средство: постановить, что при

всякой продажѣ помѣстья новому владѣльцу рабы объявляются свободными. Въ сто лѣтъ всѣ или большая часть земель мѣняють владѣльцевъ: вотъ, народъ и свободенъ».

Въ другомъ затруднительномъ случаѣ — изъ области вѣтшией политики, Екатерина, очевидно, скорѣе готова склониться въ сторону «интересовъ». «Говорять, что во всякомъ дѣлѣ бываетъ два возможныхъ исхода: справедливый или несправедливый: обыкновенно, выгода склоняетъ къ несправедливости. Въ курляндскомъ вопросѣ справедливость требовала отдать дѣтямъ Бирона то, что далъ имъ Богъ и природа. Если же хотѣли соблюсти выгоду, слѣдовало (конечно, несправедливо) оставить Курляндію за собою, отнять ее у Польши и присоединить къ Россіи. Кто бы могъ угадать, что найдется еще третій способъ: сдѣлать несправедливость безъ всякой выгоды? Курляндію отдали саксонскому принцу и тѣмъ усилили короля польскаго... Неужели, спрашивается, могущественный сосѣдь выдѣлитъ для Россіи, чѣмъ счастливая анархія, въ которой находится Польша и благодаря которой мы въ ней хозяйничаемъ, какъ хотимъ?... Если ужъ хочешь быть несправедливымъ, такъ надо извлечь изъ этого выгоду».

Итакъ, вѣра въ «приложимость» общихъ принциповъ къ жизни основывалась у Екатерины на убѣжденіи, что, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, приложеніе хорошихъ принциповъ — выгодно. Екатерина отдавалась идейному руководству, по ея собственному выраженію въ тѣхъ же наброскахъ, «съ открытыми глазами» и подъ условіемъ, что это идейное руководство не только не противорѣчитъ, а, напротивъ совпадаетъ съ ея личными «интересами». Не совпадаетъ оно — и Екатерина заранее высказываетъ готовность отъ него отказаться. Такимъ образомъ, если трезвость въ отношеніяхъ къ идеямъ и измѣняла Екатерину, то, во всякомъ случаѣ, не на этомъ пунктѣ, не въ расчетъ выгоды, — а въ вопросъ объ «осуществимости» идеи, предполагая ее полезной.

Во взглядѣ на осуществимость идеи Екатерина оказывалась дочерью своего времени, фанатикомъ своего положенія и жертвой своего темперамента. Мысль о всемогуществѣ мудраго законодателя была одной изъ основныхъ аксіомъ просвѣтительнаго вѣка. Но у Екатерины эта мысль была не простою данью времени. Она неразрывно связана у ней съ увѣренностью во всемогуществѣ русскаго государя. «Что можетъ противиться безграничной власти абсолютнаго монарха, управляющаго воинственнымъ народомъ», спрашиваетъ она въ тѣхъ же наброскахъ великой княгини. Съ этой идеей Екатерина пріѣхала въ Россію, съ нею она сознательно и терпѣливо пробивала себѣ путь

къ престолу. Дойдя до цѣли, она смѣло положила руку на механизмъ, издавша манившій своей громадностью ея славолюбіе и властолюбіе.

Она надѣялась проводить на этомъ мѣстѣ «хорошіе и вѣрные принципы». Чтобы провести ихъ, ей нужно именно *это* мѣсто. Но на такомъ мѣстѣ такіе принципы могла осуществить лишь «натура одаренная отъ природы полезными дарованіями». Другой былъ бы только «смѣшнотъ» тамъ, гдѣ подобная натура могла бы себя составить «блестящую карьеру». Мы цитируемъ здѣсь все тѣ же летучія наброски: Екатерина уже при Елизаветѣ только себя считаетъ достойной носительницей великихъ идей на высокомъ мѣстѣ. Вѣра въ силу идеи и въ безграничное могущество положенія, въ свою очередь, неразрывно связана у ней съ вѣрой въ себя: въ собственной психологій она почерпнетъ то, чего не хватитъ въ другихъ источникахъ вѣры.

Французскій посланникъ Лопиталь еще при Елизаветѣ находилъ, что у Екатерины «горячая голова». Можно бы было подчеркнуть: именно «голова», а не «сердце», воображеніе, а не чувство. Екатерина, повидимому, и сама была совершенно согласна съ этимъ опредѣленіемъ своей «преобладающей способности». Разъ въ ея присутствіи зашелъ разговоръ, чѣмъ бы могла она быть, если бы была частнымъ человѣкомъ и женщиной. Дипломаты наперерывъ прочли ее, кто въ министры, кто въ полководцы. Императрица рѣшила: «Всѣ вы ошибаетесь; я знаю свою горячую голову: я бы всѣмъ рискнула для славы и въ чинѣ поручика въ первую же кампанію не спесла бы головы». Въ мѣсто всѣхъ достоинствъ, которыми надѣлялъ ее Гриммъ въ 1774 году, Екатерина признала за собой одно, благодаря которому она «чего-нибудь стоитъ»: «умѣнье страшно хотѣть того, чего она хочетъ». «Нужно быть твердой въ своихъ рѣшеніяхъ, — говоритъ она въ другой разъ, — лучше сдѣлать дурно, чѣмъ мѣнять мнѣніе: нерѣшительны бываютъ только дураки».

Нельзя сказать, чтобы Екатерина не сознавала опасности такого темперамента въ правителѣ. «Удача для ума то же, что молодость для темперамента. — находимъ мы въ тѣхъ же наброскахъ: — она приводитъ въ дѣйствіе всѣ страсти. Счастливъ, кто не допустилъ себя увлечься этимъ потокомъ». Въ послѣднихъ словахъ слышится какъ бы опасеніе — весьма основательное, какъ показало время, — что сама Екатерина въ такомъ положеніи не сумѣетъ сдержаться. Но она знаетъ свои слабыя стороны — и, какъ политикъ, прежде всего, и *изъ нихъ* хочетъ извлечь выгоду, разъ невозможно ихъ уничтожить. Увлеченіе неизбежно, но увлеченіе есть тоже сила. За недостаткомъ подлинной силы, самоувѣренность можетъ ее до нѣкоторой степени замѣ-

нить. «Могу поздравить себя съ началомъ популярности». — записываетъ она при Елизаветѣ. — «Я не должна, конечно, ей довѣрять, несмотря на виѣшніе знаки: но это не помѣшаетъ мнѣ дѣйствовать такъ, какъ будто бы я была въ ней увѣрена. Меня хвалятъ лишь тогда и постоѣлку, поскольку недовольны великимъ княземъ: я слишкомъ еще молода, чтобы меня любили: но я должна дѣйствовать такъ, какъ будто бы вѣрила, что меня любятъ». Мы видимъ: тутъ полная программа политики, почерпающей силу изъ виѣшняго вида успѣха.

При такой сложности натуры Екатерины, очевидно, очень трудно различить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ кончается у ней убѣжденіе и начинается политика. Всего вѣриѣе будетъ, можетъ быть, принять, что политика у нея вездѣ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ пружинами ея политики служатъ убѣжденія, которыя она считаетъ вѣрными и выгодными.

Во всякомъ случаѣ, эту политику Екатерина будетъ примѣнять *сама*, своимъ умомъ и по собственной инициативѣ. Въ дѣлѣ, которое должно было послужить пьедесталомъ для ея славы, Екатерина не признаетъ предшественниковъ и сотрудниковъ. Она — вторая только послѣ «перваго» Петра; но въ *своемъ* дѣлѣ она первая и единственная. Она пишетъ въ своемъ Наказѣ эти рискованныя слова, такъ усердно цитировавшіяся депутатами комиссія: «Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю». Еще ярче это настроеніе Екатерины подчеркивается современной аллегорической гравюрой по поводу изданія Наказа. Въ центрѣ картины, на возвышеніи, стоитъ Екатерина въ спокойной, увѣренной позѣ, совсѣмъ не напоминающей того «курць-галона», которымъ, по шутливому выраженію ея «Записокъ», она должна была выступать въ первые годы царствованія между охлаждающимъ скептицизмомъ Панина и бурными поощреніями Григорія Орлова. Мѣсто обонхъ по сторонамъ Екатерины заняли въ аллегоріи Минерва и юный Марсъ, попирающій пятой закованнаго въ цѣпи врага. Подъ ногами императрицы коношится народъ: море головъ, жаждущихъ взглянуть на Екатерину, смотрящихъ на нее съ выраженіемъ любви и надежды, спѣвающихъ запечатлѣть въ памяти золотыя строки раскрытаго передъ ними Наказа. Въ сторонѣ, надъ тѣмъ же моремъ головъ поднимается пирамида, на которой «блаженство каждаго и всѣхъ» датировано 1766

годомъ и которая увѣличивается императорской короной*). Въ сравненіи съ этой пирамидой статуя какого-то древняго законодателя, стоящаго на вершинѣ колонны позади пирамиды, кажется совсѣмъ маленькой. Наконецъ, вверху, въ облакахъ дыма, крылатая фигура славы уже спѣшитъ разнести по свѣту благу вѣсть о новой эрѣ «блаженства всѣхъ и cadaго», датированной 1766 годомъ.

Основная идея аллегоріи ясна. Екатеринѣ «посчастливилось найти хорошіе и вѣрные принципы», но эти принципы осуществляются, потому, что Екатерина ихъ проводитъ. И если ей придется впоследствии признаться, что принципы остались неосуществленными, она ни минуты не подумаетъ усомниться въ принципахъ или въ собственной силѣ осуществить ихъ. По крайней мѣрѣ, она въ этомъ никогда не признается открыто и сложить вину на другихъ. «Мое честолюбіе не было дурно, но, быть можетъ, я слишкомъ много взяла на себя, повѣривъ, что люди могутъ сдѣлаться разумными, справедливыми и счастливыми».

Одного только Екатерина не могла допустить: что люди могутъ сдѣлаться разумны, справедливы и счастливы по какой-нибудь другой системѣ, исключая ея собственной, и особенно по такой системѣ, которая допускаетъ возможность для нихъ достигнуть этой цѣли своими собственными средствами. Реформаторская роль Екатерины представлялась ей по существу своему совершенно личной. Это опредѣлило и ея отношеніе ко всѣмъ современнымъ ей системамъ, исходящимъ изъ принципа самодѣтельности. Такихъ системъ было двѣ въ Россіи во время Екатерины. Обѣ онѣ обозначались достаточно ясно уже въ строеніи молодого поколѣнія, выросшаго ко времени воцаренія императрицы. Одна была извѣстная намъ теорія *естественнаго права*, которая скоро могла справлять полувѣковой юбилей не только существованія, но непрерывнаго академическаго преподаванія въ Россіи. Со времени Гросса, учившаго естественному праву Кантемира въ Академическомъ университетѣ, рядъ поколѣній слушалъ эту науку у Пфлуга въ Шляхетскомъ корпусѣ, у Дильтея и Лангера въ Московскомъ университетѣ. Но человѣкъ изъ «порядочнаго общества» не обязанъ былъ «прочестъ всѣ книги и прилежно учиться всему, чему учать въ школахъ»: съ него было довольно «природнаго здраваго смысла». Мы сейчасъ увидимъ, какъ отнеслась Екатерина къ теоріи естественнаго права, на примѣрѣ Беккариа. Отношеніе ея къ другой системѣ прин-

---

*) Эта эмблема изображена была и на жетонахъ, розданныхъ депутатамъ.

пиіальныхъ взглядовъ, явившейся въ Россіи позднѣе, но тоже то нея и независимо отъ нея, къ религіозно-правственному міросозерцанію *масонства*, было еще болѣе отрицательнымъ и поверхностнымъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Если на первыхъ же порахъ не вышло никакихъ рѣзкихъ столкновеній между императрицей и представителями обонхъ цѣльныхъ воззрѣній, то лишь потому, что сами эти представители въ первомъ поколѣніи оказались не такими яркими и послѣдовательными, какъ того требовалъ смыслъ ихъ теорій. Мы знакомы уже немного съ литературнымъ дебютомъ этой молодежи, перешедшей отъ естественнаго права къ масонству (выше, 288-90). Скоро мы встрѣтимся съ нею опять и поймемъ, почему она такъ быстро и безслѣдно сошла съ общественной арены (см. стр. 322).

Мы поймемъ теперь и то, какъ должна была отнестись Екатерина къ знаменитому сопернику Вольтера, — къ Руссо, господствовавшему обновленной имъ системой общественнаго договора въ тогдашней наукѣ естественнаго права. Для любимаго персонажа XVIII вѣка, мудраго законодателя, въ этой системѣ былъ оставленъ слишкомъ тѣсный уголокъ. На личныя сношенія съ несимпатичнымъ философомъ Екатерина не рѣшилась, а отъ приглашенія Григорія Орлова — поселиться въ его помѣстіи, нелюдимый мыслитель отказался. Тѣмъ и кончились отношенія его къ Россіи. За то горячему поклоннику «великаго человѣка, благодѣтельствующаго человѣчеству, которое его гонитъ», — юрпсту Беккаріа выпала на долю громкій успѣхъ въ Россіи.

На этомъ эпизодѣ надо остановиться нѣсколько подробнѣе. Книжка Беккаріа появилась какъ разъ въ то время, когда Екатерина компилировала свой Наказъ. Изъ ея источниковъ это былъ едва ли не единственный, въ которомъ Екатерина могла уловить ноты, совершенно чуждыя салонной корректности ея любимыхъ руководителей. Но Беккаріа былъ усерднымъ почитателемъ одного изъ нихъ (Монтескье): онъ нуженъ былъ Екатеринѣ, такъ какъ у него она могла заимствовать характеристику будущаго гуманнаго суда. Тѣмъ любопытнѣе слѣдить, съ какой тщательностью устранены изъ заимствованнаго текста всѣ черты, которыя ставятъ Беккаріа въ ряды поклонниковъ Руссо. Читая Наказъ, никакъ нельзя догадаться, что тутъ не хватаетъ основнаго нерва всѣхъ разсужденій Беккаріа. По его теоріи общественнаго договора, этимъ договоромъ ограждаетъ себя обыкновенно меньшинство отъ большинства, и нужны вѣка страданій и бѣдствій, чтобы договоръ могъ быть перестроенъ въ пользу обдѣленнаго большинства. Мыслитель, опережая свой вѣкъ, открываетъ этотъ коренной

недостатокъ закона, состоящій въ его покровительствѣ привилегированному меньшинству. Просвѣщенный государь можетъ услышать голосъ мыслителя, воспользоваться своей силой въ интересахъ большинства и тѣмъ предвосхитить результатъ естественнаго историческаго развитія. «Мы предоставляемъ обыкновенно развитіе важнѣйшихъ постановленій или просто теченію времени, или же благоусмотрѣнію тѣхъ именно лицъ, которыя возстаютъ противъ введенія мудрыхъ законовъ. Последніе имѣютъ цѣлью, по самому существу своему, сдѣлать благоденствіе всеобщимъ, тогда какъ меньшинство стремится къ тому, чтобы удержать полное могущество и блаженство за собою, не удѣливъ другимъ ничего, кромѣ безсилія и нищеты. Поэтому, только перейдя черезъ тысячи ошибокъ въ задачахъ, разрѣшающихъ самыя существенныя условія жизни и свободы, послѣ утомительныхъ страданій, порожденныхъ зломъ, дошедшимъ до крайности, мы приступаемъ къ исправленію гнетущихъ насъ безпорядковъ. Только тогда начинаемъ мы сознать тѣ осязательныя истины, которыя, именно по своей простотѣ, ускользаютъ отъ вниманія людей неторазвитыхъ... Откроемъ книгу исторіи, и мы увидимъ, что законы, которые въ сущности составляютъ и должны составлять не что иное, какъ договоръ свободныхъ лицъ, всегда были или орудіемъ страстей немногихъ, или же являлись результатомъ случайной и мимолетной необходимости. Они вовсе не были плодомъ спокойнаго изслѣдованія человѣческой природы, стремящейся къ тому, чтобы мы сознали, что задача нашей жизни есть предоставленіе высшаго благосостоянія наибольшему числу людей. Счастливы тѣ немногія государства, которыя не ожидали, чтобы медленное движеніе взаимныхъ общечеловѣческихъ отношеній и превратностей жизни повлекло за собой сначала господство зла, а потомъ уже и постепенное развитіе добра, но ускоряли мудрыми законами водвореніе добра. И всеобщаго уваженія заслуживаетъ философъ, имѣвшій дерзость изъ глубины своего незамѣтнаго и даже пренебрегаемаго кабинета бросить въ массу людей первыя сѣмена полезной истины, которыя долго еще будутъ оставаться безплодными».

Оказалось не трудно превратить эту пламенную рѣчь о вѣковыхъ препятствіяхъ къ сознательной общественной жизни въ безобидное «блаженство всѣхъ и cadaго», декретируемое немедленно. Нужно было только отбросить исходныя точки и основныя принципы разсужденія Беккаріа, затушевать его конкретныя историческія наблюденія, и мы получимъ исправленный текстъ екатерининскаго Наказа. Вотъ какъ производилось это исправленіе (Екатериной или ея совѣтниками?):

НАКАЗЪ

Право давать законы о наказаніяхъ имѣеть только одинъ законодатель, какъ представляющій въ своей особѣ все общество соединенное и содержащій всю власть въ своихъ рукахъ.

Беззаконныя предпріятія противу жизни и вольности гражданина суть изъ числа самыхъ великихъ преступленій; и подъ симъ именемъ заключаются не только смертоубійства, учиненныя людьми изъ народа; но и того же рода насилія, сдѣланныя особами, какого бы происшествія и достоинства они ни были.

Въ нѣтъ свободы тамъ, гдѣ законы дозволяютъ, чтобы человѣкъ пересталъ быть, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, лицомъ и превратился бы въ вещь: въ такомъ случаѣ сильные люди употребили бы все свое пронырство, чтобы изъ множества гражданскихъ отношеній извлечь только тѣ, которыя установлены закономъ въ ихъ пользу. Достигнуть этой цѣли значить открыть волшебный жезлъ, превращающій гражданъ во выючныхъ скотовъ. Въ рукахъ сильнаго этотъ жезлъ есть цѣпь, сковывающая дѣйствія людей слабыхъ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ государствахъ, пользующихся, повидимому, полною свободой, скрывается господство силы, или же она вьрывается непредвидѣнно въ какой-нибудь забытый законодателемъ уголокъ, гдѣ незамѣтно развивается... Привилегіи дворянъ составляютъ большую часть законовъ въ разныхъ государствахъ. Я здѣсь не буду разбирать, полезно ли для правительства это наслѣдственное раздѣленіе дворянства и народа и необходимо ли оно въ монархіи: правда ли, что дворянство составляетъ среднюю власть, ограничивающую злоупотребленія двухъ крайнихъ (все это миѣнія Монтескье)... Если даже справедливо, что неравенство неизбежно для общества, то справедливо ли, чтобы оно выражалось въ различіи группъ, а не отдѣльныхъ личностей; чтобы оно сосредоточивалось въ одной части государства, а не пронизывало его насквозь, что-

БЕККАРІА

Право устанавливать эти законы принадлежитъ исключительно законодателю, представляющему собою все общество, связанное взаимнымъ договоромъ.

Къ этому роду преступленій (покушеніе на безопасность и свободу гражданъ) относится не только убійство и кража, совершаемая престоиародьемъ, но также совершаемая вельможами и судьями, вліяніе которыхъ дѣйствуетъ на большемъ пространствѣ и съ большею силою, разрушая между подданными все понятія о справедливости и долгѣ, и постав-

бы оно непрерывно продолжалось, а не рождалось и уничтожалось по-минутно *)

Можетъ быть, это и были тѣ *axiomes à renverser les murailles*, которыя вычеркнуты совѣтниками Екатерины изъ окончательной редакціи Наказа. Наша домашняя теорія естественнаго права уже основалась съ этими жгучими темами и давала на нихъ болѣе или менѣе невинные отвѣты. Упоминавшееся выше руководство Золотницкаго, напр. совершенно спокойно разсуждало о «домовомъ подданствѣ» «совершенномъ» и «несовершенномъ», легко находя первому «мѣсто въ самомъ натуральномъ состояніи» и колеблясь только относительно второго, которое, какъ будто, «въ натуральномъ состояніи изъ начала простого общества не явствуется, по причинѣ всѣмъ свойственнаго общаго равенства». Но и общее равенство не мѣшало выводить изъ «натуральнаго состоянія» происхожденіе сословныхъ привилегій. «Хотя всѣ люди въ натуральномъ состояніи между собой равны, однако, не всѣ достойны равнаго мѣстна, чести и похвалы. Ибо равными только для того называются, что имѣютъ одни права и обязательства, но не всякъ имѣетъ тѣ совершенства, отъ которыхъ достоинство мѣстна, чести и похвалы зависитъ».

Въ предполагавшемся собраніи депутатовъ всѣ эти деликатные вопросы, поставленные жизнью, но замалчиваемые политикой и школьной теоріей, должны были выплыть наружу. Но безъ собранія депутатовъ нельзя было обойтись. Екатерина только что считала необходимымъ разглашать «на рынкахъ» проекты законовъ, претендовавшихъ на долговѣчность. Она только что прочла у Беккарія прозрачный намекъ, что «счастливо было бы человѣчество, если бы сразу ему были предписаны законы монархами, которыхъ мы теперь видимъ на престолахъ Европы», и что при этомъ слѣдовало бы выслушать «всегда откровенный голосъ народа», заглушаемый второстепенными чиновниками, «болѣе жестокими, потому что менѣе обезпечены» (мысль объ этомъ «средостѣнии» особенно понравилась императрицѣ, см. Наказъ). «Философски» настроенная Екатерина не могла, наконецъ, остаться позади своихъ предшественниковъ на престолѣ, поддерживавшихъ безъ всякихъ теорій традицію XVII вѣка: вызвать для составленія Уложения депутатовъ отъ разныхъ сословій. Безконечныя комиссіи, тщетно рѣшали всю первую половину вѣка

---

*) Эту точку зрѣнія открыто защищали въ засѣданіяхъ Екатерининской комиссіи нѣкоторые депутаты (особенно городской дерптскій — Урсинусъ).

эту непосильную задачу. Последняя изъ нихъ (1754), послѣ безплодныхъ усилій — заставить работать на себя канцеляріи присутственныхъ мѣстъ — сама пришла (1761) къ мысли подкрѣпить себя, «по примѣру прежде сочиненнаго въ 1649 году Уложенія», выборными отъ дворянъ и купцовъ. Въ первой половинѣ вѣка всѣ попытки этого рода (1722, 1728, 1730) потерпѣли неудачу: вмѣсто «дѣловыхъ и знающихъ людей» провинція посылала въ Петербургъ старыхъ и увѣчныхъ, — отчасти потому, что формальныя относилась къ требованіямъ правительства и смотрѣла на посылку депутатовъ, какъ на досадную повинность, отчасти же потому, что подходящихъ людей и не было среди помѣщиковъ, оставшихся жить въ своихъ деревняхъ (стр. 233, 259). Въ серединѣ вѣка провинціальное общество все еще не сложилось: оно появилось лишь въ результатѣ сословныхъ успѣховъ въ вѣкѣ Екатерины. Но въ провинцію все-таки чаще стали заглядывать офицеры, побывавшіе за границей (въ Семилѣтнюю войну), поучившіеся въ школахъ. Кромѣ столичныхъ модъ и вольныхъ нравовъ, они завозили съ собою иной разъ и печатную книжку, и темы для «ученыхъ и важныхъ разговоровъ» о поэзіи, о литературѣ, словомъ, о болѣе или менѣе отвлеченныхъ предметахъ. Назначая съ 1761 г. выборы депутатовъ въ комиссію 1754 года, сенатъ счелъ возможнымъ заговорить съ провинціальными избирателями совершенно необычнымъ до тѣхъ поръ языкомъ: работа надъ уложеніемъ не есть повинность, а общественный долгъ. «Какъ сочиненіе Уложенія для управленія всего государства весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ» и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать». Сенатъ надѣется, что избранные не только не откажутся, но охотно понесутъ «всѣ затрудненія и убытки», и не для того только, чтобы «получить награжденіе за излишніе труды», но и «чая незабвенную въ будущіе роды о себѣ оставить память». Это — языкъ Екатерининской комиссіи.

Приглашенные Елизаветой депутаты начали работать уже при Екатеринѣ: къ двумъ составленнымъ канцелярскимъ путемъ (1755) главамъ законопроекта (судебные и уголовные законы: послѣдніе, по преданію, поразили Елизавету своей жестокостью и удержали ее отъ подписанія проекта) они прибавили третью — о правахъ сословій, во многомъ сходную съ депутатскими наказами и съ выработанными Екатерининской комиссіей законопроектами о сословіяхъ. Теперь, эти депутаты и комиссія должны были уступить мѣсто Екатерининскимъ.

Такимъ образомъ, и цѣль (кодификація), и средство (участіе выборныхъ), и даже общее направленіе работы (реформа уголовнаго законодательства въ гуманномъ и сословнаго въ дворянскомъ духѣ) — все это Екатерина получила готовымъ отъ своей предшественницы. Если, тѣмъ не менѣе, она говорила и думала, что затѣваетъ нѣчто, совершенно новое и до сихъ поръ небывалое, то это нельзя объяснять *только* какъ сознательный обманъ изъ самолюбія или какъ добросовѣстное заблужденіе по незнацію прецедентовъ, намъ теперь лучше извѣстныхъ. Екатерина могла дѣйствительно утверждать, что открываетъ совершенно новый путь. — и не потому, что она провозглашала, «блаженство всѣхъ и каждого», какъ высшую задачу законодательства. Такого рода утвержденія можно, пожалуй, услышать и отъ власти, собиравшей земскіе соборы XVII вѣка (и тогда выборные отъ всей земли должны были рассказать про «всякія ихъ нужды и тѣсноты... и размышляти ко всему добру, чтобы всѣ люди государства жили въ покоѣ и въ радости»). Но *свое* законодательство она впервые хотѣла основать на сознательной теоріи, на той «истинѣ», которая «свѣтитъ, какъ молнія среди продолжительной и мрачной ночи, удручающей людей», по счастливому выраженію Беккаріа. Каковы бы ни были личные мотивы молсдой государыни, искала ли она въ «довѣріи народа» «любви» или «славы», — мы можемъ повѣрить, что ея сердце билось сильнѣе, когда у того же Беккаріа она читала эти строки: «слово мудреца слишкомъ слабо, чтобы противостоять гвалту и крикамъ людей, руководимыхъ слѣпою привычкой..... (но) если бы истина могла, несмотря на безконечныя пренія, которыя удаляютъ ее отъ монарха, даже противъ его воли, — достигнуть до его престола, онъ долженъ понять, что она высказываетъ ему тайныя желанія всего народа: онъ долженъ понять, что слава его заглушитъ кровавую славу завоевателей и что справедливое потомство поставитъ его выше миролюбивыхъ Титовъ, Антониновъ и Траяновъ». «Слово мудреца» дошло до престола Екатерины; до него дойдутъ и «тайныя желанія народа». Екатерина была права: это было «не дурное честолюбіе», поставить пирамиду своего законодательства выше траяновой колонны.

Наказы, привезенные съ собой депутатами изъ провинцій, свели Екатерину съ ея неба на землю. На этой землѣ она все прочтѣе укрѣплялась, по мѣрѣ того, какъ развѣтывалась передъ ней поставленная ею пьеса. Прошло немного времени, и Наказъ началъ ей представляться «болтовней». Этой болтовнѣ она предпочитала трезвое, дѣловое содержаніе «Учрежденія о губерніяхъ». Какую роль сы-

грали въ этомъ переворотѣ депутатскіе Наказы и дѣятельность созванной Екатериной комиссіи?

Перечитывая эти указы теперь, мы можемъ сами видѣть, что они развернули передъ Екатериной, дѣйствительно, ужасающую картину. Созывая свою Комиссію, она знала людей, но еще не знала Россіи. Россію заслонялъ отъ нея небольшой кругъ молодого дворянства, болѣе илименѣе проникнутаго или способнаго проникнуться тѣми же теоріями и идеями, какими увлеклась императрица. Въ провинціи люди изъ этого интеллигентнаго круга были случайными гостями. Выбравъ своими депутатами тѣхъ изъ нихъ, которые не попали въ число депутатовъ отъ центральныхъ учреждений, провинція нѣсколько замаскировала свои естественные взгляды и вкусы. Но она не могла замаскировать ихъ надолго. Въ наказахъ и преніяхъ — украшенія постепенно отпали, и выступила на первый планъ неприкрашенная дѣйствительность. Было бы нелѣпо утверждать, что съ теоріей эта дѣйствительность ничего общаго не имѣла. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, политическая теорія XVIII вѣка была все-таки достаточно тонка и глѣба, чтобы не спасовать передъ объясненіемъ русской дѣйствительности. Законодатель-практикъ, прочитавшій всѣ депутатскіе указы, не могъ бы написать лучшей и болѣе близкой къ жизни страницы, чѣмъ та страница Беккариа (см. стр. 309), которую, именно, въ виду этой чрезмѣрной близости, пришлось выкинуть изъ Наказа. Но серьезное приложеніе *такой* теоріи на практикѣ требовало гораздо большей ломки, чѣмъ могла ожидать императрица на основаніи своего знакомства съ придворнымъ кругомъ русскаго дворянства. Съ *этимъ* кругомъ можно было спокойно говорить о самыхъ страшныхъ вѣскахъ. Мы видѣли, что здѣсь сумѣли, не обижая себя, примирить передовыя теоріи естественнаго права съ явленіями русской дѣйствительности. Другое дѣло, когда сама русская жизнь заговорила отъ своего лица. Тутъ уже не было мѣста компромиссу; нужно было рѣшиться на выборъ. И выборъ, по условіямъ времени, не могъ быть сомнителенъ.

Что же сказала и обнаружила эта Комиссія, дѣйствительно, молнией среди ночи освѣтившая русскую современность и начавшая собою эру, если «не блаженства всѣхъ и каждаго», то сознательной общественной жизни въ Россіи?

Наказы показали, прежде всего, что всѣ государственные и общественные успѣхи, достигнутые Россіей въ теченіе вѣковъ, ограничиваются поверхностью и что въ своей глубинѣ эта жизнь недалеко ушла отъ той картины, которую мы видѣли въ памфлетѣ Иванки Пе-

ресѣтова. До деревни не дошелъ еще ни судъ, ни администрація. Учрежденныя правительствомъ судебныя и административныя власти въ нее не проникаютъ, и населеніе безъ различія сословій, остается безъ всякой защиты закона. За отсутствіемъ этой защиты, борьба сильного и слабого ведется здѣсь въ формахъ, свойственныхъ самому примитивному обществу. «Сколько ни предписано законовъ, съ угроженіемъ наихудшійшихъ штрафовъ, но вкоренившаяся междоусобная наглость и самовольство не истребляются, что главнѣйшее зло обществу: ибо сильный безсильнаго, богатый небогатаго, *кто съ кого сможетъ, тотъ того и разоряетъ*». «Слабый сильному всегда лучше уступить, нежели начать продолжительное и для себя разорительное дѣло». Подобныя замѣчанія не разъ попадаются въ наказахъ. Противъ этого «главнѣйшаго зла» и направленъ единодушный вопль, который несется изъ провинціи въ наказахъ. Провинція жаждетъ получить, прежде всего, судъ и управленіе, *близкіе* къ населенію и доступные для него. Избиратели хлопочутъ, чтобы имъ дали возможность у себя дома совершать и свидѣтельствовать всяческіе документы гражданскаго права, размежевывать свои, мѣстными геодезистами спорныя земли и находить у себя подъ бокомъ, въ ближайшемъ городѣ, нужныя справки въ юридическихъ документахъ, хранившихся до сихъ поръ исключительно въ вотчинномъ архивѣ древней столицы. Дворянство добивается, чтобы мелкія сельскія ссоры о потравахъ, порубкахъ и всевозможныхъ захватахъ можно было рѣшать сокращеннымъ словеснымъ судомъ, съ примѣненіемъ немедленнаго слѣдствія на мѣстѣ, по живымъ слѣдамъ, — такъ какъ, по странному юридическому недоразумѣнію, петровская «форма суда» передвинула судебное слѣдствіе къ концу процесса, — послѣ судебного разбирательства.

Населеніе хочетъ также у себя дома учитьсѣ, лечиться, пользоваться кредитомъ: оно требуетъ устройства провинціальныхъ школъ, банковъ, аптекъ и докторовъ. Потомъ, почти столь же единодушно, но все-таки на второмъ мѣстѣ сравнительно съ главной насущной потребностью въ близкомъ судѣ и власти, — дворянскіе наказы требуютъ, чтобы этотъ судъ и управленіе были устроены на началахъ *дворянскаго выборнаго самоуправленія*. Предлагаемыя дворянствомъ формы расходятся между собой. Одни желаютъ товарища воеводы сдѣлать выборнымъ, другіе — возобновить для этого должность петровскаго ландрихтера или создать новую должность «опекуна»: третьи хотятъ сохранить выбраннаго для баллотированія денугатовъ «предводителя»: четвертые предлагаютъ раздѣлить про-

винцію на земскіе участки и назначить въ каждомъ «земскихъ судей» съ административно — судебными полномочіями. Оный наказъ воспоминаеть даже губныя учрежденія Грознаго. Собранія дворянъ, для выбора и контроля выборныхъ, для содѣйствія уголовному слѣдствію и преслѣдованію, предлагаются сами собою. Въ нѣкоторыхъ наказахъ дальше этого и не идетъ дворянское классовое самосознаніе. Но чаще встрѣчаемъ признаки того, что уже и провинціальное дворянство, вслѣдъ за столичнымъ, начинаетъ сознавать свое привилегированное положеніе и проникаться корпоративнымъ сословнымъ духомъ. Прежде всего, родовое дворянство настойчиво стремится замкнуться отъ новаго чиновнаго дворянства петровской табели. Старшая братья не хотятъ признавать дворянства по чину, а лишь по диплому (т. е. монаршему пожалованію). Она особенно негодуеть на то, что новые пришельцы «дѣлають дворянству великій подрывъ въ покупкѣ деревень», и набиваютъ цѣну. Помимо разсчета выгоды, тутъ, однако, говоритъ и новая въ дворянствѣ чувствительность къ вопросамъ сословной чести. Если нѣкоторые избиратели хлопчуть еще, по старому обычаю, о денежныхъ штрафахъ за дворянское «безчестье», то другіе уже протестуютъ: «дворянство честь свою съ деньгами равнять не могутъ». Дворяне считаютъ унижительнымъ сидѣть въ одной комнатѣ съ «подлыми» и требуютъ отвода особыхъ помѣщеній для себя въ правительственныхъ канцеляріяхъ. Во имя того же чувства они протестуютъ противъ осмотровъ на заставахъ, противъ обысковъ и арестовъ въ собственныхъ усадьбахъ. Въ связи съ тѣмъ же сословнымъ духомъ развивается понятіе о почетности и обязательности общественной службы, особенно выборной. Если одни наказы заранѣе хлопчуть о казенномъ жалованьи для будущихъ выборныхъ судей, то другіе прямо объявляютъ: «какъ предводитель, такъ и судьи должны служить обществу изъ одного любочестія и для общественной пользы». Въ выборную должность избираются дворяне «не въ службу, но потому только, что всякій сынъ отечества должность сію для общей пользы и покоя исполнить не отречется (ср. стр. 311 указъ сената 1761)». Правда, это пониманіе дѣла, очевидно, внушается сверху. «Несмотря на чинъ и званіе. — проговаривается одинъ наказъ, — каждый, почитая за необходимость, какъ патриотъ отечества, служить определенное время для общества долженъ. — *такъ какъ въ нынѣшнемъ манифестѣ о выборъ предводителя и депутата предписано*».

Гораздо охотнѣе дворянство стремится «отличить» себя отъ прочихъ сословій — расширеніемъ старыхъ привилегій и дарованіемъ

новыхъ. Не въ примѣръ другимъ, оно требуетъ освобожденія отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій въ передачѣ владѣльческихъ правъ на крестьянъ и земли, которыя еще уцѣлѣли отъ старой московской регламентационной службы. Оно желаетъ получить полную свободу завѣщанія, которое, однако, съ точки зрѣнія тогдашняго естественнаго права, «едва можетъ почитаться натуральнымъ способомъ переносенія своего владѣнія къ другому». Дворяне хотятъ также освободить свою собственность отъ податей и обязательствъ, наложенныхъ новымъ петровскимъ законодательствомъ (ограниченіе правъ на лѣса, минеральныя богатства, винокуреніе; налогъ на бани). Особо же настойчиво хлопочутъ они о запрещеніи другимъ сословіямъ владѣть крѣпостными и о закрѣпленіи за ними самими ихъ крѣпостныхъ новыми строгими мѣрами. Штрафъ за пріемъ бѣглыхъ долженъ быть увеличенъ съ 10 до 100 или 200 рублей: правительство должно облегчить преслѣдованіе бѣглыхъ или даже взять его на себя; должно зачитать въ рекруты потерянныхъ и сосланныхъ помѣщикомъ крестьянъ.

Мы видѣли, что Екатерина еще великой княгиней готова была пойти на компромиссъ съ рабовладѣльцами въ крестьянскомъ вопросѣ и предвидѣла ихъ сопротивленіе. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ и перепискѣ (съ Н. П. Елагинымъ, Д. А. Голицынымъ) она окончательно утвердилась въ мысли, что собственность полезна и даже необходима для экономическаго развитія страны, но что дать крестьянамъ свободу и собственность сразу, общимъ закономъ, нельзя — не только на земляхъ помѣщиковъ, которымъ надо предоставить въ этомъ отношеніи полную свободу, но даже и на дворцовыхъ земляхъ, гдѣ общая реформа тоже будетъ небезопасна для помѣщиковъ. Дѣло свелось, на первый разъ, къ подготовкѣ маленькаго опыта на землѣ Григорія Орлова. «Собственность и свобода» должны были здѣсь осуществиться въ видѣ наследственной аренды за опредѣленныя повинности, по образцу остзейскихъ крестьянъ (и даже въ этомъ видѣ остались въ проектѣ). Былъ сдѣланъ, далѣе, скромный запросъ по адресу вновь учрежденнаго Вольнаго Экономическаго Общества: въ чемъ именно, въ движимости или въ недвижимости должна состоять крестьянская собственность. Наконецъ, Екатерина вставила нѣсколько робкихъ выписокъ изъ Монтескье, — наполовину вычеркнутыхъ изъ Наказа еще до его изданія. Здѣсь говорилось объ огражденіи личности и собственности крестьянъ отъ произвола и насилія владѣльцевъ. Прежде, однако же, чѣмъ подоспѣли отвѣты на тему (Экономическое Общество поставило ее нѣсколько смѣлѣе Екатери-

нинскаго вопроса). Екатерина должна была уѣдѣться, что самые разговоры о какихъ бы то ни было перемиряхъ считаются опасными и что, вмѣсто компромисса, дворянство требуетъ безусловнаго и торжественнаго подтвержденія своихъ владѣльческихъ правъ. Наказы заявляли, что «люди и крестьяне нынѣ помѣщикамъ своимъ послушаніе по нѣскольку уменьшаютъ», что «многіе, а особливо въ ночное время, въ домахъ своихъ не бываютъ, а укрываютъ себя въ неизвѣстныхъ никому мѣстахъ», или «страха ради по полугоду и болѣе находятся въ городахъ», такъ какъ бывлые крѣпостные, «кого изъ тѣхъ помѣщиковъ въ домахъ своихъ застанутъ, мучать злѣдѣйски, жгутъ огнемъ, рѣжутъ и на части разрубаютъ, а дома ихъ выжигаютъ *). Въ виду этого дворяне всеподданнѣйше просили, дабы къ сохраненію древняго узаконенія дворянскіе люди и крестьяне къ подлежащему повиновенію, яко своимъ господамъ, были, и о томъ въ нынѣ сочиняемомъ проектѣ новаго уложенія подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная древле помѣщичья власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется безотмѣнно, какъ донынѣ была, такъ и впредь будетъ». Тѣ 500 крестьянскихъ прошеній, которыя Екатерина привезла съ собою изъ путешествія по Волгѣ въ Москву, къ самому открытію засѣданій Комиссіи, были слишкомъ краснорѣчивою иллюстраціей къ свѣдѣніямъ наказовъ. Знаменитая первая реплика Екатерины поэту Сумарокову («и бываютъ — т. е. помѣщики — отчасти зарѣзаны отъ своихъ» и т. д.) доказываетъ, что императрица отнюдь не представляла себѣ деревенскаго сожительства сословій въ видѣ счастливой идилліи. Но практическимъ результатомъ этого яснаго пониманія дѣла на первый разъ оказалось лишь запрещеніе крестьянамъ жаловаться и военныя экзекуціи. Мы знаемъ, что Екатерина не любила колебаній въ политикѣ.

Другимъ тяжелымъ ударомъ, который дѣйствительность нанесла гуманнымъ намѣреніямъ императрицы, было отношеніе наказовъ къ ея попыткамъ смягчить уголовную процедуру. Уже въ 1763 г. Екатерина посѣщила распорядиться, чтобы въ случаѣ сознанія преступника судьи не пытали его (для открытія сообщниковъ или другихъ преступленій, въ которыхъ онъ не обвинялся) и чтобы вообще чиновники мелкихъ городовъ («приписныхъ») не прибѣгали къ пыткамъ. Изъ Новгородскаго, изъ Бѣлозерскаго, изъ Опочецкаго, изъ Чухломскаго уѣзда раздались въ отвѣтъ на это — требованія, чтобы

---

*) О настроеніи крестьянъ послѣ манифеста Петра Ш о вольности дворянства см. Очерки, I

пытать по старому, и заявленія, что «избѣжать не можно, дабы не узаконить жесточайшихъ и безпошальныхъ истязаній». Алатырское дворянство поясняло императрицѣ, что только «просвѣщенный и политизованный народъ» можетъ сознаваться безъ пытки, «а Россійскій народъ, когда который сдѣлается злодѣемъ, то уже такое окамененное сердце и духъ сугубый имѣетъ, что не только священнику, но и въ розыску, когда его пытаются, правды не скажутъ». И полуграмотное танковское дворянство коснѣющимъ языкомъ лепетало вслѣдъ за другими: «а въ случаяхъ по законамъ Ея императорскаго величества осудившихъ наказанія публичнаго кнута и смертные казни благоговедно было чинить вѣтрахъ другимъ вѣтѣхъ местахъ, где кто какое злодѣйство учинили, въ селахъ и деревняхъ... чтобъ всѣ въ сотни и приходѣ на ту экзекуцію къ тому дню сходились и всѣ неотмѣнно были во объявленное мѣсто для усмотрѣнія преступниковъ и злодѣевъ наказанія и казни... чтобъ лучше можно чрезъ тотъ страхъ искоренить беззаконныхъ злодѣевъ... что можетъ страхъ и слухъ зараженнымъ въ сердцахъ преступникомъ находится въ глазахъ ихъ быть можетъ наказаніе ихъ понятно каждому»...

Увы, на этотъ разъ крики русской провинціи должны были напомнить Екатеринѣ первоначальный текстъ Беккарія, смягченный ею въ § 208 ея Наказа: «На очерствѣлыя души народа, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія, нужно дѣйствовать впечатлѣніями болѣе сильными и чувствительными; нуженъ ударъ грома, чтобы поразить льва, ибо выстрѣлъ изъ ружья можетъ только раздражить его. Но по мѣрѣ развитія народа *въ условіяхъ общежитія* — возрастаетъ и впечатлительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна ослабиться строгость наказаній». Призванная къ отвѣту императрица могла бы тутъ отвѣтить только то, что она отвѣтила Сумарокову на его замѣчаніе, что «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ»: «и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи». Такъ, самъ собой возникалъ вопросъ, что отъ чего зависитъ: переменна «условіи общежитія» отъ развитія «благородныхъ чувствій», или, наоборотъ, развитіе «чувствій» отъ перемены «нынѣшняго состоянія». Екатерина пока оставалась при либеральномъ мнѣніи: «тѣла» надо освободить прежде «душъ».

Наша характеристика положенія, опредѣлившаго участь Комиссіи объ Уложеніи, была бы неполна, если бы мы вовсе обошли молчаніемъ ту область дѣйствій Екатерины, въ которой ей было легче рѣшиться на выборъ между «интересомъ» и «справедливостью». Я разумѣю сферу внѣшней политики.

Какъ извѣстно, пути внутренней и внешней политики Екатерины пересѣклись. Комиссія была закрыта (точнѣе, отсрочена), потому что началась первая турецкая война, поглотившая все вниманіе императрицы. Въ новой сферѣ дѣятельности вкуса и стремленія Екатерины нашли болѣе легкое и благодарное примѣненіе. Слава завоевательницы оказалась менѣе тернистой, чѣмъ законодательныя лавры. *Вино* силы здѣсь было легче сдѣлать источникомъ силы. Вотъ почему царствованіе, начавшееся демонстративнымъ торжествомъ критическихъ идей, повернуло, затѣмъ, на путь завоевательной политики.

Конечно, и здѣсь Екатерина примыкала къ предшествовавшей традиціи. Она завершала задачи, поставленныя еще московской политикой XV вѣка. Цѣли, дѣйствительно, были тѣ же. До поразительнаго сходны были отчасти и средства: я разумѣю поддержку въ Польшѣ православной партіи, достаточно слабой, чтобы она не могла держаться собственными средствами и служила постояннымъ предлогомъ къ рускому вмѣшательству. Казалось, Екатеринѣ самъ собою свалился плодъ, созрѣвшій вѣками. Въ дѣйствительности, однако же, это было не совсѣмъ такъ. Нѣкоторые изслѣдователи даже утверждаютъ, что Екатерина протянула руку къ плоду еще несозрѣвшему и, благодаря этому, оторвала лишь часть отъ цѣлаго. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что ея личное вліяніе (точнѣе, вліяніе сперва Орлова, затѣмъ Потемкина) во внешней политикѣ сказалось чрезчуръ сильно. Главный результатъ разыгравшейся страсти къ захватамъ былъ — ускореніе *темпа* событій, создавшее очень неблагопріятную обстановку для рѣшенія поднятыхъ вопросовъ. Ихъ было поднято слишкомъ много заразъ, а дальнѣйшія перспективы переходили въ полную утопію. «Горячая голова» сказалась и здѣсь. Осторожности и медленности — двухъ главныхъ чертъ старой московской политики, совсѣмъ не было въ политикѣ Екатерины.

Напомнимъ, для большей наглядности, быструю смѣну событій, въ предѣлахъ интересующаго насъ теперь промежутка времени. Екатерина дебютируетъ въ политикѣ мирными намѣреніями. Въ нихъ уже таится будущая воинственная программа, такъ какъ очень скоро обнаруживается, что поддержаніе мира есть въ глазахъ Европы *новая цѣль самостоятельной* русской политики, разрывающая съ системой старыхъ союзовъ и начинающая новую эру въ международномъ положеніи Россіи. Екатерина втягивается, затѣмъ, стихійно въ колею старой московской политики. Первые, слишкомъ легкіе успѣхи отуманиваютъ ей голову. Достигнутыя чрезчуръ неразборчивы-

ми средствами побѣды въ вопросѣ о диссидентахъ ставятъ въ затрудненіе само правительство. Оно не можетъ удержаться на занятой позиціи, лицомъ къ лицу съ встревоженными или злорадствующими державами и національнымъ возбужденіемъ въ Польшѣ, раздраженной русской безцеремонностью. «Сила наша все можетъ, — такъ характеризуетъ это положеніе самъ исполнитель русской политики, кн. Реннинъ, изъ Варшавы. — но не только тѣмъ не утвердимъ довѣренность націи къ намъ и нашу здѣсь инфлюенцію, но, напротивъ, всеѣмъ оныя разрушимъ, оставя въ сердцахъ рану всѣхъ резонабельныхъ и достойныхъ людей, которые одни только и могутъ черезъ свой разумъ націей предводительствовать... Такое мнѣніе произведетъ, натурально, крайнюю недовѣрку и сильно слѣдственно будетъ препятствовать къ собранію намъ, въ независимую ни отъ кого, кромѣ насъ, партію, надежныхъ и достойныхъ людей, на коихъ бы мы характеръ и на ихъ въ народѣ инфлюенцію полагаться могли. Если же нашу партію соберемъ изъ людей, кои почтенія въ націи не имѣютъ, то они намъ болѣе будутъ въ тягость, нежели въ пользу, не имѣя никакого кредита: и тако принуждены будемъ все дѣлать единственно силою. Изъ сего же произойдетъ, что при первомъ случаѣ, при коемъ аттенція наша или силы отвращены будутъ въ другую сторону, то Польша, по безсилію только снося строгость нашего ига, тѣмъ воспользоваться захочетъ, дабы онаго избавиться... Изъясняя сіе, осмѣлюсь предложить, что наши интересы, на время какого-либо замѣшательства съ Портой, требуютъ, чтобы мы заранее въ Польшѣ внутренній порядокъ установили, дабы при надобности можно намъ было ей дать ту силу, которую заблигоразсудимъ... а иначе она намъ полезна быть не можетъ».

Эти слова оказались пророческими. Ближайшія послѣдствія осужденной Реннинымъ политики не замедлили сказаться. Замѣшательства въ Польшѣ склонили гузокъ къ объявленію войны. Россія предвидѣла ее, но тщетно старалась предупредить -- и должна была вести, не успѣвъ приготовиться, какъ слѣдуетъ. Екатерина не унывала. Недостатокъ войскъ она восполнила знаменитымъ напominiаніемъ Румянцеву: «не спрашивали римляне, въ какомъ числѣ противъ нихъ непріятель, но гдѣ онъ». Румянцевъ оказался на высотѣ задачи: Ларга и Кагуль выручили императрицу и оправдали претензіи русскихъ дипломатовъ. Но это были эффекты минуты, а годы проходили, и русскія войска, несмотря на блестящее начало, не могли двинуться отъ Дуная вглубь страны: не выручала и римская доблесть. Несмотря на это, предъявленныя нами къ Турціи требованія были такъ высо-

ки, что, вопреки собственному желанію заключить миръ, Порта тянула войну. Наконецъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Екатерина принуждена была пополнить итоги турецкой войны вознагражденіемъ отъ Польши — и для этого согласиться на участіе въ дѣлѣ другихъ сосѣднихъ державъ. Такимъ образомъ, результатомъ злоупотребленія русской силой въ Польшѣ оказалась поспѣшная ликвидація польскаго вопроса европейскимъ концертомъ.

Ко времени открытія засѣданій Комиссіи съ Уложеніи, лѣтомъ 1767 года, о такомъ вынужденномъ исходѣ русскихъ дипломатическихъ побѣдъ въ Польшѣ никто еще не думалъ. Европа, казалось, преклонилась передъ неожиданнымъ откровеніемъ русскаго могущества. Внутри государства положеніе императрицы тоже окрѣпло. Послѣ крушенія брачнаго проекта Орловыхъ, вызвавшего раздраженіе противъ нихъ въ средѣ гвардейскаго офицерства, Григорій Орловъ не могъ уже импонировать Екатеринѣ своимъ вліяніемъ на круги, возведшіе ее на престолъ. Претензіи Панина на власть были ловко устранены его приближеніемъ, — какъ Екатерина впоследствии готова была посовѣтовать Людовику XVI поступить съ Лафайетомъ. Репутація просвѣщенной законодательницы, о которой мечтала Екатерина, была заранѣе обезпечена ей Вольтеромъ. Наконецъ, «довѣріе и любовь народа», которую Екатерина рассчитывала пріобрѣсти вниманіемъ къ «народному благу» и «справедливостью», оказывались традиціонной принадлежностью высокаго званія, которое она носила: Екатерина не знала сердиться ей или умиляться, когда во время путешествія деревенскія бабы ставили передъ ней свѣчи, крестились и клали земные поклоны. Словомъ, значительная часть виѣшнихъ побужденій къ мудрому законодательству отпала какъ разъ къ тому времени, когда легкій успѣхъ началъ отвлекать вниманіе императрицы къ дѣламъ виѣшней политики. Дѣйствія Комиссіи открывались при этомъ новымъ настроеніи, очень не похожемъ на то, когда эта Комиссія была затѣяна.

Комиссія оказалась громоздкой, сложной и грудно управляемой машиной. Она дѣлала очень серьезное дѣло — и дѣлала его очень солидно. Но это было не совсѣмъ то дѣло, для котораго прочила ее императрица. Настроеніе собранія оказалось очень дѣловое, и уровень дѣловой подготовки, пониманія собственныхъ интересовъ обнаружился очень высокій. Но за то идеологія была рѣдкимъ исключеніемъ среди членовъ. И однако же, вывести отсюда, какъ вывелъ сынъ маршала Комиссіи, Бибікова, что «умы большей части депутатовъ не были еще къ тому приготовлены и весьма далеки отъ той степени

просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу, было бы несправедливо. Краткая характеристика споровъ и взглядовъ собранія намъ это покажетъ.

Первое, что насъ интересуетъ, когда мы раскрываемъ обстоятельныя протоколы засѣданій Комиссiи, — это та роль, которую играла извѣстная намъ дворянская интеллигенція въ ея дѣятельности. Мы видимъ, дѣйствительно, въ составѣ членовъ Комиссiи почти всѣ тѣ имена, съ которыми, семью годами раньше, мы встрѣтились на страницахъ первыхъ русскихъ журналовъ. Но насъ ждетъ большое разочарованіе. Въ Комиссiи *первая* роль принадлежитъ совсѣмъ не этому цвѣту дворянской молодежи. Она держится крайне сдержанно, говоритъ рѣдко, въ принципиальныхъ вопросахъ большею частью молчитъ и какъ бы систематически избѣгаетъ высказываться. Ближайшее объясненіе можно искать въ томъ, что, занимая часто высокія придворныя и правительственныя должности, дворянская интеллигенція чувствуетъ себя въ Комиссiи, какъ дома, и уступаетъ мѣсто гостямъ. Но тутъ есть и другой оттѣнокъ. Столичные дѣятели, видимо, лучше посвящены въ закулисную исторію Комиссiи. Они выступаютъ, только когда это нужно по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ, и предоставляютъ провинціаламъ вести горячія принципиальныя пренія, отъ которыхъ все равно не ждутъ важныхъ практическихъ послѣдствій. Бываютъ, однако же, случаи, когда и они считаютъ нужнымъ высказаться и даже снисходятъ до полемики съ рядовыми членами собранія. Въ такихъ случаяхъ представители перваго русскаго интеллигентнаго поколѣнія разочаровываютъ насъ еще болѣе. Если они высказываютъ либеральныя мысли, почти всегда можно предположить, что они хотятъ быть угодными императрицѣ, или прямо исполняютъ ея секретное порученіе. Если же они говорятъ отъ себя, то ихъ рѣчи почти всегда сводятся къ осторожной защитѣ дворянскихъ притязаній во всей ихъ широтѣ. Время, очевидно, успѣло охладить ихъ порывы. Мы узнаемъ здѣсь поколѣніе, занимавшееся журналистикой для собственной забавы (см. предыдущій очеркъ) и внесшее въ отвлеченную теорію естественнаго права практическія поправки. Мы начинаемъ понимать, почему поколѣніе пятидесятыхъ годовъ не записало своихъ именъ въ исторіи русской общественности и совершенно исчезло изъ памяти потомства. Чтобы найти ихъ имена, надо перерыть словарь Новикова, записку Дмитревскаго. Но и тамъ мы узнаемъ только, что всѣ эти камеръ-юнкеры и сановники когда-то въ своей молодости подавали надежду. Объ исполненіи надеждъ не говорится ни слова.

Отказавшись отъ активной идейной пропаганды, интеллигентные дворяне, однако, чувствуютъ неловкость открытой защиты сословныхъ привилегій. Принципіальными и безусловными защитниками дворянства являются въ Комиссіи другіе люди. Они приближаются къ одному изъ двухъ крайнихъ типовъ: князя Щербатова, единственнаго теоретика аристократіи, который съ жаромъ и зигніемъ полемизируетъ противъ афишированнаго либерализма императрицы, но въ тонъ ея тайнымъ симпатіямъ къ «древнимъ фамиліямъ», — или закоренѣлаго провинціала Михайлы Глазова — прототипа Маркова второго, — который не можетъ говорить безъ брани и увеселяетъ собраніе своими яростными выходками и безтолковой аргументаціей.

Главное оживленіе и интересъ преніямъ придаетъ присутствіе въ собраніи многочисленной антидворянской группы городскихъ депутатовъ. Трудно сказать, насколько это вышло намѣренно, — но этихъ представителей средняго рода людей оказалось въ Комиссіи больше, чѣмъ дворянскихъ депутатовъ (207 противъ 160). Дѣло шло для нихъ о самыхъ жизненныхъ интересахъ, затронутыхъ претензіями дворянства. Уже проектъ, выработанный предыдущей Комиссіей, сильно стѣснялъ торгово - промышленный классъ въ пользу дворянства. Теперь, изъ наказовъ и мифій екатерининскихъ депутатовъ городскіе депутаты «съ прискорбіемъ усмотрѣли, что русскому купечеству готовится большое отягощеніе», и приготовились къ серьезной борьбѣ. Сильный подъемъ промышленной жизни во время Екатерины (см. «Оч.», т. II, 2) отчасти обострилъ, отчасти создалъ вновь антагонизмъ между торгово-промышленнымъ и земледѣльческимъ классомъ. Въ деревнѣ значительно развился отхожій промыселъ, кустарничество, скупка и перепродажа крестьянами - кулаками крестьянскихъ продуктовъ. Борьба шла здѣсь за роль скупщика, которую купцы хотѣли отнять у крестьянъ, а крестьяне — удержать за собой. Въ обратномъ направленіи, отъ города къ деревнѣ, развивалась посредническая роль мелочного торговца. По всѣмъ правамъ она принадлежала купечеству, но постоянно ускользала отъ него, благодаря сельскимъ ходябщикамъ и ярмарочнымъ торговцамъ. Въ обоихъ случаяхъ закрѣпить посредническую роль въ торговлѣ за *крестьянами* — являлось прямой выгодой для ихъ владѣльцевъ. Они облагали такихъ крестьянъ-торговцевъ высокимъ оброкомъ или вкладывали въ ихъ торговлю собственный капиталъ. Покитно, почему дворянскіе депутаты, не щадившіе красокъ для изображенія лѣности, распущенности и всевозможныхъ пороковъ своихъ крѣпост-

ныхъ крестьянъ. вдругъ становились ихъ горячими защитниками противъ нападеній купечества и начинали въ такихъ же яркихъ краскахъ — даже съ «великимъ движеніемъ духа» — изображать печальное положеніе крестьянства. Существовалъ и другой пунктъ, на которомъ интересы дворянства и купечества сталкивались уже непосредственно. Какъ только фабричное производство начало приносить выгоды, появилась масса фабрикъ, основанныхъ помѣщиками и работавшихъ крѣпостнымъ трудомъ. Петровскою помѣщичьей фабрикою эта помѣщичья крѣпостная фабрика грозила серьезнымъ подрывомъ. Вотъ почему въ вопросѣ о владѣніи фабриками загорѣлась особенно оживленная перестрѣлка въ Комиссіи. Обѣ стороны требовали запрещеній и не могли сойтись ни на какомъ компромиссѣ. Одно это обстоятельство располагало горюжанъ къ постоянной и настойчивой оппозиціи противъ требованій дворянства.

Была еще группа въ Комиссіи, не такая многочисленная, какъ предыдущая, и не такая однородная по своимъ интересамъ: она занимала промежуточное положеніе, примыкая по разнымъ вопросамъ то къ той, то къ другой изъ предыдущихъ группъ. Это были однокоренники и другіе мелкіе служилые люди. Противъ дворянства ихъ настраивала претензія послѣднихъ — отгородиться высокою стѣною монаршаго пожалованія отъ массоваго вторженія въ дворянскую среду всевозможныхъ разночинцевъ путемъ выслуги чина. Но та же надежда сдѣлаться самимъ дворянами отчасти и сближала эту группу съ дворянствомъ. Противъ купечества ихъ возстановляло желаніе послѣдняго отобрать и у разночинцевъ всякіе торги и промыслы. Разночинцамъ доходы отъ промышленныхъ занятій были, между тѣмъ, еще нужнѣе, чѣмъ крестьянамъ; здѣсь количество лицъ, потерявшихъ землю и принужденныхъ кормиться промыслами, было гораздо больше.

Въ одномъ только вопросѣ представители разныхъ сословій оказались единодушны между собой и согласны съ взглядами императрицы. Остзейскіе, финляндскіе, малороссійскіе и смоленскіе депутаты пріѣхали въ Комиссію съ намѣреніемъ — не считать русскаго дѣла своимъ собственнымъ. «Блаженству всѣхъ и cadaго» они предпочитали сохраненіе старыхъ привилегій, укрѣпленныхъ за ними договорами, на основаніи которыхъ они присоединены были въ свое время къ Россіи. Екатерина ясно понимала, въ чемъ дѣло, и давно уже составила себѣ опредѣленный планъ дѣйствій. «Нарушить (привилегіи) отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ — весьма непристойно бы было, однакожъ и называть ихъ чужестранными... есть больше неже-

ли ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупостью... Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли». Эти слова инструкціи генераль-прокурору написаны въ 1764 г. Но въ Комиссіи Екатерина должна была говорить другимъ языкомъ. Она обидѣлась за свои просвѣщенныя принципы. «Чтобъ лифляндскіе законы лучше были, нежели наши будутъ, — тому стать нехотѣла; ибо наши правила само человеколюбіе писало, а они правилъ показать не могутъ, и сверхъ того нѣкоторые изъ узаконеній наполнены невѣжествами и варварствами. И такъ, предохраняя себя, торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобы насъ смертию казнили, мы просимъ пытокъ, мы просимъ, чтобы отъ непрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены... Просвѣщенному свѣту останется судить о подобныхъ неистовствахъ». Такія мысли Екатерина распорядилась внушить въ Комиссію «кому благоугодно», а лучше, если бы былъ кто-нибудь изъ знати». Однако же тонкая работа императрицы не понадобилась. Собраніе было обижено требованіями окраинныхъ депутатовъ не меньше императрицы. Но выразило оно эту обиду грубѣе и откровеннѣе. «Побѣжденные» не должны имѣть преимущества надъ «побѣдителями»: а государь можетъ сдѣлать, что хочетъ; слѣдовательно, законы должны быть одинаковы для всѣхъ. Такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація ораторовъ въ собраніи. Екатерина не могла не почувствовать, какъ эти депутаты, тормозя всѣ планы ея, когда дѣло шло о политикѣ внутренней, готовы были развязать ей руки и сами шли дальше ея въ національномъ вопросѣ. Это было предвкусеніемъ того успѣха, который ожидалъ императрицу въ мнѣніи общества, какъ только свои мечты и усилія она перенесетъ въ область вѣршней политики.

Такова была эта сложная среда. Она не была приспособлена, быть можетъ къ осуществленію задачъ Екатерины, но очень способна и готова стремиться къ осуществленію своихъ собственныхъ. Разъ государыня «удостоила» депутатовъ «не только объявлять о своихъ нуждахъ, но и быть еще судьями разсматриваемыхъ общенародныхъ дѣлъ», — они, конечно, не считали «возможнымъ гражданину умолкнуть». Довольно естественно, конечно, что обсужденіе «общенародныхъ дѣлъ» они вели съ точки зрѣнія своихъ групповыхъ интересовъ. Это-то и лишило возможности императрицу и ея депутатовъ сговориться другъ съ другомъ.

Черезъ свою интеллигенцію императрица не разъ пыталась навести собраніе на обсужденіе интересовавшихъ ее вопросовъ: о пыт-

къ и крѣпостномъ правѣ. Но первый вопросъ почти не нашелъ отклика среди депутатовъ. — если только не считать нѣсколькихъ случайныхъ обмолвокъ провинціаловъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній. Это вызвало со стороны дворянской интеллигенціи рѣзкіе призывы къ порядку и проиническія напоминанія объ идеяхъ Наказа. По вопросу о крѣпостномъ правѣ и объ ограниченіи помѣщичьей власти застрѣльщикомъ выступилъ тоже одинъ интеллигентный дворянинъ. — провинціалъ Коробьинъ, какъ кажется, инспирированный властью *). Въ пику дворянству, депутаты другихъ сословій отнеслись къ Коробьину довольно сочувственно. Но со стороны дворянства поднялась такая буря, которая должна была еще разъ убѣдить Екатерину, что самыя скромныя попытки ея въ вопросѣ о крѣпостныхъ натолкнутся на самое упорное сопротивленіе. Екатерина сдѣлала, однако, еще попытку. Въ проектѣ о правахъ благородныхъ, выработанный частной комиссіей, введено было глухое указаніе на возможность устройства новаго типа «свободныхъ деревень». Ихъ предполагалось снабдить разными льготами по правовому положенію. Но дворянство, и именно интеллигентное, на этотъ разъ предпочло не понять намека, дѣйствительно не особенно яснаго.

На разборѣ «проекта правъ благородныхъ» главныя сословныя группы собранія дали, наконецъ, другъ другу генеральное сраженіе. Оно должно было наглядно показать императрицѣ, что можно и чего нельзя добиться отъ Комиссіи. Уже первая попытка маршала Бибикова — ограничить собраніе *суммарной* оцѣнкой проекта — вызвала протестъ со стороны обѣихъ боровшихся другъ съ другомъ группъ. Небольшая группа дворянъ-писателей и интеллигентовъ коротко, но рѣшительно попросила «времени на размышленіе». Представители разночинцевъ, интересы которыхъ особенно были задѣты проектомъ, еще настойчивѣе просили «дозволить: если оный (проектъ) естествененъ съ положеніемъ нашего государства, *а, что больше, — если согласенъ съ естественнымъ разсужденіемъ* (изъ него разночинцы выводили требованіе о равенствѣ всѣхъ дворянъ!), — то подтвердимъ и постановимъ оный непоколебимымъ. А если, напротивъ того, найдемъ въ немъ что-нибудь такое, которое для всего отечества и общаго спокойствія можетъ быть вредно, о томъ подагъ намъ свои

---

*) Коробьину Екатерина и потомъ поручала защиту «правъ благородныхъ». Онъ голосовалъ часто вмѣстѣ съ близкой къ престолу дворянской интеллигенціей.

примѣчанія». Маршалъ уступилъ, и рѣшительная борьба началась. Въ ней снова были подняты всѣ затруднительные вопросы, и вновь возникли, вмѣстѣ съ ними, всѣ серьезные разногласія, раздѣлявшія депутатовъ. Но теперь боровшіяся партіи сосчитались и выступали сплоченными группами. Интеллигентное дворянство, защищавшее привилегіи, выставило своимъ лидеромъ Алексѣя Нарышкина, извѣстнаго намъ сотрудника херасковскихъ журналовъ. За нимъ по всѣмъ вопросамъ, крупнымъ и мелкимъ, шла тѣсная группа въ 36 человекъ. Гораздо импозантиѣе были группы разночинцевъ и горожанъ, боровшіяся за доступъ въ дворянство и за охрану торгово-промышленной дѣятельности отъ дворянскихъ фабрикъ и крестьянскихъ кулаковъ. Не могло быть рѣчи о дальнѣйшемъ соглашеніи по существеннымъ вопросамъ въ собраніи, гдѣ численное преобладаніе принадлежало непримиримымъ противникамъ «правъ благородныхъ». Настроеніе этого большинства и невозможность идти съ нимъ въ желательномъ для правительства направленіи особенно ярко сказались въ исторіи одной баллотировки, которая по началу казалась совершенно случайной, а своимъ исходомъ, можетъ быть, оказала рѣшительное вліяніе на судьбу комиссіи.

Въ засѣданіи 7-го августа 1768 г. дворянскій депутатъ кн. Иванъ Вяземскій выступилъ съ предложеніемъ, по виѣшности примирительнымъ. Онъ находилъ, что проектъ дворянскихъ правъ ничего не отниметъ у тѣхъ, кто *въ данную минуту* чѣмъ-либо владѣтъ, что всѣ дослужившіеся «до сего времени» разночинцы, несомнѣнно, попадутъ въ дворяне и что остается ходатайствовать у императрицы о «разборѣ дворянства» и о составленіи общаго дворянскаго списка. Но въ понятіи интеллигентнаго дворянства «разборъ» соединялся съ разграниченіемъ дворянъ по разрядамъ и съ закрытіемъ дальнѣйшаго доступа къ дворянству. Предложеніе Вяземскаго, несомнѣнно, было неиспировано императрицей. Но внесено оно было, какъ многія такія же внушенныя предложенія, такъ осторожно, что въ началѣ не возбудило ничьего особеннаго вниманія. Это-то, однако, и оказалось опаснымъ для исхода предложенія. Въ концѣ слѣдующаго засѣданія, выслушавъ совершенно резонныя соображенія двухъ городскихъ депутатовъ, что составленіе списковъ есть дѣло герольдии, что собраніе должно лишь установить *правила* полученія дворянства, а не заботиться о томъ, *кто* попадетъ въ дворянство и кто нѣтъ; что, наконецъ, предложеніе Вяземскаго явно двусмысленно и клонится къ устраненію чиновниковъ и офицеровъ отъ дворянства, — разночинцы и горожане большинствомъ 102 голосовъ противъ 18 провалили предложеніе Вяземскаго.

Тогда въ слѣдующее засѣданіе явились отсутствовавшіе въ предыдущемъ члены интеллигентной дворянской группы и въ ихъ числѣ такіе рѣдкіе гости Комиссіи и близкіе люди императрицы, какъ Григорій Орловъ, Козницкій, Левъ Нарышкинъ. Предложеніе Вяземскаго было поставлено вновь, подъ тѣмъ неловкимъ предлогомъ, что герольдія требуетъ списковъ у Комиссіи, а Комиссія сама не можетъ ихъ сообщить и должна всеподданнѣйше испросить ихъ у государыни. Подъ предложеніемъ Вяземскаго подписались 140 человекъ, съ томъ числѣ до десятка татаръ. Новая баллотировка назначена была на слѣдующее засѣданіе. Передъ баллотировкой маршалъ пригласилъ депутатовъ къ особому размышленію и «во время самой раздачі шаровъ не преминулъ наки напоянуть, чтобы тѣ клали шары на лѣвую сторону, которые согласны съ Вяземскимъ». Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій и напояній нашлось всетаки 158 дерзкихъ смѣльчаковъ, которые предпочли лѣвую сторону правой. За Вяземскаго было подано 242 голоса.

Отсрочка засѣданій Комиссіи, четыре мѣсяца спустя, конечно, не стояла въ прямой связи съ только что описаннымъ инцидентомъ. Для этого былъ вполне приличный предлогъ. Изъ 160 дворянскихъ депутатовъ, 92 должны были отправиться къ дѣйствующей арміи, чѣмъ достаточно мотивировался перерывъ въ занятіяхъ Комиссіи. Но эпизодъ съ Вяземскимъ долженъ былъ показать, что Комиссія совсѣмъ не годится, какъ *machine à voter*. Какъ источникъ свѣдѣній о положеніи государства, «съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пенсией должно», — она уже сдѣлала свое дѣло. Дѣловыми свѣдѣніями и рабочею силой депутатовъ гораздо удобнѣе было пользоваться въ многочисленныхъ частныхъ комиссіяхъ, выбранныхъ «Большою». Такимъ образомъ, созывъ вновь Большой Комиссіи былъ бы только стѣснителемъ для личной инициативы императрицы. А мы знаемъ, что этой инициативой она не имѣла желанія поступиться, особенно теперь, когда убѣдилась въ упорствѣ, съ какимъ различныя сословныя группы защищаютъ свои интересы. Эра «блаженства всѣхъ и каждого» кончилась. Когда у Екатерины вернется вкусъ къ законодательству, она будетъ искать иныхъ авторитетовъ и поставитъ себѣ иные, болѣе скромныя цѣли (см. 375 и слѣд.). Но она всегда будетъ помнить о неудачѣ своего «просвѣщеннаго» законодательства, когда обстоятельства столкнутъ ее съ прямыми проявленіями русской общественной самодѣятельности.

Кромѣ общихъ сочиненій Соловьева (томы XXV - XVIII или V и VI компактнаго изданія), Брикнера (Исторія Екатерины Второй, изд. А. Суворина, съ рисунками, Спб. 1885) и Бильбасова (два тома до 1764 года), см. также двухтомную характеристику личности Екатерины и ея сотрудниковъ. *К. Waliszewski*. Le roman d'une impératrice и Autour d'un trône. По случаю столѣтняго юбилея появился рядъ характеристикъ, принадлежащихъ проф. **В. О. Ключевскому**, Императрица Екатерина II (Русская Мысль, 1896, XI); **В. С. Иконникову** (Значеніе царствованія Екатерины II, Кіевъ, 1897; см. его же Страница изъ исторіи Екатерининскаго Наказа, объ отміѣнѣ пытокъ въ Россіи); **Г. Перетятковичу** (Значеніе царствованія Екатерины II въ русской исторіи, Одесса, 1897); **А. С. Лаппо-Данилевскому** (Очеркъ внутренней политики Екатерины II, Спб., 1898); **А. А. Кизеветтеру** (Историческое значеніе царствованія Екатерины Великой въ Образованіи, 1896, № 11). О современной французской литературѣ см. **Тэнъ**, Происхождение современной Франціи, т. I; **Лансонъ**, Исторія французской литературы, т. II, М. 1898; **Сорель**, Монтескье (два перевода подъ ред. Н. Карѣва и П. Виноградова); **Морлей**, Вольтеръ, перев. подъ ред. Кирпичникова, М. 1889 и **Штраусъ**, Вольтеръ, изд. «Книжного Дѣла», М. 1900. Собственно-ручныя замѣтки Екатерины до 1762 года изданы въ «Бумагахъ императрицы Екатерины II» академикомъ **Пекарскимъ**, т. I, Спб. 1871 (7-й томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества). Текстъ книги Беккариа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» сопоставленъ съ текстомъ Наказа въ книгѣ **С. Заруднаго** (Б. о пр. и нак. Спб., 1879). Гравюра по случаю изданія Наказа издана въ Исторіи Екатерины Брикнера. Наказы депутатовъ Екатерининской Комиссіи напечатаны въ томахъ IV, VIII XIV XXXII, LXVІІІ и XCІІІ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Протоколы засѣданій Большой Комиссіи — въ первыхъ половинахъ тѣхъ же томовъ (кромѣ послѣднихъ двухъ). Содержаніе дворянскихъ наказовъ изложено въ статьѣ **С. Б(рюлловой)**, «Вѣстн. Евр.», 1876, № 12: Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху. Болѣе подробное изложеніе дворянскихъ и городскихъ наказовъ, въ сопоставленіи съ законодательными мѣрами, см. въ «Законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи въ XVIII в.», **В. Н. Латкина**, т. I, Спб. 1887. Тамъ же и исторія предыдущихъ комиссій. Общая характеристика дѣятельности Комиссій см. у **Сергѣевича**, Лекціи и изслѣдованія, Спб. 1885, и **Дитяткина**, Екатерининская Комиссія, въ Статьяхъ по исторіи русскаго права, Спб. 1896. Новыя работы **А. В. Флоровскаго**: Законодательная комиссія 1767 г., Одесса, 1913 и Крестьянскій вопросъ въ Наказѣ 1767 г., Одесса 1912. Отношеніе Екатерины къ крестьянскому вопросу, см. въ Крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи, **В. И. Семевского**, т. II, Спб. 1888. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины, 1762-1774, по русскимъ источникамъ,

характеризована Н. Д. Чечулинымъ, Спб. 1896. Докладъ князя Репнина, см. въ Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LXXXVII (1893). См. также *Albert Sorel, La question d'Orient au XVIII siècle (le partage de la Pologne et le traité de Kaïnardji)*, Paris, 1899 и общія работы по исторіи эпохи французской революціи Зибеля и Сореля.

IV

Первыя расхожденія общественнаго мнѣнія съ властью

Характеръ второго фазиса просвѣтительной дѣятельности Екатерины. — Екатерина и европейское общественное мнѣніе этихъ годовъ — Дидро, какъ его представитель — Его впечатлѣнія въ Россіи, уклончивость объясненій Екатерины. — Его проектъ политической реформы. — Отношеніе его и Екатерины къ религіозному вопросу. — Ультиматумъ Дидро и общее впечатлѣніе императрицы. — Послѣдствія его для вопроса о переизданіи «Энциклопедіи» въ Петербургѣ. — Екатерина и русское общественное мнѣніе — «Исправленіе нравовъ» занимаетъ мѣсто философскаго законодательства. — Попытка изданія нравовоспитательнаго журнала (Всякая Всячина). — Отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія въ другихъ органахъ и полемика императрицы съ этими органами. — Соціальная сатира Трутня и отношеніе къ ней журнала Екатерины — Споръ о границахъ, приемахъ и цѣляхъ публицистики. — Нейтральная почва въ восхваленіи «древнихъ» добродѣтелей русскихъ, въ нападкахъ на французomanію. — Происхожденіе націоналистическаго протеста и каррикатурныхъ типовъ сатирическихъ журналовъ. — Новиковъ пробуетъ стать на почву націоналистической каррикатуры въ «Живописцѣ». — Неудачный опытъ восхваленія національных добродѣтелей въ «Кошелекѣ». — Характеръ лучшихъ журналовъ 1769-1774 гг. — Роль публициста при Екатеринѣ

Мы переходимъ теперь ко второму фазису въ развитіи просвѣтительныхъ идей Екатерининскаго времени. Передовая мысль Европы шагнула къ этому времени далеко впередъ сравнительно съ эпохой молодости Екатерины. Напротивъ, Екатерина успѣла «обжечь себѣ пальцы» на первыхъ опытахъ осуществленія идей своей молодости. «Духъ времени» ушелъ впередъ: духъ власти подался назадъ. Такимъ образомъ, разрушилась та кажущаяся гармонія между тѣмъ и другимъ, которою характеризовался первый періодъ дѣятельности Екатерины. Съ своимъ практическимъ умомъ, императрица очень скоро отдала себѣ ясный отчетъ въ этомъ внутреннемъ противорѣчій принятой на себя роли. Но отдавать въ этомъ отчетъ другимъ, разумѣется, не могло входить въ ея планы. Такимъ образомъ, самой характерной

чертой второго фазиса явилось *недоразумѣніе* со стороны общественнаго мнѣнія и фальшь со стороны власти. Общественное мнѣніе Европы ждало отъ Екатерины логическихъ выводовъ изъ первыхъ шаговъ ея реформаторской дѣятельности. Нарождавшееся общественное мнѣніе Россіи, призванное этими самыми шагами къ жизни и дѣятельности, только что собиралось заявить о себѣ. Оба оказались плохо освѣдомленными относительно истинныхъ намѣреній императрицы.

Результатомъ такого недоразумѣнія были первыя, болѣе или менѣе мягкія столкновенія императрицы съ общественнымъ мнѣніемъ. Одно изъ этихъ столкновѣній — съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, сохранялось, въ полномъ своемъ размѣрѣ, втайнѣ до очень недавняго времени. Я разумѣю разговоры императрицы съ Дидро, настоящимъ депутатомъ отъ передовой Европы въ Петербургѣ. Другое столкновѣніе, менѣе глубокое принципиально, но зато болѣе гидное для вѣхъ и чувствительное для Екатерины, — произошло у себя дома, въ русской литературной семьѣ. Оно было послѣдствіемъ попытки Екатерины — принять личное участіе въ русской журналистикѣ. Собственно, хронологическій порядокъ обоихъ этихъ столкновѣній былъ обратный сказанному (бесѣды съ Дидро — 1773 г.; столкновѣніе съ журналами — 1769 г.); но мы нарушимъ на этотъ разъ хронологію и начнемъ съ болѣе принципиальнаго столкновѣнія, чтобы кончить болѣе жизненнымъ.

Не было человека въ Европѣ, болѣе способнаго выоланить единственную въ своемъ родѣ миссію — делегата европейской литературной республики при русской императрицѣ, чѣмъ Дидро. Надо было стоять въ самомъ центрѣ просвѣтительнаго движенія и сдѣлать свое имя символомъ этого движенія въ глазахъ друзей и враговъ. Надо было имѣть за плечами шестьдесятъ лѣтъ и 28 томовъ «Энциклопедіи» — и при этомъ сбѣречь юношеское незнаніе людей и вѣру въ идею. Надо было обладать душевнымъ жаромъ и всѣми чарами увлекательной рѣчи и благородной прямоты обращенія. Словомъ, надо было такъ полно и цѣльно слить свою личность съ великой цѣлью просвѣтительнаго движенія, какъ это было у Дидро, чтобы обезоружить житейскій скептицизмъ Екатерины. Ей пришлось терпѣливо выслушать все то, что, нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ, отъ трехъ до пяти послѣ полудня, проповѣдовалъ ей Дидро въ длинныхъ и страстныхъ монологахъ, иногда переходившихъ въ оживленные споры*). Надо отдать справедливость

---

*) Собственно, Дидро прочелъ Екатеринѣ рядъ записокъ, иногда переходившихъ въ наброски и конспекты для устнаго изложенія.

Екатеринѣ: она выдержала свою роль великолѣпно. Ничѣмъ, ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ она не дала понять увлекающемуся философу, что передъ нимъ не совѣтъ то лицо, которое онъ создалъ себѣ въ своемъ богатомъ воображеніи**).

«Почему Россія управляется хуже Франціи?» спрашивалъ Екатерина ея собесѣдникъ. — и тотчасъ же отвѣчалъ самъ: «потому что свобода личности сведена здѣсь къ нулю, верховная власть слишкомъ еще сильна и естественныя права слишкомъ еще урѣзаны... Всякій произволь дурень: я не исключая и неограниченной власти добраго, твердаго, справедливаго и просвѣщеннаго государя». — Прінимаєте ли вы, что говорите съ неограниченнымъ государемъ», оспаривала философа императрица. — «Да, — горячо подхватывалъ Дидро, — но съ государемъ справедливымъ, твердымъ и просвѣщеннымъ...» «Такой государь пріучаетъ уважать и любить *всякаго* государя: онъ отнимаетъ у націи право судить, хотѣть или не хотѣть... Одно изъ величайшихъ несчастій, которое можетъ случиться съ свободнымъ народомъ, — это два или три царствованія подрядъ въ духѣ просвѣщеннаго деспотизма. Три такихъ государя, какъ Елизавета (англійская), и англичане были бы нечувствительно порабощены надолго». — И Екатерина кончала щекотливый разговоръ двусмысленнымъ согласіемъ: «я такъ полагаю (*je le crois*)»:

Четырнадцать лѣтъ спустя Екатеринѣ пришлось слушать болѣе ловкую свѣтскую лесть, обращавшуюся не къ «человѣку» въ ней, а къ «императрицѣ» и «женщинѣ». Патентованный куртизанъ, графъ Сегюръ, не могъ, конечно, сдѣлать ошибки — смутить ее наивнымъ удивленіемъ передъ имъ же выдуманными качествами и поставить ее въ неловкое положеніе какого-то небывалаго и невѣроятнаго «чуда» на престолѣ. Съ такимъ собесѣдникомъ Екатеринѣ было легче установить взаимное пониманіе, и вдвоемъ они слегка, шутя, вспомнили о непрактичномъ философѣ, навязывавшемъ императрицѣ свои безпочвенныя мечтанія*). Бѣдный философъ: онъ это предвидѣлъ и съ обыч-

---

**) «Я больше слушала его, чѣмъ говорила, — рассказывала Екатерина впослѣдствіи Сегюру; — кто засталъ бы насъ врасплохъ, могъ бы принять его за строгаго педагога, а меня за почтительную ученицу. Кажется, онъ и самъ такъ полагалъ». Задѣтое самолюбіе императрицы сказалось въ послѣдней фразѣ.

*) Въ разговорѣ съ Сегюромъ Екатерина арранжировала ходъ своихъ бесѣдъ съ Дидро такъ, какъ ей хотѣлось думать, что они происходили. Сперва она внимательно слушаетъ, потомъ сразу осаживаетъ философа

ной своей прямою самъ надъ собою шутить заранѣе. Было не совсѣмъ справедливо и совсѣмъ не великодушно ловить его на словѣ и отдѣлываться отъ его мечтаній простымъ повтореніемъ его же собственныхъ шутокъ. Если Екатерина замѣчала, что ея философъ говоритъ то какъ столѣтній старикъ, то какъ десятилѣтній ребенокъ, — то это вполнѣ объяснялось характеромъ Дидро. Въ кабинетѣ императрицы, какъ въ кружкѣ парижскихъ друзей, онъ отдавалъ себя всего и рѣшительно не умѣлъ удержать въ себѣ ни малѣйшей мысли, которая пробѣгала въ его плодовитомъ мозгу. Онъ сообщалъ «все, что приходило въ голову», и даже считалъ себя обязаннымъ дѣлать это передъ *своей* императрицей — давать ей всю свою мысль безъ прикрасъ, безъ обработки. Что-нибудь можетъ пригодиться ей изъ самыхъ бѣглыхъ намековъ, говорилъ онъ; а если и ничего не пригодится, она узнаетъ «мѣру» философовъ и сократитъ себѣ трудъ знакомства со всѣмъ ихъ родомъ. И знаменитая реплика Екатерины, которую она передала Сегюру, — о «все терпящей бумажѣ», на которой работаютъ философы, и «щекотливой человѣческой шкурѣ», на которой работаетъ императрица, — эта реплика теряетъ значительную часть своего эффекта, когда узнаемъ, что здѣсь лишь скопирована собственная скромная оцѣнка Дидро, нѣсколько разъ повторенная имъ передъ императрицей. «Ничего нѣтъ легче, какъ приводить въ порядокъ государство, лежа на подушкѣ. Тутъ все идетъ, какъ по маслу. А когда приходится приняться за самое дѣло, это уже нѣчто совсѣмъ другое». Или: «это своего рода забава для вашего величества — измѣрять разстояніе между философомъ-систематикомъ, который устраиваетъ благосостояніе общества у себя на подушкѣ, — и великой государыней, которая съ утра до вечера наталкивается, при попыткѣ осуществить малѣйшее благо, на всевозможныя препятствія, понимать которыя научаетъ лишь опытъ и которыя совсѣмъ не входятъ въ расчеты бѣднаго фило-

---

эффектной репликой и — «я убѣждена, что съ тѣхъ поръ онъ смотрѣлъ на меня съ состраданіемъ, какъ на узкій и вульгарный умъ; онъ говорил со мной послѣ того лишь о литературѣ, а политика была исключена изъ нашихъ бесѣдъ». *Dichtung* и *Wahrheit* здѣсь, какъ часто у Екатерины, — безнадежно перемѣшаны. Но ясно, что и крутой переломъ въ отношеніи къ ней Дидро и внезапная перемѣна содержанія ихъ бесѣдъ сильно преувеличены въ ея рассказѣ. Это своего рода реваншъ за неудачную попытку покорить философа аффектированной простотою обращенія. Обиженная неудачей, императрица принимаетъ здѣсь, заднимъ числомъ, величественную позу, утѣшающую ея обиженное самолюбіе.

софа». Въ бесѣдѣ Екатерины съ Сегюромъ это сопоставленіе фантазера съ государственнымъ дѣятелемъ было, дѣйствительно, только «забавой». Но, вообще говоря, тутъ примѣшивалось и то чувство, которое «бѣдный философъ» опять-таки самъ охарактеризовалъ всего лучше. «Когда нужно удалить отъ государей достойнаго человѣка, его выдаютъ за горячую голову, которая все можетъ перепутать».

Мы теперь сами можемъ прочесть эту тетрадку въ красномъ сѣфьянномъ переплетѣ, въ которой Дидро записывалъ всѣ разговоры съ Екатериной и секретъ существованія которой императрица такъ хорошо сохранила. Философъ здѣсь, дѣйствительно, приходитъ къ отчаянію отъ своего безсилія передъ русской дѣйствительностью. «Я принужденъ ограничиться общими взглядами, а между тѣмъ я такъ хорошо знаю, что общіе взгляды есть дѣло ординарныхъ людей, и самъ придаю значеніе лишь детальнымъ сужденіямъ, единственнымъ, которыя дѣльны и схватываютъ сущность дѣла». И онъ усиливается вникнуть въ русскую жизнь такъ глубоко, какъ это позволить ему императрица. Вождь «Энциклопедіи» слишкомъ много думалъ о социальныхъ вопросахъ и слишкомъ хорошо знаетъ исторію, — настоящую культурную исторію собственной страны, чтобы нуждаться въ комментаріи къ тому, что онъ видѣлъ вокругъ себя въ самомъ Петербургѣ. Этотъ городъ «дворцовъ», окруженныхъ пустырями, краснорѣчиво говорилъ ему объ обществѣ, которому не хватаетъ прежде всего организующаго, связующаго общественнаго цемента. Нужны не одни «дворцы»; нужны «улицы» — рядъ частныхъ домовъ городского промышленнаго населенія, которые связали бы «дворцы» между собою. Нужно больше, какъ можно больше населенія, чтобы люди жили ближе, тѣснѣ другъ къ другу; тогда, какъ кремни, они отшлифуются другъ о друга и создадутъ живую общественную атмосферу. Теперь же, изолированные, разбросанные, они существуютъ каждый самъ по себѣ: въ результатъ получается отсутствіе всякихъ обязательныхъ правилъ общежитія. Взаимнаго довѣрія не существуетъ. Купцы продаютъ вдесятеро дороже свои товары въ кредитъ магнатамъ, рискуя большею частью ничего не получить въ уплату. Законъ остается на бумагѣ. Правосудіемъ торгуютъ открыто. Нѣтъ общественнаго контроля, нѣтъ и чувства равенства передъ закономъ, безсильнымъ защитить слабаго отъ сильнаго. Общество, только что пережившее политическій переворотъ, чувствуетъ себя такъ неувѣренно, какъ будто почва каждую минуту можетъ уйти у него изъ подъ ногъ. «Долговременная привычка къ гнету» создала общую сдержанность и недовѣріе, — какой-то осадокъ паническаго страха въ умахъ, — «полный контрастъ той благородной и честной

прямоть, которая характеризуетъ свободный, возвышенный и увѣренный въ себѣ складъ ума француза или англичанина». Наконецъ, въ низшихъ классахъ совершенно отсутствуетъ то чувство самоуваженія, которое можетъ быть создано только улучшеніемъ ихъ положенія, признаніемъ за ними права быть людьми, а не вещами. «Душа раба оподлена: не принадлежа самому себѣ, онъ не имѣетъ интереса о себѣ заботиться и живетъ въ грязи и нечистотѣ». «Это жилецъ, который запускаетъ непринадлежащую ему квартиру».

Эти личные впечатлѣнія, изобличающія глубокаго и тонкаго наблюдателя, Дидро старается пополнить справками и разспросами. Онъ предъявляетъ Екатеринѣ длинный списокъ вопросовъ, на которые она даетъ себѣ трудъ сама отвѣтить. Но отвѣты ея таковы, что свѣдѣнія Дидро о Россіи увеличиваются незначительно, и притомъ не особенно надежнымъ матеріаломъ. На вопросъ, предложенный такъ недавно самой Екатериной вольному экономическому обществу, «не имѣетъ ли дурныхъ послѣдствій лишеніе крестьянъ собственности», Екатерина теперь отвѣчаетъ болѣе, чѣмъ уклончиво. «Каждое государство имѣетъ свои недостатки, пороки и неудобства». Очень оптимистичнымъ, но совсѣмъ неубѣдительнымъ выходитъ отвѣтъ на прямой вопросъ Дидро, существуютъ ли опредѣленные условія между помещиками и крестьянами? «Условій нѣтъ, но всякій благоразумный хозяинъ бережетъ корову, которую доитъ. Когда законъ молчитъ, естественный законъ занимаетъ его мѣсто, — и часто такое положеніе вещей оказывается не хуже, такъ какъ по крайней мѣрѣ оно создается естественнымъ путемъ, сообразно существу дѣла». Разъ только, отвѣчая на вопросъ о сословіяхъ въ Россіи, Екатерина увлекается и высказываетъ свое собственное настроеніе, вынесенное изъ опыта съ Комиссіей депутатовъ. Ей, очевидно, хочется тутъ убѣдить философа — стать на ея сторону во имя своихъ собственныхъ принциповъ. По ея словамъ, дворянство, горожане и крестьяне (духовенство здѣсь, какъ и въ своей Комиссіи, Екатерина игнорируетъ), «всеѣ эти три класса людей, въ защиту своихъ притязаній, потрясаютъ воздухъ самыми громкими словами: землевладѣлецъ взываетъ къ правамъ *собственности*; купецъ — къ правамъ *свободы*; народъ — къ правамъ *чуждости*». Послѣ этого любознательнаго, хотя не совсѣмъ спокойнаго отвѣта, могущаго служить резюме извѣстной уже намъ партійной борьбы въ Комиссіи, Екатерина развиваетъ свой личный взглядъ. «Чего особенно слѣдуетъ бояться — это увлечься духомъ партіи. Партійный духъ — это судья, который властвуетъ на просторѣ, пользуясь новизной просвѣщенія. Это «судья пристрастный: у него больше увѣренности, чѣмъ знанія; онъ упрямъ

цѣпляется за то, что ему удастся уловить въ потемкахъ; онъ ни отъ чего не отказывается, потому что неспособенъ къ точному пониманію, и рѣдко позволяетъ себя переубѣдить. Въдѣ мнѣнія лишь тогда становятся гибкими, когда вытекаютъ изъ колебаній и когда питаются мыслью, а не темпераментомъ. Всякій законъ, изданный для *всей* націи, долженъ имѣть источникомъ *общее* благо. Когда сила и неувѣжество отдаляются отъ этого принципа, то получаютъ акты деспотизма и заблужденія, противъ которыхъ протестуетъ разумъ и справедливость. Это дни бѣдствій, конца которыхъ люди ждутъ съ нетерпѣніемъ».

Мы знаемъ, что за этой горячей тирадой противъ «партійнаго духа» немедленно послѣдовало дворянское законодательство Екатерины (Уложеніе о губерніяхъ 1775 г. и жалованная грамота дворянству 1785). И можно спросить себя, что же это сосѣдство значитъ. Имѣемъ мы дѣло съ послѣднимъ воплемъ отчаянія передъ сознанной уже невозможностью законовъ для «общаго блага» и необходимостью «партійнаго» законодательства? Или, наоборотъ, это — выраженіе твердой увѣренности, уцѣлѣвшей среди испытаній, что «разумъ» и «справедливость» еще могутъ восторжествовать надъ «партіинымъ духомъ» господствующаго сословія? Или, наконецъ, это просто желаніе говорить съ философомъ на его языкѣ?

Не можетъ быть, конечно, чтобы Дидро вовсе ничего не зналъ о колебаніяхъ Екатерины. Кое-что про закулисную исторію Комиссіи долженъ былъ рассказать ему его спутникъ въ путешествіи и хозяинъ въ Петербургѣ, извѣстный намъ лидеръ интеллигентнаго дворянства, А. Нарышкинъ. Безъ этого трудно объяснить тотъ тревожный тонъ, съ которымъ Дидро проситъ Екатерину сдержать свои обѣщанія и продолжать свое покровительство Комиссіи. Противъ интригъ придворныхъ, противъ зависти, убѣжденій, просьбъ и клеветы онъ заклинаетъ ее остаться непреклонной. «Обѣщаніе, — а тѣмъ болѣе публичное обѣщаніе, — данное государемъ, должно быть священо». «Особенно пусть ваша собственная воля не нарушаетъ публичныхъ обязательствъ. Не подрывайте довѣрія, которое вамъ оказываютъ. Иначе народъ перестанетъ вамъ вѣрить. Оставьте недоувѣріе народа въ удѣлъ другимъ государямъ, которые вызываютъ смѣхъ своими клятвами... Если скажутъ: Екатерина II никогда ничего не обѣщала, чего бы она не сдержала, то при равенствѣ величія вы будете имѣть надъ прусскимъ королемъ преимущество честности и доброты». «Пусть в. в. не потерпитъ, чтобы засѣданія Комиссіи и ея дѣятельность, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, были потревожены, чтобы ея кругъ дѣйствій былъ ограниченъ или расширенъ, ея прерогативы увеличены

или уменьшены, ея привилегіи уничтожены, ея почетная роль ослаблена. Первый толчокъ къ ея упадку уже будетъ непоправимъ. Это великое зло, когда люди знаютъ, что можно нападать на Комиссію и нападать успѣшно».

О чемъ бы ни говорилъ Дидро. — о правѣ, экономіи, финансахъ, народномъ образованіи, успѣхахъ культуры вообще, о виѣшней политикѣ, — его мысль всегда возвращается къ судьбѣ Комиссіи. Онъ ненавидитъ войну, изъ года въ годъ отвлекающую мысли Екатерины отъ законодательства. Онъ хотѣлъ бы на ея «пирамидѣ» начертать «годъ первый» (царствованія Екатерины). А между тѣмъ, «драгоцѣнные годы текутъ, — и в. в. нѣтъ возможности заняться своими великими планами для блага страны». «Миѣ не жаль людей: люди народятся вновь. Не жаль и казны: казна наполнится. Но кто вернетъ народу истекшіе годы? Вотъ истинная, невозвратимая потеря, которая приводитъ въ отчаяніе всѣхъ честныхъ людей въ Европѣ, вздыхающихъ по результатамъ первоначальныхъ намѣреній императрицы».

Ошибочно было бы думать, однако, что Дидро просто желаетъ возобновленія засѣданій Большой Екатерининской Комиссіи. Его мечты идутъ гораздо дальше. Тутъ мы встрѣчаемся съ самой главной мыслью всѣхъ его разговоровъ съ императрицей. Исходя отъ факта созыва Комиссіи, — который онъ понимаетъ, какъ «благородный актъ отказа государя отъ законодательной власти», — Дидро горячо доказываетъ, что для прочности и полноты реформы надо сдѣлать Комиссію постоянной. «Если задачей императрицы было обезсмертить свое собственное имя, то эта цѣль достигнута». Чѣмъ хуже будутъ ея преемники, тѣмъ больше славы они прибавятъ Екатеринѣ. Но, конечно, *ея* императрица думаетъ не о собственной славѣ, а о счастіи потомства. Въ такомъ случаѣ, она должна позаботиться объ этомъ при себѣ. «Петръ I и Екатерина — рѣдкія явленія; было бы безумствомъ рассчитывать на частое повтореніе такой милости неба». Въ государствѣ только одинъ дворецъ и кругомъ него 400.000 частныхъ домовъ: въ *одномъ* случаѣ изъ 400.000 дары генія упадутъ съ неба на дворецъ; въ остальныхъ они попадутъ мимо. Какъ во всякой семьѣ, между двумя хорошими членами здѣсь будетъ длинный рядъ злыхъ или глупыхъ. И даже въ хорошемъ государѣ не часто совпадутъ всѣ хорошія свойства. Онъ можетъ быть добръ и образованъ, но слабъ и лѣнивъ; добръ, но не образованъ и т. д. Противъ всѣхъ такихъ возможностей необходимо заблаговременно принять мѣры, чтобы предотвратить ихъ вредныя послѣдствія. Для этого недостаточно созвать націю и составить законы. Законы суть писанная бумага. За ними должно

стоять «физическое существо, постоянное, неизмѣнное. Оно должно говорить и дѣйствовать, тогда, какъ мраморъ имѣть и непрочность». Такимъ тѣломъ послужить Комиссія, если сдѣлать ее постоянной и дать право провинціямъ назначать туда и контролировать своихъ представителей.

«— Вы, значить, совѣтуете мнѣ устроить парламентъ на англійскій образецъ. — прерываетъ Екатерина въ этомъ мѣстѣ своего собесѣдника?

«— Если бы ваше величество могли создать его по мановенію волшебнаго жезла, то я думаю, завтра онъ уже существовалъ бы» — звучалъ мѣткій отвѣтъ Дидро.

Нѣтъ, это не былъ бы англійскій парламентъ. Даже превращенная въ постоянное представительное учрежденіе, Комиссія «никогда не могла бы получить такой силы. Развѣ только при отдаленныхъ потомкахъ она приобрѣла бы недостатки и преимущества англійскаго парламента». Но Дидро не желалъ бы видѣть русскую Комиссію и такою слабою, какъ французскій судебный парламентъ. Онъ подробно объясняетъ Екаторинѣ историческія причины безсилія французскаго парламента, — чтобы она могла устранить эти причины изъ своего законодательства. Русской Комиссіи онъ желалъ бы «дать всю ту прочность и организацію, какія совмѣстимы съ общественнымъ спокойствіемъ».

Отъ власти зависитъ, какую часть верховныхъ правъ она передастъ будущей постоянной Комиссіи. Но необходимо оградить отчужденныя разъ въ ея пользу права отъ произвола преемниковъ. Пусть Комиссія не вмѣшивается ни въ военныя дѣла, ни въ иностранную политику, ни въ финансы. Пусть она только охраняетъ существующіе законы и подготовляетъ новые. Пусть она, однако, имѣетъ право петицій, и пусть тѣ петиціи Комиссіи, важность которыхъ для общественнаго блага будетъ доказана повтореніемъ ихъ, обязательно будутъ удовлетворяемы.

Дидро съ энтузіазмомъ перечисляетъ всѣ тѣ преимущества, которыя такое учрежденіе доставитъ самой верховной власти. Къ ихъ числу относится и возможность для власти стать съ помощью Комиссіи выше «партійнаго духа» сильныхъ членовъ общества, не рискуя подвергнуться личной опасности съ ихъ стороны. Дидро доказываетъ, да-лѣе, полную безвредность Комиссіи для верховной власти. «Словомъ, — заключаетъ онъ, — если даже это учрежденіе будетъ однимъ только призракомъ свободы, оно все-таки будетъ имѣть вліяніе на національный духъ. Нужно, чтобы народъ или былъ свободенъ, — что, ко-

нечно, самое лучшее. — или по крайней мѣрѣ, чтобы считалъ себя свободнымъ, такъ какъ такая увѣренность влечетъ за собою самые цѣнные результаты. Пусть же в. в. создастъ эту великую реальность или великій фантомъ. Пусть сдѣлаетъ его настолько великолѣпнымъ, блестящимъ, почетнымъ, какъ только сможетъ. И пусть будетъ увѣрено, что можно стѣснить, но никакъ нельзя заковать въ оковы ребенка, который родится на свѣтъ съ четырьмястами тысячами рукъ. О Монтескье, зачѣмъ не ты на моемъ мѣстѣ! Какъ бы ты говорилъ! Какъ бы тебѣ отвѣчали! Какъ бы ты слушалъ! Какъ бы выслушали тебя!»

Дидро тоже былъ выслушанъ и получилъ отвѣтъ. Мы можемъ судить о содержаніи этого отвѣта по его дальнѣйшей репликѣ. Ему поставили, очевидно, на видъ, что даже такой «фантомъ» представительства, какимъ онъ ограничилъ свои мечты, не могъ бы быть осуществленъ въ виду полного равнодушія населенія къ какому бы то ни было представительству. Ему указанъ былъ тотъ несомнѣнный фактъ, что въ то время, какъ онъ требовалъ увѣковѣченія Комиссіи, — депутатамъ самой Комиссіи даже и немногіе мѣсяцы ихъ засѣданій казались чрезчуръ долгими, и они спѣшили разѣхаться по домамъ. Дѣйствительно, въ каждомъ почти засѣданіи Комиссіи находились депутаты, которые пользовались предоставленнымъ имъ правомъ слать свое полномочіе товарищамъ. Дидро не могъ знать, что эти факты допускали и другое толкованіе. Онъ былъ, очевидно, сильно огорченъ неожиданнымъ возраженіемъ. Но и тутъ онъ не подумалъ отступить отъ самой идеи постоянного представительства. Онъ только видоизмѣнилъ свое прежнее предложеніе. «Въ виду равнодушія членовъ Комиссіи», онъ предлагалъ теперь уменьшить число представителей, сдѣлать представителями провинцій чиновниковъ коллегій, какъ постоянныхъ жителей столицы. Каждый изъ нихъ могъ представлять одинаковое количество провинцій и обязывался справляться съ ихъ мнѣніемъ въ важныхъ случаяхъ. Во всякое время провинція сохраняла право послать въ Петербургъ настоящаго представителя, къ которому и переходилъ тотчасъ же голосъ соответствующаго постоянного резидента. Мы видимъ, что, при глубокой вѣрѣ въ принципъ, у Дидро не было недостатка въ готовности пожертвовать самыми существенными чертами своего идеала, чтобы приблизить моментъ его пракческаго осуществленія. Но ни готовность къ практическому компромиссу, ни ясное пониманіе политической дѣйствительности собственной страны, ни тонкія наблюденія надъ положеніемъ самой Екатерины во виѣшней политикѣ, ни даже совпадавшіе съ собственными взглядами Екатери-

ны совѣты — обезвредить вельможъ наградами, ввести въ Россіи вездѣсущую французскую полицію (чтобы обезпечить силу закона) и др., — ничто не спасло Дидро отъ репутаціи празднаго фантазера. Мы увидимъ, однако, что предложеніе его относительно Комиссіи не прошло безслѣдно (стр. 391).

Нельзя пройти молчаніемъ еще одну сторону разговоровъ Дидро съ Екатериной, — ту, которая касалась вопросовъ религіозныхъ. Въ религіи, какъ въ политикѣ, Дидро старался дать понятъ императрицѣ, что она отстала отъ передовыхъ взглядовъ европейскихъ «философовъ». Вольтеровскій деизмъ уже не удовлетворялъ энциклопедистовъ. «Деистъ отрѣзалъ у гидры дюжину головъ: но изъ той, которую онъ оставилъ, возродятся вновь всѣ остальные». Деисты продолжаютъ спорить между собой о предопредѣленіи и о свободной волѣ, о безсмертіи души и загробныхъ мукахъ. Самые просвѣщенные изъ нихъ допускаютъ, что высшее существо можетъ сердиться и успокаиваться. Но такому существу нуженъ культъ: его нельзя, какъ боговъ Эпикура, сослать въ надзвѣздную пустоту и усыпить въ полномъ бездѣйствіи. Все это служить новымъ источникомъ старыхъ явленій, столь знакомыхъ и столь ненавистныхъ философу: нетерпимости и суевѣрія. Такъ, въ рукахъ деиста вновь вырастаютъ отрубленные головы старой католической гидры. Различіе терпимости и вѣры отъ нетерпимости и суевѣрія изъ принципіальнаго превращается при этомъ въ случайное и условное, изъ качественного — въ количественное. Терпимость оказывается просто временнымъ оружіемъ слабыхъ, пока они не станутъ сильны. Вѣра, по словамъ Гоббса, становится тѣмъ же «суевѣріемъ, разрѣшеннымъ закономъ», а суевѣріе — той же «вѣрой, запрещенной закономъ».

Екатерина не хотѣла слушать. О Богѣ и о прусскомъ королѣ она запрещала Дидро разговаривать съ ней. Но философъ не унимался. Пусть такъ, пусть религія нужна ей, какъ политическое средство. Но онъ будетъ доказывать, что это плохая политика для монарха — признавать другую власть выше себя: единственной правильной политикой было бы «свести богословіе къ двумъ страничкамъ и держать поповъ въ приниженіи и невѣжествѣ». Чѣмъ святѣе и образованнѣе духовенство, тѣмъ оно опаснѣе для государства.

Какъ должна была смѣяться про себя Екатерина, когда французскій мыслитель горячился передъ ней по этому поводу! Разъ въ своей жизни, въ самомъ началѣ царствованія, она, дѣйствительно, подъ вліяніемъ Вольтера, сдѣлала *faux pas*, начавъ сурово преслѣдовать неговорчиваго русскаго архіерея, Арсенія Мацѣвича. Съ тѣхъ поръ

она успѣла убѣдиться, что ей нечего заботиться о приниженіи и невѣжествѣ русскаго духовенства. Но ей нельзя было посягать на виѣшнія формы государственной религіи, принявъ совѣты философа. Не сказать ни слова о Богѣ въ будущемъ уложеніи, начать свой Наказъ, вмѣсто молитвеннаго обращенія, теоріей общественнаго договора и признаніемъ народнаго верховенства, — вотъ гдѣ заключалась бы настоящая опасность для Екатерины.

Вернувшись за границу, Дидро написалъ новыя «замѣтки по поводу Наказа». Въ нихъ онъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ читанныхъ въ присутствіи Екатерины запискахъ, подчеркивалъ принципиальную сторону своихъ политическихъ и философскихъ воззрѣній. Екатерина или не знала, или игнорировала этотъ ультиматумъ философа. Онъ ставилъ теперь ребромъ вопросъ: хочетъ ли она искренно, или вовсе не хочетъ отречься отъ своего деспотизма? Можно подозрѣвать, что на этотъ — или подобный этому документъ Екатерина отвѣтила вопросомъ, переданнымъ Дидро черезъ Гримма (1776): «Въ своемъ ли умѣ онъ былъ, когда писалъ это?» Во всякомъ случаѣ, мы знаемъ отъзвѣтъ Екатерины объ этихъ самыхъ «замѣткахъ», прочтенныхъ ею послѣ смерти философа (1784) въ его бумагахъ: «Это болтовня, не обнаруживающая ни знанія дѣла, ни проицательности, ни благоразумія». И однако же, въ этомъ наброскѣ ничего не было, что не было бы высказано, въ болѣе мягкой формѣ, во время бесѣдъ Дидро съ Екатериной. И, конечно, уже *эти* бесѣды должны были выяснить Екатеринѣ, куда ведутъ послѣдовательные выводы изъ теорій ея старыхъ авторитетовъ, Монтескье и Вольтера. Обезоруженная наивностью философа и привлекательностью личныхъ сношеній, Екатерина могла продлить до конца его иллюзію. Но она вовсе не хотѣла, чтобы подобныя идеи распространялись въ русской публикѣ. Этимъ объясняется неудача того практическаго предложенія, съ которымъ Дидро пріѣхалъ въ Россію. Увлечшись личными сношеніями съ императрицей, философъ отложилъ это свое собственное дѣло до конца. «Мое поведеніе стало отъ этого болѣе достойнымъ и возвышеннымъ», писалъ онъ въ одномъ интимномъ письмѣ. Но ему нечего было краснѣть за то предложеніе, съ которымъ онъ намѣревался обратиться къ Екатеринѣ. Когда-то прежде, всего девять дней послѣ воцаренія, она сама предложила Дидро перенести въ Россію печатаніе Энциклопедіи, которую преслѣдовали и уродовали въ Парижѣ. Теперь, доведя искаженное изданіе до конца (1772), Дидро предлагалъ Екатеринѣ издать въ Россіи новое изданіе, исправленное и улучшенное. Въ немъ онъ думалъ возстановить всѣ пропуски и искаженія цензоровъ и издателей. Въ матеріальномъ

отношеніи предпріятіе обѣщало блестящій и вѣрный успѣхъ. Дидро просилъ только 40.000 р. аванса, чтобы имѣть возможность начать дѣло. Екатерина отослала его къ Бецкому. А Бецкій затянулъ переговоры. Онъ велъ себя «сфинксомъ», послѣ долгихъ проволочекъ отказалъ, потомъ, какъ будто подъ давленіемъ императрицы, согласился, потомъ отказалъ окончательно. Чтобы понять секретъ этой комедіи, философъ долженъ былъ бы знать, что Екатерина даже свой собственный Наказъ, казавшійся ему такимъ умѣреннымъ и отсталымъ сравнительно съ передовой мыслью энциклопедистовъ, разрѣшила имѣть только въ присутственныхъ мѣстахъ «единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ, и чтобы оный никому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но ниже для прочтенія даванъ не былъ» (1767). Гораздо поздиѣе, въ 1795 году, Екатерина прямо свалила на Энциклопедію вину за французскую революцію. «Гельвецій и д'Аламберъ сознались покойному прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую — уничтожить христіанскую религію, вторую — уничтожить королевскую власть. Объ этомъ говорили уже въ 1777 г.».

Только что приведенное распоряженіе о чтеніи Наказа какъ нельзя лучше подчеркиваетъ огромную разницу въ положеніи европейскаго и русскаго общественнаго мнѣнія при сужденіяхъ относительно просвѣтительной дѣятельности Екатерины. Судъ и критика существовали для нея только въ Европѣ. И тутъ она принимала всевозможныя мѣры, чтобы повліять на приговоръ. Въ Россіи роли мѣнялись. Судей была здѣсь сама она, — она одна. Общество было подоудимымъ, призваннымъ выслушать надъ собою строгій, но справедливый приговоръ. Поведеніе депутатовъ въ Комиссіи явилось непредвидѣнной помѣхой, обнаружило обстоятельства, не зависяція отъ личной воли императрицы. Но это несколько не нарушило цѣльности и стройности взгляда Екатерины на свои задачи. Даже напротивъ: Екатерина должна была утвердиться въ своемъ исходномъ убѣжденіи, что она одна противъ всѣхъ. Всѣ проникнуты «духомъ партій»; она одна стремится къ «общему благу». «Люди глуны и неблагодарны; они сами не понимаютъ, въ чемъ ихъ прямое добро состоитъ». Но что же изъ этого? «Человѣкъ, старающійся дѣлать или добро, или великія дѣла для того, чтобы заслужить отъ своихъ согражданъ благодарность, и узнавъ послѣ, что они непризнательны и глуны, — для сей одной причины теряющій бодрость духа и охоту подавать имъ всякаго рода помощь въ ихъ недостаткахъ, — конечно, ошибается въ своемъ предметѣ... Для великой души трудъ, ею пріемлемый, есть

путь, не зависящій ни отъ какихъ постороннихъ приключеній и препятствій. Прямая великость души состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро для того, что оно есть добро, а не для того, что люди суть благодарны: слѣдовательно, и не переставать дѣлать добра для того, что люди суть неблагодарны... Потомство не будетъ сграсно; оно разберетъ, оно справедливо судить будетъ» («Всякая Всячина»). Итакъ, Екатерина будетъ «тверда». «Встрѣчающіяся бури» лишь заставятъ ее перемѣнить тактику и сдѣлаются «способами ко приобрѣтенію новыхъ славы».

«Когда я отчаиваюсь разрушить что-либо прямо, противъ того я веду подкопъ», такъ выразилась Екатерина въ разговорѣ съ Дидро, говоря какъ разъ на эту тему: «о препятствіяхъ» на пути «ясно сознанной ею цѣли». На языкѣ тогдашней теоріи это можно было выразить такъ. Если я не могла осчастливить человѣчество новыми законами, то, очевидно, потому, что законы зависятъ отъ «правовъ», отъ «народнаго умоначертанія». Слѣдовательно, надо начать съ другого конца: съ «исправленія правовъ». Такова, навѣрное, была логическая нить (только о ней мы здѣсь говоримъ), приведшая Екатерину отъ идей ея Наказа къ ея опытамъ воспитанія «новой расы людей» и къ ея попыткамъ дѣйствовать на русскіе «нравы» путемъ публицистики и театра. Это были тѣ «мины», о которыхъ императрица говорила Дидро.

Судьбу педагогическихъ опытовъ Екатерины мы уже знаемъ (Оч. II, VII, 3). Судьба ея публицистическихъ попытокъ для насъ особенно интересна въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь ожидала Екатерину неудача совсѣмъ особаго рода, вовсе не походившая на тотъ «партийный духъ» депутатовъ Большой Комиссіи, который оказался въ ея глазахъ непреодолимымъ препятствіемъ къ «общему благу». Оказалось, именно, что не только одинъ вождь энциклопедистовъ ушелъ дальше императрицы въ своихъ мечтаніяхъ объ «общемъ благѣ». Въ томъ же направленіи пошли и обогнали Екатерину на началѣ ея пути — ея собственные «глухие и неблагодарные сограждане».

Въ 1769 году началъ выходить еженедѣльный листокъ «Всякая Всячина». Въ литературныхъ кругахъ было извѣстно, что редакторомъ состоитъ секретарь императрицы Козицкій. Болѣе догадливые должны были скоро понять, что руководить журналомъ сама Екатерина.

Съ самаго начала журналъ взялъ тонъ, совсѣмъ необычный для простыхъ литераторовъ. Редакція объявила на первыхъ же стра-

лицахъ, что попреки читателей для нея безразличны, что «никакая препова не можетъ отвратить (ее) отъ великаго предпріятія»; что она не нуждается въ деньгахъ, такъ какъ «доходъ ея» «есть дань, наложенная на людей, кои работаютъ въ потъ лица своего». Про саму себя она шутливо утверждала, что она «умна» и что у ней «сердце доброе». Относительно читателей она напередъ замѣчала, что «глухимъ трудно слышать проповѣди»: но, впрочемъ, великодушно прибавляла при этомъ: «я не уничтожаю никакого человѣка, ибо уничтожая онаго, я-бъ самъ себя уничтожилъ; понеже я самъ есмь человѣкъ равный ему во всемъ». Еще откровеннѣе «Всякая Всячина» третируетъ свысока своихъ читателей въ заключительныхъ строкахъ журнала: «Прощайте, господа; я съ великимъ терпѣніемъ часто слушалъ всѣ ваши осужденія и смѣялся отъ чистаго сердца всему тому, за что другой бы сердился, и не пересталъ писать, пока мнѣ самому не вздумалось окончить Всякія Всячины: и сію оканчивая, объявляю вамъ, что я приѣмлю другое ремесло, гдѣ достанутся отъ меня многимъ щедрыя милости».

Взявъ сразу этотъ тонъ — благодѣтеля человѣчества, Всякая Всячина выдерживаетъ его въ теченіе всего времени изданія. Екатерина — невысокаго мнѣнія о своей публикѣ. Она выступаетъ передъ ней въ своемъ обыкновенномъ домашнемъ нарядѣ, съ обычнымъ настроеніемъ своихъ досужныхъ часовъ. Ея статьи въ журналѣ — это та же небрежная болтовня, съ тѣмъ же *parti pris* веселости, подчасъ напускной, и остроумія, черезчуръ тяжеловѣснаго, съ тѣмъ же недостаткомъ литературнаго вкуса и чувства мѣры. тѣмъ же «разстеганнымъ» стилемъ и «прыгающими» мыслями, которыми отличается ея интимная корреспонденція. Нѣтъ только тѣхъ яркихъ и мѣткихъ образныхъ выраженій, которыя какъ-то сами собою, невзначай, выскакиваютъ изъ ея головы и стекаютъ съ пера въ ея французской рѣчи. Получается въ итогъ претенціозный и блѣдный стиль, слишкомъ натянутый, чтобы быть живымъ и остроумнымъ, слишкомъ прѣсный и поверхностный, чтобы быть поучительнымъ*). Однако,

*) На этотъ стиль намекалъ, вѣроятно, Новиковъ въ своемъ Живописцѣ «Тутъ найдешь писателя, старающагося забавлять разумъ своими сочиненіями, но увидишь, что онъ производитъ скуку, а смѣется только самъ — блѣдный авторъ! Въ другомъ мѣстѣ увидишь нравоучителя, порицающаго всѣхъ критиковъ и утверждающаго, что сатиры ожесточаютъ только нравы, а исправляютъ — нравоученія; но читатель ему отвѣтствуетъ: ты пишешь такъ сухо, что я никогда не имѣю терпѣнія читать тво-

редакція «не вѣрить», что у нея выходитъ «не смѣшно, но глупо», — и готовится одерживать педагогическія побѣды. Нанечатавъ, уже въ январѣ. «усердное поздравленіе» — самой себѣ — съ тѣмъ, что «листки ваши, *каковыми опредѣли будутъ*, конечно, останутся отечеству полезными и достопамятными навѣки, ибо такихъ правдъ, *какія вы намъ обѣщаете*, у насъ еще не бывало», — редакція торжествующимъ тономъ прибавляетъ отъ себя: «Сіе письмо доказываетъ великое уваженіе, кое Всякая Всячина зачинаетъ имѣти въ людяхъ: отъ чего мы сочинители уже часъ отъ часу начинаемъ ходить прямѣе и скоро уже принуждены будемъ нѣсколько загнуть спинную кость назадъ». «Великое уваженіе» читателей затѣмъ быстро прогрессируетъ на страницахъ журнала. Корреспонденты Всякой Всячины скоро находятъ неуважительнымъ обращаться къ редактору просто: «господинъ сочинитель». «По причинѣ полезныхъ наставленій», они пишутъ: «г. наставникъ» или «г. правоучитель», и не забываютъ въ каждомъ письмѣ сообщить объ успѣхахъ журнала среди публики. Полусмѣя, полусерьезно, Всякая Всячина объявляетъ, наконецъ, по поводу одного изъ такихъ писемъ. — совершенно въ стилѣ Наказа: «мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленіи правовъ, и ожидаемъ немедленнаго искорененія всѣхъ пороковъ: ибо уже начали твердить наизусть Всякую Всячину, что вышеписаннымъ письмомъ доказывается. Сочинитель онаго важность нашего труда совершенно узналъ, что мы ему чрезъ сіе торжественно объявляемъ».

Увы, лавры Всякой Всячины оспаривали у ней съ полдюжиной другихъ журналовъ, появившихся немедленно вслѣдъ за нею*). Екатерина поспѣшила поставить ихъ на почтительное разстояніе отъ своего журнала. «Государыня моя госпожа Всякая Всячина», привѣтствовалъ ее журналъ Чулкова; «не погнѣвайся на меня, что я именую тебя родною моею сестрою и сестрою еще большою или старшею, для того, что ты прежде вышла на свѣтъ изъ природной утробы, и прошу въ томъ извиненія, что я причитаюсь къ тебѣ роднею. Ты родилась на Парнасѣ, да и я неподалеку оттуда: тебя произво-

---

ихъ сочиненій — бѣдный авторъ!» Рѣзкость этихъ характеристик смягчалась, правда, тѣмъ, что онѣ могли относиться не къ одной только Всякой Всячинѣ.

*) И то и сію — Чулкова; Ни то ни сію — Рубана; Смѣсь; Трутень — Новикова; Адская почта — Эмина; Поденьщина — Тузова; Полезное съ пріятнымъ — «упражненіе» при сухопутномъ корпусѣ: все это журналы, издававшіеся только въ томъ же 1769 г.

дила муза, да и меня, я думаю, та же: слѣдовательно, близки мы такъ другъ другу, какъ солнце къ огню, которые (одинаково) грѣютъ и освѣщаютъ... Эта смиренная по формѣ декларація правъ на литературное равенство задѣла Екатерину за живое. Всякая Всячина обидѣлась и жаловалась, что «И то и сію» обращается съ ней «безо всякаго почтенія». Императрица, очевидно, вовсе не хотѣла панибратства съ собратьями по оружію. На первый разъ она объявила себя не «сестрой», хотя бы и старшей, а развѣ только «бабушкой» прочихъ журналовъ. Это сразу отравило взаимныя отношенія. Журналь Рубана рѣшительно отвѣчалъ: «мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако уже на возрастѣ». А Смѣсь прибавила, что «послѣдніе внучата поразумиѣ бабушки». Затѣмъ журналы довольно единодушно рѣшили, что «бабушка выжила изъ ума», и принялись усердно слѣдить за ея промахами. Въ концѣ концовъ и Чулковъ напечаталъ у себя, на этотъ разъ уже дѣйствительно «безо всякаго почтенія», слѣдующую ядовитую пародію на редакціонныя пріемы Всякой Всячины. «Г. Сочинитель и Того Сего, сочиненіе ваше похваляется во всякомъ углу С.-Петербурга, слава его носится по многимъ домамъ и по рынку. Всѣ незнающіе другихъ языковъ люди (Всякую Всячину обвиняли въ литературной кражѣ изъ Спектатора) благодарятъ васъ отъ искренняго сердца, выключая нѣкоторыхъ полуученыхъ писателей: они одни сочиненіемъ вашимъ издѣваются, но... и они подвержены равной съ вами участи. Люди бываютъ иногда столько неблагодарны, что пересмѣхаютъ и то, что производитъ земля для нашего удовольствія... Сердце мое наполняется сладостью, когда прекрасная Аврора показываетъ свой носъ на нашемъ горизонтѣ, и крылатое время, шествуя предъ нею, пишетъ надъ нами «Вторникъ». Я открываю мои глаза и устремляю мои мысли единственно только къ одному вашему сочиненію... Великость вашего духа, важные замыслы, красота въ велерѣчіи, искусство въ изъясненіяхъ... заслоняютъ дорогу дыханію... Часъ отъ часу дѣлаюсь я премудрѣе, и нынѣ уже разсуждаю со слугами моими о коловратности свѣта... О великій человѣкъ сочинитель и Того и Сего! Ежели бы мы не имѣли счастья видѣть твой еженедѣльникъ, то мы и донынѣ сидѣли въ безднѣ заблужденія, были бы грубыми невѣждами, и не умѣли бы отличить худое отъ хорошаго... О великій человѣкъ сочинитель и Того и Сего!.. Ты исправилъ грубые наши нравы и доказалъ намъ, что надобно обѣдать тогда, когда ѣсть захочется. Твоя философія научила насъ и тому, что ежели кто не имѣетъ лошади, то тотъ непременно пѣшкомъ ходить долженъ. О великій и т. д., гдѣ мнѣ тебя поставить и куда тебя спрятать?

Спряталъ бы я тебя въ хорошую библіотеку, но ты зачнешь переводить различныхъ авторовъ и будешь выдавать сочиненія ихъ подт своимъ именемъ... Спряталъ бы я тебя на Парнассѣ, но ты высоко-мѣренъ, презришь свою Музу... и заставишь ее вѣчно плакать... Спряталъ бы я тебя въ общество молодыхъ нашихъ сочинителей; но то бѣда, что съ ними ты не соглашаешься, идешь своею дорогою и не требуешь отъ нихъ ни одного себѣ въ путево-дители — по причинѣ той, что они сами не выбираютъ себѣ никого въ проводники... Добро, — оставайся ты на своемъ мѣстѣ, безъ большой заслуги не требуй большого воздаянія, безъ великаго успѣха не ищи великой славы, безъ ежечаснаго труда не желай ежечасной похвалы, будь доволенъ своею участіемъ и не пекись о томъ, чтобы слава твоя гремѣла повсюду. Сочиненіе твое есть произведеніе слабаго ума для слабыхъ умовъ; но и въ другихъ, мы видимъ, — не граціи танцуютъ, но сельскія дѣвки по русски пляшутъ».

Это было жестоко. Но это было еще не все, что пришлось выслушать Екатерины отъ своихъ собратьевъ — или, какъ она предпочитала ихъ называть, — внуковъ по журналистикѣ. Относительно Чулкова, Рубана, Эмина и т. д. императрица могла оправдывать свое безразличное отношеніе тѣмъ самымъ, что призналъ въ послѣднихъ словахъ сочинитель и Того и Сего. Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ въ журналахъ «не граціи танцовали, а плясали русскія дѣвки». Тяжеловѣсное остроуміе Екатерины здѣсь замѣнялось слишкомъ часто пошлостью и цинизмомъ; ея прописная мораль — безцѣльнымъ зубоскальствомъ, бившимъ на самые низменные инстинкты; ея щепетильности по отношенію къ виѣшнимъ приличіямъ — самыми безцеремонными потасовками на потѣху почтенной публики. «Дуракъ» было довольно употребительнымъ эпитетомъ во взаимной литературной критикѣ «сочинителей». Рубанъ заявлялъ въ началѣ своего журнала: «между множествомъ ословъ и мы вслоухими быть не покраснѣемъ» Чулковъ писалъ: «когда есть ваканціи публичныхъ дураковъ, то занимаютъ у насъ такія мѣста мелкотравчатые писаки, и намъ гораздо мило смотрѣть, какъ они дурачутся и ругаютъ сами себя». Довольно естественно, что въ подобныхъ «писакахъ» Екатерина могла видѣть не товарищей, а только пациентовъ, примитивные «нравы» которыхъ подлежали смягченію при помощи тѣхъ пріемовъ, которые она считала непогрѣшными. Совсѣмъ другое было дѣло, когда самыя эти непогрѣшныя пріемы объявлялись недостаточными и подвергались критикѣ; когда явился писатель, который стоялъ на одинаковой высотѣ съ Екатериной въ вопросахъ литературнаго приличія и хоро

шаго тона, и въ то же время оказывался ея принципиальнымъ врагомъ по вопросу, гораздо болѣе существенному: по вопросу, насколько дѣйствительны и цѣлесообразны средства, употребленныя императрицей для «исправленія нравовъ». Мы разумѣемъ Новикова.

Въ чемъ заключались, въ самомъ дѣлѣ, тѣ средства, отъ которыхъ Екатерина ожидала столь быстрыхъ и чудодѣйственныхъ послѣдствій?

Обычный литературный приѣмъ для «исправленія нравовъ» состоялъ у Всякой Всячины, какъ и у другихъ журналовъ, въ помѣщеніи писемъ постороннихъ лицъ къ «Сочинителю» и въ отвѣтахъ редакціи на эти письма. По этой одной формѣ можно было довольно безошибочно выдѣлить оригинальную часть журнала отъ переводовъ. Но и по содержанію эти корреспонденціи, писавшіяся, конечно, болѣею частью въ самой редакціи, представляютъ извѣстную внутреннюю связь и единство, не говоря уже объ общемъ имъ всѣмъ тонѣ самовосхваленія. По теоріи Екатерины надо «заохочивать» публику къ усвоенію моральныхъ сентенцій, мѣшая смѣшное съ серьезнымъ. Поэтому, корреспонденты журнала то рассказываютъ что-нибудь забавное, то что-нибудь дурное изъ русской грубости нравовъ. Въ обоихъ случаяхъ они просятъ совѣта или «рецепта» у «сочинителя» и получаютъ его, обыкновенно, въ видѣ лаконической резолюціи самого элементарнаго свойства. Примѣръ забавный: Агафья Хрипухина проситъ лѣкарства отъ бессонницы, такъ какъ ея мужъ по ночамъ не даетъ ей спать своимъ храпомъ. Совѣтъ: прочесть на ночь шесть страницъ Всякой Всячины и шесть страницъ Телемахиды (Тредьяковскаго). Послѣдствія статьи: журналъ не перестаетъ острить надъ храпящимъ мужемъ и надъ Телемахидой въ слѣдующихъ номерахъ: почитатель Всячины протестуетъ противъ мнѣнія редакціи, что ея журналъ усыпителенъ; литературные противники протестуютъ противъ насмѣшки надъ честнымъ труженикомъ — Третьяковскимъ. Теперь примѣръ серьезный: «многія молодыя дѣвушки чулковъ не вытягиваютъ, а когда сядутъ, тогда ногу на ногу кладутъ, чрезъ что поднимаютъ юпку такъ высоко, что я сіе примѣтить могъ, а иногда и болѣе сего»; женщины слишкомъ возвышаютъ голосъ въ обществѣ; «наши жены» говорятъ при дѣтяхъ «обо всемъ». Корреспондентъ проситъ редакцію сдѣлать изъ этихъ замѣчаній «употребленіе на пользу ближняго». Литературные противники находятъ такіа правоученія «непристойными». Еще одинъ приѣмъ: корреспондентъ предлагаетъ редакціи «раздѣлить наши обычаи на два рода: первые природные, другіе — татарскіе; всѣ хорошіе обычаи суть природные россійскіе;

всѣ же дурныя суть татарскіе». При этомъ предлагается списокъ, съ которымъ редація общается справляться. «гдѣ кстати покажется». И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ оказывается, что обычай нарушать общанія «есть крымскихъ татаръ, а старинный русскій — сдержать данное слово»: «мотать, болтать, злословить» — тоже «татарскіе обычай». Сюда же относятся далѣе «невѣжливость, жадность и зависть»: женщины, «кои бѣлятся, — суть всѣ татарки». Но взаимное равнодушіе модныхъ супруговъ журналъ объявляетъ обычаемъ «татаро-французскимъ». Журналисты и тутъ не упустили случая подѣлать Всякую Всячину. Сумароковъ написалъ письмо въ «И то и се», гдѣ утверждалъ, что портятъ русскихъ не татары, а французы; что «худые нравы отъ худыхъ сердецъ и отъ худого просвѣщенія происходятъ»; что, наконецъ, «добрый и отличный человѣкъ достоинъ почтенія, безъ различія, русскій ли онъ, французъ или татаринъ». Однако, и Сумароковъ не прочь былъ объяснить русскую грубость примѣсю «сарматской» (финской) крови. Сама Всякая Всячина, наконецъ, тоже спохватилась, хотя иѣсколько по инымъ соображеніямъ. Она помѣстила у себя протестъ отъ имени татаръ; «да и мнѣ», замѣчалъ ея корреспондентъ, «сіе доказательство невѣроятнымъ кажется, потому что сколько у насъ есть выѣзжихъ князей и знатей татарскихъ, кои здѣсь въ великія произвели достоинства: они ихъ получили не по худымъ природнымъ ихъ обычаямъ и правамъ, но по благороднымъ и добрымъ». И журналъ предпочитаетъ, подобно Сумарокову, свалить вину на безотвѣтныхъ «сарматовъ» тогдашней исторической теоріи. «Когда славяне, отъ коихъ мы происхожденіе имѣемъ, по покореніи сарматовъ съ ними смѣшались, то сіи худые обычай и нравы отъ нихъ въ наслѣдіе намъ достались». Это, впрочемъ, не мѣшаетъ Всякой Всячинѣ утверждать по прежнему, что старинныя русскія нравы были превосходны и испорчены лишь новыми модами.

Подобный выборъ темъ и способъ ихъ обработки, какъ видимъ, самъ по себѣ уже лишаетъ журналъ Екатерины серьезнаго значенія. Литературные антагонисты («И то и сію») не замедлили отмѣтить, что въ такомъ случаѣ изданіе журнала превращается въ скоропроходящую моду, въ «невинное увеселеніе», которое не слѣдуетъ прикрывать высокими претензіями. «Я пишу единственно только для одного увеселенія», подчеркивалъ почтительный къ Всячинѣ журналъ Чулкова, «и другого намѣренія не имѣю, ибо силъ моихъ къ тому не станетъ; не требую похвалы и за славой не гоняюсь, для того, что я ихъ недостойнъ, а желаю, чтобъ получилъ ихъ тотъ, который мыслить

о себѣ, что онъ приносить сочиненіями великую пользу отечеству». Эта скрытая насмѣшка превращается въ совершенно открытую въ «Смѣси», самомъ смѣломъ изъ тогдашнихъ журналовъ послѣ Новиковаго Трутня, которому Смѣсь горячо и открыто сочувствуетъ. «Праздность вмѣняютъ въ порокъ, а трудолюбіе похваляютъ: но праздность присвояютъ благороднымъ, а трудолюбіе крестьянамъ... Я родился дворяниномъ: итакъ, не хотѣя сравнять себя съ крестьянами, хотѣлъ было ничего не дѣлать. Но вспомяну, что есть *благородныя и модныя упражненія*, коими *увеселяются* и знатные люди, — принялся за перо, чтобы написать письмо къ какому-нибудь издателю еженедѣльныхъ листовъ».

Очевидно, издатель Смѣси, сходясь съ Чулковымъ въ оцѣнкѣ Всякой Всячины, гораздо серьезнѣе смотрѣлъ на задачи настоящаго журналиста. Но въ своемъ журналѣ онъ остался ниже своего собственного пониманія, — на общемъ уровнѣ тогдашнихъ издателей листовъ. Если онъ писалъ и не «единственно для одного увеселенія», то съ другой стороны и «пользу» отъ изданія журнала онъ понималъ довольно устарѣлымъ образомъ. Совершенно такъ же, какъ журналисты-дебютанты Елизаветинскаго времени, онъ объявлялъ: «намѣреніе мое было при начатіи журнала употребить въ пользу скучные часы празднаго времени». Совершенно такъ же, какъ тѣ журналы, Смѣсь пробавлялась, главнымъ образомъ, переводными статьями изъ иностранныхъ правоучительныхъ журналовъ. Совершенно такъ же она и расходилась только въ своемъ ближайшемъ литературномъ кругу, въ количествѣ всего 200 экземпляровъ. По собственному признанію, издатель ея былъ только мирнымъ любителемъ наукъ и просвѣщенія. Онъ не рисковалъ выйти на брачное поле съ открытымъ забраломъ. Но онъ хорошо понималъ, что на этомъ полѣ можно и нужно дѣлать. Когда въ томъ же самомъ году на журнальномъ попорищѣ появился настоящій боецъ, — издатель Смѣси сразу оцѣнилъ его значеніе и обратился къ нему съ одушевленнымъ привѣтствіемъ «благодарнаго, обязаннаго и вѣрнаго слуги». «Г. издатель Трутня, — писалъ онъ Новикову, — прочитавъ вашего изданія листы, началъ я имѣть къ вамъ почтеніе: ваши сочиненія имѣютъ въ себѣ меньше увеселенія, но больше пользы. Сатиры ваши, подъ именемъ вѣдомостей, не имѣютъ въ себѣ невѣжества и злонаправія, какъ думаютъ нѣкоторые злонаправные невѣжи, но вѣрную соль... Пускай злоязычники проповѣдуютъ, что вы объявили себя непріателемъ всего человѣческаго рода; что злость вашего сердца видна въ вашихъ сочиненіяхъ; что вы пишете только наглую брань (все это — *мнѣнія*

«Всякой Всячины» и Чулкова о «Трутнѣ»): это не умаляет достойную вамъ похвалу, но умножаетъ. Пусть Стозмѣй, изъ всей мочи надедаясь, кричитъ, что вы обижаете цѣлый корпусъ дворянства и что ваши ругательства скоро уймутся... Не смотрите на клеветущихъ на васъ, презирайте ихъ и продолжайте свой трудъ такъ, какъ вы начали: выводите порочныхъ (*лицъ*), ибо пороки вообще осмѣиваемые не исправятъ порочныхъ *настоящаго* времени. Вы тѣмъ не раздражите истинныхъ сыновъ отечества: ибо они вамъ сплетаютъ за сіе похвалы»...

Эта цитата сразу показываетъ тонъ новиковскаго журнала, мѣсто, которое онъ занялъ среди извѣстныхъ намъ собратовъ, отношеніе ихъ къ «Трутню», характерныя приемы его сатиры. Что же было такого необычайнаго въ этомъ журналѣ, что вызвало крики «цѣлаго корпуса дворянства» и вывело изъ равновѣсія сдержанную, приличную «Всякую Всячину», соблюдавшую въ другихъ случаяхъ болѣе или менѣе успѣшно свой основной принципъ: смѣяться, а не сердиться на бранчивый лепетъ и злопавную грызню неблаговоспитанныхъ «внучать»?

Бывшій секретарь комиссін о «*среднемъ* родѣ людей», можетъ быть, помогшій даже сохранить для потомства (въ протоколахъ Большой Комиссін, гдѣ онъ секретарствовалъ) яркія черты «партийной» борьбы городскихъ депутатовъ съ дворянскими притязаніями, Н. И. Новиковъ явился въ журналистикѣ сознательнымъ и принципиальнымъ защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ, «подлыхъ» противъ «благородныхъ». Не тонъ, не приемы его сатиры, а, прежде всего, именно это содержаніе ея доставило Новикову популярность среди «мѣщанъ», — того класса, который, по мнѣнію Екатерины (стр. 336), защищалъ «свободу». И оно же обрушило на него громы «придворныхъ господчиковъ», со «Всякой Всячиной» во главѣ. Журналъ Екатерины тщательно устранялъ изъ литературы все, что сколько-нибудь близко касалось общественной жизни. Это были для него «матеріи не нашего департамента», какъ выразился разъ въ подобномъ случаѣ журналъ. Когда одинъ, очевидно, не фиктивный, корреспондентъ попробовалъ было перенести на страницы «Всякой Всячины» обсужденіе важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, поднятыхъ дворянскими депутатскими наказами, редакція наотрѣзъ отказала. «Син и симъ подобныя вещи въ нашихъ листахъ мѣста не имѣютъ; они не на насъ положены, но въ числѣ статскихъ, сирѣчь составляющихъ существо правленія вмѣшаны быть могутъ». Такимъ образомъ, подъ «правами», которые журналъ Екатерины брался исправлять, онъ ра-

зумѣлъ, главнымъ образомъ, область личныхъ моральныхъ отношеній и житейскихъ привычекъ. «Всякая Всячина» охотно вмѣшивалась въ распри между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, женихомъ и невестой; она благословляла на бракъ или совѣтовала его отложить и провѣрить свои чувства; увѣщала отца дать денегъ сыну и т. п. Или она убѣждала подписчицъ не вѣрить въ сны и гаданья; разбира-ла ихъ жалобы и клала на нихъ резолюціи вродѣ слѣдующей: «худо быть нечисту и неопрятну въ житѣи и въ обхожденіи; да и очень нѣжиться и гиушаться всѣмъ, что кажется быть противно и не по на-шему вкусу, равнымъ образомъ худо». Во всѣхъ подобныхъ случа-яхъ журналъ не избѣгалъ имѣть дѣло даже съ одиночными, совершен-но конкретными эпизодами изъ личной жизни подписчиковъ, обра-щавшихся за совѣтомъ въ редакцію.

Новиковъ ввелъ въ журналистику совершенно новый матеріалъ, — и какъ разъ тотъ, котораго «Всякая Всячина» такъ тщательно избѣгала. Онъ бралъ случай изъ области общественныхъ отношеній и рассказывалъ его во всѣхъ дѣловыхъ подробностяхъ. Случаи были вымышленные, но обстановка, въ которую они ставились, обрисовыва-лась у талантливаго сатирика настолько жизненными штрихами, что образы выходили живыми и типичными. Открылась вакансія; на нее являются три кандидата. Одинъ — невѣжественный дворянинъ, но съ деньгами и съ знатной родней; другой — добрый и честный, но не ученый и небогатый дворянинъ; третій, по терминологіи «иѣкото-рыхъ глупыхъ дворянъ», «человѣкъ *подлый*, пѣо онъ отъ добродѣ-тельныхъ и честныхъ родился мѣщанъ», — но испытанный общест-венный дѣятель и съ широкимъ образованіемъ, оконченнымъ за гра-ницей. «Читатель, угадай: глупость-ли, подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелью вознаградятся?» Или, рядомъ: барыня въ богатомъ экипажѣ пріѣхала въ Гостинный дворъ и украла у купца товаръ. Купецъ ищетъ суда и управы, но получаетъ удары плетью. «Ништо тебѣ бѣдный купецъ. Какъ ты, честный злородный человѣкъ, осмѣлился назадъ требовать своей сѣтки у благородной воровки? Благодарни еще боярыню, что безчестья съ тебя не взяла! Въ самомъ дѣлѣ, не великая ли милость купцу сдѣлана?»

Къ подобнымъ темамъ отношеніе журнала Екатерины сразу опредѣлилось. «Всякая Всячина» объявила, что она не любитъ «дур-ныхъ шутокъ» и «меланхолическихъ писемъ». Она погрозила поднять «завтра» вопросъ о томъ, «чтобы впредь никому не разсуждать, о чемъ кто не смыслить, и никому не думать, что онъ одинъ можетъ весь свѣтъ исправить». Затѣмъ, она искусно перенесла споръ о зада-

чахъ сатиры на другую почву. Въмѣсто вопроса, дѣйствительно подлежащаго спору, какія стороны жизни могутъ быть доступны сужденію печати, — она подняла вопросъ о личности въ сатирѣ. Она принялась доказывать, что *личные* нападки не исправляютъ нравовъ, — какъ будто обличенія Новикова грѣшили именно личнымъ характеромъ, и какъ будто сама «Всячина» не обсуждала личныхъ случаевъ. Вопросъ о *содержаніи* публицистики былъ подмѣненъ, такимъ образомъ, вопросомъ о дозволенныхъ для нея *пріемахъ*. На этой почвѣ легко было подвести новиковскую сатиру подъ рубрику обычныхъ журнальных «ругательствъ» того времени.

Журналисты, съ Новиковымъ во главѣ, приняли сраженіе на предложенной почвѣ — и выиграли его. Они доказали «баушкѣ», что она «запуталась въ противорѣчіяхъ»; что «въ добрый часъ она намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе» (Смѣсь). Поставленный Новиковымъ вопросъ о разумныхъ и справедливыхъ отношеніяхъ между «подлостью и благородствомъ» «Всякая Всячина» рѣшилась до конца игнорировать и не проронила о немъ ни звука. За то она сдѣлала уступку, снизойдя до обсуждения другого общественнаго вопроса, — еще при Елизаветѣ завоеваннаго русской публицистикой, — вопроса о взяточничествѣ приказныхъ. Осужденіе взятокъ, какъ мы знаемъ (стр. 243), было первой побѣдой русской журналистики, вырванной у дворянскаго общественнаго мнѣнія. Поэтому даже въ ближайшемъ къ Екатеринѣ кругу должно было произвести впечатлѣніе скандала, когда императрица взяла на себя въ журналѣ защиту «крапивнаго сѣмени». Взятки перевести «весьма легко», — заявила «Всякая Всячина»: — «не обижайте никого: кто же васъ обижаетъ, полюбовно миритесь безъ подъячихъ». Мы знаемъ изъ депутатскихъ наказовъ, что такъ именно и поступали, въ виду безсилія закона... слабые, безнаказанно обижаемые сильными. Понятенъ отвѣтъ «Смѣси»: «если бы всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы было ни судовъ, ни приказовъ и подъячихъ... Но когда сіе необходимо, то для чего защищать подъячихъ?» Екатерина поняла неловкое положеніе, въ которое поставила себя, — и сдѣлала дальнѣйшую уступку. Сославшись на свой законъ о назначеніи жалованія подъячимъ, она напечатала въ журналѣ грозное «увѣщаніе лихонмцамъ», которое кончалось совсѣмъ не литературной угрозой. «Если вы еще и такъ дерзки, что осмѣливаетесь и т. д..., то неминуемо изъ двухъ послѣдуетъ одно: или вы будете истреблены, или исправитесь, пока есть на то время». Памятуя, однако, что споръ начался съ ея заявленія, что «подъячихъ перевести

не можно и не должно». «Всякая Всячина» посидѣвши при первомъ случаѣ успокоить своихъ читателей: «какъ имъ (приказнымъ) отъ насъ предписаны правоучительныя заповѣди, то должно думать, что они скоро исправятся». Въ глазахъ «Всячины», очевидно, инцидентъ былъ этимъ исчерпанъ.

Какъ видимъ, сама «Всякая Всячина» не удержалась все-таки въ намѣченныхъ ею для публицистики границахъ. Мало того, она оказалась способной прибѣгнуть въ сердцахъ и къ вовсе нелитературнымъ приѣмамъ. Если можно было въ журналѣ грозить подьячимъ административной карой, то отчего было не сдѣлать внушенія забывшимся журналистамъ?

«Екатерина въ этомъ отношеніи походила на Вольтера, — замѣчаетъ Сегюръ, — самые легкіе булавочныя уколы больно задѣвали ея тщеславіе. Будучи умна, она дѣлала видъ, что смѣется надъ этимъ: но ясно было, что смѣхъ этотъ былъ немножко вынужденный».

Мы, дѣйствительно, видѣли, что Екатерина «аффектировала смѣхъ», пока дѣло шло о нападкахъ «мелкотравчатыхъ писакъ». Она и теперь продолжала рекомендовать смѣхъ, какъ «новѣйшій образъ лѣченія» того рода «горячки», въ которой «больной вздумаетъ строить замки въ воздухъ (и утверждать, что) всѣ люди не такъ дѣлаютъ, и само правительство, — какъ бы радѣтельно ни старалось, — ни въ чемъ не угождаетъ; они одни по ихъ мыслямъ въ состояніи подавать совѣтъ и все учреждать къ лучшему». Но уже эта обидчивая характеристика «болѣзни» показывала, что смѣхъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ натуральный. На рекомендованномъ способѣ лѣченія Екатерина не могла успокоиться и потому, что, по ея мнѣнію, «такое несчастное сложеніе, наполненное злостью и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями — вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ: иной, на то прельстися, старается перенять, а другой угнетается, не бывъ сложеніемъ толь дерзостенъ, — и не осмѣлится дать воли своему здравому разсудку». Опасаясь не безъ основанія, что молодежь увлечется примѣромъ Новикова, «Всякая Всячина» выходитъ изъ своего притворнаго равнодушія. Она начинаетъ внушать читателямъ, что «долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами (авторъ хочетъ сказать: несправедливыми жалобами на такіе поступки), коихъ, право, я еще не видалъ, чтобы съ умысла случались». «Справедливы ли жалобы о неправосудіи, наипаче тогда, когда всякій честный

гражданинъ признаться долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ какое бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархія имѣетъ о насъ?» Долгъ писателя, въ такое правленіе, есть прославлять положительные стороны жизни, а не критиковать отрицательныя. «Добросердечный сочинитель... изрѣдка касается къ порокамъ..., но располагая свои другимъ наставленія, поставяетъ примѣръ въ лицѣ человека, украшеннаго различными совершенствами... описываетъ твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалитъ сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностью къ государю и обществу, изображаетъ миролюбиваго гражданина... присовокупляетъ къ тому пользы, изъ того истекающія... Вотъ славный способъ исправлять слабости человѣческія».

Какъ бы то ни было, этими литературными наставленіями пока и кончилось дѣло. Всякая Всячина удовольствовалась тѣмъ, что отдала Трутень «на судъ публики». Трутень, съ своей стороны, къ слову, ядовито замѣтилъ, что выраженіе, употребленное Всячиной (она «уничтожала» оскорбленія Трутня) неточно. «Уничтожить, то-есть въ ничто превратить — есть слово самовластію свойственное; а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть неприлична: уничтожаетъ верхняя власть какое-нибудь право другимъ». Новиковъ напоминалъ этимъ императрицѣ тѣ условія и границы борьбы печатнымъ словомъ, въ которыя она сама себя захотѣла поставить.

Съ Екатериной-писательницей Новиковъ не хотѣлъ считаться иначе, какъ на почвѣ чисто литературнаго спора. Главной, неистощимой темой Трутня остается, вопреки недовольству императрицы, социальная тема: смѣлая, открытая борьба съ кореннымъ зломъ русской жизни, съ сильными обидчиками, съ привилегированными хищниками, съ безнаказаннымъ нарушеніемъ закона, прикрываемымъ социальнымъ или оффиціальнымъ положеніемъ преступника. Когда Екатерина, съ своей точки зрѣнія индивидуальной морали, призываетъ сатирика къ «снисхожденію», «шьетъ изъ милосердія кафтанъ для пороковъ» и рекомендуетъ считать ихъ человѣческими слабостями. — Новиковъ и эти совѣты разрабатываетъ въ духѣ своей обычной темы. «Я слыхалъ слѣдующія разсужденія: въ маленькомъ человѣкѣ воровство есть преступленіе противъ законовъ: въ средостепенномъ воровство есть порокъ, а въ превосходительномъ степени и человѣкѣ, по вѣрявшимъ математическимъ новымъ исчисленіямъ, воровство не что иное, какъ слабость. Хотя бы и не такъ надлежало: ибо кто имѣетъ превосходительный чинъ, тотъ долженъ имѣть и пре-

восходительный умъ и превосходительныя знанія и превосходительное просвѣщеніе: слѣдовательно и преступленіе такого чело-
вѣка должно быть превосходительное». Какъ видимъ, Новиковъ
старается возратить императрицу на почву соціального вопроса,
которая была ей особенно непріятна: слишкомъ она хорошо понимала
и важность, и щекотливость такой прямой постановки вопроса. На
этой почвѣ Новиковъ подавалъ руку другому строителю «замковъ на
воздухъ», Дидро. «Вотъ смѣлая, можетъ безумная идея, — говорилъ
этотъ послѣдній въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Екатериной, — «при-
веденная въ исполненіе, она принесетъ больше чести и вызоветъ
больше шума, чѣмъ выиграшъ десяти битвъ. Она поможетъ въ тысячѣ
случаевъ, когда законъ остается безсильнымъ противъ могуществен-
ныхъ лицъ, — излечить страшный недостатокъ, нерѣдкій во всѣхъ об-
ществахъ, но особенно частый въ деспотическихъ, — что слабый не
можетъ отстоять свои права противъ сильнаго. На моей родинѣ, если
герцогъ не можетъ заплатить долговъ, его, несмотря на графсенбер-
ство, арестуютъ на улицѣ и сажаютъ въ тюрьму. Мнѣ кажется, что
здѣсь подобная строгость не въ обычаѣ. Я думалъ сперва, что един-
ственнымъ лекарствомъ было бы дать силу закону и подчинить ему
одинаково и сильнаго и слабаго. Но это долгая и трудная исторія, а
зло требуетъ немедленнаго искорененія». Въ итогѣ, Дидро предлага-
етъ Екатеринѣ лично удовлетворять кредиторовъ и потомъ самой рас-
читываться со всякимъ вельможей, не исполнившимъ своихъ обя-
зательствъ.

Новиковъ не могъ, разумѣется, подавать такихъ совѣтовъ. Но
онъ энергично указывалъ на зло. И его указанія нельзя было сохра-
нить въ тайнѣ, какъ рукопись французскаго философа. Къ недоволь-
ству Екатерины присоединялось раздраженіе, вызванное журналомъ
Новикова въ придворныхъ кругахъ. Журналистъ еще болѣе усилилъ
это раздраженіе, напечатавъ пинциалы «семерыхъ» наиболѣе влія-
тельныхъ вельможъ, которымъ нечего «красить, читая его сати-
ры»*). Всѣ остальные, стало быть, тѣмъ самымъ объявлялись кліен-
тами сатирика. Не могъ Новиковъ ослабить своихъ противниковъ и
тѣмъ, что напечаталъ въ своемъ журналѣ, какъ они грозятъ ему Си-
бирью и досаждаютъ на снисходительность государыни. Защищать не
въ мѣру откровеннаго писателя становилось трудно, — хотя за его
спиной и стояли, говорятъ, вліятельные оппозиціонеры изъ тогдаш-

---

*) О(рлова), П(анина), Н(арышкина), С(алтыкова), Воронцова или
Вяземскаго?), П(увалова), Б(ецкаго или Библикова?), В(севоложскаго)

ней знати. — П. Шуваловъ, Воронцовъ, кн. Дашкова, — собиравшіе около себя кружокъ журналистовъ. Новикову, очевидно, были сдѣланы внушенія. — и журналъ приемирѣлъ. Это не помѣшало, однако, сатирику отъ имени публики протестовать противъ своего новаго положенія и жаловаться на блѣдность журнала.

Развязка пришла сама собой. Интересъ Екатерины къ своему журналу быстро охладѣлъ, какъ онъ охладѣвалъ ко всему, что не удавалось ей сразу (*«commenceuse de profession»* и *«rien d'achevé»* то качество она «открыла» въ себѣ сама въ 1781 г.). Въ 1770 г. Всякая Всячина допечатывала свой «барышокъ», — рукописи (большей частью переводныя), залежавшіяся въ портфель редакціи. Она прекратилась, едва протянувъ полгода. Велѣдъ за ней (въ іюль) скончался и Трутень, послѣдній изъ журнальной семьи 1769 г. Передъ смертью журнала, Новиковъ смѣло заявилъ читателямъ, что Трутень умираетъ «противъ своего желанія», «по обстоятельствамъ» и велѣдствіе охлажденія публики.

Послѣ того Новиковъ занялся своимъ Словаремъ писателей, а Екатерина увлеклась новымъ способомъ «исправленія нравовъ» — посредствомъ театра. Послѣ неудачныхъ опытовъ съ Комиссіей и съ публицистикой — это была третья арена, на этотъ разъ наиболѣе узкая и скромная, на которую она перенесла свою литературно-общественную дѣятельность. Мы послѣдуемъ, при случаѣ, за Екатериной и въ это послѣднее приближеніе ея либерализма. Но пока мы должны еще заняться дальнѣйшими попытками Новикова на открытомъ ему инициативой Екатерины поприщѣ русской публицистики. или Воронцова?). Число «семь» дано въ другомъ мѣстѣ Трутня.

Въ 1772 г. Новиковъ вернулся на это поприще съ новымъ, наиболѣе зрѣлымъ продуктомъ своего сатирическаго таланта, съ «Живописцемъ». Опытъ съ Трутнемъ научилъ Новикова кое-какимъ журнальнымъ уловкамъ, но ни на іоту не измѣнилъ его настроенія. Сатирикъ ставилъ себя подъ эгиду императрицы и открывалъ новый журналъ посвященіемъ автору комедіи «О время». Онъ принималъ на себя личину скромнаго подражателя великихъ начинавій державной писательницы. Каждую смѣлую статью онъ непременно сопровождалъ трескучимъ панегирикомъ по адресу кого-нибудь изъ великихъ міра. Наконецъ, онъ безпрестанно твердитъ себѣ отъ лица своихъ читателей и корреспондентовъ, что надо быть «осторожнымъ». Все это, однако, не мѣшаетъ Новикову ставить свою главную задачу такъ, какъ онъ ставилъ ее и раньше. Въ только-что упомянутомъ посвященіи онъ рекомендуетъ, напр., императрицѣ слѣдующее средство, что-

бы сравниться съ Мольеромъ: «истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваема себя кунно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками (если будетъ осмѣяно на сценѣ Екатериной), въ первый разъ въ жизни своей почувствуетъ равенство съ низкостепенными». И въ слѣдующемъ обращеніи къ «самому себѣ» Новиковъ прозрачно намекаетъ на неудачный литературный дебютъ Всякой Всячины.

Что же означаетъ это новое «дерзновеніе»? Какой новый ресурсъ имѣетъ въ запасѣ «осторожный» сатирикъ, чтобы позволить себѣ такія неосторожности? Подъ какимъ флагомъ онъ надѣется провезти свою старую контрабанду?

Помимо упомянутыхъ уже литературныхъ уловокъ, Новиковъ разсчитывалъ, очевидно, на одно серьезное измѣненіе въ программѣ Живописца, совпадавшее съ желаніями государыни. Рядомъ съ социальнымъ вопросомъ онъ выдвинулъ на первое мѣсто въ новомъ журналѣ сатиру на «нравы» въ Екатерининскомъ смыслѣ этого слова. Это была такая общая почва, на которой, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, Новиковъ могъ надѣяться — сойтись во взглядахъ съ сочинительницей комедіи «О время» и заслужить ея благосклонность.

Только что указанная общая почва намѣтилась еще во время выхода Трутня и Всякой Всячины. Новиковъ, конечно, не могъ изображать положительныхъ типовъ и отрадныхъ явленій въ настоящемъ, какъ того требовала императрица въ своемъ журналѣ (стр. 356). Но и сама Всякая Всячина восхваляла «добродѣтели россіянъ», не въ настоящемъ, а только въ прошедшемъ. Не находя ихъ кругомъ себя, среди «татарскаго» (или «сарматскаго») варварства и «французскихъ» новомодныхъ пороковъ, журналъ Екатерины твердо надѣялся найти эти добродѣтели въ архивахъ и рукописяхъ. «Древнія повѣсти, крыющіяся теперь въ книгохранилищахъ», объявляла Всякая Всячина, «когда будутъ тисненіемъ во свѣтъ изданы (мѣры для этого уже приняты Екатериной), покажутъ намъ довольно число оныхъ, о которыхъ теперь, кромѣ чтущихъ, если кто по счастію достанетъ рукописныя книги, мало кому и слышать удастся. О прехвальные добродѣтели предковъ нашихъ, къ вамъ я теперь рѣчь свою простираю, явите себя міру: заткните уста поношающихъ васъ и не вѣдущихъ васъ; прославьте потомковъ вашихъ и себя *извѣтъ*, внутри же подайте примѣръ домашній, сильнѣйшій къ подражанію, нежели

всѣ иностранныя. Увидать чуждые языки и племена событіе стараній и желаній великія нашей государыни. что народъ російскій *будетъ* добродѣтеленъ, справедливъ и благополученъ во свѣтѣ столько, сколько можно по человѣчеству». Этотъ любопытный отрывокъ свидѣтельствуешь о новомъ складѣ мыслей автора (не Екатерины), зарождавшемся подъ сѣнью высочайшаго покровительства. Тѣ самыя надежды, которыя императрица возлагала на раціональное законодательство, возлагаются здѣсь на историческую реставрацію древнихъ добродѣтелей. Современное состояніе нравовъ замалчивается имъ. Поскольку о немъ говорится, это состояніе характеризуется отрицательными явленіями. Но вина за нихъ перелagается съ русскихъ на иностранцевъ. Такъ нащупываются и складываются на нашихъ глазахъ элементы новой націоналистической теоріи, которой предстоитъ долгая исторія и много превращеній. Мы къ ней вернемся еще не разъ: но теперь, стоя у самаго источника будущей теоріи, полезно заблаговременно указать на обстоятельства, при которыхъ эта охранительная теорія возникла.

Отрицательное отношеніе къ новымъ культурнымъ заимствованіямъ и восхваленіе, въ пикъ имъ, древней простоты нравовъ уже въ описываемый нами моментъ было совсѣмъ не новымъ явленіемъ въ Россіи. Источникъ этихъ взглядовъ двоякій, — отчасти въ литературѣ, отчасти въ жизни. Въ жизни это, прежде всего, реакція стихійнаго націонализма, съ которымъ мы сталкивались не разъ и при Петрѣ, и при его преемникахъ. Идейнаго тутъ еще очень мало; это просто продуктъ непосредственнаго раздраженія эксплуатируемаго обывателя противъ своего иностраннаго конкурента, съ которымъ, за слабостью мысли и знанія, приходится бороться силой и хитростью. Въ любой странѣ, сразу шагнувшей изъ примитивнаго быта въ культурную обстановку жизни и безсильной противъ эксплуатаціи иностранцевъ, это стихійное чувство достигаетъ сильнаго напряженія и проявляется совершенно своеобразными пароксизмами національнаго самомиѣнія. Прежде чѣмъ сложится въ какую-нибудь теорію, задѣтое чувство національнаго соперничества проявляется во всевозможныхъ мелочахъ жизни. При этомъ несложное самолюбіе юныхъ адептовъ культуры ищетъ удовлетворенія двумя противоположными путями: или въ грубомъ протестѣ противъ всего иностраннаго, или въ безпрекословномъ усвоеніи его. При всей кажущейся противоположности, оба эти способа удовлетворенія самолюбія находятся въ самомъ тѣсномъ психологическомъ родствѣ. Поэтому зачастую она

даже прямо переходит другъ въ друга или совмѣщаются другъ съ другомъ.

На ближайшей высшей ступени оба указанные типа пріятія или непріятія иностраннаго вызываютъ насмѣшки и становятся предметомъ литературнаго изображенія. Изобразить эти типы не трудно, такъ какъ и въ жизни оба они крайне каррикатурны. Тѣмъ не менѣе, у насъ для литературнаго изображенія ихъ были употреблены готовые трафареты изъ болѣе зрѣлыхъ литературъ. Но было бы ошибочнымъ заключать отсюда, какъ дѣлали нѣкоторые исследователи, — что въ жизни такихъ типовъ не существовало. Вотъ ранніе прототипы обѣихъ отмѣченныхъ разновидностей доморощеннаго самолюбія, — ксенофобовъ и ксенофиловъ — отмѣченные путешествовавшимъ по Россіи датчаниномъ П. Ховеномъ *уже въ тридцатыхъ годахъ*, т. е. задолго до законченнаго литературнаго изображенія ихъ въ русскихъ сатирическихъ журналахъ Екатерининскаго времени. Вотъ будущая «щеголиха» или «кокетка», русской сатиры, молодая княгиня Куракина. «У ней цѣлый придворный штатъ; она ѣздитъ шестерней съ двумя форейторами и четырьмя лакеями, держитъ двѣ дюжины горничныхъ и столько же лакеевъ, ѣстъ роскошно и не во время, спитъ до полудня, одѣвается какъ петербургская оперная пѣвица, говоритъ только по русски, но примѣшиваетъ столько французскихъ и итальянскихъ словъ съ русскими окончаніями, что природнымъ русскимъ трудно въ понять ее, чѣмъ иностранцу: въ разговорѣ по большей части хвалить французскія моды и вольное обращеніе, смѣется надъ богобоязненными женщинами, которыя вздыхаютъ о мірской суетѣ, потому что не могутъ найти жениховъ и выйти замужъ (она разумѣетъ тутъ своихъ кузинъ): ея любовныя исторіи доказываютъ, что въ Москвѣ можно разыгрывать амурныя драмы нисколько не хуже Парижа и Лондона». А вотъ противоположный типъ, князь и княгиня Черкасскіе. «Князь спросилъ меня, понимаю ли я по-русски. Я отвѣчалъ: да, немножко. Тогда князь сказалъ, что такъ какъ онъ вездѣ въ своихъ путешествіяхъ долженъ былъ говорить на томъ языкѣ, гдѣ находился, то онъ не можетъ позволить, чтобы въ его отечествѣ кто-либо говорилъ иначе, чѣмъ по-русски. Я хотѣлъ бы знать, продолжалъ онъ, почему бы русскій языкъ нельзя было поставить наравнѣ съ французскимъ и нѣмецкимъ. Я отвѣтилъ, что это, вѣроятно, потому отчасти, что науки еще не процвѣли въ странѣ, и языкъ не распространенъ и не обработанъ, но отчасти также и по той причинѣ, что русское государство только недавно стало уважаться иностранцами: но что, конечно, съ

могуществомъ государства возрастетъ и репутація языка. Князь успокоился на этомъ, но тогда княгиня меня спросила, не нѣмецъ ли я. Когда я сказалъ, что нѣтъ, она сняла съ головы соломенную шляпу, сдѣланную по англійскому фасону, и спросила, какъ я думаю, слѣдуетъ ли выписывать такія вещи изъ-за границы. Я отвѣчалъ, что эта провинность вполнѣ искупается тѣмъ, что ея сіятельству пришлось купить ее поневолѣ и что это хорошая и полезная вещь. Да, отвѣчала княгиня, — а мнѣ ее сдѣлалъ мой мужикъ тутъ въ Москвѣ; стало быть, вы видите, что мы здѣсь въ Россіи не нуждаемся въ нѣмецкихъ товарахъ, — да и въ самихъ нѣмцахъ».

Въ сатирическихъ журналахъ времени Екатерины мы встрѣтимъ совершенно тѣ же разговоры и ту же самую логику. Но какъ замѣчено выше, — въ промежуткѣ тутъ еще вошелъ элементъ, помогшій передѣлать жизненные факты въ журнальныя статьи. Это тотъ книжный элементъ, который, въ его сыромъ и неприкосновенномъ видѣ, мы нашли въ журналахъ елизаветинскаго времени. Мы знаемъ, что русская журналистика овладѣла описанными явленіями жизни по готовымъ книжнымъ образцамъ, — главнымъ образомъ по нѣмецкимъ. Иностранные источники русскихъ журналовъ, правда, изображали иногда явленія болѣе тонкія и сложныя: напримѣръ «петиметръ» у Гольберга (стр. 287) похожъ скорѣе на современнаго эстетика или декадента, чѣмъ на кукольный типъ русской сатиры (и русской дѣйствительности). Но это были частности. Въ общемъ, не только типы, а и отношеніе къ нимъ журналистовъ было въ германскихъ странахъ то же, что у насъ. Этимъ отчасти объясняется, почему наши писатели такъ любили эксплуатировать именно нѣмецкіе моральные журналы. Тамъ они находили то же самое націоналистическое раздраженіе, тотъ грубоватый тевтонскій протестъ противъ французской модной культуры, который всего лучше соответствовалъ ихъ собственному настроенію и потребности русской публики. Тамъ національный протестъ противъ галломаніи сложился раньше, чѣмъ у насъ; вотъ почему мы могли взять его оттуда готовымъ.

Справедливость требуетъ, однако, подчеркнуть, что у насъ этотъ націоналистическій протестъ противъ иностранныхъ заимствованій скоро получилъ болѣе прогрессивный, менѣе шовинистскій смыслъ. Отчасти это было потому, что самыя заимствованія были гораздо поверхностнѣе, грубѣе у насъ. Поэтому протестъ противъ культурной виѣшности получалъ значеніе протеста противъ виѣшной культурности. Съ другой стороны, у насъ въ гораздо большей степени, чѣмъ у нѣмцевъ, новая культура сдѣлалась привилегированнымъ достоя-

ніємъ *однихъ* только «благородныхъ». Поэтому, нападки на виѣшнюю культуру начали сливаться у насъ съ нападками на исключительное положеніе привилегированнаго класса, т. е. приобрѣли характеръ соціального протеста.

Послѣ этихъ разъясненій будетъ понятно, какимъ образомъ «русскій Рабенеръ», Новиковъ нашелъ для своихъ новыхъ журналовъ общую почву съ Екатериной въ осмѣиваніи французскихъ заимствованій — въ настоящемъ — и въ идеализаціи старинныхъ русскихъ добродѣтелей, уничтоженныхъ этими заимствованиями, въ прошломъ.

Понятно также, почему это сближеніе съ взглядами императрицы оказался далеко неполнымъ. «Живописецъ» весьма исправно «малевалъ своими красками нынѣшніе развратные свѣтскіе обычаи, новоманерныхъ петербургскихъ щеголей и щеголихъ», «перенятое нашими молодыми господичами у иностранцевъ нововыдуманное обхожденіе»: «легковѣрность, вертопрашество, непостоянство, вольность въ обхожденіи и многіе другіе пороки», заимствованные у французовъ. Но въ то же время онъ набрасывалъ первыя въ русской литературѣ картины крѣпостной крестьянской страды и по прежнему настаивалъ на томъ, что «подлыми» людьми надо называть лишь тѣхъ, которые дѣлаютъ «дурныя дѣла». Относительно «древнихъ добродѣтелей» предковъ Новиковъ предпочиталъ пока молчать. Ограничиваясь критикой современныхъ ему «развратныхъ обычаевъ» высшихъ классовъ и позоря ломающуюся на иностранный манеръ молодежь, онъ не думалъ возлагать за это ответственность на самихъ иностранцевъ.

Такимъ образомъ, общій тонъ и общая картина журнала получались много «веселѣе» Трутня, но все же, «меланхолическихъ» нотъ слышалось болѣе чѣмъ достаточно. А картины изъ деревенскаго быта даже оставили за собой лучшее, что было въ Трутнѣ въ этомъ родѣ. Мы разумѣемъ знаменитыя письма и отписки изъ провинціи, перепечатанныя потомъ въ слѣдующихъ изданіяхъ Живописца. Правда, *разсужденія* по поводу изображенныхъ явленій далеко не стояли на одинаковой высотѣ съ самымъ этимъ изображеніемъ. Но причины этого понятны. Въ числѣ другихъ нововведеній, журналъ долженъ былъ ввести въ употребленіе знакомый позднѣйшей русской сатирѣ «езоповскій языкъ». Къ удивленію, этотъ языкъ, который очень хорошо умѣли понимать читатели Живописца, ввелъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, которые и въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что сатирическіе журналы Новикова считаютъ свой вѣкъ золотымъ и добиваются только частичныхъ переменъ — не столько въ поряд-

кахъ, сколько въ лицахъ. Разумѣется, Живописецъ, говоря о крѣпостномъ правѣ, долженъ былъ оговориться, что бичусть лишь «злоупотребленія дворянскимъ преимуществомъ», а не самое это преимущество. Онъ поясняетъ, что, нападая на казнокрадовъ и взяточниковъ, критикуетъ лишь отдѣльных бюрократовъ, а не весь бюрократическій строй. Онъ подчеркивалъ, наконецъ, что всѣ эти безпорядки и злоупотребленія, о которыхъ онъ рассказывалъ, уже отмѣнены и исправлены, похитители отставлены, мучители наказаны; словомъ, выражаясь языкомъ «Всякой Всячины», «правосудительныя заповѣди предписаны», и правы, если еще не совсѣмъ исправились, то, во всякомъ случаѣ, «скоро исправятся». Но каждый понималъ, что мысль журналиста идетъ дальше, чѣмъ его выраженія. Личной оптимизма журналъ не могъ обмануть никого, а всего менѣе заинтересованныя сферы.

Это и отразилось на судьбѣ Живописца, совершенно одинаковой съ судьбой Трутня. Журналъ зачахъ, а журналисту пришлось пойти еще дальше по направленію, желательному для Екатерины. Съ начала 1773 года, т. е. еще раньше, чѣмъ окончательно прекратился Живописецъ, Новиковъ сталъ издавать при прямомъ участіи и денежной поддержкѣ Екатерины сборникъ историческихъ документовъ, долженствовавшій, согласно идеѣ «Всякой Всячины», (стр. 305), извлечь изъ архивовъ несомнѣнные доказательства «древнихъ российскихъ добродѣтелей». Въ предисловіи къ Древней Россійской «Вивлиоикѣ» цѣль эта указана вполне опредѣленно. Изъ «начертанія правовъ и обычаевъ» предковъ читатель долженъ былъ познать «великость духа ихъ, украшеннаго простотой». Мало того, пользуясь благосклоннымъ отношеніемъ императрицы къ этому изданію, — въ которомъ, кромѣ нѣсколькихъ строкъ предисловія, нѣтъ ничего публицистическаго, — Новиковъ задумываетъ новый сатирический журналъ, въ которомъ обѣщаетъ развивать ту же идею о древнихъ добродѣтеляхъ.

Въ этомъ журналѣ, «Кошелекѣ» (1774), третьемъ и послѣднемъ, Новиковъ самъ ближе всматривается въ эту основную идею, мелькавшую въ его умѣ еще при изданіи Трутня. Результаты его размышленій оказываются, однако, довольно неожиданные. Чѣмъ дальше онъ пишетъ, тѣмъ яснѣе начинаетъ понимать, что древнія добродѣтели предковъ находятся въ очень сомнительной связи съ его собственными общественными и просвѣтительными идеалами. Пока онъ рисуетъ типичнаго проходимца-француза, шевалье де-Мансонжа, дѣло идетъ на ладъ. Любопытно, однако, что и тутъ Новиковъ высмѣиваетъ

не вообще вліяніе иностранцевъ, а только вліяніе французовъ извѣстнаго типа, и заставляетъ возражать шевалье де Мансонжу — не русскаго, а нѣмца, личность котораго изображается въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Но окончательно сбивается Новиковъ, когда дѣло доходитъ до теоретической защиты старины. Чтобы отдалить моментъ, онъ предпосылаетъ сперва возраженія *противъ старины*. Эти возраженія оказываются въ его собственныхъ глазахъ настолько вѣскими, что онъ отказывается опровергать ихъ и прекращаетъ изданіе журнала. Если бы вся эта метаморфоза не происходила на глазахъ читателя, то положительно можно было бы подумать, что это — одинъ изъ приѣмовъ «езоповскаго» языка Новикова. Но нѣтъ: начинается онъ съ прямыхъ заимствованій подлинныхъ выраженій Екатерины и «Всякой Всячины». Онъ обѣщаетъ статью, которая должна быть центральной, которою объясняется и самое заглавіе, данное журналу. Между тѣмъ, статья въ журналѣ не появляется, заглавіе объясняется кое-какъ, мимоходомъ. Въмѣсто первоначальнаго пожеланія читателю «въ жизни сей пользоваться древними россійскими добродѣтелями», находимъ весьма резонное разсужденіе отъ имени воображаемаго противника Новикова: «время отъ времени правы перемѣняются, а съ ними и правоучительныя правила подвержены такой же перемѣнѣ». Затѣмъ идетъ настоящая сатира на то время, когда «древнія россійскія добродѣтели» были въ употребленіи. Въ тѣ времена «русскіе цари, въ первый день свадьбы своей, волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же обѣдали; всѣ науки заключались въ однихъ святцахъ; женились, не выдавъ невѣсты въ глаза; за различное знаменованіе (креста) сожигали въ срубѣхъ или, изъ особливаго благочестія, живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ». Надо прочесть въ подлинникѣ эти блестящія, чисто новиковскія насмѣшки и опроверженія защищаемаго имъ самымъ официальнаго взгляда. «Сильныя выраженія и доказательства» противъ старины такъ искусно перемѣшаны здѣсь съ нелѣпыми и смѣхотворными, что, въ концѣ концовъ, читатель, вслѣдъ за изображаемымъ противникомъ старины, въ недоумѣніи спрашиваетъ журналиста: «я подлинно еще не знаю, притворяетесь ли вы прямымъ русакомъ или таковы и въ правду?» Какъ бы ни отвѣтилъ Новиковъ на этотъ вопросъ, — который онъ предпочитаетъ оставить безъ отвѣта, — ясно, во всякомъ случаѣ, одно: въ пропагандисты націоналистической теоріи, только-что начинавшей складываться,

онъ совѣтъ не годился. Изъ «исторіи» онъ извлекъ лишь непріятные аргументы: «Всякая Всячина» отнюдь не думала о нихъ, когда ожидала найти въ архивахъ «древнія русскія добродѣтели». А въ защиту новой легенды объ этихъ старыхъ добродѣтеляхъ Новиковъ привелъ только устное преданіе — «словесныя объявленія старожиловъ», — да, точно въ насмѣшку, предложилъ редактору «Кошеляка» самому поискать этихъ добродѣтелей въ своей «Вивліюнкѣ».

Съ прекращеніемъ «Кошеляка» окончился второй важный эпизодъ въ исторіи русской журналистики (1769-1774). Для начинавшаго тогда слагаться русскаго общественнаго мнѣнія журналы этихъ годовъ сыграли въ высшей степени важную роль. Они сформулировали мнѣнія и чаянія передовой части русскаго общества и выяснили отношеніе къ этимъ взглядамъ разныхъ сословій и правящихъ круговъ. Стремленія выступившаго въ этихъ журналахъ поколѣнія были безсословными: къ нимъ могли присоединиться всѣ недовольные господствующимъ положеніемъ сословія, которое какъ разъ въ этотъ моментъ становилось не только привилегированнымъ, но и правящимъ. Недовольны, главнымъ образомъ, были горожане. Наболѣе обдѣленные судьбой, крестьяне были и главнымъ предметомъ сочувствія; но до нихъ голоса журналовъ не доходили. «Хлѣбъ, который они ѣдятъ; религія, которая ихъ утѣшаетъ, вотъ единственныя ихъ идеи. Благоденствіе государства, потомство, грядущее поколѣніе — для нихъ слова, которыми ихъ нельзя затронуть. Они связаны съ обществомъ только своими страданіями и изъ всего того безпредѣльнаго пространства, которое называется будущимъ, они замѣчаютъ только завтрашній день. Ихъ жалкое положеніе лишаетъ ихъ возможности имѣть болѣе отдаленныя интересы». Читатель спрашиваетъ, конечно, изъ какого радикальнаго автора взята эта краснорѣчивая цитата? Она принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ. Это часть того отвѣта ея Дидро о русскихъ сословіяхъ, на который мы ссылались. Конечно, не хуже русскихъ журналистовъ своего времени Екатерина понимала положеніе дѣлъ. Она хорошо знала, «о комъ пещись должно»: Но знала также и то, «съ кѣмъ дѣло имѣемъ»...

Сравнивая настроеніе литературныхъ круговъ 1769-1774 гг. съ настроеніемъ интеллигентнаго поколѣнія, создавшаго первый расцвѣтъ русской журналистики десятью годами раньше, мы должны будемъ констатировать огромный шагъ впередъ. Отвлеченные интересы и чувства характеризовали то поколѣніе, — и они уступили, какъ мы видѣли, первому холодному дыханію жизни. Вчерашніе литераторы сдѣлались сегодня защитниками интересовъ своего сословія. На-

противъ. новое поколѣніе интеллигенціи, подѣ вліяніемъ идей времени и опираясь уже на своихъ интеллигентныхъ предшественниковъ, выросло съ болѣе серьезными и болѣе конкретными запросами отъ жизни и литературы. Житейскій холодъ охватилъ скоро и ихъ, послѣ короткаго періода «недоразумѣній». Имъ этотъ холодъ былъ даже гораздо чувствительнѣе, чѣмъ ихъ старшимъ братьямъ. Но это, какъ скоро увидимъ, только закалило ихъ для дальнѣйшей борьбы, и, вмѣсто того, чтобы охладить ихъ къ теоріямъ, заставило только внимательнѣе пересмотрѣть свой умственный багажъ. Не простая потребность использовать досугъ, а сознаніе своего нравственнаго и гражданскаго долга побудило лучшихъ изъ нихъ взяться за перо журналиста. То же серьезное отношеніе къ себѣ заставило и отложить перо въ сторону, когда оказалось, что въ журналѣ возможна только одна «веселая и легкая критика». Двѣ цитаты помогутъ намъ представить себѣ эту смѣну настроенія молодыхъ журналистовъ. «Я думаю, — говорилъ себѣ Фонвизинъ, — что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіане, составляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій голосъ свой противъ злоупотребленій и предрассудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ перомъ въ рукахъ можетъ быть иногда полезнымъ совѣтчикомъ государя, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества». Сравнимъ это радужное настроеніе начинающаго литератора съ горькимъ разочарованіемъ литератора опытнаго. Въ Живописцѣ Новикова оставленный отъ службы взяточникъ обращается къ издателю со слѣдующей насмѣшливой рѣчью: «Что ты изъ пустого въ порожнее переливаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную собачку моей жены, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ. А это по нашему называется — брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно, да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хоть и дана воля брехать на всѣхъ, — только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты: пишешь все пустое».

Мы видѣли, что и Екатерина разочаровалась въ журнальной дѣятельности. Но какъ причины, такъ и послѣдствія разочарованія были діаметрально противоположны у нея и у молодыхъ литераторовъ. Она сокращала и ограничивала районъ своего литературнаго воздѣйствія. Они старались его расширить. Она ушла отъ журнала къ театру, отъ русскаго театра къ французскимъ эрмитажнымъ спек-

таклямъ и къ интимной корреспонденціи. Они перенесли свою дѣятельность изъ журнала непосредственно въ жизнь и отъ сатирическихъ набросковъ перешли къ работѣ надъ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ.

Записки Дидро, читанныя имъ Екатеринѣ, изданы *Maurice Tourneux: Diderot et Catherine II, Paris 1899*. Съ появленіемъ этого важнаго матеріала прежнія работы о Дидро должны считаться устарѣвшими. О Дидро вообще см. **Морлея**, Дидро и энциклопедисты, и **А. Веселовскаго**, статья «Дени Дидро» въ Этюдахъ и характеристикахъ, М. 1894. О журналахъ см. кромѣ текстовъ ихъ (Живописецъ и Трутень переизданы съ примѣчаніями П. А. Ефремовымъ, Спб. 1864-5; оба журнала и Кошелекъ имѣются также въ общедоступной «Дешевой Библіотекѣ» Суворина, (1900 г.), **А. Аѳанасьева**. Русскіе сатирическіе журналы 1769-1774 гг. М. 1859 г.; **Н. А. Добролюбова**, Русская сатира въ вѣкъ Екатерины, соч. I; (нападки на недостаточный радикализмъ сатиры). **Е. С. Шумигорскаго**, Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица — публицистъ, (защита императрицы отъ журналистовъ), Спб. 1887 г.; **В. Θ. Солнцева**. Всякая Всячина и Спектаторъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., 1892 г., I (въ моемъ изложеніи заимствованныя изъ Спектатора мѣста совершенно оставлены въ сторонѣ; авторъ преувеличиваетъ ихъ значеніе и не подозреваетъ того дѣйствительнаго — и весьма важнаго — значенія, какое имѣлъ журналъ Екатерины въ исторіи русской публицистики — оригинальной частью своего содержанія); его же, Смѣсь, сатирическій журналъ 1769 г. Спб. 1894 г. (изд. Библиографа). *Memoires de Ségur*, t. III Новая работа о Новиковѣ принадлежитъ **В. Боголюбову**: Н. И. Новиковъ и его время, М. 1916. Авторъ соглашается съ моими выводами (см. стр. 119). См. также **В. П. Семенникова**, Русскіе сатирическіе журналы 1769-74 г. Спб. 1914.

Екатери́на II поддержи́ваетъ правящее сословіе

Второй періодъ «легисломаніи» Екатерины (1775-1785). — Обстоятельства, побудившія ее вернуться къ законодательнымъ работамъ. — Вліяніе пугачевщины: ея соціально политическая программа и дворянскія демонстраціи Екатерины. — Вліяніе депутатскихъ наказовъ. — Вліяніе Блэкстона. — Вліяніе остзейскихъ учреждений — Выборныя должности Учрежденія о губерніяхъ. — Идеиный вкладъ Екатерины въ У. С. Г. — Идеаль и дѣйствительность дворянскаго самоуправленія. — Стремленіе приурочить его къ службѣ и чину. — Значеніе губернскихъ учреждений для распространенія дворянской культуры въ провинціи. — Общій планъ екатерининскихъ преобразованій. — Исключеніе изъ него крестьянскаго вопроса. — Характеръ жалованныхъ грамотъ сословіямъ. — Предположенія о реформѣ центральныхъ учреждений. — Причины, почему эти предположенія были отложены.

«Недоразумѣніе», о которомъ мы говорили въ началѣ предыдущей главы, разъяслось. Власть и общественное мнѣніе пошли различными путями, и когда эти пути пересѣклись вновь, ихъ встрѣча была, какъ увидимъ, враждебнаго характера. Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому столкновенію, намъ слѣдуетъ познакомиться ближе съ путями, избранными властью.

Выборъ этотъ происходилъ при трудныхъ обстоятельствахъ, и нельзя отрицать, что — при этихъ обстоятельствахъ. — онъ въ значительной степени оказался вынужденнымъ. Однако, въ трудныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не было ничего, что не было бы подготовлено предыдущимъ общимъ положеніемъ дѣлъ. И, въ этомъ смыслѣ, окончательный выборъ направленія внутренней политики не былъ чѣмъ либо новымъ и неожиданнымъ. Краски стусились; очертанія стали рельефнѣе. Но, въ общемъ, это тотъ же тонъ, тѣ же тенденціи, которыя намѣтились у Екатерины давно, какъ мы могли видѣть и изъ нашего предыдущаго изложенія.

1774 годъ былъ тяжелымъ годомъ для Екатерины. Съ турецкаго театра войны до самаго конца іюля получались свѣдѣнія одно не-удовлетворительнѣе другого. Внутри имперіи разгоралась жакерія, грозившая принять небывалые размѣры. Слухъ за слухомъ приходилъ изъ Москвы, что чернь волнуется, что тюрьмы переполнены открытыми сторонниками Пугачева, что губернаторъ принужденъ былъ стрѣлять въ мятежную толпу, что 18 человекъ повѣшено. Дворянство, въ свою очередь, нервничало и не скрывало своего раздраженія противъ правительства, которое не умѣетъ его защитить. И среди этой, переполненной политической отравой атмосферы, раскрылась страшная рана екатерининскаго правленія, — вопросъ о ея отношеніи къ наслѣднику престола. Все, что притаилось при самомъ дворѣ оппозиціоннаго, заговорило или, предполагалось, должно было заговорить. Герои и участники и даже простые свидѣтели переворота 1762 года, казалось, самымъ своимъ присутствіемъ снова напоминали про непрочность положенія Екатерины. Этотъ психологическій моментъ окончательно толкнулъ императрицу отъ Орловыхъ и Чернышевыхъ къ Потемкину. Но Потемкинъ былъ только надежной точкой опоры, точкой приложенія силы; силой осталась сама Екатерина. И, надо сказать,, она обнаружила гибокость и энергію, которыя помогли ей справиться съ трудностью положенія. Утѣшая вскорѣ послѣ того Роберта Гуннинга, англійскаго представителя, — который, правда, ждалъ отъ нея войскъ, а не утѣшеній, въ затруднительномъ положеніи Англіи, — Екатерина обмолвилась нѣсколькими искренними словами о своихъ собственныхъ затрудненіяхъ, только что пережитыхъ ею. «Повѣрьте мнѣ, я не основывала свои надежды на успѣхъ на какомъ-либо *одномъ* средствѣ дѣйствія. Есть моменты, когда не приходится быть слишкомъ ригористичной». И дѣйствительно, мы видимъ не одну, а нѣсколько Екатерины, борющихся съ приливомъ, готовымъ ее захлеснуть. Она осыпаетъ золотомъ перваго встрѣчнаго шарлатана, явившагося съ Поволжья съ предложеніемъ выдать или убить Пугачева; и она же обращаетъ всю пугачевщину въ шутку въ своей литературно-дипломатической болтовнѣ съ Вольтеромъ, Гриммомъ и мадамъ Бельке. Она отдаляетъ вѣрныхъ друзей, привыкшихъ дѣлить съ ней власть, и дѣлаетъ будирующаго противъ нея, но безопаснаго честолюбца Петра Панина — усмирителемъ пугачевщины. Она отмѣняетъ, послѣ трудной и дорогой войны, рядъ податей, чтобы доказать, что русскіе финансы въ блестящемъ положеніи; и она выбираетъ Москву, средогочіе оппозицій, ареной своихъ блестящихъ празднествъ по поводу заключенія мира. Напрасно близору-

не партизаны, въ родѣ Сиверса, всѣми силами отговариваютъ ее отъ этого путешествія въ Москву. Екатерина лучше ихъ понимаетъ значеніе политической *mise en scène*. Съ той же демонстративностью, съ какой она устраивала въ Москвѣ открытіе своей Комиссіи, она опять выбираетъ это самое мѣсто для продолженія своихъ законодательныхъ трудовъ. Да, она, наконецъ, будетъ продолжать эти труды: не только потому, что всѣ этого ждутъ отъ нея въ Европѣ, что сама жизнь требуетъ реформъ, сколько потому, что теперь — это козырь въ ея рукахъ, одинъ изъ «инструментовъ царствованія». Она хорошо понимаетъ, даже и безъ совѣтовъ Библикова, что однихъ наплативовъ и зрѣлищъ мало, чтобы побороть общее недовольство. Наконецъ, законодательствованіе это ея профессія, ея спеціальность «дѣлать людей довольными», — тѣхъ людей, которые ей нужны, — и для этой цѣли у нея есть, какъ она увѣрена, большой запасъ рецептовъ и средствъ.

Конечно, она пуститъ въ дѣло тѣ изъ этихъ средствъ, которыя требуются данной минутой. Всмотримся внимательнѣе въ главный психологическій мотивъ, вызвавшій новый приливъ екатерининской «легисломаніи», и мы легко поймемъ, что и почему поставлено было теперь на ближайшую очередь.

Главнымъ толчкомъ было, конечно, то положеніе вещей, которое было съ особенной ясностью обнаружено пугачевщиной. Пугачевщина, какъ *фактъ*, могла быть устранена смѣлой операціей. Пугачевщина, какъ симптомъ, требовала систематическаго и продолжительнаго леченія.

Въ своемъ происхожденіи, пугачевщина была давно знакомымъ Москвѣ проявленіемъ борьбы между рядовымъ казачествомъ и казацкой аристократіей. Въ этой соціальной борьбѣ московская политика постоянно стремилась дать перевѣсъ казацкой старшинѣ надъ казачествомъ, казачеству надъ посполствомъ (крестьянствомъ). Но иногда правительству поневолѣ приходилось поддерживать демократические элементы. Это случалось, когда болѣе вліятельныя общественныя группы слишкомъ уже открыто обнаруживали автономистскія стремленія или вступали въ сношенія съ поляками и турками. Во второй половинѣ XVIII вѣка положеніе дѣла значительно измѣнилось. Съ одной стороны, уже не было больше основаній опасаться, что казацкая старшина *юго-восточной* окраины войдетъ въ союзъ съ политическими врагами Россіи. Съ другой стороны, соціальный процессъ закрѣпощенія посполства и присвоеніе казацкихъ земель въ частную собственность старшиной — къ этому времени почти за-

вершился. Этот быстрый рост земельной силы новой казацкой аристократии отлично гармонировалъ съ ростомъ шляхетскихъ тенденцій въ самой Россіи. Вотъ почему политика Петербурга на Дону и особенно на Волгѣ уже совсѣмъ не представляетъ даже тѣхъ, чисто виѣшнихъ заигрываній съ казацкой демократіей, какихъ нечужда была политика Москвы на Днѣпрѣ. Старшинская партія стала здѣсь окончательно — правительственной, а войсковая — оппозиціонной. Новорожденное казацкое дворянство и старшинская бюрократія быстро сознали свою солидарность съ дворянствомъ и бюрократіей имперіи. И еще быстрѣ простой народъ, закрѣпощаемый тѣмъ и другимъ дворянствомъ, долженъ былъ признать въ обоихъ своего общаго врага. Притокъ бѣглыхъ переселенцевъ изъ центра на окраины никогда не прерывался и приносилъ съ собою постоянно сѣющую струю социальной вражды, обостряемой еще болѣе — крѣпостническими стремленіями мѣстной казацкой старшины. Этой солидарностью чувствъ и интересовъ обѣихъ социальныхъ группъ въ центрѣ и на окраинахъ объясняется, почему движеніе, вначалѣ специфически казацкое, антистаршинское, такъ легко и быстро перекинулось изъ только что начавшей заселяться территоріи казаковъ и инородцевъ въ черту (тоже не особенно стараго) помѣщичьяго землевладѣнія и крѣпостного права. Пугачевскія прокламаціи не оставляли никакого сомнѣнія относительно социального характера движенія. Главная цѣль его — истребленіе «тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытятся Россіею, но и природныя казачьи войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ». «Всему свѣту извѣстно, — заявлялось въ прокламаціи одного изъ сообщниковъ Пугачева, — сколько во изнуреніе приведена Россія. Отъ кого-жъ? Вамъ самимъ то небезызвѣстно. Дворянство обладаетъ крестьянами; но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобы они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они... хуже почитали собакъ своихъ, съ которыми гонялись за зайцами. Компанейшники завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работою утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ». Самъ Пугачевъ не упускалъ случая объяснить, что потерпѣлъ онъ и лишенъ былъ престола — за свою попытку улучшить положеніе крестьянъ: за то, что хотѣлъ перевести дворянство на жалованіе, а земли вернуть крестьянамъ. Конечно, есть въ прокламаціяхъ и другіе мотивы: тягости со стороны государства (подушная подать и рекрутчина) и перемѣна вѣры. Но и эти оба мотива ставятся въ самую тѣсную связь съ главнымъ, антидворянскимъ. «Отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ древняго святыхъ отенъ пре-

данія законъ христіанскій нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того съ ихъ зловреднаго умысла, съ нѣмецкихъ обычаевъ, введенъ въ Россію другой законъ, и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ, какъ въ крестѣ, такъ и въ прочемъ, неистовства; и подвергнули, кромѣ (т.-е. вопреки) нашей монаршей власти, всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеній и доводя ее до самой и крайней гибели». Исходъ намѣчался самъ собою: замѣнить дворянское войско — казацкимъ. Тогда не нужно будетъ ни помѣщичьихъ, ни государственныхъ сборовъ, ни рекрутчины. Своихъ «вѣрноподанныхъ» Пугачевъ привлекалъ «вольностью, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору: войско *изъ вольножелающихъ* къ службѣ великое исчисленіе имѣть будетъ: дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будетъ, понеже каждый почувствуетъ прописанную вольность и свободу».

Современники хорошо понимали, что сила Пугачева не въ немъ самомъ, а въ этой соціально-политической программѣ, которая съ необходимостью вытекала изъ всей вѣковой исторіи крестьянства и явилась неизбѣжнымъ, неустранимымъ выраженіемъ его классового самосознанія. (Ср. «Очерки» т. I). Въ этомъ историческомъ смыслѣ, вся крестьянская Россія была пугачевской. «Не вездѣ ль опасность одинакова? И не весь ли черный пароть вообще, когда незлыя, такъ въ сердцахъ своихъ — бунтуется и готовъ поднять на насъ свои руки?» Такъ спрашивалъ себя, всего въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, помѣщикъ Болотовъ, смущенный слухами о приближеніи Пугачева Единственнымъ спасеніемъ отъ «этихъ бородачей» Болотовъ считалъ, что ему случилось быть въ тотъ моментъ *не въ своей*, а въ государственной деревнѣ. «Тамъ наши люди первые могли бы быть нашими злодѣями и врагами, а здѣшнимъ мы — сторона дѣло. *Ничьмъ мы имъ еще не натрубили*». И однако, и въ этихъ ожиданіяхъ Болотовъ ошибся. Обратившись къ новобранцамъ, собраннымъ противъ Пугачева, съ увѣщаніемъ «драться хорошенько», онъ услышалъ отъ одного изъ нихъ самый недвусмысленный отвѣтъ. «Да, сказали онъ мнѣ на сіе, злодѣйски усмѣхаясь: сталъ бы я бить свою братью! А развѣ вась, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе!» Немудрено, что тотъ же Болотовъ, — писатель и интеллигентъ, какъ мы знаемъ, — будучи допущенъ вмѣстѣ съ другими «дворянами и господами» къ самому эшафоту Пугачева, вынесъ изъ зрѣлища казни одно только чувство — сословнаго удовольственія

этимъ «истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и «злodeмъ»*)).

Политика власти, когда приходилось выбирать между противоположными интересами дворянства и крестьянства, намъ хорошо известна. Мы видѣли, что уже Иванъ Грозный, впервые выставившій демократическо-монархическую программу, разумѣлъ подъ своимъ демократизмомъ собственно защиту интересовъ служилого «воинства». То же самое «воинство», опираясь на которое Грозный «игралъ» со знатью, «какъ съ младенцами», вынесло на своихъ плечахъ смуту и посадило на престолъ новую династію. Взамѣнъ того, оно получило право свободного распоряженія крѣпостнымъ трудомъ и значительную долю участія въ выгодахъ установившагося бюрократическаго режима. Наконецъ, на то же «воинство» предпочиталъ опираться и Петръ Великій въ борьбѣ съ своими многочисленными врагами. Зато, самъ того не сознавая, онъ посѣялъ зародыши сословныхъ привилегій въ западно-европейскомъ смыслѣ среди излюбленнаго имъ гвардейскаго офицерства. Теперь эти сѣмена принесли свой плодъ. Корпоративное сознание зародилось; не хватало только корпоративной организации. Эту организацию предстояло дать Екатеринѣ, чтобы успокоить недовольство, вызванное въ дворянствѣ успѣхами пугачевщины.

Для начала Екатерина посѣдила — еще во время самой борьбы и въ интересахъ ея успѣха — признать свое дѣло солидарнымъ съ дѣломъ дворянства. Когда, по вызову Библикова, казанское дворянство постановило сформировать особый конный корпусъ, Екатерина велѣла передать дворянамъ, что она, въ виду пожертвованія ихъ, «поставляетъ себѣ тѣмъ сущѣйшимъ долгомъ — цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ничѣмъ нераздѣлимую почитать съ собственною нашею и имперіи нашей безопасностію и благосостояніемъ». Съ своей стороны, «яко помыщица той губерніи», императрица приказывала поставить въ дворянскій корпусъ рекрутъ съ дворцовыхъ волостей. Демонстрація Екатерины вызвала высокопарный отвѣтъ дворянства, написанный Державинымъ. По старинному тво-

---

*) съ другимъ чувствомъ — «отвращенія», боровшагося съ любопытствомъ — ушелъ отъ того же эшафота пятнадцатилѣтній И. И. Дмитріевъ, писатель слѣдующаго, Карамзинскаго поколѣнія. «Чувствительное сердце его» (онъ говоритъ про своего брата эти слова, которые можно отнести и къ нему самому и ко всему поколѣнію) уже «не могло выносить такого позорища».

ране умилялись, что императрица «примлетъ на себя рабье названіе» и, переходя въ новый тонъ, восклицали: «признаемъ тебя своею помѣщицею: принимаемъ тебя въ свое товарищество; когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою. Но за сіе и ты ходатайствуй за насъ у престола величества твоего».

Эту роль — ходатая передъ самой собой за дворянство — Екатерина не трудно было выполнить послѣ всего того, что было сказано и сдѣлано депутатами ея Комиссіи отъ собственнаго имени дворянства. Насущныя потребности и корпоративныя тенденціи дворянъ были ей хорошо извѣстны изъ наказовъ и рѣчей, изъ преній и баллотировокъ по вопросу «о правахъ благородныхъ». Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ тому, что Екатерина взяла изъ этого источника, намъ надо познакомиться съ идеологическими источниками сословнаго законодательства Екатерины: ибо имѣлись и такіе.

Источники эти были, однако, такъ же непохожи на прежнихъ вдохновителей Екатерины, какъ не похожъ былъ на старую форму шумныхъ преній въ Комиссіи ея новый приемъ подготовки законопроектовъ — наединѣ съ собою, въ собственномъ кабинетѣ, иногда съ однимъ-двумя экспертами призываемыми *ad hoc*. Провозвѣстниковъ новыхъ абстрактныхъ идей, теоретиковъ «общаго блага», «благодѣтелей человечества» смѣняютъ на ея рабочемъ столѣ тяжело-вѣсныя историко-юридическія изслѣдованія и монографіи по спеціальнымъ вопросамъ. Екатерина никогда не любила политическаго абсолютизма Руссо. Но и въ политическомъ релятивизмѣ Монтескье было еще черезчуръ достаточно абсолютиныхъ элементовъ, которые она принимала на вѣру. Теперь Екатерина беретъ въ руководители писателя-юриста той страны, гдѣ особенно силенъ юридическій консерватизмъ. Вмѣстѣ съ нимъ она готова подчинить всякую теорію существующему факту. Въ этомъ фактѣ, въ существующемъ, вѣками сложившемся общественномъ строѣ, въ историческихъ прецедентахъ она ищетъ единственной твердой опоры — если не для теоріи, то для законодательства. Блэкстонъ занимаетъ мѣсто Монтескье. И какъ различенъ отъ прежняго способъ пользованія новымъ авторитетомъ! Цѣлыми страницами Екатерина переписывала когда-то «президента Монтескье» въ свой Наказъ — и смѣшила выставить на показъ всему свѣту свой безцеремонный литературный плагіатъ. Теперь, изъ Блэкстона она ничего не беретъ прямо: это ея «нитъ, которую она разматываетъ на свой манеръ». И она совсѣмъ не читаетъ больше «экономистовъ» и всякихъ другихъ «—истовъ», которые въ изобиліи шлютъ ей свои сочиненія, стараясь подѣйствовать на ея умъ и

волю. Она занимается теперь не «болтовнею», а «дѣломъ». Плоды ея новыхъ работъ въ ея глазахъ, конечно, гораздо выше Наказа. Но своимъ корреспондентамъ, Вольтеру или Гримму, она вовсе не спѣшитъ посылать свои работы. Почему? О, конечно, не потому, чтобы эти «указы» не были краснорѣчивы или не принесли бы великой пользы «человѣчеству». Но дѣло въ томъ, что... «ихъ переведутъ плохо: въ нихъ больше идей, чѣмъ фразъ, а у переводчиковъ больше фразъ, чѣмъ идей»... Наконецъ, — это Екатерина пишетъ послѣ настойчивыхъ упрасиваній не въ мѣру льстивыхъ корреспондентовъ, — «это слишкомъ скучное чтеніе: это очень хорошо, быть можетъ, очень красиво, но ужасно скучно».

Дѣйствительно, скучное, дѣловое чтеніе. Но мы не можемъ освободить себя отъ него, какъ освобождала Екатерина своихъ корреспондентовъ. Послѣдуемъ за ней въ ея московское уединеніе; посидимъ надъ разгонистымъ почеркомъ ея черновиковъ, въ которыхъ пять мѣсяцевъ подрядъ, упорно марая, зачеркивая и переписывая, она вырабатывала текстъ перваго своего капитальнаго законодательнаго акта, «Учрежденія о губерніяхъ». Что взяла она здѣсь изъ дворянскихъ просьбъ и желаній? Въ чемъ можно усмотрѣть идеологическое вліяніе Блэкстона?

Въ сущности, оба эти источника сходились ближе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ такихъ полярныхъ, повидимому, явленій, какъ русская жизнь и англійская теорія XVIII-го вѣка. Мы знаемъ, что самое единодушное желаніе дворянскихъ депутатовъ заключалось въ томъ, чтобы въ русской провинціи созданы были близкія къ населенію судебно-полицейскія учрежденія и чтобы въ составъ этихъ учреждений, цѣликомъ или отчасти, введены были выборные отъ дворянства. Но въ Англій XVIII-й вѣкъ былъ какъ разъ вѣкомъ расцвѣта областныхъ судебно-полицейскихъ учреждений, отдавшихъ деревенское населеніе всецѣло въ распоряженіе класса помѣстныхъ землевладѣльцевъ. Къ этому именно классу — лордовъ и сквайровъ, полновластныхъ хозяевъ сельской Англии, — обращается Блэкстонъ со своими «Комментаріями на англійскіе законы». Прирожденные законодатели и судьи, они должны знать законы страны, какъ должны были знать римское право римскій патрицій. Понятно, что здѣсь была бы неумѣстна демократическая теорія общественнаго договора. Блэкстонъ рѣшительно признаетъ ее «абсурдной» и оставляетъ «теоретикамъ». Оставаясь сыномъ своего вѣка, онъ не можетъ, конечно, не признавать теоріи «естественнаго права» вообще. Но онъ весьма предусмотрительно отдѣляетъ сферу дѣйствія естественнаго права

отъ сферы дѣйствія положительнаго закона. Санкцію закона (несколько онъ не противорѣчитъ «здравому разсудку»). Блэкстонъ ищетъ исключительно въ правительственномъ распоряженіи. Въ своемъ уваженіи къ существующему онъ даже идетъ еще дальше. «Хотя бы разумъ, диктовавшій законы, и не былъ ясенъ съ перваго взгляда, мы обязаны слишкомъ большимъ уваженіемъ къ нашимъ предкамъ, чтобы предположить, что они дѣйствовали вовсе безъ всякаго разсужденія». Такому руководителю Екатерина смѣле могла вѣрится, чѣмъ разнымъ «врачамъ» — «экономистамъ». И мы можемъ легко предположить, что роль, отведенная «джентри» въ публичномъ и частномъ правѣ Англии, въ частности же и въ мѣстномъ управленіи англійскаго графства, очень помогла Екатеринѣ помириться съ сословно-автономистскими стремленіями русскаго дворянства.

Былъ, впрочемъ, еще одинъ ближайшій источникъ, который могъ послужить и послужилъ нагляднымъ образцомъ тѣхъ же сословныхъ мѣстныхъ учреждений, какихъ добивалось наше дворянство и какія въ такой полнотѣ осуществлены были въ отечествѣ Блэкстона. Въ остзейскомъ краѣ, подъ покровомъ шведскихъ бюрократическихъ формъ, «рыцарство», въ сущности, держало въ своихъ рукахъ все управленіе краемъ. Правда, остзейскіе порядки вызывали какъ разъ тѣ же самыя жалобы, которыя такъ часто слышатся въ дворянскихъ наказахъ. До суда и расправы и здѣсь было далеко простому не привилегированному обывателю. За отсутствіемъ на мѣстѣ представителей законной власти и здѣсь самоуправство было въ порядкѣ вещей. Помѣщикъ и здѣсь фактически былъ высшей властью и неограниченно господствовалъ въ предѣлахъ, а частью и за предѣлами собственнаго имѣнія. Но даже и такое несовершенное въ юридическомъ отношеніи состояніе остзейскихъ провинцій все-таки оставалось идеаломъ для страны, гдѣ, послѣ неудачной попытки Петра (стр. 221), *воевода* оставался единственнымъ и полновластнымъ хозяиномъ цѣлой территоріи уѣзда, гдѣ «въ одной воеводской канцеляріи совокуплены» были «дѣла всякаго рода и званія».

Теперь эти дѣла должны были распределиться по принадлежности. Финансы, полиція и судъ получали свои отдѣльные органы въ уѣздѣ и въ губерніи. Въ судѣ и полиціи получали значительное участіе выборные представители дворянства. Ближайшее мѣсто по отношенію къ населенію занялъ при этомъ судебнo - полицейскій органъ, соотвѣтствовавшій лифляндскому «орднунгсгерихту». Согласно желаніямъ наказовъ этотъ органъ былъ *цѣлкомъ* составленъ изъ выборныхъ: во главѣ его «земскій капитанъ-исправникъ», избираемый

дворянствомъ: при немъ 2-3 «засѣдателя», выбранныхъ отъ дворянъ и двое отъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ они были на-лицо. Но Екатерина хотѣла идти дальше. Она хотѣла *отбѣлнить* судъ отъ управленія и организовать судебныя мѣста согласно идеѣ, усвоенной ею еще въ Наказѣ: именно такъ, чтобы «всякаго человѣка судить черезъ равныхъ ему». Поэтому рядомъ съ названнымъ органомъ («нижнимъ земскимъ судомъ»), получившимъ преимущественно полицейское значеніе (хотя и сохранившимъ до 1889 года свою коллегіальную форму), она поставила чисто судебный органъ *первой* инстанціи для дворянъ («уѣздный судъ»), въ соотвѣтствіе такимъ же органамъ для горожанъ (городовой магистратъ) и не помѣщичьихъ крестьянъ (нижняя *народная* расправа — такъ назывался этотъ органъ въ первоначальномъ текстѣ). Затѣмъ суды *средней* инстанціи (уничтоженные вскорѣ, въ 1796 г.) тоже устраивались по сословіямъ: дворяне получили въ этой инстанціи «верхній земскій судъ» (остзейскій оберландгерихтъ), въ соотвѣтствіе «губернскому магистрату» и «верхней народной расправѣ» для горожанъ и крестьянъ. Весь составъ дворянскаго уѣзднаго суда былъ выборный отъ дворянства: въ верхнемъ же судѣ только два предсѣдателя были назначенные отъ короны. Напротивъ, въ крестьянскихъ судахъ обѣихъ инстанцій предсѣдателями были лица, назначенные правительствомъ, т.-е. опять-таки служащие дворяне. «Не запрещалось» и крестьянскихъ засѣдателей выбирать «изъ дворянъ или ученыхъ, или чиновныхъ людей». Суды *высшей* инстанціи въ губерніи (гражданская и уголовная палата) были уже вполне коронными по составу.

«Сей порядокъ сходственъ съ порядкомъ нашихъ остзейскихъ провинцій», признавала сама Екатерина. Принимаясь за его осуществленіе, она и пригласила поэтому, въ качествѣ экспертовъ, одного ландрата изъ Эстляндіи, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, и лифляндца Сиверса, которому предоставлено было произвести первый опытъ введенія новыхъ учреждений — въ Тверской и Новгородской губерніяхъ. Сиверсъ, повидимому, нѣсколько преувеличивалъ свою роль при самой разработкѣ проекта. Безспорно, по его совѣту исключена изъ черновиковъ Екатерины промежуточная инстанція между уѣздомъ и губерніей: *провинція*. Она и дѣйствительно являлась лишней, послѣ того какъ сами губерніи были уменьшены до размѣровъ прежней провинціи *).

---

*) Прямымъ послѣдствіемъ этой перемѣны въ первоначальномъ проектѣ и было накопленіе въ губернскомъ городѣ судебныхъ мѣстъ двухъ

Напротивъ, самая существенная черта, *отличающая* «Учрежденіе» отъ его остзейскаго образца, — именно, проведеніе болѣе стройной, чѣмъ практичной, — и никогда не осуществившейся инстинктъ — системы сословныхъ «судовъ паровъ» для крестьянъ, горожанъ и дворянства — есть, конечно, личное дѣло самой Екатерины. Въ этой идее нельзя не видѣть центральнаго зерна, около котораго кристаллизовалось все остальное идейное содержаніе «Учрежденія о губерніяхъ».

Устройствомъ «судовъ равныхъ», дѣйствительно, не ограничиваются идеологическіе элементы «Учрежденія». Въ первоначальный проектъ закона, при самомъ началѣ его разработки, императрица вставила еще три характерныхъ органа, почерпнутые изъ другихъ источниковъ и, несомнѣнно, представляющие то, что Екатерина считала своимъ особенно важнымъ идейнымъ вкладомъ въ Учрежденіе о губерніяхъ. Всѣ три прибавлены на поляхъ къ первоначальному тексту, разрывая стройность системы, и Екатерина тщетно ищетъ у Сиверса указаній, какъ бы возстановить эту стройность. Новые органы эти: 1) сиротскіе суды, дворянскій (опека) и городской; 2) приказъ общественнаго призрѣнія и 3) совѣстный судъ. Что касается опеки, указанія на это Екатерина могла найти въ наказахъ, въ томъ числѣ въ имѣвшемъ особое вліяніе на нее наказѣ сената, изъ котораго усвоены ею многія частности. Но устройство приказа общественнаго призрѣнія — этого предшественника позднѣйшихъ земствъ, предназначеннаго вѣдать мѣстную благотворительность, медицину и народное образованіе, — стоитъ въ несомнѣнной связи съ ея личными просвѣтительными тенденціями. Объ этомъ приказѣ Екатерина особенно заботится. Она ставитъ его рядомъ съ высшими мѣстами въ губерніи, — съ губернскимъ правленіемъ и судебными палатами; даетъ ему безвозвратно капиталъ въ 15.000 для начала его дѣятельности.

Еще интереснѣе происхожденіе совѣстнаго суда. Самое названіе этого учрежденія — *cour de l'équité* — указываетъ на заимствованіе изъ Блэкстона. Назначеніе совѣстнаго суда — смягчать жесткость закона въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ и восполнить недостатокъ законовъ. Совѣстный судъ долженъ дѣйствовать тамъ, гдѣ законы молчатъ. Въ такой постановкѣ нельзя не видѣть результатовъ чтенія Блэкстона. Уже самыя вступительныя слова этой главы «Учрежденія»: «Понеже личная безопасность каждаго вѣрно-

---

высшихъ инстанцій («палаты» и «верхніе» сословные суды, скоро отмѣненные).

подданнаго весьма драгоценна есть человеколюбивому монаршему сердцу» и т. д., а также дальнѣйшій параграфъ (101: «Буде кто пришетъ прошение въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней, и въ тѣ три дни ему не объявлено, за что онъ содержится въ тюрьмѣ или что онъ въ тѣ три дни не допрашиванъ, тогда с. с., не выходя изъ присутствія, долженствуетъ послать повелѣніе» и т. д.) — показываютъ, что глава «Комментаріевъ» о *habeas corpus* произвела на императрицу сильное впечатлѣніе. Своимъ совѣстнымъ судомъ Екатерина особенно гордилась и ожидала отъ него важныхъ послѣдствій. Въ своей перепискѣ она не разъ повторяетъ, что это будетъ «могила ябеды». Въ порядкѣ губернскихъ учреждений совѣстный судъ поставленъ еще независимѣе, чѣмъ приказъ общественнаго призрѣнія. Въ обоихъ учрежденіяхъ засѣдаютъ, подъ предсѣдательствомъ короннаго судьи и губернатора, выборные представители всѣхъ трехъ сословій поровну.

Если даже оставить въ сторонѣ только что перечисленные органы, необходимо будетъ все-таки признать, что Учрежденіе о губерніяхъ вводило въ наше государственное право совершенно новыя начала. Въ виду этого, Екатерина сочла даже нужнымъ теоретически оправдать необходимость подобныхъ нововведеній ссылкой на законъ эволюціи государственныхъ учреждений. Въ предисловіи къ Учрежденію она ссылается на «многіе примѣры» «въ доказательство истины сей, что распространеніе предѣловъ государства, умноженіе въ ономъ народа и происшедшее изобиліе въ способахъ ко внутреннему и извнѣ текущему обогащенію (обыкновенно и повсюду) перемѣняли какъ образъ ихъ управленія, такъ часто и заставляли дополнять самыя законоположенія, учинившіяся напостѣдокъ или неудобными или недостаточными, коихъ довлѣло (т.-е. которыя были достаточны), при основанніи державы и въ первомъ ея состояніи» *).

*) Въ черновыхъ текстахъ выработкѣ этого интереснаго мѣста предшествовала довольно продолжительная работа, очень характерная для исторіи екатерининскихъ идей о естественномъ правѣ. Указавъ на недостаточность историческихъ свѣдѣній о началѣ человѣческихъ обществъ (Блэкстонъ въ этомъ случаѣ ищетъ указаній въ Библии) Екатерина ссылается, какъ на единственный остающійся источникъ, на «здравый разумъ». Разсудокъ «заставляетъ думать, что во всякомъ народѣ управленіе его» «сходствовало съ народнымъ», пишетъ она сперва привычную мысль. Но тотчасъ же оговаривается: «или заимствовало чего ни на есть

гументъ отвѣчалъ дѣйствительному положенію дѣла. Новыя учрежденія, прежде всего, предполагали существованіе корпоративно-организованныхъ общественныхъ группъ, которыя должны были выбирать своихъ представителей въ новыя общественныя и правительственныя должности. Но самое понятіе корпораций, какъ юридическаго лица, настолько чуждо было нашему праву, что Екатеринѣ пришлось объяснять это правовое понятіе выписками изъ Блэкстона и Делольма.

Немудрено, что и для власти, и для дворянства далеко не сразу стало ясно все значеніе введенныхъ Екатериной выборовъ и сословнаго представительства. Фактически у дворянства явились «предводители» уже тогда, когда надо было устроить выборы въ Комиссію уложенія. Но манифестъ 14-го декабря 1766 г. создавалъ эту должность *ad hoc* и лишь на два года — «для лучшаго между собой порядка» при выборѣ депутата, а также на случай, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія» относительно «всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ дворянъ». На второе двухлѣтіе (1769) выборы предводителей были опять назначены особымъ указомъ. И только при третьихъ выборахъ (1771) сдѣлано было распоряженіе — повторять ихъ періодически впредь, не дожидаясь особыхъ указовъ. Часть дворянства, правда, уже въ наказахъ обнаружила стремленіе къ постоянной корпоративной организаціи дворянства. Они требовали отъ правительства не только права выбора въ судебныя — полицейскія должности, но также и права періодическаго созыва дворян-

---

отъ народнаго». Но и эта оговорка кажется Екатеринѣ недостаточной — она надписываетъ надъ строкой фразу, выражающую совершенно противоположную мысль (эти слова мы ставимъ въ скобки) «сходствовало съ народнымъ (или надъ нимъ власть имѣющихъ) умоначертаніемъ». Далѣе исправленный текстъ читается (зачеркнутое Екатериной въ скобкахъ): «или же, по крайней мѣрѣ, заимствовало много или мало отъ онаго, устанавливаемо же было или (вдругъ силою) исподволя по общему желанію (согласіемъ общимъ, надобностямъ) или силою. Перемены же происходили по положенію дѣлъ и разнообразныхъ военныхъ и мирныхъ обстоятельствъ внутреннихъ и внѣшнихъ, или же по умноженію или уменьшенію людей или земли ими занятыми. Краткое сіе описаніе замыкаетъ въ себѣ безъ изъятія лѣтописанія всѣхъ государствъ». Мы видимъ, какъ мысль императрицы колеблется, отвыкая отъ «абсурдной» теоріи общественнаго договора и принаровляя старые термины къ новому пониманію, вытекающему изъ чтенія Блэкстона.

скихъ собраній — для выслушанія отчетовъ выборныхъ лицъ, для обсужденія сословныхъ нуждъ дворянства и даже для представленія петицій. Однако, «Учрежденіе о губерніяхъ» признавало лишь *выборныя* собранія дворянства. И только на прямой запрос Безбородко о правѣ обсужденія нуждъ и петицій (1778: «кромѣ выборовъ, ежели общее собраніе дворянства или нѣкоторые уѣзды будутъ имѣть надобность или пожелаютъ собраться для совѣта съ собратіями своими о нуждахъ и пользахъ взаимныхъ,... можно ли дозволить имъ о томъ совѣтовать и дѣлать представленія или жалобы именемъ общества черезъ депутатовъ?») Екатерина лаконически отвѣчала: «дозволить». Она ввела затѣмъ это дозволеніе въ текстъ жалованной грамоты дворянству 1785 года.

Такимъ образомъ лишь мало-по-малу дѣло, начатое въ рамкахъ прежнихъ законодательныхъ комиссій XVII — XVIII вѣковъ, разрослось до предѣловъ настоящаго дворянскаго самоуправления, болѣе напоминавшаго средневѣковыя сословныя учрежденія Запада, чѣмъ губныя учрежденія Грознаго или «всеуѣздныя избы» московскаго чернососнаго сѣвера.

Но, отставъ отъ одного берега, пристали ли новые порядки къ другому? Конечно, нѣтъ. Этимъ объясняются колебанія теоретиковъ государственнаго права, слѣдуетъ ли признать дворянскія учрежденія Екатерины за самоуправленіе вообще. Стоитъ взглянуть на сосѣднюю Лифляндію, послужившую ближайшимъ источникомъ этихъ учреждений, чтобы замѣтить и оцѣнить всю разницу. Въ Лифляндіи даже коронныя должности, замѣщаемыя мѣстнымъ дворянствомъ, пріобрѣтали земскій характеръ. Напротивъ, у насъ, какъ сейчасъ увидимъ, земскія должности стремились пріобрѣсти коронный характеръ. Средоточіемъ дворянской силы въ Лифляндіи была та самая «коллегія ландратовъ», которую когда-то Петръ тщетно старался привить Россіи. И эта коллегія настолько стояла вразрѣзъ съ духомъ екатерининскихъ учреждений, что, къ великому огорченію Сиверса и раздраженію мѣстнаго дворянства, она была первая уничтожена, когда Екатерина рѣшилась навязать краю свои новыя учрежденія. Такимъ образомъ, введеніе губернскихъ учреждений, бывшее торжествомъ дворянскихъ тенденцій у насъ, явилось въ остзейскихъ губерніяхъ первымъ симптомомъ ихъ паденія. Такъ велико было различіе между сословными учрежденіями, вводимыми искусственно, и тѣми же учрежденіями, сложившимися исторически *).

---

*) Первоначально Екатерина не имѣла въ виду дѣлать свои губер-

Чѣмъ объясняется это различіе? Мы поймемъ это сразу, если скажемъ, что съ самаго начала дѣйствія новыхъ учреждений и власть, и дворянство смотрѣло на нихъ, какъ на новаго рода *службѣ*, повинность и что общественную дѣятельность очень скоро пришлось ввести въ рамки такого единственнаго тогда и всемогущаго соціальнаго мѣрила, какимъ былъ чинъ (ср. выше, стр. 226-31).

Отъ службѣ. — единственной, какую дворянство до тѣхъ поръ знало, т.-е. военной, — дворянство было, правда, только что уволено. Но оно такъ сроднилось съ мыслью, что только служба и даетъ ему его соціальное положеніе въ государствѣ, что никакъ не могло понять своего освобожденія. Въ массѣ, оно отнеслось къ освобожденію отъ службѣ недовѣрчиво и подозрительно. Въ самой Комиссіи вопросъ этотъ не разъ становился предметомъ горячихъ споровъ. Самые ретроградные элементы дворянства оригинальнымъ образомъ сходились съ самыми передовыми во мнѣніи, что освобождать дворянство отъ службѣ не слѣдуетъ. Иначе оно теряетъ основаніе права владѣть крестьянами: такова была задняя мысль у всѣхъ, въ томъ числѣ и у самихъ крестьянъ, какъ мы знаемъ («Оч.», I. III. 3). Эта задняя мысль явилась источникомъ всѣхъ возраженій: какъ крѣпостниковъ, въ родѣ Выродова, находившихъ, что дворянинъ долженъ служить «изъ благодарности» «за предпочтеніе передъ прочими», — такъ и радикаловъ, въ родѣ Урсинуса или городского депутата Антонова, утверждавшихъ, что каждый дворянинъ долженъ «собственными заслугами» возобновлять предпочтеніе, оказанное предкамъ. Общее мнѣніе было, что, предоставленное самому себѣ, дворянство предастся праздности и бездѣлью въ своихъ имѣніяхъ. Противовѣсомъ противъ всѣхъ этихъ опасеній и явилось созданіе новыхъ коронныхъ и выборныхъ должностей по мѣстному управленію. Даже такіе близкіе къ губернской реформѣ люди, какъ Сиверсъ, видѣли въ ней глав-

---

скія учрежденія орудіемъ руссификаціи окраинъ. Въ черновомъ текстѣ находимъ прямую оговорку въ этомъ смыслѣ: «Все сіе не касается до тѣхъ губерній, кои имѣютъ особыя подтвержденные привилегіи, какъ-то Малороссія, Лифляндія и прочія; — и не до Сибири». И далѣе: «изъключая изъ сего новаго учрежденія всѣ тѣ области, земли и княженія нашего государства, кои особыми привилегіями и жалованными грамотами отъ предковъ нашихъ и насъ самихъ снабжены или нашими подтверждениями подтверждены». Ср. стр. 324-5, пренія въ Комиссіи. Какъ извѣстно, губернскія учрежденія были распространены на Малороссію въ 1782 г. и на Лифляндію и Эстляндію въ 1783 г.

нымъ образомъ, поправку къ указу о вольности отъ службы. Служба на мѣстѣ являлась лучшимъ средствомъ примирить интересы дворянства съ нуждами правительства: сельскую жизнь съ государственной службой. По остроумному выраженію одного изслѣдователя (Лохвицкаго), дворянство переводилось только изъ министерства военнаго въ министерство внутреннихъ дѣлъ. И раньше, чѣмъ имп. Николай I рельефно выразилъ эту мысль, одѣвши всѣхъ дворянъ безъ различія въ одинъ мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ, екатерининскіе цвѣтные мундиры дворянъ по губерніямъ уже намѣчали такой исходъ, хотя ближайшей ихъ цѣлью и было символизировать корпоративность и привилегированность сословія, имѣвшаго входъ ко двору.

Наиболѣе интеллигентные изъ дворянъ такъ и поняли съ самаго начала новыя права дворянства, — какъ новый видъ службы. «Учрежденіе собраній дворянскихъ есть истинное право», замѣчалъ, напр., Щербатовъ, «если бы оно зависѣло отъ собственнаго согласія или отъ тѣхъ, кого они сами начальниками себѣ изберутъ: но какъ сего нѣтъ, то они собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо какъ нѣкоторыя орудія, которыя сносятъ, для угнетенія самихъ же ихъ». Это доказывалось, по мнѣнію Щербатова, самой постановкой дворянскаго представительства въ законѣ, который «уподлялъ чинъ губернскаго предводителя» и ставилъ его въ полную зависимость отъ намѣстника и губернатора. Какъ извѣстно, «хозяинъ губерніи» по Учрежденію былъ, дѣйствительно, единственнымъ и безконтрольнымъ посредникомъ между областью и верховной властью. Это положеніе одинаково вызывало оппозицію новому закону какъ среди придворныхъ временщиковъ, такъ и среди вліятельныхъ элементовъ провинціи. По замѣчанію Щербатова, намѣстники и губернаторы, «бывъ деспоты въ губерніяхъ, всегда могутъ имѣть нѣкоторую партію для избранія, кого пожелаютъ... а потому всѣ судьи и будутъ по ихъ волѣ выбираться *).

---

*) Предсказанія Щербатова подтверждаются наблюденіями надъ петербургскими выборами двухъ пріѣзжихъ французовъ (1792), въ отзывѣ которыхъ, конечно, отражаются и тогдашніе толки столичнаго дворянства: «Читая указъ объ этихъ собраніяхъ, видишь, что не можетъ быть лучшихъ правилъ и большаго простора для корпоративнаго обсужденія общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Но до сихъ поръ власть ставила столько препятствій предположеніямъ собраній, генераль-губернаторы такъ сильно вліяли на рѣшеніе ихъ, что результаты этихъ собраній

Щербатовъ забывалъ только прибавить, что огромное большинство рядового дворянства не видѣло въ такой постановкѣ ничего обиднаго для своего корпоративнаго достоинства. Дворянство, какъ это мы знаемъ изъ сообщеній Сиверса, бросилось на перебой занимать губернскія должности, не различая выборныхъ отъ невыборныхъ и видя въ тѣхъ и другихъ лишь новый путь для службы и выслуги.

Необходимымъ послѣдствіемъ такого взгляда власти и самого дворянства на выборныя должности, какъ на новый типъ государственной службы, было включеніе ихъ въ рамки таблицы о рангахъ. «Учрежденіе о губерніяхъ» сочло должность предводителя и дворянскихъ засѣдателей совѣстнаго и верхняго земскаго суда въ 7 классѣ, капитана-исправника и уѣздныхъ засѣдателей — въ 9-мъ, засѣдателей при исправникѣ — въ 10-мъ. Но дворянство этимъ не ограничилось. Тотчасъ же возникъ дальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ устроить свободный переходъ съ одной «службы» на другую, съ коронной на земскую и наоборотъ. Рѣшить вопросъ полнымъ приравненіемъ «обѣихъ государственныхъ службъ» Екатерина, однако, не рѣшилась. Она ограничилась установленіемъ правила, что губернскую должность извѣстнаго ранга могъ получить только тотъ, кто по своей предыдущей службѣ дослужился до ближайшаго низшаго ранга таблицы *). Для дворянъ, конечно, важнѣе было добиться обратнаго, т.-е., чтобы на государственную службу дворянинъ принимался въ рангѣ, какой занималъ по выборной (и вообще губернской) должности. Практика сената, который систематически игнорировалъ ранги низшихъ должностей (заполняемыхъ по назначенію губернскаго правленія) вызывала сильное недовольство дворянъ.

Дальнѣйшее развитіе законодательства, хотя и не оправдало ожиданій дворянъ относительно губернской службы, тѣмъ не менѣе совершалось именно въ направленіи бюрократизаціи земской службы. Предводитель, также какъ исправникъ, превратились, въ концѣ-

---

можно считать совершенно сведенными къ нулю. Извѣстно заранее, кого выберутъ, потому что кандидаты указаны выше. Власть охотно жертвуетъ формой (назначенія), разъ дворянство этимъ удовлетворяется, только бы остаться по существу полновластнымъ господиномъ».

*) Тотъ, кто вовсе не служилъ, не могъ совсѣмъ участвовать въ самоуправленіи: дворяне, не имѣвшіе оберъ-офицерскаго ранга, по жалованной грамотѣ 1785 г. могли присутствовать въ собраніи, но безъ права голоса и, тѣмъ болѣе, безъ права быть выбранными въ какую-либо должность.

концовъ, въ чиновниковъ, отягощенныхъ изобиліемъ правительственныхъ порученій. Не давая желаемыхъ правъ по службѣ, правительство не стѣснялось усложнять обязанности губернскихъ учреждений. Въ результатѣ, послѣ перваго увлеченія мѣстной службой, дворянство быстро отхлынуло отъ нея *). Умственный и нравственный цензъ избираемыхъ сильно упалъ, какъ только обнаружилось, что мѣстная служба не можетъ служить предварительнымъ стажемъ для государственной. И тутъ-то выяснился вполнѣ обязательно-служебный характеръ выборной службы. «Уклоненіе» отъ выборовъ и отъ выборныхъ должностей стало трактоваться властями, какъ преступленіе. Уже въ XVIII в. и въ началѣ XIX-го законъ опредѣляетъ наказаніе за такое уклоненіе, потомъ пробуетъ повысить цензъ избирателей, ранги избираемыхъ, сроки ихъ службы (1831), — и все напрасно. Создавъ нѣсколько несомнѣнно полезныхъ для государства и общества учреждений, законъ Екатерины не создалъ еще самоуправления въ Россіи.

Это не значитъ, однако же, чтобы губернскія учрежденія не имѣли значенія для дворянскаго сословія. Совершенно напротивъ. Отдавъ полицію, судъ и частью управленіе въ губерніи въ руки дворянства, «Учрежденіе о губерніяхъ» положило начало огромной перемѣнѣ въ жизни русской провинціи. Служба по выборамъ все-таки

---

*) Объ этомъ имѣется любопытное свидѣтельство В. Н. Каразина (1801). Онъ жалуется на случайность и произволъ коронныхъ назначеній въ высшія губернскія должности, важныя для службы, но отнятыя у мѣстнаго общества. Наоборотъ, низшія должности, не представлявшія служебнаго интереса, предоставлялись общественному выбору и скоро стали пренебрегаться дворянами. «Отъ сего произошло, что со времени открытія намѣстничествъ, мало-по-малу важность дворянскихъ выборовъ упала до того, что напослѣдокъ стали производить ихъ съ пренебреженіемъ. Никто изъ людей достойныхъ не хотѣлъ быть выбраннымъ въ уѣздные чины или въ верхній земскій судъ, и сіи мѣста предоставляли, какъ милостыню, дворянамъ, не имѣющимъ другихъ способовъ къ жизни. Вообще примѣчено, что первые выборы въ губерніяхъ были и самые лучшіе: тогда не успѣли еще разсмотрѣть всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія монархини произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру. Простыль сей жаръ, когда увидѣли, что безпристрастіе выбирающихъ и безкорыстіе избранныхъ были равно посмѣяны..., что уѣздныя присутственныя мѣста суть пустая инстанція», а дѣло вершится въ губерніи, въ коронныхъ палатахъ.

закрѣпила дворянское общество на мѣстахъ. Она установила связи между его членами, соединила ихъ съ городомъ, куда до сихъ поръ дворяне ѣздили только въ лавки къ купцамъ и въ канцеляріи къ приказнымъ крючкамъ, помогавшимъ имъ оттягать у сосѣда имѣніе. «Дворянство входитъ мало-по-малу во вкусъ — собираться въ городъ и строиться тамъ», пишетъ Сиверсъ о Твери и Новгородѣ. «Начало знатное дворянство не токмо въ губернскомъ городѣ часто сѣзжаться, но и строить порядочные дома для ихъ всегдашняго житья», погоряетъ почти тѣми же словами Державинъ о Тамбовѣ. «Эпоха сія, — подтверждаетъ Болотовъ, — была по всей справедливости самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны...» «Такое хорошее и веселое житье было въ особенности въ первыя 3 или 6 лѣтъ (т.-е. на первыхъ двухъ выборахъ) по открытіи намѣстничества (Тульского, 1777) и было намъ столь пріятно, что на вѣкъ осталось для насъ незабвенно». Послѣднія слова, которыя могли бы повторить тысячи тогдашнихъ дворянъ, показываютъ намъ, гдѣ мы должны искать сущности «великой перемѣны», совершившейся въ жизни нашего провинціального дворянства со введеніемъ губернскихъ учреждений. Это были не дворянскія привилегіи сами по себѣ. Законъ не могъ бы ничего или очень мало прибавить въ этомъ отношеніи къ тому, что уже существовало фактически. Не было тутъ и торжества порядка и законности, такъ какъ, надо признаться, губернскія учреждения не составили и въ этомъ отношеніи какой-либо особой эры. Для низшихъ слоевъ населенія большая близость власти отозвалась на первыхъ порахъ лишь большимъ количествомъ приказныхъ и чиновныхъ насилій, а также большими расходами на новыя земскія власти. «Незабвенны» были для средняго дворянства годы устройства намѣстничествъ, какъ годы окончательнаго насажденія въ провинціи той дворянской культуры, начало которой мы имѣли случай прослѣдить въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Подъ культурой мы разумѣемъ тутъ отнюдь не какія-либо новыя явленія умственной и нравственной жизни: это просто пріобщеніе провинціи къ тѣмъ новымъ формамъ общественности, которыя вырабатывались съ начала вѣка въблизи двора и среди привилегированнаго населенія столицы (стр. 222 — 234).

Екатерина и тутъ первая подаетъ знакъ для общаго подражанія. Въ дни московскихъ празднествъ по поводу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1775) она развертываетъ въ грандіозныхъ размѣрахъ ту самую программу, которая въ миниатюрѣ будетъ выполняться, на

личный или на казенный счет, ея намѣстниками при открытіи учреждений въ губернскихъ городахъ. «Я здѣсь четыре недѣли, — пишетъ Екатерина мадамъ Бельке изъ Москвы, въ ожиданіи торжествъ, — два раза въ недѣлю у меня приемы, и ни разу не было меньше 400-500 дамъ; я дала три маскарада, куда допускалось только дворянство, и ни на одинъ не было роздано меньше 6-7.000 билетовъ». Въ дни торжествъ, въ іюлѣ 1775 г. Москва еще больше переполняется провинціальнымъ дворянствомъ. Даже такія простыя души, какъ семья Болотова, удостоиваются взглянуть, въ первый разъ въ жизни, на настоящій балъ-маскарадъ, театръ и въ довершеніе всего, величій фейерверкъ. Черезъ два года у себя въ Тулѣ они будутъ показывать все это, и балъ, и маскарадъ, и театръ, и фейерверкъ, еще болѣе простымъ душамъ, чѣмъ онѣ сами. Еще черезъ десятокъ лѣтъ, проѣзжая черезъ Смоленскъ, Екатерина будетъ имѣть удовольствіе видѣть себя окруженной цѣлымъ цвѣтникомъ дамъ и дѣвицъ, въ великолѣпныхъ столичныхъ костюмахъ, и съ самыми изысканными манерами, которыя только въ ея скептическомъ спутникѣ, Сегюрѣ, вызываютъ подозрѣнія, что истинная культура отсутствуетъ подъ этой маской цивилизаціи. Но дѣло, конечно, не въ томъ, — не въ этой «истинной культурѣ». Дѣло въ томъ, что дворянство довольно: что «вражье» въ провинціи на время прекратилось и уступило мѣсто словословію.

Екатерина, декламировавшая противъ роскоши и расточительности и издавшая противъ этого строгіе законы, — хотѣла-ли одного только этого результата, сочиняя въ то же время, между куртагами и маскарадами, свое «Учрежденіе о губерніяхъ»? Разумѣется, она мѣтила дальше и думала захватить глубже. «Учрежденіе», по ея мысли, было только обломкомъ, отдѣльнымъ кускомъ большого цѣлаго. Если она издавала его первымъ, то лишь для того — какъ она сама выразилась въ предисловіи, — чтобъ «приготовить тѣмъ самымъ и облегчить лучшее и точнѣйшее исполненіе полезнѣйшихъ впредь издаваемыхъ узаконеній». Послѣдующія обстоятельства — и особенно увлеченіе внѣшней политикой — такъ и свели все заданіе законодательства Екатерины къ обломкамъ. Но это не мѣшаетъ намъ попытаться возстановить изъ намековъ и набросковъ, по крайней мѣрѣ, его общіе контуры.

Ближайшій свидѣтель второго періода екатерининской «легислативы», Сиверсъ, нѣсколько лѣтъ спустя (1779), уѣзжая изъ Петербурга, напоминаетъ императрицѣ обо всемъ, что такъ недавно еще она имѣла намѣреніе создать тотчасъ же вслѣдъ за «Учреждені-

емъ о губерніяхъ». «Если ваше величество меня спросите, какой отдѣлъ я считаю важнѣе, — мнѣ будетъ трудно отвѣтить. Все одинаково необходимо: судебныя уставы, уголовное и гражданское уложеніе, вексельный уставъ, инструкція казначействамъ, директорамъ экономіи (государственныхъ имуществъ), городовое положеніе, глава о дворянствѣ, преобразование столичныхъ учреждений, наконецъ, прибавлю со стѣсненнымъ сердцемъ — сельскій законъ, — законъ человѣчности». Къ этому послѣднему, «закону человѣчности», Сиверсъ много разъ возвращается въ своей перепискѣ съ Екатериной, напоминая ей постоянно, что «въ основѣ смуть оренбургскихъ, казанскихъ и поволжскихъ лежало невыносимое иго рабства»: что «приверженцы Пугачева состояли исключительно изъ крѣпостныхъ, невольныхъ своимъ господамъ», что «источникъ броженія всегда будетъ оставаться одинъ и тотъ же, пока не будетъ издано закона о сельскомъ хозяйствѣ». Но съ другой стороны, тотъ же Сиверсъ оговаривался, что «пока такого закона нѣтъ, необходимо поддерживать положеніе дворянства, какъ оно есть; если позволить крѣпостнымъ хотя бы самозабвѣнный протестъ или разсужденіе, то, зная человѣческое сердце, нельзя ручаться за послѣдствія». Исходя изъ такого же «знанія человѣческаго сердца» и пониманія пугачевщины, Екатерина, какъ мы знаемъ, уже сдѣлала свой выборъ. «Законъ человѣчности — къ этому времени уже не представлялся ей — не только *легко* осуществимымъ, но даже и осуществимымъ вообще. Она молчаливо вычеркнула его изъ списка своихъ будущихъ преобразованій. Хорошо еще, что «знаніе человѣческаго сердца» не позволило ей искать рѣшенія крестьянскаго вопроса въ томъ, въ чемъ искали его многіе современники, — и въ томъ числѣ Сиверсъ: въ систематической раздачѣ всѣхъ государственныхъ крестьянъ во владѣніе дворянству. Это не помѣшало, правда, усиленной раздачѣ этихъ же крестьянъ фаворитамъ и усиленной продажѣ дворянамъ государственныхъ земель; не помѣшало и юридическому укрѣпленію дворянской власти надъ крѣпостными на основахъ *частнаго* права. Въ итогъ, по заключенію современнаго спеціалиста, «въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія».

Итакъ, «законъ человѣчности» надо исключить изъ перечня, сдѣланнаго Сиверсомъ. Остаются основныя права сословій и кодификаціи матеріальнаго и процессуальнаго права. Послѣднее осталось не только не выполненнымъ, но почти и не начатымъ, — если не считать подготовительныхъ выписокъ изъ старыхъ законовъ, сдѣланныхъ

въ Комиссіи и, можетъ быть, подобныхъ же выписокъ, представлен-
ныхъ Екатериной Соймоновымъ въ восьмидесятихъ годахъ, съ рас-
предѣленіемъ ихъ на этотъ разъ «по блэкстоновымъ заглавіямъ». Глав-
ный интересъ Екатерины сосредоточился на болѣ легкой и бла-
годарной задачѣ, на составленіи жалованныхъ грамотъ разнымъ со-
словіямъ. Для этого матеріалъ въ значительной степени былъ загото-
вленъ частными комиссіями. Наибольшаго вниманія удостоились, ко-
нечно, матеріалы для жалованной грамоты дворянству. Здѣсь приня-
ты были Екатериной во вниманіе не только проектъ и докладъ част-
ной комиссіи, но и пренія «о правахъ благородныхъ» въ большой Ко-
миссіи, гдѣ эти пренія заняли, какъ мы знаемъ (325-7) не мало
засѣданій. Однако, текстъ грамоты, выработанный Екатериной, оста-
ется оригинальнымъ. Главное его отличіе отъ матеріаловъ состо-
итъ въ томъ, что особенно разработаннымъ оказывается у Екатерины
отдѣлъ о *корпоративныхъ* правахъ дворянскихъ обществъ (въ мате-
ріалахъ онъ едва намѣченъ въ главныхъ чертахъ). Напротивъ, пе-
речисленіе отдѣльных *личныхъ* правъ, требовавшихся депутатами,
значительно сокращено или представлено въ болѣ обобщенной, юри-
дически — систематизированной формѣ. Эту разницу нельзя не поста-
вить въ связь съ изученіемъ заинтересовавшихъ Екатерину образ-
цовъ европейскаго государственнаго права. Та же разница между
проектами и составленнымъ Екатериной текстомъ въ еще болѣ рѣз-
кой формѣ замѣчается въ городскомъ положеніи, черновикъ котора-
го былъ составленъ Екатериной уже въ 1779 году. Матеріальныя
особенности и условія русской городской жизни отходятъ здѣсь еще
болѣ на второй планъ передъ чисто формальными вопросами корпо-
ративнаго городского устройства. Вниманіе императрицы какъ будто
устремлено, главнымъ образомъ, на то, чтобы выдержать, насколько
возможно болѣе, симметрію между городскимъ и дворянскимъ кор-
поративнымъ устройствомъ. Идеологія разошлась здѣсь еще дальше
съ практикой — уже въ самой формулировкѣ закона. Какъ мы го-
ворили въ другомъ мѣстѣ («Очерки», томъ IV, 2) городская
автономія явилась гораздо въ большей степени, чѣмъ дворянская,
мертворожденнымъ плодомъ. Органы самоуправленія здѣсь еще ско-
рѣе и безпренятственнѣе приняли характеръ правительственныхъ
административныхъ органовъ, чѣмъ это было съ дворянской службой
по выборамъ. Въ третьей жалованной грамотѣ, «сельской» (предна-
значавшейся, конечно, только для свободныхъ крестьянъ вѣдомства
директора экономіи) — формальные вопросы получили еще болѣе
преобладанія, и интересъ къ симметріи окончательно возобладалъ

надъ интересомъ къ матеріальному содержанію сельской жизни. Вся эта грамота есть не больше, какъ отдѣлъ городской грамоты о ремесленной управѣ, съ замѣной термина «городской» терминомъ «сельскій». Немудрено, что въ результатѣ получилось нѣчто совершенно непримѣнимое къ сельскому быту вообще и къ русскому быту, съ его своеобразностями, съ его общиннымъ землевладѣніемъ, — въ особенности. Крестьянинъ трактовался какъ цеховой, за его работой устанавливался самый мелочной надзоръ: для полученія права на веденіе самостоятельнаго хозяйства онъ подвергался экзамену и т. п. Естественно, что этотъ проектъ такъ и остался въ бумагахъ Екатерины, не получивъ дальнѣйшаго движенія. Онъ не оказалъ даже никакого вліянія на позднѣйшее киселевское устройство казенныхъ селеній, проникнутое отчасти сходнымъ духомъ детальной правительственной опеки.

Необходимо остановиться еще на одной чертѣ екатерининскаго плана реформы. Во главѣ реформированнаго государства она хотѣла поставить реформированныя центральныя учрежденія. Разсказывая о своихъ намѣреніяхъ московскому главнокомандующему кн. М. Н. Волконскому, она представляетъ свой планъ (1775) въ слѣдующихъ чертахъ: «Окромѣ трехъ государственныхъ коллегій, прочія исчезнутъ (ср. «Оч.», I, 171). Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. *Въ палату обратитъ я намѣрена Коммиссію уложенія*».

Только сопоставляя эти горячливыя слова съ извѣстнымъ намъ совѣтомъ, поданнымъ Екатериной Дидро, мы можемъ понять полное значеніе ея намѣренія. Что это намѣреніе не было случайнымъ, только мелькнувшимъ въ ея головѣ и тотчасъ же оставленнымъ, видно изъ дальнѣйшей судьбы его. Къ своей идеѣ о переустройствѣ сената Екатерина вернулась въ 1787 г. то-есть наканунѣ второй турецкой войны и французскихъ замѣшательствъ. Въ это время былъ составленъ ею проектъ указа о сенатской реформѣ. Текстъ указа пока неизвѣстенъ. Но о содержаніи его можно заключать съ большою вѣроятностью, если сопоставить то, что говорить о немъ секретарь Екатерины, Храповицкій, — съ одной позднѣйшей запиской Безбородко (1799), очевидно, основанной на томъ же указѣ и частью передающей подлинныя выраженія его. Здѣсь, послѣ несомнѣнно екатерининскихъ замѣчаній объ устройствѣ высшихъ судовъ, совѣтнаго и уголовного, находимъ фразу: «все собраніе депутатовъ, потъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ.... Когда издается новый законъ, то проектъ онаго

посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властію». По прямому смыслу этого мѣста, подъ «всѣмъ собраніемъ депутатовъ» приходится разумѣть собраніе однихъ только сословныхъ депутатовъ двухъ упомянутыхъ высшихъ судовъ. Но, даже при такомъ пониманіи остается несомнѣннымъ, что въ этой ограниченной формѣ собранія депутатовъ сохранился слѣдъ той «палаты» при сенатѣ, въ которую Екатерина хотѣла еще въ 1775 г. превратить свою Комиссію уложенія *).

Когда совершилась эта замѣна болѣе широкаго плана болѣе узкимъ? Десять дней спустя послѣ цитированной выше замѣтки Храповицкаго, подъ 26 апрѣля 1787 г. встрѣчаемъ въ его дневникѣ сравненіе сдѣланное Екатериной между ея «собраніемъ депутатовъ» и *Assemblée des Notables*, созванной Людовикомъ XVI, въ видѣ неизбѣжной уступки общественному мнѣнію Франціи. Вынужденный характеръ такой уступки Екатерина очень хорошо понимала. Въ январѣ 1788 года Храповицкій записываетъ въ дневникъ: «разговоръ о обстоятельствахъ Франціи что ей должно войти въ войну, дабы избѣгнуть сдѣланнаго королемъ обѣщанія о собраніи чиновъ государственныхъ». Екатерина, конечно, не нуждалась въ такомъ героическомъ средствѣ, «дабы избѣгнуть» того, что Дидро считалъ ея «обѣщаніемъ», торжественно даннымъ передъ всей страной. Тѣмъ не менѣе въ положеніи была извѣстная аналогія. Тонкая проицательность Екатерины относительно положенія Людовика XVI, несомнѣнно, имѣла источникомъ ея личный тяжелый опытъ. Въ своемъ предисловіи къ Учрежденію о губерніяхъ она не даромъ нашла нужнымъ оправдываться войной въ пріостановкѣ своей законодательной дѣятельности. «Свѣту извѣстно, что въ 1766 г. уже приступили мы къ созыву депутатовъ со всей имперіи, и уже оставалось намъ ожидать отъ трудовъ Комиссіи уложенія плодовъ, соотвѣтствующихъ нашему попеченію о благѣ общемъ и частномъ, какъ объявленіе съ турецкой стороны въ 1768 году войны Россіи и шестилѣтнее продолженіе оной, отвлекая людей и возможности отъ продолжительнаго сочиненія цѣлаго узаконенія, и умножая собою бремя, заняло время и мысли упражненіемъ не менѣе важнымъ» и т. д. Теперь,

---

*) Еще ближе былъ бы смыслъ этой фразы къ первоначальному намѣренію императрицы, если бы оказалось, что она цѣликомъ переписана Безбородкомъ изъ первоначальнаго проекта, безъ соображенія съ другими частями его черновика.

послѣ десяти лѣтъ мира. Екатерина опять поднимала нить своей завоевательной политики. Подобно первой турецкой войнѣ, и вторая должна была отнять у ней «время упражняться прѣтѣйшимъ сердцу трудомъ — снабдить имперію нужными и полезными учрежденіями». Прошло еще два съ половиной мѣсяца послѣ послѣдней замѣтки Храповицкаго, и секретарь Екатерины вноситъ въ журналъ, между извѣстіями о заграничной почтѣ, о спѣшномъ письмѣ къ Потемкину и о сочиненіи новой комедіи Екатериной — ея замѣтку по поводу новаго разговора о реформѣ сената: «не время теперь дѣлать реформы». И вопросъ опять откладывается, пока уже въ послѣдній годъ царствованія мы не встрѣчаемъ Екатерину вновь за сочиненіемъ «Устава о сенатѣ». На этотъ разъ, вѣроятно, и явилось ограниченіе первоначальнаго плана, о которомъ свидѣлствуетъ записка Безбородки *).

«Не время для реформъ» — это не значитъ, конечно, чтобы не было времени сочинять реформы, когда есть время для писанія комедій. Это симптомъ новаго направленія внутренней политики, признакъ наступленія третьяго и послѣдняго періода царствованія Екатерины. Къ настроенію императрицы за этотъ періодъ мы еще вернемся. Теперь намъ нужно ознакомиться предварительно съ развитіемъ русскаго общественнаго мнѣнія за время, соответствующее главнымъ екатерининскимъ реформамъ.

Донесенія Гуннинга см. въ «Сборн. Ист. Общ.», т. XIX. Политѣйшая архивная работа о пугачевщинѣ принадлежитъ Н. Ѳ. Дубровину: «Пугачевъ и его сообщники», три тома, Спб. 1884. Объ обращеніи Екатерины къ казанскому дворянству см. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова», М. 1865. Сочиненіемъ Блэкстона Екатерина пользовалась во французскомъ переводѣ: «Commentaires sur les loix anglaises; de M. Blackston, Bruxelles, 1774 — 76» шесть томовъ. Объ ослѣдственныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ XVIII

---

*) Можетъ быть, съ цѣлью замѣнить отброшенную идею контроля черезъ депутатовъ, Екатерина прибѣгла тогда же къ идеѣ контроля при помощи сенаторскихъ ревизій, встрѣчаемой въ запискѣ Безбородки. «Государь не можетъ объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную имперію, обзираетъ оную по губерніямъ, черезъ довѣренныхъ его особъ, и именно, одного сенатора, двухъ дворянскихъ, двухъ мѣщанскихъ и двухъ поселянскихъ депутатовъ, которые исъ раздѣляются такъ, чтобы каждыя три года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности».

вѣка см. *Julius Eckardt, Livland im achtzehnten Jahrhundert, I, Lpz., 1876.*

Черновики Екатерины, относящіеся къ выработкѣ текста Учрежденія о губерніяхъ и Городового положенія, хранятся въ Государственномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, въ X отдѣлѣ; тамъ же матеріалы для жалованной грамоты дворянству и перебѣденныя рукописи сельскихъ положеній съ замѣтками Екатерины. Последнія изданы **В. И. Вешняковымъ** въ Сб. Ист. Об., т. XX. Сношенія Екатерины съ Сиверсомъ см. въ соч. *K. Blum: Ein russischer Staatsmann, т. II, Lpz. и Heidelberg, 1857.* Общія свѣдѣнія о губернскихъ реформахъ Екатерины см. въ соч. **Лохвицкаго**, Губернія, Спб. 1865; въ курсахъ государственнаго права **Градовскаго** и **Коркунова**. О роли дворянства см. **Романовича-Славатинскаго**, Дворянство въ Россіи, Спб., 1870, мемуары Державина, Болотова, сочиненія Щербатова и др. Оцѣнка дѣятельности губернскихъ учреждений см. въ докладѣ Балугьянскаго для комиссіи 1826 г. въ Сб. И. Об. т. XC. Проекты правъ сословій, выработанные частными комиссіями, напечатаны въ Сб. И. О. т. XXXII и XXXVI. Переписка Екатерины съ Волконскимъ издана въ «Осьмнадцатомъ вѣкѣ», П. Бартенева, т. I. Записка Волконскаго о преобразованіи учреждений въ Сб. И. О. т. V. Наказъ сената см. въ Сб. И. О. т. LXIII. О реформѣ сената см. богатую библиографическими указаниями статью **В. С. Иконникова**, Сенатъ въ царствованіе Екатерины II, Русскій Архивъ 1888, № 11. Записка Безбородко «О потребностяхъ имперіи Россійской» напечатана въ Сб. Ист. Общ. т. XXIX. Записка Каразина см. въ Читеніяхъ О. И. и Др. 1863, кн. III

VII

Общественное мѣніе становится независимымъ

Статистика книгоиздательства XVIII в., какъ симптомъ роста читающей публики. — Характеръ популярнаго чтенія: романъ, какъ средство культурной пропаганды среди провинции и мѣшанства. — Главныя теченія въ высшемъ культурномъ слоѣ. — Вольтеріанство; пониманіе его Екатериной; ея отношеніе къ религіи. — Вольтеріанство въ высшемъ общественномъ слоѣ. Критическое отношеніе къ этому вольтеріанству передовой интеллигенціи. — Отношеніе ея къ подлинному вольтеріанству: увлеченіе и раскаяніе. — Значеніе масонства, идейное и общественное. — Тайныя ученія масонства. — Безыдейный и клубный характеръ первоначальнаго масонства. — Подъемъ масонства со вступленіемъ въ него воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній (конецъ 50-хъ и начало 60-хъ гг.). — Новое охлажденіе. — Отношеніе Новикова къ масонству. — Его идея о книгоиздательствѣ и книжной торговлѣ, какъ важнѣйшей просвѣтительной миссіи интеллигенціи. — Отношеніе Екатерины къ инициативѣ Новикова. — Переѣздъ его въ Москву; настроеніе Москвы и направленіе «Московского изданія». — Роль Шварца въ масонствѣ. — Его просвѣтительный планъ, профессорская и кружковая дѣятельность. — Постепенное усвоеніе новаго міровоззрѣнія въ журналахъ Новикова. — Источникъ этого міровоззрѣнія — въ популярной нѣмецкой философіи. — Высшая точка — въ трактатѣ Шварца. — Новый фазисъ дѣятельности кружка по смерти Шварца. — Книгопродавческія и издательскія предпріятія Новикова. — Помощь голодающимъ. — Отношенія Екатерины къ масонству въ трехъ фазисахъ его. — Литературная полемика ея противъ масонства. — Административныя мѣры.

Семидесятые и восьмидесятые годы XVIII-го столѣтія были тѣмъ моментомъ, съ котораго начинается непрерывная исторія интеллигентнаго общественнаго мѣнія въ Россіи. Этотъ моментъ, какъ мы видѣли, былъ подготовленъ двумя предыдущими десятилѣтіями —

пятидесятыми и шестидесятыми годами. Но тогдашнее поколѣніе — первое поколѣніе русской интеллигенціи — мы можемъ пересчитать по пальцамъ. Это была, какъ мы знаемъ, учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній обѣихъ столицъ. Она писала и печатала для самой себя. Авторы хвалили и критиковали другъ друга, сами себя утѣшали своими возвышенными чувствами и тонкими ощущеніями. Теперь наступаетъ перемѣна. Впервые появляется среда, на которую возможно оказывать культурное воздѣйствіе: читающая, болѣе или менѣе интеллигентная публика въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ.

Чрезвычайно наглядно выяснитъ намъ это новое обстоятельство, появившееся въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, простая справка съ цифрами, — съ ростомъ количества печатавшихся въ это время книгъ. Всего за XVIII-е столѣтіе библіографамъ извѣстно около девяти съ половиной тысячъ печатныхъ изданій (не считая церковно - служебныхъ книгъ, газетъ и журналовъ). По четвертямъ вѣка эта цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1698 — 1724:	561 (6%)
1725 — 1750:	357 (4%)
1751 — 1775:	2.010 (21%)
1776 — 1800:	6.585 (69%)

Всего 9.513 *)

Какъ видимъ, послѣ нѣкоторой задержки во второй четверти вѣка, при ближайшихъ преемникахъ Петра, число изданныхъ книгъ быстро растетъ, составляя за вторую половину вѣка 90 % всей суммы. Еще ярче выступитъ перемѣна, совпавшая съ интересующимъ насъ теперь моментомъ, если мы распредѣлимъ изданія по десятилѣтіямъ (и, гдѣ нужно, по пятилѣтіямъ):

1698 — 1710	149	} 182 33	въ годъ по	12 книгъ.
1711 — 1720	248		»	25 »
1721 — 1725	215		»	36 »
1726 — 1730			»	7 »
1731 — 1740	140		»	14 »
1741 — 1750	149		»	15 »

---

*) Въ эту цифру я включилъ 533 книги, точная дата которыхъ неизвѣстна, распредѣливъ ихъ, пропорціонально количеству датированныхъ книгъ, между послѣдними четвертями вѣка.

1751 — 1760	233		въ годъ по 23 книгъ.
1761 — 1770	1.050		» 105 »
1771 — 1775		633	» 126 »
1776 — 1780	1.466	833	» 166 »
1781 — 1785		986	» 197 »
1786 — 1790	2.685	1.699	» 366 »
1791 — 1795		1.494	» 299 »
1796 — 1800	2.660	1.166	» 233 »

Книгоиздательство оказывается очень чувствительнымъ барометромъ общественныхъ настроеній и культурныхъ вѣяній... Таблица начинается энергично прогрессирующими цифрами петровскаго книгоиздательства. Но мы уже знаемъ, что это были за книги и какъ мало они повліяли на созданіе читающей публики (стр. 268). Затѣмъ издательство сразу падаетъ во время борьбы временщиковъ до ничтожной цифры (7). Слѣдуетъ медленный, очевидно, чисто автоматическій ростъ издательства до воцаренія Екатерины II *). Тотчасъ послѣ вступленія Екатерины на престолъ цифра дѣлаетъ рѣзкій скачокъ вверхъ (почти въ пять разъ). Съ этихъ поръ издательство быстро и непрерывно растетъ. Оно достигаетъ кульминаціоннаго пункта въ пятилѣтіе 1786 — 1790 (въ 3 1/2 раза больше сравнительно съ началомъ царствованія и почти вдвое сравнительно съ предыдущимъ пятилѣтіемъ). Скоро увидимъ, что эта высшая точка достигнута исключительно дѣятельностью *частныхъ* типографій, — точнѣе энергическимъ вмѣшательствомъ общественной инициативы (предпріятія новиковскаго кружка). Устранена правительствомъ эта инициатива, — и издательская дѣятельность круто падаетъ. Паденія продолжается и послѣ воцаренія имп. Павла. Но главное дѣло уже сдѣлано. Читающая публика создана, и въ самые мрачные годы цифры все же не падаютъ до стараго уровня.

На какую публику разсчитывалъ весь этотъ печатный матеріалъ и какого рода почву онъ могъ создать для дѣятельности интеллигентныхъ кружковъ? Большая часть печатавшихся книгъ удовлетворяла, конечно, исключительно дѣловымъ потребностямъ (правительственныя распоряженія), нуждамъ школы (учебники) или стариннымъ

---

*) Надо, однако, замѣтить, что тутъ мы не имѣемъ такого тщательнаго библіографическаго изслѣдованія, какое сдѣлано Некаремъ относительно книгъ Петровскаго времени. Слѣдовательно, въ дѣйствительности надо предположить цифры изданій послѣ Петра нѣсколько выше.

вкусамъ къ духовно - нравственному чтенію (поученія, житія и т. п.). Но цѣлые 40 % книгъ обращались прямо къ новому, быстро возраставшему въ числѣ классу любителей свѣтскаго занимательнаго чтенія. Это были романы, повѣсти, стихотворенія, драматическія пьесы и т. п. Въ продажѣ этотъ беллетристическій матеріалъ преобладалъ: на него былъ большой спросъ. Это видно уже изъ того, что именно беллетристическія произведенія чаще всего доживали до новыхъ изданій. Изъ 839 переводныхъ романовъ XVIII в. 336 были переизданы. Изъ 104 оригинальныхъ русскихъ романовъ переизданъ еще больший процентъ: цѣлыхъ 55. Противъ увлеченія романами уже и въ то время горячо протестовали представители верхняго слоя интеллигенціи. Они утверждали, что романы развиваютъ чувственность и создаютъ міръ воображаемыхъ чувствъ, заслоняющихъ дѣйствительную жизнь. Эти упреки не были лишены основанія. Но они нисколько не мѣшали многочисленнымъ читателямъ и читательницамъ беллетристики приносить «жертвы благодарности и любви» на алтарь романистовъ, открывавшихъ для нихъ неотразимо - обаятельный міръ «нѣжныхъ» и «сладостныхъ» ощущеній, — міръ «тайностей человѣческаго сердца». О культурномъ значеніи этого открытія мы уже говорили (стр. 271 - 72). Прибавимъ теперь, что культурная роль романа не кончилась завоеваніемъ столичнаго дворянина - интеллигента. Сдѣлавъ въ серединѣ вѣка свое дѣло въ столицѣ, романъ продолжалъ создавать новаго читателя въ провинціи. Приучивъ благородное шляхетство «къ нѣкоторой изящности нравовъ, къ нѣкоторой нѣжности чувствованій», романъ и для «подлаго» мѣщанства долженъ былъ сдѣлаться источникомъ «изрядныхъ и благородныхъ» чувствъ. Вотъ почему гораздо правѣ интеллигентныхъ противниковъ беллетристики былъ Карамзинъ, когда принялъ на себя защиту романа. По его справедливому замѣчанію, тотъ, «кто плѣняется «Никаноромъ злосчастнымъ дворяниномъ», — тотъ на лѣстницѣ умственнаго образованія стоитъ еще ниже его автора, — и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія, чему-нибудь научается».

Разумѣется, для высшаго слоя русской интеллигенціи въ семидесятыхъ или восьмидесятыхъ годахъ уже прошло время, когда можно было характеризовать его уровень «на лѣстницѣ умственнаго образованія» однимъ только чтеніемъ романовъ. Для *этого* узкаго слоя — болѣе обширный кругъ читателей романовъ представлялъ уже ту почву, на которую должны были падать сѣмена его дѣятельности. Наоборотъ, обширному кругу обыкновенныхъ читателей люди пере-

довой интеллигенции представлялись какими-то таинственными «вольтерьянцами» и «фармазонами». Въ этихъ двухъ терминахъ обыватели характернымъ образомъ закрепили воспоминаніе о двухъ важнѣйшихъ умственныхъ теченіяхъ среди тогдашней высшей интеллигенціи. Оба теченія были діаметрально противоположны и враждебны другъ другу. Тѣмъ характернѣе, что въ представленіи широкихъ круговъ оба термина сливались, какъ что-то родственное, что-то одинаково крайнее и, стало быть, одинаково опасное для непосвященныхъ, еретическое передъ судомъ обывательской рутины. Одной этой популярной терминологіи достаточно, чтобы показать намъ, что передовая русская мысль текла еще очень тонкой струей, углубляя свое русло среди едва разрыхленной поверхности культурной пустыни. Даже сама Екатерина, помогавшая пролагать это русло, настолько мало различала оттѣнки среди передовыхъ теченій, одинаково ей непріятныхъ, что она смѣшала впоследствии «мартинизмъ» съ направленіемъ Радищева.

Объясняется это тѣмъ, что время слишкомъ уже шибко шло впередъ, обостряя вопросы, радикализируя настроеніе и быстро отодвигая на задній планъ воззрѣнія, только что казавшіяся передовыми. Екатерина называла себя «вольтеріанкой»; но ея вольтеріанство скорѣе отзывало фривольной эпохой регентства, чѣмъ эпохой Людовика XVI-го. Самъ Вольтеръ долженъ былъ къ концу жизни сдѣлать надъ собой усиліе, чтобъ остаться «вольтеріанцемъ». Вольтеріанство — это былъ теперь боевой кличъ, означавшій борьбу и торжество свободной мысли противъ государственной церкви, противъ догмы, защищаемой силами инквизиціи и іезуитизма. Рядомъ съ вольтеріанствомъ стояли и опережали его радикальныя, философскія и политическія ученія. Не только эти ученія остались вѣдь кругозора Екатерины, но и «вольтеріанство» она продолжала понимать въ болѣе узкомъ и неизменномъ смыслѣ эпохи своего дѣтства: въ смыслѣ побѣды «здраваго смысла» надъ «суевѣріемъ» — въ смыслѣ легкой чистки человѣческихъ мозговъ, а не упорной борьбы за реформу человѣческихъ учреждений и вѣрованій. Это была, какъ мы говорили раньше, полная свобода отъ какой бы то ни было доктрины, вообще отождествлявшейся съ «недантствомъ», — а вовсе не подчиненіе какой-нибудь передовой доктринѣ. Такое пониманіе ни къ чему не обязывало и даже могло повести къ довольно неожиданнымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто былъ свободенъ отъ «суевѣрій» болѣе іезуитовъ? И развѣ не торжествовали они побѣду «здраваго смысла» надъ богословскою метафизикою ясенитовъ? Сознаніе умственной

близости съ этими неожиданными сторонниками «здраваго смысла» слишкомъ чувствуется въ добродушныхъ насмѣшкахъ Екатерины надъ *mes chers coquins de jésuites*. Вотъ почему, когда Европа XVIII вѣка изгнала іезуитовъ, — Екатерина ихъ пріютила. И вотъ почему впоследствии, когда французское дворянство отказалось въ ночь на 4 августа 1789 г. отъ своихъ привилегій, Екатерина увидала въ этомъ только послѣдствія «дурнаго воспитанія», какое стали получать дворяне послѣ закрытія іезуитскихъ школъ.

Въ началѣ царствованія (341-342) Екатерина, впрочемъ, понимала было серьезно свою роль вольтеріанки по отношенію къ русскому духовенству. Въ 1767 г. Мелиссино представилъ синоду, въ качествѣ оберъ-прокурора, «пункты», долженствовавшіе служить руководствомъ при составленіи депутатскаго наказа отъ синода. Въ пунктахъ указывалось, что синодальные члены могли бы предложить въ Наказѣ: разрѣшить раскольникамъ публично совершать богослуженіе, ослабить и сократить православные посты, очистить церковь отъ «суевѣрія» и всѣхъ «притворныхъ чудесъ», не носить по домамъ иконы, отмѣнить лишніе праздники и убавить что-нибудь изъ «продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ»; установить чтеніе краткихъ молитвъ съ поученіемъ — вмѣсто всенощныхъ и вечерень, позволить епископамъ жениться, а всѣмъ вообще духовнымъ — носить болѣе приличное платье; смягчить правила о разводѣ, о запрещеніи браковъ между родственниками и о бракахъ съ иноувѣрцами; отмѣнить обычай поминновенія усопшихъ. Синодъ предпочелъ отмолчаться отъ этихъ радикальныхъ предложеній, — и Екатерина не настаивала. Ея *modus vivendi* съ русскимъ духовенствомъ скоро выработался. Въ перепискѣ съ официальными вольнодумцами, въ родѣ Гримма, она позволяла себѣ шутить надъ *saintes huiles fricassés en ma présence, qui sont devenues puantes et que... Potemkine a fait jeter dans la rivière*. Но когда Вольтеръ намекалъ ей, что недурно бы было вывести изъ употребленія цѣлованіе руки духовнымъ лицамъ, она съ насмѣшливой пронойей предлагала ему предоставить это дѣло времени. Тайнство можно было сдѣлать предметомъ интимной шутки, но никакъ нельзя было касаться церковнаго обычая, ставшаго національной привычкой. «*Il faut profiter des opinions populaires*» — таково было политическое правило, передъ которымъ умолкало «вольтеріанство» Екатерины.

Дворъ и высшее общество пошли по тому же пути — и такъ же недалеко ушли по нему. Мы знаемъ (стр. 258), до какой степени условія дворянскаго воспитанія и «свѣтскаго жктія» не благопріятство-

вали выработкѣ какихъ бы то ни было, въ томъ числѣ и религіозныхъ убѣжденій. Новыя идеи, при этихъ условіяхъ, не встрѣтили въ высшей дворянской средѣ никакого сопротивленія, но и никакой серьезной подготовки къ ихъ дѣйствительному усвоенію. Это была просто — новая мода, новый дополнительный элементъ для отличія благороднаго состоянія отъ «подлаго», наравнѣ съ покроемъ платья и французской рѣчью. Новыя идеи служили доказательствомъ утонченнаго образованія въ высшихъ кругахъ свѣтскаго общества. Какой нибудь князь Х. или графъ У. сообщалъ въ кружкѣ гостей самую послѣднюю парижскую новость, привезенную съ только что полученной почтой или лично услышанную за границей. Бога, оказалось, вовсе нѣтъ, а попы и монахи — простые шарлатаны. Эти самоновѣйшія открытія «философовъ» разносились сливками петербургскаго общества съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ они привыкли разносить городскіе слухи и сплетни. Князь Х., залучивъ въ свою «вольтеріанскую» компанію новичка изъ Москвы (въ данномъ случаѣ Фонвизина)), спѣшитъ свозить его къ графу У.; единомышленнику или, можетъ быть, первоисточнику моды. И графъ У. тотчасъ же, при первомъ визитѣ, принимается обращать новичка въ свою вѣру. Самъ оберъ-прокуроръ синода, встрѣтившись въ гостиницѣ съ мало знакомымъ ему молодымъ дворяниномъ, въ чинѣ простого унтеръ-офицера гвардіи, забываетъ свое званіе и рангъ своего собесѣдника и никакъ не можетъ удержаться, чтобы не внушить ему тутъ же, на улицѣ, здравыя понятія о бытіи Божіемъ.

Немудрено, что *такого рода* «вольтеріанство», вмѣстѣ съ другими признаками дворянской моды, скоро сдѣлалось мишенью сатирическихъ нападокъ со стороны настоящей интеллигенціи. Для этого даже не понадобилось особенно много прибавлять къ тому старому клише, которое уже съ полвѣка служило русской сатирѣ, для изображенія свѣтскаго модника. Нѣсколько штриховъ, взятыхъ изъ области ходячей теоріи; нѣсколько жизненныхъ чертъ для болѣе реальной, сознательной характеристики соціальнаго положенія модника, — и «петиметръ» Елизаветинской сатиры легко превратился подъ перомъ сатириковъ въ Екатерининскаго «вольтеріанца».

Не бывши просвѣщенъ нравоученьемъ моднымъ,
Не можешь въ публикѣ казаться благороднымъ...
По модѣ ты чешишь, по модѣ одѣвайся...
Приборной, щегольской имѣй ты экипажъ...
Гони, дави людей, и тѣмъ превозносишься;

Французскимъ языкомъ и въ русскомъ щеголяй...
 Всѣ знанія и всѣ науки отметаи...
 Люби лишь оперы, комедіи, романы...
 Изъ философскихъ книгъ ты развѣ тѣ имѣй,
 Что душу съ вѣчностью глѣтаютъ у людей...
 Въ военную одну ты службу лишь вступай...
 Будь вѣчно холостымъ, женись лишь на богатствѣ;
 Съ женою разведись, какъ водится въ дворянствѣ...
 Крестьянъ ты разоривъ, продай иль заложь,
 И деньги взявъ за нихъ, на карту положи...
 И, словомъ, ты во всемъ по модному живи.
 Еще жъ знать всякому потребно офицеру
 Оспорить въ полчаса и опорочить вѣру...
 Все дѣлай тлѣннымъ, все ты дѣлай безконечнымъ,
 Сей міръ ты признавай то временнымъ, то вѣчнымъ;
 То тѣломъ иногда ты душу называй,
 То духа имя ей изъ милости давай...
 Въ послѣдокъ истреби совѣмъ ты свой разумъ,
 Скажи: произвела натура весь сей свѣтъ;
 Превыше умудрись, — скажи что Бога нѣтъ,
 Что вѣра есть обманъ, лукавое притворство.
 Вотъ въ семъ-то состоитъ прямое благородство...
 Похвально, если ты обиды не прощаешь,
 Безчестенъ будучи, честь шпагой защищаешь.
 Ты смѣло безъ вины соперника рази,
 За грубыя слова и друга жизнь пронзи...

Вотъ въ какой обстановкѣ, вотъ съ какими ассоціями — бреттера, кутилы и юнкера — представляетъ себѣ русскій сатирикъ («Вечерняя Заря», 1782) современное ему *русское* вольтеріанство. Разумѣется, не слѣдуетъ думать, что эта критика распространяется и на оригиналъ русской каррикатуры. Когда изъ другого реакціоннаго лагеря слышатся проклятія противъ Вольтера, тотъ же интеллигентный журналистъ спѣшитъ взять Вольтера, подъ свою защиту и произносить днѣпрамбъ XVIII-му вѣку. «О вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила *лишней* набожности! Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго. Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностью человѣческаго рода»; благодаря тебѣ, «явилось челоуколюбіе ко всѣмъ»; «твой плодъ есть нынѣшнее

распространеніе наукъ, которому величайшею преною было *пустосвятство*. II. «кто бы ни былъ Вольтеръ, — хотя, впрочемъ, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинителенъ, — при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятствъ».

Однако, и по отношенію къ подлинному вольтеріанству *) передавая русская интеллигенція заняла совершенно иную позицію, чѣмъ высшее дворянское общество. На людей, менѣе затронутыхъ придворной культурой, проповѣдь новыхъ идей производила совсѣмъ другое впечатлѣніе. Конечно, и въ этомъ общественномъ слоѣ многіе изъ юныхъ адептовъ новой философіи принимали ее на вѣру и смѣли даже превзойти учителей смѣлостью сужденій. Молодымъ дворянамъ изъ провинціи, пріѣхавшимъ въ Петербургъ на службу, не могла не импонировать пропаганда великосвѣтскихъ атеистовъ. Но зато большинство изъ нихъ въ одинъ прекрасный день безъ церемоніи и безъ компромиссовъ возвращались къ вѣрѣ или къ идейному индифферентизму. отцовъ. Они полагали, очевидно, какъ московскій главнокомандующій Брюсъ, что «въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься», и смѣялись надъ своими безбожническими сужденіями, какъ надъ проказами молодости. Совершенно иное значеніе получали новыя идеи для болѣе глубокихъ и болѣе подготовленныхъ натуръ изъ той же дворянской молодежи. Первое впечатлѣніе было обыкновенно и тутъ ошеломляющее. Подъ этимъ впечатлѣніемъ и наиболѣе вдумчивые принимали часто цѣликомъ новую вѣру... Но переходъ отъ старой вѣры совершался слишкомъ быстро, чтобы быть прочнымъ и окончательнымъ. Скоро заговаривала совѣсть, и при добросовѣстномъ анализѣ своихъ мыслей и чувствъ молодое поколѣніе приходило къ тяжелому сознанію полного внутренняго разлада. Послѣ болѣе или менѣе усерднаго изученія самыхъ сочиненій новыхъ философовъ, оно оказывалось не въ состояніи ни принять ихъ міровоззрѣнія, ни вернуться всецѣло къ простодушному міровоззрѣнію дней своей юности.

Для петровскаго поколѣнія этого внутренняго противорѣчія не существовало. Тѣ люди (ихъ образчикъ мы видѣли въ Татищевѣ) еще твердо вѣрили въ возможность согласить дѣдовскіе взгляды съ

---

*) Къ направленіямъ болѣе лѣвымъ, чѣмъ собственно «вольтеріанство», мы еще вернемся впослѣдствіи. Здѣсь мы пока не различаемъ рѣзко этихъ теченій, какъ не различались они въ тотъ моментъ и въ русскомъ обществѣ.

духомъ просвѣщенія и съ «естественнымъ правомъ». Отсюда происходить та своеобразная цѣльность, эпическое спокойствіе и ясность души, которыя отличаютъ выдающихся русскихъ людей первой половины XVIII-го вѣка. Поколѣніе 50-хъ — 60-хъ годовъ, какъ мы видѣли, уже должно было вступать въ болѣе или менѣе сознательные компромиссы между теоріей и жизнью. Но теорія въ то время еще не приняла такого остраго, вызывающаго отбѣнка по отношенію къ жизни, который могъ бы затруднить компромиссъ и отравить душу сознаніемъ его внутренней несостоятельности. Совсѣмъ другое положеніе занимало поколѣніе 70-хъ — 80-хъ годовъ. Вопросы здѣсь стояли ребромъ, обостренные французскимъ умственнымъ движеніемъ второй половины XVIII столѣтія. Дремлющія русскія души были окончательно разбужены этимъ толчкомъ, рѣзко поставившимъ другъ противъ друга два противоположныя міровоззрѣнія. Такимъ образомъ, молодежь интересующаго насъ поколѣнія впервые очутилась на распутьѣ между старой и новой вѣрой, принужденная выбирать между той и другой. Она впервые почувствовала, что критическая мысль можетъ поколебать самыя коренныя основы старой вѣры. Можно себѣ представить то душевное смятеніе, ту панику, которая овладѣвала серьезнымъ и добросовѣстнымъ юношей, когда ему приходилось дѣлать рѣшительный выборъ и когда при этомъ выборѣ онъ чувствовалъ себя предоставленнымъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ. Что-нибудь подобное должны были чувствовать тѣ средневѣковые студенты медицины, которые въ полночный часъ отправлялись на кладбище отрывать мертвецовъ, чтобы изучить на трупахъ человека тайны жизни. Немногіе могли преодолѣть въ себѣ священный ужасъ и рѣшались переступить черезъ порогъ святилища, въ школу послѣдовательнаго философскаго мышленія. Менѣе рѣшительные спѣшили уцѣпиться за обломки, уцѣлѣвшіе отъ стараго багажа, и принимались усердно идеализировать старину, — только бы можно было вернуться подъ ея защиту. Даже и наиболѣе смѣлые — все-таки кончали компромиссомъ, стараясь скрыть отъ самихъ себя, какъ велики уступки, уже сдѣланныя ими новому міровоззрѣнію. Фонвизинъ, одинъ изъ такихъ юношей, затронутыхъ новой модой, поддался было въ Петербургѣ общему настроенію и принялся, въ тонъ веселой компаніи, вышучивать старую вѣру. Но достаточно было ему побывать въ патриархальной Москвѣ, чтобы съ него вольтеріанское настроеніе какъ рукой спало. Встревоженная совѣсть требовала публичнаго покаянія, и Фонвизинъ выбралъ въ духовники одного изъ людей стараго поколѣнія. Г. Н. Тепловъ укрѣпилъ его въ

истинахъ вѣры и посовѣтовалъ перевести изъ книги Кларка отрывки о доказательствахъ бытія Божія и истинѣ христіанской вѣры». Покаяніе передъ свѣтскимъ духовникомъ, литературная эпитимія и отпущеніе грѣховъ потомствомъ — это, какъ видимъ, совсѣмъ уже не тѣ средства, къ которымъ прибѣгли бы люди предыдущихъ поколѣній, если бы они могли очутиться въ подобномъ положеніи. Разница не менѣе велика, чѣмъ тотъ контрастъ, который существовалъ между неприкрашенной московской стариной и той идеализаціей ея, въ какую ударился Фонвизинъ послѣ своего душевнаго кризиса.

Совершенно тотъ же внутренний процессъ, но съ инымъ, болѣе положительнымъ результатомъ, мы можемъ наблюдать у другого представителя тогдашней интеллигентной молодежи. Лопухина. Лопухинъ пошелъ дальше, чѣмъ Фонвизинъ, и въ отрицательномъ, и въ положительномъ фазисѣ своихъ убѣжденій. Онъ не удовольствовался «вольтеровыми насмѣшками надъ религіей» въ благородной компаніи. Онъ засталъ за самое евангеліе французскаго матеріализма, «*Système de la Nature*» барона Гольбаха, перевелъ его заключительное резюме («*Côte de la Nature*»), «любовался своимъ переводомъ» и даже «расположился разсѣвать его въ рукописяхъ». «Но только что дописали первую (копію) красивымъ письмомъ», разсказываетъ намъ самъ онъ, «какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью прежде, нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія: О злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями». На этотъ разъ и литературной эпидеміей дѣло не ограничилось. Противъ «злоупотребленія разумомъ» Лопухинъ искалъ спасенія въ вѣрѣ. Но это не была уже патріархальная вѣра отцовъ. Идейная молодежь стремилась къ очищенному, одухотворенному пониманію вѣры. Отвергнувъ знамя «вольтеріанства», она не переходила, какъ Фонвизинъ, въ ряды «стародумовъ». Она становилась подъ знамя *франкъ-масонства*.

Намъ трудно представить себѣ теперь, какую огромную роль сыграло масонство въ исторіи нашего общественнаго развитія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда масонство уже слишкомъ очевидно является въ связи съ общественнымъ движеніемъ, какъ, напр., у Новикова, — изслѣдователи часто старались умалить значеніе масонскаго элемента въ развитіи дѣятельнаго идеализма передовой интеллигенціи. Это совершенно неправильно. Вліяніе масонства слѣдовало бы признать весьма значительнымъ, даже если бы оно ограничивалось чисто теоретическимъ ученіемъ масоновъ. Въ смыслѣ теоріи или, луч-

ше сказать, въ смыслъ цѣльнаго міровоззрѣнія, масонство было какъ разъ самымъ подходящимъ выходомъ для всего того молодого поколѣнія, которое остановилось въ колебаніи между старой и новой вѣрой. Когда молодой писатель того времени рисуетъ себѣ полный контрастъ съ выше изображенной сатирой на вольтеріанца, когда онъ стремится надѣлать свой идеалъ всѣми возможными «достоинствами», у него самъ собой выходитъ изъ-подъ пера житейскій кодексъ масона (см. ту же «Вечернюю Зарю»). Далекъ не одинъ Новиковъ «попалъ въ общество (масоновъ) потому, что находился на распутьи между вольтеріанствомъ и религіей и не имѣлъ точки опоры или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе». Это былъ общій и типическій случай для болѣе глубокихъ и отзывчивыхъ натуръ его поколѣнія. Масонство являлось для нихъ желаннымъ исходомъ прежде всего, потому, что оно представлялось имъ вполне совмѣстимымъ съ самыми строгими требованіями православія. На запросъ нѣмецкихъ масоновъ московскіе братья одинъ разъ заявили формально, что «обряды греко-россійской церкви такъ сходны съ масонскими, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что они имѣютъ одинъ источникъ». И митрополитъ Платонъ нисколько не кривилъ душой, когда далъ свой извѣстный отзывъ (см. ниже 436) о православіи Новикова. — дѣйствительно искренно вѣровавшаго и не менѣе искренняго масона. Католическое пониманіе масонства, какъ церкви антихриста (раздѣлявшееся еще покойнымъ Влад. Соловьевымъ) было нашей интеллигенціи XVIII вѣка совершенно чуждо. Оно приходило на умъ развѣ только такимъ богобоязненнымъ старушкамъ, какъ тетка Державина, — да авторамъ лубочнаго пасквиля на масонство 1765 года. Интеллигенція же видѣла въ масонствѣ *вѣру*, но только вѣру просвѣтленную разумомъ. Масонство было для нея своего рода *духовнымъ* христіанствомъ, — и это было другой причиной, почему переходъ въ масонство являлся такимъ желаннымъ исходомъ изъ тяжелой борьбы двухъ крайнихъ міровоззрѣній. Центральная идея масоновъ, какъ и духовнаго христіанства, есть «моральное перерожденіе». Это давало опору противъ идей французскихъ «философовъ» о перерожденіи людей путемъ раціональнаго законодательства. Въмѣсто борьбы за реформу масонство ставило *человѣку* задачу внутренняго самопознанія и работы надъ самимъ собой. Изъ этой основной идеи выводилось все соціальное ученіе масонства. Нельзя сказать, чтобы оно было, однако, слишкомъ узко или индивидуалистично, чтобы оно ставило *человѣку* однѣ только личныя цѣли. По нѣсколько болѣе позднему опредѣленію одного опытнаго

масона. «масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгонять между людьми предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мѣстныхъ и національностей, уничтожить фанатизмъ и суевѣріе, искоренить международныя вражды и бѣдствія войны: посредствомъ свободного и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей: способствовать всѣми силами общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда» *).

Словомъ, масонство — это своего рода моральный интернаціональ или, если угодно, толстовство своего времени. Не даромъ Толстой сдѣлалъ масономъ (въ «Войнѣ и мирѣ») родоначальника любимаго типа своихъ романовъ. Онъ заразы былъ вѣренъ и исторіи, и собственному настроенію. Отмѣтимъ особенно — демократическую тенденцію масонской идеи. Въ самый разгаръ увлеченія русскихъ аристократовъ вольтеріанствомъ масонство провозглашаетъ уничтоженіе «предразсудковъ кастъ и условныхъ различій происхожденія». Конечно, этотъ принципъ не проводится на практикѣ. Елагину, напр., очень не правится, когда его братьями по ложѣ оказываются два повара-француза. Но не надо забывать, что духовными вождями русскаго масонства сдѣлались скоро, вмѣсто этого вельможи, такой защитникъ «подлости» и мѣщанства, какъ Новиковъ, и такой выходецъ безъ соціальнаго положенія, годившійся по обычному представленію развѣ въ «гофмейстеры», какъ Шварцъ.

Однимъ теоретическимъ вліяніемъ, во всякомъ случаѣ, далеко еще не исчерпывается значеніе масонства для русской общественной исторіи XVIII вѣка. Въ моментъ, когда русская интеллигенція выростала изъ рамокъ частныхъ дружескихъ кружковъ, масонство

---

*) Конечно, не всѣ масоны вполне усвоили такое возвышенное пониманіе масонства, но по частямъ эта характеристика повторяется во множествѣ масонскихъ произведеній. Мало того, среди этихъ произведеній мы укажемъ ниже одно, которое представляетъ еще болѣе глубокое пониманіе, потому что обосновываетъ приведенную въ текстѣ формулировку — философской аргументаціей

дало ей готовую форму для болѣе широкой группировки — на основаніи общей идейной связи. Въ масонствѣ, какъ *средствѣ организаціи*, всегда заключалась огромная соціальная сила. Чтобы понять это, стоитъ познакомиться съ прошлымъ и настоящимъ масонства на Западѣ, особенно во Франціи. Какъ использована была эта черта масонства интеллигенціей екатерининскаго времени, мы скоро увидимъ.

Итакъ, какъ религіозно-морализирующее міровоззрѣніе и какъ средство объединенія интеллигентныхъ силъ, масонство имѣло очень важное значеніе въ исторіи общественнаго развитія Россіи. Исслѣдователи, отрицающіе это значеніе, представляютъ иногда себѣ масонство съ третьей стороны, которая, въ дѣйствительности, не играла почти никакой роли въ рускомъ интеллигентномъ масонствѣ. Рѣчь идетъ о тайныхъ ученіяхъ масонства, открывавшихся только тѣмъ, кто доходилъ до высшихъ степеней масонской іерархіи. На этихъ высшихъ степеняхъ масонство расходится въ своихъ ученіяхъ и дѣлится на нѣсколько системъ. Французское масонство чрезвычайно увеличило количество ступеней сравнительно съ начальнымъ английскимъ и ввело множество обрядовъ и церемоній. Нѣмецкое масонство увлеклось натурфилософіей и погрузилось въ изученіе секретовъ природы, надѣясь этимъ путемъ дойти до познанія Божества въ природѣ (см. ниже 420-421). Наконецъ, одна отрасль масонства задумала воспользоваться масонской организаціей, какъ средствомъ для политическихъ цѣлей. Первой изъ названныхъ трехъ системъ, съ ея развѣтвленіями, лучшіе изъ русскихъ масоновъ не сочувствовали. Она имѣла сторонниковъ, главнымъ образомъ, среди «знатныхъ господъ», привыкшихъ къ іерархіи, чинамъ и знакамъ отличія *). Последней системы, т.-е. политической, такъ называемыхъ «иллюминатовъ», въ Россіи вовсе не существовало. Подозрѣнія Екатерины въ этомъ отношеніи были совершенно неосновательны. Только вторая, мистическая, система («розенкрейцеры и мартинисты») получила одно время значеніе въ рускомъ идейномъ масонствѣ. Но мы сейчасъ увидимъ, что это значеніе свелось на практикѣ къ усиленію тѣхъ же двухъ элементовъ, важность которыхъ мы только что подчеркнули: моральнаго одушевленія и идейныхъ связей.

Масонство занесено было въ Россію иностранцами еще при Аннѣ, одновременно съ распространеніемъ его въ Германіи, гдѣ оно

---

*) Наблюденіе это приведено самими рускими масонами, въ ихъ донесеніи заграничному съѣзду, какъ доказательство пользы виѣшнихъ знаковъ и церемоній для успѣха масонской пропаганды.

приняло тогда форму французскихъ обрядовыхъ уклоненій отъ первоначальнаго ученія о терпимости и благотворительности. Первые извѣстія о *русскихъ* адептахъ масонства мы имѣемъ, однако, лишь отъ пятидесятихъ, самое большое — отъ конца сороковыхъ годовъ. Эти извѣстія рисуютъ намъ масоновъ елизаветинскаго времени въ такихъ чертахъ, которыя соотвѣтствуютъ германскому типу первой половины XVIII в. Этому соотвѣтствовало то, что при Елизаветѣ масонство распространялось въ томъ же самомъ знатномъ кругу, который потомъ, при Екатеринѣ, смѣнилъ его на новую моду, вольтерьянство. Для этого аристократическаго круга масонство, пришедшее «черезъ вліятельныхъ людей, которые умѣли окружить себя нибомъ», стало простой забавой, дѣломъ моды, суетности и тщеславія. По донесенію М. Олсуфьева Елизаветѣ въ 1756 году, въ списокъ членовъ входили князья Голицыны, Трубецкіе, Романъ Плаліоновичъ Воронцовъ (братъ фаворитки Петра III), а рядомъ — офицеры и преподаватели кадетскаго корпуса съ Сумароковымъ во главѣ и будущіе историки князь Щербатовъ и Болтинъ. Въ это именно время, въ 50-хъ годахъ, вступилъ въ орденъ II. П. Елагинъ, первый «возстановитель на твердую степень» масонства въ Россіи. По его собственному признанію, этотъ оффиціальныи глава позднѣйшаго масонства руководился, тогда, главнымъ образомъ, побужденіями «любопытства и тщеславія»: любопытства — узнать сокровенныя тайны масонства и тщеславія — побыть «хотя минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ обществѣ знамениты, — и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть». «Содѣйствовали тому и лестная надежда, не могу ли чрезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастію моему». Но скоро Елагинъ убѣдился, что «вельможи» вовсе не смотрятъ серьезно на «братскій» союзъ. И самъ Елагинъ «почиталъ совершенно игрушкою, для препровожденія празднаго времени вымышленною», «работы» въ масонскихъ собраніяхъ. Дѣйствительно, собранія масоновъ приняли въ этотъ періодъ характеръ клуба, съ обычными клубными занятіями: биліардомъ, карточной игрой и веселыми ужинами. О масонствѣ напоминали развѣ только торжественныя приемы новичковъ и посвященія изъ степени въ степень, обставленныя церемоніями и символической обстановкой, предназначенной дѣйствовать на воображеніе, но скорѣе возбуждавшей смѣшливость. Естественно, что такое масонство не давало нищипи ни уму, ни сердцу. «Не пріобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ», признается Елагинъ, «ни тѣни какого-либо ученія, ниже пре-

подавній нравственныхъ, а видѣлъ токмо одни предметы неудобъ достижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительныя, объясненія религіи здравому разсудку противныя. Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ только та истина, что ни я, ни начальники масоновъ иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при торжественной вечери за трапезой неистовымъ воплемъ непонятныя ревѣтъ пѣсни, и насчетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится праздношествомъ Вакху».

Такъ стояло дѣло, когда въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ стали выдвигаться въ масонствѣ представители учащейся молодежи въ Петербургѣ и Москвѣ, воспитанники шляхетскаго корпуса и университета. Прямыхъ извѣстій объ этомъ моментѣ въ исторіи масонства мы почти не имѣемъ и только гораздо позже, въ рядахъ екатерининскихъ масоновъ 80-хъ годовъ встрѣчаемъ представителей этого поколѣнія молодежи. О времени ихъ вступленія въ орденъ обыкновенно не имѣется никакихъ свѣдѣній. Но среди «братьевъ» въ 80-хъ гг. они уже считаются старыми и опытными масонами и занимаютъ иногда видное мѣсто въ іерархіи ордена. Здѣсь встрѣчаемъ самыхъ видныхъ участниковъ журналистики начала 60-хъ годовъ (Херасковъ, Ржевскій, Нартовъ) и ихъ менѣе видныхъ друзей, державшихся плотной группой *) въ Комиссіи уложенія (Всеволожскій, графъ А. Строгоновъ), наконецъ, сыновей или родственниковъ этой депутатской группы (Лодыженскій А. Ѳ., Загряжскій Б. А., Трубецкіе, можетъ быть, Лопухинъ). Это, конечно, только остатки интеллигентныхъ кружковъ и группъ 60-хъ годовъ. Но ихъ совершенно достаточно, чтобы поднять нить интеллигентнаго развитія, ускользающую отъ нашего прямого наблюденія. Къ тому же, намъ хорошо извѣстно настроеніе и складъ убѣжденій молодыхъ литераторовъ начала 60-хъ годовъ. Ихъ взгляды совершенно совпадаютъ съ приведенной выше характеристикой серьезной масонской идеи. Мы принуждены были назвать эти взгляды масонскими по существу, по самому содержанію ихъ, прежде чѣмъ заговорили о виѣшней исторіи русскаго масонства (см. выше 290).

Несомнѣнно, присоединеніе къ масонству интеллигентной молодежи обѣихъ столицъ должно было поднять тонъ движенія и дать ему

---

*) Дружныя дѣйствія этой группы въ Комиссіи (см. выше, 322) не должны-ли быть тоже объясняемы отчасти ихъ масонскими связями?

серьезное содержаніе. И однако же, мы ничего не знали бы объ этомъ подъемѣ, если бы не получили свѣдѣній о немъ изъ юношескихъ журнальных произведеній этого поколѣнія молодежи. Еще и въ 80-хъ годахъ въ московскомъ масонствѣ продолжаютъ преобладать «пышныя церемоніи рыцарства (тампліеровъ), кресты, кольца, епанчи» и «одно только знатное дворянство занимается работами». Почему же, спрашивается, болѣе чистая масонская традиція 60-хъ годовъ, столь сходная по существу съ идеями 80-хъ годовъ, — «ключъ дружелюбія и братства», какъ опредѣлялъ ее Олсуфьевъ, — оказалась такъ слаба, что самое существованіе ея приходится доказывать косвенными соображеніями и сопоставленіями мелкихъ фактовъ? Оскуднѣніе культурной струи въ масонствѣ есть тоже историческій фактъ, весьма любопытный для исторіи нашего общественнаго развитія. Фактъ этотъ подтверждаетъ наши предыдущія наблюденія надъ первымъ поколѣніемъ интеллигентовъ и находитъ себѣ въ нихъ полное объясненіе. Тогдашнее юношеское одушевленіе, очевидно, не пережило юныхъ годовъ. Мы знаемъ, какъ охладѣло поколѣніе 60-хъ годовъ къ идейнымъ основамъ своей общественной дѣятельности (см. 310, 322 — 3). Необходимо только прибавить, что увлеченіе *масонствомъ*, даже независимо отъ возраста и опытности, должно было подвергнуться серьезному *идейному* испытанію. Тѣхъ, кого не охладилъ жизненный опытъ, могло отвлечь отъ масонства новое увлеченіе французскими философами. Показанія Елагина и въ этомъ случаѣ оказываются драгоценными. Совершенно разочаровавшись, какъ мы видѣли, въ масонствѣ, онъ «спознался съ атеистами и деистами» и «сталъ искать просвѣщенія разума» въ книгахъ «такъ называемыхъ новыхъ философовъ и энциклопедистовъ... въ славѣ тогда находившихся». Но и для Елагина, какъ для другихъ интеллигентовъ екатерининскаго времени, это увлеченіе «вольтеріанствомъ» послужило только переходной ступенью къ составленію собственнаго міровоззрѣнія, болѣе подходившаго къ старымъ привычкамъ мысли и чувства. И онъ, какъ другіе, проникся сердечнымъ трепетомъ при сознаніи того, что «дерзнулъ забыть вѣру, въ которой родился и страхъ Божій и ученіе, которое при воспитаніи въ училищахъ преподаваемо было». И онъ искалъ успокоенія встревоженной совѣсти въ бесѣдахъ съ «просвѣщенными и учеными» руководителями. Къ его величайшему удивленію, эти руководители оказались масонами. Масонами были, какъ онъ зналъ, и самъ Вольтеръ и «ему сообразные». По необходимости Елагину пришлось заключить, что въ масонствѣ есть что-то такое, что осталось ему неизвѣстнымъ. Онъ набросился тогда на изученіе масон-

ской литературы, «за безумно истраченныя деньги собрали громады писаній», искалъ высшихъ степеней масонства, чтобы проникнуть въ его сокровенныя тайны, входилъ въ сношенія съ заграничными масонами *). Но во всемъ этомъ онъ не могъ «удовлетворительнаго ничего почерпнуть, а единственно увидѣлъ только разныя человѣческія умствованія, нѣмныя острыя и разумныя, другія нелѣпыя и весьма глупыя», — и сверхъ всего этого очень много шарлатанства, эксплуатировавшаго простодушіе и любопытство искателей масонскихъ тайнъ для простаго выманиванія денегъ.

Простому человѣку, какъ Новиковъ, богатому только своимъ здравымъ смысломъ, истинная «тайна» масонства видна была сразу. Новиковъ съ самаго начала отнесся враждебно къ «пышнымъ церемоніямъ» французскаго «храмоваго» масонства, а къ чернокнижническимъ тайнамъ розенкрейцеровъ остался довольно равнодушнымъ. Но онъ быстро понялъ значеніе масонства, какъ нравственной теоріи, и оцѣнилъ вліяніе масонства, какъ общественной силы. Для того, чтобы заниматься нравственнымъ самоусовершенствованіемъ и чтобы воспользоваться организаціонными средствами масонства для цѣлей общественной дѣятельности, — для этого не нужно было гоняться ни за какими тайнами, нечего было разыскивать ключей къ масонству въ Швеции, Англіи или Германіи. Ключъ этотъ, — «ключъ дружелюбія и братства», найденъ былъ въ собственномъ сердцѣ и собственной волѣ. Въ этой находкѣ и заключается все значеніе Новикова для русскаго масонства. Этимъ же объясняется и то, какимъ образомъ человѣкъ, «безъ воспитанія, безъ ученія», не посвященный въ секреты ни «герметическій философіи» розенкрейцеровъ, ни «храмовыхъ» церемоній, «шотландскихъ» и «рыцарскихъ» степеней системы «строгаго соблюденія» и родственныхъ съ нею, — какимъ образомъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ реформаторовъ русскаго масонства.

Зерно той идеи, которая толкнула Новикова въ масонство и которая покорила масонство Новикову, — зрѣло въ умѣ Новикова неподволи и давно. Еще въ «Живописцѣ» онъ говоритъ о только что учрежденномъ императрицею «Обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ», какъ о «наинпохвальнѣйшемъ и наипользѣннѣйшемъ учреж-

---

*) Елагинъ, наконецъ, добрался до англійской «великой ложи», сохранившей болѣе чистый типъ масонства и получилъ отъ нея въ 1772 г. званіе великаго провинціальнаго гроссмейстера для Россіи. Но при англійской системѣ онъ не остался

дени, о какомъ только *частнымъ* людямъ помышлять дозволяется». Но мало *издать* книгу: надо *дать* ее въ руки читателю. Только при такомъ расширеніи дѣло книгоиздательства явится дѣйствительно живымъ дѣломъ, способнымъ принести неисчислимыя культурныя послѣдствія. Мало и этого: надо пустить книгу въ провинцію, гдѣ ее ждетъ, не дождется самый главный читатель и покупатель *русскихъ* книгъ, алчущій духовной пищи и не имѣющій чѣмъ удовлетворить ее. «Петербургъ и Москва имѣютъ способы покупать книги, заводить книгохранилищныя и употреблять ихъ въ свою пользу, лишь только бы была у покупающихъ охота. Но позвольте сказать, петербургскіе и московскіе жители много имѣютъ увеселеній. Есть у нихъ различныя зрѣлища, забавы и собранія: слѣдовательно, весьма не у великаго числа людей остается время для чтенія книгъ. А сверхъ того и просвѣщеніе наше, или, такъ сказать, слѣное пристрастіе къ французскимъ книгамъ, не позволяетъ покупать *россійскихъ*. Въ *россійской* типографіи напечатанное рѣдко молодыми нашими *господчиками* пріемлется за посредственное, а за хорошее — почти никогда. Напротивъ того, живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ *дворяне и купцы* лишены способовъ покупать книги и употреблять ихъ въ свою пользу. Напечатанная въ Петербургѣ книга черезъ трою или четверо руки дойдетъ, напримѣръ въ Малую Россію: всякой накладываетъ неумѣренный барышъ, для того, что производитъ сію торговлю весьма малымъ числомъ денегъ: и такъ книга, продающаяся въ Петербургѣ по рублю, приходитъ туда почти всегда въ три рубля, а иногда и больше. Черезъ сіе охотники покупать книги уменьшаются, книгъ расходуется меньше, а печатающіе оныя, вмѣсто награжденія за свои труды, часто терпятъ убытокъ. *Вотъ* государь мой, куда должно стремиться намъ *решеніе* сего общества..., но не у *приде* часъ».

Часъ этотъ пришелъ, какъ увидимъ, двѣнадцать лѣтъ спустя. Новиковъ осуществилъ въ грандіозныхъ размѣрахъ свою идею и своимъ «Обществомъ» дѣйствительно «привелъ торговлю книжную въ цвѣтущее состояніе». Но, какъ это ни важно само по себѣ, для насъ въ данную минуту дѣло Новикова имѣетъ совсѣмъ особый интересъ и значеніе. Это было первое широкое практическое предпріятіе, осуществленное коллективно русской интеллигенціей, обществомъ частныхъ людей, по собственной инициативѣ. И главный инициаторъ, выносившій эту идею въ своемъ умѣ, шелъ къ ея осуществленію цѣлый рядъ лѣтъ, медленно и упорно, соединяя идейное увлеченіе съ практической смѣтливостью, заражая своей энергіей цѣлую группу близ-

кихъ людей, вербуя по всей Россіи цѣлую стѣю единомышленниковъ, свѣзывая ихъ идейными узами братаства и сообщая такимъ образомъ отвлеченнымъ филантропическимъ стремленіемъ масонства самое реальное, самое жизненное содержаніе.

Начало этого изумительнаго для того времени предпріятія было очень скромно. Но это начало уже показало, что для Новикова, при всей его практической дѣловитости, дѣло будетъ идти объ *общественномъ* интересѣ, а не объ одной только коммерческой выгодѣ. Точнѣе говоря, выгода должна была служить расширенію того же общественнаго интереса.

На очереди для «частныхъ людей» стоялъ вопросъ просвѣщенія. Новиковъ затѣваетъ для начала два параллельныхъ просвѣдительныхъ предпріятія, изъ которыхъ одно должно было питать другое. Онъ подбираетъ небольшую компанію молодежи и открываетъ (1777) въ Петербургѣ двѣ школы для мѣщанства. Эти школы будутъ содержаться доходами съ журнала, который компанія начинаетъ издавать одновременно съ открытіемъ школъ («Утренній Свѣтъ»). Типъ журнала Новиковъ взялъ готовый — тотъ самый, который созданъ былъ въ началѣ 60-хъ годовъ учащейся молодежью и меньше всего вызывалъ цензурныхъ опасеній. Матеріалъ журнала остался по преимуществу переводнымъ, направленіе — моралистическимъ (см. ниже). Но журналъ велся гораздо живѣе и серьезнѣе журналовъ Хераскова. Въ первый же годъ онъ имѣлъ 800 подписчиковъ. Кромѣ Москвы и Петербурга онъ расходился въ 26 губернскихъ городахъ, 24 уѣздныхъ и 7 мѣстечкахъ. Такимъ образомъ завязались у Новикова связи съ провинціей.

Вся эта дѣятельность уже совершалась отчасти на почвѣ масонскихъ отношеній. Въ срединѣ 1770-хъ годовъ въ Петербургѣ сложился кружокъ, тяготившійся обрядовой и мистической стороной масонства. Настроеніе Новикова совпадало съ настроеніемъ кружка. Онъ вступилъ въ «такъ называемое англійское» масонство (1775) съ спеціальнымъ условіемъ — не считать себя связаннымъ содержаніемъ тайнъ масонства и сохранить за собой право выхода, «ежели найдетъ, что противное совѣсти». Тогда же кружокъ добился открытія собственной ложи въ Петербургѣ, работавшей по особой программѣ. «Тутъ все было обращено въ нравственность и самопознаніе; говоренныя же (въ собраніяхъ) рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность». Такъ характеризуетъ цѣли и средства новаго масонскаго кружка самъ Новиковъ.

Однако же, Петербургъ оказался неудобнымъ мѣстомъ для сво-

боднаго и широкаго развитія идейно - филантропической дѣятельности новиковскаго кружка. Екатерина отнеслась съ самаго начала болѣе чѣмъ холодно къ новому почину своего литературнаго антагониста, грозившаго опередить ее уже на второмъ поприщѣ общественной дѣятельности. — и опять на такомъ, которое она считала своимъ по преимуществу. Конечно, ея энтузіазмъ къ созданію «новой расы людей» очень значительно остылъ къ этому времени. Но вопросъ о народномъ просвѣщеніи и народной школѣ стоялъ на ближайшей очереди, поставленный еще разъ Учрежденіемъ о губерніяхъ. Однако, когда первыя дворянскія собранія, думая откликнуться на призывъ императрицы, начали дѣлать постановленія объ открытіи школъ, Екатерина поспѣшила охладить ихъ рвеніе. Калужскій и тверской губернаторы получили (1779) внушенія, что усердіе дворянства «преждевременно» и что слѣдуетъ ожидать отъ императрицы общихъ правилъ и инструкцій объ открытіи школъ. «Никогда не принудятъ меня бояться образованнаго народа. — писала Екатерина къ Гримму въ слѣдующемъ году (1780); *но когда-то еще онъ сдѣлается такимъ* и когда между образованными людьми переведутся негодяи (des gredins) съ ложнымъ направленіемъ и кривыми взглядами, люди способные скорѣе все испортить, чѣмъ принести пользу?» Болѣе чѣмъ вѣроятно, что во второй половинѣ этой любопытной тирады Екатерина имѣла въ виду инициативу Новикова. Какъ бы то ни было, эта инициатива заставила ее, наконецъ, поторониться съ распространеніемъ образованія сверху. Въ томъ же году заведены были переговоры съ австрійскими педагогами, и въ 1782 г. началась дѣятельность комиссіи народныхъ училищъ (см. «Оч.» II, VII, 3).

Въ 1777 г. Екатерина демонстративно устранилась отъ участія въ школахъ, созданныхъ Новиковымъ, и такъ же демонстративно не подписалась на его журналъ, несмотря на его обычные авансы. Очевидно, перспектива для дальнѣйшей дѣятельности, при этихъ условіяхъ, складывалась неблагопріятно. Тогда Новиковъ рѣшился перенести все дѣло въ Москву, гдѣ атмосфера, какъ мы отчасти уже знаемъ, была совершенно иная. Здѣсь, прежде всего, такое направленіе, какъ масонство, могло развиваться гораздо свободнѣе, не оттѣсняемое модной «философіей» придворнаго круга. Для патріархальной Москвы эта «философія» и по существу своему была безчуждѣе уже крайней. Здѣсь настроеніе интеллигентныхъ круговъ скорѣе походило на нѣмецкое стародумство, чѣмъ на французское свободомысліе. Какъ сейчасъ увидимъ, въ Москвѣ нѣмецкое культурное вліяніе тотчасъ и побѣдило французское. Затѣмъ, отсутствіе двора имѣло еще

и другія послѣдствія. Въ Москвѣ не было ни высшего чиновничества, обязаннаго сообразоваться со взглядами власти, ни той житейской суетлоки, которая неизбѣжно связана съ повседневнымъ ходомъ громаднаго государственнаго механизма. Петербургъ суетился, поглощенный злобой дня и мелочами жизни. Москва утопала въ роскоши и въ праздности. Петербургъ дѣйствовалъ, Москва критиковала. Петербургъ создавалъ баловней счастья :въ немъ дѣлали карьеру. Въ Москвѣ доживали свои дни всѣ падшія звѣзды и угасшія свѣтила сѣверной столицы. Здѣсь они по-барски прожигали шальные состоянія, нажитыя въ болѣе счастливые дни; сюда уносили горечь и раздраженіе, копившіяся годами невольной или добровольной ссылки и находившія себѣ единственный исходъ въ томъ, что на языкѣ Екатерины называлось «враньемъ».

Въ этой атмосферѣ сановнаго брюжжанья, — мало, конечно, походившаго на политическую оппозицію, — жило спокойнѣе и независимѣе и представителямъ интеллигентнаго русскаго общественнаго мнѣнія. За спиной главнокомандующаго, графа Захара Чернышева, не забывшаго еще, что и самъ онъ когда-то, въ дни Елизаветы, былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ масоновъ, родовитые и богатые представители молодого масонства чувствовали себя въ сравнительной безопасности. — внѣ непосредственнаго дѣйствія петербургской власти. У нихъ было довольно вліянія и денежныхъ средствъ; талантъ и энергію вложили въ движеніе приглашенные ими идейные руководители.

Съ помощью дружескихъ масонскихъ связей (черезъ Хераскова) Новиковъ уже въ 1779 году перебрался окончательно въ Москву изъ Петербурга. Тогда же онъ взялъ въ аренду московскую университетскую типографію и принялся за осуществленіе любимой своей мысли, идейнаго издательства. Въ 1780 г. друзья Новикова составили особую масонскую ложу «Гармонія», объединившую масоновъ разныхъ системъ на общей почвѣ нравственнаго усовершенствованія и просвѣтительной дѣятельности. Какъ отразилось переселеніе въ Москву на настроеніи Новикова, видно всего лучше изъ его «Московского изданія», замѣниваемаго въ 1781 году «Утренній Свѣтъ». Въ самомъ предисловіи къ новому журналу публицистъ поднимаетъ заборало и рѣшительно объявляетъ, что прямая цѣль журнала есть борьба съ людьми, «отъ природы великими способностями одаренными, въ воспитаніи ученостью украшенными, и между людьми почтенными», которые, однако, «хулятъ съ надменнымъ и увѣрительнымъ видомъ законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полу-

ченный» (такъ опретьвлялась, между прочимъ, и основная тайна масонства), и готовы уже думать, что искоренили «всѣ народныя предрассудки и низкое суевѣріе». Слова эти прямо мѣтили на Екатерину и ея придворный кругъ. Ихъ можно только сопоставить съ отвѣтомъ Платона, когда ему пришлось выбирать между «христіанствомъ» масоновъ и «философіей» императрицы (см. ниже 436). Недаромъ архіереи явились усердными подписчиками журнала, на который не подписалась Екатерина. Но Новиковъ пошелъ еще дальше этихъ общихъ намековъ. Въ немъ просыпается издатель «Трутня» и «Живописца»; и въ журналъ, предназначенный для благотворительности и моральнаго назиданія, скоро вливается бурной струей негодованіе публициста и обличительный смѣхъ сатирика. Въ промежутокъ между двумя пароксизмами націоналистической и завоевательной политики Екатерины. — «Московское изданіе» поднимаетъ голосъ, въ духѣ масонства, противъ наступательныхъ войнъ. Не честолюбіе и любовь къ славѣ, а только любовь къ общественному благу и отечеству должна побуждать къ войнѣ. Война — если она не оборонительная — есть просто кровопролитіе и должна вызывать одинъ ужасъ. Безсмертіе государь можетъ заслужить скорѣе правосудіемъ и справедливостью, чѣмъ «завоеваніемъ многихъ государствъ, разореніемъ ста городовъ и истребленіемъ ста тысячъ человѣкъ». Всякій, «утверждающій власть свою на неправосудіи, скрываетъ преснасть, которою онъ или его преемники поглощены будутъ. Самыя великія и жесточайшія возмущенія не отъ чего иного произошли, какъ отъ своеправія и жестокостей государей». Государь долженъ остерегаться страстей. «Всякое государство лучше управляемо быть можетъ празднымъ государемъ, нежели страстнымъ. Ежели первый будетъ имѣть некуснаго министра, тогда праздность его можетъ обратиться въ пользу народа; страстный же... повинуется волѣ любовницы... Какъ скоро государь отдается любви, то... временщики, министры, придворные... показываютъ нѣжное сердце... Любовницы государя, министровъ и временщиковъ, сдѣлавъ союзъ, станутъ раздавать чины и всѣ дѣла располагать по своимъ прихотямъ». И какъ бы боясь, что всѣ эти прозрачныя намеки не будутъ поняты, авторъ прибавляетъ: «Такое правленіе бывало при государяхъ, которые великую надежду подавали въ началѣ своего владѣнія». Это уже было не въ бровь, а въ самый глазъ.

Горячій публицистъ, превосходный практикъ и организаторъ, трезвая, дѣловая натура. — Новиковъ не годился, правда, въ вожди чисто идейнаго движенія, какимъ было въ основѣ свое масонство.

Но онъ лучше всякаго другого могъ использовать движеніе для общественныхъ цѣлей. Идейнымъ руководителемъ, душой движенія съ его теоретической стороны явился другой человекъ, глубокой энтузіастъ, готовый самого себя цѣликомъ отдать на служеніе своему идеалу. Въ 1776 году пріѣхалъ въ Россію — и одновременно съ Новиковымъ (1779) поселился въ Москвѣ нѣкто Шварцъ, нѣмецъ изъ Трансильваніи. Вліяніе этого человека въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ тогда же сдѣлался профессоромъ (1779), сравнивали съ вліяніемъ Грановскаго. Но еще сильнѣе, чѣмъ вліяніе Шварца на университетскую аудиторію, было дѣйствіе его дружескихъ бесѣдъ, — если, впрочемъ, забыть, что онъ владѣлъ несомнѣннымъ даромъ дружескую бесѣду превращать въ профессорскую лекцію, а изъ лекціи дѣлать дружескую бесѣду. Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ друзей, который постепенно расширялся въ болѣе широкій кругъ поклонниковъ и послѣдователей, скорѣе можно бы было сравнить вліяніе Шварца съ вліяніемъ другого знаменитаго представителя тридцатыхъ годовъ, Станкевича. Столь же тонко организованная и благородная, но несомнѣнно болѣе пылкая натура, чѣмъ Станкевичъ, Шварцъ былъ такимъ же идейнымъ и нравственнымъ оракуломъ своего кружка, среди котораго гораздо рѣзче выдавался своими знаніями и образованіемъ. Обоихъ рано подкосила смерть, но оба оставили неизгладимый слѣдъ въ сердцахъ и умахъ своихъ почитателей. Шварцу дано только было еще то, чего не дано было Станкевичу, — натурѣ болѣе созерцательной, чѣмъ дѣятельной. Шварцу суждено было самому осуществить въ жизни то «идеальное царство Платона», которое наполняло душу молодого энтузіаста «райскими ощущеніями». «Колумбъ, впервые завидѣвшій землю», выражался самъ Шварцъ, «не могъ радоваться болѣе меня, когда въ рукахъ моихъ очутился значительный капиталъ для осуществленія моей платоновской идеи».

Но что же это была за утопія, за «новая Атлантида», которая заставляла Шварца и его друзей вспоминать о Колумбѣ и Платонѣ при одной мысли о возможности ея осуществленія? Въ пониманіи *ближайшей цѣли* для достиженія своей мечты Шварцъ очень близко сошелся съ Новиковымъ. Именно, онъ мечталъ составить въ Россіи общество для распространенія истиннаго просвѣщенія. Для этого нужно было, по его мнѣнію: 1) популяризировать правила хорошаго воспитанія, 2) издавать полезныя книги, поддерживая тѣмъ и препріятіе Новикова, и 3) выписать способныхъ педагоговъ изъ-за границы, а еще лучше — приготовить своихъ русскихъ преподавателей къ роли распространителей просвѣщенія. Для какой *дальнѣйшей*, можно ска-

затѣ, міровой задачи все это было нужно, можно понять только тогда, когда познакоимся ближе съ философскимъ міровоззрѣніемъ Шварца. Мы увидимъ, что, по широтѣ размаха, его «утопія» — первая утопія русскаго общественнаго дѣятеля, ничуть не уступаетъ утопіямъ нашего времени.

Чтобы осуществить свою идею, — которую Шварцъ повсюду пронагандировалъ со всѣмъ жаромъ убѣжденія, не останавливаясь передъ скептицизмомъ своихъ болѣе практическихъ собесѣдниковъ, онъ не дожидаясь, пока счастливый случай дастъ ему въ руки «значительный капиталъ». Бывшій домашній учитель, только что ставшій профессоромъ, бѣднякъ, оставившій свою семью, послѣ своей смерти безъ копейки денегъ, Шварцъ пожертвовалъ въ университетъ 5.000 рублей (не меньше 25.000 на дореволюціонныя деньги), чтобы положить первый камень въ основу будущаго своего званія. На эти деньги должны были подготовляться при университетѣ по особой системѣ будущіе учителя. Чтобы подобрать составъ воспитанниковъ этой «педагогической семинаріи», кружокъ друзей вошелъ немедленно въ сношенія съ начальствомъ единственныхъ тогда сколько-нибудь сносно поставленныхъ среднеучебныхъ заведеній, — именно духовныхъ семинарій и академій. Количество стипендіатовъ дружескаго кружка, присланныхъ изъ этихъ заведеній, доходило въ послѣдующіе годы до 30-ти слишкомъ. Расходъ на стипендіи превышалъ 3.000 ежегодно. Для помѣщенія стипендіатовъ кружокъ купилъ собственный домъ на имя Шварца.

Но учрежденіемъ «педагогической семинаріи» намѣренія Шварца, разумѣется, не ограничивались. За первымъ шагомъ послѣдовали два другіе, логически вытекавшіе изъ перваго. Свои отношенія къ собравшимъ отовсюду семинаристамъ Шварцъ не ограничилъ инспекторскимъ надзоромъ и профессорскими лекціями. Онъ вступилъ съ ними въ личныя и непосредственныя отношенія, старался развить въ нихъ нравственную и умственную самостоятельность. Для этого черезъ два года послѣ открытія «педагогической семинаріи» онъ основалъ студенческое общество подъ названіемъ «собранія университетскихъ питомцевъ» (1781). Цѣлью общества было образованіе ума и вкуса членовъ, собиравшихся для совмѣстнаго обсужденія своихъ литературныхъ опытовъ. Въ началѣ засѣданій члены по очереди читали рѣчи моральнаго содержанія. Предполагалось пріучать членовъ и къ прямой филантропической дѣятельности, для которой средства добывались, по принципу уже намѣченному Новиковымъ, самими членами посредствомъ изданія ихъ сочиненій. Какъ велико было вліяніе

Шварца на «университетскихъ питомцевъ», видно уже изъ того, что долго послѣ смерти учителя среди нихъ сохранялся настоящій культъ его памяти.

Наконецъ, третій шагъ на томъ же пути сдѣланъ былъ Шварцемъ въ слѣдующемъ 1782 году. Прошедшіе указанную школу питомцы, а также и вызванные вновь изъ семинарій студенты получили возможность приложить свои знанія и вмѣстѣ добыть средства къ существованію во вновь устроенной «переводческой семинаріи» — путемъ переводовъ лучшихъ авторовъ и моральныхъ сочиненій. Такимъ образомъ, цѣль, которую намѣтилъ себѣ Шварцъ, мало-по-малу осуществлялась. Его энергичными усиліями созданъ былъ цѣлый кружокъ молодыхъ интеллигентовъ, педагоговъ и переводчиковъ, оставившихъ по себѣ очень замѣтный слѣдъ въ дѣятельности русской школы и печати конца XVIII вѣка. Какія же идеи они проводили въ своей дѣятельности?

Прежде чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, намъ надо познакомиться съ дѣятельностью Шварца въ ближайшемъ дружескомъ кружкѣ. Здѣсь онъ взялъ на себя, какъ Новиковъ, роль чернорабочаго для «знатныхъ господъ» и увлекъ за собой кружокъ своей неутомимой дѣятельностью. Самое сплоченіе кружка, одушевленіе его одной просвѣтительной идеей — есть въ очень значительной степени дѣло Шварца. Началось это сплоченіе на почвѣ теоретическаго согласія во взглядахъ, на почвѣ извѣстнаго пониманія масонства. Закрѣпилось же оно окончательно на почвѣ активной общественной дѣятельности. Мы знаемъ, какія идеи одушевляли русскихъ масоновъ до появленія среди нихъ Шварца. Шварцъ, со своими поисками масонскихъ тайнъ, съ своимъ знаніемъ масонскихъ формъ — казался подозрительнымъ русскимъ реформаторамъ масонства. Въ первый годъ знакомства со Шварцемъ Новиковъ тщательно избѣгалъ заводить съ нимъ разговоръ о масонствѣ. Но потомъ дѣло объяснилось, и московскіе представители масонства согласились, отложивъ въ сторону все таинственное и формальное, соединиться въ одной нейтральной ложѣ съ цѣлями нравственнаго самосовершенствованія. Какъ мы говорили раньше, Новиковъ былъ главнымъ сторонникомъ этого простаго исключительно моральнаго пониманія масонства, и онъ перетянулъ на свою сторону другихъ. Но передъ знаніями и убѣжденностью Шварца самъ Новиковъ пасовалъ, и въ концѣ концовъ весь кружокъ подчинился вліянію молодого профессора. Шварцъ былъ мистикомъ. Онъ вѣрилъ, что масонство можетъ открыть тайну слиянія Божества съ природой путемъ изученія секретовъ природы въ ея сокровеннѣй-

шей сущности. Хотя методы и цѣли масонства противорѣчили наукѣ, но не надо забывать, что сама наука въ то время какъ разъ попала на путь, который, казалось, велъ туда же, куда стремилась проникнуть и натурфилософія. Ученой новинкой, поразившей воображеніе тогдашней публики, были первыя открытія химіи. Вещества, повидимому, простыя, какъ воздухъ, вода, оказались сложными. Являлась надежда открыть еще болѣе первичные элементы, въ которыхъ и ожидали найти начало всѣхъ началъ и ключъ къ превращенію однихъ веществъ въ другія. Этихъ-то тайнъ природы, въ которыя обѣщала проникнуть нарождавшаяся химія, доискивался и Шварцъ. Но это была только одна сторона его взглядовъ, которая притомъ играла подчиненную, служебную роль въ общемъ міросозерцаніи Шварца (см. ниже 424-430).

Посланный друзьями за границу для отысканія истиннаго масонства *), Шварцъ вернулся оттуда послѣдователемъ системы «розенкрейцеровъ», занимавшихся въ то время изслѣдованіемъ «Божества въ натурѣ». Съ своимъ вліяніемъ онъ легко превратилъ въ розенкрейцеровъ и своихъ ближайшихъ друзей, включая и Новикова. Они остались, правда, совершенно чуждыми его «практическимъ работамъ». Однако, общая мистическая идея Шварца объ «истинномъ просвѣщеніи» должна была повліять и на нихъ. Изъ этой идеи вытекала вся дѣятельность Шварца: она придавала этой дѣятельности цѣльность и внутреннюю силу. Не будучи въ состояніи вполне понять своего руководителя и послѣдовать за нимъ до конца, друзья-масоны вѣрили, однако, что существуетъ дѣйствительно какая-то таинственная цѣль познанія, какая-то высшая задача дѣятельности, которая все объясняютъ и объединяютъ. Стремленіе къ этой цѣли выделяло кружокъ изъ остального общества. Званіе «розенкрейцера» сближало ихъ въ своего рода конспиративный союзъ внутри самого масонства. При такой завлекательной обстановкѣ ставились и выполнялись общія задачи дѣятельности кружка. Примѣръ, поданный Шварцемъ, (стр. 419) увлекъ нѣсколькихъ членовъ кружка къ значительнымъ

---

*) Объединительныя, эклектическія и очистительныя тенденціи усиливались тогда и въ германскомъ масонствѣ. На «соборѣ» масоновъ «строгаго соблюденія» въ Вильгельмсбадѣ (1782) Шварцъ получилъ признаніе Россіи особой (VШ-й) провинціей, освободившейся отъ подчиненія Швеціи (принятаго въ 1780), и привезъ въ Москву новыя назначенія на масонскія должности, чѣмъ москвичи были очень недовольны. Впрочемъ, рыцарскія званія скоро вышли изъ употребленія и въ самой Германіи.

денежнымъ пожертвованіямъ. Собравъ такимъ образомъ нѣкоторые средства, кружокъ друзей рѣшился выступить формально и открыто подъ названіемъ «Дружескаго ученаго общества», преслѣдующаго филантропическія и ученныя цѣли. «Общество» было торжественно открыто въ ноябрѣ 1782 года, въ присутствіи приглашенныхъ властей. Черезъ мѣсяць съ небольшимъ Шварцъ, послѣ многочисленныхъ непріятностей и столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, принужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1783 году онъ продолжалъ еще читать свой приватный курсъ исторіи философіи въ мистическомъ духѣ, руководилъ филантропической дѣятельностью «Дружескаго общества». Но слабый организмъ, надломленный непосильнымъ трудомъ и душевными огорченіями, наконецъ, не выдержалъ. Осенью 1783 года Шварцъ заболѣлъ и въ февралѣ 1784 года умеръ.

Чтобы оцѣнить значеніе профессорской дѣятельности Шварца, надо сравнить содержаніе новиковскихъ журналовъ, издававшихся для поддержанія двухъ петербургскихъ училищъ (стр. 414) *до* и *послѣ* того, какъ приняли въ нихъ участіе «университетскіе питомцы», вышедшіе изъ педагогической семинаріи Шварца. Кружокъ, начавшій издавать въ 1777 году «Утренній Свѣтъ», стоялъ почти на уровнѣ сотрудниковъ журналовъ 1759 — 61 гг. Какъ тамъ, такъ и здѣсь идеи «естественнаго закона» сохраняются рядомъ съ новыми идеями самосовершенствованія, не дѣлается никакой попытки согласить то и другое, хотя оба ряда идей въ сущности были плодомъ двухъ противоположныхъ и боровшихся между собой мировоззрѣній, олицѣ философско - раціоналистическаго, а другой — религіозно - сентиментальнаго. Стремленіе къ счастью и наслажденію, эпикурейская и утилитарная система морали еще мирно уживаются въ журналѣ съ моралью «самопознанія», которая скоро будетъ развита Шварцемъ въ цѣлую систему теософіи и теургій. Переводы изъ древнихъ авторовъ по вопросамъ любви, морали, безсмертія души *) наполняютъ первые томы «Утренняго Свѣта». Во второмъ году изданія уже начинается въ журналѣ «бореніе между вѣрой и разумомъ», въ лицѣ классическаго героя этой борьбы, Паскаля, «Мысли» котораго переводятся въ «Утреннемъ Свѣтѣ». Результатъ борьбы предрѣшенъ, кромѣ этого выбора, напечатаніемъ тутъ же другого произведенія, нашедшаго въ Европѣ въ 70-хъ годахъ и бывшаго тамъ предвѣстникомъ торже-

---

*) Тутъ, между прочимъ, помѣщенъ переводъ «Федона» Мозеса Мендельсона, о вліяніи котораго на Шварца и Радищева см. ниже

ства чувствительности» надъ раціонализмомъ. Это былъ «Плачь или ночныя думы» Юнга, воспѣвавшего смерть «по ночамъ при тускломъ свѣтѣ лампы, теплившейся въ человѣческомъ черепѣ» и патетически призывавшаго къ жалости, къ состраданію, къ заботѣ о душѣ и о будущей жизни. Третій годъ изданія (1780) представляетъ еще шагъ дальше на пути къ усвоенію новаго міровоззрѣнія. Въмѣсто переводовъ изъ древнихъ тутъ являются статьи по философіи и психологии. Въ научныхъ статьяхъ проводятся новыя мысли (напр., что мины — не басни, а аллегоріи, скрывавшія высокія истины). Въ концѣ редакция помѣщаетъ статью Гисмана, въ которой отрицается аксіома всего XVIII-го столѣтія. — существованіе естественнаго права и теорія естественнаго состоянія людей до образованія государства. Въ противоположность Руссо и (Юнгу), здѣсь доказывается, что «попавшись въ состояніе сходное съ природою», люди стѣлались бы не счастливыми и блаженными, а «плутами и негодьями». Въ связи съ этимъ, журналъ рѣшительно отрицаетъ и другую мысль Руссо, получившую широкое употребленіе у насъ, особенно въ рукахъ противниковъ раціонализма изъ *реакціоннаго*, «стародумческаго» лагеря: мысль, что просвѣщеніе вредитъ нравственности. Скоро мы увидимъ, почему эти идеи о вредѣ культуры и о блаженствѣ «естественнаго состоянія» оказались несовмѣстимыми съ новымъ міровоззрѣніемъ редакціоннаго кружка.

«Московское изданіе» еще не обнаруживаетъ рѣзкаго шага впередъ въ смыслѣ развитія общаго міровоззрѣнія. Его особенность, какъ мы видѣли, заключается въ свѣжей публицистической и сатирической струѣ, которую внесъ въ него переселившійся въ Москву Новиковъ. На новомъ мѣстѣ старый кружокъ сотрудниковъ, повидимому, порѣдѣлъ, а новый еще не подобрался въ этомъ году (1781). Этимъ, можетъ быть, объясняется болѣе близкое участіе самого Новикова въ этомъ журналѣ. Зато въ слѣдующемъ году (1782) подошлѣлъ первый выпускъ «питомцевъ» Шварца, составившихъ въ томъ же году «переводческую семинарію» (стр. 419). Въ руки этого-то молодого кружка *) и передалъ теперь Новиковъ веденіе своего ежемѣсячнаго изданія (выходившаго въ этомъ году подъ названіемъ «Вечерней Зари»: мистическій смыслъ заглавія Новиковъ подчеркнул въ своемъ «предувѣдомленіи»).

---

*) Имена «трудившихся въ изданіи журнала студентовъ» перечислены Новиковымъ въ количествѣ 18 лицъ: здѣсь видимъ дѣтей иностранцевъ и духовныхъ и ни одного аристократическаго имени.

Главный интерес «Вечерней Зари» заключается въ рядѣ философскихъ статей, которыя на этотъ разъ уже совершенно сознательно формулируютъ общее міровоззрѣніе, какое вырабатывалось въ московскомъ интеллигентномъ кружкѣ подъ вліяніемъ лекцій Шварца. Не нужно, конечно, ожидать отъ этого міровоззрѣнія чего-нибудь очень крупнаго и оригинальнаго. Содержаніе философскихъ статей «Вечерней Зари» довольно точно соотвѣтствуетъ среднему уровню тогдашней нѣмецкой популярной философіи. Богъ, міръ и душа — таковы основные вопросы міровоззрѣнія, около которыхъ сосредоточилась философская борьба XVIII вѣка. Въ описываемое время Кантъ уже сдѣлалъ все эти вопросы предметомъ разрушительной гносеологической критики. Но «Критика чистаго разума» только что появилась тогда (1781); ея роль была еще вся въ будущемъ. Другія, болѣе раннія *цѣльныя* міровоззрѣнія, монизмъ Спинозы и монизмъ французскихъ матеріалистовъ казались слишкомъ подозрительными и были не по плечу тогдашнему среднему интеллигенту. Шварцъ разбиралъ Спинозу, Гельвеція, Ламеттри на лекціяхъ; и, естественно, профессорская критика не могла внушить слушателямъ желанія познакомиться со всѣми этими системами ближе. Нѣмецкая университетская философія, правда, тоже ставила цѣлью борьбу противъ теологій и схоластики. Но здѣсь борьба эта шла на совсѣмъ другой почвѣ, гораздо болѣе умѣренной, чѣмъ философскія системы пантеизма и матеріализма. Это была система Вольфа — очень передовая и даже преслѣдовавшаяся въ первой трети XVIII вѣка, но заключавшая въ себѣ еще достаточно теологическихъ и схоластическихъ элементовъ, чтобы сдѣлаться во второй трети вѣка общепризнанной университетской системой. Дальнѣйшій прогрессъ философіи въ Германіи, послѣ Вольфа, заключался въ усвоеніи идей англійскихъ философовъ и моралистовъ, — хотя и «свободомыслящихъ», но все еще не рѣшавшихся сойти съ почвы самаго благонамѣреннаго деизма. При этомъ усвоеніи англійскихъ идей преслѣдовались болѣе моральныя, чѣмъ методологическія задачи. Естественно, что въ результатѣ заимствованій получился рядъ эклектическихъ философскихъ системъ, имѣвшихъ въ лучшемъ случаѣ лишь временное культурное значеніе. Это и была та стихія, въ которую ввелъ Шварцъ своихъ «питомцевъ». То, что было достаточно для средняго интеллигента въ Германіи, конечно, оказалось болѣе чѣмъ достаточно для Россіи. Философское преподаваніе (въ академіяхъ) стояло у насъ еще на уровнѣ Аристотеля и Θомы Аквинскаго; даже Декартъ и Лейбницъ были еще контрабандой, и только въ 1777 г. окончательно введенъ учебникъ

философiи ученика Вольфа, Баумейстера. При такомъ уровнѣ философскихъ знанiй, направленiе философскихъ статей «Вечерней Зари» было несомнѣннымъ и значительнымъ шагомъ впередъ. Но онъ былъ при этомъ, все же, настолько скромный, что могъ привлечь интересъ и симпатiи посланныхъ Шварцу академистовъ и семинаристовъ, не испугавъ ихъ начальства.

Каждая книжка «Вечерней Зари» начиналась одной или нѣсколькими статьями по философiи. Не трудно замѣтить, что статьи первыхъ восьми книжекъ составляютъ цѣлый философскiй трактатъ, переведенный съ нѣмецкаго, при чемъ переводчикъ не понималъ основныхъ идей системы и потому часто путалъ термины («разумъ» и «разсудокъ»: «духъ» и «душа»). Мы предполагаемъ, что эти статьи принадлежатъ Шварцу. Какъ бы то ни было, стоитъ остановиться подробнѣе на ихъ содержанiи, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ міровоззрѣнiемъ, на которомъ могъ успокоиться русскiй интеллигентъ, послѣ того, какъ старое міровоззрѣнiе «естественнаго закона» (см. выше, систему Татищева) устарѣло въ его глазахъ. Авторъ статей начинаетъ съ доказательства безсмертiя души, характернымъ образомъ обходя первую по порядку тогдашнюю тему, о существованiи Бога (двѣ статьи объ этомъ, одна компилятивная, другая изъ Локка — помѣщены въ журналъ по окончанiи трактата). *Человѣкъ*, его психика и мораль — таковъ центральный пунктъ философiи автора. Въ доказательствахъ безсмертiя нѣтъ ничего новаго. Ихъ выборъ сдѣланъ по Мозесу Мендельсону, — прототипу «Натана» Лессинга. Добавлено только въ концѣ любопытное соображенiе*), что *выгодно* вѣрить въ безсмертiе, даже если его нѣтъ, чѣмъ не вѣрить, если оно есть. Далѣе слѣдуютъ общiя замѣчанiя «о душѣ», въ которыхъ намѣчается точка зрѣнiя и темы послѣдующаго изложенiя. Эта точка зрѣнiя окончательно выясняется въ двухъ дальнѣйшихъ статьяхъ. Въ первой душа трактуется, какъ своего рода химическiй продуктъ явившiйся результатомъ соединенiя «духа» и «тѣла». Продуктъ соединенiя есть нѣчто третье, новое: такъ: «сѣбра и ртуть, будучи смѣшаны, производятъ нѣчто третье, а именно киноваръ, имѣющую такiя свойства, которыя не принадлежатъ ни къ одной киновари, ни къ одной ртути». Это «нѣчто новое» есть «натуральная жизнь» души со всеѣми ея свойствами, какихъ не находилось ни въ «матерiи тѣлесной» ни въ «духѣ». Смотря по свойству матерiи, вошедшей въ

---

*) И тутъ, конечно, можно указать предшественниковъ въ лицѣ Паскаля, съ его знаменитымъ «иари на Бога» и Арнобія (конецъ III вѣка).

составъ («огненной», «водяной» или «соляной»), варьируется и «естественный» характеръ души или «темпераментъ» (ср. «Очерки» II, VII, 2). По смерти челоѣка «духъ» и «персть» возвращаются къ первобытной чистотѣ и отдѣльности. Гибнетъ при этомъ только ихъ смѣсь — «тѣ свойства, которыя духъ заимствовалъ отъ матеріальной части», «подобно какъ ртуть по разрушеніи кнѣоваря дѣлается опять чистою и настоящею ртутью». Однако, сдѣлать отсюда выводъ о гибели «души», т. е. противъ *личнаго* безсмертія, авторъ не рѣшается. Вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи «души» по смерти онъ прямо признаетъ открытымъ.

Итакъ, «челоѣкъ состоитъ не изъ двухъ токмо существенныхъ частей, а изъ трехъ: тѣла, души и духа» *). И этотъ взглядъ, конечно, не оригиналенъ. Таковъ былъ взглядъ Аристотеля, «пневматиковъ»-гностиковъ и нѣкоторыхъ схоластиковъ. Дальнѣйшія доказательства взяты изъ Мендельсонова «Федона» (1767). Первое изъ нихъ «можно назвать аналогическимъ или почерпнутымъ изъ сходства вещей» въ разныхъ царствахъ природы. «Восходя по степенямъ тварей снизу кверху», мы найдемъ, что Творецъ «даровалъ каждому послѣдующему царству тварей не токмо матерію и основное вещество предыдущаго, но и всегда еще въ прибавленіе новую часть, собственно и существенно ему принадлежащую». Такъ, въ царствѣ растений является сравнительно съ минералами новый элементъ «жизнь», а въ царствѣ животныхъ «*душа*» или «самопроизвольное движеніе». Впрочемъ, «вообще царство животныхъ въ толь тѣсномъ находится союзѣ съ царствомъ растений, что испытатели естества спорятъ, гдѣ одно царство кончится, а другое начинается». Напримѣръ, «нельзя почти распознать» относительно полипа, «животное-ли то, или растение». Челоѣкъ «*долженъ* стоять на высшей степени: ему надлежитъ составлять совсѣмъ новый классъ и совсѣмъ новое царство тварей». Слѣдовательно, въ немъ должно заключаться и новое начало: *духъ* разумный и безсмертный. «Итакъ, челоѣкъ принадлежитъ къ царству духовъ». Какъ въ царствѣ животныхъ полипъ соединяетъ между собой царства животныхъ и растений, такъ и челоѣкъ соединяетъ царства животныхъ и духовъ. Въ царствѣ животныхъ находятся гораздо совершеннѣйшія животныя, нежели полипы; а въ царствѣ духовъ гораздо совершеннѣйшіе духи, нежели челоѣкъ». Такимъ образомъ «религія посредствомъ сего положенія не только не приходитъ

---

*) Принадлежность Шварцу этой основной мысли всего трактата доказывается его собственными записями.

въ аналогъ, но паче въ большую силу и умаженіе». Другое доказательство троичности началъ въ челоѣкѣ почерпывается изъ «Божественнаго откровенія», именно изъ сотворенія челоѣка по образу и подобію Божію (т. е. Св. Троицы) *).

Опредѣливъ такимъ образомъ душу, какъ смѣсь духа и вещества, временнаго и вѣчнаго, какъ «одушевленную матерію» (конечно, не въ смыслъ матеріализма), авторъ пріобрѣтаетъ чрезвычайно удобную позицію для своего эклектизма. «Душа» является для него эмпирической сферой, къ которой онъ примѣняетъ генетическую точку зрѣнія новыхъ философовъ, а «духъ» сферой трансцендентальной. Все измѣняющееся, развивающееся принадлежитъ узкой сферѣ «души». Въ этой сферѣ, по Локку, «духъ дѣйствуетъ *только* черезъ посредство чувственного опыта»: безъ него онъ «вовсе не показываетъ своего дѣйствія въ челоѣкѣ». Опытъ, слѣдовательно, необходимъ, чтобы «духъ» могъ проявить себя въ «душѣ». Такимъ образомъ, авторъ можетъ цѣликомъ принять возраженія Локка противъ схоластическаго и картезіанскаго ученія о врожденныхъ идеяхъ. Содержимое «души» пусто, пока не наполнить ее опытъ и наблюденіе. Вслѣдъ за Локкомъ и сенсуалистами авторъ посредствомъ наблюденій надъ глухонѣмыми и надъ «людьми, кои выросли между животными», доказываетъ, что «размышленіе не необходимо сопряжено съ духомъ».

Болѣе широкая и безусловная сфера «духа» въ челоѣкѣ есть «разумъ». Болѣе узкая эмпирическая сфера «души» есть «разсудокъ». «При разлученіи души съ тѣломъ и разсудокъ, какъ вещь, происходящая изъ соединенія оныхъ, исчезаетъ: разумъ же съ душою (надо бы: «съ духомъ», такъ какъ вопросъ о безсмертіи «души» раньше оставленъ открытымъ) навсегда пребудетъ». Такимъ образомъ, разсудокъ подчиненъ законамъ «естественной жизни» и имѣетъ свою «естественную исторію», которую и изслѣдуетъ авторъ. Разсудокъ «не можетъ далѣе проникнуть, какъ только куда поведутъ чувства тѣлесныя». «Будучи оставленъ чувствами», онъ странствуетъ одинъ въ весьма глубокой темнотѣ и доходитъ до границъ духовныхъ вещей, а пришедъ туда, либо совсѣмъ останавливается, или когда далѣе отъаживается подходить, то заходитъ въ опасный лабиринтъ гдѣ не

---

*) Шварцъ здѣсь совпадаетъ также съ ученіемъ Сень-Мартена, книга котораго «О зблужденіяхъ и истинѣ» (1775) произвела сильное впечатлѣніе среди русскихъ масоновъ, получившихъ даже отъ его имени названіе «мартинистовъ». С.-Мартэнъ также говоритъ о премежutoчномъ мѣстѣ челоѣка, объединяющаго міръ вещественный и міръ священный.

имѣя ничего, что бы могло его остановить, испадаетъ въ пропасть, изъ которой выйти и понасть на истинный путь уже не можетъ, если не просвѣтится и не исправится чрезъестественнымъ свѣтомъ духа премудрости и откровенія».

Здѣсь, какъ видимъ, авторъ довольно близко подходитъ къ Канту, но только для того, чтобы тотчасъ же уйти отъ него очень далеко. Доказать несовершенство эмпирической сферы «души», постепенно эволюционирующей въ своемъ развитіи, ему нужно только для того, чтобы сдѣлать отсюда *моральные* выводы, приводяще читателя постепенно къ практической философіи масонства. Первое звено этихъ выводовъ состоитъ въ признаніи *необходимости несовершенства* и въ примиреніи его съ идеей божественнаго всемогущества. Такъ какъ естественная исторія души доказала, что «никакое конечное существо безъ достаточнаго времени не можетъ пріобрѣсти твердыхъ и сколько-нибудь обширныхъ познаній», и такъ какъ «совершенное блаженство предполагаетъ весьма пространныя знанія и великій навыкъ къ размышленію», то, «слѣдовательно, невозможно было Богу создать разумныхъ конечныхъ тварей, одаренныхъ всеми познаніями, нужными къ совершенному блаженству». Этимъ же объясняется необходимость зла и страданій на землѣ. Вѣдь конечное существо не можетъ *сразу* согласить своихъ желаній съ законами вселенной: поэтому оно должно стать жертвой этого несоотвѣтствія. «Чѣмъ болѣе разумное существо усцѣваетъ въ познаніи міра, тѣмъ менѣе оно подвергается обману въ ожиданіи того, что должно случиться, и менѣе желаетъ невозможныхъ вещей. Неудовольствія должны уменьшаться съ той же соразмѣрностью». Отсюда прямо вытекаетъ сократовскій выводъ, который авторъ противопоставляетъ Руссо и русскимъ «стародумамъ». Не только просвѣщеніе не вредитъ нравственности, но нравственность и состоитъ въ «истинномъ» просвѣщеніи. Достаточно *знать* пользу нравственности, чтобы практиковать ее и понять необходимость нравственнаго самосовершенствованія. Этотъ выводъ открываетъ человѣчеству тѣ безконечныя перспективы, которыя и составляли «утопію» Шварца. «Ежели міръ сей небезконеченъ, то возможно конечному существу дойти до такого совершенства, чтобы имѣть подробное понятіе о цѣломъ мірѣ (о «законахъ нравственнаго порядка, честности и доброты»), и тогда неудовольствія его должны совершенно исчезнуть». «Восхитительное зрѣлище, внушающее всякому мыслящему существу желаніе безсмертія!»

Мы понимаемъ теперь, почему уже «Московское изданіе» протестовало противъ перенесенія золотого вѣка въ самое начало исто-

рического процесса, которое вытекало изъ понятія Руссо о «естественномъ состояніи». Золотой вѣкъ есть не начало, а цѣль и конечный пунктъ человѣческаго прогресса. Понятно также, какое огромное значеніе должна была имѣть въ глазахъ Шварца идея о постепенномъ воспитаніи человѣчества, уже пущенная въ литературный оборотъ Лессингомъ. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Шварцъ и обращается къ изученію *дѣйствительныхъ* началъ въ человѣкѣ: воли и совѣсти, какъ главныхъ пружинъ самосовершенствованія и прогресса. Онъ и тутъ подчеркиваетъ, что велѣнія воли и совѣсти вовсе не категоричны и не ясны сами собой. Та и другая могутъ и должны быть развиваемы и воспитываемы. «Воля сама по себѣ есть слѣпая сила», не могущая дѣйствовать цѣлесообразно безъ вмѣшательства «разсудка». *Совѣсть*, какъ «способность *судить* о нравственности дѣйствій», также не составляетъ чего-либо врожденнаго, а пріобрѣтается «опытомъ и размышленіемъ». Какъ способность *дѣлать* добро, она есть продуктъ усилія, г. е. воспитанія воли, безъ котораго не было бы ни заслуги, ни награды. Самое понятіе *добра* есть результатъ воспитанія воли и мысли. Только «физическое благо, общее человѣку съ животными, не требуетъ разсужденія»; «нравственнаго же добра хотимъ мы не по необходимости, но по свободному выбору». Какъ видимъ, идея свободы, въ противоположность Канту и Шопенгауэру, торжествуетъ у нашего автора *не* въ мірѣ умопостигаемомъ, а наоборотъ, именно въ самой сферѣ явленій эмпирическаго сознанія, т. е. тамъ, гдѣ она имѣетъ непосредственное практическое значеніе для религіи и морали. При этомъ условіи, ясно, какое значеніе имѣло для автора «познаніе самого себя». Разсужденіемъ объ этомъ основномъ догматѣ масонства онъ и заканчиваетъ свой замѣчательный трактатъ. Понятно также значеніе воспитанія юношества, о которомъ Шварцъ такъ заботился во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ и которому посвятилъ особый трактатъ, напечатанный Новиковымъ уже послѣ его смерти (1783).

Мы не будемъ далѣе подробно слѣдить за московской журналистикой. Только въ ближайшіе два года по смерти Шварца она еще держалась на высотѣ, достигнутой «Вечерней Зарей». «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» живутъ матеріалами Шварца: здѣсь печатаются несомнѣнно ему принадлежащія статьи о воспитаніи дѣтей, непосредственно связанныя съ разобраннымъ выше трактатомъ. Подъ предлогомъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о странахъ Европы, здѣсь проводится опредѣленная система прогрессивныхъ политическихъ мнѣній, вызывающихъ, на-

конецъ, прямое запрещеніе Екатерины. «Покоящійся Трудолюбецъ», послѣднее въ серіи этихъ изданій (1784) прибѣгаетъ къ усиленію сатирическаго элемента и возвращается къ защитѣ правъ разума отъ «фанатиковъ и пустосвятовъ». Онъ теперь отвергаетъ и алхімію, и дѣланіе золота и даже беретъ на себя защиту Вольтера, сочиненія котораго Новиковъ издаетъ какъ разъ въ эти годы. Затѣмъ, Новиковъ бросаетъ изданіе журналовъ, а въ рукахъ однихъ «шитолицевъ» они сразу падаютъ, вызывая со стороны пріученныхъ уже къ нимъ читателей горькія жалобы на отсутствіе серьезныхъ статей.

Покойнаго энтузіаста замѣнить было некому. Послѣ его кончины, если не душой, то правой рукой кружка остался Новиковъ. Въ-стѣ съ тѣмъ и вся дѣятельность кружка принимаетъ совершенно иное направленіе. Новиковъ былъ полной противоположностью Шварцу по всему умственному складу. Соединенные не только единствомъ стремленій, но и тѣсной дружбой, оба эти вожака московской интеллигенціи не могли, однако, смотрѣть одними глазами на вещи и часто сталкивались во взглядахъ. Горячій и увлекающійся Шварцъ упрекалъ Новикова въ недостаткѣ энтузіазма. Практическій Новиковъ отвѣчалъ на это упреками въ излишней горячности. «Онъ подозрѣвалъ меня въ холодности къ масонству и ордену, потому что я, бывъ совершенно занятъ типографскими дѣлами, упражнялся въ томъ урывками; а я, вѣдая пылкость его характера и скорость, удерживалъ его, опасаясь, чтобы въ чемъ не проступиться, и съ великою осторожностью смотрѣлъ на все, что онъ дѣлалъ». Такъ говоритъ самъ Новиковъ. Въ результатѣ, между друзьями, по словамъ того же Новикова, «за рыцарство» «произошла нѣкоторая холодность и недовѣрчивость», продолжавшаяся до самой смерти Шварца. Легко было предвидѣть, какія перемены произойдутъ въ кружкѣ, когда первая роль снова перейдетъ къ Новикову. Мистическія и химическія занятія, и прежде недоступныя друзьямъ, теперь были совершенно брошены. Замѣститель Шварца, баронъ Шредеръ, человѣкъ совершенно иного, чуждаго москвичамъ типа, взялъ на себя руководство ими, мотивируя это тѣмъ, что Новиковъ «давно уже не дѣлалъ собраній». Отошли на второй планъ и совмѣстныя практическія упражненія въ филантропін, съ цѣлью нравственнаго самоусовершенствованія. Сношенія съ иностранцами масонами, на которыя и при Шварцѣ кружокъ соглашался неохотно, стали еще рѣже, а вскорѣ и вовсе прекратились. Послѣдней мѣрой этого рода была посылка за-границу члена кружка А. Кутузова для отысканія «истиннаго» масонства. Подобно Новикову, друзья очень недовѣрчиво относи-

лись къ высшимъ степенямъ «нестиннаго» масонства и сильно опасались, нѣтъ-ли въ орденѣ чего-нибудь противнаго христіанскому ученію и государственной власти. Опасенія эти особенно усилились, когда въ 1785 году баварское правительство официально закрыло тайное общество иллюминатовъ, преслѣдовавшее, въ формахъ не столько масонства, сколько іезуитскаго ордена, политическія цѣли *). Московскіе масоны давно были предупреждены заграничными братьями о существованіи иллюминатовъ и получили совѣтъ избѣгать сношеній съ ними. Теперь, «по причинѣ великаго распространенія и пронырствъ иллюминатовъ», на все масонство наложено было (съ 1787) «молчаніе» или «бездѣйствіе». Какъ сказано, уже съ 1783 года лично Новиковъ «по типографскимъ дѣламъ и заботамъ» не собиралъ порученныхъ его наблюденію братьевъ. Съ 1786 года дѣятельность масонства была и формально пріостановлена. Въ этомъ году масонскія ложи въ Москвѣ были «разорены», по приказанію императрицы. Все это, вмѣстѣ взятое, совершенно остановило собственно масонскую дѣятельность кружка. Зато Новиковъ направилъ «работы» кружка на новую и гораздо болѣе плодотворную дорогу.

15-го января 1783 г. появился знаменитый указъ, разрѣшавшій всякому желающему заводить, явочнымъ порядкомъ, частныя типографіи. «Дружеское общество» тотчасъ завело ихъ двѣ. Теперь, наконецъ, «пришелъ часъ» для Новикова — пустить полнымъ ходомъ задуманное еще въ «Живописецѣ» (412-413) предпріятіе. Для выполненія своей идеи, какъ мы знаемъ, онъ уже не мало сдѣлалъ. Число подписчиковъ «Московскихъ Вѣдомостей» поднялось за время его завѣдыванія университетской типографіей съ 800 до 1.000. Масса книгъ была уже напечатана, завязаны сношенія съ книгопродавцами, заведены комиссіонеры и въ провинціи. Расширеніе всѣхъ этихъ предпріятій съ помощью вольныхъ типографій общало, не говоря уже объ идейномъ значеніи дѣла, вѣрную коммерческую выгоду. Новиковъ убѣдилъ друзей широко воспользоваться правительственнымъ указомъ. Такимъ образомъ, кружокъ московскихъ розенкрейцеровъ перешелъ къ издательской дѣятельности въ широкихъ, до тѣхъ поръ

---

*) Собственно, виѣшняя сторона ученія общества иллюминатовъ, основаннаго въ 1776 г. Вейсгаунтомъ и называвшагося первоначально орденомъ перфектибиллистовъ, была довольно близка къ теоріямъ Шварца. Политическая цѣль, состоявшая въ борьбѣ съ монархіей и пропагандѣ республики, составляла скрытую сторону ученія, извѣстную только руководителямъ.

не бывалыхъ размѣрахъ. Каждый изъ членовъ кружка внесъ болѣе или менѣ значительный пай, и «Дружеское ученое общество» превратилось въ 1784 г. въ акціонерную «Типографскую компанію». Капиталъ компаніи считался теперь уже не десятками, а сотнями тысячъ, а годовой доходъ составлялъ отъ 40 до 80 тысячъ. Компанія приобрѣла нѣсколько домовъ, имѣла свою аптеку. Масонскій характеръ кружка сохранился въ выборѣ для изданія книгъ преимущественно правоучительнаго содержанія. Но собственно масонскія, мистическія книги издавались компаніей въ очень ограниченномъ количествѣ и предназначались не для продажи, а для тѣснаго круга посвященныхъ. Зато уже изъ чисто коммерческихъ соображеній типографія Новикова и компанія печатали также и книги, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія ни къ масонству, ни къ нравственному просвѣщенію въ масонскомъ смыслѣ. Затѣмъ и осуществленъ былъ рядъ изданій, рассчитанныхъ на широкія массы, какъ «Экономическій магазинъ», «Дѣтское чтеніе», «Городская и сельская библіотека». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше предпріятіе компаніи принимало общій просвѣтительный характеръ. Общее количество книгъ, выпущенныхъ Новиковымъ на книжный рынокъ, достигли цифры около 440. Чтобы понять значеніе этой цифры, надо припомнить, что въ единственной московской книжной лавкѣ 1768 г. (при университетѣ) продавалось (по каталогу) всего 168 названій книгъ; въ книжной лавкѣ Миллера передъ переходомъ университетской типографіи въ аренду къ Новикову (1776 г.), 438 названій, а передъ началомъ дѣятельности «типографической компаніи» (1782 г.) въ университетской лавкѣ — 576 книгъ. Такимъ образомъ, Новиковъ болѣе чѣмъ удвоилъ количество находившихся до него въ продажѣ книгъ, не говоря уже о лучшемъ качествѣ книжнаго товара, пущеннаго имъ въ оборотъ. Организаторомъ же книжной торговли въ провинціи опъ явился первый. Въ основу для книжнаго комиссіонерства въ провинціи были положены связи съ провинціальными масонскими ложами, какъ совершенно вѣрно замѣтила Екатерина. — говоря, что «братья» развозятъ новиковскія книги по Россіи. Но Новиковъ и помимо масонскихъ связей не упускалъ случая завести себѣ новаго комиссіонера, какъ это испыталъ на себѣ Болотовъ. Въ Архангельскѣ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Ригѣ, Тамбовѣ, Полтавѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородицкѣ, Коломиѣ, Глуховѣ, Кіевѣ можно было получить книги по новиковскаго изданія. А «если кому угодно будетъ продажу сихъ книгъ учредить и въ другихъ городахъ Россійской имперіи», объявлялъ онъ, «таковые могутъ адресоваться письменно или самолично въ

книжную лавку, гдѣ всевозможное къ тому вспомошествованіе оказано будетъ, ибо въ оной принято намѣреніе доставить почтеннымъ любителямъ російской литературы всевозможную способность въ сообщеніи и всевозможныя выгоды въ цѣнахъ книгъ». Въ результатѣ этихъ мѣръ чрезвычайно увеличился и тиражъ книгъ, и количество ихъ изданій, «Мы ходячихъ и надежныхъ книгъ печатали по многу и по нѣскольку разъ», показывалъ Новиковъ: «для примѣра... юридическій словарь печатали три или четыре раза, и, помнится, тысячи по три экземпляровъ».

Наиболѣе эффектный актъ общественной дѣятельности московскаго кружка былъ, однако, еще впереди. Это было въ голодный 1787 годъ. Нарисованная Новиковымъ картина народнаго бѣдствія вызвала щедрую помощь друзей (въ томъ числѣ около 50.000 тогдашнихъ рублей со стороны одного московскаго богача, Походяшина). Новиковъ на эти деньги организовалъ въ широкихъ размѣрахъ раздачу хлѣба въ Москвѣ и въ окрестностяхъ своей подмосковной деревни. Помощью воспользовались тамъ до 100 казенныхъ и помѣщичьихъ селеній. Возвращаемый крестьянами хлѣбъ и деньги рѣшено было употребить на устройство постоянного хлѣбнаго магазина, къ чему и приступилъ немедленно Новиковъ. Магазинъ функционировалъ до 1792 г. Этотъ случай показалъ, что можетъ сдѣлать нравственное вліяніе Новикова, въ связи съ дѣловой организаціей, какую принялъ кружокъ по смерти Шварца. Помощь голодающимъ въ 1787 году уже не походила на тѣ добровольные сборы въ кружку, какіе дѣлались на засѣданіяхъ «Дружескаго общества» въ началѣ 1780-хъ годовъ. И организація помощи не походила на тѣ розыски отдѣльныхъ бѣдняковъ, которые предпринимались друзьями для упражненія въ филантропіи и для цѣлей личнаго совершенствованія. На частномъ примѣрѣ теперь стало ясно для всѣхъ, какое значеніе имѣла въ Москвѣ «шайка» Новикова.

Голодъ 1787 г. былъ высшей точкой дѣятельности московскихъ мартинистовъ. Но онъ же сдѣлался и началомъ ихъ бѣдствій. Масонство было терпимо, пока высокопоставленные лица занимались имъ для собственнаго развлеченія и забавлялись имъ, «какъ игрушкой». На масонство не обращали особеннаго вниманія и тогда, когда оно обратилось къ работѣ внутренняго самоусовершенствованія и къ таинственнымъ алхимическимъ занятіямъ. Но масонство, какъ частное общество съ задачами общественнаго характера, какъ организованная общественная сила, располагавшая крупными денежными средствами, распространявшая черезъ своихъ членовъ «сокровенныя

книги отъ Риги до донскихъ станицъ», сильная своимъ вліяніемъ на общество и крѣпкая внутренними убѣжденіями, — это масонство было явленіемъ неслыханнымъ въ русской жизни. Оно занимало слишкомъ видную позицію, чтобы можно было дольше его игнорировать.

Императрица попыталась сперва бороться съ новымъ общественнымъ движеніемъ старыми средствами. Въ 1780 г. поступила въ продажу анонимная брошюрка, осмѣивавшая масоновъ («тайна противонелѣпаго общества»). Авторомъ брошюры, вѣроятно, была императрица. Согласно рецепту, данному еще во «Всеякой Всечинѣ», Екатерина пробуетъ здѣсь побѣдить общественное мнѣніе смѣхомъ. Масонство для нея просто «болтанье и дѣтскія игрушки»; противъ него, какъ противъ дѣтскихъ шалостей, нужна лишь розга. Возможно, что Екатерина въ этотъ моментъ добросовѣстно заблуждалась, видя въ масонствѣ одно шарлатанство, игру въ обряды и не замѣчая его моралистическаго міросозерцанія. Масонскаго мистицизма она просто не могла понять: для ученицы Вольтера это было оскорбленіемъ философіи и здраваго смысла. Часто справляясь съ «Энциклопедіей», она нашла тамъ мѣсто, гдѣ говорилось, что «теософамъ удалось бы потушить духъ изслѣдованія и открытій и снова погрузить насъ въ варварство, если бы правительство ихъ поддерживало, какъ они того желаютъ». Отсюда, конечно, далеко еще было до *преслѣдованія* масонства, какъ и намекалъ Екатеринѣ философъ Циммерманъ, одинъ изъ ея корреспондентовъ. Однако, когда образовалась «Типографическая компанія» и когда на Западѣ иллюминаты были официально признаны вредной политической организаціей, Екатерина рѣшилась выступить открыто противъ масонства, которое она намѣренно или ненамѣренно смѣшивала теперь съ иллюминатами. Въ это время были, какъ мы видѣли, «разорены» по ея приказанію московскія ложи. Но въ то же время Екатерина не теряла еще надежды настроить противъ масоновъ само общественное мнѣніе. Въ январѣ, февралѣ и іюлѣ 1786 г. на эрмитажномъ театрѣ были поставлены три комедіи императрицы, грубовато осмѣивавшія «мартышекъ» и извѣстнаго шарлатана Калиостро *) («Обманщикъ», «Обольщенный» и «Шаманъ Сибирскій»). Двѣнадцать лѣтъ Екатерина не писала комедій; и три комедіи заразъ, послѣ такого долгаго промежутка, сви-

---

*) Калиостро былъ въ Петербургѣ въ концѣ 1779 г., увлекъ кое-кого изъ приближенныхъ Екатерины (Елагина, гр. Строгонова), нарвался на скандалъ и въ началѣ 1780 г. былъ высланъ изъ столицы.

дѣлствуютъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Екатерину дѣятельностью московскихъ мартинистовъ. «Надо было помять бока ясновидцамъ, которые очень ужъ стали задирать носъ», признается она въ письмѣ къ Гримму. Разсчетъ императрицы, однако, оказался ошибочнымъ. Побѣда въ литературномъ состязаніи, какъ мы знаемъ, и въ 60-хъ годахъ осталась не за ней. Теперь, конечно, на официальную сатиру уже нельзя было отвѣчать неофициальной. Но скоро Екатерина должна была убѣдиться, что съ «политическими вѣтряными мельницами» бороться не такъ легко и что она не только въ Россіи, но и въ Европѣ идетъ противъ теченія. Безполезно было стараться остановить время и ссылаться на то, что когда-то, въ 1740 году, въ годы ея воспитанія, даже «наименѣе философскія головы считали нужнымъ притворяться философами» и что ея пьесы построены на статьѣ «Энциклопедіи» (резюме которой, приведенное выше, она дѣйствительно выписала въ своихъ наброскахъ для «Шамана Сибирскаго»). Дворъ, конечно, рукоплескалъ автору комедій, и Екатерина въ своихъ письмахъ трубила о ихъ огромномъ успѣхѣ. Петербургская пресса по данному сигналу принялась осыпать мартинистовъ насмѣшками и порицаніями. Но въ Москвѣ печать угрюмо отмалчивалась. Можетъ быть, не безъ вліянія этой пассивной оппозиціи первыя потки прорываются все чаще и рѣзче въ пьесахъ Екатерины. Она начинаетъ, наконецъ, признавать, что шарлатанство и мода не исчерпываютъ всего смысла движенія: что масонская литература оказываетъ сильное умственное вліяніе, которое Екатерина не можетъ не считать вреднымъ. Но и нападками на это умственное вліяніе, на тарабарщину мистическихъ книгъ, ея сатира не ограничивается. У ней прорывается въ концѣ концовъ, настоящій и главный мотивъ: раздраженіе противъ общественной дѣятельности московскаго кружка. «Они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и т. п., и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ...; дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства?»

Вотъ гдѣ основная причина недовольства Екатерины. Масонство есть независимая отъ ея контроля и вліянія просвѣтительная сила. Такая сила есть врагъ, съ которымъ необходимо бороться серьезно. Циммерманъ спѣшилъ напередъ похвалить Екатерину за то, что въ этой борьбѣ она останется исключительно на почвѣ литературной, что «вмѣсто всякаго законодательства она противопоставитъ заблуждающимся хорошую труппу комедіантовъ». Очевидно, при чтеніи

посланныхъ ему пьесъ онъ уже замѣтилъ, что этимъ дѣло можетъ не ограничиться. Въ послѣдней изъ нихъ, отъ безсильнаго смѣха и вышучиванія Екатерина прямо перешла къ угрозамъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ былые намеки «Всякой Всячины». «Какъ свѣдаютъ доподлинно, koliko его ученіе не сходствуесть съ общимъ установленіемъ, то достанется и тому, кто привезъ лжеучителя»... «совѣтую тебѣ дружески: поѣзжай, братъ, въ деревню... хотя на время».

Послѣ разоренія московскихъ ложъ, кружокъ друзей буквально послѣдовалъ совѣту Екатерины. По донесенію московскаго главнокомандующаго, съ этихъ поръ «партія Новикова собирается приватно, чего и запретить невозможно, въ видѣ пріятельскаго посѣщенія, виѣ Москвы, у кн. Н. Н. Трубецкаго въ деревнѣ, называемой Очакова». Запретить это, дѣйствительно, было трудно. *Лицъ* Екатерина пока оставила въ покоѣ. Но на ихъ *отъ* она уже въ 1787 году наложила свою руку. Старый покровитель масоновъ гр. Зах. Чернышевъ, въ то время уже нѣсколько лѣтъ какъ умеръ (1781). Его замѣнилъ нарочно выбранный Екатериной суровый надменный графъ Брюсъ, Екатерина, очевидно, хотѣла смирить строптивую Москву. Для ей навстрѣчу, такіе видные масоны, какъ Тургеневъ, Гамалѣя, Лопухинъ оставили государственную службу. Вслѣдъ затѣмъ 23 декабря 1785 г. Брюсу предписано было обревизовать московскія школы и обратить особое вниманіе на направленіе, въ какомъ преподается Законъ Божій.

Черезъ два съ половиной мѣсяца Брюсъ долженъ былъ составить описи «странныхъ» книгъ, печатавшихся у Новикова, и отправить ихъ для разсмотрѣнія архіепископу Платону, который долженъ былъ также испытать Новикова въ Законѣ Божіемъ. Извѣстно, что и здѣсь Екатерина не встрѣтила поддержки. Проэкзаменовавъ Новикова, Платонъ доложилъ императрицѣ 15 января 1786 г., что «молить Бога, чтобы во всемъ мірѣ были христіане таковыя, какъ Новиковъ». Отвѣтъ Платона о книгахъ былъ прямо тенденціозенъ. Онъ отвѣчалъ Екатеринѣ, — какъ отвѣтилъ бы и самъ Новиковъ, — что онъ знаетъ только одиѣ книги, развращающія нравы и подрывающія религіозныя чувствованія — это «гниусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ», которыя, дѣйствительно, «слѣдуетъ исторгать, какъ пагубныя плевеа». Еще разъ императрица должна была уѣдаться, что она имѣетъ противъ себя серьезную, тѣсно сплоченную и независимую группу людей. Этотъ походъ на Новикова закончился тѣмъ, что изъ 461 описанной у него книги были найдены «сумнитель-

ными» 23, и изъ нихъ 6 запрещенныхъ. Изобразить Новикова «раскольникомъ» не удалось. Но было ясно, что этимъ дѣло не кончится.

Обстоятельства складывались такъ, что все, что было враждебно Екатеринѣ въ Россіи и за границей, — принимало печать масонства. Съ началомъ второй турецкой войны (1787) испортились наши отношенія къ Пруссіи и Швеціи. Но государи обѣихъ странъ сильно покровительствовали масонамъ, и съ масонами прусскими и шведскими у русскихъ масоновъ въ разное время существовали прямые сношенія. Внутри самой страны имя наследника Павла постоянно связывалось съ оппозиціонными толками. Между тѣмъ, у масоновъ съ наследникомъ тоже завязались сношенія, положимъ довольно невинныя. Какъ бы то ни было, Потемкинъ, по словамъ Лопухина, воспользовался слухами объ этихъ сношеніяхъ, чтобы окончательно погубить масоновъ, а себя представить въ роли спасителя престола. По вѣрному замѣчанію Лопухина, держать постоянно въ страхѣ императрицу прямо входило въ интересы Потемкина, для поддержанія личнаго положенія. На этотъ разъ, впрочемъ, явилось и объективное основаніе для всевозможныхъ опасеній. Этимъ основаніемъ послужила конспиративная дѣятельность иллюминатовъ, съ которыми смѣшивали намѣренію или ненамѣренію русскихъ масоновъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы подготовить императрицу къ самымъ крайнимъ мѣрамъ противъ масонства. Остальное додѣлали слухи, одинъ другого неслѣбѣ. Благотворительная дѣятельность мартинистовъ во время голода 1787 какъ разъ совпала съ блестящей поѣздкой Екатерины въ Крымъ, долженствовавшей служить выставкой всеобщаго благополучія въ имперіи. Контрастъ былъ слишкомъ разителенъ. Недоброжелателямъ мартинистовъ легко было установить мнѣніе, что Новиковъ дѣйствуетъ съ намѣреніемъ и, очевидно, хочетъ привлечь на свою сторону низшіе классы народа. Павла сдѣлаютъ главой, великимъ гротмейстеромъ русской провинціи масонства (это, дѣйствительно, имѣлось въ виду) и помогутъ ему, опираясь на общее недовольство, взойти на престолъ. Екатерину устранить, какъ устранила она Петра III. Откуда возьмутъ средства для всего этого? И тутъ отвѣтъ нашелся. Очевидно, масоны дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи.

Какъ видимъ, тучи сгустились надъ кружкомъ, и гроза готова была разразиться. На первыхъ порахъ Екатерина запретила печатать духовныя книги въ вольныхъ типографіяхъ, и это подорвало матеріально предпріятіе Новикова. Въ 1791 году Типографическую

Компанію пришлось закрыть. Гораздо худшія послѣдствія грозили лично Новикову и его друзьямъ, когда развернулись событія французской революціи. Къ ея вліянію на поведеніе Екатерины относительно общественнаго мнѣнія мы теперь и перейдемъ.

Статистическія данія о книгоиздательствѣ XVIII вѣка см. въ книгѣ **Пекарскаго**. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. II, Спб. 1862, и въ брошюрѣ **В. В. Сиповскаго**. Изъ исторіи русской литературы XVIII вѣка, I II, Спб. 1901 (изъ Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Им. Ак. Наукъ, т. VI, кн. I). О докладѣ Меллсина см. **Θ. В. Благовидова**, Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVIII в., Казань, 1900. Важнѣйшія сочиненія о масонствѣ: **М. Н. Логиновъ**, Новиковъ и московскіе мартинисты, Мск. 1867. **С. В. Ешевскій**, «Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ» и «Московскіе масоны» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 и 1864 — 1865; въ Собраніи сочиненій, изд. 1870, т. III и въ «Сочиненіяхъ по русской исторіи». Мск. 1900. **Н. С. Тихонравовъ**, біографіи Новикова и Шварца и «Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ» въ Сочиненіяхъ т. III, ч. 1 и 2, Мск. 1898. **А. Н. Пыпинъ**, Русское масонство, «Вѣст. Европы», 1867, т. II — IV; Русское масонство до Новикова, «В. Е.», 1868, июнь и июль; Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ, «В. Е.» 1872, январь. **П. Пекарскій**, Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ Сборн. русск. отд. Ак. Наукъ, т. VII, № 4, Спб. 1869. (Здѣсь также хронологическій перечень фактовъ и библіографія). «Повѣсть о самомъ себѣ» Елагина напечатана въ «Русск. Архивѣ», 1864. Записки И. В. Лопухина въ Читеніяхъ О II. и Др. Росс. 1860 и въ Русскомъ Архивѣ, 1884. **Тукалевскій**, Исканія русскихъ масоновъ, Журн. М. Нар. Пр. 1911, № 5. Масонскіе труды И. В. Лопухина изд. **Саводника**, М. 1913. **Я. Барсковъ**, Переписка московскихъ масоновъ (Иб. 1915): здѣсь напечатанъ дневникъ бар. Шредера, вѣрившаго и въ дѣланіе золота, и въ вызываніе духовъ. Масонскій періодъ Новикова подробно изложенъ въ упомянутой выше книгѣ **Боголюбова**. Также **Г. В. Бернадскій**, Русское масонство в царствованіе Екатерины II, Петерб. 1917. О журналахъ Новикова см. **Незеленова**, Н. И. Новиковъ, Спб. 1875: книга, интересная выписками, но почти всегда неудачная по выводамъ. О философскомъ преподаваніи въ академіяхъ см. **С. Смирнова**, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, Мск. 1855, и Біографія А. И. Кошелева (Колюпанова), т. 1 кн. 1, Мск. 1889. О параллельныхъ явленіяхъ западной литературы см. **Геттнера**. Исторія литературы XVIII столѣтія, т. III и **М. Н. Розанова**. Поэтъ періода бурныхъ стремленій Яковъ Ленцъ, Мск. 1901. Объ отношеніи Екатерины къ мартинистамъ, см. брошюру **А. В. Семеки**: русскіе розенкрейцеры и сочиненія имп. Е. противъ масонства, Спб. 1902. Здѣсь также свѣ-

дѣнія о рукописяхъ Шварца, подтверждающія нашъ выводъ о принадлежности ему статей въ «Вечерней Зарѣ». Ср. также выписки въ книгѣ **Незенова**, Литературныя направленія Екатерининской эпохи Спб. 1889. Тексты пьесъ Екатерины см. въ Сочиненіяхъ имп. Екатерины П съ примѣчаніями А. Н. Пыпина, академическое изданіе, т. I, Спб. 1901.

VII.

Открытый конфликтъ и первыя кары

Градація предреволюціоннаго настроенія во Франціи. — Отраженіе его въ различныхъ кругахъ русскаго общества. — Отношеніе молодежи и читающей публики. — Философскія и политическія идеи лейпцигскаго кружка. — Вліяніе нѣмецкой университетской философіи и французскаго матеріализма и сенсуализма. Эклектицизмъ кружка. — Источники трактата о смертности и безсмертіи и неодинаковое отношеніе къ нимъ Радищева. — Вліяніе политической жизни Запада; первая борьба. — Отношеніе къ Мабли. — Настроеніе при возвращеніи домой и послѣ. — Исторія составленія «Путешествія». — Ода «Вольность». — Печатаніе. — «Законность» — основной критерій «Путешествія»; безправіе — главное зло русской жизни. — Обращеніе къ престолу. Царь и «истина» (сонъ). Свобода слова. — Проектъ соціальной реформы (крестьянство и чины), вложенный въ уста потомка Екатерины. — Отдаленныя перспективы бунта. — Приѣмъ книги публикой и отношеніе Екатерины. — Отношеніе Екатерины къ Франціи, двору до революціи; ея первыя сужденія о волненіи умовъ во Франціи. — Перемена тона послѣ 14-го іюля. — Тревога по поводу радищевской книги, какъ проявленія московскаго оппозиціоннаго духа. — Приговоръ и произведенное имъ впечатлѣніе. — Новыя впечатлѣнія революціи; попытки воздѣйствовать на нее и эксплуатировать въ свою пользу. — Нервное настроеніе; слухи объ атентатахъ; разгромъ московскихъ мартинистовъ. — Мѣры противъ «французской заразы». — Ода Карамзина; новое настроеніе. — Русская сцена, какъ выраженія настроенія средней публики. — Народный элементъ пьесъ: отношеніе театра къ народу. — Націоналистическіе элементы въ комедіи. — Отрицательные типы комедіи и ихъ отношеніе къ типамъ сатиры и къ дѣйствительной жизни. — Положительные типы: отсутствіе между ними представителей передовыхъ теченій; разнища передовыхъ взглядовъ и резонерской морали. — Взглядъ на заграничное путешествіе. — Попытки націоналистической теоріи. — «Антидотъ» Екатерины. — Колебанія Щербатова. — Теорія Болтина и ея преимущества передъ націонализмомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ «философамъ» просвѣтительнаго вѣка удалось добиться первой крупной общественной побѣды, — отмѣны ордена іезуитовъ во Франціи (1762), *религіозная* цѣль поднятаго ими движенія казалась въ главномъ достигнутой. Общественный интересъ обратился окончательно отъ вопросовъ терпимости и свободы мысли — къ вопросамъ *соціальнымъ* и *политическимъ*. вмѣстѣ съ тѣмъ, и вліяніе на общественное мнѣніе перешло въ другія руки. Мы говорили раньше, какъ уже съ середины XVIII вѣка на помощь Вольтеру явились *энциклопедисты*, значительно поднявшие тонъ движенія и увлекшіе за собой самого Вольтера и «вольтеріанцовъ», включая и Екатерину II. Съ 1767 года на смѣну «энциклопедистовъ» являются *экономисты*, теоретики новаго, болѣе справедливаго распредѣленія общественныхъ тягостей. По установившейся традиціи, эти новые вожди общественнаго мнѣнія еще посылали Екатеринѣ свои сочиненія. Но ихъ она уже рѣшительно не любила и читала только по особой рекомендаціи. Однако, и на этой стадіи — движеніе не остановилось. Послѣ принципиальнаго столкновенія короля съ парламентомъ (1771) и «экономисты» были отодвинуты на второй планъ. Общественнымъ мнѣніемъ завладѣли *патріоты*. Это было новое наводненіе брошюръ и памфлетовъ — на этотъ разъ вовсе не могшихъ рассчитывать на одобреніе и сочувствіе Екатерины и оставшихся ей совершенно неизвѣстными. Въ противоположность теоріи божественнаго права, выдвинутой королемъ въ его законодательномъ эдиктѣ, эти памфлеты дѣлали новые выводы изъ старой теоріи естественнаго права, — выводы Руссо и *Contrat social*. Верховенство принадлежитъ не одному человѣку, а цѣлой націи, — не только *до* созданія государства, но и *послѣ* избранія народомъ властей, — для контроля надъ ними. Законодательная власть не можетъ принадлежать *одному* королю, а принадлежитъ ему *вмѣстѣ* съ народными представителями. Если акты королевской воли нарушаютъ основные законы государства, то эти акты не могутъ имѣть юридической силы. Противъ нихъ нація имѣетъ «право сопротивленія». Это право было примѣнено уже англичанами въ ихъ «мирной» революціи 1688 г. и съ тѣхъ поръ поставлено въ правовомъ сознаніи Европы прочно и неизбѣжно на мѣсто всѣхъ «ложныхъ идей о пассивномъ повиновеніи, о божественномъ правѣ» и т. д.

Такимъ образомъ, общее настроеніе умовъ сдѣлалось «революционнымъ до революціи». Уже въ 1768 году близкій впоследствии къ Екатеринѣ писатель, Гриммъ характеризовалъ это настроеніе, какъ безпокойное броженіе, напоминающее эпоху реформаціи и «предвѣ-

щающее неизбежное наступление революцій». Очагомъ ея будетъ Франція, и она «будетъ имѣть передъ прежними то преимущество, что осуществится безъ пролитія крови». Въ первые мѣсяцы Людовика XVI (августъ, 1774) тотъ же Гриммъ, уже не столько съ сочувствіемъ, сколько съ ироніей замѣчаетъ, что «теперь нѣтъ такого школьника, который бы не проектировалъ, едва сойдя со школьной скамейки, новой системы государственнаго устройства; нѣтъ писателя, который бы не считалъ себя обязаннымъ внушить земнымъ властямъ, какъ лучше всего управлять своимъ государствомъ».

Гриммъ не ошибался, сравнивъ съ реформаціею новое движеніе, «очагомъ котораго была Франція», но которое уже въ подготовительной своей стадіи сдѣлалось такимъ же космополитичнымъ, какъ французскій языкъ и французскія моды. Не было, казалось, такого захолустнаго уголка въ Европѣ, гдѣ изумительныя событія, начавшіяся въ Парижѣ въ 1789 году, не всколыхнули бы умовъ, не вызвали бы горячаго отклика въ сердцахъ. Но не было также въ Европѣ страны, которая была бы лучше застрахована отъ дѣйствительнаго вліянія революціонныхъ идей на жизнь, чѣмъ Россія. Въ Россіи только что былъ достигнутъ кульминаціонный пунктъ въ развитіи тѣхъ самыхъ рабовладѣльческихъ отношеній и сословныхъ привилегій, которымъ былъ нанесенъ французскими событіями такой рѣшительный ударъ.

Императрица и русскіе дипломаты не упускали случая указать за границей на это особенное положеніе Россіи. «Одни мы, изъ всѣхъ державъ, можемъ не бояться французской революціи и не бороться съ ней по отношенію къ нашимъ подданнымъ», говорилъ Марковъ прусскому посланнику. И сама Екатерина, еще послѣ казни короля (апрѣль 1793), доказывала англійскому королю безкорыстіе своей антрифранцузской политики тѣмъ, что Россія, отдаленная отъ Франціи огромнымъ разстояніемъ, не можетъ быть охвачена этой заразой. Сами про себя, однако, и императрица, и дипломаты думали совершенно иначе. Вотъ, напр., полугиѣвная, полуниспуганная тирада нашего посла въ Лондонѣ, Семена Воронцова въ интимномъ письмѣ къ брату Александру (2-го дек. 1792 г.): «Я вамъ говорилъ: это бѣда не на животъ, а на смерть между имущими классами и тѣми, кто ничего не имѣетъ. И такъ какъ первыхъ гораздо меньше, то, въ концѣ концовъ, они должны быть побѣждены. Зараза будетъ повсемѣстной. Наша отдаленность насъ предохранитъ на нѣкоторое время: мы будемъ послѣдніе. — но и мы будемъ жертвами этой эпидеміи. Вы и я, мы ея не увидимъ, но мой сынъ увидитъ. Я рѣшилъ научить его како-

му-нибудь ремеслу, слесарному что ли или столярному. Когда его вассалы ему скажутъ, что онъ имъ больше не нуженъ и что они хотятъ подѣлить между собой его земли, пусть онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ въ состояніи зарабатывать хлѣбъ собственнымъ трудомъ и имѣть честь сдѣлаться членомъ будущаго муниципалитета въ Пензѣ или въ Дмитровѣ. Эти ремесла ему больше пригодятся, чѣмъ греческій, латинскій и математика!»

Мы скоро увидимъ, что и Екатерина далеко не спокойно относилась къ возможности вліянія революціонныхъ идей на Россію. Но какія же реальныя, объективныя основанія были для всѣхъ подобныхъ опасеній?

Здѣсь нельзя, прежде всего, не вспомнить знаменитаго мѣста мемуаровъ Сегюра, которое такъ часто цитировалось и толковалось историками. Рѣчь идетъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Петербургѣ взятіемъ Бастиліи: «Новость быстро распространилась, и была принята различно, смотря по положенію и настроенію cadaго. При дворѣ она вызвала сильное волненіе и общее неудовольствіе. Въ городѣ впечатлѣіе было совершенно обратное. Хотя Бастилія не грозила никому изъ жителей Петербурга, я не могу передать энтузіазма, вызваннаго среди негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ (*les bourgeois*), нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса паденіемъ этой государственной тюрьмы, этимъ первымъ триумфомъ бурной свободы. Французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы, всѣ, посреди улицы, поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжелой цѣпи, сковывавшей ихъ самихъ. Это увлеченіе (*folie*) которому я самъ едва вѣрю теперь, рассказывая это, продолжалось очень недолго. Страхъ скоро погасилъ первую вспышку. Петербургъ не былъ ареной, на которой можно было безопасно обнаруживать подобныя чувства».

Должны ли мы вѣрить тому, чему почти отказывается вѣрить очевидецъ этихъ событій, — очевидецъ сильно предубѣжденный въ пользу того впечатлѣнія, о которомъ рассказываетъ? Мы думаемъ, что скептицизмъ историковъ по отношенію къ свидѣтельству Сегюра едва ли былъ вполне основательнымъ. Конечно, по словамъ самого Сегюра, радовались, прежде всего, *иностранцы*. Мы знаемъ, что ихъ было не мало въ Петербургѣ. Когда Екатерина заставила впоследствии французовъ принести антиреволюціонную присягу (стр. 406), ихъ однихъ оказалось до полутора тысячъ. Но, разумѣется, не изъ однихъ иностратцевъ состояла та группа *горожанъ и купечества*, объ особомъ интересѣ которой къ парижскимъ событіямъ Сегюръ счи-

тасть нужнымъ специально упомянуть. Изъ того, что мы уже знаемъ, мы можемъ извлечь не мало подтвержденій въ пользу того же самаго наблюденія. Припомнимъ оппозиціонную роль городскихъ депутатовъ въ Комиссіи. Припомнимъ, что сама Екатерина характеризовала ихъ настроеніе, какъ стремленіе къ «свободѣ». Припомнимъ, что именно въ *эту* среду направлены были всѣ просвѣтительныя усилія маленькаго ядра нашей тогдашней интеллигенціи. Что эти усилія не остались безъ результатовъ, — объ этомъ можетъ свидѣтельствовать одно любопытное показаніе «Почты Духовъ», сатирическаго журнала, выходившаго какъ разъ въ одинъ годъ съ началомъ революціи (1789). «Какъ, — спросилъ я, — кто жъ у васъ читаетъ Платоновы сочиненія о должностяхъ: Наставленіе политикамъ. О состояніи земледѣльцевъ и О званіи вельможъ? Купцы и мѣщане, — отвѣчалъ авторъ: а вельможи читають веселыя сказки, дѣтскія выдумки и шутливыя басни *). Пусть это свидѣтельство нѣсколько тенденціозно, — можетъ быть даже неоригинально. Во всякомъ случаѣ, характерна самая тенденція. Мы знаемъ и отъ Новикова, что «господчики — изъ *высшаго* класса предпочитали французскія книги русскимъ (см. выше), и мы можемъ предположить, какого рода книги это были. Исключеніе конечно, надо сдѣлать, — для очень небольшого числа высокопоставленныхъ фамилій, дѣти которыхъ воспитывались на серьезной французской литературѣ хорошими педагогами. Въ этой тѣсной общественной группѣ иногда тоже воспитывалось чувство свободы: они тоже иногда негодовали на произволъ: но ихъ негодованіе было совсѣмъ особаго свойства. Маленькая бытовая сценка изъ жизни этой золотой молодежи Петербурга намъ это покажетъ лучше длиннаго разсужденія. *Le charmant prince Boris Golitsine* ввелъ новую моду на галстуки выше подбородка и шляпы конической формы. Это былъ «якобинскій» покрой, и императрица его строго запретила. «Но наши молодые люди, несмотря на (вторичное) запрещеніе, одѣваются по прежнему, и когда, въ послѣднее воскресенье, графиня Салтыкова хотѣла призвать своего племянника къ благоразумію, онъ такъ громко сталъ кричать о свободѣ, что она убожала со всѣхъ ногъ, — со страху, не кроется ли въ семьѣ Голицыныхъ зерно какой-нибудь революціи».

---

*) Цитата взята какъ разъ изъ статьи, отъ которой потомъ косвенно отрекся Крыловъ, напечатавъ противъ нея возраженіе: такимъ образомъ, если участіе Радищева въ журналѣ будетъ доказано, статья можетъ оказаться принадлежащей ему (не переводной ли?).

Если даже воспитательное вліяніе западной литературы — иногда глубже у членовъ этой правящей группы, то результаты его рѣдко оказывались благопріятными для самыхъ идей запада. Здѣсь, въ этомъ общественномъ слоѣ, привыкшемъ стоять близко къ власти, чаще всего и прочіе всего прививались идеи національнаго самоповеліченія, такъ тѣсно связанныя съ направленіемъ виѣшней политики Екатерины. Отсюда выходили такіе типичные націоналисты и враги запада, какъ Ростопчинъ или Семенъ Воронцовъ. Конечно, парижскія событія лицамъ этого типа были извѣстны ближе и лучше, чѣмъ большинству петербургскихъ «буржуа». Но они вызывали здѣсь настроеніе, далекое отъ всякаго сочувствія. «Увлекаться» примѣромъ Франціи способны были здѣсь развѣ отдѣльные юноши, вродѣ сына извѣстнаго намъ масона Строгонова, воспитаннаго будущимъ монтаньяромъ, Роммомъ, и введеннаго имъ въ члены якобинскаго клуба. Любопытно, однако, что и въ этомъ единственномъ извѣстномъ намъ исключеніи изъ общаго настроенія высшей дворянской молодежи мы можемъ предположить культурную семейную традицію.

Указаніе Сегюра на «нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса» (*d'une classe plus élevée*), какъ на средоточіе интеллигентныхъ симпатій къ французской революціи, очень цѣбно и мѣтко. Но этотъ «болѣе высокій классъ» не есть самый высокій. Мы имѣемъ дѣло, очевидно, опять съ тѣмъ среднимъ дворянствомъ*), въ средѣ котораго развивались и другія, уже извѣстныя намъ движенія русской интеллигентной мысли. Такъ, правдивый рассказъ Сегюра приводитъ насъ къ тому же пункту въ исторіи русской общественности, на которомъ мы остановились раньше.

Настроеніе большинства этой интеллигентной молодежи намъ уже достаточно ясно. Мы знаемъ, что по отношенію къ общему міровоззрѣнію эта молодежь отшатнулась отъ крайнихъ выводовъ французскаго философскаго радикализма и искала нравственнаго успо-

---

*) Есть и прямое подтвержденіе свидѣтельства Сегюра о симпатіи къ революціи въ этихъ кругахъ. Секретарь императрицы Соймоновъ — тотъ самый, который дѣлалъ для нея выписки изъ законовъ по Блэкстоновскимъ рубрикамъ, вернувшись однажды домой осенью 1789 г., т. е., мѣсяца два послѣ взятія Бастиліи, засталъ у себя цѣлую иллюминацію, — множество зажженныхъ свѣчей. Семилѣтняя дѣвочка, его дочь (впослѣдствіи г-жа Сеѣчнина), на вопросъ отца, зачѣмъ она зажгла свѣчи, — отвѣчала: «но, папа, развѣ не нужно было отпраздновать взятіе Бастиліи и освобожденіе этихъ бѣдныхъ французскихъ арестантовъ?»

кошенія въ примиреніи своихъ религіозныхъ запросовъ съ прогрессивными теченіями вѣка. Отъ политическаго радикализма это молодое поколѣніе было еще дальше, чѣмъ отъ философскаго. Когда изъ его среды одинъ (Радищевъ) увлекся политическимъ радикализмомъ, то ближайшій другъ его, сторонникъ извѣстнаго намъ религіозно-моралистическаго направленія, посланный новиковскимъ кружкомъ за границу, Кутузовъ счелъ своимъ долгомъ провести самую рѣзкую границу между своими взглядами и взглядами пріятеля, съ которымъ связывала его двадцатилѣтняя дружба. «Вы знаете мои правила», пишетъ онъ одному изъ главныхъ членовъ новиковскаго кружка, кн. Н. И. Трубецкому: «извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я не престану никогда твердить, что критика настоящаго правленія есть непозволительное дѣло и нимало не принадлежитъ къ литературѣ». И другой членъ того же кружка, извѣстный намъ И. В. Лопухинъ пишетъ Кутузову: «я слышу очень мартинистомъ, отъ природы очень нелюбостыжателенъ и охотно соглашусь не имѣть ни одного крѣпостного. Но притомъ молю и желаю, чтобы никогда въ отечество не проникъ тотъ духъ ложнаго свободомыслія, который сокрушаетъ многія въ Европѣ страны и который, по мнѣнію моему, вездѣ губителенъ». И мы увидимъ, что, при всемъ своемъ радикализмѣ, въ сущности и самъ Радищевъ не разрываетъ принципиально съ тѣми понятіями о предѣлахъ дозволеннаго въ литературной и общественной дѣятельности, которыя приняты въ кружкѣ.

Какъ бы то ни было, мы должны теперь ближе познакомиться съ источниками и характеромъ этого *другого* направленія въ исторіи русской общественной мысли конца XVIII-го столѣтія. Фактъ существованія его былъ бы самъ по себѣ характеренъ. — даже въ томъ случаѣ, если бы вѣрно было заявленіе, сдѣланное Радищевымъ на допросѣ, — что онъ «общниковъ не имѣетъ» и что напечатанная имъ книга, по трудности слога и отвлеченности содержанія, не можетъ найти себѣ читателей, ибо «народъ нашъ книгъ не читаетъ». Въ буквальномъ смыслѣ это, конечно, было совершенно вѣрно. Но мы только что слышали, и, можетъ быть, изъ устъ самого Радищева, нѣсколько иное утвержденіе — объ интересѣ «купцовъ и мѣщанъ» къ сочиненіямъ на подобныя философскія и общественныя темы. Если бы мы даже не имѣли этого свидѣтельства или не повѣрили ему, — факты могли бы дать намъ дополнительные подтвержденія. Мы знаемъ, что та самая книга Радищева, о которой идетъ рѣчь, сразу «начала входить въ моду у многихъ шали». «По счастью, скоро ее узнали (т.-е. власти)», прибавляетъ сообщившій намъ этотъ фактъ канцлеръ

Безбородко. II когда «узнали» книгу и остановили продажу, то, по другому извѣстію, «кушцы» (опять кушцы!) готовы были платить по 25 руб. (впятеро болѣе на дореволюціонныя деньги) за то только, чтобы получить книгу на самый короткій срокъ. Черезъ три года, другая «пропавшая книга», извѣстная трагедія Княжнина («Вадимъ»), цѣлый десятокъ дней мирно покоившаяся на полкахъ книжныхъ магазиновъ, сразу была расхватаана въ сотняхъ экземпляровъ, какъ только въ публнкѣ узнали, что она запрещена. Но мало того, что мы, такимъ образомъ, достовѣрно узнаемъ, что у Радищева были «общники» и была симпатизировавшая ему аудиторія, довольно значительная по тому времени. У него было еще *потомство*, къ которому онъ не напрасно апеллировалъ. Его книга явилась первымъ звеномъ въ длинной цѣпи — непрерывной и богатой фактами традиціи, и уже поэтому заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія въ исторіи русской культуры.

Радищевъ былъ не одинъ также и въ томъ смыслѣ, что онъ былъ членомъ тѣснаго кружка товарищей, вкусы и взгляды которыхъ развились въ одинаковомъ съ нимъ направленіи, благодаря особенно благопріятнымъ условіямъ. Этотъ небольшой кружокъ молодежи волей Екатерины былъ поселенъ на нѣсколько лѣтъ въ культурной германской средѣ, — въ Лейпцигѣ. Екатерина хотѣла создать изъ нихъ себѣ образованныхъ юристовъ, способныхъ исполнять ея законодательные проекты, которыми она тогда увлекалась. Радищевъ пробылъ въ лейпцигскомъ университетѣ пять лѣтъ (1767-1771) и испыталъ цѣлый рядъ просвѣтительныхъ вліяній, которыхъ не могла дать тогдашняя Россія. Главой кружка, впрочемъ, былъ не онъ, а старшій товарищ Ѳ. М. Ушаковъ, добровольно бросившій хорошо начатую службу и карьеру и, изъ чисто идейныхъ побужденій, вернувшійся на школьную скамью. Ушаковъ лучше младшихъ своихъ товарищей владѣлъ и языками (нѣмецкимъ и латинскимъ), такъ что, само собою, сдѣлался ихъ руководителемъ въ университетскихъ занятіяхъ и въ самообразовательномъ чтеніи. Первые шаги будущаго го писателя подъ этимъ руководствомъ особенно интересно прослѣдить, такъ какъ ими опредѣлилось все его дальнѣйшее направленіе.

«Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе, любятъ *метафизику*; съ другой же стороны, всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, *народнымъ правленіямъ приличныхъ*». Въ этихъ словахъ самъ Радищевъ чрезвычайно мѣтко резюмировалъ философскія и общественныя симпатіи своего кружка. Послѣдуемъ его указаніямъ въ томъ и другомъ направленіи.

Въ философскомъ отношеніи Радищевъ попалъ въ ту самую атмосферу, которую мы характеризовали выше (424-425). Это была атмосфера университетскаго преподаванія, умѣренного и эклектическаго. Вліяніе германской университетской философіи и было первымъ сильнымъ вліяніемъ, которое легло въ основу его будущаго мировоззрѣнія. Одинъ новѣйшій изслѣдователь опредѣлилъ усвоенный Радищевымъ философскій идеализмъ, какъ ученіе Лейбница. Этотъ выводъ приходится, однако, нѣсколько исправить при болѣе близкомъ изученіи вопроса. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Радищевъ былъ знакомъ съ сочиненіями самого Лейбница. Конечно, идеи Лейбница вошли въ составъ философскихъ воззрѣній Радищева, — но не въ большей степени, чѣмъ онѣ вообще входили въ составъ тогдашнихъ эклектическихъ университетскихъ системъ. Извѣстный запасъ философскихъ идей успѣлъ сдѣлаться *общимъ мѣстомъ* университетскаго философскаго преподаванія: и эти-то идеи усвоены были, прежде всего, кружкомъ Ушакова и Радищева. Лейбниціанскіе элементы были въ томъ числѣ, — и наши студенты *должны* были съ ними столкнуться, слушали ли они лекціи своего профессора Платнера, или учили рекомендованный имъ учебникъ («введеніе въ философію») выдающагося голландскаго математика 'с Гравесанда, или читали только тогда выходившія и производившія фуроръ произведенія Мозеса Мендельсона, Бонне или Галлера. Самыя плодотворныя и глубокія идеи системы Лейбница (какъ идея непрерывности, отрицаніе картезіанскаго дуализма духа и матеріи, лѣстница постепенно совершенствующихся психо-физическихъ организацій) во всѣхъ этихъ книгахъ уже успѣли получить дальнѣйшую обработку и циркулировали болѣею частью безъ имени автора. А специфически-лейбнищевскія идеи, наиболѣе популярныя и сомнительныя (какъ «предустановленная гармонія» или «наилучшій изъ міровъ»), фигурировали уже въ роли историческихъ пережитковъ и никого изъ молодежи особенно заинтересовать не могли.

Гораздо привлекательнѣе для нея были философскія произведенія другого типа. — французскія матеріалистическія и сенсуалистическія системы. Въ университетскихъ сферахъ на эти произведенія смотрѣли свысока: зато ими зачитывались въ большомъ свѣтѣ. Отсюда, изъ этого большого свѣта, и притомъ изъ русскаго, и посчастливилось нашей молодежи въ Лейпцигѣ получить толчокъ къ изученію французскихъ философовъ. Какой-то заѣзжій важный баринъ познакомилъ Ушакова съ Гельвеціемъ. Книга Гельвеція («De l'Esprit») сразу перевернула все направленіе интересовъ кружка. Уша-

ковъ первый прочелъ ее подрядъ четыре раза и почувствовалъ въ себѣ «неутомимое рвеніе къ изслѣдованію всѣхъ полезныхъ истинъ и отвращеніе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ». Другими словами, Ушаковъ измѣнилъ метафизикѣ и всевозможнымъ теоріямъ «*influxus physicus*» и «*causae occasionales*», чтобы всей душой предаться эмпиризму. Надо думать, этотъ же переворотъ толкнулъ Радичева къ изученію фізіологіи и медицины.

Однако же, и занятія надъ учебникомъ 'с Гравесанда не пропали даромъ. При всемъ увлеченіи Гельвеціемъ, Ушаковъ на первыхъ же страницахъ «*De l'Esprit*» почувствовалъ, что не все обстоитъ благополучно въ сенсуализмѣ новаго учителя. Онъ принялся писать возраженія на Гельвеція, и хотя его работа не пошла дальше первыхъ шестнадцати страницъ «*De l'Esprit*», но для насъ и этого совершенно достаточно, чтобы опредѣлить общій смыслъ разногласія и характеръ ушаковскихъ возраженій. Гельвецій выводитъ знаніе своей психологіи исключительно на фундаментѣ «*тѣлесной* чувствительности», причемъ роль этой чувствительности является совершенно пассивной. Она или «принимаетъ ударенія виѣшнихъ предметовъ», или «хранитъ сдѣланное на чувства удареніе». Ушаковъ старается доказать, — по 'с Гравесанду, — что, напротивъ, роль психики *активная*; что идея предмета отнюдь не похожа на самый предметъ, т.-е. *не матеріальна*; что работа разума заключается въ активныхъ чисто-психическихъ и сознательныхъ операціяхъ: *сравненіи* и дальнѣйшей (логической) обработкѣ матеріала, доставленнаго чувствами. Это, однако, не мѣшаетъ Ушакову, — какъ не мѣшаетъ и 'с Гравесанду, — оставаться вѣрнымъ главнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ англійской эмпирической психологіи. Онъ сомнѣвается въ существованіи «хранитъ сдѣланное на чувства удареніе». Ушаковъ старается безъ причины», во имя детерминизма. Онъ, повидимому, не признаетъ также и безсмертіе души, и «нисходя въ гробъ*»), за онымъ ничего не видитъ».

Какъ видимъ, опустошенія, произведенныя философіей въ традиціонныхъ «понятіяхъ о священныхъ вещахъ», были у вождя лейпцигскаго кружка гораздо значительнѣе, чѣмъ у молодежи, увлекавшейся въ Россіи французскими теоріями. Но и у Ушакова дѣло не обошлось безъ компромисса съ идеализмомъ, правда, компромисса.

---

*) Ушаковъ умеръ 23-хъ лѣтъ, еще въ Лейпцигѣ.

тоже основаннаго на философскомъ изученіи. Какъ далеко пошелъ въ этомъ отношеніи Радищевъ?

Для отвѣта мы должны будемъ перенестись къ 1792 году, когда Радищевъ писалъ (въ Сибири) свой философскій трактатъ: «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи». Несмотря на четверть вѣка, которая отдѣляетъ этотъ трактатъ отъ первыхъ впечатлѣній семнадцатилѣтняго Радищева въ Лейпцигѣ, въ трактатѣ сохранились самыя живыя слѣды лейпцигскихъ занятій и чтеній.

«Смертность» и «безсмертіе» — въ борьбѣ этихъ двухъ противоположныхъ понятій заключается біографическій и культурный интересъ трактата. На Радищева, какъ а и на Ушакова, французскій сенсуализмъ и нѣмецкій идеализмъ произвели почти одинаково сильное впечатлѣніе. Но въ послѣднюю минуту идеализмъ перевѣшиваетъ, по соображеніямъ моральнымъ. «Возвѣся по силѣ нашей обѣ противоположности, я вамъ оставляю выбирать, любезныя мои, тѣ (доводы), кои наиболѣе имѣютъ правдоподобія или ясности, *буде не очевидности*. А я, лишенный васъ, о друзья мои, послѣдую мнѣнію, *утѣщеніе* вливающему въ душу скорбящую» (т. е. мнѣнію, что душа безсмертна).

Обѣ половины аргументаціи въ трактатѣ Радищева — и за «смертность», и за «безсмертіе» — не оригинальны. Своимъ руководителемъ при доказательствѣ «смертности» человѣка Радищевъ избираетъ Гольбаха («*Système de la Nature*»). При доказательствѣ безсмертія онъ пользуется знаменитыми «разговорами» Мендельсона, повліявшими, какъ мы упоминали выше, и на трактатъ Шварца («*Phaedon oder über die Unsterblichkeit der Seele*»). Но степень зависимости въ обоихъ случаяхъ — разная. Рѣшеніе въ пользу «смертности», очевидно, приковывало вниманіе Радищева въ гораздо большей степени, чѣмъ рѣшеніе въ пользу «безсмертія». И разобратъ въ доказательствахъ «смертности» было для него важнѣе. Поэтому здѣсь, хотя основная нить разсужденія, всѣ главныя мысли и многія отдѣльныя мѣста прямо взяты изъ Гольбаха, тѣмъ не менѣе видны и постоянныя слѣды личныхъ усилій мысли. Для доказательства и развитія положеній Гольбаха Радищевъ часто прибѣгаетъ къ упоминавшейся раньше нѣмецкой философской литературѣ. Надо замѣтить, что, вообще, Радищеву бросалось въ глаза не столько коренное различіе между Гольбахомъ и лейбниціанцами, сколько общее тому и другимъ стремленіе къ философскому монизму. У самого Гольбаха Радищевъ находитъ главное возраженіе Лейбница противъ картезіанскаго дуализма матеріи и духа: то возраже-

ніе, что матерія не можетъ считаться инертной и мертвой — и на *этомъ* основаніи противопоставляться «духу»; что между матеріей и духомъ есть промежуточное соединяющее ихъ понятіе *силы*. Радищеву этотъ основной аргументъ Гольбаха извѣстенъ и отъ нѣмецкихъ лейбниціанцевъ, — и это помогаетъ ему усвоить и развить идею о матеріи-силѣ, которую готовъ былъ отвергать еще Ушаковъ, столкнувшись съ ней у Гельвеція. У Гольбаха Радищевъ могъ найти и дальнѣйшій — уже чисто матеріалистическій выводъ изъ понятія о матеріи — силѣ: тотъ выводъ, что и сама «чувствительность» есть лишь одно изъ неизвѣстныхъ пока *свойствъ матери*. Но это положеніе Гольбаха Радищевъ уже прямо видоизмѣняетъ по своему. Чаще всего онъ формулируетъ его такъ, что «чувствительность» оказывается *не* свойствомъ матеріи, а *функцией организаціи* — чего не отрицаютъ и его нѣмецкіе авторитеты: 'с Гравесандъ, Платнеръ, даже Бонне. Пойдемъ дальше. Слѣдующая основная мысль системы — та, что *функция* неразрывно связана съ органомъ, психика съ физиологіей. Эта мысль, опять-таки очень сильно подчеркивается и Гольбахомъ. Гольбахъ показываетъ и то, какъ психика растетъ и разрушается вмѣстѣ съ органомъ, въ какой тѣсной зависимости она находится отъ среды и вѣншихъ условій. Но и тутъ Радищевъ вноситъ въ аргументацію Гольбаха еще болѣе замѣтный нѣмецкій отбѣнокъ. Гольбахъ настаиваетъ на *тождественности матеріала*, изъ котораго одинаково созданы какъ высшія, такъ и низшія организаціи и въ природѣ. Радищевъ подчеркиваетъ различіе и постепенное *совершенствованіе структуры* по мѣрѣ перехода отъ низшихъ къ высшимъ формамъ. Гольбахъ старается обнаружить во всемъ разнообразіи явленій одни и тѣ же *элементарныя* стихіи и силы — только все съ большимъ и большимъ участіемъ «огня», какъ животворящаго элемента. «Огонь», «электрическая» и «магнетическая» сила и у Радищева играютъ роль. Но ему мало для объясненія міровой жизни этихъ оживляющихъ и усложняющихъ элементовъ. Онъ интересуется, прежде всего, самымъ *процессомъ* міровой жизни. Онъ набрасываетъ такую картину *развитія* непрерывной цѣпи существъ, начиная съ минераловъ и кончая человекомъ, которая, въ *тогдашней* литературѣ ближе всего напоминаетъ «Contemplation de la Nature et Considérations sur les corps organisés» Бонне *). Онъ

---

*) При живомъ и сильномъ взаимодействіи главныхъ представителей философской и научной мысли XVIII в., нелегко было бы указать, чѣмъ Радищевъ обязанъ именно Бонне. Но, если вообще Бонне имѣлъ на него

преслѣдуетъ, такимъ образомъ, скорѣе идею психофизиологическаго параллелизма, чѣмъ матеріальнаго гожества между духовной и матеріальной стороною явленій природы. Подчеркивая всѣ эти отѣнки, въ которыхъ сказывается его личное пониманіе теоріи «смертности» души. Радищевъ всюду старается пополнить Гольбаха онтогенетическими и филогенетическими данными тогдашнихъ экспериментальныхъ наукъ. Замѣтимъ, что въ одномъ случаѣ онъ, характернымъ образомъ, охотѣе ухватывается за мнѣніе Гольбаха (въ противоположность Гельвецію): это тамъ, гдѣ Гольбахъ отрицаетъ первоначальное равенство и одинаковость психическаго склада всѣхъ людей. Люди являются на свѣтъ съ *различными* задатками. Это, конечно, еще не предполагаетъ вѣры во *сродненность* идей, но прямо вытекаетъ изъ факта различія человѣческихъ организацій. Первоначальное *неравенство* признавалъ уже Ушаковъ (у Гольбаха, какъ извѣстно, изъ неравенства людей выводится потребность людей другъ въ другѣ и, слѣдовательно, происхожденіе общества, ср. ниже, стр. 458). Наконецъ, съ тою же цѣлью, какъ Ушаковъ (449), — т. е. съ цѣлью показать *активность* разума, — Радищевъ обогащаетъ свой трактатъ элементарными психологическими и логическими свѣдѣніями, какія онъ могъ получить изъ университетскихъ руководствъ, — «Введенія» Гравесанда такъ же, какъ изъ «Философскихъ афоризмовъ» Платнера.

Такимъ образомъ, отдѣлъ о «смертности» въ редакціи Радищева является, несмотря на всю близость къ Гольбаху, значительно и какъ бы невольнo смягченнымъ подъ вліяніемъ привычекъ мысли, пріобрѣтенныхъ на нѣмецкой философской литературѣ. Невѣрующій у Радищева не есть, строго говоря, ни матеріалистъ, ни атеистъ *).

вліяніе, то, конечно, этими двумя, наиболѣе знаменитыми своими произведеніями, въ которыхъ онъ старается держаться на почвѣ психофизиологіи. Любопытно, что новиковскій кружокъ предпочиталъ, повидимому, позднѣйшее и болѣе слабое, по мнѣнію самого Бонне, произведеніе: *Palingénésie philosophique*, — которое Карамзинъ даже принялся переводить порусски въ присутствіи самого Бонне. Причина предпочтенія понятна: въ «Палингенезіи» Бонне особенно внимательно остановился на идеѣ совершенствованія живыхъ существъ въ будущей жизни. Ср. слѣд. страницу.

*) Съ классическимъ образцомъ тогдашняго матеріализма, сочиненіями Ламетри, повидимому, Радищевъ не былъ знакомъ непосредственно,

смотря на материалистическіе аргументы, которые онъ выдвигаетъ, между строкъ можно прочесть, — а въ концѣ отѣла это сказано и прямо — что, собственно, онъ не вѣритъ не столько въ существованіе вѣчности духовной субстанціи вообще, сколько въ то, что эта субстанція по смерти тѣла можетъ сохранить свою сознательность и человеческую индивидуальность. Другими словами, онъ сомнѣвается только въ *личномъ* безсмертіи.

Переходимъ къ отѣлу о «безсмертіи». Здѣсь Радичевъ гораздо больше полагается на своего руководителя, Мозеса Мендельсона и передаетъ основное содержаніе «Федона» отчасти въ сокращенномъ пересказѣ, отчасти, даже въ буквальномъ переводѣ. Диалогическую форму онъ отбрасываетъ, но сохраняетъ сократическій пріемъ Мендельсона — развивать мысль путемъ ряда альтернативъ. Въ подлинникѣ — двѣ существенныхъ части: Сократъ сперва доказываетъ безсмертіе духа вообще, потомъ безсмертіе *личнаго духа* человеческого. Радичевъ, характернымъ образомъ, ступенькаетъ этотъ переходъ, подчеркивая только, что первые аргументы обращаются къ уму, тогда какъ послѣдніе — *къ чувству и къ сердцу*. Для ума остается аргументъ, что въ природѣ ничто не уничтожается, а слѣдовательно, и духовная субстанція: что измѣняться, т. е. слагаться и разлагаться, можетъ только *сложное*, но духъ нельзя представлять ни сложнымъ, ни продуктомъ или функціей сложнаго. Самое понятіе сложнаго (например, гармоніи, пропорцій и т. п.) въ природѣ не существуетъ и предполагаетъ существованіе мыслящаго и сравнивающаго разума, слѣдовательно, есть послѣдствіе, а не причина существованія духа. Продуктомъ сложнаго дѣйствія болѣе элементарныхъ (материальныхъ) силъ, — духъ тоже не можетъ быть, такъ какъ психическое не можетъ создаваться изъ суммы непсихическихъ ингредиентов. Равнодѣйствующая не можетъ быть *качественно* различна отъ создающихъ ее отдѣльныхъ силъ. Для *чувства и сердца* — предлагается другое соображеніе. Непрерывная цѣль безконечно совершенствующихся существъ въ мірѣ сама по себѣ заставляетъ предполагать, что міръ готовится, *воспитывается* для какой-то высшей цѣли. Если такъ, то безсмысленно было бы допустить смертность высшаго типа, достигнутого природой въ ея развитіи. Это было бы крупнымъ паденіемъ внизъ съ достигнутой высоты. Мы знаемъ, что именно эта

хотя и упоминаетъ о нихъ. Вѣроятно, онъ зналъ рѣзкіе отзывы о Ламеттри своего учителя Галлера. Бонне пользовался Ламеттри, по возможности не упоминая о немъ.

часть діалога Мендельсона особливо пригодилась для Шварца, и что онъ охотно принялъ неизбѣжный выводъ — дальнѣйшее совершенствованіе челоѣка въ мірѣ высшихъ духовъ. Выводъ этотъ принимаетъ и Радищевъ. Надо вообще замѣтить, что Радищевъ вмѣстѣ съ Боине, понимаетъ лѣстницу постепенно совершенствующихся типовъ и организацій не въ смыслѣ современной намъ науки, — т. е. не какъ продуктъ ихъ міровой *эволюціи*, а какъ продуктъ *преформаціи* (т. е. заранѣе, предвѣчно установленной смѣны формъ въ извѣстной послѣдовательности). Но въ этомъ «царствѣ неиспытаннаго», гдѣ такъ привольно чувствовалъ себя Шварцъ, — и, вѣроятно, другъ Радищева Кутузовъ, — Радищевъ чувствуетъ себя какъ-то неловко. Это — «область догадокъ», а не «дѣйствительности»; область «стихотворческаго воображенія», а не «остроумнаго размышленія». И Радищевъ спѣшитъ спуститься на твердую почву. Вмѣсто того, чтобы послѣдовать за Мендельсономъ въ его «полетѣ» и кончить трактатъ на самыхъ высокихъ нотахъ, Радищевъ вдругъ вспоминаетъ, что у него есть еще третій рядъ аргументовъ въ пользу самостоятельности духа — извѣстные уже намъ аргументы Гравесаида и Ушакова. И онъ прибавляетъ ихъ наблюденія надъ активностью духа въ психологическихъ и логическихъ операціяхъ. Далѣе, онъ спускается еще ниже: онъ возвращается къ своей любимой психофизиологіи, которою и раньше не упускалъ воспользоваться, для амплификацій на темы Мендельсона. Онъ заговариваетъ о снѣ, о лунатикахъ, о психическихъ болѣзняхъ — въ доказательство господства духа надъ тѣломъ! Такимъ образомъ, и въ этой части трактата, съ противоположнаго конца, Радищевъ приходитъ къ тому же центру тяжести своей мысли, къ которому отклонялась его матеріалистическая аргументація. Религіозный трансцендентализмъ Мендельсона и матеріалистическій сенсуализмъ Гольбаха примиряются у него въ своего рода критическомъ эмпиризмѣ.

Не менѣе обильнымъ источникомъ возбужденія послужила для лейпцигскаго кружка *политическая* жизнь и теорія Запада. Радищевъ съ товарищами попалъ за границу какъ разъ въ то время, когда настроеніе просвѣтительнаго вѣка, подъ вліяніемъ текущихъ событий, быстро превращалось въ революціонное. И уроки жизни не прошли даромъ для кружка. Отоголосокъ того, какое впечатлѣніе произвели на кружокъ событія текущей общественной борьбы, можно видѣть въ полущутливыхъ, полусерьезныхъ выраженіяхъ, въ какихъ Радищевъ изобразилъ намъ собственную борьбу — свою и своихъ пріятелей — съ официальнымъ ихъ начальникомъ, взяточникомъ,

глупцомъ и невѣждой Бокумомъ. «Имѣя власть въ рукѣ своей и деньги, забылъ гофмейстеръ нашъ умѣренность и, подобно правителямъ народовъ, возмнилъ, что онъ не для насъ съ нами; что власть ему данная надъ нами и опредѣленные деньги — не на нашу были пользу, но на его...» «Тѣ, кои изъ насъ были постарѣе... дѣлали ему весьма кроткія представленія, — гораздо кротче, нежели когда-либо парижскій парламентъ дѣлывалъ французскому королю. Но какъ таковыя представленія были частныя, — какъ то бываютъ и парламентскія, — а не ото всѣхъ, то Бокумъ отвергалъ ихъ толико же самовластно, какъ и король французскій, говоря своему народу: въ томъ состоитъ наше удовольствіе (*tel est notre plaisir*). Наскучивъ представленіями, Бокумъ захогѣлъ ихъ пресѣчь вдругъ, показавъ пространство своей власти (Радичеву, очевидно, рисуется тутъ *lit de justice*)...» «Подобно, какъ въ обществахъ, гдѣ удрученіе начинается превышать предѣлы терпѣнія и возникаетъ отчаяніе, такъ и въ нашемъ обществѣ начинались сходбища, частыя совѣщанія, предпріятія, и все, что при заговорахъ бываетъ, взаимныя о вспоможеніи обѣщанія, неумѣренность въ изреченіяхъ. Тутъ отважность была похваляема, а робость молчала. Но скоро единомысліе протекло всѣхъ души, и отчаяніе ждало на воспаленіе случая».

Какъ видимъ, студенческія волненія лейпцигской молодежи очень помогали ей понять предреволюціонное настроеніе Парижа *). Англійскіе политическіе перевороты XVII-го вѣка и особенно второй изъ нихъ — «мирная» революція 1688 года. — вызывали у нашихъ студентовъ особый интересъ, очевидно, не безъ вліянія тогдашней памфлетной литературы. «Если бы смерть тебя (Ушакова) не захитила изъ среды друзей твоихъ», предполагаетъ Радичевъ, «ты, конечно, о божественная душа, прилѣпился бы къ языку сихъ гордыхъ островитянъ, кои нѣкогда, прельщенные наихитрѣйшимъ изъ властителей (Кромвелемъ), царю своему жизнь отъяти покусились судебнымъ порядкомъ: кои для утвержденія благосостоянія общественнаго изгнали наследственнаго своего царя (Якова II), избравъ на управленіе посторонняго; кои, при наибольшайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти, — и нынѣ нерѣдко за величайшую честь себѣ вмѣняють противоборствовать державной власти и оную *побѣждать законно*».

---

*) «Житіе Ушакова», изъ котораго взяты эти цитаты, напечатано было въ Петербургѣ въ 1789 году.

Для боевого настроенія этихъ годовъ Руссо уже казался слишкомъ отвлеченнымъ, а Монтескье — слишкомъ оппортунистскимъ. Пуженъ былъ писатель, который соединилъ бы принципиальность перваго съ практичностью втораго. Этой потребности момента какъ нельзя лучше удовлетворилъ Мабли. Онъ сумѣлъ выставить такую теорію народнаго верховенства, которая не требовала постоянного присутствія верховнаго народа *en permanence* при выполненіи народной воли; и онъ сумѣлъ быть практичнымъ, не опускаясь до восхваленія англійской аристократической конституціи. Онъ удовлетворялся представительствомъ, но требовалъ, чтобы представительство было демократично и чтобы передъ нимъ преклонялись его исполнительные органы. Мабли-теоретикъ представительныхъ собраній будущей революціи былъ настоящимъ человѣкомъ положенія. Этимъ объясняется его огромное значеніе и слава въ то время и его забвеніе слѣдующими поколѣніями.

Если въ философіи нѣмецкіе авторитеты успѣшно соперничали съ французскими въ умахъ лейпцигской молодежи, то въ политикѣ французское вліяніе господствовало безраздѣльно, — а Мабли былъ послѣднимъ словомъ французской политической науки. Русскіе студенты рѣшительно отказались слушать курсъ нѣмецкаго профессора Беме по международному праву, заявивъ, что будутъ лучше читать «*Droit public de l'Europe*» Мабли. — сочиненіе, признанное классическимъ «по мнѣнію всего свѣта», и, «конечно, болѣе содержательное, чѣмъ какія бы то ни были лекціи». Одно изъ сочиненій Мабли Радищевъ самъ перевелъ для новиковскаго «Общества, старающагося о напечатаніи книгъ», которому покровительствовала Екатерина. Это были «Размышленія о греческой исторіи», напечатанныя въ 1773 г., — далеко не самое яркое, но все же весьма характерное для Мабли произведеніе. Соотвѣтственно своимъ теоріямъ о равенствѣ имуществъ и націонализациі земли, Мабли идеализируетъ здѣсь Спарту и Ликурга, аѳинскую демократію обвиняетъ въ изиѣженности и распущенности, какъ результатахъ соціального неравенства; искусную политику Филиппа Македонскаго осуждаетъ, потому что она была направлена не на возстановленіе греческой федераціи, а на удовлетвореніе личнаго эгоизма и тщеславія: завоеванія Александра считаетъ безумствомъ, заранѣе обреченнымъ на неудачу и заслуживающимъ ненависть человѣчества. Къ тексту Мабли Радищевъ прибавилъ свои примѣчанія, въ которыхъ вполне принимаетъ точку зрѣнія естественнаго права, на верховенство народа надъ монархомъ.

По поводу слова *despotisme*, которое онъ перевелъ терминомъ «самодержавство». Радищевъ замѣчаетъ, что это «наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не только не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ — извѣтъ общія воли — не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, отрицать права собственности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать должны неотмѣнно; но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашей природной власти, то дабы она употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашей обязанности. Неправосудіе государя *оастъ народу*, его суди.... надъ нимъ *право*, какое ему даетъ законъ *надъ преступниками*. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества». Конечно, эти идеи Радищевъ могъ взять также изъ Гольбаха и Руссо.

Однако же, въ нѣсколькихъ существенныхъ пунктахъ лейпцигскій кружокъ не раздѣлялъ ученій Мабли. Русская молодежь осталась вѣрна Гельвенцію и Гольбаху въ вопросѣ о происхожденіи морали. Матеріалистическій сенсуализмъ выводилъ ее исключительно изъ закона самосохраненія и изъ «физическихъ» потребностей человѣка. «Любовь самого себя или своего благосостоянія есть основаніе всѣхъ человѣческихъ тѣній...» Воля есть потребность «избирать состояніе, счастливѣйшимъ почитаемое...» «Добродѣтелию я называю навѣкъ дѣйствій, *полезныхъ* общественному благу». Создать этотъ навѣкъ — дѣло общества и законодателя, который для того и получаетъ отъ общества «верховную власть», чтобы «направлять всѣ отдѣльныя воли и силы — къ общественному благу». Средство для этого — «учрежденіе наказаній и награжденій». Всѣ эти характерныя для французскаго «натурализма» утвержденія мы встрѣчаемъ уже въ сочиненіяхъ Ушакова. Какъ извѣстно, со стороны Мабли всѣ они вызвали рѣшительныя возраженія, направленные противъ «экономистовъ», какъ сторонниковъ тѣхъ же «натуралистическихъ» ученій. Мабли не призналъ также и того, чтобы въ теоріи общественнаго строя, созданной «экономистами», найденъ былъ ключъ къ гармоническому примиренію личныхъ инстинктовъ съ общественнымъ благомъ. Онъ, напротивъ, утверждалъ, что ихъ основной принципъ, признаніе земельной собственности и вытекающаго отсюда неравенства, есть источникъ всѣхъ антиобщественныхъ инстинктовъ, что «культура земли» не есть культура людей и что производство наибольшаго числа пѣн-

ностей — не тождественно съ созданиємъ наибольшаго количества счастья. Лейпцигской молодежи, повидимому, коммунистическія ученія Мабли казались утопіей. «Образъ *всякаго* правленія», — говоритъ Ушаковъ, — «влечетъ за собою неравенство имѣній. Монархическое тѣмъ и существуетъ, аристократическое онаго отвергнуть не можетъ, въ демократическомъ *хотя бы* надлежало быть равенству имѣній, но, судя съ точностію, не можетъ быть *истинной* демократіи, и сіе правленіе, приличествуя токмо весьма малымъ и бѣднымъ государствамъ, не можетъ, и по мнѣнію г. Руссо, сдѣлать народа счастливымъ, по склонности своей къ возмущеніямъ. Опытъ всѣхъ вѣковъ и настоящее государствъ состояніе доказываютъ невозможность равенства имѣній. А неравенство онаго производитъ, съ одной стороны нищету, а съ другой — роскошь».

Такимъ образомъ, русскіе студенты остановились въ нерѣшительности передъ крайними выводами европейскаго политическаго (такъ же какъ и философскаго) радикализма. Въ сущности, сами ихъ авторитеты еще не стояли твердо на этой крайней точкѣ зрѣнія. У того же Гольбаха они могли найти не мало мѣстъ, возвращавшихъ ихъ въ политикѣ къ любимой идеѣ XVIII-го вѣка, къ идеѣ «философа на престолѣ», который придетъ и все устроитъ. «Государи часто потому лишь управляютъ произвольно, что они не знаютъ истины; они ненавидятъ истину, потому что они не знаютъ ея неоцѣненныхъ преимуществъ». Мудрый государь «никогда не станетъ ревниво оберегать свой безграничный авторитетъ: онъ пожертвуетъ частью его, чтобы вѣрнѣе сохранить то, что ему останется» (Гольбахъ).

Мы опять вернулись съ этими словами на точку зрѣнія разговоровъ Дидро съ Екатериной. Возвращаясь въ Россію, въ 1771 году, лейпцигскіе юноши имѣли полное основаніе стоять на этой точкѣ зрѣнія. Они ѣхали домой, полные энтузіазма, полные надеждъ и ожиданій. Радищевъ намъ живо изобразилъ это настроеніе. «Воспомни», обращается онъ къ Кутузову, «нетерпѣніе наше — видѣть себя какъ на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли между Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, — для того не хочу я марать бумаги. Но если кто, понимая что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнію для пользы отечества — тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго».

Что нашли они по возвращеніи? Мы знаемъ, — это былъ еще періодъ «недоразумѣнія». Но на эффектной декорации, долженствовав-

шей изображать «блаженство всѣхъ и каждаго», уже начинали обнаруживаться швы и бѣлыя нитки. Своя, не ѣздившая за границу, молодежь не унывала и не складывала рукъ. Потерявъ надежду на журналистику, она обратилась къ просвѣдательной и благотворительной дѣятельности. Перспективы сузились, но зато выиграли въ наглядности, въ осязательности. Притомъ же новая работа такъ хорошо совпадала съ новымъ религіозно - моралистическимъ міровоззрѣніемъ, осмысливавшимъ цѣли этой работы, поддерживавшимъ одушевленіе. Пріѣхавшей изъ-за границы молодежи всего этого было мало. Недаромъ же открылись ей на Западѣ такіе широкіе горизонты, недаромъ она чувствовала себя такой сильной, такой способной принести настоящую пользу. Понятно, что и разочарованіе ея было гораздо сильнѣе. Ея готовность на подвиги самопожертвованія никому не понадобилась; а передъ муравьиной работой, которую дѣлали ея сверстники, у нея опускались руки. «Признаюсь», продолжаетъ Радищевъ въ только что цитированномъ мѣстѣ. «и ты, мой другъ, въ томъ же признаешься, — что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами и волею народовъ властители, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, колико кратно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквасъ, воздымающій сердце юности. Единоряды смиривъ его, нерѣдко навѣки содѣлаете калѣкою».

Большинство товарищей, дѣйствительно, замолкло «навѣки» послѣ возвращенія на родину. Но Радищевъ не «смирился» и «калѣкой» не сдѣлался. Онъ «воспрянулъ отъ унынія», овладѣвшаго друзьями послѣ возвращенія, «почувствовать, что возможно *всякому* (т. е. во всякомъ общественномъ положеніи) быть соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ», дѣйствуя на разумъ людей путемъ печатнаго слова. Онъ ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться «*заблужденію*», — которое философами XVIII-го вѣка всегда считалось главной причиной «страданій человѣческихъ» — и написалъ свое «Путешествіе».

Исторію знаменитой книги Радищева, послѣ новыхъ изслѣдованій, можно начинать почти со времени его возвращенія изъ-за границы. Самъ Радищевъ призналъ, что *форму* своего «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» онъ заимствовалъ изъ «Сентиментальнаго путешествія» Стерна, ознакомившись съ нѣмецкимъ переводомъ этой книги, появившимся въ 1768-9 г.г. Что касается *содержанія* его книги, о ней даетъ понятіе причинившій много хлопотъ его изслѣдователямъ «Отрывокъ путешествія въ***, напечатанный Новиковымъ

въ «Живописцѣ» 1772 г. подъ инициалами Н. Т. Можно считать теперь доказаннымъ, что этотъ отрывокъ, описывающій ужасное положеніе *крестьянъ*, принадлежитъ Радищеву. Въ третьемъ изданіи «Живописца» (1775 г.) Новиковъ обѣщаль читателямъ, что «продолженіе сего Путешествія будетъ при четвертомъ изданіи сей книги» — обѣщаніе, оставшееся неисполненнымъ, но свидѣтельствующее о намѣреніи автора. Въ промежуткѣ, въ 1773 г., какъ мы знаемъ, Радищевъ фигурируетъ въ роли переводчика Мабли. Приведенное выше его примѣчаніе о «самодержавствѣ» характеризуетъ другую главную тему его знаменитой книги.

Роль Новикова въ изданіи этихъ произведеній Радищева объясняется тѣмъ, что именно въ эти годы Радищевъ сошелся съ масонскимъ кружкомъ друзей Новикова, хотя и не бывшаго тогда масономъ. Въ 1773 г. онъ посѣщаль ложу «Уранія». Основные принципы масонства Радищевъ раздѣлялъ, какъ видно изъ того, что въ своей статьѣ «Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества», онъ популяризируетъ главныя положенія масонскаго устава, принятаго на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ 1787 г. Но, въ общемъ, онъ относился къ масонству такъ же, какъ Новиковъ, т. е. съ большою осторожностью — и съ полнымъ отрицаніемъ алхимическихъ и спиритическихъ упражненій розенкрейцеровъ, которыя онъ считалъ возвращеніемъ къ «временамъ схоластики» и «искускашеніемъ разума въ туманы предразсудковъ и суевѣрія». Отмѣтимъ еще, что первые шаги писательской дѣятельности Радищева обратили на него вниманіе либеральнаго оппозиціоннаго кружка гр. А. С. Воронцова, кн. Дашковой и др. Съ 1777 г. начинается покровительство ему Воронцова, устроившаго его ассессоромъ въ коммерцъ-коллегію, гдѣ онъ былъ президентомъ, а затѣмъ въ петербургскую таможену на мѣсто помощника управляющаго (1780), потомъ и управляющаго (1790).

Женитьба Радищева (1775) отвлекла его на время отъ начатыхъ уже работъ. По его показанію, онъ тогда «наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимаясь ничѣмъ болѣе, какъ домашними дѣлами». Но чтеніе книги Рейналя*) вновь возбуждаетъ въ немъ умственный интересъ и писательскія стремленія (1780). Въ это время (1781-3) написана имъ та ода «Вольность», которую въ сокращенномъ видѣ онъ приложилъ къ «Путешествію». Въ ней имѣ-

---

*) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes, первое изданіе въ 1772 г., 2-е въ 1774 г., 3-е въ 1780 г., уничтоженное въ 1781 г.

ется несомненное заимствование изъ другой книги Рейпаля *Révolution en Amérique*, вышедшей въ 1781 г. и давшей Радищеву главную тему для этой оды: восхваление американской революціи, которое онъ связалъ съ reminiscences изъ исторіи англійской революціи XVII вѣка. До начала французской революціи было еще далеко, и Радищевъ далъ полную волю своимъ радикальнымъ воззрѣніямъ, которыя мы уже знаемъ изъ примѣчанія на Маблі. Въ стихотворной формѣ эти идеи и настроенія получили очень яркое выраженіе, соотвѣтствовавшее эмоциональному темпераменту Радищева. Контрастъ между событіями, воспѣваемыми Радищевымъ, и тѣмъ, что происходитъ на его родинѣ, подчеркивается въ первыхъ же строкахъ оды:

О, даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О вольность, вольность, даръ безцѣнный,
Позволь, чтобъ раба тебя воспѣлъ.

Тамъ, на западѣ осуществляется основной принципъ естественнаго права:

Для пользы общей нѣтъ препонъ;
Во власти всѣхъ свою зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю,
Вотъ что есть въ обществѣ законъ.

Тамъ «подъялъ Лютеръ лучъ просвѣщенія, съ землею небо помирилъ»; тамъ «летитъ Колумбъ чрезъ поле важно, и чудо Галилей творитъ»; тамъ «вѣнецъ, наукой соплетенный, носимъ Невтоновой главой»; «тамъ духъ свободы, разоряя вознесшійся неволи гнетъ, въ градахъ и селахъ пролетая, къ величію онъ всѣхъ зоветъ»... Въ борьбѣ за свободу «воздемъ тутъ воинъ каздый зрится... твой вождь, свобода, Вашингтонъ». Возвращаясь къ воспоминаніямъ англійской революціи, Радищевъ воспѣваетъ Кромвеля:

Великій мужъ, коварства полный....
Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ,
Но научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы:
Ты Карла на судѣ казилъ».

Въ этой казни Радищевъ видитъ торжество естественнаго права: судъ надъ тираномъ послѣ расторженія общественнаго договора:

Ты, забывъ мнѣ клятву данну,
Забывъ, что я избралъ тебя...
Возмнилъ, что ты господь, не я...
Злодѣй, злодѣевъ всѣхъ лютѣйшій,
Преступникъ изъ всѣхъ первѣйшій,
Предстань... На судъ тебя зову....
Въ меня дерзнулъ острить ты жало,
Умри, умри же ты стократно *).

Но все это происходитъ тамъ, гдѣ «свободы зрится держава». А что у насъ?

Къ тебѣ, душа моя вепаленна
Къ тебѣ, словутая страна (т. е. Америка),
Стремится, гнетомъ гдѣ согбенна
Лежала вольность поправа.
Ликуюешь ты, а мы здѣсь страждемъ
Того-жъ, того-жъ и мы есмь жаждемъ.

Радищевъ не обманываетъ себя. Онъ знаетъ, что въ той странѣ, «гдѣ рокъ судилъ родиться» ему, самое большое, «придетъ на гробъ» его юноша и «сочувствіемъ» будетъ вѣщать, вспоминая Радищева:

Подъ игомъ власти сей рожденный,
Нося оковы позлащенные,
Намъ вольность первый прорицалъ.

**) Сынъ Радищева въ біографіи отца упомянулъ о томъ, что сорока лѣтъ Радищевъ научился по-англійски и могъ читать въ подлинникѣ Мильтона и Шекспира. Дата, указанная сыномъ, приводитъ насъ къ 1789 году, — но Радищевъ до конца — и даже послѣ цензуры — пополнялъ текстъ «Путешествія». Вліяніе Мильтона можно видѣть въ описаніи казни Карла и въ отзывѣ о Кромвелѣ. У Мильтона есть сочиненіе, по самому заглавію совпадающее съ аргументаціей Радищева, и написанное тотчасъ послѣ казни короля: *Tenure of kings and Magistrates proving that it is lawful and hath been held so in all ages for any who have the power, to call to account a tyrant or wicked Kings, and after due conviction, to depose and put him to death if the ordinary Magistrate have neglected or denied to do it* (пользованіе властью королями и чиновниками: доказывается, что законно и считалось таковымъ во всѣ вѣка для всякаго, кто обладаетъ властью, призвать къ отчету тирана или дурного короля, и, послѣ надлежащаго уличенія, низложить и подвергнуть его смерти, если обыкновенные чиновники пренебрегли или отказались это сдѣлать).

Однако же, Радищевъ не отчаивается относительно будущаго.

Нѣтъ тебѣ (вольности) предѣла ни отколѣ,

Гдѣ ты явишься, тамъ твой тронъ.

И «зря будущее черезъ цѣлое столѣтіе». Радищевъ предвѣщаетъ для «отечества своего драгого» — революцію, которая растерзаетъ Россію на части, но дастъ ей свободу:

Когда союзъ прервется...

Когда закона твердь шатнется,

Блюсти всякъ будетъ свою часть.

Тогда растерзанно мгновенно

Тогда сложеніе твое брэнно,

Содрогишись, внутренно, падеть.

Но...

животны сѣмена проснутся,

Затускло солнце вновь дастъ свѣтъ;

Изъ пѣдръ развалины огромной,

Среди огней, кровавыхъ рѣкъ.

Средь глада, звѣрства, язвы темной,

Что лютой духъ властей возжеть,

Возникнутъ малыя свѣтила...

Незыблемы свои кормила

Украсятъ дружества вѣнцомъ,

На пользу всѣхъ ладью направлятъ,

И волка хищнаго задавятъ,

Что чтить слѣпецъ своимъ отцомъ.

Эта первая декларація будущаго федеративнаго устройства Россіи послѣ революціи, очевидно, внушена автору объединеніемъ тринадцати сѣверо-американскихъ штатовъ въ результатѣ революціи 1776 — 1783 г. Но «для драгого отечества»

Не пришла еще година,

Не совершилася судьба

Вдали, вдали еще кончина,

Когда изсякнутъ всѣ бѣды.

До тѣхъ поръ еще

Упруга власть, собравъ всѣ мочи,

...грузнымъ махомъ все раздавить

И стражу къ словесамъ приставить, —

Да будетъ горшая напасть».

И все же

Придетъ вождельно время...
Тогда всѣхъ силъ властей сложенъе
Придетъ во изнеможенъе...
О день, избраннѣйшій всѣхъ дней!
Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ Божества,
Трясутся вѣчна мрака своды....
Рекъ, — яркій свѣтъ пустилъ свой лучъ,
И, ложный плѣна скипетръ поправши,
Сгущенную тьму разогнавши,
Блестящій день родилъ изъ тучъ.

Радищевъ, конечно, чувствовалъ, какія послѣдствія могутъ ожидать его за напечатаніе подобныхъ стиховъ. Въ «Путешествіи» онъ влгаетъ въ уста своему собесѣднику, при стихѣ «смятутся отъ гласа твоего (т. е. свободы) цари», замѣчаніе, что лучше сидѣть смиренно и не мечтать о «дозволеніи на напечатаніе вашихъ стиховъ»; «не посаждать ли» и за другой отрывокъ, который Радищевъ предполагалъ включить въ «Путешествіе», спрашиваетъ онъ автора.

Эти соображенія, повидимому, расхолодили на время Радищева. Къ тому же и смерть жены въ 1773 году, говорилъ онъ, «погрузила меня въ печаль и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія». Но это былъ уже послѣдній перерывъ. Въ 1785 г. Радищевъ вновь принялся за чтеніе Рейналя, проникся его пафосомъ, написалъ еще нѣсколько отрывковъ «Путешествія» и, наконецъ, рѣшилъ соединить ихъ въ одно цѣлое. Къ началу 1789 г., т. е. все еще до начала французской революціи, текстъ «Путешествія» былъ готовъ. Что не французская революція вдохновила Радищева, видно изъ того, что къ первымъ шагамъ ея онъ отнесся съ большою осторожностью. Онъ находилъ уже, что тамъ «необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго». Онъ боялся реакціи. «Дошелъ до краевъ-возможности», предсказывалъ онъ, «вольномысліе возвратится вспять. Сія перемѣна мыслей предстоить нашему времени. Не дошли еще до послѣдняго края безиренятственнаго вольномыслія, но уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію». Симптомомъ этого Радищевъ считалъ появленіе мистицизма въ масонствѣ.

Оставалось рѣшить нелегкій вопросъ о печатаніи. Есть свѣдѣнія, что Радищевъ перепробовалъ разныя возможности. Университетскій цензоръ перечеркалъ ему больше половины книги, — и это ли-

шило Радищева возможности напечатать «Путешествіе» въ московской новиковской типографіи. Другіе типографіики, ознакомьсь съ содержаніемъ «Путешествія», тоже отказались его печатать. Тогда Радищевъ рѣшился завести типографію у себя дома, напечатать тамъ книгу съ разрѣшенія полицеймейстера Рылѣева, человѣка совершенно невѣжественнаго, который даже не прочиталъ книги, а затѣмъ поспѣшилъ разослать экземпляры нѣсколькимъ знакомымъ. Онъ шелъ на то, что книга будетъ изъята. Но это не лишило его увѣренности, что книга, все-таки, дойдетъ до потомства. «Римскій сенатъ, ползая передъ Тиверіемъ, велѣлъ, въ угожденіе ему, Крестуіеву книгу сжечь. Но многіе съ ней остались сниски». Радищевъ цитируетъ Тацита: «Тѣмъ паче смѣяться можно надъ попеченіемъ тѣхъ, кои мечтають, что всемогуществомъ своимъ могутъ истребить воспоминаніе слѣдующаго поколѣнія». Мы видѣли, что на «память «юношей» слѣдующаго поколѣнія Радищевъ и рассчитывалъ. Въ этомъ расчетѣ онъ не ошибся, — такъ же, какъ и въ своихъ пророчествахъ о русской революціи въ будущемъ столѣтіи.

Въ настоящемъ, онъ руководился не холоднымъ сознаніемъ долга, а соотвѣтственно своей натурѣ, непосредственнымъ чувствомъ, подсказаннымъ ему моральной потребностью реагировать на окружающую дѣйствительность. Мы находимъ въ самомъ «Путешествіи» отвѣтъ на вопросъ, что вызвало въ Радищевѣ то активное общественное настроеніе, ту готовность на литературную борьбу и на жертву для пропаганды своихъ мнѣній, о которыхъ свидѣлствуетъ каждая строка его книги?

«Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя *страданіями* человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ *отъ* *человѣка*, часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Другими словами, два мотива руководили Радищевымъ: сознаніе того страшнаго противорѣчія, въ которомъ находилась русская дѣйствительность съ идеалами вѣка, императрицы и его самого; и глубокая увѣренность въ томъ, что тутъ есть какое-то нелѣпное недоразумѣніе, которое надо во что бы то ни стало разсѣять. Это было мучительное чувство человѣка, который стоитъ въ толпѣ и видитъ, что люди на платформѣ говорятъ совсѣмъ не о томъ и не то, что нужно и необходимо — и что для него такъ ясно и просто. Стоитъ только крикнуть громко, чтобы эти люди поняли свое «заблужденіе» и прониклись разумными соображеніями. Такимъ отчаяннымъ крикомъ была книга Радищева.

Это настроеніе Радищева въ 80-хъ годахъ вовсе не было его личнымъ. Противорѣчіе между идеаломъ и жизнью, прежде всего, отразилось на самой императрицѣ — полнымъ крушеніемъ той самоувѣренности, съ какою она вступила на путь своей «легисломаніи». Она могла, сколько угодно, утѣшать себя тѣмъ, что противорѣчія есть признакъ хорошихъ мозговъ (*grande caboché*): фактъ былъ тотъ, что цѣльность плана во внутренней политикѣ была совершенно утрачена, — *gaenzlich verloren*, какъ писала сама она Гримму. И это признаніе пришлось ей сдѣлать тогда, когда наступало время подводить итоги царствованія. Въ интимной перепискѣ она могла сознаться, что никакого итога еще нельзя подвести всѣмъ этимъ разрозненнымъ попыткамъ, этимъ началамъ безъ концовъ, этой дѣятельности *à bâtons rompus* (стр. 303). Но признать это публично не позволяла ни политика, ни самолюбіе. Отсюда — необходимость декораціи, которою Екатерина все сознательнѣе закрывала современную ей дѣйствительность. Отсюда же эта потребность похвалы и это быстро растущее нетерпѣніе при малѣйшей попыткѣ постороннихъ заглянуть въ ея игру, проникнуть за кулисы. Что пороки и недостатки русскаго общества «скоро исправятся» при помощи новыхъ законовъ, — этимъ Екатерина не могла уже теперь утѣшать ни себя, ни другихъ. Слѣдовательно, оставался одинъ исходъ, если она хотѣла перейти въ исторію съ именемъ «Великой»: отрицать самое существованіе пороковъ и недостатковъ.

Люди, близкіе къ сценѣ, на которой давался спектакль, — такіе какъ, напр., кн. Щербатовъ, — очень хорошо видѣли истинный характеръ и причины настроенія Екатерины. Щербатовъ и далъ очень яркое изображеніе этого настроенія. Люди, стоявшіе въ отдаленіи, — а такими было огромное большинство русской интеллигенціи, — дольше сохранили иллюзію: иллюзію не относительно русской дѣйствительности, а относительно взгляда на нее Екатерины. Многіе изъ нихъ были увѣрены, что Екатерина просто не знаетъ, не видитъ этой дѣйствительности. И негодованіе ихъ обращалось противъ двора и приближенныхъ, противъ того средостѣнія, которое заслоняло, по ихъ мнѣнію, жизнь отъ императрицы. Даже начатое правительствомъ преслѣдованіе масоновъ не измѣнило ихъ взгляда. По поводу самого этого преслѣдованія старый другъ Радищева, Кутузовъ, написалъ Лопухину письмо, которое лучше всего можетъ ввести насъ въ настроеніе, вызвавшее появленіе въ свѣтъ радищевского «Путешествія». Письмо это можно принять за одну изъ страницъ самаго «Путешествія». Такое совпаденіе настроенія вполне естественно: Радищевъ

и Кутузовъ были вмѣстѣ въ Лейпцигѣ и прожили въ одной комнатѣ — вплоть до женитьбы Радищева. Тѣмъ не менѣе, оба они одинаково свидѣлствуютъ о различіи своихъ политическихъ взглядовъ.

«Извѣстно мнѣ», пишетъ Кутузовъ, «что, окрестивъ насъ многихъ именемъ мартинистовъ, самымъ тѣмъ думаютъ имѣть право — поступать съ нами, какъ угодно, и считаютъ за дозволенное отнимать у насъ подпору законовъ. Но, сердечный мой другъ, приличны ли таковыя поступки въ благоустроенномъ государствѣ? Согласуются-ли оныя съ начертаніемъ нашей монархіи? Все сіе заставляеть меня воззывать: горе землѣ, въ которой подчиненные, начальники и судьи, а не законы управляютъ гражданами и дѣлами!.. Всякій изъ нихъ считаетъ себя мудрецомъ высшей степени... и отъ сего... у семи нянекъ дитя безъ глазу. Коль скоро позволяется человѣку судить о намѣреніяхъ человѣка и догадки свои равнять дѣйствительному дѣянію, толь скоро исчезаетъ личная безопасность, ослабѣваетъ довѣренность законовъ, да и сами законы теряютъ свою силу. Граждане содѣлываются нерѣшительными, твердость и мужество уступаютъ мѣсто робости и ползающему духу; правда и праводушіе отступаютъ отъ сердецъ нашихъ; коварство, хитрость и лукавство воздымаютъ смѣло главу свою...; отечество наше становится намъ чуждо, ибо содѣлывается жилищемъ нашего душевнаго мученія... О мой другъ, сердце мое содрогается при начертаніи сей легко токмо начертанной картины. *Ежели бы наша монархія могла видѣть* все то, что опредѣленные ею дѣлаютъ, встрепенуло бы ея нѣжное человѣколюбивое сердце; гнѣвъ ея, справедливый гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечеловѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренность. Я всегда скажу, безъ всякаго лицемерія: *не монархія причиною* нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти. Скажу и то, что *частію мы сами причиною сего*. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Для чего не приближаемъ къ самой ней и не стараемся пробиться сквозь лицемеріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престолъ? Она человѣколюбива она правосудна; безъ сомнѣнія, подала бы намъ руку помощи. Собственная ея польза требуетъ сего: ея благоденствіе находится въ благоденствіи ея подданныхъ... Ежели бы знали истинныя наши расположенія, перестали бы насъ гнать и нашли бы насъ послушнѣйшими и вѣрнѣйшими гражданами, нежели тѣ, которые противу насъ наущаютъ... Смѣло можно сказать, что изъ среды насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему подобные чудища... Христіаннитъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противорѣчіе». Кутузовъ, можно думать, рассчитывалъ прямо на то,

что съ этими письмами изъ-за границы онъ дѣйствительно «пробьется» къ престолу при помощи *cabinet noir* императрицы Екатерины *). Онъ очень настойчиво старался въ нихъ очистить себя отъ подозрѣнія въ соучастіи съ Радищевымъ при составленіи посвященнаго ему же «Путешествія». Но, во всякомъ случаѣ, набрасывая свою «легко начертанную картину». Кутузовъ не подозрѣвалъ, что та же самая картина, только въ деталяхъ и конкретныхъ чертахъ, составляетъ главное содержаніе инкриминированной книги Радищева: что главной мечтой Радищева было при этомъ тоже «пробиться» къ престолу — только болѣе прямымъ, открытымъ путемъ, при помощи вольныхъ типографій. — и что его цѣлью тоже было — снять съ себя нававшую на него «часть» вины въ безмолвіи подданныхъ.

Съ этой двойной точки зрѣнія, — какъ первый въ русской исторіи вполнѣ открытый и сознательный примѣръ публицистической критики, и какъ произведеніе, адресованное не только къ общественному мнѣнію, но — и главнымъ образомъ — къ «философу на престолѣ», мы и должны разсматривать здѣсь «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Мы могли бы, конечно, также найти въ «Путешествіи» не мало новыхъ чертъ для общаго міровоззрѣнія Радищева, поискать еще разъ его иностранныхъ источниковъ. Но послѣ сказаннаго раньше нѣтъ надобности вновь возвращаться къ этимъ сторонамъ дѣла. Продуманное міровоззрѣніе и обширная начитанность служатъ здѣсь вполнѣ опредѣленной цѣли: дать идейное освѣщеніе фактамъ русской дѣйствительности, связать одной мыслию и однимъ чувствомъ случайныя, разрозненныя впечатлѣнія жизни: заставить людей, привыкшихъ проходить мимо этихъ жизненныхъ мелочей, подумать надъ ними и почувствовать весь ужасный смыслъ обыденныхъ сценъ на большой дорогѣ.

Основная мысль публицистической критики Радищева одна: это та самая мысль, которую мы встрѣтили въ письмѣ его друга, Кутузова. Послѣ «добродѣтели — больше всего надо руководствоваться закономъ». «Законъ, какъ ни худъ, есть связь обществу». Поэтому, повиновеніе закону и защита его отъ произвола есть первѣйшая обязанность гражданина. Если даже сама власть захочетъ нарушить законъ, — повиноваться ей не слѣдуетъ. Пусть сперва законъ будетъ

---

*) Несомнѣнно, московскіе мартинисты знали, что ихъ письма прочтываются на почтѣ. Относительно Екатерины они употребляли ту же уловку, какую она сама употребляла относительно прусскаго короля. Ср. ниже, стр. 400 — 401.

измѣненъ или уничтоженъ той властью, которая выравъ это сдѣлать («въ *Rossii* государь — источникъ законовъ»).

«Законность» — основной принципъ Радищева. Полное отсутствіе чувства законности въ тогдашней общественной жизни — это та главная черта, противъ которой направлены всѣ его обличенія. Безправіе русской общественной жизни — вотъ то «чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй», которое Радищевъ избралъ темой своихъ нападеній въ самомъ эпиграфѣ къ своему произведенію *).

За соблюденіе или нарушеніе закона отвѣчаетъ администрація: противъ этого средостѣнія, отдѣляющаго власть отъ народа, и направляются, прежде всего, удары Радищева. Произволъ администраціи, зависимость управляемыхъ отъ ея каприза — къ этой темѣ онъ постоянно возвращается въ «Путешествіи». Передъ нами проходитъ цѣлая галлерей типовъ тогдашнихъ администраторовъ, начиная съ того мелкаго начальника береговой команды, сладкій сонъ котораго чуть не стоитъ жизни двадцати человѣкамъ, и кончая государевымъ намѣстникомъ, который за тысячу верстъ шлетъ въ Петербургъ на казенныя деньги курьеровъ за устрицами, и производитъ ихъ за это въ чины за служебное усердіе. Еще опаснѣе судья въ роли нарушителя закона: и еще чаще мелькаютъ въ «Путешествіи» образы пристрастныхъ судей, неправыхъ рѣшеній, честныхъ людей принужденныхъ бросить службу въ судѣ, потому что отчаялись въ возможности бороться противъ протекціи, подкупа и всяческихъ несправедливостей.

Но особенно сильно обрушивается Радищевъ на коренное явленіе безправія въ русской общественности, — на крѣпостное право. Картины и сцены, рисуемыя здѣсь, становятся прямо ужасающими, и «чувствительность» читателя подвергается самому серьезному испытанію, вслѣдъ за чувствительностью самого рассказчика. Мы видимъ варварскую семью помѣщиковъ, выведшую изъ терпѣнія своихъ мужиковъ и убитую ими въ стихійномъ порывѣ озлобленія и самозащиты; видимъ крестьянъ, работающихъ на себя только по ночамъ и по праздникамъ, видимъ дѣвушекъ, судьба которыхъ подвергается всѣмъ случайностямъ барской прихоти, видимъ насильствен-

---

*) Въ одѣ «Вольность», написанной, какъ мы знаемъ, раньше «Путешествія», «храму Закона» противопоставляется «чудовище ужасно, какъ гидра, сто имѣя главъ»: подъ ней здѣсь разумѣется «Вѣра», которая, въ союзѣ съ «властью царской» стремится «сковать разсудокъ» и «стереть волю», чтобы «давить народъ».

ные браки, незаконную торговлю рекрутами, продажу людей по одиночкѣ, — и притомъ людей, связанныхъ личными и кровными узами съ бариномъ, униженіе раба, получившаго одинаковое воспитаніе съ сыномъ своего господина, нищенскую и антигигіеническую обстановку крестьянской избы, и т. под. изображенія, одно реальнѣе и мрачнѣе другого. «Я размышлялъ, какимъ бы образомъ сіе происшествіе могло достигнуть до слуха верховной власти, ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленіи одна она въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна», замѣчаетъ Радищевъ по поводу одного эпизода. «Возможно-ли, что бы въ толь мягкосердное правленіе, каково нынѣ у насъ, производилась толикія жестокости?» Эта мысль руководитъ Радищевымъ и во многихъ другихъ случаяхъ, особенно, когда онъ указываетъ на незаконность совершающихся фактовъ, когда подчеркивается, что рассказываемые имъ эпизоды не выдуманы, а дѣйствительно были.

Жажда Радищева поскорѣе просвѣтитъ власть, показать ей обратную сторону медали, скрываемую «средостѣніемъ», особенно ярко высказывается въ его «снѣ», составляющемъ кульминаціонную точку всего «Путешествія». Автору снится, что онъ царь, что онъ сидитъ на блестящемъ тронѣ въ раззолоченныхъ чертогахъ, наполненныхъ толпой рабѣйныхъ придворныхъ. Окружающіе льстецы превозносятъ до небесъ его военные успѣхи, его законодательную мудрость, его широкую благотворительность и покровительство, которое онъ оказываетъ наукамъ и искусствамъ. Царь отдаетъ новыя приказанія въ томъ же смыслѣ и готовится уже наслаждаться плодами своихъ трудовъ, когда его повелительно останавливаетъ женщина въ рубищѣ, забравшаяся, вопреки стражѣ, въ его палаты. Эта женщина — Истина; она снимаетъ бѣлмы съ глазъ царя и показываетъ ему вещи «въ естественномъ видѣ». И царь видитъ, что «военачальникъ, посланный на завоеванія, утопалъ въ роскоши и веселіи (Екатерина не могла не усмотрѣть здѣсь намекъ на Потемкина); въ войскахъ не было подчиненности», солдатамъ не платили жалованья и не кормили ихъ; рекруты наполовину умирали; казна употреблялась на увеселенія, а чины и ордена «доставались ее храбрости, но подлomu рабѣйню». Милосердіе сдѣлалось торговлей, и кто давалъ больше, тому стучалъ молотъ жалости и великодушія». «Въ созиданіи городовъ» царь видѣлъ теперь «одно расточеніе государственной казны, омытое нерѣдко кровію и слезами подданныхъ». «Щедроты» его «изливались на богача, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на тайнаго убійцу, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго

(его) пристрастіе, на жену, кичащуюся своимъ безстыдствомъ: едва досягали (они до) застѣнчиваго достоинства и стыдливой заслуги». И Истина вѣщала царю: «Если изъ среды народной возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои. — вѣдай, что онъ есть другъ твой искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета; онъ твердымъ голосомъ возвѣститъ тебѣ обо мнѣ. Блюдись, и не дерзай его казнить, яко общаго возмутителя. Призови его, угости, яко странника, — ибо всякій, порицающій царя въ самовластіи, есть странникъ земли, гдѣ передъ нимъ все трепещетъ». И ужъ отъ себя Радищевъ прибавляетъ въ заключеніе: «Властитель міра, если, читая сонъ мой, ты улыбешься съ насмѣшкой или нахмуришь чело, — вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и гнушается твоихъ чертоговъ».

Но нѣтъ, Радищевъ не хочетъ вѣрить этому. Онъ твердо увѣренъ, что истина должна и можетъ говорить свободно въ Россіи. Только при этомъ условіи литература и можетъ сыграть свою великую общественную роль. «Если свободно всякому — мыслить и мысли свои объявлять всѣмъ невозбранно, то естественно, что все придуманное и изобрѣтенное будетъ извѣстно; великое будетъ велико, и истина не затмится. Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути изъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удовлетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство — убійствомъ... Спокойствіе будетъ *дѣйствительное*, ибо не будетъ въ немъ заклау. Нынѣ поверхность только гладка; но плъ, на днѣ лежащій, мутится и тмитъ прозрачность воды». Во имя этихъ благодѣтельныхъ послѣдствій Радищевъ требуетъ для печати полной гласности и отмѣны цензуры, ссылаясь при этомъ на взгляды самой императрицы. «Пускай печатаетъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженымъ, тому да дастся судъ по формѣ... Слова не всегда суть дѣянія; размышленія-жъ — не преступленія: это правила Наказа о новомъ уложеніи»^{*)}).

---

^{*)} Радищевъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь слѣдующее мѣсто Наказа Екатерины: «Законы не обязаны наказывать внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій; слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ оныя приуготовляютъ или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствию незаконному. Все превращаетъ (готъ), кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное.. Человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя: сей царь

Руководясь этими соображеніями, Радищевъ не ограничился въ «Путешествіи» тѣмъ, что нарисовалъ мрачную картину русской дѣйствительности. Онъ рѣшился указать и на средства помочь злу, перенеся, впрочемъ, свои указанія въ болѣе или менѣе отдаленное будущее. «Блаженъ живущій иногда въ будущемъ! блаженъ живущій въ мечтаніи», восклицаетъ онъ въ самомъ началѣ книги. «Не мечта это», говоритъ онъ въ концѣ, — «но взоръ проникаетъ густую завѣсу времени, скрывающую отъ очей нашихъ будущее; я зрю черезъ цѣлое столѣтіе...» И отъ имени «гражданина будущихъ временъ» Радищевъ предлагаетъ свой «проектъ въ будущемъ», яко бы найденный имъ на дорогѣ. Форма проекта похожа на ту, какую употребилъ когда-то Крижаничъ: это обращеніе (письменное, въ видѣ грамоты «данной царемъ») въ 18... году царя къ народу или, лучше сказать, къ правящему сословію государства. Цѣль проекта — «постепенное введеніе нарушеннаго въ обществѣ естественнаго и гражданскаго равенства». Средства — двоякія. Съ одной стороны, это — освобожденіе крестьянъ (съ землей); съ другой — «умаленіе правъ дворянства». «Извѣстно вамъ изъ нашихъ лѣтописей», говоритъ у Радищева будущій государь гражданамъ будущихъ временъ, «что мудрые правители нашего народа, подвизаемы истиннымъ человѣколюбіемъ, познавъ естественную связь общественнаго союза, старались положить предѣлъ сему столбовому злу (т.-е. крѣпостному праву). Но державные ихъ подвиги утѣтились извѣстнымъ тогда своими гордыми преимуществами въ государствѣ нашемъ чиностояніемъ, но нынѣ обвѣтшавымъ и въ презрѣніе впадшимъ наследственнымъ дворянствомъ. Державные предки наши среди могущества силъ своихъ немощны были разрушить оковы гражданской неволи. Не токмо не могли они исполнить благихъ своихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ государствѣ чиностоянія подвигнуты были на противныя разсудку и сердцу ихъ правила». Радищевъ увѣренъ, что государь будущаго будетъ счастливѣе въ своихъ попыткахъ освободить крестьянъ. Но и онъ заставляетъ этого государя обратиться не съ приказаніемъ, а съ убѣжденіемъ къ потомкамъ современныхъ Радищеву рабовладѣльцевъ, чтобы они «познали свое заблужденіе». Не только они грѣшатъ противъ права и справедливости, противъ «природы и сердца свое-

---

приказываетъ казнить его смертію, говоря, что не приснилось бы сіе ему ночью, если бы онъ о томъ наяву не думалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо, если бы онъ то и думалъ, однако-жъ на исполненіе мысли своей не поступилъ».

го», но они просто поступаютъ неразсчитливо, сохраняя крѣпостное право. Рабство *невыгодно* для государства и для отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ «принужденная работа даетъ меньше плода», а уменьшеніе количества «земныхъ произведеній столько же препятствуетъ размноженію народа». И если даже въ отдѣльныхъ случаяхъ удастся увеличить производительность имѣнія насиліемъ надъ рабами, то, конечно, это не аргументъ въ пользу рабства. «Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, питаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ вздирать тяжкую борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобы житницы были полны хлѣба, а желудки пусты?» Всѣ эти аргументы можно найти у Мабли, но и Радищевъ не идетъ за Мабли до конца. Онъ не хочетъ ни націонализаціи земли, ни коллективной собственности на землю. Крестьянская свобода въ будущемъ рисуется ему, какъ режимъ частной земельной собственности. Постепенный переходъ къ этому режиму и составляетъ главное содержаніе его проекта. Сперва помѣщики должны лишиться права переводить крестьянъ во дворъ, права судить крестьянина и распоряжаться крестьянскими браками и имуществомъ. Наличный надѣлъ, который крестьянинъ наплетъ, долженъ сдѣлаться его собственностью. Затѣмъ, крестьянинъ получаетъ право выкупиться на волю и купить себѣ землю. «Засимъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства».

На случай, если убѣжденія не окажутъ вліянія на рабовладельцевъ, у будущаго государя есть болѣе сильный аргументъ, — тотъ самый, который дѣйствительно употребляли и Екатерина II, и Николай I, и Александръ II, лучше освободить крестьянъ сверху, нежели дожидаться, чтобы они сами освободились снизу. Радищевъ напоминаетъ дворянамъ пугачевщину, — какъ напоминалъ (см. выше) Екатеринѣ Сиверсъ. «Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего ожидать намъ должно. Гибель приближается постепенно, и опасность уже надъ главами нашими», говоритъ его будущій государь. Радищевъ не разъ рисуетъ картину будущаго возстанія. «Изъ мучительства рождается вольность. Русскій народъ очень терпѣливъ и терпитъ до самой крайности. Но, когда конецъ положить своему терпѣнію, то ничто не можетъ его удержать, чтобы не преклонился на жестокость». «Уже время, вознесши косу, ждешь удобнаго часа: и первый лютенецъ или любитель челоѣчества, рожденный для пробужденія несчастныхъ, ускорить его махъ. Блюдитесь!». На вопросъ Радищевъ показаль, что хотѣлъ этими угрозами «навести страхъ» на помѣщиковъ.

Но пока это только угрозы, только отдаленная перспектива *). Въ настоящемъ — попытки возстанія были бы «безвременны» и прошли бы «безъ пользы». Будущій государь кончаетъ совѣтомъ — предупредить революціонную катастрофу, — не изъ одного страха или расчета, а также изъ чувства человѣколюбія. «Зная расположеніе сердецъ вашихъ», обращается онъ къ «гражданамъ будущаго времени», «пріятиѣ имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ *сердцѣ* почерпнутыми, нежели исчисленіями корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще опасностію. Идите, возлюбленные мои, идите въ жилище братіи вашей и возвѣстите имъ о премѣнѣ ихъ жребія... Да не скончаемъ жизни нашей, возымѣвъ столь благую мысль и не возмогши ея исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожелаетъ вѣща нашего и съ презрѣніемъ о насъ да не скажетъ: они были (его недостойны)!» **).

Увы, всѣ сильныя и горячія слова не могли сдѣлать «будущаго» настоящимъ. Но въ будущемъ они должны были принести свой плодъ.

Другая часть «проекта въ будущемъ» предлагаетъ отмѣнить придворные чины или, по крайней мѣрѣ, не равнять ихъ съ дѣйствительной заслугой, — съ чинами военными и гражданскими. Рѣчь идетъ и здѣсь отъ имени государя, который этимъ способомъ хочетъ оградить себя отъ лести, дѣлающей «глухими, слѣпыми и неосязательными» даже «наилучшихъ между нами». Не похожій на обычныхъ властителей, идеальный государь Радищева «соблюдетъ сердце свое» отъ этой заразы и «будетъ примѣромъ позднѣйшему потомству, какъ должно на взаимную пользу соединять власть со свободой».

Какъ мы уже говорили, книга Радищева сразу вызвала «великое любопытство» публики въ Петербургѣ. О ней «говорили по всему городу». Это было не мудрено. Все, что только крупными, по частямъ, въ формѣ намековъ и инсказаній высказывалось до сихъ поръ въ новиковскихъ журналахъ, — все это было здѣсь сведено въ одинъ фокусъ, сказано прямо и сильно и освѣщено опредѣленной общей

---

*) Ни Екатерина, на послѣдующіе изслѣдователи не обратили вниманія на **форму**, въ которой изложенъ радищевскій проектъ, и въ которой эта угроза аграрной революціей, конечно, не можетъ быть истолкована, какъ подстрекательство къ немедленному бунту.

**) Текстъ Радищева обрывается на словѣ «были». Два послѣднія слова вставлены мной для восстановленія смысла. По моему, они лучше отвѣчаютъ началу фразы, чѣмъ вставка Недачина: «это были жалкіе люди».

теоріей. И все это было сказано въ тотъ моментъ, когда одушевленіе, вызванное взятіемъ Бастиліи, еще не успѣло охладѣть въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы, но уже ясно было, что настроеніе императрицы мало соотвѣтствуетъ этому одушевленію.

Екатерина была одной изъ первыхъ читательницъ «Путешествія». Въ этомъ отношеніи надежды Радищева «пробиться» къ престолу совершенно исполнились. Но впечатлѣніе получилось обратное тому, на какое рассчитывалъ Радищевъ. Въ его книгѣ Екатерина, прежде всего, увидѣла личную обиду себѣ, (для чего имѣлись нѣкоторыя основанія), а затѣмъ, «разсѣяніе заразы французской», что, какъ мы видѣли, было несправедливо, въ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ. Обиду она никогда не прощала, а «разсѣяніе заразы» имѣла особенные поводы не простить въ 1790 году. «Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ-то, когда докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея, законы поставляютъ: и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ: а развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить? Но не нашли никого», прибавляетъ Щербатовъ къ только что приведеннымъ его словамъ, «кто бы осмѣлился отвѣтствовать ей, что *можетъ* — яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и повѣренности народной». Самъ Щербатовъ набросалъ картину русской дѣйствительности въ концѣ царствованія Екатерины, и эта картина, — «черная», но «непристрастная», до поразительнаго сходна съ картиной Радищева и съ жалобами Кутузова. Но картина Щербатова, такъ же, какъ и злыя письма Ростопчина, и мемуары иностранцевъ, подтверждающіе ее, оставались въ рукописи при жизни Екатерины. «Не нашли никого, кто бы осмѣлился» сказать ей правду въ лицо: никого, за исключеніемъ Радищева, который смѣло поставилъ соблюденіе «закона» и водвореніе законности, какъ *conditio sine qua non* для сохраненія «славы и народной повѣренности» Екатериной.

Такимъ образомъ, личныхъ мотивовъ было бы уже достаточно для объясненія того, какъ отеслась Екатерина къ книгѣ Радищева. Характерно, что и у писателя она, прежде всего, предположила личные мотивы. Прочтя «сонъ» Радищева и основательно заключивъ, что въ немъ обнаруживается «намѣреніе, для чего вся книга писана», Екатерина затѣмъ истолковала это намѣреніе такъ: «объ закладъ битися можно», что поводъ къ написанію «есть тотъ: для чего входъ не имѣетъ въ чертоги. Можетъ быть, что имѣлъ когда ни на есть, а нынѣ, не имѣя, съ дурнымъ и, слѣдовательно, неблагодарнымъ сердцемъ подвизается перомъ». Но скоро императрица догадывается, что имѣетъ дѣло не съ представителемъ придворной оппозиціи, а съ

къмъ-нибудъ изъ учившихся «въ Лейпцигѣ». Тогда ея объясненіе мѣняется, сохраняя, однако, прежній характеръ. Авторъ «родился въ необузданной амбіціи и, готовясь къ высшимъ степенямъ, донынѣ еще не дошедъ, желчи нетерпѣніе разлилось на все установленное». «Скажите сочинителю», приказываетъ она въ концѣ концовъ, «что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мною какой обиды». Такъ далеки и несоизмѣримы оказались точки зрѣнія императрицы и автора, — и такъ невозможно было, при этомъ услови, установить то взаимное пониманіе, на которое рассчитывалъ Радищевъ.

Какъ бы то ни было, и самыя теоріи «Путешествія» оказались, на взглядъ Екатерины, «криминальнаго намѣренія». Это намѣреніе, по ея словамъ, «на всякомъ листѣ видно; сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противъ начальниковъ и начальства». Радищевъ могъ, сколько угодно, приводить въ свое оправданіе, что книгу свою «писалъ онъ прежде, нежели во Франціи было возмущеніе». Онъ не могъ отрицать, что «знаніе имѣеть довольно и многихъ книгъ читалъ»; между ними опытный глазъ Екатерины различилъ Руссо и Рейналя *). Несомнѣнно было и то, что усвоенныя имъ теоріи «совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена», что онъ «любитъ распространять гипохондрическія и унылыя мысли», которыхъ такъ не любила императрица. Заключение Екатерины шло дальше этихъ доводовъ. Она рѣшила, что авторъ «себя опредѣлилъ начальникомъ, кингою ли или инако, исторгнуть скипетры изъ рукъ царей; но какъ сіе исполнить одинъ немогъ, и оказываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ, то надлежитъ его допросить». Такъ, изъ литературнаго скандала вырослъ политическій процессъ. Какъ бы ни была лично обижена Екатерина, очевидно, что къ *такому* результату могло привести только желаніе установить связь «системы» Радищева съ «французскимъ развратнымъ нынѣшнимъ примѣромъ». Въ отношеніи Екатерины къ французской революціи и надо искать ключа къ тѣмъ экстремнымъ мѣрамъ государственной безопасности, которыя приняты были ею въ послѣдніе го-

---

*) Вліяніе Рейналя призналъ и самъ Радищевъ. Помимо стиля, у Рейналя онъ нашелъ образцы и случаи дурного обращенія съ рабами, отсюда взялъ и мнѣніе о невыгодности рабства, о грозящемъ возстаніи рабовъ, о необходимости улучшить участь рабовъ и т. д.

ды царствованія и для которыхъ, казалось, такъ мало было реальныхъ основаній во внутреннемъ положеніи Россіи.

По отношенію къ французской націи Екатерина всегда питала чувства истинной нѣмки. «Божусь вамъ, что я никогда не любила и не люблю французовъ», говорила она англійскому посланнику. Относительно французскаго правительства это враждебное чувство подкрѣплялось соображеніями виѣшней политики. Екатерина привыкла съ самаго начала царствованія встрѣчать французскихъ дипломатовъ вездѣ на своемъ пути, будь то въ Турціи, или въ Швеціи, или въ Польшѣ. Но какъ разъ къ правительству Людовика XVI она перемѣнила отношеніе, такъ какъ стала въ это время искать французскаго союза. «Я такого хорошаго мнѣнія обо всемъ, что дѣлается при Людовикѣ XVI», говоритъ императрица въ 1779 г., «что готова бранить всѣхъ, кто будетъ его злословить». Скоро, однако, и сама Екатерина перешла въ ряды злословящихъ. Неспособность короля, расточительность королевы не укрылись отъ вниманія Екатерины. Она знала, конечно, и о неспокойномъ состояніи умовъ во Франціи. Она совѣтовала, какъ мы упоминали раньше, искать выхода въ активной виѣшней политикѣ, т. е. въ союзѣ съ Россіей. «Бездѣйствіе двора совершенно роиаетъ уваженіе къ нему», пишетъ она Гримму. «Меня никто не заподозритъ въ сочувствіи къ этому двору, но интересъ Россіи и всей Европы требуетъ, чтобы онъ вновь занялъ подобающее ему мѣсто, и притомъ какъ можно скорѣе. Французы любятъ почетъ и славу..., но всякій французъ согласится, что Франція не пользуется ни тѣмъ, ни другимъ въ этомъ состояніи политическаго небытія, при которомъ растутъ и множатся внутреннія смуты. Надо спустить натянутыя струны *во-снѣ* страны: тогда онѣ перестанутъ точить и подкапывать ее, какъ черви — корабельное дно». Екатерина давала тутъ совѣтъ, который она сама испробовала, когда одушевленіе, вызванное въ дворянствѣ ея «легисломаніей», уступило мѣсто разочарованію и когда изъ Москвы донеслись до нея первые звуки «натянутыхъ струнъ» общественнаго недовольства. Головокружительные планы Потемкина, возстановленіе греческой имперіи, потомъ чуть не дѣлежъ Европы въ проектѣ Зубова подошли какъ разъ во-время для нея, чтобы увлечь русское общество на путь, уже испробованный ею, завоевательной виѣшней политики. Не углубляясь особенно во внутреннее положеніе Франціи, она мысленно ставила себя въ положеніе Людовика XVI, и только удивлялась, что онъ находитъ и создаетъ себѣ трудности тамъ, гдѣ она справилась бы такъ легко и просто. Ей совершенно чужда была мысль о неизбежности революціи, кото-

рую Вольтеръ и Гриммъ высказали еще въ 60-хъ годахъ и которая въ 70-хъ годахъ сдѣлалась уже общимъ мѣстомъ. «Я не придерживаюсь мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что мы находимся наканунѣ великой революціи», писала она Гримму еще въ апрѣлѣ 1788 г.

При такомъ настроеніи Екатерина встрѣтила совершенно равнодушно извѣстіе о созывѣ нотаблей. «Эта идея дѣлаетъ честь добрымъ намѣреніямъ короля, но у насъ пока о ней невысокаго мнѣнія». Русская Коммиссія уложенія кажется Екатеринѣ несравненно болѣе смѣлой и удачной идеей: и она не можетъ лишиться себя удовольствія — сдѣлать сравненіе въ свою пользу между этими двумя учрежденіями. Она созвала депутатовъ для блага народа; французскій король созвалъ ихъ только для того, чтобы получить деньги. Однако, отставка Калонна вызываетъ у Екатерины уже совсѣмъ иного рода сравненіе нотаблей съ Коммиссіей. Депутаты Коммиссіи не могли бы заставить ее противъ собственной воли отставить министра, замѣчаетъ императрица. Естественно, что скоро она вовсе перестаетъ одобрять созывъ нотаблей. «Богъ съ ними, съ вашими нотаблями; не знаешь дальше, чего отъ нихъ ждать». Она не совсѣмъ довольна, разумѣется, и созывомъ генеральныхъ штатовъ; но все же еще готова съ ними мириться. Совершенно неожиданно, она даже высказываетъ одобреніе идеѣ Неккера удвоить число депутатовъ третьяго сословія, — не подозревая вовсе, что логическимъ послѣдствіемъ этой мѣры будетъ превращеніе представителей *tiers-état* въ представителей всего французскаго народа. Она просто ожидаетъ, что, удвоивъ представительство *tiers-état*, король заслужитъ популярность въ народѣ и пожнетъ лавры Генриха IV. Генрихъ IV постоянно подвергается подъ перо Екатерины въ эти безпокойные годы: ея монархическій демократизмъ не идетъ дальше Генриады Вольтера. Скоро она посовѣтуетъ читать Генриаду французскому дворянству, чтобы укрѣпиться въ лойяльныхъ чувствахъ.

Сквозь эту литературно - историческую призму Екатерина плохо разбираетъ смыслъ первыхъ событій французской революціи и невнимательно слѣдитъ за ея развитіемъ. Депутаты, правда, ставятъ королю досадныя препятствія. Но, конечно, король сумѣетъ съ ними справиться, и, въ союзѣ съ Россіей, онъ возстановитъ вліяніе Франціи въ Европѣ. «Если нотабли и генеральные штаты очень ужъ разгорячатся, я совѣтую угостить ихъ политической *ruade* противъ партіи штатгальтера въ Голландіи. Это единственное средство, чтобы примирить всѣхъ и успокоить волненіе».

При такомъ увѣренномъ и спокойномъ настроеніи, 14-е іюля 1789 г. было для Екатерины громовымъ ударомъ при безоблачномъ небѣ. Послѣ взятія Бастиліи, тонъ ея сужденій о парижскихъ событіяхъ сразу и круто мѣняется. Мѣсто преувеличенной безопасности занимаютъ теперь самыя крайнія опасенія. Франція, еслибы даже захотѣла, не можетъ теперь оказать никакой услуги Россіи. Въ ней наступило господство анархіи. Король — каждый день пьянь (!): имъ управляетъ, кто хочетъ. Депутаты — сапожники: какъ могутъ сапожники управлять государствомъ; ихъ дѣло шить сапоги. Они въ состояніи повѣсить короля на фонарѣ. Съ октябрьскихъ дней, съ самаго переѣзда короля въ Парижъ изъ Версаля, Екатерина предсказываетъ: «его ожидаетъ участь Карла I». И отношеніе Екатерины къ извѣстнымъ ей дѣятелямъ революціи рѣзко измѣняется. *Астроному* Бальи она посылала черезъ Гримма любезности и подарки. Бальи, демократическому *мэру* Парижа, она отказываетъ въ своемъ портретѣ, — «портретѣ самой аристократической императрицы въ Европѣ», по ея выраженію. Лафайэта, дѣателя американской революціи, Екатерина приглашала еще въ 1787 г. пріѣхать въ Россію. Лафайэтъ начальникъ національной гвардіи для нея есть «*tête à révolution*», «*Dadais le grand*». Напротивъ, Мирабо, антикритичный Екатериной, какъ демократъ-писатель, на нѣсколько времени располагаетъ ее въ свою пользу своей защитой королевской прерогативы. Черезъ русскаго посланника въ Парижѣ Екатерина даже заводитъ съ нимъ переговоры, съ цѣлью привлечь его — и черезъ него все собраніе — на сторону русскаго союза. Русскій офиціозъ, «Петербургскія Вѣдомости», съ 14-го іюля метавшій громы противъ революціи, печатаетъ по смерти Мирабо довольно сочувственный отзывъ о личности великаго трибуна. Но въ частной перепискѣ Екатерина не церемонится и съ Мирабо. Онъ «достоинъ уваженія Содома и Гоморры»; это преступникъ и злодѣй, котораго давно повѣсили бы во всякое другое время. Гриммъ даже подумываетъ, не переѣхать ли ему съ улицы, которую окрестили именемъ Мирабо.

Таково было настроеніе Екатерины, когда ей пришлось прочесть книгу Радищева. Мы знаемъ, что она уже нѣсколько лѣтъ, какъ слѣдила за московскими «мартинистами» и уже приняла противъ нихъ, противъ ихъ собраній, противъ печатаемыхъ ими книгъ и противъ распространенія ихъ въ провинціи рядъ полицейскихъ мѣръ. Корреспонденція «мартинистовъ» съ ихъ стипендіатами, посланными за границу, вся перлюстрировалась, и участь членовъ московскаго «сборища» висѣла на волоскѣ. Зная, что письма распечатываются, нѣ-

которые изъ «мартинистовъ» (Лопухинъ, можетъ быть, и Кутузовъ), попробовали было этимъ путемъ реабилитировать себя передъ правительствомъ (467-468). Но мы видѣли, что самыя оправданія ихъ «по совѣсти» иной разъ получали видъ цитатъ изъ Радищева. Естественно, что для Екатерины и Радищевъ показался такимъ же «мартинистомъ», а книга его — проявленіемъ того самого якобинскаго духа, который она подозрѣвала, но до сихъ поръ не могла открыть у членовъ московской «шайки». Радищевъ — московскіе «мартинисты», они же «иллюминаты», — иностранные масоны, — наконецъ, «философы», — вся эта цѣпь вела туда же — къ французскому перевороту. Корреспондентъ Екатерины, Циммерманъ, въ томъ же 1790 году выпустилъ книгу (Отрывки о Фридрихѣ Великомъ), въ которой доказывалъ существованіе тайнаго общества изъ масоновъ и философовъ для ниспроверженія государственнаго порядка. Получалось нѣчто вродѣ всемірнаго заговора. Вотъ чѣмъ объясняется и тревожный вопросъ Екатерины объ «общникахъ» Радищева. Не безосновательны были и тогдашніе петербургскіе толки, связывавшіе книгу Радищева съ именами вельможныхъ оппозиціонеровъ, Воронцовыхъ, Дашковой, — которые извѣстны намъ, какъ покровители Новикова и оппозиціонной журналистики (см. стр. 352, 357-358).

Какъ бы то ни было, Екатерина, очевидно, смотрѣла на книгу Радищева, не какъ на случайный и индивидуальный фактъ, а какъ на симптомъ, сильно ее встревожившій. Радищеву пришлось серьезно заявлять, что, хотя одно изъ инкриминированныхъ сочиненій его и «кажется (имѣющимъ цѣлью) произвести французскую революцію, но, однако жъ, по чистой совѣсти своей» онъ можетъ «увѣрить, что сего злого намѣренія не имѣлъ». — тѣмъ болѣе, что и народъ нашъ книгъ никогда не читаетъ». Тѣмъ не менѣе, Радищевъ былъ преданъ суду по обвиненію, для котораго не нашлось ни одной подходящей статьи въ тогдашнихъ русскихъ уголовныхъ законахъ. Книга его признана «разрушающею покой общественный, умаляющею должное къ властямъ уваженіе, стремящейся къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противъ начальниковъ и начальства». Уголовная палата и сенатъ приговорили Радищева къ смертной казни посредствомъ отсѣченія головы. Екатерина отдала приговоръ на пересмотръ еще третьей, не предусмотрѣнной закономъ инстанціи, военнаго «совѣта», и, наконецъ, замѣнила смертную казнь десятилѣтней ссылкой въ Сибирь, въ Илимскъ.

Очевидно, Екатерина хотѣла на Радищевѣ показать такой же примѣръ строгости, какой она совѣтовала въ эти самые мѣсяцы упо-

требить съ нѣсколькими депутатами національнаго собранія, чтобы «образумить остальныхъ». Небывалая въ Россіи мѣра произвела, дѣйствительно, сильное и тяжелое впечатлѣніе. «La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême», писалъ С. Р. Воронцовъ. «Quelle sentence et quelle adoucissement — pour une étourderie... celà fait frémir». Письма московскихъ мартинистовъ, тоже свидѣтельствуютъ объ угнетенномъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что ударъ косвенно былъ направленъ на нихъ. Со дня на день они могли ждать, что и надъ ними разразится гроза, какъ ни старались они предупредить ее своими демонстративными заявленіями о несогласіи съ Радищевымъ. Дѣйствительно, уже весной 1791 г. графъ Безбородко пріѣхалъ въ Москву съ указомъ — произвести слѣдствіе надъ мартинистами. Но Безбородко находилъ подобныя мѣры «несоотвѣтствующими славѣ Екатерины» и, пользуясь даннымъ ему полномочіемъ, оставилъ бумагу у себя въ карманѣ. Преслѣдованіе задержалось на цѣлый годъ. Но дальнѣйшія событія французской революціи дали ему окончательный ходъ.

Въ этихъ событіяхъ Екатерина пробуетъ принять теперь непосредственное участіе. Подавать совѣты — поздно и бесполезно. Со времени переселенія въ Парижъ король въ плѣну у народа и не имѣетъ собственной воли. Екатерина вполне усваиваетъ этотъ взглядъ французскихъ роялистовъ. Помогая имъ проводить его на практикѣ, она безсознательно приближаетъ дѣло къ той самой роковой развязкѣ, которой такъ боится. Послѣ смерти Мирабо, вся ея надежда на бѣгство короля. Она его совѣтуетъ и помогаетъ устроить. «Вы отлично сдѣлаете», пишетъ она Гримму (апрѣль 1791), «если возьмете на себя или даже, по возможности, спрячете въ карманъ, удаляясь изъ Содомы и Гоморры, короля французовъ, чтобы онъ добрался цѣлымъ и невредимымъ до границъ своего королевства. Тамъ вы его сдадите Булье или какому-нибудь другому благонадежному человѣку, чтобы онъ предохранилъ его христіаннѣйшее величество отъ всѣхъ несчастій, которыя, какъ намъ кажется, ему угрожаютъ... Вотъ уже три года, какъ мы дрожимъ за жизнь» короля и его семьи. Получивъ извѣстіе, что бѣгство состоялось. (не безъ участія русскаго посольства, какъ извѣстно), петербургскій дворъ ликуетъ. Но тотчасъ же приходитъ новая вѣсть, король арестованъ. Императрица сильно поражена. «Я думаю, что главное затрудненіе для бѣгства короля представлялъ онъ самъ», справедливо замѣчаетъ она. Больше всего тревожитъ ее теперь вопросъ: «подпишетъ ли христіаннѣйшій король противохристіанскую конституцію. Самой своей подписью

онъ отлучить самого себя». При извѣстїи, что конституція подписана королемъ, гнѣвъ императрицы не знаетъ границъ. Она выходитъ изъ себя, «топаетъ ногами» отъ раздраженія. Это уже не просто политическая ошибка; это — недостойная низость:

«Renoncer aux Dieux, que l'on croit dans son coeur,
— C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur».

«Можно ли помогать такому королю, который самъ своей пользы не понимаетъ»? Подписавъ конституцію, онъ санкціонировалъ парижскія событія. Онъ уничтожилъ самъ себя, и логическимъ послѣдствіемъ долженъ быть разрывъ дипломатическихъ сношеній съ его правительствомъ. Уже въ августѣ 1790 года Екатерина велѣла всѣмъ русскимъ въ Парижѣ немедленно вернуться на родину. Въ августѣ 1791 года она перестала принимать при дворѣ офиціального представителя Франціи Женета, «яраго демагога». А въ началѣ слѣдующаго года въ Петербургъ явился личный повѣренный короля, Бомбелль. Но на короля Екатерина уже не надѣется болѣе. Настоящимъ представителемъ Франціи становится третье лицо — посланецъ братьевъ короля и эмигрантовъ, — Эстергази. На эмигрантовъ Екатерина переноситъ всѣ надежды; Кобленцъ становится для нея истинной столицей Франціи. Туда она посылаетъ своего уполномоченнаго гр. Румянцева. «Петербургскія Вѣдомости» наполняются статьями эмигрантовъ и становятся органомъ непримиримаго роялизма. Екатерина увѣрена, — или дѣлаетъ видъ, что увѣрена, — что эмигрантамъ нетрудно будетъ оружіемъ усмирить взбунтовавшуюся страну. Она уже даетъ совѣты, какъ реорганизовать замиренную Францію. Главное — это «устранить идею полного равенства». Для этого надо возстановить «древніе обычаи, которые внушаютъ публикѣ уваженіе къ рангамъ... Особы высшаго ранга должны всегда показываться не иначе, какъ въ особомъ костюмѣ, съ лентами и другими отличіями. Принцы никогда не должны допускать къ себѣ иначе, какъ во фракѣ». Очень полезно возстановить парламенты; съ ихъ претензіями справиться не трудно, но они служатъ несомнѣнной поддержкой монархіи: безъ нихъ, добавляла Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ, монархія превратится въ республику, или въ деспотизмъ *).

Совѣтовъ Екатерина давала, сколько угодно. На денежные субсидіи она была значительно скупѣе. А что касается помощи войска-

---

*) Эта реминисценція изъ Монтескье освѣщаетъ намъ отношеніе Екатерины къ той постоянной законодательной комиссіи, которую она проектировала, слѣдуя совѣту Дидро.

ми, она никогда серьезно о ней не думала. Очень скоро она стала эксплуатировать революцію для цѣлей собственной вѣншей политики. Она втянула шведскій дворъ въ борьбу, старалась втянуть прусскій и австрійскій — съ совершенно опредѣленной цѣлью отвлечь ихъ вниманіе отъ ближайшей къ Россіи арены екатерининской политики: отъ Польши и Турціи. «Есть мотивы, о которыхъ нельзя говорить: я хочу вовлечь ихъ въ дѣло, чтобы у меня были руки развязаны. У меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали». Такъ говорила Екатерина своему секретарю Храповицкому. Западнымъ дипломатамъ она, разумѣется, говорила другое. Она тоже будетъ сражаться съ «якобинцами», но не въ Парижѣ, а въ Стокгольмѣ, въ Варшавѣ и въ Константинополѣ. Въ Стокгольмѣ «одинъ изъ воспитателей молодого короля состоитъ вождемъ мистическаго движенія теософовъ, стремящихся къ испроверженію христіанской религіи и престоловъ» *). Польша тоже полна якобинскими клубами. Наконецъ, турокъ «демократы пострекуютъ объявить войну обоимъ императорскимъ дворамъ».

При такомъ положеніи дѣлъ, прусскій и вѣнскій дворы, естественно, предпочитали оборачиваться назадъ, на Вислу и Черное море, вмѣсто того, чтобы спѣшить на помощь эмигрантамъ, ожидавшимъ ихъ въ Кобленцѣ. Такимъ образомъ, направивъ сторонниковъ короля на путь непримиримой борьбы съ революціей, Екатерина все сдѣлала, чтобы сдѣлать исходъ этой борьбы безнадежнымъ. Ея собственная политика на востокѣ отвлекла вниманіе Европы отъ революціи и наиболѣе способствовала торжеству революціи надъ коалиционными силами, а слѣдовательно, и надъ королемъ.

Событія въ Парижѣ, при этихъ условіяхъ, быстро шли къ развязкѣ. И какъ ни готова была Екатерина къ этой развязкѣ, какъ часто ни предсказывала она ее, когда еще было возможно ее избѣжать, теперь, когда она стала неизбежна, парижскія событія подѣйствовали на нее, какъ рядъ ошеломляющихъ неожиданностей. Обстоятельства сложились такъ, что и помимо этого нервы Екатерины были сильно потрясены. Въ октябрѣ 1791 года, въ самое трудное для нашей политики время, умеръ Потемкинъ. Потеря эта стоила Екатеринѣ «слезъ и отчаянія» и вызвала у ней тяжелое признаніе, что она «не успѣла приготовить людей» и что «теперь не на кого опереться». Начался зубовскій режимъ, вызывавшій негодованіе даже у такихъ

---

*) Это — то самое, въ чемъ Екатерина обвиняла русскихъ «мартинистовъ» и Радищева.

людей, какъ Ростопчинъ. Не оправилась Екатерина отъ этого «страшнаго удара обухомъ», какъ пришло въ Петербургъ извѣстіе объ убійствѣ Густава Ш-го. «Я боюсь совѣмъ отупѣть отъ этихъ событій, которыя бьютъ васъ по нервамъ», писала императрица Гримму (апрѣль, 1792). «Напримѣръ, внезапная смерть императора; убійство шведскаго короля: послѣдствія, которыхъ можно каждый день ждать во Франціи». Тотчасъ затѣмъ распространились слухи о готовящемся покушеніи на жизнь самой императрицы. «Якобинцы вездѣ печатаютъ, что они меня убьютъ, и что съ этой цѣлью послано трое или четверо лицъ, относительно которыхъ меня предупреждаютъ со всѣхъ сторонъ... Въ Варшавѣ Mazzeu держалъ пари, что 3-го мая меня не будетъ въ живыхъ. Говорятъ и мэръ Петіонъ увѣрялъ, что 1-го іюня меня не будетъ на свѣтѣ... Когда же, наконецъ, положить конецъ всѣмъ этимъ преступнымъ фактамъ». Екатерина прибавляетъ, правда, что не вѣритъ слухамъ. Но, однако, она принимаетъ свои мѣры. Уже въ февралѣ 1790 г. она назначаетъ въ Москву главнокомандующимъ «фронтоваго генерала» Прозоровскаго, «самую старую пушку», — характеризуетъ его Потемкинъ, — «которая будетъ непременно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ». Екатерина велитъ ему спеціально слѣдить за «извѣстной шайкой»... Но повода къ открытому преслѣдованію еще нѣтъ. Наконецъ, этотъ поводъ находятъ. 9-го апрѣля 1792 г. посланъ секретный указъ петербургскому губернатору, «чтобы искать француза, пріѣхавшаго черезъ Кенигсбергъ 22-го марта съ злымъ умысломъ на здравіе ея величества: взяты предосторожности на границѣ и въ городѣ. Даны указы, чтобы строго смотрѣть за пріѣзжающими въ Царское Село и Софію, а паче за иностранцами».

Въ Петербургѣ зловѣщіе слухи принимаютъ конкретную форму. Оказывается, что «мартинисты» хотятъ покушаться на жизнь императрицы. Они уже бросили между собой жребій и т. д. Едва ли можно считать случайностью, что въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ полиція искала «француза Басевилля» (13-го апрѣля), императрица, наконецъ, сдѣлала рѣшительный шагъ и подписала указъ Прозоровскому объ арестѣ Новикова. Арестованный у себя въ деревнѣ, больной Новиковъ въ концѣ апрѣля былъ привезенъ въ Москву, а затѣмъ былъ со всевозможными предосторожностями, — чтобы не похитили по пути масоны, — перевезенъ окольными путями въ Шлиссельбургъ и тамъ допрошенъ Шешковскимъ. Въмѣсто «якобинскаго» заговора найдена была лишь тайная продажа запрещенныхъ книгъ. Судебная процедура, употребленная въ дѣлѣ Радищева, — согла-

сно убѣжденію императрицы, что *c'est l'opinion publique*. — на этотъ разъ была, очевидно, неудобной по самому характеру ничѣмъ не доказанныхъ подозрѣній. Екатерина, однако, непремѣнно хотѣла доказать международный — и притомъ политическій — характеръ масонской организаціи. Это, конечно, не удалось: но она до конца дознанія осталась при убѣжденіи, что Новиковъ «не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ». Между тѣмъ, всѣ наличные матеріалы для допроса были уже использованы. Тогда, не доводя дѣло до суда, Екатерина распорядилась указомъ 1 августа, вмѣсто «тягчайшей и нещадной казни», какой заслуживалъ Новиковъ «по силѣ законовъ», — «слѣдуя сродному намъ человеколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣяствахъ покаянія, запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость». Для стараго и больного Новикова этотъ приговоръ, очевидно, имѣлъ смыслъ пожизненнаго тюремнаго заключенія. Быть можетъ, тутъ сказалось личное раздраженіе противъ человека, постоянно становившагося на пути императрицы, писала-ли она сатиры и комедіи, занималась-ли воспитаніемъ «человѣческаго рода» или рекламировала плоды своей законодательной дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ пострадали и другіе наиболѣе видные члены московскаго «сборища». Кн. Н. Н. Трубецкой и Н. П. Тургеневъ высланы на жительство въ свои деревни. Молодые стипендіаты масоновъ, Колокольниковъ и Невзоровъ, арестованы при возвращеніи изъ-за границы. Первый заболѣлъ и умеръ подъ арестомъ. Второй перенесъ сильное первое потрясеніе, совершенно подломившее ту стойкость характера, которую онъ обнаружилъ при первыхъ шагахъ слѣдствія, настаивая на строгомъ соблюденіи законныхъ формъ. Неоднократно упоминавшійся Кутузовъ, другъ Радищева, посланный еще въ 1787 году за-границу Новиковскимъ кружкомъ для изученія масонскихъ тайнъ («химіи, метицины, натуральной исторіи»), вовсе не рѣшился возвращаться въ Россію и скоро умеръ за границей.

Несмотря на такой полный разгромъ подозрительныхъ для нея элементовъ, Екатерина все еще продолжала опасаться «французской заразы». Еще въ концѣ того же 1792 года она велѣла строго слѣдить за однимъ иностраннымъ выходцемъ (Милліоти), подозрѣвая «не заводитъ ли (онъ) здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) якобинскаго клуба». Уже послѣ перваго прихода парижской черни въ Тюльери (20-го іюня 1792 г.) Екатерина выслала изъ Россіи окончательно французскаго посла. 10-ое августа и арестъ короля вырвали у ней новые крики ужаса. Казнь короля уложила Екатерину на нѣсколько дней въ

постель. Всѣ сильныя выраженія ея лексикона давно уже были израсходованы. «Петербургскія Вѣдомости» теперь тоже сразу замолчали, не рѣшившись даже сообщить публикѣ о смерти Людовика XVI. Очевидно, самое сообщеніе дальнѣйшихъ свѣдѣній о революціи, хотя бы съ безусловно враждебной точки зрѣнія, считалось неудобнымъ. Едва оправившись, Екатерина приступила къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Всякія сношенія съ Франціей были объявлены прекращенными. Французскіе корабли не допускаются болѣе въ русскія гавани. Поѣздки русскихъ во Францію, сношенія съ французами, даже выписка французскихъ журналовъ и ношеніе французскихъ модъ были строго воспрещены. Выгнать изъ самой Россіи всѣхъ французовъ было трудно. Но Екатерина и тутъ приняла строгую мѣру. Она составила присягу, которою французы обязывались впредь до восстановления порядка «прервать всякія сношенія съ своими соотечественниками, подчинившимися въ настоящее время незаконному и отвратительному правительству», осудить «преступленіе, совершенное этими чудовищами относительно личности короля» и отречься отъ «безбожныхъ и разрушительныхъ принциповъ, введенныхъ лицами, захватившими незаконно верховную власть» во Франціи. Такимъ образомъ, всѣ французы были превращены въ «ревностныхъ роялистовъ», по выраженію Екатерины. Изъ 1.500 французскихъ поданныхъ, только 43 отказались принести эту присягу лишившую ихъ отечества, такъ какъ имена присягнувшихъ печатались въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ иностранныхъ газетахъ. Всѣ французы, допускавшіеся къ императрицѣ, подлежали съ этихъ поръ своего рода «политическому карантину», какъ выражалась сама Екатерина.

Среди всеобщаго молчанія, вызваннаго репрессіей, только одинъ голосъ въ русской журналистикѣ раздался въ пользу «милости» къ жертвамъ. Голосъ этотъ принадлежалъ Карамзину. Въ своемъ «Московскомъ журналѣ» (1792 г.) онъ напечаталъ оду «Къ милости», въ которой осторожно напоминалъ Екатеринѣ точку зрѣнія ея лучшихъ годовъ:

Доколѣ милостью пребудешь,
Доколѣ пользоваться будешь
Ты правомъ матери одной,
Доколѣ гражданниъ спокойно,
Безъ страха можетъ засыпать
И всѣмъ твоимъ подвластнымъ вольно
По мыслямъ жизнь располагать...

Доколѣ правда не страшна,
И чистый въ сердцѣ — не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, владычица души;
Доколѣ всѣмъ даешь свободу
И свѣта не темнишь въ умахъ,
Доколь довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ твоихъ дѣлахъ
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ поданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.
Спокойствія твоей державы
Ничто не можетъ возмутить...
Тотъ тронъ на вѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовью бережется
И гдѣ на тронѣ ты сидишь.

Но самъ Карамзинъ, этотъ духовный сынъ новиковскаго кружка, былъ уже, въ сущности, человѣкомъ другого поколѣнія. Въ активѣ людей этого поколѣнія, выросшихъ и выступившихъ на общественную арену въ девяностыхъ годахъ, уже не было тѣхъ свѣтлыхъ впечатлѣній, на которыхъ выросли свидѣтели екатерининской «легисломаніи», шестидесятники и семидесятники XVIII вѣка. Въ глазахъ этихъ старшихъ товарищей Карамзинъ былъ благонамѣреннымъ, но политически — неразвитымъ юношей, и они не могли понять, какъ, съ своимъ легкимъ багажомъ, онъ рѣшался выступить на журнальное поприще. Онъ, однако же, выступилъ — и имѣлъ успѣхъ. Это значило, что его слушаетъ новое поколѣніе, которому онъ былъ понятнѣе и доступнѣе своихъ старшихъ друзей. Настроеніе этого поколѣнія создавалось не только отрицательными, а и положительными впечатлѣніями. Когда замолкли голоса семидесятниковъ, на опустѣвшей аренѣ раздались другія рѣчи. Интеллигентное общественное мнѣніе было остановлено въ своемъ развитіи. Зато тѣмъ съ большей свободой выступило подпочвенное теченіе, широкое и сильное количественно, но ступневывавшееся до тѣхъ поръ передъ общимъ духомъ времени и передъ качественными преимуществами лучшихъ представителей интеллигенціи. Очередь была за націонализмомъ и за націоналистической теоріей, слабые зародыши которой мы видѣли уже въ жизни и въ сатирической литературѣ.

Мы не упоминали до сихъ поръ объ одномъ важномъ симптомѣ

націоналістическаго настроенія — о театрѣ. Изъ всѣхъ формъ интеллигентнаго общенія, театръ по самому существу своему есть форма наиболѣе консервативная, наиболѣе принужденная считаться съ умственными привычками и традиціями широкой публики. Если вамъ нужно составить сужденіе о степени интеллигентности средней публики, о ея симпатіяхъ и предразсудкахъ, о томъ, что у ней принято и не принято, — словомъ о всѣхъ продуктахъ соціологическаго «подражанія» въ данной средѣ, — идите въ театръ, и все это тамъ отразится для васъ, какъ въ зеркалѣ. Заговоривъ теперь о подпочвенномъ теченіи націонализма, — мы всего удобнѣе ознакомимся съ нимъ, если обратимъ вниманіе на то, какое же настроеніе средней публики выражала, къ какому настроенію приспособлялась екатерининская сцена?

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, насколько сблизилась эта сцена съ жизнью, и какъ персонажи изъ русской дѣйствительности, изъ средняго и «подлаго» класса мало-по-малу вытѣсняли классическихъ царей и героевъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ сцена даже дѣлалась отголоскомъ передовыхъ взглядовъ, философскихъ и политическихъ. За такіе именно отголоски, — очень похожіе на тѣ, за которые въ 1785 г. Екатерина не хотѣла преслѣдовать Николева (279-80), — она въ 1791 г. запретила посмертную и не поставленную еще на сцену пьесу Княжнина («Вадимъ»), — какъ только эта пьеса появилась, благодаря оппозиціонному либерализму кн. Дашковой, въ печати. Но это были одиночныя исключенія. Въ общемъ, русскій театръ сбросилъ ложноклассическую тогу лишь для того, чтобы служить выраженіемъ — и источникомъ — націоналистическихъ настроеній и взглядовъ полунинтеллигентныхъ и вовсе неинтеллигентныхъ слоевъ публики. Перечитывая многочисленныя пьесы тогдашняго «Россійскаго Театра», вы можемъ составить себѣ отчетливое представленіе о томъ запасѣ общихъ мѣстъ и сентенцій, который вошелъ въ умственный обиходъ этой публики. Далѣе мы увидимъ, что на этомъ же основномъ фундаментѣ популярныхъ общихъ мѣстъ строили свои взгляды и болѣе интеллигентные представители русскаго націонализма.

Народный элементъ есть первое, что по справедливости бросается въ глаза, какъ новая особенность русскаго театра послѣдней трети или четверти XVIII-го вѣка. Но народъ, какъ мы знаемъ, составлялъ также главную, если не исключительную цѣль публицистической и общественной дѣятельности передовыхъ кружковъ интеллигенціи. «Народъ» русскаго театра — это совсѣмъ, однако, не тотъ

народъ, надъ страдой котораго болѣютъ душой новиковскіе журналы и Радищевъ, недоѣданію котораго стараются помочь московскіе масоны. За немногими исключеніями, все диссонансы деревенскихъ будней остаются за кулисами русскаго театра. На сценѣ являются веселые и девольные пейзажи, по праздничному принаряженные. Они поютъ и пляшутъ, влюбляются и женятся, благославляютъ судьбу и помещика. Для примитивнаго театральнаго вкуса необходимо соединить музыку и танцы съ драматическимъ дѣйствіемъ: необходимо балетъ и хоръ. Мужики, мужицкіе костюмы, мужицкія пѣсни являются самымъ подходящимъ матеріаломъ, — какимъ они являлись уже на барскихъ праздникахъ, въ мало-мальски богатой помещичьей усадьбѣ. Ничего не стоитъ, конечно, въ мужицкую среду перенести и незатѣйливую любовную интригу. Ложноклассическая пастораль уже приготовила пубliku къ этой идеализаціи деревенской простоты, въ лицѣ какого-нибудь пастуха «Медора» или пастушки «Прелесты». Такимъ образомъ, все элементы національной русскаго комической оперы оказываются уже готовыми и привычными для зрителя. «Комическая опера» и является самой любимой театральной формой, которая заразъ и удовлетворяетъ, и воспитываетъ инстинктивный націонализмъ широкой публики. Иногда этотъ театральный «народъ» говоритъ на настоящемъ народномъ языкѣ, какомъ-нибудь мѣстномъ діалектѣ (напр., Милозоръ и Прелеста). Онъ сыплетъ подлинными народными пословицами, по временамъ (хотя рѣдко) поетъ и настоящія народныя пѣсни. Но, въ общемъ, обстановка остается чрезвычайно условной и искусственной. Искусственность эта, помимо тогдашнихъ литературныхъ вкусовъ, вызывается обязательнымъ для сцены оптимистическимъ тономъ. Добродѣтельная любовь пьесы, конечно, должна испытывать препятствія. Препятствія эти берутся болѣею частью изъ реальной жизни. Но всегда дѣло кончается счастливой развязкой. По болѣею части, виноватъ во всемъ оказывается «приказчикъ», котораго въ концѣ пьесы наказываетъ (въ «Судьбѣ деревенской» — отпускаетъ на волю) благодѣтельный господинъ (напр. «Новое семейство», «Приказчикъ», «Милозоръ и Прелеста», «Деревенскій праздникъ», и др.). Если господинъ самъ влюбляется въ рабу, то или раба, по счастью, оказывается, въ концѣ концовъ дворянкой («Анюта»), или онъ самъ не зналъ, когда влюблялся, что онъ дворянинъ («Милозоръ и Прелеста»), или у него оказывается счастливый соперникъ — крестьянинъ, которому онъ великодушно уступаетъ возлюбленную (Замиръ въ «Добрыхъ солдатахъ»). Только однажды авторъ пьесы рѣшается создать довольно реалистическую

обстановку: помещикъ беретъ крестьянку силой и создаетъ этимъ настроеніе, очень напоминающее то, которое описалъ Радищевъ въ известномъ разсказѣ объ убійствѣ крестьянами ассессора и его сыновей. Крестьяне даже хотятъ «жаловаться царицѣ», которая имъ «тоже мать». Но въ послѣдній моментъ, и тутъ дѣло кончается благополучно: помещикъ уступаетъ, кается и соединяетъ влюбленную парочку (Щедровъ въ «Розанѣ и Любимѣ»). Немудрено, что чуть не всѣ эти пьесы кончаются и начинаются славословіемъ помещику. «Попеченіе о хозяйствѣ» для крестьянъ «одна забава» («Новое семейство»). «Жизнью мы довольны, не худъ для насъ свѣтъ» («Розанъ и Любима»). «Въ нашемъ краю не знаемъ печали, помещикъ не давить работою насъ: мы любимъ сердешно его, какъ отца; плѣнили себѣ вѣчно наши сердца» («Матросскія шутки»). «Мы живемъ въ счастливой долѣ, работая всякій часъ; жизнь свою проводимъ въ полѣ, — и проводимъ, веселясь: мы всегда своею судьбою всѣ довольны, и тобою; лошадей, коровъ, овецъ много мы имѣемъ въ полѣ и живемъ по нашей волѣ: ты намъ баринъ и отецъ. Мы руками работаемъ — и за долгъ себѣ считаемъ быть въ работѣ таковой. Давъ оброкъ, съ насъ положенной, въ жизни мы живемъ блаженной за господской головой». Баринъ тоже поетъ: «Коль крестьяне мной довольны — самъ собой доволенъ я. Коль они богаты, вольны, — въ томъ утѣха вся моя» («Деревенскій праздникъ»). Естественно, крестьянамъ остается только припѣвать хоромъ: «Будемъ вѣчно прославляти господина своего: онъ насъ станетъ защищать: мы помремъ всѣ за него».

Такова «народность» или, лучше сказать, *этнографическое народолюбіе* тогдашняго театра, прикрывавшее красивой декорацией въ господствующемъ вкусѣ коренной соціальный вопросъ русской жизни, настойчиво ставившійся на очередь только что народившейся русской публицистикой.

Если перейдемъ отъ «комической оперы» къ другому національному продукту русской сцены, къ комедіи нравовъ, то и здѣсь найдемъ гораздо болѣе пунктовъ разногласія, чѣмъ точекъ соприкосновенія между сценой и передовой публицистикой. Въ общемъ, можно сказать, что сцена овладѣваетъ давнишними темами русской сатиры: но она разрабатываетъ эти темы въ совершенно иномъ направленіи. Мы видѣли, что нападки передовой публицистики на подражаніе за-границѣ, хотя и соприкасались съ націоналистическими теченіями въ самой жизни, но тѣмъ не менѣе постоянно сопровождалась особымъ оттенкомъ. Это были нападки на тотъ соціальный строй, въ ко-

торомъ заимствованія принимали каррикатурный и уродливый характеръ. Никогда эта публицистика не позволяла себѣ указывать на темныя стороны самой западной жизни *для того, что бы отрав-
дать* темныя явленія у насъ или ослабить производимое ими впечатлѣніе. Стоило отбросить или затушевать эту разграничительную черту, — и критика дворянской искусственно-подражательной культуры обращалась въ злорадный смѣхъ надъ западничествомъ вообще; особенно, если къ обѣимъ отмѣченнымъ чертамъ присоединялась третья: недовѣріе къ самому источнику западнаго прогресса, — къ наукѣ. Всѣ эти типическія особенности націоналистическаго отношенія къ западной культурѣ, — особенности, совершенно отсутствующія въ передовой публицистикѣ, — мы въ изобиліи встрѣтимъ на русской сценѣ.

Персонажи русской комедіи рѣзко дѣлятся на двѣ категоріи: типы отрицательные и типы положительные. Въ категорію отрицательныхъ типовъ безусловно заносятся *все* иностранцы, появляющіеся на сценѣ. Это исключительно плуты, авантюристы и эксплуататоры. Оставляя ихъ въ сторонѣ, находимъ двѣ разновидности отрицательнаго типа, иногда сливающіяся между собою. Это или *злой* по натурѣ, неисправимый интриганъ, котораго авторъ клеймитъ самымъ названіемъ (Злорадовъ, Злотворъ, Змѣядъ, Ядонъ и т. д.) и котораго неизмѣнно караетъ въ концѣ пьесы, часто при помощи полиціи и властей. Или же это *жертва*, человекъ по природѣ не дурной, но испорченный «обращеніемъ съ порочными людьми». Погнавшись за модой и за свѣтскимъ лоскомъ, онъ попадаетъ въ дурную компанію, которая его обираетъ, заставляетъ продать деревню и надѣлать долговъ, а потомъ — или бросаетъ на произволъ судьбы, если онъ человекъ простодушный и ограниченный, или же, что гораздо рѣже, принимаетъ его въ свой кругъ ловкихъ плутовъ и пройдохъ *). Брошенный старыми пріятелями, онъ иногда находитъ въ себѣ силу раскаяться и подчиниться вліянію людей добродѣтельныхъ **).

Мы поймемъ теперь тенденцію этой комедіи, если скажемъ, что все, что портитъ людей, что отличаетъ дурную компанію отъ хорошей, плута отъ честнаго человека и негодяя отъ героя добродѣтели — все это, за немногими исключеніями злодѣевъ отъ природы, сводится къ

---

*) Всего полнѣе и ярче эта метаморфоза описана въ комедіи «Перемѣна въ нравахъ»; затѣмъ «Воспитаніе», «Свадьба г. Промоталова» и др.

**) Напр. Добросердовъ («Мотъ, любовью направленный»), Богатовъ («Перемѣна въ нравахъ»), Постояновъ («Награжденіе добродѣтели»).

французскому воспитанию или вліянiю французскихъ нравовъ. Въ этой галлерей типовъ мы встрѣчаемъ декадента-риомача Модстриха («Самолюбивый стихотворецъ»); копiи съ фонвизинскаго «Иванушки»: Франколюба («Русскій парижанецъ») и Махалова (отъ моднаго глагола «махаться» = волочиться, въ «Воспитанiи»); петиметра съ хлестаковскимъ отбѣнкомъ (Верхолеть въ «Хвастунѣ»), петиметра-нижона, затверживающаго со словъ своего наставника, что «добродѣтель, вѣра, законъ суть предразсудки», и «ни добра, ни зла нѣтъ» на свѣтѣ (Пустонъ въ «Злоумномъ»); петиметра-плута, Промоталова, «придворнаго человѣка», снисходящаго до женитьбы на богатой деревенщицѣ («Свадьба г. Промоталова»); петиметровъ-*parvenus*, кушцовъ и мѣщанъ въ дворянствѣ, улавливаемыхъ пройдохами на удочку тщеславія и безцеремонно обираемыхъ (Богатовъ въ «Перемѣнѣ въ нравахъ»; Глупонъ въ «Обманѣ за обманъ»); цѣлую серію соотвѣтствующихъ женскихъ типовъ — «щеголихъ» русской сатиры (Легкомысла, Вѣтромысла, Вѣтродумова, Жеманиха и т. д.). Передъ типами сатирическихъ журналовъ всѣ эти фигуры, несомнѣнно, представляютъ нѣкоторое преимущество жизненности, такъ какъ сцена поневолѣ переноситъ ихъ въ ихъ реальную обстановку — русской помѣщичьей жизни. Что въ этой обстановкѣ эти типы не были рѣдкостью, — это доказывается тѣмъ, что вопросъ о сыновьяхъ-мотахъ и петиметрахъ, живущихъ не по средствамъ и пускающихъ на вѣтеръ наслѣдственное состояніе, поднять былъ и серьезно обсуждался, какъ одинъ изъ самыхъ жизненныхъ и больныхъ вопросовъ въ засѣданiяхъ самой екатерининской комиссіи. Согласно съ депутатами, и русская сцена возлагаетъ на отвѣтственность этой золотой молодежи отягощеніе крестьянъ непосильными оброками и поборами. Для такого важнаго случая она даже рѣшается приподнять край завѣсы, скрывающей отъ театральной публики деревенскую дѣйствительность. Но вся вина и тутъ падаетъ на дурное французское воспитаніе. Сцена и въ этомъ случаѣ отвлекаетъ вниманіе своей публики отъ болѣе глубокаго объясненiя, — опять-таки, изъ страха встрѣтиться при такомъ объясненiи съ тѣмъ же грознымъ и тщательно замалчиваемымъ социальнымъ вопросомъ.

Но взглянемъ на *положительные* типы русской комедiи. Въ ихъ ряду мы, прежде всего, тщетно стали бы искать представителей какого-нибудь изъ передовыхъ интеллигентныхъ теченiй, о которыхъ шла рѣчь выше. Если комедiя изображаетъ литератора, то это «самолюбивый стихотворецъ», равняющій себя съ Вольтеромъ. Если она изображаетъ «безбожника», утверждающаго, что лишь «суевѣріе мѣ-

шаетъ намъ дать волю сердцу», то это извергъ и злодѣй, котораго въ буквальный смыслъ Богъ убиваетъ громомъ въ концѣ пьесы. Если выводится на сцену масонъ, то это — по примѣру Екатерины — или обманщикъ Хитроумъ, или обманутый Леговѣрь, и бесѣда ихъ съ духами оказывается мошеннической продѣлкой въ стилѣ Калиостро и Калифалкжерстона («Мнимый мудрецъ»). Разъ, правда, пьеса заступаетъ за «мартинистовъ» и обвиняетъ петиметровъ въ разнесеніи ложныхъ слуховъ о нихъ по гостинымъ. Но это единственное исключеніе: притомъ же авторъ не рѣшается идти дальше общаго опроверженія.

Оставляя передовыя теченія въ сторонѣ, мы находимъ, что положительные типы комедіи относятся къ одной изъ двухъ категорій. Во-первыхъ, это *резонеръ* пьесы, старшій годами, отецъ или дядюшка; во-вторыхъ, покровительствуемые имъ молодые влюбленные, которыхъ онъ ведетъ къ благополучному браку. Связь между обоими разновидностями вполне естественная, такъ какъ и всѣ расужденія благороднаго отца или дядюшки не идутъ дальше круга личной морали, — дальше того, что способствуетъ выясненію добродѣтелей жениха и невесты и устанавливаетъ кодексъ ихъ жизни. Всѣ многочисленныя копія того и другого типа, какъ бы они ни назывались *), какъ двѣ капли воды напоминаютъ хорошо извѣстныя блѣдныя фигуры благородныхъ резонеровъ и добродѣтельныхъ влюбленныхъ фонвизинскихъ комедій. Они говорятъ общими мѣстами тогдашняго просвѣщенія. Но, вглядываясь въ эти общія мѣста, мы не найдемъ между ними ряда общихъ мѣстъ интеллигентской публицистики. А въ томъ, что найдемъ, мы встрѣтимъ и кое-что несовмѣстимое съ взглядами передовыхъ круговъ. Напримѣръ, всѣ передовыя теченія одинаково настаивали на значеніи разума для «истинной» морали, — морали самопознанія. «Предразсудки», съ этой точки зрѣнія, являлись главнымъ и злѣйшимъ врагомъ «добродѣтели». Нельзя, конечно, сказать, чтобъ и комедія высказывалась противъ «разума» и защищала «предразсужденіе». Но предразсудковъ она опасается *меньше*, чѣмъ разума, и «добродѣтель» въ комедіи чаще и легче мирится съ предразсудками, чѣмъ съ разумомъ. «Искореня предразсудки», мы «воротимъ съ корня» и добродѣтель: этотъ откровенный тезисъ фонви-

---

*) Для типа резонера: Правдолюбовъ, Праводумъ, Добромысль, Прямыкинъ, Чеснодумъ, Доброправовъ, Милосердовъ, Честонъ, Правомысль, Благоразумъ, Здравомысль и т. д. Для любовниковъ: Доблестинъ, Достойновъ, Благоразумовъ, Здравомысловъ, Чеснодумъ, Честанъ и т. д.

инескаго резонера составляет заднюю мысль всѣхъ нашихъ тогдашнихъ драматурговъ. Вотъ почему такіе типы, какъ Афросинья Сысоевна въ «Такъ должно» или Русалей въ «Русскомъ Парижанцѣ», несмотря на всѣ свои «предразсужденія», вѣру въ чертей и въ примѣты, вызываютъ симпатію авторовъ и рисуются, въ противовѣсъ всякимъ «франколюбамъ», какъ типы положительные, хотя первая при всемъ этомъ сильно смахиваетъ на Простакову, а второй — на Скопинина. Все это извиняется имъ потому, что всѣ «качества» ихъ «суть русака прямого». А суевѣріе извинительно, *потому что* оно есть и въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ:

«За суевѣріе какъ дѣлать намъ упреки,
Когда во Франціи лились кровавы рѣки?..
Вѣрь, какъ бы ни была страна просвѣщена,
Ума народнаго — не важная цѣна.
Къ предразсужденію — во Лондонѣ, въ Парижѣ
Народъ иль болѣе, или хоть менѣ — ближе.

Выводъ получается очень близкій къ тому, какой мы встрѣчали въ «Всякой Всячинѣ». Достоинства «русака» сугъ его собственные, а недостатки — общи ему съ другими народами.

Естественно, что резонеръ русской комедіи ищетъ этихъ достоинствъ «прямого русака *) тамъ, куда еще не проникли космополитическіе пороки: въ *деревню*, которой противопоставляется *городъ*. Конечно, «люди деревенскіе — простого воспитанія: любятъ безъ нужности, изъясняются грубо, говорятъ просто». Но зато «городская жизнь помрачаетъ всѣ добродѣтели. Нѣтъ ни праводушія, ни искренности: вездѣ лукавство и обманъ». «Они (т. е. городскіе и придворные) люди лукавые, а мы (деревенскіе дворяне) чистосердечны; они любятъ роскоши, мотовство, праздную жизнь, а мы — постоянство, умѣренность и труды, они пренебрегаютъ нами и считаютъ, что крестьянинъ самая послѣдняя тварь на свѣтѣ, крестьянинъ съ себя хоть кожу продай, да оброкъ заплати, а мы крестьянъ любимъ и считаемъ ихъ себѣ товарищами, бережемъ ихъ, какъ глаза» (Свадьба г. Промоталова). Мы знаемъ, что и передовая публицистика къ «придворнымъ господамъ» относится вовсе не сочувственно; деревенской про-

---

* Въ «Русскомъ Парижанцѣ», изъ котораго взята и приведенная въ текстѣ цитата, эти достоинства перечислены такъ: «Онъ честенъ, справедливъ, незлобивъ, милосердъ, хорошій братъ, сынъ, другъ, во обѣщаньяхъ твердъ».

стотой нравовъ умиляется еще и Радищевъ. Но, конечно, передовой интеллигенціи не пришло бы въ голову свести вопросъ о значеніи просвѣщенія къ полемикѣ между городомъ и деревней. И еще труднѣе было бы для нея такъ фальшиво идеализировать отношеніе къ крестьянамъ мелкихъ дворянъ-хозяевъ сравнительно съ крупными помещиками-абсентеистами, какъ это сдѣлано, наперекоръ фактамъ, въ приведенной цитатѣ.

Расходятся съ передовыми кружками и взгляды резонеровъ комедіи на кодексъ жизненныхъ правилъ. Первое и главное, что подчеркивается въ этомъ отношеніи, — это крѣпость деревенской дворянской семьи въ противоположность какъ моднымъ взглядамъ на бракъ *), такъ и тому несомнѣнному «поврежденію нравовъ», которое такъ краснорѣчиво описано кн. Щербатовымъ. Въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ влюбленные не рѣшаются пойти противъ воли родителей (напр., Глафира въ Именинникахъ; Пріята въ Неизвестникѣ и т. д.). Если одинъ разъ резонеръ комедіи (Праводумъ въ «Злоумномъ») и увлекается до того, что развиваетъ передъ матерью теорію, близко напоминающую радищевскую**), и предлагаетъ влюбленному жениться увозомъ, то это лишь для того, чтобы рѣзче характеризовать злонаправленіе матери и «добродѣтель» влюбленного, который стоитъ на своемъ, находитъ, что «ни честь, ни разсужденіе, ни любовь не позволяютъ сдѣлать такого поступка». Что касается общественной дѣятельности, — для резонера она сводится къ «службѣ». Общественную дѣятельность внѣ службы ему такъ же трудно представить себѣ, какъ большинству депутатовъ екатерининской Комиссіи. Изъ «Путешествія» Радищева извѣстно, съ какой осторожностью относились къ «службѣ» своихъ дѣтей передовые люди вѣка. И если даже они принимались серьезно думать о службѣ, имъ — начиная съ Татищева — всегда рисовалась служба *гражданская*, какъ наиболѣе подходящая для интеллигентнаго человека. Резонеру русской комедіи Екатерина не могла бы сдѣлать тѣхъ упрековъ за подобные взгляды на службу, какіе она сдѣлала Радищеву. Конечно, резонеръ цѣнитъ на службѣ не *чинъ*, какъ петиметры, а самую дѣятельность,

---

**) «...Жена!.. Какъ это дроль! Жена и мужъ!.. Смѣшна... смѣшна обоимъ роль», повторяетъ Модстрихъ въ Самолюбивомъ стихотворцѣ общее мѣсто русской сатиры на петиметровъ.

*) «Кто далъ право отцамъ и матерямъ требовать отъ дѣтей своихъ, чтобы они мыслили, чувствовали и желали такъ, какъ мыслятъ, чувствуютъ и желаютъ они?... и т. д.

возможность быть полезнымъ. Но для него самая эта возможность не подлежитъ сомнѣнію, и особенной его симпатіей, какъ «прямого русака», пользуется служба *военная*. Сообразно съ этой цѣлью жизни онъ смотритъ и на воспитаніе. Онъ нисколько не отрицаетъ значенія заграничной поѣздки для воспитательныхъ цѣлей. Онъ даже начерчиваетъ для такой поѣздки серьезную программу: знакомство съ внутреннимъ строемъ чужой страны, съ ея производительными силами, съ бытомъ сословій, съ политикой и современными событіями. Экзаменуя вернувшагося изъ-за границы петиметра, одинъ изъ этихъ резонеровъ (Добромысль въ «Воспитаніи») даже ставитъ ему такой вопросъ, который вѣнору было бы поставить Радищеву. «Какъ вы тамъ находились во время самыхъ важныхъ и знаменитыхъ происшествій, а именно, когда парламенты перемѣнены (ср. стр. 445, 454), то уже легко вамъ было открывать побудительныя тому причины и разбѣрять, что въ старомъ было порочнаго и что въ новомъ находится полезнаго?» Но такому «разбѣору» самъ же этотъ резонеръ ставитъ довольно узкія рамки. По словамъ его дочери, «дѣльныя его размышленія не суть дерзновенныя критики на дѣла правительства, конхъ причины, намѣренія и основанія и самыя обстоятельства рѣдко намъ бывають извѣстны; такихъ критиковъ онъ самъ ненавидитъ и отъ нихъ удаляется». Паравиъ съ внутренней политикой интересъ резонера направленъ и къ виѣшней. Спросивъ петиметра о политической борьбѣ во Франціи, онъ переходитъ къ славѣ русскаго оружія за границей, къ толкамъ о томъ «шумѣ», который надѣлало въ Парижѣ имя Румянцева, и о томъ, какъ «гремѣло» тамъ имя Орлова, — того Орлова, который «турецкій флотъ истребилъ, Константинополь потрясъ и россійскій флагъ даже въ египетскихъ водахъ почитать заставилъ». Мы знаемъ, что русскіе интеллигенты новиковскаго и лейпцигскаго кружковъ одинаково смотрѣли на войну, какъ на убійство, и на завоевательную политику, какъ на пресутыленіе передъ «человѣчествомъ». Но большая публика театра была не ихъ публикой, а публикой, для которой дѣйствовала Екатерина.

Впечатлѣнія, какихъ ожидаетъ русскій резонеръ отъ заграничнаго путешествія, заранѣе опредѣляются и предрѣшаются тѣмъ скептическимъ отношеніемъ къ европейской жизни, примѣръ котораго мы уже видѣли. Русскій туристъ этого типа — себѣ на умѣ; его не проведешь. Онъ твердо помнитъ ту аксіому, «что глупость есть своя у каждаго народа». И очутясь за границей, онъ будетъ искать тамъ, прежде всего, не ума, а этой самой «глупости», этой оборотной медали европейской жизни. Попавъ въ Лейпцигъ, — въ тотъ самый Лейп-

цигъ, изъ котораго Радищевъ и его товарищи вынесли такое богатство идей и впечатлѣній, онъ презрительно будетъ острить: «Я нашелъ сей городъ наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить по-латыни, чему, однако-жъ, во времена Цицеронова умѣли и пятилѣтніе ребята; другіе, вознесясь мысленно на небеса, не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифициальную логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной; словомъ, Лейбницъ доказываетъ неоспоримо, что ученость не рождаетъ разума. Оставя сихъ педантовъ, поѣхалъ я во Франкфуртъ-на-Майнѣ» — и могъ бы ѣхать на конецъ свѣта и ничего не увидеть, не понять и не замѣтить. Если онъ пріѣдетъ хотя бы въ самый Парижъ, гдѣ въ одно время съ нимъ Гиббонъ «въ двѣ недѣли слышалъ больше дѣльныхъ разговоровъ и видѣлъ больше просвѣщенныхъ людей, чѣмъ въ двѣ-три зимы въ Лондонѣ», то и тутъ онъ найдетъ только, что «д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видѣлъ я всякій день на бульварѣ», а литераторы въ родѣ Мармонтеля и «еще нѣкоторыхъ» («я почти со всѣми познакомился»), — просто паразиты, которые ходятъ къ нему въ домъ, потому что онъ «ѣздитъ въ каретѣ» и кормитъ ихъ обѣдами. Нельзя не припомнить по этому поводу остроумнаго афоризма того же сама туриста: «Кто самъ въ себѣ ресурсовъ не имѣетъ, тотъ въ Парижѣ проживетъ, какъ въ Угличѣ». Хотя «нѣтъ ничего труднѣе, какъ чужестранцу войти въ здѣшнее общество» и хотя самъ нашъ туристъ, «по краткости времени моего здѣсь пребыванія», не могъ въ него проникнуть, тѣмъ не менѣе онъ оставляетъ Францію въ увѣренности, что «нашелъ доброе въ гораздо меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ». Раскритиковавъ Францію по французской же книжкѣ, онъ рѣшаетъ окончательно, «что всѣ рассказы о здѣшнемъ совершенствѣ сушая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, что въ нашемъ отечествѣ можно быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ», а что Парижъ для туриста «есть истинная зараза, которая, хотя молодого человѣка не умерщвляетъ физически, но дѣлаетъ его навѣки шалуномъ и ни къ чему неспособнымъ — вопреки тому, какъ его сдѣлала природа и какимъ бы онъ могъ быть, не ѣздя во Францію». Все это — уже не разсужденія резонера изъ русской окмедіи: это выписки изъ заграничныхъ писемъ Фонвизина. Но большой разницы между тѣмъ и другимъ мы не найдемъ: резонеры комедіи даже выражаются обыкновен-

но осторожнѣе. Можно, конечно, и у нихъ натолкнуться на рѣшительные выводы, въ родѣ напр., такого: «Весь плодъ науки есть сомнѣніе и недоумѣніе» («Матерняя любовь»). Фонвизинъ, какъ всегда, и здѣсь подаетъ реплику. «Вотъ каковы тѣ люди («нынѣшніе философы»), изъ которыхъ Европа многихъ считаетъ великими и которые можно сказать, всей Европѣ повернули голову!». У нашего вояжера голова на мѣстѣ, а потому онъ съ этими «великими» не церемонится. «Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойною быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій, и почему признаніе бытія Божія мѣшаетъ человѣку быть добродѣтельнымъ? Но надлежитъ только взглянуть на самихъ господъ нынѣшнихъ философовъ, чтобы увидѣть, каковъ человѣкъ безъ религіи!»

Не будемъ продолжать далѣе этихъ сопоставленій между сценическими типами, типами дѣйствительности и взглядами передовой русской интеллигенціи. Сказаннаго достаточно, чтобы характеризовать настроеніе той значительной по количеству общественной среды, къ которой обращалась театральная пьеса. Эта среда была, какъ мы видимъ, несравненно доступнѣе для распространенія націоналистическихъ тенденцій, чѣмъ новѣйшихъ идей, философскихъ и политическихъ. И однако же, передовые вожди общественнаго мнѣнія предпочитали давать эти идеи, на которыя не было спроса въ широкой публикѣ, и не давали того, что этой публикѣ требовалось: не давали націоналистической теоріи. Такъ какъ *теоретиками* только и были одни они, и такъ какъ націоналистическое теченіе, въ сущности, довольствовалось однимъ *настроеніемъ*, то довольно понятно, почему XVIII-й вѣкъ такъ и не создалъ никакой стройной теоріи русскаго націонализма. Однако же, попытки націоналистическихъ разсужденій были. Нужда въ нихъ стала особенно сильно чувствоваться, когда критическое общественное мнѣніе было принуждено умолкнуть. Необходимо, поэтому, остановиться и на нихъ, чтобы исчерпать всѣ главныя теченія общественной мысли екатерининскаго времени.

Для націоналистическаго настроенія болѣе, чѣмъ для какого-либо другого, — и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше, — сама Екатерина даетъ тонъ и выраженіе. Съ самаго своего появленія въ Россіи, съ ревностью иностранки, рѣшившей во что бы то ни стало сдѣлаться русскою и спѣшившей перенять для этого всѣ тонкости чуждаго ей народнаго быта, Екатерина увлеклась тѣмъ, что мы называли этнографическимъ народолобіемъ. До конца жизни она писала безъ всякихъ правилъ орфографіи и путала русскіе падежи; но русскія пословицы,

русскія повѣрія, обычаи, предразсудки она считала себя знающей въ совершенствѣ. Создавшійся такимъ образомъ интересъ къ этнографической старинѣ возрасталъ, но мѣръ того, какъ падало уваженіе и довѣріе къ «моднымъ философамъ». Въ самый разгаръ сильныхъ впечатлѣній французской революціи Екатерина углубилась окончательно въ русскую исторію и демонстративно заявляла, что не читаетъ больше ничего, кромѣ лѣтописей. На тотъ же путь историческаго націонализма толкала ее и виѣшняя политика. Начиная съ польскихъ раздѣловъ и кончая знаменитымъ «греческимъ проектомъ», Екатерина тутъ лишь примѣняла и развивала дальше традиціонную русскую націоналистическую теорію «панрусизма» и «панславизма». Задолго до русскихъ историковъ - націоналистовъ XIX-го вѣка она пишетъ Гримму, что «скоро докажетъ, что древніе славяне дали свои названія большинству рѣкъ, горъ, долинъ и урочищъ во Франціи, Шотландіи и въ другихъ мѣстахъ». Нѣсколько недѣль спустя она уже увѣрена, что салическій законъ есть славянскій, Хлодвигъ и Меровинги тоже славяне (Людвигъ = людъ + двигъ), Хильперикъ лишился трона потому, что хотѣлъ внести въ римскій алфавитъ три славянскихъ буквы (х, ч. и пси), и недаромъ французскіе короли приносятъ въ Реймсѣ присягу надъ славянскимъ евангеліемъ. Эти смѣлыя гипотезы Екатерина оставляла, правда, про себя. Но она громко высказывала и крѣпко держалась за другой свой историческій выводъ, именно, что «въ теченіе слишкомъ семисотъ, лѣтъ, т. е. до смерти царя Оеодора Іоанновича, Россія управлялась имѣла приблизительно тѣ же права, шла тѣмъ же путемъ и находилась почти на одномъ уровнѣ, какъ и всѣ государства Европы. Только смуты передъ воцареніемъ Петра немножко задержали ее назадъ. Но законодательство Екатерины поможетъ быстро наверстать потерянное.

Для официальнаго или офиціознаго націонализма екатерининской эпохи очень характерна эта постановка вопроса. Екатерина не рѣшалась идти такъ далеко, какъ уже пошелъ Фонвизинъ, и утверждать, что за границей «во всемъ генерально хуже нашего», а «у насъ *все лучше*, и мы больше люди, нежели нѣмцы». Она довольствовалась защитой болѣе скромной позиціи, — что у насъ *не хуже*, или, по крайней мѣрѣ, что за границей *такъ же* худо, какъ у насъ. Эту позицію она заняла уже въ своемъ «Антидотѣ», опроверженіи книги о Россіи аббата Шанпа (1770). Здѣсь уже формулированъ извѣстный намъ тезисъ: «въ какой странѣ люди — не люди?»; «въ Россіи люди такіе же, какъ и повсюду»; «ни вполнѣ хороши, ни вполнѣ дурны: такое среднее состояніе — въ природѣ вещей и существуетъ у всѣхъ наро-

довъ, ибо человекъ всегда приблизительно одинаковъ, подь какимъ бы небомъ онъ ни родился». Къ этой безспорной аксіомѣ примыкаетъ далеко не безспорный уже выводъ: «русскій народъ стоитъ приблизительно въ уровень съ остальными народами Европы». Всѣ дальнѣйшія доказательства относятся не къ первому, а къ послѣднему тезису. Методъ доказательства состоитъ или въ отрицаніи фактовъ, доказывающихъ низкую степень развитія Россіи, или въ ссылкахъ на подобныя же факты на Западѣ, или, наконецъ, — изрѣдка — въ утвержденіи, что хотя данный фактъ и вѣренъ, но онъ быстро отходитъ въ прошлое, подь вліяніемъ законодательныхъ усилій Екатерины. Русскія избы воняють, но «поѣзжайте, г. аббатъ, въ Вестфалію: тамъ услышите и не такіе запахи». Биронъ былъ плохъ, но не лучше и «правленіе хваленаго кардинала Ришелье». Тайная канцелярія — не хороша: но она «сдѣлалась ненужной» и «упраздняется», а «Бастилія еще существуетъ». Впрочемъ, примѣры этого рода можно найти въ изобиліи на всякой страницѣ «Антидота». Не останавливаясь на нихъ, замѣтимъ еще, что Екатерина не ограничивается защитой выбранной позиціи. Отъ обороны она переходитъ въ наступленіе. «Русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и обезпеченнѣе, чѣмъ французскіе крестьяне». «Наши чиновники и на сотую долю не такіе тираны, какъ чиновники французскаго короля». Мало есть государствъ, въ которыхъ бы законъ уважался бы такъ, какъ у насъ». «Нѣтъ страны, въ которой жизнь и имущество подданныхъ были бы ограждены большими формальностями, чѣмъ въ Россіи». «Наши законы — самые простые въ Европѣ и во многомъ самые ясные и разумные». «Граждане — наименѣе стѣснены, наименѣе подвержены мелочнымъ придиркамъ». «Какой современный народъ можетъ похвастаться, что въ цѣломъ своемъ составѣ былъ призванъ къ составленію своихъ законовъ?» «Всей Европой признано, что нѣтъ народа болѣе сильнаго и болѣе неутомимаго». «Общезвѣстно, что нѣтъ народа болѣе работающаго». Не признавать всего этого можетъ только «предубѣжденіе и предразсудокъ»: еще чаще Екатерина говоритъ: зависть и злоба. «Враги русской славы стараются изобразить Россію такою, какою они желали бы, чтобы была эта страна, но не такою, какою она есть, то-есть цвѣтущею и сильною». Вотъ источникъ всѣхъ «клеветъ» иностранцевъ противъ Россіи.

Отвлекаемая другими дѣлами и мыслями, — въ томъ числѣ либеральными, Екатерина не занялась систематизаціей своихъ націоналистическихъ взглядовъ и не пробовала привести ихъ въ согласіе съ остальнымъ составомъ своего умственного багажа. Но она нѣ-

сколько разъ пробовала поставить эту задачу другимъ лицамъ, которыхъ поочередно приближала къ себѣ. Мы видѣли, что одно время она намѣчала для этой цѣли Новикова и готова была помогать ему матеріалами и деньгами, только бы онъ нашелъ въ историческихъ рукописяхъ древнія русскія добродѣтели. Мы знаемъ, что Новиковъ, послѣ первыхъ нерѣшительныхъ попытокъ, отказался отъ безнадежной и слишкомъ противорѣчившей его собственнымъ цѣлямъ и взглядамъ задачи — найти въ исторіи подтвержденіе націоналистическимъ взглядамъ. Нѣсколько раньше Новикова Екатерина обратилась для той же цѣли, — хотя и не такъ рѣзко поставленной тогда, къ кн. Щербатову. Этотъ выборъ былъ немногимъ удачнѣе. И Щербатову помѣшала создать цѣльную націоналистическую теорію — та же причина, какъ самой Екатерины: онъ слишкомъ проникнуть былъ непригодными для этой теоріи и противорѣчившими ей рационалистическими взглядами.

Взгляды Щербатова эволюціонировали, и надо различать Щербатова въ годы приближенія къ Екатерине отъ того же кн. Щербатова годовъ взаимнаго недовольства и раздраженія. Щербатовъ перваго періода держится деистическихъ взглядовъ на религію и вмѣстѣ съ Екатериной (см. тотъ же «Атидотъ») раздѣляетъ теорію монархіи, ограниченной закономъ. Щербатовъ въ оппозиціи остается, правда, деистомъ въ теоріи, но на практикѣ все больше и больше подчеркиваетъ свою приверженность къ традиціонной вѣрѣ въ *противоположность* безвѣрію и вольтеріанству Екатерины. Онъ обнаруживаетъ все болѣе рѣзкія симпатіи къ аристократической идеѣ въ *противоположность даже* тѣмъ льготамъ, которыя Екатерина дала дворянству и которыя кажутся ему недостаточными, а подчасъ и оскорбительными. Щербатовъ первыхъ годовъ былъ полонъ вѣры въ предстоящее «смягченіе нравовъ» путемъ рациональнаго законодательства. Щербатовъ послѣдняго времени говоритъ уже только о «поврежденіи нравовъ» и ядовито констатируетъ полное фіаско просвѣщеннаго абсолютизма. Строить систему изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ — значило бы идти дальше самого Щербатова. Но нельзя не указать на двѣ-три идеи, которыя онъ развилъ полнѣе своихъ современниковъ по теоріи націонализма.

Во-первыхъ, это извѣстная намъ идея, что религія падаетъ вмѣстѣ съ предрассудками, нравственность вмѣстѣ съ религіей, и, слѣдовательно, — просвѣщеніе портитъ нравы. У Щербатова на этой идеѣ построена цѣлая историческая система. Исходный пунктъ ея — идеализація допетровской старины, въ смыслѣ цѣльности и чистоты

правовъ. Результатъ историческаго процесса — упадокъ вѣры и правовъ, безвѣріе и развратъ — особенно тотъ развратъ и распущенность въ семейной и личной жизни, на которые такъ часто нападала комедія. Причина процесса: вторженіе иноземной виѣшней культуры, — роскоши и извѣженности. Описательная сторона у Щербатова, какъ мы имѣли случай видѣть, вѣрна и поучительна. Но его объясненія — почти исключительно моралистическія — поверхностны и мелки. Большею частью они не идутъ дальше самаго описанія. Самое глубокое изъ его наблюденій, — наблюденіе надъ характеромъ русской вѣры (стр. 259), сдѣлано какъ бы нечаянно. Оно до такой степени не вяжется съ другими частями его міровоззрѣнія, что самъ онъ, вмѣсто логическаго, казалось бы, требованія — усилить самостоятельность и внутреннее значеніе вѣры — проектируетъ, въ концѣ концовъ, рядъ такихъ крутыхъ, чисто государственныхъ мѣръ для установленія единства вѣры въ Россіи, которыя напоминаютъ Посошкова. Какъ онъ миритъ свой государственный взглядъ на вѣру, какъ на орудіе «здравой политики», съ своимъ же историческимъ объясненіемъ, по которому и самое «поврежденіе правовъ» есть именно слѣдствіе такого, т. е. государственнаго характера вѣры, это остается его секретомъ. Во всякомъ случаѣ, при такомъ несогласіи съ самимъ собой, онъ очевидно, не могъ сдѣлать вѣру, т. е. русскую форму вѣры, основой какой-либо націоналистической теоріи. Точно такъ же, онъ не могъ положить въ основу націоналистической конструкціи и русскую форму государства; ибо тутъ отъ заимствованной изъ Монтескье вражды къ «деспотичеству» онъ сразу перешелъ къ совершенно личной ненависти къ режиму, прикрывавшемуся законностью. Его идеаломъ была вначалѣ сословно-конституціонная монархія Монтескье. Позднѣе, онъ переноситъ свои симпатіи отчасти на старый шведскій порядокъ, въ которомъ дворянскій элементъ былъ еще сильнѣе, аристократичнѣе и сплоченнѣе, а монархическій слабѣе, чѣмъ въ старой Франціи. Такимъ образомъ, ни «православіе», ни «самодержавіе» не могли играть роли основныхъ элементовъ въ націоналистической теоріи Щербатова. Немудрено, что однихъ симпатій къ старинѣ и къ мнимой плѣльности тогдашнихъ правовъ оказалось недостаточно, и націоналистическая теорія осталась не построенной.

Раньше, чѣмъ все это могло выясниться окончательно, Екатеринѣ стало ясно, что Щербатовъ для нея, при всѣхъ своихъ консервативныхъ тенденціяхъ, слишкомъ либераленъ. Вѣроятно же всего, что это и было главной причиной ея охлажденія. Любимцемъ и помощникомъ въ собственныхъ историческихъ работахъ является теперь

для Екатерины Болтинъ, который начинаетъ свою литературную карьеру написаннымъ по заказу Потемкина и напечатаннымъ на средства императрицы двухтомнымъ памфлетомъ противъ новой «клеветы» на Россію Француза Леклерка. Продолжаетъ онъ рѣзкой и безперемонной полемикой противъ Щербатова, долженствовавшей окончательно убѣдить Екатерину, что у стараго ея любимца голова не совѣтъ въ порядкѣ, а на новаго можно положиться вполне.

Нападеніе на Леклерка было новымъ «Антидотомъ». Но націоналистическая теорія въ этомъ произведеніи Болтина дѣлала новый и крупный шагъ впередъ. Болтинъ вполне принималъ исходную аксіому Екатерины, что люди вездѣ люди, что добродѣтели и пороки есть у всѣхъ народовъ. Онъ вполне усвоилъ также и ея способъ аргументаціи: у насъ не хуже, а за границей не лучше нашего. Но другое основное ея положеніе, — что у насъ все, болѣе или менѣе одинаково и что мы стоимъ «приблизительно» на той же ступени, какъ Европа, — это положеніе Болтинъ рѣшительно отвергнулъ. Екатерина въ «Антидотѣ» очень раздраженно полемизировала противъ замѣчанія аббата Шанна, что «недостатокъ таланта у русскихъ есть, повидимому, дѣйствіе почвы и климата». Болтинъ, конечно, не сомнѣвался въ талантѣ русскихъ; но онъ принялъ замѣчаніе Шанна въ той формѣ, что русскіе *дѣйствительно* отличны отъ европейцевъ, что отличіе это *дѣйствительно* объясняется разницей дѣйствія почвы и климата. Екатерина должна была почувствовать, что съ этой уступкой націоналистическая теорія гораздо болѣе выигрываетъ, чѣмъ проигрываетъ, такъ какъ она получаетъ болѣе глубокое обоснованіе, чѣмъ когда-либо прежде. Этимъ обоснованіемъ являются, въ духѣ самыхъ новѣйшихъ идей, неизмѣнные законы природы.

Теперь и защита «обычаевъ предковъ» становилась на неожиданно твердую почву. Развѣ не были эти обычаи, это старинное народное «умоначертаніе», сложившееся вѣками, — непосредственнымъ продуктомъ психофизиологическихъ вліяній, обусловленныхъ почвой и климатомъ? Измѣна этимъ правамъ, введеніе иностранныхъ обычаевъ оказывались не только чѣмъ-то дурнымъ и безнравственнымъ, а прямо — физически вреднымъ. Уничтожьте баню, — ту самую баню, надъ которой такъ издѣвался Шаппъ и которую не умѣла защитить Екатерина въ «Антидотѣ»: введите французскую кухню: и вы ослабите тѣло и испортите желудокъ: то и другое не по климату. Понятно, что при такомъ взглядѣ перемѣна народныхъ «нравовъ» и «умоначертанія» вопреки законамъ природы — часто просто даже невозможна. Такія перемѣны — дѣло вѣковъ, а не результатъ уси-

лѣй одного законодателя. Не законы вызываютъ перемѣну въ правахъ, а, наоборотъ, только перемѣна въ правахъ можетъ вызвать перемѣну въ законахъ. Этотъ тезисъ даетъ основу для оцѣнки дѣйствій отдѣльнаго законодателя, напр., реформы Петра Великаго. На немъ строитъ Болтинъ и все свое объясненіе хода русской исторіи, первое органическое объясненіе ея, хотя, конечно, черезчуръ схематическое и выѣшнее.

Если самое «единообразіе» законовъ природы неизбѣжно вызываетъ *разнообразіе* національнаго развитія каждаго народа, въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, физическихъ и историческихъ, то нѣтъ ни возможности, ни надобности гнаться за поисками *стодства* и натягивать сравненія тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ. Екатерина упорно отрицала утвержденія Шаппа, что Россія плохо населена и доказывала, что Россія въ собственномъ смыслѣ набита жителями, «какъ яйцо». Болтинъ могъ свободно признать слабую населенность Россіи и основать на этомъ важные выводы относительно ея своеобразія.

Понятно, какъ это ученіе о «мѣсторазвитіи» двигало впередъ созданіе націоналистической теоріи. И, однако, такой теоріи не создалъ и Болтинъ, — какъ онъ ни близко подходилъ иногда къ ея созданію. Почему же это такъ вышло?

Дѣло въ томъ, что Болтинъ далъ для своей теоріи слишкомъ широкое основаніе. При дальнѣйшемъ развитіи его мыслей, на его основаніи можно было построить научную теорію, но нельзя было построить націоналистической. Признавъ особенность русскаго національнаго развитія, попытавшись объяснить эту особенность условіями среды, онъ, конечно, сдѣлалъ для націоналистической теоріи очень много, — но все-таки не все, что для нея было необходимо. Его теорія объясняла очень удовлетворительно и своеобразность, и большую или меньшую устойчивость національныхъ элементовъ быта. Но она нисколько не доказывала ни ихъ полной неподвижности и неизмѣняемости, ни необходимости и возможности ихъ сохраненія при измѣнившихся условіяхъ жизни. Въ его теоріи было слишкомъ еще много эволюціоннаго элемента, чтобы основать на ней незыблемые устои. Въ частности, политическая форма быта, какъ ясно было изъ его изложенія, мѣнялась, эволюционировала на самыхъ глазахъ исторіи. Съ другой стороны, въ теоріи Болтина было слишкомъ много научнаго безразличія къ тому или другому частичному національному прогрессу, чтобы основать на ней націоналистическую теорію *превосходства* какого-нибудь одного изъ этихъ процессовъ. Она объяс-

няла *національное* въ исторіи, не давая прямыхъ поводовъ для *націоналистическаго* отношенія къ этому національному. Для того, чтобы получить настоящую *націоналистическую* теорію, нужно бы было, слѣдовательно, выбросить изъ теоріи Болтина ея эволюціонные элементы и ея научную объективность. То и другое съ успѣхомъ сдѣлала впоследствии метафизическая идея абсолютнаго «народнаго духа». Но это случилось полувѣкомъ позже. Мы еще увидимъ, какъ это произошло. XVIII-й вѣкъ, какъ мы окончательно убѣждаемся на этой, наиболѣе развитой и продуманной изъ тогдашнихъ *націоналистическихъ* теорій, не давалъ еще достаточныхъ матеріаловъ для созданія полной и законченной теоріи *націонализма**)).

Созданіе такой теоріи было дѣломъ будущаго. Ее пришлось создавать въ борьбѣ съ болѣе точно оформившейся доктриной русскаго европеизма. XVIII-й вѣкъ — и въ особенности его конецъ — положилъ только начало тому и другому теченію. Въ дальнѣйшемъ оба они настолько окрѣпли и получили настолько связанное и самостоятельное развитіе, что всего удобнѣе будетъ изучать процессъ эволюціи того и другого теченія, *націонализма* и европеизма. — каждое отдѣльно.

, О градаціи предреволюціонныхъ настроеній см. *Félix Rocquain*, *L'esprit révolutionnaire avant la Revolution 1715-1789*. Paris, 1878 (есть русскій переводъ). Вопросъ объ отношеніи Россіи къ французской революціи разсмотрѣнъ въ рядѣ интересныхъ статей *Alfred Rambaud*, въ *Revue politique et littéraire*, 1) *Paris et St.-Petersbourg à la veille de la Révolution*,

---

*) Терминъ «національный», «національность» употреблялся и употребляется мной въ безразличномъ смыслѣ: «относящійся къ націи, свойственный націи». Терминъ «націоналистическій, націонализмъ» я употребляю въ смыслѣ *terminus praegnans*: относящійся **сочувственно** къ національнымъ чертамъ, сочувственное отношеніе къ національнымъ особенностямъ. Думаю, что этого разъясненія достаточно, чтобы устранить тѣ возраженія противъ моей терминологіи, которыя предъявлялись мнѣ нѣкоторыми критиками. Источникъ возраженій, если не ошибаюсь, заключался въ желаніи сохранить терминъ «національный» для означенія **тѣхъ** изъ числа національныхъ особенностей, относительно которыхъ **сочувствіе** **законно**. Такому употребленію термина я отказываюсь слѣдовать, ибо вопросъ о предѣлахъ законнаго сочувствія не можетъ быть рѣшенъ терминологіей, а только рискуетъ быть запутанъ; самое же рѣшеніе вопроса субъективно и условно.

(2 série, t. XIV, p. 1221, 29 juin, 1878). 2) L'opinion russe et la Révolution (ib., t. XV, p. 249, 14 septembre 1878), 3) Un homme d'état russe (Семёнъ Воронцовъ) pendant la révolution française (ib., t. XVI, p. 669, 18 janvier 1879). 4) Catherine II et la révolution française. I. Le journal de Khrapoviski (ib., t. XIX, p. 361, 16 octobre, 1880). 5) Catherine II et la révolution française II. Les liberaux russes et la révolution (ib. 3-me série, t. I, p. 358). Его же. 6) La révolution française et l'aristocratie russe (Mémoire lu à l'academie des Sciences M. et P. Paris, 1878). Сочиненія Радищева, послѣ снятія запрета, печатались нѣсколько разъ. См. Полное Собраніе Сочиненій подъ ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, СПб. 1907 2 тома и другое П. С. С. подъ ред. В. В. Каллаша. М. 1907, 2 тома. «Путешествіе издано отдѣльно подъ ред. Н. П. Павлова-Сильванскаго и П. Е. Щеголева, СПб. 1905. Имѣется переводъ «Путешествія» на современный русскій языкъ, сдѣланный В. П. Недачиннымъ и изданный подъ редакціей В. Л. Бурцева, Paris, 1921. Разсказъ о Соимоновѣ см. у *Falloux*, M-me Swetchine, Paris, 1860. Новѣйшая работа принадлежитъ *Larivière*, Catherine II et la Révolution (здѣсь и библіографія). Учебные годы лейпцигскаго кружка характеризованы самимъ Радищевымъ въ его Житіи О. В. Ушакова (перепечатано П. Бартеневымъ въ сборникѣ «XVIII вѣкъ», т. II). Здѣсь же см. и критическія замѣчанія Ушакова на книгу Гельвеція. Трактатъ «о смертности и безсмертіи» изложенъ (по Собранію сочиненій Радищева) въ книгѣ проф. **Евгенія Боброва**, Философія въ Россіи вып. III, Казань. 1900. Переписка Кутузова съ московскими масонами издана въ «Русской Старинѣ», 1874, №№ 1-3. Важнѣйшія сочиненія и матеріалы о Радищевѣ: **Сухомлиновъ**, Изслѣдованія и статьи, т. I, Спб. Архивъ Воронцова, т. V (здѣсь критическія замѣчанія Екатерины, допросные пункты и отвѣты Радищева), **В. Е. Якушкинъ**, Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в. въ «Русской Старинѣ», 1882, № 9 и его же: Учебные годы Радищева въ сборникѣ «Подъ знаменемъ науки», М. 1802 и **В. А. Мякотинъ**, На зарѣ русской общественности въ его книгѣ: Изъ исторіи русскаго общества, Спб. 1902 (тамъ же см. статью о Щербатовѣ: дворянскій публицистъ екатерининской эпохи). **Н. П. Павловъ-Сильванскій** «Очерки по русской исторіи XVIII-XIX в. (перепечатка изъ Полн. Собр. Соч. Радищева), СПб. 1910, здѣсь и библіографія. О разныхъ элементахъ системы Лейбница см. *Merz, Leibnitz*, въ серіи *Philosophical Classics* ed. by W. Knight, Lond. 1884. О иностранныхъ источникахъ Радищева, кромѣ самыхъ сочиненій, цитированныхъ въ текстѣ авторовъ (с Гравесанда, Гельвеція, Гольбаха, Мендельсона, Платнера, Бонне, Галлера, Мабли) см. *W. Guerrier*, L'abbé de Mably, moraliste et politique, Paris, 1886. *I. E. Poritzky*, Lammetrie, Berlin, 1900. *G. Plekhanow* Beitrage zur

Geschichte des Materialismus (Holbach, Helvetius, Marx), Stuttgart, 1896. Offner, Die Psychologie Charles Bonnet's, Leipzig, 1893, вь Schriften der Gesellschaft fur psychologische Forschung. Новѣйшая, очень цѣнная работа о Радищевѣ принадлежитъ В. П. Семенникову: Радищевъ: Очерки и изслѣдованія, Москва-Петроградъ, 1923. Здѣсь опредѣлена дата написанія оды «Вольность», доказана принадлежность «Отрывка», напечатаннаго вь «Живописцѣ», Радищеву, разслѣдованы отношенія Радищева къ ма-сонству и т. д. Результаты этой работы введены вь текстъ настоящаго изданія. Обь отношеніи Екатерины къ революціи, кромѣ указанныхъ выше сочиненій, см. ея переписку съ Гриммомъ и дневникъ Храповицкаго. Значительная часть театральныхъ пьесъ екатерининскаго времени собрана вь «Россійскомъ Театрѣ или полномъ собраніи всѣхъ россійскихъ теат-ральныхъ сочиненій», 43 тома. Спб. 1786 и слѣд. Нѣкоторыя выдержки оттуда см. вь книгѣ Незеленова, Литературныя направленія вь екатери-нинскую эпоху. «Антидотъ» Екатерины перепечатанъ вь 4-мъ томѣ «Во-семнадцатаго вѣка» Бартенева., Чрезвычайно странное сужденіе по по-воду слѣдствія надъ Новиковымъ высказано было Я. Барковымъ вь предисловіи къ «Перепискѣ московскихъ масоновъ». Барковъ не довѣряетъ показаніямъ Новикова и раздѣляетъ чуть не всѣ подозрѣнія слѣдовате-лей. Это мнѣніе, какъ и многія утвержденія Незеленова, не заслуживаетъ даже опроверженія.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Отъ автора	5
------------------	---

О черкъ восьмой
«НАЦІОНАЛИЗМЪ И ЕВРОПЕИЗМЪ»

Введение	7 — 37
----------------	--------

Народное самосознаніе — явленіе вторичное 7 — 9. — Два оттѣнка въ пониманіи «народнаго самосознанія»: «національное» и «общественное самосознаніе» 9 — 10. — Составные элементы понятія «національности» 10 — 16. — Національность и раса. 10 — 11. — Національность и среда 11. — Національность — явленіе социальное, продуктъ психическаго взаимодействія 12 — 14. — Значеніе языка и религія въ образованіи національности 14 — 15. — Процессъ развитія національнаго самосознанія и его фазисы: самовозвеличеніе и самокритика 17 — 20. — Періоды въ развитіи русскаго общественнаго самосознанія 20 — 22. — Русское общественное самосознаніе не вытекаетъ изъ преемства удѣльно-вѣчевыхъ традицій 22 — 26. — Степень сознательности процесса образованія Московскаго государства 26 — 36.

I. Націоналистическіе идеалы органической эпохи и первыя попытки ихъ критики (XV — XVII вѣка).	38 — 156
---	-----------------

I. Образованіе націоналистической идеологіи 38 — 60. — Общій характеръ историческаго перелома въ концѣ XV вѣка 38 — 39. — Житейскіе элементы московской программы: 1) традиція скопидомства 39 — 40. — 2) Традиція «единства», превратившагося въ «объединеніе» 40 — 42. — 3) Традиція религіознаго единства 42 — 43. — Религія, какъ орудіе политики 43 — 44. — Идеологическіе элементы программы и ихъ источникъ 44 — 45. — Попытки Европы вовлечь Россію въ союзъ противъ турокъ; бракъ съ Софіей Палеологъ, новеніе идеи панруссизма 45 — 49. — Національно-

политическія стремленія южныхъ славянъ 50 — 52. — Ихъ перенесеніе на Москву 52 — 54. — Возникновеніе подъ ихъ вліяніемъ новой идеи о Москвѣ — третьемъ Римѣ и о римско-византійскомъ преемствѣ власти 55 — 59.

II. Появленіе оппозиціонной идеологій и ея судьба 61 — 86. — Источники религіознаго вольнодумства — въ еретическомъ и мистическомъ движеніи на Балканскомъ полуостровѣ и на Аѳонѣ. 61 — 64. — Нилъ Сорскій и «нестяжатели» 64 — 65. — Попытки власти воспользоваться движеніемъ для секуляризаціи духовныхъ имуществъ 65 — 67. — Второе поколѣніе «нестяжателей» компрометируетъ себя союзомъ съ политической оппозиціей 67 — 68. — Ихъ противники (Іосифъ) предлагаютъ власти теоретическую поддержку 68. — 70. — Отношеніе власти къ новому политическому классу 70 — 72. — Его оппозиція 72 — 73. — Союзъ боярства (Курбскій) съ нестяжателями и его послѣдствія 73 — 75. — Развитіе теоріи демократическаго самодержавія въ памфлетѣ Ивашки Пересвѣтова 75 — 76. — Развитіе оппозиціонной теоріи въ отвѣтъ публициста боярско-нестяжательской партіи 76 — 78. — Отголоски оппозиціонныхъ мнѣній на соборахъ середины XVI в. 78 — 80. — Соціальная оппозиція, какъ мотивъ для религіозно-моралистической полемики 80 — 81; какъ орудіе монархической программы 81 — 84. — Активное проявленіе соціальнаго протеста въ смутное время. 84 — 85.

III. Торжество націоналистической программы и политическій смыслъ смуты. 87 — 110. — Побѣда религіозно-политической теоріи 87 — 89. — Ея популярность въ массѣ 89 — 91. — Побѣда соціальной программы Пересвѣтова: поддержка «воинства» въ ущербъ боярству и крестьянству 91 — 92. — Роль всѣхъ трехъ соціальныхъ элементовъ въ событіяхъ Смутнаго времени 92 — 95. — Преобладаніе «ратныхъ людей» 95 — 96. — Развигіз ихъ программы въ договорахъ съ временнымъ правительствомъ и кандидатами на престолъ 96 — 100. — Ихъ активное участіе въ правительствахъ Трубецкого и Пожарскаго 100 — 103. — Пріимъненіе предыдущихъ соглашеній къ новому кандидату (Михаилу) 103 — 106. — Исключительная роль земскаго собора и ея непродолжительность 106 — 108 — Бюрократія и дворянство 108 — 109.

IV. Націоналістическая традиція въ конфликтѣ съ иноземнымъ вліяніемъ 111 — 156. — Иноземное вліяніе, какъ факторъ національнаго самосознанія 111 — 113. — Формулировка націоналістической традиціи, какъ результатъ 113 — 116. — Вліяніе иноземнаго быта на обстановку жилища 116 — 117; на костюмы 117 — 118; на образъ жизни 118 — 119; удовольствія (театръ) 119 — 120. — Вліяніе идей въ области религій и науки 120 — 121. Поѣздки за границу 121 — 122. — Иностранная колонія въ Москвѣ 123 — 124. — Составъ населенія Нѣмецкой Слободы 124 — 126. — Бѣроисповѣданія 126 — 127. — Обрусѣніе 127 — 128. — Знакомство русскихъ съ иностранными языками 128 — 129. — Книжная торговля въ Москвѣ 129 — 130. — Переводы съ иностранныхъ языковъ 130 — 131. — Реакція націонализма противъ иностранцевъ 131 — 134. — Выселеніе въ Слободу 135. — Сознательное обсужденіе національнаго вопроса въ соч. Крижанича 136 — 153. — Біографія Крижанича 136 — 137. — Дилемма, предстоящая Россіи въ виду противоположности культурныхъ вліяній нѣмцевъ и грековъ 137 — 141. — Причина преимущества иностранцевъ передъ русскими 141 — 142. — Время — лучший учитель 142 — 143. — Для славянства время учиться наступило 143 — 144. — Опасность иноземнаго вліянія и средства борьбы 144 — 145, предпочтительность русскаго быта и необходимыя въ немъ реформы 145 — 147. — Преимущества русскаго общественнаго строя 147. — Преимущество самодержавія 147 — 148, вредъ крайностей въ политическомъ строѣ 148 — 149. — Обязанности короля 149 — 150. — Необходимость развитія производительныхъ силъ Россіи 151. — Средства къ этому 151 — 152. Необходимость сословныхъ вольностей 152 — 153. — Идея Крижанича и русская дѣйствительность 153 — 154.

II. Оффиціальная побѣда критическихъ элементовъ надъ націоналістическими . . . . . 57 — 4

I. Стихійная реформа Петра и стихійная оппозиція ей. 157 — 217. — Невозможность «средняго» пути Крижанича 159. — Первоначальная близость элементовъ націонализма и критики и нейтральная позиція царя Алексѣя 159 — 160. — Обостреніе противорѣчій. — 161. — Умѣренно-національная реформа Голицына 162 — 163. — Ея показной характеръ 163 — 164. — Контрастъ

съ Петромъ 165 — 166. — Короткое торжество націоналистической реакціи 167 — 168. — Необходимость и возможность насильственного и личного характера реформы 168 — 169. — Отсутствие препятствій со стороны духовенства и бюрократіи 169 — 170. — Безсиліе другихъ общественныхъ элементовъ 171 — 174. — Отношеніе Петра къ бюрократіи и боярству 174 — 175. — Изолированность Петра и выборъ сотрудниковъ 175 — 177. — Петръ опирается на гвардейское дворянство 177 — 179. — Разница взглядовъ на личную роль Петра въ его реформѣ 180 — 181. — Его пониманіе задачъ и приемовъ реформы 182 — 183. — Внѣшнее пониманіе европейской культуры 183 — 186. — Импульсивность воли и недисциплинированность мысли, какъ препятствія для обдуманнаго и сознательнаго отношенія къ собственной реформѣ 187 — 188. — Отсутствие плана не замѣняется общей схемой (безопасность — правосудіе) 188 — 189. — Не замѣняется и чувствомъ служебной дисциплины 189 — 190. — Результатъ: экспериментированіе на удачу и отрывочность отдѣльныхъ усилій 190 — 191. — Отраженіе этихъ чертъ на созданіи арміи, флота, Петербурга 191 — 195. — Выводъ 195. — Расколъ, какъ готовое орудіе націоналистической реакціи 195 — 196. — Отсутствие принципиальной основы для разногласія съ никоніанствомъ 196 — 198. — Колебанія массы 198 — 199. — Реформа Петра даетъ принципиальную основу націоналистическому протесту и отталкиваетъ массу въ лагерь старовѣровъ 199 — 200. — Недовольство распространяется повсемѣстно 200 — 203. — Отсутствие въ расколѣ соціальнаго элемента 203. — Попытка союза соціальной оппозиціи съ религіозною на Дону въ 1688 г. и ея неудача вслѣдствіе разнородности взглядовъ и цѣлей. — 204 — 207. — Стрѣльцы возобновляютъ попытку 207 — 208. — Новая формула націонализма 208 — 209. — Послѣдняя неудачная попытка соглашенія религіозной оппозиціи съ казачествомъ въ Астрахани 1705 г. 209 — 210. — Молчаливая оппозиція «родословныхъ людей» 210 — 211. — Связи съ царевичемъ Алексѣемъ 211 — 212. — Критика внѣшней и внутренней политики Петра съ точки зрѣнія интересовъ дворянства и знати 212 — 216.

II. Дворянскій характеръ новой культуры и теоретическая защита «свѣтскаго житія». 218 — 264. — Наслѣдство Петра Великаго въ рукахъ его фаворитовъ,

аристократической оппозиціи и дѣльцовъ-иностранцевъ 219 — 222. — Новая культура укрѣпляется при дворѣ 223 — 224. Она становится социальнымъ признакомъ высшаго общественнаго слоя 224 — 226. — Значеніе «чина» 227 — 228. — Соціальная роль «Табели о рангахъ» 228 — 232. Распространеніе культуры въ провинціи — среди помѣстнаго дворянства 233 — 234. — Защита основъ стариннаго «духовнаго житія» въ «Завѣщаніи» Посошкова; ея безнадежность и противорѣчія съ требованіями жизни 234 — 242. — Руководства къ «свѣтскому житію» — для дворянства. — 243 — 247. — Общія условія дальнѣйшаго развитія интеллигенціи 247 — 249. — Первая теоретическая защита «свѣтскаго житія», выставленная представителемъ интеллигенціи — Татищевымъ 249 — 258. — Отсутствіе сознательнаго отношенія къ новому «свѣтскому житію» среди шляхетства 258. — Первый опытъ примѣненія политической теоріи къ русской дѣйствительности при воцареніи Анны 258 — 264.

III. Культурная роль перваго поколѣнія интеллигенціи, прошедшаго правильную школу 265 — 292. — Общее настроеніе культурныхъ круговъ при Елизаветѣ 265 — 267. — Среда и формы, въ которыхъ развивалось просвѣтительное движеніе 267 — 268. — Неудача петровскаго книгоиздательства 268 — 270. — Новое вѣяніе 270 — 271. — Роль переводнаго романа 271 — 272. — Положеніе русскаго читателя 272 — 273. — Неудача петровскаго театра 274 — 275. — Кадеты Елизаветы и начало театра 276 — 277. — Борьба стараго и новаго въ театрѣ 277 — 280. — Учащаяся молодежь и первые журналы 280 — 283. — Переходъ отъ отвлеченной морали къ жизненнымъ темамъ 283 — 285. — Типы елизаветинской сатиры 285 — 287. — Любовная лирика 287. — Переходъ къ философскимъ темамъ 288 — 290. — Слабое распространеніе журналовъ 290 — 291.

IV. Первые попытки примѣнить критическія идеи къ жизни 293 — 330. — Общее значеніе екатерининской эпохи, какъ начала общественнаго самосознанія 293 — 296. — Общій ходъ движенія 296 — 297. — Промежуточное настроеніе поколѣнія, выросшаго съ Екатериной 297 — 298. — Характеръ ея отношеній къ Вольтеру 298 — 301. — Ея взглядъ на отношеніе «принциповъ» къ «интересамъ» 301 — 303. — Увѣренность въ личномъ характерѣ просвѣтительной миссіи 303. —

Темпераментъ Екатерины 304 — 305. — Отрицаніе системъ 306 — 307. — Отношеніе къ соціальнымъ выводамъ изъ теоріи естественнаго права (Беккаріа) 307 — 310. — Екатерининская комиссія и ея прецеденты 310 — 312. — Нужды русской провинціи по наказамъ 312 — 314. — Дворянскія требованія 314 — 317. — Противорѣчіе ихъ съ освободительными стремленіями въ крестьянскомъ вопросѣ и въ уголовномъ судопроизводствѣ 317 — 318. — Вліяніе внѣшней политики на судьбу комиссіи 319 — 321. — Поведеніе дворянскихъ депутатовъ и антидворянской оппозиціи въ комиссіи 322 — 326. — Отношеніе русскихъ сословій къ требованіямъ окраннымъ 326 — 327. — Классовый характеръ преній; сплоченіе партій, солидарность антидворянскаго большинства; неудачи Екатерины въ комиссіи и отсрочка ея засѣданій 327 — 329.

V. Первые расхожденія общественнаго мнѣнія съ властью 331 — 368. — Общій характеръ періода 331 — 332. — Дидро — представитель общественнаго мнѣнія Европы — въ Петербургѣ 332 — 333. — Философъ и императрица 333 — 335. — Предметы ихъ разговоровъ; наблюденія, вопросы и предложенія Дидро 335 — 336. — Реплики Екатерины 336 — 337. Дидро требуетъ представительнаго органа 337 — 340. — Вопросъ религіи 341. — Ультиматумъ Дидро 342 — 343. — Его неудача 343 — 344. — Попытка Екатерины — руководить общественнымъ мнѣніемъ Россіи посредствомъ журнала 344 — 346. — Отношеніе къ ея журналу остальной прессы 346 — 349. — Журнальные приемы Екатерины 349 — 350. — Новый тонъ, приемы и содержаніе новиковскаго «Трутня» 350 — 352. — Раздраженіе Екатерины 352 — 354. — Polemica и прекращеніе журналовъ 354 — 358 — Попытка Новикова — соединить критическія идеи съ націоналистическими въ «Живописцѣ» 358 — 360. — Націоналистическія настроенія и типы русской дѣйствительности 360 — 362. — Особый характеръ націоналистической критики Новикова 362 — 363. — Преобладаніе критическихъ идей и прекращеніе второго журнала Новикова 363 — 364. — Неудачный опытъ — защищать древнія русскія добродѣтели въ третьемъ журналѣ «Кошелекѣ» 364 — 366. — Шагъ впередъ екатерининской журналистики сравнительно съ елизаветинской 366 — 367. — Причина ея пріостановки въ 1774 г. 367 — 368.

VI. Екатерина II поддерживает правящее сословіе 369 — 394. — Трудное положеніе Екатерины въ 1774 г. 369 — 371. — Пугачевщина, какъ психологическій толчокъ для новаго періода ея «легисломаніи» 371. — Соціально-политическая программа пугачевщины 371 — 373. — Отношеніе къ ней крѣпостного крестьянства и дворянъ 373 — 374. — Екатерина принимаетъ сторону дворянства 374 — 375. — Новые авторитеты Екатерины (Блэкстонъ) въ области юриспруденціи 375 — 377. — Вліяніе остзейскихъ учреждений 377 — 378. — Идеологическіе элементы «учрежденія о губерніяхъ» 379 — 381. — Дворянское самоуправленіе 381 — 382. — Причины его слабости 382 — 383. — Бюрократизація выборной службы 383 — 386. — Роль «учрежденія о губерніяхъ» въ распространеніи дворянской культуры 386 — 388. — Дальнѣйшіе законодательные планы Екатерины и ихъ неудача 388 — 391. — Причина отказа отъ реформы центральныхъ учреждений 391 — 393.

VII. Общественное мнѣніе становится независимымъ 395 — 439. — Статистика книгоиздательства въ XVIII вѣкѣ 395 — 397. — Характеръ изданій 397 — 398. — Передовыя теченія: вольтеріанство; его характеръ у Екатерины 400 — и въ высшемъ обществѣ 400 — 401. — Отрицательное отношеніе интеллигенціи 401 — 402. Промежуточная роль вольтеріанства въ развитіи мысли интеллигентной молодежи 403 — 405. — Значеніе масонства 405 — 408. Разныя теченія масонства 408. — Первоначальный характеръ масонства въ Россіи 408 — 410. — Оживленіе масонства въ рукахъ учащейся молодежи 410 — 412. — Отношеніе къ масонству Новикова 412. — Его практическая цѣль 412 — 413. — Первый журналъ (Утренній Свѣтъ) 414. — Отрицательное отношеніе Екатерины 415. — Москва и Петербургъ 415 — 416. — Переселеніе въ Москву и усиленіе оппозиціоннаго настроенія въ «Московскомъ Изданіи» 416 — 418. — Роль Шварца въ масонствѣ и его просвѣтительная дѣятельность 418 — 419. — Мѣропріятія Шварца 419 — 420. — Дѣятельность кружка 420 — 421. — Мистицизмъ Шварца 421 — 422. — Развитіе воззрѣній кружка въ его журналахъ 422 — 423. — Философскій трактатъ Шварца и его отношеніе къ нѣмецкой популярной философіи 424 — 429. — Шварцъ и Новиковъ 430. — Отходъ отъ мистическаго масонства 430 — 431. — Издательская дѣятельность кружка

по смерти Шварца 431 — 433. — Помощь голодающимъ 1787 г. 433. Отношеніе Екатерины къ масонству въ его трехъ фазисахъ 433 — 434. — Ея литературная полемика съ масонствомъ 435 — 436. — Кружокъ стушевывается 436. — Ревизія школъ и книгъ Новикова 436 — 437. — Масоны — виѣшній и внутренній врагъ 437. — Административныя мѣры 437 — 438

VIII. Открытый конфликтъ и первая кары 440 — 507.
 — Ростъ предреволюціоннаго настроенія во Франціи и отраженіе его въ Россіи 441 — 446. — Философскія и политическія идеи лейпцигскаго кружка 447 — 448. — Вліяніе нѣмецкой университетской философіи и французскаго матеріализма 448 — 449. — Отраженіе этихъ вліяній въ трактатѣ Радищева о смертности и безсмертіи 450 — 454. — Впечатлѣнія политической жизни Запада и вліяніе Мабли 455 — 458. — Возвращеніе на родину 458 — 459. — Исторія составленія «Путешествія» 459 — 460. — Ода «Вольность» 461 — 464. — Печатаеніе 464 — 465. — Современная дѣйствительность и публицистическая цѣль «Путешествія» Радищева 465 — 468. — Основная идея — борьба съ безправіемъ 468 — 470. — Обращеніе къ престолу 470 — 471. — Проектъ социальныхъ реформъ 472. — Политическій идеалъ будущаго 472 — 473. — Крестьянскій бунтъ — послѣдняя санкція 473 — 474. — Отношеніе къ книгѣ читателей и Екатерины 474 — 477. — Отношеніе Екатерины къ французской революціи 477 — 479. — Впечатлѣніе, произведенное радищевской книгой, и мѣры относительно автора 479 — 481. — Ростъ раздраженія противъ революціонныхъ событій 481 — 484. — Слухи о покушеніяхъ 484 — 485. — Мѣры противъ мартинистовъ и «французской заразы» въ Россіи 485 — 486. — Карамзинъ и настроеніе новаго поколѣнія 486 — 487. — Русская сцена, какъ выраженіе настроенія средней публики 488. — Народный и націоналистическій элементъ театральныхъ пьесъ 488 — 490. — Отношеніе резонерской морали къ взглядамъ передовой интеллигенціи 490 — 498. — Попытки построения націоналистической теоріи 498 — 499. — «Антидотъ» Екатерины 499. — Колебанія Щербатова 501 — 502. — Теорія Болтина: ея научные и націоналистическіе элементы 503 — 505.

Обм. 1938 г.
 Акт РК-4383

Издательство „Современныя Записки”

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

- И. А. Бунинъ. Жизнь Арсеньева (романъ).
И. А. Бунинъ. Избранные стихи.
Б. К. Зайцевъ. Анна (романъ).
М. А. Алдановъ. Ключъ (романъ).
Ф. А. Степунъ. Николай Переслѣгинъ (романъ).
Георгій Песковъ. Разказы.
Гал. Кузнецова. Утро (разказы).
Т. И. Полнеръ. Л. Толстой и его жена (худож. біографія).
Левъ Шестовъ. На вѣсахъ Іова.
В. А. Маклаковъ. Левъ Толстой.
В. М. Зензиновъ. Безпризорныя дѣти.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

- И. С. Шмелевъ. Солдаты (романъ).
О. О. Грузенбергъ. Мои воспоминанія.
О. О. Грузенбергъ. Мои рѣчи.
В. А. Маклаковъ. Изъ прошлаго.
В. Ф. Ходасевичъ. Люди символизма.
П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I, II и IV.
М. И. Ростовцевъ. Письма съ ближняго Востока.
Сборникъ посвященный 175-лѣтію Московскаго Университета.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ БІОГРАФІИ

- И. А. Бунинъ. М. Ю. Лермонтовъ.
Б. К. Зайцевъ. И. С. Тургеневъ.
М. А. Алдановъ. Александръ III.
В. Ф. Ходасевичъ. А. С. Пушкинъ.
В. Ф. Ходасевичъ. Г. Р. Державинъ.
М. О. Цетлинъ. Декабристы.

РНБ Русский фонд

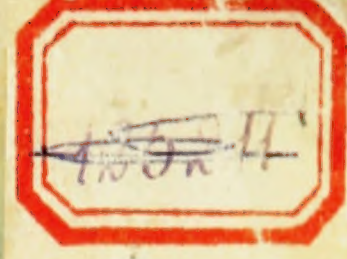
92-7

867-3₂

15,0

52-5368/7

92-7

867-3

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Fremdsprachen - Buchhandlung H. SACHS A. G.
Berlin S. W. 48 Verl. Hedemannstr. 6.

для Франціи:

Книжный магазинъ «МОСКВА»
9, rue Dupuytren, Paris (6°)